

.....

«СВОЙ»/«ЧУЖОЙ»

В КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ ЗАПАДА И РОССИИ

.....

SAILORS on SHORE of NAVARINO

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой читателю коллективной монографии представлены концепции современных историков, исследующих кросс-культурные коммуникации стран Запада и России. В книге обращается внимание на сложный и противоречивый процесс межкультурного взаимодействия. Подчеркивается, что теоретические основы изучения проблем межкультурных коммуникаций еще находятся в стадии формирования и потому штудии данного научного направления отличаются прикладным характером. Авторы приходят к выводу о том, что изучение кросс-культурных коммуникаций требует особых, специфических методик, подчеркивая, что в исторической науке существующую лагуну отчасти восполняет инновационное научное направление — имаджинология, или имагология. Основное внимание уделяется проблеме компаративного анализа феноменов культуры в странах Запада и России как неотъемлемой части исследований в области имагологии, а также вопросам восприятия «Своего»/«Другого»/«Чужого» в кросс-культурных коммуникациях.

Структурно монография делится на два раздела. Первый посвящен изучению теоретических проблем компаративистики и имагологии. Второй раздел объединяет кросс-культурные исследования современных ученых на материале истории стран Запада (Греция, Англия, Франция, Германия, США) и России в хронологическом порядке.

В современной отечественной науке подобное исследование (сочетание теоретических проблем и иллюстрировавших их концепций на историческом материале ряда стран Запада и России) предпринимается впервые. В работе над монографией принимали участие сотрудники Института всеобщей истории и Института российской истории РАН, а также преподаватели вузов Москвы,

Санкт-Петербурга, Рязани, Череповца, Пензы, Орла, Владимира, Саратова, Минска.

Первый раздел открывает глава члена-корреспондента РАН д.и.н. А.П. Репиной. Автор рассматривает концептуальные проблемы исследований, изучающих взаимоотражения разных культур, а также практику межкультурных коммуникаций в их историческом измерении. В российской историографии, подчеркивает А.П. Репина, импульс такого рода исследованиям был задан в 1990-е годы развитием исторической антропологии и истории ментальности с ее обобщенным коллективным образом «культурно иного». В результате появился значительный комплекс работ, посвященных разным аспектам межкультурного диалога, прежде всего изучению роли этнических и национальных стереотипов, с преобладанием российской проблематики — как в образе «Своего», так и в образе «Чужого». Автор подчеркивает, что речь идет именно об *историческом* изучении образов «Другого» как части культурного наследия, включая набор латентных базовых этнических стереотипов.

В главе д.и.н. Т.Л. Лабутиной анализируется современная отечественная литература, посвященная изучению проблемы этнических стереотипов в исторической имагологии. Особое внимание автор обращает на концепции исследователей, изучающих образы «Другого», «Иного», «Чужого». Т.Л. Лабутина приходит к заключению, что в большинстве своем ученые сумели вскрыть основные механизмы возникновения и формирования этнических стереотипов, национального характера, а также деления образов на «Своих»/«Иных»/«Чужих». Наименее разработанной в методологическом плане продолжают оставаться проблемы трансформации образа «Чужого» в образ «Врага», а также ксенофобии в межкультурных отношениях. Автор отмечает, что на сегодняшний день недостаточно работ, иллюстрирующих на конкретных исторических примерах концептуальные положения теоретических разработок. Перед исследователями кросс-культурных коммуникаций еще стоит немало проблем, а сама наука имагология продолжает оставаться в поиске, в первую очередь, соответствующих методических разработок.

Проблема поиска аналогии и гомологии при использовании сравнительного метода в изучении однотипных исторических источников поднимается в главе к.и.н М.В. Кузьминой. Гомология

рассматривается, прежде всего, как показатель генетической близости анализируемых объектов, что в случае сравнения однотипных источников даёт возможность говорить о генетической близости культур и цивилизаций. В качестве объектов для анализа автором выбраны два исторических источника: русский «Домострой» (XVI в.) и французский «Le Ménagier de Paris» (конец XIV в.). Одним из основных критериев для сравнительного анализа памятников послужила их принадлежность к христианской дидактической литературе.

Глава к.и.н. Г.С. Климовой посвящена влиянию понятия «европейская идентичность» на воображаемую географию Европы. Автор стремится определить аналитические, географические и содержательные границы «европейской идентичности», принимая во внимание традиционный для этой проблемы метод деконструкции дискурсов, но в основном опираясь на анализ данных Европейского исследования ценностей и опросы Евробарометра. Такой подход, на взгляд Г.С. Климовой, позволяет проследить, как использование исследуемого понятия переводит диспут о Европе на уровень личного восприятия и подтверждает подвижность европейских границ.

Завершает раздел глава к.и.н. А.В. Голубева, посвященная инокультурным представлениям в российской истории. Автор представил исторический обзор работ по проблеме формирования инокультурных представлений в российской истории, начиная с XII по XXI вв. Представления об иных этносах, странах, культурах — неотъемлемая и принципиально важная составляющая национального самосознания, ибо именно эти представления позволяют судить о том, как данная нация видит свое место в мире, как она определяет отношение своей культуры к другим культурам, своей системы ценностей к системам ценностей иных народов. Эти представления, как правило, не только включают в себя те или иные мнения, но и выражают эмоциональное отношение к объекту. Они различаются по степени их достоверности и детализации, а также, иногда существенно, по эмоциональной окраске.

Второй раздел монографии открывает глава к.и.н. А.С. Ленской. Автор задается вопросом, какие сведения о древней Греции древнерусский книжник Киевской Руси мог почерпнуть из переводных источников? А.С. Ленская выделяет несколько направлений, затрагивавших греческую историю, которые были представлены в

древнерусской литературе домонгольского периода и приходит к выводу: никаких представлений о реальном ходе греческой истории у древнерусского читателя не существовало, древняя греческая страна не имела самостоятельной политической истории, но являлась землей чудесных сказаний и родиной мудрецов, изречения которых имели неоспоримый авторитет.

Глава к.и.н. А.А. Лушникова посвящена особенностям восприятия древнерусскими книжниками — авторами антиязыческой дидактической литературы — фундаментальной оппозиции «Свой»/«Чужой» в разрезе понятия «чужая вера» и ее представителей — «поганых» и «латинян». Автор анализирует книжные истоки данных образов, распространение и осмысление их в оригинальных произведениях, созданных как в период существования домонгольской Руси, так и в более позднее время. Подчеркивается широкий смысл понятий «язычники» и «поганые», в связи с чем «антиязыческие» сюжеты о «скверных» народах могли быть распространены как на язычников, так и на «латинян».

В главе к.и.н. М.В. Кузьминой рассматривается влияние авторитета государственной (королевской) власти во Франции XIV–XV вв. на политическую позицию подданных короля в условиях Столетней войны, а именно: на отношение к англичанам — врагам королевства. Рассмотрены источники, авторы которых жили в Париже, что формировало их специфическую позицию как в отношении властей, так и в определении «Своих» и «Чужих». Автор приходит к выводу о том, что определение «Своих» и «Чужих» могло изменяться в зависимости от политической, военной обстановки, сиюминутных интересов.

Ряд глав монографии посвящены истории кросс-культурных коммуникаций стран Запада и России в XVIII веке. В главе д.и.н. Т.А. Лабутиной на примере истории российско-британских отношений первой трети XVIII века выясняется, каким путем образ «Чужого» превращался в образ «Врага»; какие предпосылки способствовали данному процессу; как происходила подобная трансформация; насколько продолжителен или кратковременен был указанный процесс; по каким критериям можно составить представление об изменении образов; при каких условиях возникает такое явление, как ксенофобия.

В главе к.и.н. М.В. Ковалёва анализируются сочинения двух британцев, посетивших Россию в годы правления императрицы Анны

Иоанновны: «Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году» баронета Ф. Дэшвуда и «Путешествия и странствия по Российской империи, Татарии и части Персидского царства» медика на русской службе Дж. Кука. Автор выделяет общие и особенные черты в этнических образах России, сформированных этими иностранцами.

В главе д.и.н. А.А. Орлова анализируются путевые записки трёх русских путешественников, побывавших в Англии в конце XVIII в.: аристократа кн. А.Б. Куракина, дворянина В.Н. Зиновьева и разночинца (выходца из семьи священника) В.Ф. Малиновского. А.А. Орлов задается целью выявить, как авторы, представлявшие разные социальные группы России, определяли для себя суть «английскости», т.е. главные отличительные особенности поведения и менталитета англичан. Выясняется, что для Куракина, «английскость» заключалась в способности британской аристократии жить абсолютно свободно (как это виделось извне), устроив свой мирок по собственному разумению. Зиновьев считал, что англичане отличаются разумной способностью сохранять национальное лицо при всех обстоятельствах, невзирая на сильное влияние иностранной моды. Для Малиновского, Англия — это не только разумно организованное пространство, но и страна, ежедневно создающая в интересах людей любого класса массу возможностей для того, чтобы наполнить жизнь важным содержанием, т.е. стать счастливым. Автор главы заключает: путевые записки русских путешественников выполняли главную культурную задачу — будили желание лично посетить загадочную заморскую державу и найти подлинную «английскость».

Процессы взаимодействия регулярных масонских лож и властных структур на протяжении XVIII — начала XIX вв. рассматриваются в главе д.и.н. С.Е. Киясова. В центре внимания автора — наиболее значимые события истории «вольных каменщиков». Базовыми для исследования стали процессы, состоявшиеся в Англии, США, Франции и России. Автор приходит к выводам о консолидации усилий тайного Братства и властей в интересах осуществления контролируемой модернизации.

Проблема изучения рецепции политической философии Просвещения в США и России в конце XVIII — начале XIX вв. поднимается в главе д.и.н. М.А. Филимоновой. Автор приходит к выводу о том, что политическая мысль, как в США, так и в России развивалась под сильным влиянием европейского Просвещения.

В числе активно воспринимавшихся идей в обеих странах оказывались географический детерминизм, представления о гражданской добродетели, концепция этничности.

Д.и.н. О.Ю. Солодянкина обращается к проблеме «Своих» и «Чужих» в пространстве домашнего образования и воспитания дворянства в имперской России (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). Автор выясняет, что маркерами «Чужого» выступали подданство, язык, конфессиональная принадлежность, бытовое поведение, политические взгляды и т.п. О.Ю. Солодянкина отмечает амбивалентность положения домашних учителей — уроженцев Польши, Великого княжества Финляндского и Остзейских губерний.

Глава д.и.н. Т.В. Алентьевой посвящена рассмотрению важнейшей дихотомии «Свой»/«Чужой» в период Англо-американской войны 1812–1815 гг. Автор подчеркивает, что изучаемый военный конфликт между Великобританией и США важен и интересен тем, что отличается сложностью и противоречивостью в расстановке приоритетности позиций «Свой», «Другой», «Чужой», «Враг», которые меняются, трансформируются, эволюционируют в зависимости от разных факторов. И хотя в конечном итоге страна приходит к «эре доброго согласия», многие конструкты сохраняются на долгие годы.

В главе к.и.н. М.В. Жолудова анализируются причины возникновения и особенности развития русофобии и джингоизма в Великобритании в XIX в. Автор подчеркивает, что эти явления стали выражением традиционных антирусских настроений британских средних классов в период обострения отношений между Российской империей и Великобританией. По мнению М.В. Жолудова, джингоизм представлял собой разновидность крайне реакционной имперской идеологии, культивировавшей расистские и шовинистические идеи. Автор приходит к выводу: правящие круги страны активно использовали русофобию и джингоизм в качестве идеологического прикрытия для проведения своего внешнеполитического курса.

Глава к.и.н. А.Б. Ларина посвящена анализу повседневных взаимодействий российских дипломатов с их британскими коллегами в Иране во второй половине XIX — начале XX вв. Автор приходит к заключению о том, что британцы воспринимались в качестве «своих», т.е. представителей одной и той же европей-

ской культуры. Служба в чужой стране, среди чуждого окружения сближала русских и британцев в повседневной жизни, однако, это вовсе не отменяло соперничества в отношении успехов оппонентов на политическом поприще.

В главе к.и.н. О.И. Галкиной изучается британская пресса второй половины XIX — начала XX вв., создававшая этнические образы русской армии в годы Крымской, Русско-турецкой и Русско-японской войн. В то время, когда Великобритания боролась за расширение сфер влияния, негативный образ русской армии сделался одним из элементов русофобской пропаганды. В годы Первой мировой войны британской общественности необходимо было внушить уверенность в грядущей победе. Решение этой задачи, на взгляд автора, обеспечивалось отказом прессы от устойчивых стереотипов в отношении русской армии и созданием образа надёжного, благородного союзника, способного любой ценой вести войну до победного конца.

В главе д.и.н. Т.Н. Гелла анализируется социо-культурное восприятие Великобритании в конце XIX — начале XX вв. представителями российского общества. Автор изучает восприятие британского политического строя, партий и их лидеров, и в целом национального характера англичан, представителями различных социальных и профессиональных групп российского общества. Т.Н. Гелла приходит к выводу: образ Великобритании и англичан в восприятии русских современников являлся отражением уже сложивших во многом стереотипов островного государства и его жителей в русском обществе.

К.и.н. Е.О. Науменкова обращается к проблеме освещения российской прессой конца XIX — начала XX вв. женского движения в Великобритании. Автор обращает внимание на изменение положения англичанок и тот факт, что вопросы политического и социально-экономического равноправия полов стали все больше интересовать передовую общественность, что находило отражение на страницах российской прессы. Российские издания все чаще обращались к рассмотрению вопросов о зарождении женского движения, деятельности английских женских клубов и их роли в жизни общества. Особое внимание уделялось методам и тактике суфражисток, боровшихся за предоставление избирательных прав.

В центре внимания д.и.н. И.Р. Чикаловой — проблема всеобщего, прежде всего, начального образования, нерешенная на госу-

дарственным уровне в России к 1917 г. Опираясь на тексты специалиста в области образовательных систем П. Г. Мижужева, автор показывает, как с помощью отсылок, сравнений и аналогий с зарубежными странами, в частности, с США, Великобританией и ее доминионами, ученый старался привлечь внимание общественности и властей к проблемам российской школы начала XX в., остро нуждавшейся в реформах. Показывается вклад П.Г. Мижужева в пропаганду идеи бесплатного, всеобщего, светского образования на примере других стран. Работы Мижужева сочетали научность и популярность, их автор, постоянно адресуясь к российскому читателю, проводил сравнения с российской действительностью.

Глава к.и.н. А.В. Голубева, основанная преимущественно на информационных материалах ОГПУ-НКВД и источниках личного происхождения, посвящена образу Германии в советском обществе в межвоенный период. В это время образ Германии и немцев в советском массовом сознании являлся одним из наиболее динамичных и противоречивых. После Октябрьской революции и гражданской войны немцы, бывшие противниками в течение целого ряда лет, постепенно теряют этот статус. В сознании советских граждан возрождается традиционный, сформировавшийся еще в XVIII–XIX веках, образ Германии как европейской страны с высокой технологией и культурой. Этот образ подтверждался рассказами солдат, вернувшихся из германского плена, и материалами советской прессы 1920-х годов. В то же время часть общества усматривала в германском пролетариате авангард революционного движения, а в Германии — страну, где в ближайшее время может победить революция. Однако для большинства населения победа германской революции представлялась весьма маловероятной; напротив, поражение революции, по мнению многих, открывало путь для восстановления монархии в Германии, а затем, возможно, и в России. После прихода к власти в Германии национал-социалистов в СССР начинает формироваться образ страны с жестокой диктатурой, а образ фашиста как крайнего представителя всех негативных черт, свойственных «империалистам» в целом. Этот образ наслаивался на пропаганду и личные впечатления времен Первой мировой войны и немецкой оккупации.

Завершает второй раздел монографии глава к.и.н. Е.А. Терентьевой, посвященная оценкам французскими журналистами операций советских войск в ходе Великой Отечественной войны.

Автор анализирует образы советских войск, сформировавшихся усилиями официальной и подпольной пропаганды во французском обществе. Е.А. Терентьева подчеркивает, что предсказуемые результаты подобного анализа, связанные с различиями этих образов в про- и антигерманской прессе, дополняются выводами о существовавшей их вариативности в рамках каждой из групп французских СМИ.

Заключая, коллектив авторов выражает надежду, что их труд будет востребован как специалистами, так и теми читателями, которые проявляют интерес к инновационному направлению — исторической имагологии.

От Редколлегии

РАЗДЕЛ I

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
КОМПАРАТИВИСТИКИ И
ИМАГОЛОГИИ**

ГЛАВА I

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИМАГОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Ретина А.П.

Проблема взаимодействия культур при одновременном сохранении их идентичности приобретает все большую актуальность в свете процесса глобализации и новых социально-политических вызовов.

Уже в конце 1960-х — 1970-е гг. в мировой историографии сложилось новое направление исследования, изучающее социальную функцию представлений, их природу, происхождение и т.д., которое впоследствии стало научной дисциплиной — имагологическими исследованиями и — в их рамках — исторической имагологией (имаджинологией), опирающейся на конкретно-исторический анализ культурных стереотипов, коллективных представлений народов друг о друге, этнических и национальных стереотипов, путей их формирования, способов функционирования и процессов трансформации в контексте отношений «мы — они», «свой — чужой»¹.

За прошедшие десятилетия возникшая в социально-гуманитарном когнитивном пространстве междисциплинарная область — историческая имагология, освоив историко-антропологический, социально-психологический и культурологический подходы, накопила значительный объем эмпирических исследований и существенно расширила свое исследовательское пространство, хотя, к

¹ Формирование национальной идентичности того или иного народа, включая создание устойчивого образа «своего», неизбежно предполагает наличие противоположного образа «чужого», от которого и происходит своего рода «отталкивание».

сожалению, и сейчас проблематика «Своего» и «Чужого», неразрывно связанная с проблемой идентичности, ограничивается, как правило, межнациональными отношениями, в то время как более широкий пласт взаимоотражений на уровне социальных групп и субкультур остается пока малоизученным.

Первым имагологическим исследованием в отечественной историографии была вышедшая в свет в 1982 г. книга Н. А. Ерофеева «Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг.», должным образом оцененная лишь спустя десятилетие¹. Поставив перед собой задачу проследить на конкретном историческом материале сложный процесс складывания этнических представлений, автор избрал объектом изучения «русский образ англичанина», представления русских об Англии и англичанах, сложившиеся во второй четверти XIX в. у привилегированных слоев российского общества: аристократии, дворянства, буржуазии, высшего чиновничества и разночинной интеллигенции, т.е. тех, кто имел возможность письменно выразить свои мысли и представления об Англии, ее экономике, политической и общественной жизни, культуре, об облике, поведении, психологии англичан. В центре исследования были поставлены вопросы: как формируется образ «чужого», от чего зависят его изменения во времени, какую роль играет этот образ в реальной жизни? В книге — хотя и в разной степени реализации и отрефлексированности — нашли отражение несколько чрезвычайно важных для имагологической исследовательской программы методологических принципов.

Во-первых, *необходимость учета психологической составляющей процесса формирования этнических представлений как смеси правды и фантазии, трезвого наблюдения и грубых заблуждений* — предубеждений в отношении «Других» и завышенных самооценок — в контексте различных процессов, происходящих в различных сферах деятельности и внешних взаимосвязях социума в конкретные моменты его истории.

Во-вторых, *принцип отражения в образе другого народа существенных черт собственной коллективной психологии*, проецирование базовых идей, ценностей и представлений о самих себе, объективизация собственных пороков и формирование идентичности через отрицание негативных черт, приписываемых «Другим» (иногда,

¹ Ерофеев Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982.

напротив, через «наделение» последних утраченными «Своими» добродетелями). Именно поэтому изучение индивидуальных и коллективных представлений о других народах (оставляя в стороне вопрос об их соответствии реальности или ее искажении) открывает путь к проникновению в духовную жизнь того общества, в котором эти представления складываются и функционируют.

В-третьих, *принцип сочетания синхронического и диахронического подходов в историческом анализе коллективных представлений с императивом выявления происходящих в них изменений*. Вторая четверть XIX в. (период от восстания декабристов до Крымской войны) была выбрана Н. А. Ерофеевым именно потому, что за это время отношения между Россией и Англией из довольно дружественных превратились во враждебные (формирование образа «коварного Альбиона»). И автору удалось проследить, как это сказалось на представлении об Англии и англичанах, и поставить вопрос о том, как вообще отражаются в таких представлениях отношения между государствами.

В-четвертых, *понимание необходимости дифференцированного подхода к взаимоотражениям народов в разных социальных группах* и соответствующего (по возможности) расширения источниковой базы.

На пороге третьего тысячелетия глобальный характер современной цивилизации чрезвычайно актуализировал тему межкультурного диалога. Конкретные формы различия «своих» и «чужих», особенности взаимовосприятия культур все более активно изучаются на стыке истории, культурологии, социальной психологии, лингвистики.

И.С. Кон, рассматривая эту сложную проблему в социально-психологическом ракурсе, подчеркивал, что национальное самосознание «всегда предполагает — осознанное или неосознанное — соотнесение собственных качеств с качествами кого-то другого», «что “мы” имеет смысл только в сопоставлении с какими-то “они” и обратно»¹. Оригинальность его подхода состояла в понимании *историчности* национальной психологии, в том, что те черты, которые воспринимаются как специфические особенности национального характера, определяются не природными способностями, а различием ценностных ориентаций, сформировавшихся вследствие

¹ Кон И. С. Социологическая психология. Воронеж, 1999. С. 304–324. (С. 312).

определенных исторических условий и культурных влияний, как производные от истории и изменяющиеся вместе с нею; «затем, с известным отставанием, меняются и соответствующие стереотипы. <...> Но история каждого народа, в особенности история больших современных наций, сложна и противоречива <...> и в истории народа каждый этап исторического развития оставляет свои неизгладимые следы. Чем длиннее и сложнее путь, пройденный народом, чем больше качественно различных фаз он содержит, тем сложнее и противоречивее будет его национальный характер»¹.

В отечественной историографии новый импульс имагологическим историческим исследованиям был задан в 1990-е годы развитием исторической антропологии и истории ментальностей с ее обобщенным коллективным образом «культурно иного». Важную роль в активизации работы в этом направлении сыграли публикации и дискуссии в альманахе «Одиссей», один из выпусков которого был специально посвящен проблеме «Образ «Другого» в культуре»², а также работы А.З. Копелева³, и особенно его статья «Чужие», опубликованная в упомянутом выпуске «Одиссея»⁴.

Важнейшие соображения по поводу изучения коллективных представлений, высказанные автором в этом очерке и неоднократно им акцентированные, касались именно *историчности* и *изменчивости* последних: «Мы знаем, что люди как духовные и социальные существа во многих отношениях изменяются от эпохи к эпохе и даже от поколения к поколению. Меняются их представления о большом мире и их ближайшем окружении, меняются их отношения друг с другом и общества, к которым они принадлежат (народы, классы, конфессии и т.п.); меняются их обычаи, потребности и поведение, существенные и несущественные особенности их жизни и их сознания; приходят и уходят идеи и идеалы <...> Для

¹ Там же. С. 318.

² Одиссей. Человек в истории. 1993. Образ «Другого» в культуре. М.: «Наука», 1994; Одиссей: Человек в истории. 1997. М., 1998.

³ В их числе вышедшая в Мюнхене под редакцией А. З. Копелева многотомная серия «Западно-восточные отражения. Россия и русские глазами немцев и Германия и немцы глазами русских».

⁴ Копелев А.З. Чужие // Одиссей. Человек в истории. 1993: Образ «Другого» в культуре. М., 1994. Статья представляет собой авторизованный и дополненный перевод его предисловия ко всему изданию «Западно-восточные отражения», опубликованного в т. I серии А.

оценки событий и проблем каждой эпохи и каждого общества необходимы особые критерии, особые мерилы. Но <...> это не должно мешать исследованию общих коллективных представлений людей различных поколений и различных наций, представлений *либо унаследованных, либо вновь воскресших, устойчивых или изменчивых* (курсив мой — А.Р.). Духовные, социальные и культурные особенности минувших эпох неповторимы, но они влияют на последующие эпохи»¹. Аналогичная идея изменчивости границ между «своим» и «чужим» в процессе межкультурного общения нашла отражение в редакционной статье: «Мир “своего”, “своя” культура обретают специфику, своеобразие только в процессе осознания чужой культуры и в общении с ней. *Границы между “своим” и “чужим” текучи, они изменяются как в пределах каждой эпохи, так и — тем более — в историческом процессе* (курсив мой. — А.Р.)»².

На рубеже XX–XXI вв. в России появился значительный корпус работ, посвященных различным аспектам межкультурного диалога, главным образом в рамках исследования роли этнических и национальных стереотипов во взаимовосприятии отдельных народов, с естественным преобладанием российской проблематики, как в образе «Своего», так и в образе «Чужого» (и, за редким исключением, на российско-европейском материале)³, хотя в них не-

¹ Там же. С. 10–11.

² От редколлегии // Там же. С. 5.

³ Артемова Е.Ю. Культура и быт России последней трети XVIII века в записках французских путешественников. М., 1990; Она же. Культура России глазами посетивших ее французов. Последняя четверть XVIII века. М., 2000; Оболенская С. В. Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991; Она же. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). М., 2000; Чугров С.В. Россия и Запад: метаморфозы взаимовосприятия. М., 1993; Шенетов К.П. Немцы глазами русских. М., 1995; Россия и Европа в XIX–XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов и культур. М., 1996; Россия и внешний мир: Диалог культур. М., 1997; Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока. СПб., 1998; Шукуров Р. М. Введение, или предварительные замечания о чуждости в истории // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 9–30; Чернышева О.В. Шведский характер в русском восприятии. М., 2000; Поляки и русские глазами друг друга / Отв. ред. В. А. Хорев. М., 2000; Восток — Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур. Саратов, 2001; «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. Материалы научной конференции. СПб., 2001; Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре / Отв. ред. В.А. Хорев. М., 2002; Копелевские чтения

редко не хватает глубины темпоральной перспективы, отсутствует социально-групповая дифференциация тех или иных образов, не подвергается рефлексии противоречивость отдельных элементов этих образов и роль коллективных стереотипов (выступающих как своеобразные фильтры)¹ даже в ситуациях личного наблюдения и общения, недооценивается возможность любой тенденциозной интерпретации в зависимости от позиции автора изучаемого текста и ожиданий аудитории и т.д.

В этих работах речь идет не только о сложившихся в общественном сознании традиционных представлениях, усваиваемых индивидами, принадлежащими к данной культурной среде, но и о других источниках формирования представлений о другом народе: «Образ «чужого» складывается задолго до реальной встречи с этим «чужим» в процессе соединения архетипических представлений с впечатлениями повседневной жизни <...> Затем эти впечатления, чаще всего непреодолимые, дополняются и развиваются сведениями, полученными из книг и от других людей». «Встреча с другим» и собственный опыт наблюдения и общения считается проверкой этих представлений, но при этом «чаще всего человек считает действительным и верным именно то, что он предполагал заранее и что нашло подтверждение при встрече с реальностью»². Этнический стереотип (*предрассудок*) формирует психологическую установку на эмоционально-ценностное (чаще всего — не-

2002; Россия и Германия: диалог культур. Липецк, 2002; Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Новгород, 2004; Россия и Британия. Вып. 4. Связи и взаимные представления. XIX–XX вв. М., 2006; *Иванова Н.Н.* Представления российского столичного дворянства первой четверти XIX в. о Франции как поле историко-культурно-географических ассоциаций // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2003. М., 2003. С. 87–100; *Филюшкина С.* Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) // Логос. 2005. № 4 (49). С. 141–155; *Евдокимова М.И.* Образ немецкого народа как фактор формирования национального самосознания русских студентов в первой четверти XIX в. // Ежегодник историко-антропологических исследований — 2005. М., 2006. С. 86–104; и мн. др.

¹ Сомнения, в частности, вызывает тезис: «Источники личного происхождения фиксируют непосредственные впечатления от общения с иной культурой». См.: *Иванова Н.Н.* «Французский национальный характер» в представлениях русского столичного дворянства первой четверти XIX в. // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2005. М., 2006. С. 105–119.

² *Оболенская С.В.* Германия и немцы глазами русских... С. 9.

гативное) восприятие «Чужого» и задает соответствующий алгоритм отбора и интерпретации фактов взаимодействия.

Эта линейная модель оставляет нерешенным целый ряд вопросов. Например, каким образом, с учетом «непреодолимой» устойчивости архетипов сознания, с одной стороны, образ «чужого» «легко, иногда за одну только ночь, превращается в образ «врага»»¹, а с другой — как может происходить обратный процесс, и в целом — какова логика «общественных и личностных отношений, при которых система противостояния или сотрудничества приобретает подвижность». Ведь «сама эта система отношений и связанные с ней морально-этические нормы, правила поведения резко меняют свои знаки в ходе тяжелых, опасных политических игр, постоянной и ожесточенной борьбы за власть, территорию, выгоду»². Чтобы «установить, из каких реальных черт возник этот образ, насколько он соответствовал этим реальным чертам, до какой степени и как долго оставались релевантными возникшие представления и оценки, или же они остаются таковыми и поныне»³, необходимо реконструировать всесторонне и в мельчайших деталях историю этого образа, а точнее — историю коллективных представлений людей различных поколений, «представлений либо унаследованных, либо вновь воскресших, устойчивых или изменчивых», на протяжении столетий, и вообще — в максимально длительной временной перспективе.

Здесь речь идет именно об *историческом* изучении образов как части культурного наследия, включая набор латентных базовых этнических стереотипов, которые никуда не исчезают, а продолжают свое долгосрочное существование подспудно в практически неизменном виде, готовые быть вновь актуализированы («воскреснуть») в моменты социокультурной конфронтации. Их живучесть усиливается тем, что люди склонны воспринимать сигналы, которые поддерживают уже наличествующий стереотип⁴.

¹ Цит. по: *Драбкин Я.О.* Копелев в жизни и творчестве // Лев Копелев и его «Вуппертальский проект» / Под ред. Я. С. Драбкина. М., 2002. С. 81.

² *Сванидзе А.А.* «Свой» и «чужой» в процессе общественных игр // От Средних веков к Возрождению. СПб., 2003. С. 185.

³ *Копелев Л.* Образ «чужого» в истории и современности // Лев Копелев и его «Вуппертальский проект». С. 100.

⁴ *Fält O.K.* The Historical Study of Mental Images as a Form of Research into Cultural Confrontation // Comparative Civilizations Review. 1995. No. 32. P. 99.

Однако при этом более подвижные образы могут изменяться под воздействием кумулятивного эффекта повторяющихся однонаправленных эмоционально-насыщенных драматических событий. Изменяется главным образом относительный вес отдельных образов. В центре исследования должны быть поставлены следующие вопросы: каков сам образ, как он сформировался, почему он таков, каким целям он служит, какие изменения он претерпел, и что все это говорит о его создателях¹.

Но для того чтобы уловить социокультурные изменения, происходящие в режиме *longue durée*, нужно расширить хронологические рамки типового конкретно-исторического исследования и выйти за пределы привычного круга источников. В этой связи представляется целесообразным привлечь, в частности, внимание к высказанной Т. А. Шанской идее о необходимости для анализа межнациональных отношений, связей, взаимовлияний, не ограничиваясь источниками личного происхождения, рассматривать «источники и литературу по предложенной теме в их неразрывном единстве, как диалог культур, растянутый во времени»². Сама историография темы, бытование «мифа о русско-французском культурном диалоге» в научно-историческом и общественном сознании предстает здесь как «проявление систематизированного и структурированного восприятия»³. Чаще всего, однако, предлагают простую констатацию образа, а не анализ культурных процессов, его порождающих, и в этом проявляется большая зависимость научного исторического сознания от обыденных представлений.

В своих дальнейших рассуждениях я опираюсь на результаты конкретно-исторического анализа путей формирования, способов функционирования и процессов трансформации образов-представлений «я» и «другой», «мы» и «они», «свои» и «чужие», которые были представлены в многочисленных докладах, опубликованных в сборниках материалов ежегодных конферен-

¹ Fält O. K. *Global History, Cultural Encounters and Images // Between National Histories and Global History* / Ed. by S. Tønnesson et al. Helsingfors, 1997. P. 61–67.

² Шанская Т. А. «Ох, уж эти французы!» Теоретические и обыденные представления о русско-французском культурном диалоге начала XIX века // *Clio Moderna. Зарубежная история и историография*. Вып. 3. Казань, 2002. С. 139.

³ Там же. С. 154–155.

ций Российского Общества интеллектуальной истории, начиная с 2000 г., и особенно научных форумов, специально посвященных теме межкультурного взаимодействия и диалога культур в самых разных его исторических формах и методологических аспектах (2003–2006 гг.)¹.

В числе них, например, такие исследования, связанные с взаимодействием и взаимовосприятием России и Германии, как работы О. В. Заиченко «Образ России в общественном мнении Германии первой половины XIX века»², А. М. Макаровой «Германия и Россия — диалог в культурном пространстве 20-х гг. XX в.»³, в которых показаны условия и механизмы формирования образов «Другого», которые, будучи усвоены, ориентируют мышление индивида и определяют его поведение в конкретно-исторической ситуации. Или же интересная работа В. С. Савчука «Историографический спор как диалог культур: проблема средневековой немецкой восточной колонизации»⁴, в которой продолжавшаяся десятилетиями острая полемика — историографический «конфликт» между отечественными историками и учеными Германии XX века рассматривается как своеобразный «диалог культур».

То, что древнейшая система социальной категоризации — оппозиция «мы — они» («свои — чужие») является культурной универсалией, присуща самосознанию любого типа общности⁵, играет решающую роль в ее консолидации, обладает мощным мобилизующим потенциалом и имеет фундаментальное значение для раскрытия специфики любой культуры, никем не оспаривается. Тем не менее, в конфигурацию и соотношение «Своего», «Иного», «Чужого» новые исследования вносят заметные нюансы и уточне-

¹ См., прежде всего: Межкультурный диалог в историческом контексте. Материалы научной конференции. М., 2003; Межкультурное взаимодействие и его интерпретации. Материалы научной конференции. М., 2004; Историческое знание: Теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научной конференции. М., 2006 (разделы «Образ Другого в культурных коммуникациях прошлого» и «Образ Другого в историческом познании»).

² Межкультурный диалог в историческом контексте... С. 47–50.

³ Там же. С. 107–110.

⁴ Там же. С. 181–184.

⁵ И сегодня «ни история, ни этнография не знают каких-либо групп или общностей людей, каких-либо “мы”, изолированных от других, и так или иначе не противопоставляющих себя другим» (Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979. С. 111).

ния. Если «Чужой» находится как бы за внешней границей круга интересов сообщества, то «Другой» может быть фактически своим, но обладание определенными качествами или знаниями делает его культурно «Иным»¹, социально «Чужим», или маргиналом². И, в то же время, «Другой» по национальной принадлежности может быть «Своим» по культурно-нравственным приоритетам.

Богатый материал по формированию представлений о «другом» дают травелоги, или обширная «литература путешествий», получившая особую популярность в XVIII–XIX вв. Оригинальный поворот темы предлагает А.Э. Афанасьева, опираясь на анализ отчетов британских врачей и путешественников по Африке³. Характерная черта всех этих текстов — то, что описание наблюдаемого единичного случая подается как *типичное* для данной культуры. При этом африканцы помещаются на исторической шкале в «отдаленное прошедшее время». Использование терминов «примитивный», «отсталый» относит их к периоду, уже давно пройденному Западом на пути к прогрессу. Африканские общества дистанцируются во времени и через изображение туземцев как детей, не заботящихся о завтрашнем дне, что подразумевает необходимость контроля над ними.

Тесное и длительное неравноправное взаимодействие изменяет характер диалога, причем ключевую роль в каждом случае играют конкретные условия — баланс между процессами адаптации к изменениям и сопротивлением, когда эти изменения несли угрозу стабильности общества. И поэтому, когда представители

¹ Интересный аспект этой темы связан с понятием «русские европейцы» (Сараева Е. А. «Русские европейцы» в контексте «западнического» учения о взаимодействии культур // Историческое знание... С. 163–166), в котором западники 1840-х гг., считая ошибочным отношение к европейцам как к «Другим», исповедующим иные ценности, выразили свою убежденность в расширении базовых основ русской культуры, благодаря восприятию общезначимых ценностей европейской цивилизации.

² Тельменко Е.П. Актуализация образа Другого в культурном поле Флоренции конца XV века как один из способов формирования коллективной идентичности // Историческое знание... С. 140–143; Купфиченко Л.Н. Андреа Строчи и проблема Другого во флорентийских биографиях XVI–XVI веков // Там же. С. 143–146; Мурадов Э. А. Ведьма как «Другая» в восприятии средневекового общества // Там же. С. 149–151.

³ Афанасьева А.Э. Африканцы в отчетах викторианских врачей и путешественников: «научное знание» и культурные мифы // Историческое знание... С. 172–175.

европейской цивилизации «попытались привить огромному массиву неевропейских народов новый образ жизни с качественно отличной от “туземных” системой норм и ценностей», результаты оказались далеко не однозначными¹. Ю. А. Балашова, рассматривая в контексте межкультурного диалога и трансляции культур деятельность британских миссионеров в Африке в XIX в., приходит к выводу, что в результате постоянных контактов европейцев с аборигенами «многое в культуре местных народов было сохранено, а взгляды европейцев подверглись трансформации»².

Позднее на первый план выходит проблема «соотношения элементов европейской культуры и культуры колонизируемых народов»³. При этом само по себе восприятие «иног» как непонятного и чуждого не означает установления отношений взаимной нетерпимости: достаточно вспомнить длительное функционирование мифа о «благородном дикаре»⁴. Изучая эволюцию образа аборигена в долговременной перспективе (на протяжении нескольких веков колониальной экспансии и господства), Н.С. Креленко и И.Д. Парфенов описывают ее в следующих категориях: от первоначального просветительского мифа о «добром дикаре», пребывающем в «естественном состоянии» либо на низших ступенях развития цивилизации, от «радостного узнавания себя в другом, от ликующего чувства единства, общности к трагичному осознанию непонятности и непонимания»⁵.

Напротив, образ кавказца в сознании россиян выглядит в интерпретации С.И. Муртузалиева внутренне противоречивым,

¹ Никитин М.Д. Колониальные процессы в Уганде: некоторые аспекты межкультурного взаимодействия // Новая и новейшая история. Вып. 19. Саратов, 2000. С. 111–130.

² Балашова Ю.А. Британские миссионеры в Африке (XIX в.) // Новая и новейшая история. Вып. 19. Саратов, 2000. С. 96.

³ Парфенов И.Д. Британская империя: взаимодействие и трансляция культур (полемика в английской историографии) // Новая и новейшая история. Вып. 18. Саратов, 1999. С. 15.

⁴ Креленко Н.С., Парфенов И.Д. Строительство Британской империи и образ представителя «чужой» культуры в английской литературе XVII–XX веков. (Источник: http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/historynewtime/n_i_n/docs/11.pdf).

⁵ О зарождении и развитии этого мифа в европейской литературе раннего Нового времени см., в частности: Трофимова В. С. Прозаическое наследие Афры Бен. СПб., 2006. С. 158–170.

но практически неподвижным¹. В XIX в. у россиян существовало два прямо противоположных образа кавказцев, которые во многом предопределила Кавказская война. Один образ негативный (его формированию способствовали труды целого ряда историков XIX в. и участников Кавказской войны) — «полудикие», «хищники», «воры», «разбойники», «мошенники», «варвары» и т.п. Другой, романтический образ горцев — благородные рыцари, хотя и необразованные, гостеприимны, уважают старших и т.п. Эти образы — негативные и романтические — прошли сквозь столетия и в несколько трансформированном виде дожили до наших дней².

Конечно, история любого народа — это не только история его отчуждения от других народов, но и история разнообразных контактов с ними («встречи культур»), не только застарелые предубеждения в отношении «других», но и понимание этих «других», не только столкновения, но и сотрудничество между ними. Одно из направлений современных исследований охватывает тему межкультурных контактов разной природы, уровня и интенсивности, включая проблему внешних заимствований и трансляции культурных ценностей.

Огромный, пока не раскрытый, потенциал заложен, как мне представляется, в изучении культурной истории переводов. Роль переводчиков в конструировании образов других культур не менее важна, чем роль путешественников, да и достоверность текстов тех и других равным образом требует проблематизации. Как универсалистская (т. е. нивелирующая имеющиеся культурные различия), так и партикуляристская (рассчитанная на потребителей «экзотики» и подкрепляющая давно и глубоко укорененные стереотипы инаковости) стратегии перевода проявляют свой селективно-манипулятивный характер и политико-идеологические импликации (как правило, конкурирующие) в предпочтении определенных жанров, авторов, типов текстов, отбираемых для перевода.

Оппозиция «свои — чужие» может складываться на нескольких разноплановых уровнях. В обыденной жизни она возникает

¹ Муртузалиев С. И. Образ кавказца как «Другого» в историческом сознании россиян // Историческое знание: Теоретические основания и коммуникативные практики. С. 187–191.

² См.: Муртузалиев С. И. «Свои» и «Чужие» на Кавказе — история и современность // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 6. Ставрополь, 2004. С. 278–286.

на основе коммуникативных критериев, подразумевающих возможность установления общения (языка, внешности, одежды, манер поведения) и восприятия внешних форм другой культуры. Но более глубокие контакты непосредственно затрагивают присущие каждой культуре картину мира, культурные ценности, мировоззренческие установки.

Способность общества воспринимать и адаптировать к местным условиям экспортируемые нововведения, отвечающие современным потребностям, способствует его переходу к новому этапу развития. Эта проблематика (в одном из многочисленных возможных ракурсов), представлена в интересных работах А. В. Свешникова, в которых автор специально рассматривает международные научные связи как одну из форм межкультурного и даже междивизионального диалога¹.

Особое положение в конфигурации межкультурного диалога занимает иммигрант — положение, определяемое с обеих сторон в терминах негативных. Оказавшись в чужой стране и будучи вынужден существовать в пространстве двух культур одновременно, точнее — «в состоянии постоянного “пересечения границы”, непрерывно переходя из одного (своего) культурного и языкового пространства в другое (чужое) и обратно», «эмигрант существует в условиях неизбежного наложения двух бытийных и культурных пластов: объективно реального (текущего, собственно эмигрантского) и субъективно-реального (прежнего, ушедшего в историческое прошлое, но сохраненного в индивидуальной памяти и в совокупной памяти сообщества)». При этом в каждом случае его собственный образ, воспринимаемый окружающими, оказывается обусловлен «традиционными представлениями наций друг о друге, идеологическими установками и политическими интересами момента, типологическими характеристиками двух взаимодействующих культур и историей культурных взаимосвязей двух стран»². Таким образом, речь идет не только о сущностных характери-

¹ См., в частности: Свешников А. В. Европейские национальные научные традиции в восприятии русских историков-путешественников второй половины XIX века // Межкультурный диалог в историческом контексте. С. 192–196; а также в книге: Свешников А. В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010.

² Демидова О. Р. Эмиграция как взаимоналожение культур // Межкультурный диалог в историческом контексте. С. 136–138.

ках субъекта и объекта восприятия, но и об обстоятельствах взаимовосприятия и взаимодействия и об их видах и формах.

Активно разрабатывается также тема формирования конфронтационного собирательного «образа врага» и роль в этом процессе государственной политики, пропаганды, публицистики, учебной литературы¹. Навязывание «образа врага» «сверху» (пропагандистскими структурами) облегчается наличием в глубинах обыденного сознания укорененного негативного стереотипа, возникшего на основе неадекватного восприятия внешнего мира (мисперцепции) и с готовностью всплывающего на поверхность в благоприятных для этого и намеренно усугубляемых обстоятельствах.

На разных этапах исторического развития сложившиеся в коллективном сознании того или иного народа «образы других» выполняют различные функции. Но в определенных провоцирующих условиях могут возобновляться старые антагонизмы, актуализируя полузабытые образы, извлекая из «сундуков» традиционных знаний коллективные стереотипы, уходящие корнями в далекую древность. Так, например, в исследовании И.О. Ермаченко «1904–1905 гг.: “новое нашествие монголов” (к истории русского ориентализма)» показано, как реанимации «монголов» в качестве актуального публицистического образа способствовали различные идейно-культурные факторы. С одной стороны, образы борьбы против монгольского ига были давно и прочно укоренены в арсенале топосов, пригодных для пропагандистского обеспечения любой военной кампании. С другой стороны, «монголы» потребовались для непосредственной репрезентации образа «нового, неизведанного» врага².

Е.В. Жарких рассматривает наглядный пример трансформации национального стереотипа, изучая формирование образа германского врага в глазах русских в конце XIX — начале XX в. на фоне обострения международных отношений между Германией и Российской империей. Автор отмечает влияние стереотипа, в соответствии с которым немцы всегда ассоциировались у русских с образом рачительного хозяина, точного и расчетливого дельца,

¹ *Еремич С. В.* Функциональные аспекты «образа врага» в работах отечественных исследователей и в курсе обществознания // *Историческое знание: Теоретические основания и коммуникативные практики.* С. 198–200.

² См.: *Историческое знание. Теоретические основания и коммуникативные практики.* С. 178–182.

который предвидит положение дел на несколько шагов вперед. Вместе с тем старание российских промышленников и торговцев в этот период скрыть партнерские отношения само по себе свидетельствует о том, что в общественном мнении росла неприязнь к немцам, особенно к официальным лицам, как представителям конкурирующей или даже враждебной нации. Посещавшие Россию в начале XX в. немецкие промышленники также не спешили вводить в детали своих переговоров с российскими партнерами официальных представителей Германии. Под воздействием массивной пропаганды в прессе позитивный образ Германии постепенно уходит в тень. Из порядочных, предприимчивых, культурных иностранцев немцы превращаются во вражескую нацию. Однако сам факт долговременности формирования образа врага был обусловлен прочно укоренившимся стереотипом, что Германия — это дружественная страна, связанная с Россией династическими узами¹.

Н.И. Николаева демонстрирует, напротив, почти мгновенную смену «образа союзника» на «образ врага» и раскрывает ведущую роль стереотипа «поджигателей новой мировой войны» в манипулировании массовым сознанием и формировании фантастического имиджа Америки в первые годы «холодной войны», поскольку этот образ был наиболее понятен людям, только что пережившим тяжелую войну².

Сложную структуру, многослойность образов Другого, устойчивое бытование этноцентристских стереотипов, их подспудную сохранность, несмотря на изменения во взаимоотношениях стран и народов, их постоянную «мобилизационную готовность» отмечают многие исследователи. Справедливо подчеркивается, что часто даже в условиях массивной пропаганды и трансляции искусственно сконструированного ею образа врага (важно и указание на динамичность этого образа³) существуют разные ка-

¹ *Жарких Е. В.* Восприятие Германии в русском обществе на рубеже XIX–XX вв. // *Межкультурный диалог в историческом контексте.* С. 66–69.

² *Николаева Н. И.* Антиамериканизм в советском обществе в первые годы «холодной войны»: мифы и реальность // *Межкультурный диалог в историческом контексте.* С. 76–80.

³ *Сенявский А. С., Сенявская Е. С.* Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России.* 2006. № 2 (6). С. 62–64, 67.

налы восприятия (личный опыт непосредственных контактов, опосредованная информация, носители исторической памяти и т.д.).

Понимание механизма превращения «образа чужого» в «образ врага» только через изучение инструментов целенаправленного воздействия на массовое сознание чревато серьезным упрощением. Этот сложный процесс должен быть рассмотрен одновременно в широком историческом контексте взаимовосприятия стран и народов и в контексте конкретной исторической ситуации.

Итак, проблема межкультурных взаимодействий как одна из актуальнейших для современного гуманитарного знания рассматривается в отечественной исторической науке в самых разных аспектах. Диалог культур имеет множество граней, и соответственно — ракурсов изучения. Это, прежде всего, диалог действующих в едином пространстве разных поколений, субкультур, социальных организмов и индивидов, и в его пространстве постоянно осуществляются «столкновения» разных традиций, мнений, ценностей¹.

На сегодняшний день представляется особенно интересной и перспективной проблематика истории межкультурных контактов в обществах, переживающих ломку устоявшихся общественных отношений, находящихся на переходном этапе развития.

В лоне культурно-интеллектуальной истории зародилась и уже приобрела особый статус история межкультурных контактов и «культурных трансферов» (*histoire des transferts*)², которая, преодолевая границы априорно устанавливаемых национальных, региональных и даже локальных контекстов, сосредоточивает внимание на существующих множественных взаимосвязях, взаимообменах и взаимовлияниях и выявляет их конкретных медиаторов.

Не менее значимы и другие направления, в том числе и связанное с изучением самого исторического познания: ведь понятие «диалог культур» подразумевает не только пространственную, языковую, этническую, социальную, но и темпоральную, историческую дистанцию между коммуникантами, диалог между ними в режиме Большого времени. Размышляя над получившимися широкое признание диалогическими идеями М. М. Бахтина, над уникальностью и всеобщностью его «диалогизма в контексте культуры», выдающийся российский философ В. С. Библер, в частности, писал в

¹ Подробно об этом см.: Социокультурное пространство диалога / Отв. ред. Э. В. Сайко. М., 1999.

² *Espagne M. Les transferts culturels franco-allemands. Paris, 1999.*

своей статье со знаковым названием «Диалог. Сознание. Культура» о «двух полюсах диалога»: один — «микро-диалог, пронизывающий каждый атом, каждую единицу нашего сознания, мышления, речи», который «живет и тогда, когда реального собеседника не существует». «Второй полюс — диалог в Большом времени, <...> это диалог культур, монолитных культурных блоков, постоянно способных актуализировать свой смысл и формировать свои новые смысловые пласты... этот диалог осуществляется в сознании человека»¹. Речь идет о «понимании каждой культуры (античной, средневековой, нового времени, восточной) как Собеседника, как одного из участников диалога»². Здесь следует обратить особое внимание на то, что речь идет именно о *Собеседнике*, а не о простом информаторе.

Такой диалог воспроизводится и в историческом познании как подлинном диалоге культур современности и прошлого, диалоге с Другим. При этом понимание социокультурной инаковости прошлого, по сравнению с миром настоящего, отношение к прошлому как одной культуры к другой есть неперемное условие взаимодействия историка (и, соответственно, современной ему культуры, составной частью которой является историческая наука) с доступными остатками иной культуры — памятниками-текстами изучаемой исторической эпохи, с субъективной реальностью, заключенной в источнике. Это отношение современной исторической науки к прошлому превращает познавательный процесс из авторитарного монолога исследователя в «равноправный диалог двух культур»³.

Вспомним слова Марка Блока: «...история — это обширный и разнообразный опыт человечества, встреча людей в веках. Неоценимы выгоды для жизни и для науки, если встреча эта будет братской»⁴. Этот диалог происходит в трех плоскостях: историк и источник; историк и его предшественники; историк в интердисциплинарной среде.

Взаимодействие культур во времени («по вертикали») и в пространстве («по горизонтали») выступает ныне как приоритет-

¹ *Библер В. С. Диалог. Сознание. Культура. (Идея культуры в работах М.М. Бахтина) // Одиссей. Человек в истории. 1989. М., 1989. С. 21–59. (С. 55–56).*

² *Библер В. С. Диалог. Сознание. Культура. С. 28.*

³ *Могильницкий Б. Г. Методология истории в системе университетского образования // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 12.*

⁴ *Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 79.*

ный предмет исторического исследования. Это, наряду с проблемой взаимодействия различных культур (или их представителей) в историческом времени, и — не в последнюю очередь — проблема понимания и восприятия чужой культуры в контексте самого процесса познания прошлого.

Диалог, в который вступает историк, направлен на понимание прошлого. Что он в нем ищет? Какова роль историка в его отношениях с прошлым? Широко известна аналогия Р. Дж. Коллингвуда: историк как следователь (точнее, работа историка сравнивалась с работой констебля, расследующего убийство)¹. В несколько смягченном толковании историк — это «вопрошающий собеседник, нередко умышленно провоцирующий былое на то, чтобы оно проговорило»². Удивление и непонимание историка при встрече с «иным», будучи артикулировано, становится первым шагом к пониманию³.

Как справедливо подчеркивал А. Я. Гуревич, источник не только отвечает на заданные вопросы, но и ставит свои вопросы перед историком⁴, вернее — побуждает его формулировать новые вопросы, а также корректировать собственные теоретические предпосылки, методы анализа, рабочие гипотезы и концептуальный аппарат.

Все это связано с проблематизацией традиционных подходов к текстам исторических источников и с необходимостью их «раскодирования» путем комплексной реконструкции социального, политического, духовного, интеллектуального и других контекстов, в которых они возникли, существовали, прочитывались и осмыслились⁵. По сути, такая полномасштабная реконструкция выходит далеко за рамки источниковедческого анализа и представляет собой собственно социокультурную историю.

¹ Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории. Автобиография*. М., 1980. С. 253–260.

² Экштут С. А. *Битвы за храм Мнемозины // Диалог со временем*. 2001. Вып. 7. С. 32.

³ Подробно об этом см.: *Вунт С. Wonder // American Historical Review*. 1997. Vol. 102. No. 1. P. 1–26.

⁴ Гуревич А. Я. «Территория историка» // *Одиссей* — 1996. М., 1996. С. 103.

⁵ Ср. с противоположным по своей деконтекстуализирующей интенции подходом: *Ankersmit F. R. Sublime Historical Experience*. Stanford, 2005 (осо-

Новый поворот в историографии поставил перед ней задачу раскрывать своеобразие изучаемых феноменов не столько в эволюционной перспективе, сколько в их неповторимом своеобразии, исходя из того, что человек прошлого не просто кое в чем отличался от нас, но мог быть и *принципиально иным* по своему внутреннему миру. При этом напряженность диалога с прошлым, разумеется, возрастает, и «конечная цель этого диалога с историческими памятниками — не столько реконструкция реальных пертурбаций прошлого (т. е. воспроизведение того, “как это было на самом деле”), сколько наше *собственное* осмысление и этих пертурбаций, и отдельных их составных элементов, т.е. наше смыслополагание»¹. К. Гирц, как известно, видел смысл семиотического подхода к культуре в том, чтобы получить доступ к концептуальному миру, в котором живут изучаемые нами люди, и, в первую очередь, для того, чтобы можно было (в широком смысле слова) вести с ними диалог².

Рассмотрим, хотя бы бегло, некоторые основные аспекты «встречи культур» в конкретно-историческом и в историко-историографическом исследовании. Ключевые моменты в обоих интересующих нас случаях — раскрытие третьего фокуса диалога (кроме исследователя и автора текста это — его адресат с соответствующей системой идей и понятий, культурных представлений, идеалов, ценностей), который позволяет прояснить смысл содержащихся в нем посланий (поскольку предполагаемый адресат знал, что стоит «за текстом»); соотнесение текста исторического памятника или произведения с другими текстами (возможность прочесть источник через те тексты, которые были известны его автору) и выявление социокультурной среды его возникновения и бытования («память контекста»); а также его переосмысление в новом культурно-интеллектуальном контексте. Так, например, известный польский ученый Войцех Вжозек пытался понять изменчивость судеб исторической науки, ее вненаучные истоки, ограниченность ее познавательных возможностей в рамках той или иной культуры через выяснение того, каким образом изменчивость или

бенно — Р. 121–125). См. также русский перевод этой книги: *Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт*. М., 2007.

¹ *Бессмертный Ю. А. Это странное, странное прошлое... // Диалог со временем*. 2000. Вып. 3. С. 38.

² Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // *Он же. Интерпретация культур*. М., 2004. С. 21–40.

устойчивость метафор этой культуры обуславливает ее исторические образы, характер исторического мышления и, как следствие, природу историографических образов мира¹.

Методология новой культурной истории и постановка проблемы диалога культур позволяет по-новому представить весь историографический процесс и его отдельные этапы, отказаться от его однолинейной, «прогрессивистской» интерпретации и репрезентации, лучше понять его природу и те кардинальные перемены — «повороты», которыми характеризуется его современное развитие, объяснить стремительное обогащение проблематики и предметного поля, методологического оснащения, повышение научного статуса историографических штудий, разнообразие исследовательских стратегий и процедур. Сквозь призму концепции «диалога сознаний» история исторического знания представляется не последовательной чередой сменяющихся типов исторического мышления, но в более сложной перспективе культурного диалога и интеллектуального взаимодействия конкурирующих традиций, а история историографии XX века — в контексте «встречных потоков смены “методов и языка” как в самой исторической науке, так и в “смежных” с нею областях гуманитарного и социального знания»².

На рубеже тысячелетий гораздо более масштабные, поистине глобальные процессы потребовали решительного обновления исторической компаративистики, последовательного преодоления европоцентризма и репрезентации истории человечества как подлинно всемирной на основе принципа единства в многообразии. Будучи одним из аспектов межкультурного диалога, как в исследовательской, так и в образовательной практике, компаративный подход в его историко-антропологической версии способен сыграть существенную роль в формировании нового исторического сознания и самосознания. Для этого компаративная история должна сменить свой концептуальный аппарат, преодолеть зависимость от универсальных, внеисторических категорий и в большей степени акцентировать различия, нежели общие черты.

¹ Вжозек В. Историография как игра метафор: судьбы «новой исторической науки» // Одиссей — 1991. М., 1991. С. 61.

² Ястребицкая А. Л. О культур-диалогической природе историографического: взгляд из 90-х // XX век: Методологические проблемы исторического познания. Ч. I / Под ред. А. Л. Ястребицкой. М., 2001. С. 47.

По мнению Дональда Келли, «практика и теория того, что называется компаративной историей, должны включать в себя находки и метаисторические послышки других гуманитарных наук, включая социологию, политологию, возможно, философию, и особенно антропологию; и в поиске надёжной почвы она должна выйти за пределы «территории историка»¹. Таким образом, решение концептуальных проблем компаративной истории переносится в интердисциплинарное пространство взаимодействия различных профессиональных культур — социальных и гуманитарных наук². Интегративная функция истории в этом взаимодействии становится все более очевидной, хотя препятствий для такого междисциплинарного диалога более чем достаточно. И одно из них — трудности, которые создает для участников такого диалога необходимость «перевода» с языка одной науки на язык другой, каждый из которых обладает множеством специфических коннотаций. Например, перенося акцент с результата исследований на процесс методологического синтеза, можно рассмотреть и междисциплинарность как вариант культурного диалога³.

В начале XXI в. актуализация проблематики диалога в изучении исторического сознания, историописания и исторической памяти привела к созданию новых международных научных и издательских проектов, опирающихся на интеркультурный подход к изучению способов мемориализации социально-исторического опыта. Один из самых последних — издание многоязычного (публикуются статьи на китайском, голландском, английском, французском, немецком и японском языках, с аннотациями на английском и китайском) онлайн-журнала исследований по компаративной историографии и историческому мышлению “*Historiography*”:

¹ Келли Д. Основания для сравнения // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 105.

² Между тем интеллектуальный контекст этого взаимодействия и сам проект интердисциплинарной истории также претерпели существенные изменения. См.: Репина А. П. Интердисциплинарная история вчера, сегодня, завтра // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого / Под ред. А.П. Репиной. М., 2003. С. 5–18.

³ См.: Сабурова Т. А. Междисциплинарность как интеллектуальное пограничье // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна». М., 2005. С. 10–12.

*East — West*¹, задача которого — углубить понимание репрезентаций истории путем сравнения историографических практик и традиций по всему миру во всей их сложности и исторической укорененности. В этом же направлении ориентированы научные проекты Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН², работа над которыми потребовала решения целого ряда методологических проблем, связанных с уточнением субъекта восприятия, отбором источников, разработки критериев сравнительного анализа структуры исторических мифов, способов трансляции готовых образов и механизмов трансформации коллективных представлений.

Весьма перспективным является сравнительный анализ ряда образов других народов в одной культуре и образов одного и того же народа в разных культурах, как, например, в работе О.Ю. Казаковой о восприятии США русскими и французами в середине XIX в., в условиях Гражданской войны 1861–1865 гг. и существенных колебаний в одном направлении общественного мнения двух стран в отношении США, что и дает основания для такого сопоставления. Нельзя не согласиться с тем, что, несмотря на трудности технического и методологического характера, сравнительный анализ национальных образов — это перспективное и плодотворное направление современной имагологии.

В ином ракурсе рассматривает эту проблему Ю. А. Троицкий³, изучая исторические записки иностранцев о другой стране, письма и дневники путешественников, паломников, дипломатов. Основной единицей сравнительно-исторического описания в них является историческая параллель (сравнение событий, биографий, истори-

¹ Журнал выпускает издательство «Брилл» (Лейден). Редколлегия включает ученых из Европы, Азии и США, в их числе Фрэнк Анкерсмит и Йорн Рузен.

² Подробнее см.: Репина Л. П. Историческое сознание в пространстве культуры: проблемы и перспективы исследования // *Время — История — Память: Историческое сознание в пространстве культуры* / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2007. С. 3–13. См. также: *Исторические мифы и этнонациональная идентичность / Диалог со временем*. 2007. Вып. 21; *Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории* / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2008; *Образы времени и исторические представления в цивилизационном контексте: Россия — Восток — Запад* / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2010; и мн. др.

³ Троицкий Ю. А. Компаративная оптика иностранца: нарратив пересекающего границу // *Межкультурный диалог в историческом контексте*. С. 84–86.

ческих процессов). Автор справедливо подчеркивает эвристический потенциал исторических параллелей, а также роль метафор как эффективного способа «схватывания общего и похожего при явном различии сравниваемых явлений». Текст иностранца о другой стране выступает в качестве развернутой метафоры, ибо это перевод одной культуры на язык другой при отсутствии общепринятого метаязыка. Здесь соединяются два направления исследований диалога культур, о которых говорилось выше: межкультурной коммуникации и исторического познания, и открывается возможность полной реализации их эвристического потенциала.

История «представляет прошлое как зеркало, в котором мы можем видеть характерные черты нашего мира и нас самих в их темпоральном измерении». История, действительно, самая важная стратегия утверждения идентичности, «средство самоосознания, выражения, артикуляции и даже формирования» групповой идентичности в противопоставлении Другим, за пределами данной группы¹. И здесь неизбежно выходит на первый план этноцентризм как широко распространенная культурная стратегия коллективной идентичности.

В связи с этим представляется чрезвычайно актуальным направление, разрабатываемое в рамках сайта и научно-образовательного центра «Новая локальная история»². В одной из программных статей С. И. Маловичко обозначил в качестве весьма значимого предмета исследования — «поле взаимоотношений “Своего” с “Чужим” — их прошлое, репрезентируемое в историческом знании. <...> Историческое знание любой национальной и/или локальной культуры изначально в той или иной степени *конфликтно* по отношению к “Чужим” и/или к соседним культурам; содержит многочисленные следы противостояний с “Чужими”

¹ *Rüsen J. Comparing Cultures in Intercultural Communication // Across Cultural Borders: Historiography in Global Perspective / Ed. by E. Fuchs and V. Stuchtey. Lanham; Oxford, 2002. P. 339.*

² Речь идет, например, о проекте «История пограничных областей Северного Кавказа». Среди проблем, которые обсуждались на Международном научном семинаре Ставропольского отделения РОИИ «“Свое” и “чужое” в исследовательском поле “истории пограничных областей”» (2004 г.): «“Свое” и “Чужое” в различных видах дискурса», «“Свое” и “Чужое” в диалоге отдельных цивилизаций, культур, государств», «“Свое” и “Чужое” в истории пограничных областей». Ср.: *Пограничные культуры между Востоком и Западом. Россия и Испания*. СПб., 2001.

историями <...> Многие части исторического знания, признанные “Своей” культурой, не могут не противоречить историям “Чужих” культур, равно как и собственной истории, но созданной “Чужой” культурой. Только в рамках представления о коллективной, общечеловеческой истории, где “Чужой” будет переведен в образ “Другого” в синхронии, и напротив “Свой” показан как “Другой” в диахронии, возможно превращение конфликта в диалог¹. В данном контексте особо показателен подход к «чужому» прошлому, когда «историческое мышление, усвоившее европейскую модернистскую модель истории, заставляло представителей Империи концентрироваться на иных метафорах — *развития и прогресса*, отрицавших *инаковость* исторического пути “Чужого”, представлявших «Чужого» как пришельца из прошлого, которое для «Своих» уже давно миновало². В модернистском историческом дискурсе метафоры *развития, прогресса, просвещения, цивилизованности*, с одной стороны, и метафоры *примитивности, отсталости, дикости, варварства*, с другой, легко складываются в парные оппозиции, утверждая превосходство «своих» и неизменную ущербность «других».

В ракурсе изучения проблем межкультурного диалога особое место занимает история знаковых для этой темы концептов, а также их современная интерпретация и деконструкция. Сегодня в междисциплинарном пространстве гуманитарного знания концепты «национальный характер», «национальный дух» или «национальное чувство», рассматриваются как социокультурные конструкты, имеющие вполне определенные пространственно-временные координаты и политико-идеологические импликации (включая актуальный в современном мире этнонационализм). Эти конструкты и их содержательно-функциональная историческая динамика

¹ Маловичко С. И. Современная историография на «переходе» от европейских универсалий модерна к культурному разнообразию эпохи пост-пост-модерна // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 6. Ставрополь, 2004. С. 15.

² Маловичко С. И. Общественное историческое мышление и репрезентации прошлого / настоящего в периодике // Периодическая печать как источник интеллектуальной истории. Пятигорск — Ставрополь — Москва, 2006; Маловичко С. И., Шумакова Е. В. Евроцентристское историческое время для «Другого»: Психологический дефицит отечественной универсальной и провинциальной историографии // Пространство и время в восприятии человека: историко-психологический аспект. Ч. 2. СПб., 2003. С. 27.

располагают значительным когнитивным потенциалом не только для анализа особенностей дискурса «стихийного» этноцентризма и «наивной» компаративистики в имагологических исследованиях, но и в наиболее актуальных на сегодняшний день перспективах исторического изучения проблематики национализма и нациестроительства, а также исторической памяти и коллективных (в том числе этнической и национальной) идентичностей. Не случайно понятие «национальный характер», фиксирующее эмпирически наблюдаемые различия, оценивается как более поддающийся операциональному определению синоним научного термина «психический облик» или «психический склад» нации¹.

В большинстве определений понятия «национальный характер» в отечественной науке обычно акцентируется его позитивно-содержательная основа: говорится о «совокупности определенных психологических черт, характерных для всех или большинства людей данной нации»; о «совокупности наиболее устойчивых, характерных для данной национальной общности особенностей восприятия окружающего мира и форм реакции на него»; о «совокупности наиболее устойчивых психологических качеств, сформированных у представителей нации в определенных природных, исторических, экономических и социально-культурных условиях ее развития»; о «совокупности внешних проявлений национального менталитета, наблюдаемых свойств представителей соответствующей общности, как правило, в сравнении и по контрасту с другими национальными общностями»; о «совокупности устойчивых психических особенностей и культурных атрибутов нации, которые зависят от всеобщей жизнедеятельности и условий жизни и проявляются в поступках», о совокупности «однотипных для людей одной и той же культуры реакций на привычные ситуации в форме чувств и состояний» и т.п. Все эти не отличающиеся точностью, новизной и разнообразием этнопсихологические дефиниции восходят к фроммовскому определению термина «социальный характер» как «совокупности черт характера, которая присутствует у большинства членов данной социальной группы и возникла в результате общих для них переживаний и общего образа жизни»².

Не затрагивая здесь вопроса о возможности монополии какой-либо нации на ту или иную качественную характеристику (или

¹ Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1997. С. 165.

² Фромм Э. Бегство от свободы М., 1987. С. 230.

даже на некоторую их констелляцию), а также о соотношении национального характера и характера отдельных индивидов, принадлежащих к данной группе, можно констатировать, что в научной литературе, как и в обыденном сознании, нации (как коллективной личности) приписывается набор устойчивых качеств-атрибутов. При этом эмоциональный, поведенческий, ценностный и когнитивный уровни национальных характерологий, как правило, «микшируются»¹. Блестящие образцы «донаучных» национальных характерологий созданы в классической художественной и исторической литературе. Безусловно, эссенциалистские представления о «постоянном» и «вечном» характере социальных идентичностей, в том числе о неизменном «национальном характере», несостоятельны. Введение этого понятия в концептуальный аппарат науки подразумевает критический анализ представлений обыденного («внеаучного») сознания в их общекультурном и социально-историческом контекстах. И в этом интеллектуальном контексте речь следует вести об *историчности* как национальных (этнопсихологических) стереотипов (т.е. об *исторической* имагологии), так и об исторической динамике самого концепта «национальный характер».

В мировой историографии репрезентации того или иного национального характера (как с позиций «Другого» в записках дипломатов, путешественников, туристов, журналистов, «гастарбайтеров» разных эпох и др. иностранцев, так и в моделях «самоописания») рассматриваются как неотъемлемая составляющая проблематики национальной идентичности². Так, например, когда в этом плане были подвергнуты детальному анализу идеи убежденных сторонников и радикальных критиков Британской империи в период ее наивысшей экспансии, то было установлено, что и те, и другие использовали язык «национального характера» для оправдания имперских устремлений. Одни утверждали, что национальный характер является решающим фактором превращения Британии в имперскую державу, и что ответственность за управле-

¹ Еще в конце 1960-х И. С. Кон подчеркивал, что термин «национальный характер», впервые появившийся на уровне обыденного сознания в литературе о путешествиях, «не аналитический, а описательный», призванный «выразить специфику образа жизни того или иного народа» (т.е. предполагающий сравнение и фиксацию различий).

² См., например: *Delanty G. Inventing Europe: Idea, Identity, Reality. N.Y., 1995; Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004; и мн. др.*

ние империей укрепляет нацию, другие считали имперское господство деструктивным для национального характера¹.

В эпоху нарастающей глобализации, кардинально изменившей условия межкультурного взаимодействия, проблема понимания и восприятия — диалога культур приобретает особую актуальность: сама историческая действительность требует преодоления европоцентризма, понимания и освещения истории как истории всемирной, а не преимущественно европоцентристской. Нельзя не согласиться с А. П. Горбуновым в том, что «действительно конструктивное преодоление противостояния, противоборства “Своего” и “Чужого” невозможно как отрицание одной из позиций, как ее отбрасывание»². Оно осуществимо только как *возвышение над двумя позициями и их интеграция с позиции общего третьего*. В этом случае первоначальные “Свое” и “Чужое” охватываются более общей позицией, объединяющей, соединяющей их и становящейся новым, более объемным “Своим”: «каждая из противоборствующих сторон, получающих описание в исторических текстах, должна стать для исследователя “своей”. Для историка-профессионала не должно быть “чужих”»³. Автор считает, что такой прорыв к интегративной позиции на уровне научного сознания возможен, а результаты его окажут решающее влияние на общественное сознание в целом.

Аналогичная проблематика имеет в истории исторической мысли давние традиции. Как известно, в западноевропейской историографии второй половины XVIII — начала XIX века слово «цивилизация», по преимуществу, очерчивало границу между «своим» и «чужим», противопоставляя цивилизованных европейцев «отсталым дикарям». Напротив, в российской историографии всеобщей истории, рождавшейся в атмосфере жарких общественных дискуссий 1830-х годов доминировала качественно иная, по

¹ *Langford, Paul. Englishness Identified: Manners and Character, 1650–1850. Oxford, 2000; Mandler, Peter. The English National Character: the History of an Idea from Edmund Burke to Tony Blair. New Haven, 2006.*

² *Горбунов А. П. Противостояние «своего» и «чужого» в историческом дискурсе и условия его конструктивного преодоления // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 6. С. 46.*

³ Там же. С. 48.

своему гуманистическому заряду, концепция¹. Вспомним, что основатель данной традиции Т. Н. Грановский, в частности, утверждал: «Содержание Всеобщей истории составляет земная жизнь человечества...»². Его понимание истории было абсолютно лишено националистических и расистских предрассудков. В противовес гегелевскому противопоставлению «исторических» и «неисторических» народов, Т. Н. Грановский подчеркивал, что история любого народа (включая не-европейские народы) заслуживает изучения. Каждый народ «самобытен и входит в историю как новое творение»³. Развивая эту идею, он писал: «Тот не историк, кто неспособен перенести в прошедшее живого чувства любви к ближнему и узнать брата в отдаленном от нас веками иноплеменнике»⁴.

В сегодняшней ситуации, одновременно с заметным снижением общественного статуса исторической науки, ответственность современного профессионального сообщества историков чрезвычайно возрастает и все глубже осознается⁵. Впрочем, параллельность этих процессов, возможно, связана как раз с серьезным отставанием в решении важнейших этических проблем и одной из центральных задач современной исторической науки — раскрыть поистине глобальный характер всемирной истории как всеобщей истории человечества. Эта задача невероятно трудна. Размышляя о ней в середине 1990-х годов и предупреждая о том, что «подлинными трудностями» состоят не в постмодернистском вызове как таковом, а «скрываются в необходимости преодолеть изначальный заряд европоцентризма в истории», Морис Эмар не испытывал большого оптимизма: «Сможем ли мы выйти за рамки нашей культуры, чтобы воспринять, понять и, насколько это возможно, освоить мировоззрения других

¹ Подробно об этом см.: Ретина А. П. Идеал всеобщей истории в интеллектуальном наследии Т. Н. Грановского // Долгое Средневековье. Сб. в честь проф. А. А. Сванидзе. М., 2011. С. 357–370.

² Грановский Т. Н. Учебник всеобщей истории. Введение // Грановский Т. Н. Сочинения. Изд. 3-е. Т. 2. М., 1892. С. 452.

³ Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1961. С. 47.

⁴ Грановский Т. Н. Сочинения. 4-е изд. М., 1900. С. 29. Иную трактовку всечеловеческого единства см.: Розеншток-Хюсси О. Великие революции. Автобиография западного человека. М., 2002.

⁵ Показательно, что тема моральной ответственности историка стояла в центре обсуждения на всех форумах Международного Конгресса исторических наук конца XX — начала XXI века.

народов, которые вовлечены в колоссальную работу по написанию своей собственной истории, будучи не в состоянии довольствоваться тем местом, которое было им уготовано в нашей истории? Мало кто из нас готов сделать усилие и приобрести необходимые знания, чтобы встретиться лицом к лицу этот вызов. Ведь речь идет не о воссоздании некоего “всемирного исторического порядка”, который обеспечил бы сохранение системы былого превосходства. Вопрос стоит о создании совершенно нового мира во множественном числе, мира, в котором историк, используя отпущенные ему средства, сделает возможным диалог людей с разнообразными культурами — как в прошлом, так и в настоящем»¹.

Но с другой стороны, на пути межкультурного диалога все более явственными становятся новые препятствия — этноцентристские версии интерпретации прошлого противоположной направленности, которые первоначально выступали как необходимые коррективы европоцентристскому нарративу. К сожалению, готовых рецептов конструирования «сбалансированного нарратива» пока не существует, и даже успешные попытки добавить «взгляд с другой стороны», услышать *другие* «исторические голоса»² не решают эту сложную методологическую проблему. Реляционный и контекстуальный подходы к изучению процессов межкультурной коммуникации оказываются эффективными только при соблюдении принципа взаимной дополнительности в рамках общей интегративной теоретической модели.

Подводя итоги, представляется целесообразным напомнить, что историческое содержание бинарных оппозиций «я — другой», «мы — они», «свой — чужой», связанных с процессами конструирования индивидуальной и коллективной идентичности, имеет фундаментальное значение для раскрытия специфики формирующей их культуры и ее самосознания. Однако формирование данных понятий — это динамичный социальный процесс, обусловленный не только их взаимным соотношением, но характером самой эпохи, а точнее — конкретной исторической ситуацией и вектором ее развития. Есть время складывания стереотипов, их укоренения

¹ Эмар М. Образование и научная работа в профессии историка: современные подходы // Исторические записки. 1 (119). М., 1995. С. 22.

² См.: Northrup D. African Encounters // Historically Speaking. 2002. Vol. IV. No. 1.

в культуре, и время их разрушения и формирования новых стереотипов взаимного восприятия.

И второе — то, что, наверное, больше относится к области профессиональной этики. Позволю себе напомнить мудрое предостережение и своего рода наказ А. З. Копелева: «Образы чужого как представления о другом народе, укоренившиеся в сознании, подсознании и ставшие предубеждением, последовательно трансформируются и перерастают в образы врага, в предрассудки, от которых человечество страдает с самого начала своего существования. И все еще не может исцелиться. Но не должны приходить в уныние те, кто борется против этого наследственного недуга, вооружаясь историческими знаниями, руководствуясь совестью и опытом»¹.

Глава 2

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПАХ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ИМАГОЛОГИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА «ЧУЖОГО» В ОБРАЗ «ВРАГА»

Лабутина Т.А.

Изучение межкультурных (инокультурных, кросс-культурных) коммуникаций в отечественной науке за последние годы заметно активизировалось. Появились теоретические статьи¹, а также монографические исследования по данной тематике². Важную роль в изучении различных проблем, связанных с имэджинологи-

¹ Улуян А.А. Россия и Европа в XIX–XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур // Отечественная история. 1998, № 5; Дуцицкая С.И. Образ Другого: опыт типологии // Вестник РГНФ. 2000, № 1; Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Источники формирования внешнеполитических образов (методологический аспект) // Толерантность, журналистика, политика, культура. СПб., 2003; Голубев А.В. Инокультурные представления в истории // Российская история. М., 2010 № 5; Казакова О.Ю. Границы междисциплинарности: термины, дефиниции, понятия // Российская история. М., 2010 № 5; Лабутина Т.А. Межкультурные коммуникации стран Запада и России: история и теория исследований // Проблемы исторического познания. М., 2011; Репина А.П. Опыт междисциплинарного взаимодействия и задачи интеллектуальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 15. М., 2005; она же. «Национальный характер» и «Образ Другого» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 39. М., 2012 и др.

² Артемова Е.Ю. Культура России глазами посетивших ее французов. Последняя четверть XVIII века. М., 2000; Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). М., 2000; Чернышьева О.В. Шведский характер в русском восприятии. М., 2000; Дуцицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001; Лабутина Т.А. Англичане в допетровской России. СПб., 2011; она же. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013 и др.

¹ Копелев А. З. Чужие. С. 12.

ей/имагологией, играют ежегодные научные семинары в Центре по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН (руководитель А.В. Голубев)¹. Столь активное обращение к проблемам взаимовосприятия культур различных государств со стороны ученых обусловлено прежде всего их актуальностью. «Актуальность этой проблематики, особенно в условиях поиска Россией нового места в мире, трудно переоценить, — признает А.В. Голубев. — Изучение истории взаимовосприятия сразу же выводит на очень важные исторические сюжеты. Например, анализируя на конкретно-историческом материале восприятие мира российским обществом, начиная с раннего Средневековья и заканчивая нашими днями, мы должны поставить и разрешить такие принципиальные вопросы, как проблема открытости/закрытости общества по отношению к внешнему миру; диалектика войны и мира, врага и союзника; эволюция самого общества, его представлений о мире и самом себе»².

Следует отметить, что изучение восприятия России на Западе представляется чрезвычайно важным для понимания нашей страны и ее народа, поскольку, как отмечает А.В. Павловская, с одной стороны, это «позволяет взглянуть на Россию как бы со стороны, дает свой особый взгляд на русские проблемы, помогает увидеть те стороны русской жизни и русского национального характера, которые часто вольно или невольно, остаются незамеченными самими русскими». В то же время восприятие России Западом «дает дополнительный ключ к пониманию западной цивилизации и национальных характеров тех народов, которые смотрят на Россию и оценивают ее»³.

Признавая важность имагологических исследований, а также достижения их разработчиков, особенно в сфере утверждения ключевых методологических принципов, Л.П. Репина обращает внимание на ряд недостатков, присущих этим работам. В них, утверждает историк, «нередко не хватает глубины темпоральной перспективы, недостаточно ...разработан и вопрос о том, от чего зависят и как происходят изменения этого образа в историческом

¹ Результаты работы семинара отражены в сборниках: «Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия». Вып. 1–5. М., 2000–2009.

² Голубев А.В. Инокультурные представления в истории. Указ. соч. С.3.

³ Павловская А.В. Стереотипы восприятия России и русских на Западе // Россия и Запад: диалог культур. М., 1994. С. 19.

времени, отсутствует социально-групповая дифференциация тех или иных образов, не подвергается рефлексии противоречивость отдельных элементов этих образов и роль коллективных стереотипов, выступающих как своеобразные фильтры даже в ситуациях личного наблюдения и общения, недооценивается возможность любой тенденциозной интерпретации в зависимости от позиции автора изучаемого текста и ожиданий аудитории и т.д.»¹. Таким образом, можно заключить, что изучение различных проблем имэджинологии/имагологии² еще далеко от своего завершения.

Обращаясь к различным проблемам, связанным с имагологией³, мы задались целью выяснить, каким путем образ «Чужого» превращается в образ «Врага»? Какие предпосылки способствуют данному процессу? Как происходит подобная трансформация? Насколько продолжителен или кратковременен может быть ука-

¹ Репина Л.П. «Национальный характер» и «Образ Другого» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 39. М., 2012. С. 14.

² О.Ю. Казакова подчеркивает, что имагология возникла в начале XX века в рамках французского сравнительного литературоведения для изучения инокультурных влияний в национальной словесности. Сам термин «имагология» был введен в научный оборот в середине 1960-х годов немецким ученым Х. Дизеринком, представителем школы сравнительного литературоведения. В последнее время намечается «отказ от рассмотрения эстетической функции образа Другого в художественном тексте в пользу изучения контекста, социокультурной детерминации формирования представлений и их функции в общественном дискурсе». В рамках англо-американской истории международных отношений чаще используется термин «имэджинология» (Казакова О.Ю. Границы междисциплинарности: термины, дефиниции, понятия. Указ. соч. С. 7–8). В современных исследованиях все чаще встречается термин «историческая имагология», которая, по утверждению Л.П. Репиной, «освоив историко-антропологический, социально-психологический и культурологический подходы, накопила значительный объем эмпирических исследований. В центре внимания оказались сложные процессы складывания этнических представлений и формирования национальной идентичности, создание устойчивого образа «своего», что неизбежно предполагает наличие противоположного образа «чужого», от которого и происходит своего рода «отталкивание». (Репина Л.П. «Национальный характер» и «Образ Другого». Указ. соч. С. 13)

³ Лабугина Т.А. К вопросу о методике исследования межкультурных коммуникаций (на примере англо-русских отношений XVI–XVII вв.) // Проблемы исторического познания. М., 2008. С. 172–178; она же. Мифологизированные стереотипы в имэджинологии: допетровская Россия глазами англичан // Проблемы исторического познания. М., 2010. С. 205–225; она же. Межкультурные коммуникации стран Запада и России: история и теория исследований // Проблемы исторического познания М., 2011. С. 142–158.

занный процесс? По каким критериям можно составить представление об изменении образов? Ответить на поставленные вопросы автор предполагает в данной главе. Отметим также, что указанная проблема, помимо своей методологической значимости, отличается актуальностью, особенно в свете ухудшившихся отношений ряда стран Запада с Россией.

Важной составляющей имагологии являются стереотипы. Поскольку у каждого народа существуют собственные представления об окружающем мире, а также о представителях другой культуры, то, естественно, что в обществе складываются определенные стереотипы — «как относительно самих себя, относительно поведения и традиций в пределах своего культурного пространства, так и относительно представителей другого языкового и культурного пространства»¹. Заметим, что само понятие «стереотип» привлекает большое внимание исследователей (И.С.Кон, Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, А.В. Павловская, Н.В. Уфимцева, В.В. Красных и др.), чаще всего филологов, философов, психологов, а в последние десятилетия также и историков. Между тем, среди ученых отсутствует единая позиция относительно понятийного аппарата, прежде всего самого термина «стереотип», а также правомерности его использования. В научной литературе можно встретить различные термины: «национальные стереотипы», «этнические предрассудки», «этнические представления», «национальные образы» и другие, выражающие одно и то же явление². Историки А.В. Голубев и П.С. Куприянов вычленяют «этнические», «внешнеполитические» и «культурные стереотипы»³.

В исследованиях стереотипов Д.И. Щербакова выделяет три основных направления. Первое направление основной акцент уделяет изучению когнитивного аспекта, когда «стереотип рассматривается в качестве элемента когнитивных процессов человека, а именно, как результат процесса генерализации, схематизации и т.п.». Второе направление объединяет работы, в которых основное

¹ www.erudition.ru

² Подробнее об истории происхождения термина «стереотип» и источниках его формирования см.: *Лабутина Т.А.* Межкультурные коммуникации стран Запада и России: история и теория исследований. Указ. соч. С. 148–154.

³ *Голубев А.В., Куприянов П.С.* Представления об «иноме»: эволюция и механизмы (из российского опыта XIX–XX веков) // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия.* Выпуск третий. М., 2006. С. 375.

внимание уделяется изучению «аффективного аспекта социальных стереотипов», когда стереотип исследуется как «элемент эмоционально-оценочных процессов человека». Наконец, третье направление посвящено изучению социального аспекта стереотипов, при котором стереотип рассматривается как «особый элемент, участвующий в процессе функционирования социальной группы». Автор подчеркивает, что этнические стереотипы изменяются соответственно условиям жизни этноса и иерархии ценностей, принятой на данном этапе исторического развития¹.

Анализ определений термина «этнический стереотип» наталкивает на мысль о том, что в данном понятии заложен некий негативный смысл. Американские ученые Д. Кац и К. Брейли еще в 1933 г. дали определение этническому стереотипу как устойчивому представлению, «мало согласующемуся с теми реалиями, которое оно стремится представить, и вытекающему из присущего человеку свойства сначала определить явление, а потом уже его пронаблюдать»². Известный советский историк Н.А. Ерофеев, одним из первых в отечественной историографии обратившийся к проблемам имаджинологии, под стереотипом понимал «застывшее изображение, механически воспринятое и некритически усвоенное»³. Современный британский историк Э. Кросс подчеркивал, что в XX в. данный термин получил «широкое распространение, в основном, в уничижительном смысле». В «Оксфордском словаре английского языка» отмечается, что этим словом стали обозначать «предвзятое и чересчур упрощенное общее представление о характеристиках, типичных для человека, ситуации и т.д., а также человека, который представляется в значительной степени соответствующим некоему типу»⁴. Как видно, уже в самом определении понятия «стереотип» заложен некий негативный смысл в отношении к об-

¹ *Щербакова Д.И.* Этнические стереотипы в русско-чеченских отношениях. Ростов-на-Дону, 2009. С. 159.

² *Katz D., Braly K.* Racial Stereotypes in One Hundred College Students // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1933. Vol. 28. P. 288–289.

³ *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982. С. 7.

⁴ *Кросс Э.* Британский взгляд на Россию: происхождение, живучесть и изменение национальных стереотипов мышления в период с XVI в. до Крымской войны // *От Елизаветы I до Елизаветы II: проблемы британской истории в новое и новейшее время.* Ярославль, 2008. С. 21.

суждаемому предмету, в данном случае — представителям другой страны или национальности.

Нам представляется, что негативный смысл данного понятия во многом происходит от эмоционального восприятия иной культуры, представителей иной нации. Об этом упоминал философ И.С. Кон, когда писал: «Этнические стереотипы воплощают присущие обыденному сознанию представления о своем собственном и других народах, не просто суммируя определенные сведения, но и выражают эмоциональное отношение к объекту. В них своеобразно сконденсирована вся история межэтнических отношений»¹.

Некоторые исследователи считают этнические стереотипы явлением неизбежным, но опасным. По их мнению, опасны даже положительные стереотипы, так как они создают впечатление объективности и таким образом поддерживают всю систему стереотипов в целом. Большинство словарей отмечает, что слово «стереотип» имеет негативное значение. Словарь-справочник по психологии, составленный Майклом Кордуэллом, дает следующее определение стереотипа: «Стереотип — жесткое, часто упрощенное представление о конкретной группе или категории людей. Поскольку мы вообще склонны к упрощениям, то формируем стереотипы для большей предсказуемости поведения других людей. Эти стереотипы часто имеют негативную природу и основаны на предрассудках и дискриминации. Стереотипы не обязательно являются ложными; обычно они содержат некое зерно истины. Их разделяет значительное количество людей, что в целом способствует их укоренению. Стереотипы могут меняться со временем, но их носителям часто бывает трудно избавиться от усвоенных представлений». Если же анализировать стереотип как представление, основанное на предрассудках, то через призму последних можно определить стереотип как предвзятое отношение к кому-либо на основе его принадлежности к конкретной группе или категории. Здесь подразумевается наличие категоричной оценки — либо позитивной, либо негативной, но в психологической литературе обычно имеются в виду негативные установки по отношению к данному человеку или группе².

¹ Кон И.С. Национальный характер: миф или реальность? // Новый мир. М., 1968, № 9. С. 219.

² Подробнее см.: Белгородская А.В. Образ Российской империи на страницах британских и американских справочно-энциклопедических изданий XX века. Автореф... док... дисс. СПб., 2009.

Одно из главных мест в исследовании этнических стереотипов, на взгляд ученых, занимает проблема их соотношения с реальностью — проблема истинности стереотипов, или наличия «зерна правды» в них. Как отмечают А.В. Голубев и П.С. Куприянов, споры по поводу соответствия стереотипов реальности не прекращаются с 1920-х годов. Одни ученые утверждают о полной лживости стереотипов, другие говорят о наличии в них более или менее значительного «зерна истины». Но все единодушны в признании «некоторого искажающего эффекта, который обуславливает лишь относительную адекватность стереотипа». А.В. Голубев и П.С. Куприянов полагают, что проблема соотношения реальности и стереотипов отнюдь не исчерпывается вопросом об их истинности. Не менее важно, как взаимодействуют с реальностью уже сложившиеся представления¹.

На дискуссионный характер проблемы «истинности» стереотипов указывает также А.В. Павловская. Она подчеркивает, что одни ученые усматривают в стереотипах объективную реальность, другие полагают, что большинство этнических стереотипов является мифами, причем вредными и опасными. Большинство же исследователей придерживаются «золотой середины»². Концепцию сторонников мифологизированных стереотипов отстаивал также С.В. Чугров. Он утверждал, что в основе взаимной подозрительности и недоверия, которые, как правило, устанавливаются при общении представителей разных наций, «лежат не истинные, адекватные действительности, представления друг о друге, а, как правило, ложные образы», поскольку видение окружающего мира индивидуума «соткано» не только из верных представлений, но и из иллюзий и заблуждений³. Заметим, что анализ восприятия России и русского народа британцами в XVI–XVII вв., убедил нас в справедливости подобного заключения⁴.

¹ Голубев А.В., Куприянов П.С. Представления об «иноме»: эволюция и механизмы (из российского опыта XIX–XX веков) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Указ. соч. С.376.

² Павловская А.В. Этнические стереотипы и проблема общения культур // Россия и Запад: диалог культур. М., 1994. С. 434.

³ Чугров С.В. Россия и Запад. Метаморфозы и взаимовосприятия. М., 1993. С. 6.

⁴ Лабутина Т.А. Мифологизированные стереотипы в имэджиологии: Дюпетровская Россия глазами англичан // Проблемы исторического познания. М., 2010.

Важное место в каждом этническом образе занимает проблема «национального характера», о чем одним из первых заговорил Н.А. Ерофеев. Он отмечал, что на уровне бытового сознания существование у каждого народа национального характера не вызывает сомнений, является как бы аксиомой. «Особенно часто эта мысль возникает во время пребывания в чужой этнической среде, даже самого краткого. Оно укрепляет убеждение в том, что люди этой общности во многих отношениях сильно отличаются от нашей: об этом свидетельствуют черты их жизни и быта, порой даже внешний облик людей, их поведение и пр... Национальный характер оказывается как бы ключом к объяснению жизни народа и даже его истории». Ученый обращал внимание на тот факт, что в науке нет единого мнения по поводу того, существует ли национальный характер: одни считают его неоспоримым, а сомнения в нем незаконными, другие категорически отрицают его¹. Л.З. Копелев убежден, что понятие «национальный характер» применимо лишь в тех случаях, когда речь идет о культуре и цивилизации, о философии, мифологии, искусстве и литературе. «Но когда это понятие применяют, характеризуя душевный склад отдельного человека или целого народа, оно неизбежно удаляется от реальности и порождает лишь расплывчатые, субъективные суждения»². На взгляд С.В.Оболенской, «национальный характер» является стереотипом восприятия «чужих», который сформировался в раннее Новое время, когда возникло представление о делении людей по национальному признаку. «Именно к этому времени, — утверждает историк, — относятся отмеченные завидной устойчивостью тривиальные характеристики разных народов, зафиксированные в словарях XVI века. Их вернее всего следует определить как предрассудки в широком смысле этого слова. Понятие «национальный характер» приложимо к языку, мифологии, литературе, искусству, традициям, характерам цивилизации, стилю жизни, но совершенно неприменимо к душевным свойствам и нравственным качествам людей, составляющих тот или иной народ»³.

Среди современных исследователей к изучению национального характера в имагологии обратилась Л.П. Репина. Она отмети-

¹ Ерофеев Н.А. Указ. соч. С. 12.

² Копелев Л.З. Чужие // Одиссей. М., 1993. С. 15–16.

³ Оболенская С.В. Указ. соч. С.199.

ла, что при анализе национального характера ученые, как правило, выделяют следующие подходы: этнографический (описание быта, нравов, образа жизни народа), психологический, лингвистический (сравнительный анализ языка, грамматических структур), культурно-исторический (анализ картин мира, традиций, способов мышления и поведения). На взгляд историка, в научной литературе, как и в обыденном сознании, нации (как коллективной личности) «приписывается набор устойчивых качеств атрибутов». При этом, продолжает Л.П. Репина, «эмоциональный, поведенческий, ценностный и когнитивный уровни национальных характерологий, как правило, «микшируются». На ее взгляд, «эссенциалистские представления» о «национальном характере» несостоятельны. Введение же данного понятия подразумевает критический анализ представлений «обыденного («внеаучного») сознания». И в этом случае речь следует вести «как об историчности национальных (этнопсихологических) стереотипов, так и об исторической динамике самого концепта «национальный характер»¹.

Исследователи межкультурных коммуникаций нередко обращают внимание на проблему различий «Своих» и «Чужих». «Основной, определяющий стереотип в отношении одного народа к другому, — подчеркивает С.В. Оболенская, — различие «своих» и «чужих», свойственное человеку с глубокой древности и проявляющееся, прежде всего, в отталкивании всего «чужого» как неприемлемого. С ним связаны самые общие представления о действительных, или мнимых национальных чертах»². Аналогичного взгляда придерживался Н.А.Ерофеев. Он отмечал, что интерес к чужим народам, стремление понять и объяснить особенности их быта и жизни восходят к самым древним временам. «Этот интерес мы наблюдаем в наше время у всех, даже у самых отсталых народов. Правда, в силу их относительной изоляции от внешнего мира знание ими этого мира крайне ограничено, а образы других народов не дифференцированы: все они просто «чужие». Отношение к этим чужим окрашивается твердым убеждением в превосходстве всего своего над чужим»³.

¹ Репина Л.П. «Национальный характер»... Указ. соч. С. 11.

² Оболенская С.В. Указ. соч. С. 6.

³ Ерофеев Н.А. Указ. соч. С. 10.

Следует признать справедливым суждение ученых о том, что в процессе контакта с незнакомой (чужой) культурой носитель другой культуры традиционно воспринимается как «чужой». В древнерусском языке всех иностранцев называли словом «немец» (от слова — «немой», то есть, не умеющий говорить на нашем языке). Впоследствии это слово было вытеснено словом «чужеземец». Если в основе определения иностранца поначалу лежало его неумение говорить на родном, в данном случае русском языке, то чужеземец и затем иностранец, пришедшие на смену немцу, переставили акцент с владения языком на происхождение: из чужой земли, из иных стран. Смысл этого слова становится полным и ясным в противопоставлении: родной, свой — иностранный, то есть чужой, чуждый, принятый в иных странах. «В этой оппозиции заложено столкновение между своим и чужим уставом, то есть налицо конфликт культур». Становится понятно, что именно родная культура объединяет людей и одновременно отделяет их от других, чужих культур, от культур иных стран. Иначе говоря, «родная культура — это и щит, охраняющий национальное своеобразие народа, и глухой забор, отгораживающий от других народов и культур. Весь мир делится, таким образом, на своих, объединенных языком и культурой людей и на чужих, не знающих языка и культуры»¹.

Для оценочного компонента представлений о внешнем мире в литературе, утверждает О.Ю. Казакова, прочно утвердилось использование терминов Другой/Иной/Чужой. Термин «Другой» — многозначен, поскольку «вокруг наблюдателя находится множество людей, чье различие определяется малейшими нюансами поведения, речи, деятельности, полом, возрастом, доходом и проч.». Историк обращает внимание на то, что Другой может быть не только внешним, но и внутренним. Понятие «Иной» означает объект, отличный от наблюдателя, но не обязательно противоположный ему. «Иной» — это неопределенный «Другой». Что касается образа «Чужого», то на взгляд, О.Ю. Казаковой, это словосочетание, имеющее негативную окраску, является наиболее популярным «инструментом описания»².

Наиболее подробно на проблеме формирования образа «Чужого» остановился в своей статье И.Д. Сахурия. Он подчер-

кивает, что категории «Собственного» и «Чужого» тесно связаны и даже детерминированы понятием культуры в широком смысле. «Чужое, с которым мы никогда не сталкивались, не актуально. Актуализируется оно только тогда, когда попадает на границу с Собственным, соприкасается с ним и противопоставляется ему». «Собственное», как правило, привычно, безопасно, полностью вписано в рамки культуры, в которой существуют человек. В противоположность этому «Чужое» абстрактно, непредсказуемо, а значит несет в себе потенциальную угрозу. Поэтому Чужое наделяется в сознании отрицательными, агрессивными чертами. Эта особенность, продолжает автор, нашла отражение в языке: «Семантически оппозиция Чужое — Собственное всегда является эмоционально окрашенной». В то время, как себя народы наделяют чаще всего положительными эпитетами («смелые», «отважные», «доблестные»), то по отношению к Чужому эпитеты употребляются преимущественно негативные («вероломный», «хитрый», «трусливый»). И.Д. Сахурия выделяет ряд критериев отчуждения, которые, на его взгляд, являются базовыми при конструировании образа «Чужого»:

- 1) этнолингвистический (язык, культура в узком смысле, этническая принадлежность);
- 2) этико-вероисповедальный (религиозно-мифологические системы, обычаи);
- 3) быто-технологический (образ жизни, развитость сельского хозяйства, ремесла и т.д.);
- 4) пространственно-географический (удалённость, характер местности и т.д.).

На основе этих базовых признаков образ «Чужого» формировался во все периоды истории. Вместе с тем, как подчеркивает ученый, в разные времена и для разных культур «значимость каждого из этих признаков была не одинаковой и не равноценной». Изменялись, как соотношение отдельных элементов в построении образа «Чужого», так и конкретная фактологическая наполненность концептуальной модели. Следовательно, приходит к заключению автор, необходимо вести речь об «историчности Образа Чужого, его уникальности для каждого определённого исторического периода и культуры»¹.

¹ <http://www.bestreferat.ru/referat-11919.html>

² Казакова О.Ю. Указ. соч. С. 13–14.

¹ Сахурия И.Д. О роли религиозного фактора в формировании Образа Чужого // Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфес-

Обращаясь к проблеме соотношения Своего/Иного/Чужого, Л.П. Репина акцентирует внимание на двух моментах. Первое, то, что оппозиция «мы — они» («свои — чужие») является «древнейшей системой социальной категоризации». Второе: эта система является «культурной универсалией, присущей самосознанию любого типа общности». Историк подчеркивает, что оппозиция «свои-чужие» складывается на разных уровнях. «В обыденной жизни она возникает на основе коммуникативных критериев, подразумевающих возможность установления общения (языка, внешности, одежды, манер поведения) и восприятия внешних форм другой культуры. Но более глубокие контакты непосредственно затрагивают присущие каждой культуре картину мира, ценности, мировоззренческие установки»¹.

Следует отметить, что Чужой нередко превращается в образ «Врага». Об этом писал С.В. Чугров. «Сознание человека, давая первичную оценку различным явлениям, сразу же разделяет их на знакомое и незнакомое, разбрасывая в противоположные стороны подобно костяшкам на счетах, — отмечал ученый. — Поскольку человек опирается, прежде всего, на личный опыт, знакомое классифицируется обычно как свое, а незнакомое — как чужое. Первое, как правило, воспринимается позитивно, а второе — порой враждебно. Таким образом, свои национальные или идеологические атрибуты оцениваются со знаком плюс, а все чужое, выходящее за круг привычного, становится топливом для «образа врага»².

Наиболее подробно на проблеме превращения образа «чужого» в образ «врага» остановился Л.З. Копелев в статье с характерным названием «Чужие». «Образы чужого как представления о другом народе, укоренившиеся в сознании, подсознании и ставшие предубеждением, последовательно трансформируются и перерастают в образы врага, в предрассудки, от которых человечество страдает с самого начала своего существования», — отмечал он. Ученый обращал внимание на тот факт, что отрицательные суждения о других народах были известны еще с древности. В качестве примера он ссылался на словарь Цедлера (1731–1754), где одна

сиональные конфликты и вызовы XXI века). Материалы международной научно-практической конференции. Барнаул, 2006. С. 54–56.

¹ Репина Л.П. «Национальный характер» и «Образ Другого». Указ. соч. С.16.

² Чугров С.В. Указ. соч. С.12–13.

из статей посвящена «национальной ненависти», которая издавна была свойственна нациям. «Уже в самых ранних человеческих общностях образ чужого превращался в образ врага», — заключал ученый. Он также отмечал устойчивость и опасность подобного стереотипа: «Унаследованные из древности инстинкты недоверия к чужим — к иностранцам, инородцам, иноверцам — рождают слепую ненависть, создают уродливые личины «исконных врагов». Л.З. Копелев обратил внимание на тот факт, что образ врага порой формируется не только из коллективного исторического, но часто и из личного опыта. «Жестокая политика государств, злодеяния военщины, т.е. действия небольшой части одного народа, вменяются в вину всей нации». Все это ведет к искаженным представлениям о другом народе, которые превращаются в образы врага. «Такое «образотворчество» было всегда вредно», — заключал ученый¹.

Современные исследователи также обращаются к проблеме трансформации образа «чужого» в образ «врага». К примеру, Д.И. Щербакова утверждает, что термин «образ врага» представляет собой социально-политический миф, который создается «какими-либо этнополитическими силами с целью достижения своих целей через воздействие на общественное сознание, в целях направления общественного недовольства в наиболее безопасное русло». Исследователь подчеркивает, что формирование данного образа имеет и естественные составляющие, поскольку оппозиция «мы — они» является одним из средств консолидации этноса, а те, кто противопоставляется «своим», нередко наделяются демоническими чертами, им приписываются различные пороки и жестокость. Подобное «архаическое осмысление» оппозиции «мы — они», на взгляд автора, особенно актуально в политическом дискурсе XX в. Когда нарастает социальная напряженность, то «выброс» негативной энергии нуждается в реальной цели, принимающей черты образа «врага». Формирование подобного образа становится важным элементом государственной идеологии. Образ «врага» начинает тиражироваться СМИ, а также воспроизводится через литературу и искусство, он с легкостью воспринимается людьми, которые готовы «некритически воспринимать психологически комфортную информацию». Созданный образ «врага» призван заместить собой

¹ Копелев Л.З. Чужие. Указ. соч. С. 12, 14,17.

в коллективном сознании «реальный образ представителя другой страны или другой национальности»¹.

Процесс трансформации образа «чужого» в образ «врага» может быть продолжительным по времени. Он происходит скрыто, а при необходимости может быть активирован массовыми средствами пропаганды довольно быстро, поскольку, по утверждению Л.П. Репиной, «в глубинах обыденного сознания» давно укоренился негативный стереотип, возникший на основе неадекватного восприятия внешнего мира².

Устойчивость негативных стереотипов в массовом сознании этносов порой приводит к зарождению такого явления как ксенофобия³. Д.И. Щербакова выделяет два вида ксенофобии: бытовую и идеологическую, подчеркивая, что их носителями выступают разные социальные группы. В первом случае — это аполитичное население, но их этническая нетерпимость не приводит к агрессивным действиям, не вызывает особых конфликтов. «Другой тип интолерантности характерен для людей, выступающих в качестве мифологизаторов истории своей этнической группы, субъектов стереотипизации и создания маркеров разделения людей по тем или иным признакам». «Градус ксенофобии», как у отдельных индивидов и социальных групп, так и на уровне общества в целом в конкретный момент его социально-исторического развития, на взгляд ученого, определяют этнические, социальные и прочие факторы⁴. Примечательно, что Д.И. Щербакова считает ксенофобию «естественным этносоциальным феноменом», а некоторый ее вид признает неизбежным для любого человеческого сообщества. Полное искоренение ксенофобии, на взгляд ученого, вообще не представляется возможным. Допустимо лишь пытаться понизить уровень ксенофобии «до социально приемлемого уровня, а также минимизации наиболее опасных, криминальных проявлений»⁵.

¹ Щербакова Д.И. Указ. соч. С. 35,38.

² Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого». Указ. соч. С. 17.

³ Ксенофобия (от греч. *xenos* – чужой, посторонний, и *phobos* – страх) – негативная психологическая установка, выражающая иррациональный страх и ненависть к чужим – людям иного народа, расы, веры, выходцам из других регионов и социальных групп.

⁴ Щербакова Д.И. Указ. соч. С. 130–131.

⁵ Там же. С. 164.

Анализ новейших работ по проблемам исторической имагологии позволяет заключить, что в большинстве своем их авторы сумели вскрыть основные механизмы возникновения и формирования этнических стереотипов, национального характера, а также деления образов на Своих/Иных/Чужих. Наименее разработанной в методологическом плане продолжают оставаться проблемы трансформации образа «чужого» в образ «врага», а также ксенофобии в межкультурных отношениях. Недостаточно работ, иллюстрирующих на конкретных исторических примерах концептуальные положения теоретических разработок. Как видно, перед исследователями кросс-культурных коммуникаций еще стоит немало проблем, а сама наука имагология продолжает оставаться в поиске, в первую очередь, соответствующих методических разработок.

Глава 3

ПРОБЛЕМЫ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ

Кузьмина М.В.

Понимание как поиск смысла и объяснение как выявление сущности явления — одни из самых сложных процедур исторического исследования. Именно поэтому историк для решения своих научных задач, пытаясь понять и объяснить то или иное изучаемое им явление, процесс, историческую личность, сам выбирает те или иные способы исследования источников, то есть, те, которые он считает наиболее адекватными в данной конкретной ситуации. При этом он порой сталкивается с большими трудностями, применяя методы, казалось бы, привычные и ставшие чуть ли не обыденными. Например, при использовании хорошо знакомого любому исследователю компаративного метода могут возникать определённые сложности. Это становится особенно заметно, когда исследовательская цель состоит не просто в формальном сравнении двух источников или их комплексов (хотя это также имеет право на существование в качестве первичного этапа критики источников), а в поиске глубинных причин сходств и различий, как самих источников, так и социумов, породивших их.

Действительно, компаративный анализ — метод хорошо известный и доказавший свою научную состоятельность, однако историку при его использовании надо чётко понимать, что, как и для чего сравнивать. Тем более, когда речь идёт об источниках по времени, месту и своему бытованию находящихся далеко друг от друга. Даже на первый взгляд очень схожий по своей структуре и

по своему смысловому наполнению источниковый материал может привести при поверхностном сравнительном анализе к неточным выводам, уводящим исследователя в ложном направлении. И здесь очень важны следующие принципиальные подходы.

Прежде всего, необходимо рассматривать источник как «элемент целостной системы — культуры», в которой данный источник или комплекс источников формировался. Через сравнение схожих источников или комплексов источников и «формируется более полное знание о разнообразии социокультурных процессов в разное время и в разных обществах»¹.

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения понимание того, что история — наука междисциплинарная². В этом смысле применение понятий, методов, заимствованных из других наук, даёт возможность историку более продуктивно работать со своим материалом, поскольку порой происходит так, что исследователю не хватает собственного, выработанного исторической наукой, понятийного аппарата, способного адекватно описать проблемы, возникающие при анализе и систематизации исторических источников.

В то же время необходимо помнить и об ограниченности использования таких методов, подходов и понятий в исторической науке, о необходимости их корректировки в соответствии с особенностью истории как научной дисциплины. Например, сегодня, пожалуй, никто не удивится использованию понятия «аналогия», введённом впервые Аристотелем при описании животного мира³. Оно и в истории имеет широкий круг применения. Понятие же «гомология» — зачастую заменяющее понятие «аналогия» — редко встречается в современных исторических исследованиях⁴, хотя

¹ Бульгина Т.А. Компаративное источниковедение и источниковедческие практики межвузовского НОЦ «новая локальная история» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 44. М., 2013. С.97–100.

² См., например: Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. Томск, 2002.

³ Бляхер А.Я. Проблемы морфологии животных. Исторические очерки. М., 1976. С. 45.

⁴ Как и «ароморфоз» — появление у организмов в процессе эволюции таких приспособлений, которые затем приобретают широкое распространение, в результате чего организмы могут выйти на более высокий уровень организации и расширить использование внешней среды. Гринин Л.Е., Коротаев А.Е.

оно, вошедшее в научный оборот позже, чем понятие аналогии¹, может быть полезно в историческом анализе.

Указанные понятия пришли из биологии (хотя некоторые историки настаивают на том, что междисциплинарный синтез возможен прежде всего между науками гуманитарными² как наиболее близкими друг другу) и история их использования отражает все трудности, которые преодолевала эта наука по мере своего развития. Даже сегодня среди учёных-биологов нет единого мнения относительно точных трактовок того, что есть «аналогия» и «гомология». Однако всё же наиболее употребительны следующие: **аналогия** обнаруживается прежде всего в функциональном сходстве, в подобии, не имеющим общего происхождения или появившимся вследствие сходных условий жизни, связывающее единством происхождения весь органический мир, а **гомология** свидетельствует о близком родстве и выражается в морфологическом единстве строения органов животных, хотя внешне они даже могут быть и не похожими друг на друга, при этом оставаясь связанными³. Следует отметить, что семантика названных понятий в биологии, гораздо шире и сложнее тех простых определений, которые даются в словарях, где аналогия — это подобие и сходство предметов, явлений, процессов, не связанных общим происхождением, а гомология — подобие сопоставимых частей разных организмов, унаследованное от общих предков. Но и здесь оба понятия находятся в отношении относительной противоположности. Главное здесь то, что это разные виды подобия или разные степени подобия. Историк, «приспосабливающий» эти понятия для своих конкретных целей, используя их в своей «дискурсивной среде»⁴, также неизменно вы-

применяют это понятие — социальный ароморфоз — как универсальные/ широко распространённые приспособления/инновации в развитии социальных организмов и их систем, которые повышают сложность, приспособляемость, интегрированность и взаимное влияние обществ // *Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы. М., 2008. С. 8.

¹ Бляхер Л.Я. Указ. соч. С. 129.

² Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. Указ. соч. С. 38.

³ Бляхер Л.Я. Указ. соч. С. 129–206.

⁴ Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. Указ. соч. С. 12.

нужден эти понятия упрощать, сохраняя, тем не менее, их общую смысловую наполненность¹.

Итак, если аналогия в природе предполагает подобие прежде всего функциональное, мы можем предположить, что и в социальных явлениях, процессах, в истории личности мы можем наблюдать такие аналогии, пусть даже и разделённые в историческом времени и пространстве, и разные по вызвавшим их к жизни причинам. Гомология же определяется чаще всего как раз по внешнему сходству и по похожим по происхождению основаниям.

К тому же следует иметь в виду, что выделяются несколько видов аналогий: полная аналогия, аналогия как сходство между объектами разными по своему происхождению и аналогия как сходство между частями одного объекта. Большие возможности историку в смысле поиска аналогий и гомологий даёт цивилизационный подход, т.е. анализ культурно-духовной сферы общества, хотя его применение ограничено и не является единственным методом исторического исследования. Важно то, что в культуре (в широком понимании этого слова, где главным всегда являются люди, а более узко — деятельность личности) более ярко, более выпукло проявляются особенности той или иной эпохи, того или иного общества.

Очень плодотворной в этом смысле является высказанная уже не одним исследователем мысль о том, что цивилизации не развиваются изолированно, а представляют собой целостную систему, в которой элементы взаимосвязаны. Отсюда и появление понятия Мир-Система (как развитие цивилизационного подхода), которая определяется как обладающая системными характеристиками предельная совокупность человеческих обществ, заметным образом прямо или опосредованно связанных между собой². Эта концепция также даёт возможность историку анализировать схожий источниковый материал хотя бы в преде-

¹ Там же. С. 125: «Конечно, сам по себе перенос терминов из одной исследовательской области в другую не несет вреда развитию той или иной дисциплины, если, конечно, термины ясно и четко артикулируются в новой для себя среде и не увеличивают неопределенность и без того весьма уязвимого в этом отношении языка гуманитарных наук». О. Шпенглер говорил об аналогии как о средстве для уразумения всех живых форм. См.: *О. Шпенглер.* Закат Европы. Авт. вступит, статьи А.П. Дубнов, авторы комментариев Ю.П. Бубенков и А.П. Дубнов. Новосибирск, 1993. Т.1. С. 34–36, 168.

² См. объёмный синтетический труд: *Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы. М., 2008.

лах близких в культурном отношении цивилизаций, не опасаясь быть подвергнутым упрекам в излишне вольном подходе к историческим реалиям. Другими словами, можно говорить о наличии сходства общественных процессов при существовании пространственно-временных различий. О гомологичности исторических эпох говорит Освальд Шпенглер, развивая свою теорию исторического метода¹. Так, в частности, он писал: «Культуры суть организмы. История культуры — их биография. Данная нам, как некоторое историческое явление в образе памяти, история китайской или античной культуры морфологически представляет собой полную аналогию с историей отдельного человека, животного, дерева или цветка. Если мы хотим узнать ее структуру, то сравнительная морфология растений и животных давно уже подготовила соответствующие методы. Феноменами отдельных, следующих друг за другом, рядом вырастающих, соприкасающихся, затеняющих и подавляющих одна другую культур исчерпывается все держание истории»². Отсюда его попытка проводить смелые исторические параллели.

В историографии проблема изучения разных цивилизаций давно стала серьёзной исследовательской задачей. Появление понятий «славянофильство», «западничество», «евразийство» есть свидетельства постоянных попыток определения места России в европейской цивилизации, не прекращающихся споров по этому поводу. Действительно, к какой цивилизации принадлежит Россия, соединяющая в себе черты и западной, и восточной цивилизаций, и как это сказалось на её историческом развитии — вопросы, вызывающие интерес до сих пор. Взять хотя бы проблему сравне-

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Указ. соч. С. 179: «Я надеюсь доказать, что все без исключения великие создания: формы религии, искусства, политики, общества, хозяйства, наук во всех культурах одновременно возникают, завершаются и угасают, что внутренняя структура одной вполне соответствует всем другим; что нет ни одного, имеющего в исторической картине глубокое физиогномическое значение, явления в одной из них, к которому бы не нашлось параллелей во всех других, притом в строго показательной форме и на вполне определенном месте. Однако, чтобы постичь эту морфологическую идентичность двух феноменов, нужны совсем иное проникновение и независимость от видимостей переднего плана, чем те, каковые были до сего времени в обычае у историков, которые никогда не смогли бы себе вообразить, что протестантизм имеет свою параллель в дионисовском движении, а английский пуританизм на Западе соответствует исламу в арабском мире.»

² Там же. С. 168.

ния сословного представительства на Западе и на Руси¹. При всех больших трудностях такого сравнительного анализа, тем не менее, подобные исследования проводятся, а относительность выводов всё же не говорит о невозможности поиска аналогии и гомологии. Если же рассматривать Западную Европу и Россию в исторических перспективе и ретроспективе как элементы одной системы — большой евразийской цивилизации (даже при всей условности этого понятия), то взаимосвязь и подобие социокультурных процессов станут более очевидными, а компаративный анализ различных аспектов этих элементов — более плодотворным.

Два источника, о которых пойдёт речь, даже при первом знакомстве с ними, выглядят схожими по семантике и по структуре². Это не может не вызвать вопрос об их возможном генетическом родстве, поскольку в их основе лежит общее для европейской средневековой цивилизации явление: христианская поучительная литература, а их функции — поучение и наставление — не вызывают сомнения. Хотя при этом у нас нет оснований говорить о прямом влиянии или заимствованиях. Русский «Домострой»³ и анонимный французский «трактат» «Le Ménagier de Paris»⁴ — образцы средневековой дидактической литературы, первый из которых доработан в XVI в., возможно, из новгородского текста (-ов) конца XV в., но в основе имеющий и другие литературные памятники более раннего периода. Второй источник — продукт французской городской культуры конца XIV века, в котором нашли своё отражение как культурно-социальные топосы сред-

¹ Смотри, например, материалы международной конференции: «Сословное представительство в России в контексте европейской истории вторая половина XVI — середина XVII вв. Международная научная конференция 7–10 октября 2013 г. Тезисы докладов». М., 2013.

² Автор настоящей статьи также пыталась, основываясь на этом очевидном сходстве источников, проанализировать в рамках сопоставления культур некоторые аспекты христианского учения, нашедшие отражение в обоих памятниках. См.: Кузьмина М.В. Опыт жизни и религиозные ценности: «Le Ménagier de Paris» (XIV в.) и «Домострой» (XVI в.) // Взаимодействие культур и социумов в контексте всемирной истории, М., Институт всеобщей истории РАН, 2007. С. 50–79.

³ Домострой. Изд. 3-е. СПб, 2007.

⁴ Le Ménagier de Paris, traité morale et d'économie domestique, composé vers 1393. Ed. par J. Pichon. T. I, II. P., 1846. Автор трактата-поучения был, вероятно, по своей социальной принадлежности буржуа.

невековой ментальности в целом. Но несомненна и связь с более ранними произведениями христианской учительной литературы, имевшими широкое хождение. Стоит подчеркнуть, что при всех различиях в социально-политическом и экономическом развитии Франции конца XIV в. и Московской Руси XVI в. культурные явления, в основе которых лежал общий цивилизационный фактор — христианское нравственное учение — не могли не иметь схожие черты как функциональные, так и генетически родственные (вот тут у исследователя появляется необходимость использования понятий гомологии и аналогии). Даже при тех больших трудностях, которые возникают при попытке «вписать» Россию в общеевропейский контекст, будь то вопросы сословного представительства или проблемы формирования сословий и их отношений с монархией, при всей неопределённости понятийного аппарата историков, занимающихся такими компаративными исследованиями, можно предположить, что культурно-духовная сфера является наиболее благодатной почвой для таких изысканий¹. Кроме того, повторимся, главным аспектом такого исследования должна стать личность как средоточие и выражение характерных для изучаемой эпохи черт.

Можно много говорить об основах возникновения этих источников. И для «Домостроя», и для «Le Ménagier de Paris» они не будут абсолютно идентичными, поскольку условия возникновения и бытования, процесс их создания обуславливается конкретными историческими ситуациями тех стран, в которых они появились. Однако — и это является основополагающим моментом — их принадлежность к городской культуре в рамках господства христианской нравственной доктрины позволяет считать оба памятника аналогичными, т.е. функционально и по смыслу соответствующими определённому этапу развития христианского общества как на Западе, так и на Руси. И поскольку любой историк начинает своё исследование с идеи, которая могла бы хотя бы первоначально, в грубой форме, указать на цель принятого им анализа, то сравнение обоих памятников можно

¹ Сравнительные исследования в сфере политического устройства можно также рассматривать как исследования в контексте политической культуры обществ. См., например: *Флоря Б.Н.* Поздний Новгород и Чехия Ягеллонов (попытка сравнительного сопоставления) // *Средние века.* № 72 (3-4). М., 2010. С. 9–26. Автор широко использует понятие аналогии.

было бы построить в форме диалога двух культур, несопадающих, но и не вступающих в резкое противоречие. Перед историком-исследователем стоит первостепенная задача выявления степени подобия, а если таковое будет обнаружено, — дальнейший анализ источников в плане выявления аналогии и гомологии как более фундаментальных черт этого подобия.

Некоторые исследователи прямо заявляют о том, что «Домострой» — эквивалент французского «Le Ménagier de Paris»¹, но в какой степени и так ли это в целом? Можно представить существование некоего идеального гомологичного «архетипа», о котором применительно к биологии говорил Оэун Р.², в котором существовали бы основные черты, характерные для подобного типа объектов. Вероятно, что в основе обоих источников лежал такой воображаемый «архетип», который мы могли бы найти и в других дидактических текстах, созданных на основе Нового и Ветхого Заветов, дополненных выдержками из трудов Отцов Церкви. Такой архетип предполагает и определённую структуру, и определённое смысловое наполнение.

Жанр поучений не нов. Из наиболее известных, в частности, — поучение в хозяйственной жизни («Домострой» Ксенофонта, IV в до н.э.), наставление в деле управления королевством в русле христианских добродетелей («Поучения Людовика Святого своему сыну», XIII в.). Позже в Европе — в XIV–XV вв. — появились наставления мужей своим жёнам и дочерям, которые через Восточную Европу в переводных текстах, возможно, появились и на Руси³. Об этих многочисленных «домостроях» довольно подробно написано В.В. Колесовым, им проведён не только сравнительный анализ глав из русского «Домостроя» и сочинения поляка Николая Рея «Жизнь хозяйственного человека» (1567 г.), но и в целом анализ всего «Домостроя». Он же высказал идею о том,

¹ *Priadko E.* La valeur historiographique du Domostroj ou la Russie au prisme d'un Ménagier (v.1560) // *Écrire et réécrire l'histoire russe d'Ivan le Terrible à Vasilij Ključevskij (1547–1917)*, publié sous la dir. de P. Gonneau et E. Rai. P., 2013. P. 33.

² *Бляхер Л.Я.* Указ. соч. С. 82–84.

³ В.В. Колесов довольно подробно говорит об этом в своей статье «Домострой как памятник средневековой культуры», упоминая (со ссылкой на И.С. Некрасова) и «Le Ménagier de Paris» / *Колесов В.В.* Домострой как памятник средневековой культуры // *Домострой.* С. 313–321.

что «общность социально-экономических условий, культурной среды в эпоху средневековья направляла размышления книжников по общему руслу»¹. Думается, что между русским «Домостроем» и средневековыми западноевропейскими памятниками подобного типа в целом, и «Le Ménagier de Paris», в частности, нет прямых заимствований. Однако то сходство между ними, которое всё же существует, коренилось, как представляется, прежде всего в том, что оба источника создавались именно в традиции христианских нравственно-моральных норм, а в более широком смысле — в общеевропейской традиции нравственно-учительной литературы.

Начнём с того, что, как говорится, «лежит на поверхности». Оба источника зачастую сближают по чисто внешним признакам. Само название французского памятника — «Le Ménagier de Paris», данное, по-видимому, переписчиками XV века, а не самим автором, при переводе на русский язык всё же не передаёт весь спектр смыслов, заложенных в этом слове. Обычно его переводят либо как «Парижский Домострой», либо как «Парижский домохозяин», хотя здесь, думается, подошло бы какое-то иное слово, по семантике включающее в себя оба эти значения.

Приходится признать, что адекватный перевод слова «le ménagier» на русский язык весьма затруднителен, хотя известный французский медиевист Ж. Фавье и говорит, что оно означает просто-напросто «хозяин дома»². «Словарь старофранцузского языка и всех его диалектов с IX по XV век» Ф. Годфруа³ начинает ряд синонимов со слова «mesnage» — дом, манор, члены одного хозяйства, а «ménagier» определяет как «домочадец, эконо, управляющий». Другой словарь — «Le Grand Robert de la langue française» даёт такие значения слова «ménager»: домашняя жизнь, включающая все материальные аспекты, все, что касается внутренней жизни семьи и доходов, а также управление домашними делами и экономия⁴. «Словарь утерянных смыслов» — «Dictionnaire des sens perdus» (составители А. Дюшен и Т. Ленэ) глагол «ménager» определяет как «управлять, вести заботливо дела, направлять»⁵. С XIII в. слово «ménage» озна-

¹ Там же. С. 327.

² Фавье Ж. Франсуа Вийон. Пер. с франц. В.А. Никитина. М., 1999. С. 185.

³ Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècles. P., 1938. P. 291–294.

⁴ Le Grand Robert de la langue française. P., 1996. P. 359–361.

⁵ Duchesne F., Legnay T. Dictionnaire des sens perdus. P., 1990. P. 168.

чает совместную жизнь мужчины и женщины в рамках супружеской пары¹. Во всяком случае, название, данное книге-поучению, во многом отражает ментальность людей XV века, когда этот трактат переписывали, но и, думается, и человека XIV века — автора, не столь далеко отстоящего по времени от них.

Семантика же русского слова «Домострой» косвенно связана в том числе с богословской идеей домостроительства — понятия, получившего особое распространение в восточной патристике и богословии. По словам Лосского В.Н., Святая Троица проявляется в «акте сотворения или промысле», это её проявление относится к «икономии» или «домостроительству», т.е. к созданию тварного мира². В.В. Колесов отмечает, что понятие «домострой» в отличие от прямого заимствования из греческого языка («экономия») — понятие, пропитанное нравственными характеристиками между людьми, которые составляют население «дома»³. В то же время и Л.П. Найдёнова, и В.В. Колесов — современные исследователи «Домостроя» — считают, что «Домострой», «следуя традиции нравоучительных сборников, выставляет совершенно новый для русской литературы тип — «тип хозяина»⁴, и именно хозяин, «государь дома» в Древней Руси оказывался «целостной личностью»⁵. Примечательно, что переводчик русского «Домостроя» на французский язык М.Е. Дюшень дал второе название источнику после перевода-кальки с русского — «Le Domostroï» — «Ménagier russe du XVI-e siècle», тем самым осознанно или неосознанно⁶, связав

¹ Dictionnaire historique de la langue française. P., 2000. P. 2190–2191.

² Лосский В.Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 64. О понятии «домостроительства» в христианстве см. также: Хлебосолов Е.И. Метафизические основания христианства. СПб., 2010. В.В. Колесов. Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой. С. 306.

³ Колесов В.В. Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой. С. 306.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Найдёнова Л.П. Мир человека на Руси в XVI веке (по Домострою и памятникам права). Автореферат дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. М., 1998.

⁶ Le Domostroï (Ménagier russe du XVI-e siècle). Traduction et commentaire. Thèse complémentaire pour la doctorat ès Lettres présentée à la Faculté des Lettres de l'Université de Paris par M.E. Duchesne. P., 1910. Автор, к сожалению, нигде более — ни в предисловии, ни в переводе — не заостряет на этом внимание.

оба памятника гораздо более тонкими смысловыми нитями, чем это выглядит на первый взгляд.

Выше уже говорилось о схожей структуре памятников. И в «Домострое», и в «Le Ménagier de Paris» текст структурирован по подобию христианской нравоучительной литературы, в которой повторяются в определённой последовательности одни и те же поучения, подкреплённые высказываниями христианских авторитетов (архетип). Начинаются оба источника с глав, посвящённых преимущественно обязанностям людей как христиан, а затем уже идут главы об обязанностях членов семьи по содержанию хозяйства, дома¹. Даже при всех различиях по «наполняемости» этих глав конкретным содержанием, обусловленных своеобразием двух культур, такая структура не случайна. В этом, вероятно, также проявляется глубокая генетическая связь (гомология), отражающая общность процессов, связывающих всю евразийскую цивилизацию — формирование личности в процессе социализации индивида в рамках христианской культуры, следование определённым образцам, определённой логике воспитания личности.

Однако аналогия и гомология, проистекающие из принадлежности обоих памятников к христианской культуре и говорящие об их генетической близости, не делают источники идентичными — «эквивалентными», но ещё более ярко проявляют их особенности. Они коренятся как в своеобразии культур, так и в их существовании в рамках разных ветвей христианской нравственно-этической мысли — для автора «Le Ménagier» — это католицизм, а для авторов «Домостроя» — православие. Следует признать, что принадлежность к одной евразийской цивилизации, конечно, не означает полного совпадения.

Если говорить об упомянутом выше архетипе обоих памятников, то для русского «Домостроя» он мог бы иметь прообраз в произведениях определённого типа. Это и «Пчела» — очень распространённый на протяжении нескольких веков, особенно с XIV в., сборник, составленный из выборок из Священного Писания, Отцов Церкви и античных писателей, и «Златая Чепь», составленная по принципу латинских и греческих *catenae Patrum* — комментариев Отцов Церкви к Писанию, и «Поучение Владимира Мономаха», в котором также много цитат из Писания и также сильно выражена тяга к христианским добродетелям, и Измарагд (коих было «штук

¹ Le Ménagier de Paris. Т. I. P. 4–7.

двести»)¹, а также труды Иоанна Златоуста. Античные авторы не были широко известны русскому читателю и только благодаря переписчикам трудов греческих богословов в текстах можно было найти трудно вычленимые ссылки на того же Аристотеля².

Что касается круга чтения «Le Ménagier de Paris», то он упоминает Библию, «Золотую легенду» (жизнеописание святых), отдельно Апокалипсис, «Жизнь Отцов» Псевдоиеронима³. Что касается прямых ссылок на те или иные произведения или упоминания авторов, то это: Августин, Иероним, Жак де Сессоль (Чессоли), Св. Григорий Великий, Тит Ливий, «Роман о Розе», «Католикон» (нечто среднее между энциклопедией и грамматикой), Грациан, Петрарка, «Семь римских мудрецов», Овидий, Сенека, Эзоп, Катон, Цицерон, Кассиодор. В целом же наиболее частое цитирование или упоминание приходится на Библию (Ветхий и Новый Завет), труды Отцов Церкви и других религиозных авторов — более половины случаев из общего количества ссылок или упоминаний (около 60%), второе место занимают античные авторы (около 25%); на долю других авторов — только 15% ссылок. Это отражает общую тенденцию наполнения частных библиотек прежде всего за счет книг религиозного содержания, однако на долю светских авторов (как античных, так и средневековых) приходится солидная часть. Таким образом, эти два потока литературы оказывали существенное влияние на формирование вкуса и взглядов автора «Le Ménagier de Paris». Думается, совершенно очевидно, что и для составителей русского «Домостроя», и для автора «Парижского Домостроя» основа их поучения — это христианские добродетели.

Как уже отмечалось выше, оба памятника подобны и по структуре, и по смыслу (даже если брать в расчёт то обстоятельство, что русский «Домострой» — плод редакционной правки Сильвестра, а «Le Ménagier» имеет более выраженный авторский стиль). Но если анализировать конкретные статьи, то при смысловой (основнополагающей) гомологичности, аналогия между ними всё же будет неполной.

¹ Хархордин О. Основные понятия российской политики. Гл. «Добродетель». М., 2011. С.290.

² Там же. С. 280–286.

³ Le Ménagier. Т. I. P. 62: “...la Bible, la Legende Doree, l’Apocalice, la Vie des Peres et autres plusieurs bons livres en François que j’ai, don’t vous etes maistress pour en prendre a vostre plaisir...”

Возьмём, например, отношение к верховной власти. Р.Г. Скрынников предположил, что Сильвестр, редактируя «Домострой», имел в виду молодого царя Ивана IV. Однако уже существовала традиция, отразившаяся и в ментальных установках, в которых образ государя занимал определённое место. Византийская традиция почитания царя не могла полностью совпадать с западной традицией восприятия государя. Однако, следует отметить тот факт, что формирование первоначального текста «Домостроя» в Новгороде с его своеобразной политической системой наложило отпечаток на то, что в нём, вероятно, до редакции текста Сильвестром, не нашло отражения чувство почитания князя или царя, ведь Новгородская республика была ликвидирована Иваном III только в 1485 г.

«Домострой» в редакции Сильвестра так говорит о почитании царя: *«Царя бойся и служи ему верою, и всегда о нем Бога моли, тем паче не лги ему, но с почитением правду ему говори, как самому Богу, во всем повинуйся ему; если земному царю с правдою служиши и боишься его, научишься и небесного царя бояться: этот временный, а небесный вечен, он — судья нелицемерный, каждому воздаст по делам его. Также и князьям покоряйтесь и должную им почесть воздавайте, ибо князь послан Богом карать злодеев. С похвалой благодетелей примите всем сердцем своего князя и властителей своих; не помыслите на них зла. Говорит же апостол Павел: «Вся власть от бога», — так что кто противится властителям, царю и князю, и всякому вельможе, и клеветою и лукавством вредит, тот божью повелению противится...»¹.*

У «Le Ménagier de Paris» нет отдельного пункта, в котором он говорил бы о почитании короля. Это почитание у него напрямую связано с почитанием отца, мужа — главы семейства. Рассуждения, в которых так или иначе упоминается король или королева, разбросаны по всему тексту источника. Так, говоря о том, как себя должно вести на мессе, автор, в частности, пишет: *«Après ce, dit le prestre: Per omnia secula seculorum: Et puis: Sursum corda. C'est à dire: levez vos cuers à Dieu. Et le clerc et les autres respondent: Habemus ad Dominum: nous les avons à Nostre Seigneur. Dont doit-l' en appareillier et avoir son oeil au prestre. Après ce, chante-l' en la louenge des anges, c'est assavoir: Sanctus, sanctus, sanctus. Dont descendent les anges pour appareillier, avironner et garder la table sur laquelle Dieu descendra et par son seul regard repaistra ses amis et adonc entend-l' en*

¹ Домострой. С. 224.

à veoir sa venue et se doit-l' en appareillier ainsi comme bons amoureux subgiez s' appareillent quant le Roy entre en sa cité, et le doit-l' en amoureuement et en grant joie de cuer regarder et recevoir, et en le regardant regracier sa venue et luy donner louenges et salus»¹. Это означает, что в определенный момент, а именно, когда произнесут «Sanctus, Sanctus, Sanctus», всякий, пребывающий на мессе, должен помнить о том, что как раз именно сейчас ангелы спускаются с небес, окружают престол, на котором восседает Господь, и готовятся смиренно сопровождать Его, дабы подданные Господа смогли насладиться Его видом, сравнивая поведение любого прихожанина с поведением подданных во время въезда короля:

«...как добрые любящие подданные готовятся к встрече короля, когда он въезжает в их город, и должны на него с любовью и в великой радости сердца смотреть и принимать, и, глядя на него, благодарить за его приход...»².

Образ верховного владыки, таким образом, и в «Домострое», и в «Le Ménagier» имеет ясные коннотации с образом Бога, что имеет свои основания, в свою очередь, в словах апостолов Петра и Павла³, т.е. в Священном Писании.

Для автора «Le Ménagier de Paris» интересна ипостась короля — отца, супруга. Он делает акцент на прямой связи между незримым Божественным присутствием в церкви во время службы и появлением в пределах города короля, который, как мы уже указывали, согласно традиции, получил власть от Бога. Следовательно, подчинение и покорность (то, чего он так добивается от своей юной супруги) и Богу — владыке небесному, и королю — владыке светскому, совершенно естественны, а далее из этого следует и покорность главе семьи — мужу. Примечательно, что эти так называемые «радостные въезды» королей, утвердившиеся с начала XIV в. и отмечаемые как первое посещение королем того или иного города после его коронации, осмысливались как брак государя с тем или иным верноподданным городом⁴.

В «Домострое» мы не найдём ничего подобного. Однако некоторые исследователи, например, В. Иваницкий, указывают, ос-

¹ Le Ménagier de Paris. Т. I. P. 19.

² Ibid.

³ Новый Завет: Рим. 13; 1 Тим.; 1 Пет. 2.

⁴ См. Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. Пер. с франц. М., 2001. С. 723. Монарх был для подданных защитником и блюстителем мира. Мир обеспечи-

новываясь на материале «Домостроя», на существование параллели отношений «Царь — Страна» и «Муж — Жена», т.е. происходит явное проецирование отношений верховного правителя и подвластной ему территории на внутрисемейные отношения мужа и жены. Видна также параллель и с западноевропейским историческим опытом: на Руси в паре «князь — волость» князь считался мужским элементом, а волость — женским¹. Христианские этические нормы накладывались на более старые формы взаимодействия людей в социуме.

Действительно, для автора «Le Ménagier» важны образы короля и королевы, прежде всего, в качестве главы семейства и его верной супруги, хотя эти образы и являются больше идеальными, чем реальными². Авторитет королевской власти, божественной по происхождению, забота короля о народе как забота отца о своих чадах — эта культивируемая, по сути, иллюзия присутствия короля в жизни любого подданного — способствовали тому, что король и его семья в глазах людей становились неким примером добродетельной жизни, хотя это могло и не соответствовать истинному положению дел. Однако обряд бракосочетания как короля, так и любого другого человека заканчивался обетом супруги, что она будет любить мужа как Рахиль, будет мудрой, как Ревекка, и верной, как Сара³. Того же, повторим, ждет от жены и автор «Le Ménagier», который также выступает, в данном случае, и как верноподданный.

вался государем в его королевстве благодаря священной природе его власти, его мудрости и благоразумию. Король обладал силой излечивать золотушных именно благодаря добродетели миропомазания. Он в глазах современников был не просто мирским человеком, но и «церковным прелатом», первым в его королевстве, первым после папы, правой рукой Церкви. Как известно, развитие этих идей имело далеко идущие последствия: см., например: Lewis P. S. La France à la fin du Moyen Âge. P., 1977. P. 17–18, 134–135; Плешкова С.А. Франция XVI — начало XVII века: королевский галлицизм (церковная политика и формирование официальной идеологии). М., 2005.

¹ См.: Иваницкий И. Русская женщина в эпоху «Домостроя» // Общественные науки и современность, 1995, № 3. С. 161–172.

² Достаточно вспомнить произошедший в 1314 году семейно-политический скандал, когда снохи короля Филиппа IV были уличены в супружеской измене // Ле Гофф Ж. Людовик Святой. С. 720.

³ Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. С. 106–107. Образ мудрой Ревекки — общее место в поучительной литературе.

Когда буржуа приводит те примеры, которые призваны дать образец добродетельного поведения, того, как нужно «хранить достойно свое вдовство, либо девство и девичество» и «замужество или целомудрие»¹, он указывает на пример супружеской жизни королев. Женщине, заподозренной в нарушении супружеской верности и в нарушении вышеназванных добродетелей, не помогут ни богатство, ни красота тела и лица, ни линьяж, ни другие добродетели. Довольно лишь раз навредить своему реноме. И в этом смысле королевы Франции, по мнению «Le Ménagier de Paris», могут быть достойным примером:

«...замужние королевы Франции никогда наедине с собой не читают закрытые письма, если только они не написаны собственноручно их мужьями...и тогда только читают их в полном одиночестве, а в других случаях они зовут к себе в компанию других и заставляют читать кого-то эти письма в их присутствии, и часто говорят, что они могут читать какое-либо письмо или что-то, написанное только их мужьями, и у них это происходит от доброго учения и весьма великого блага, дабы лишь избежать сплетен и подозрений... И потому, что столь высокородные и столь почтенные так поступают, простые женщины, кои также имеют большую нужду в любви их мужей и в добром реноме, должны так поступать...Далее, говорят также, что замужние королевы Франции никогда не будут целовать какого-либо мужчину: ни отца, ни брата, ни родственника, никого, кроме короля пока он жив...но правда ли это, я не знаю»².

¹ Le Ménagier. T. I. P. 75: “...avez-vous deux exemples, l’un de garder honnestement son vefvaige, ou sa virginité ou pucellaige; l’autre de garder son mariaige ou chasteté. Et sachiez que richesse, beaulté de corps et de viaire, lignaige et toutes les autres vertus sont péries et anichillées en femme qui a tache ou souspeçon contre l’une icelles vertus...On véez en quel peril perpetual une femme met son honneur et l’honneur du lignaige de son mary et de ses enfans quant elle n’esschieve le parler de tel blasme...”

² Le Ménagier. T. I. P. 75–76: “...que puis que les Royens de France sont mariées, elles ne lisent jamais seules letters closes, se elles ne sont escriptes de la propre main de leur mary, si comme l’en dit, et celles lisent-elles toutes seules, et aux autres elles appellent compaignie et les font lire par autres devant elles, et dient souvent qu’elles ne sçevent mie bien lire autre lettre ou scripture que de leur mary; et leur vient de vonne doctrine et de très grant bien, pour oster seulement les paroles et le souspeçon... Et puisque si haultes dames et si honnourées le font, les petites qui ony aussi grant besoin de l’amour de leurs maris et de bonne renommée le doivent bien faire”.

Ссылка на поведение королевы Франции как примерной супруги и матери не случайна. В компендиуме А. Анш, например, есть описание некоего каталонского манускрипта XV в., который, якобы является переводом поучений королевы Франции своей дочери. Однако, по мнению А. Анш, каталонский автор, желая привлечь внимание и придать вес своему сочинению, адресованному, скорее всего, женщинам из среднего класса, написал свой труд от имени некоей королевы Франции¹, что симптоматично.

Другими словами, это свидетельствует о том, что авторитет королевы — супруги короля, бывшего носителем власти, данной от Бога, а, следовательно, и власти, распространяющейся на отношения в семье короля, был на достаточно высоком уровне (хотя здесь могла сыграть роль и традиция ссылки на авторитеты, что лишь подтверждает вышесказанное). Образы короля-владельца и короля-супруга, отца семейства оказывались взаимосвязанными в представлениях людей этой эпохи. Причем роль короля в паре «король-королева» была ведущей. Королева приобретала высокие права и обязанности именно потому, что она — супруга короля. Аналогично и свою власть над супругой и детьми автор «Le Ménagier» пытается подтвердить и ссылкой на семейные отношения короля и королевы как на идеал таких отношений.

Однако устремление к праведной жизни как устремление к Богу всё-таки имело выражение в чисто житейских советах и через эти советы реализовывались роли мужа — главы семейства и жены — хозяйки дома, помощницы мужа. Автор «Le Ménagier» представляет семью неким образованием, напоминающим государство, в котором есть глава и подданные. Глава семьи и ее члены заботятся о мире и благоденствии, но каждый по-своему. Глава добывает средства на пропитание, осуществляет и управление семьей, и контроль за соблюдением правил со стороны ее членов. Жена может реализовать себя в качестве хозяйки дома. Здесь она полновластная, подотчётная лишь мужу госпожа. И как муж является, по мнению автора трактата, советчиком, учителем и даже проповедником для жены, так и она для слуг и других домочадцев играет схожую роль:

«И поэтому запрещайте им излишества, обжорство, которые их делают хуже. Также запрещайте им сплетничать и о друг

¹ Hentsch Alice A. De la littérature didactique au Moyen âge s'adressant spécialement aux femmes. Cahors, 1903 P. 189–190. 16 советов, данные матерью своей дочери во многом совпадают с теми советами, которые дает своей супруге автор «Le Ménagier de Paris».

друге, и о соседях. Запрещайте им злословить о других, но могут они только по секрету рассказать вам то и в той мере, что касается вашей пользы, и для того, чтобы избежать вам урона и не более. Не позволяйте им врать, играть в запрещенные игры, мерзко клясться или же выражаться грубо и нефистойно как некоторые дурные женщины... Действительно, женщины не должны говорить никаких грубостей... ни о каких срамных частях тела, ибо это неприлично для женщины об этом говорить... Пресекайте их мщение друг другу, но поучайте их терпеливо... чтобы во всем они смогли с вас брать пример»¹.

В «Домострое» есть несколько глав, посвящённых советам мужа о том, как жена и домочадцы (в том числе и слуги) должны исполнять свои обязанности по дому: *«Следует тебе самому, господину, жену и детей, и домочадцев учить не красть, не блудить, не лгать, не клеветать, не завидовать, не обижать чужого, не наушничать, не осуждать, не бражничать, не высмеивать, не поминать зла, ни на кого не гневаться, к старшим быть послушным и покорным, к средним — дружелюбным, к младшим и убогим — приветливым и милостивым. Всякое дело править без волокиты и особенно в плате не обижать работника, всякую же обиду с благодарностью претерпеть Бога ради: и поношение, и укоризну. Если по делом поносят и укоряют — соглашаться и новых ошибок избегать, а в ответ не мстить. Если же ни в чем не повинен ты — уже и за это от Бога получишь награду. А домочадцев своих учи страху божию и добродетели всякой, и сам то же делай, и вместе от Бога получите милость. Если же небрежением и твоим нерадением сам или жена, наставленьем твоим обделенная, согрешит или что нехорошее делает, или домочадцы твои, мужчины, женщины, дети, грех какой*

¹ Le Ménagier. T.2. P. 59–60: «...Aussi deffendez les de rioter l'une à l'autre ne à vos voisins; deffendez leur de mesdire d'autruy, for seulement à vous et en secret, et en tant comme le meffait toucheroit vostre profit seulement, et pour escheer vostre dommage et non plus; deffender leur de mantir le jouer à jeux illicitis; ce laidement jurer et de dire paroles qui sentient villenis ne paroles deshonnestes ne goulardeuses, comme aucune mecheans ou mal endoctrinées qui maudient de males sanglantes fièvres... car preudefemmes ne le scevent point, car elles sont toutes abhominables de veoir seulement le sang d'un aignel ou d'un pigon quant on le tue devant elles. Et ertes, femmes ne doivent parler de nulle laidure, non mie seulement de con, de cul [по изданию 1994 г. — р. 442, т.к. в издании Пишона это не расшифровано], ne d'autres secrès memebres de nature, car c'est deshonneste chose à femme d'en parler... Deffendez leur vengeance, et endoctrinez en toute patience à l'exemple de Melibée... car par vos fais elles puissant en vous prendre exemple de tout bien».

совершат, хозяйского наставления не имея: ругань, воровство или блуд, и всякое зло сотворят, — все вместе по делам своим примут: зло сотворившие — муку вечную, а хорошо поступишь и ты, и те, кто с тобою, — вместе с ними заслужишь вечную жизнь; тебе даже больше награда, ибо не об одном себе старался ты перед Богом, но и всех, кто с тобою, ввел в вечную жизнь»¹.

И в «Le Ménagier de Paris», и в «Домострое» подобные советы основываются не просто из соображений практической пользы, но прежде всего на стремлении организовать свою жизнь в соответствии с христианскими установлениями. Конечно же, даже в этом столь сходном по общему смыслу отношении к государю мы не можем не увидеть и большое различие, которое определяется особенностями развития двух социумов.

Уже отмечалось, что оба источника являются образцами городской культуры, что помимо прочего их также связывает, но еще более важна их принадлежность к христианской культуре, в которой роль мужчины как мужа, отца, сына, а женщины — матери, жены, дочери во многом определяются христианским нравственным учением. Представляется, что это и есть та гомологичная (глубинная) связь, которую мы и пытались показать. Конечно, различия между ними существенны, но это будет в большей степени касаться исторической конкретики. В том же, что имеет отношение к христианским нравственным установкам, то в обоих памятниках мы найдём гораздо больше сходства.

Сходство по гомологии, представляется, нам гораздо более важным и наиболее трудно обнаруживаемым, поскольку оно говорит о глубинной сущностной связи, которую сложно доказать. Однако, хотя сходство по аналогии часто бывает случайным и внешним, а сама аналогия обладает слабой доказательной силой, выявление сходства по гомологии всё же должно начинаться с анализа явлений по аналогии как более доступной операции.

При компаративных исследованиях поиски аналогий и гомологий в равной степени важны, так как выявляют такие связи между изучаемыми объектами, которые невозможно объяснить и понять, основываясь лишь на интуитивных догадках. Заявить, что нечто имеет сходство, является недостаточным. Такое предположение требует доказательств, и понятия аналогии и гомологии могут помочь исследователю найти их.

¹ Домострой. Глава 25. С. 162–163. См. также главу 26. С. 163–166.

Глава 4

ГРАНИЦЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Климова Г.С.

Текст, к которому Вы обратились, написан в продолжение традиции изучения историками того, что можно было бы назвать «воображаемой географией»¹, созданного обществом образа Европы. Проблема границ и природы Европы имеет долгую интеллектуальную историю² и, естественно, останется нерешенной. Не ставит перед собой эту задачу и автор. Вопрос, рассматриваемый в этом тексте, касается роли, которую играет в споре о Европе появление в научном и общественном дискурсе понятие «европейской идентичности». Очевидно, что европейская идентичность, как и, в определенном смысле, Европа, — это абстракция. Но их сконструированный, виртуальный характер не подрывает, но помогает объяснить силу, которой обладает понятие. Именно в этом контексте значимым является вопрос об изменениях в представлениях о Европе и ее отношениях с «не Европой» при использовании нового концепта.

Для получения ответа рассмотрим несколько аспектов. Во-первых, требует обоснования сама постановка проблемы. Действительно ли «европейская идентичность» вошла в научный и

¹ Примерами изучения изобретения географических пространств и границ могут служить работы Эдварда Саида (Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. — М.: Русский мир, 2006), Питера Берка (Burke P. Did Europe Exist before 1700? // History of European Ideas — № 1. 1980. — PP. 21–29), Ларри Вульфа (Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. — М.: Новое литературное обозрение, 2003) и др.

² В частности, глубокие корни дискуссии прекрасно иллюстрирует хрестоматия, собранная Алексом Дрейс-Фрэнсисом (European Identity: Historical Reader. — N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013).

общественный дискурс так, что может влиять на содержание дискуссии о природе и границах Европы. Во-вторых, необходимо понять каковы аналитические возможности данного понятия, то есть каковы эпистемологические границы «европейской идентичности» и не является ли оно исключительно политическим конструктом. В-третьих, важно изучить современную географию европейской идентичности и ее связь с историческими ментальными картами. И, в-четвертых, необходимо ответить на вопрос, что включает в себя понятие «европейская идентичность» и какое содержание вкладывают в него в воображаемых и физических границах Европы.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПОНЯТИЯ И ГРАНИЦЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Появление понятия «европейская идентичность» в общественном дискурсе связано с процессом евроинтеграции. На уровне официальных документов оно было впервые употреблено в Копенгагенской декларации 1973 г.¹ Этот документ во многом стал результатом поисков выхода из интеграционного кризиса. Как отмечает Бо Страт, понятие изначально обладало сильной идеологической нагрузкой.² Брюссель фактически нашел недостающий компонент для активизации интеграционного процесса. Уже к середине 1970-х гг. во время бурных дебатов вокруг доклада Тиндемманса «европейская идентичность» стала частью официального языка Европейского Сообщества.³ На протяжении 1980-х и начала 1990-х гг. частота употребления понятия в документах только возрастала.⁴ К моменту создания Европейского Союза «европейская идентичность» стала одним из ключевых компонентов

¹ Declaration on European Identity (Copenhagen, 14 December 1973). // [Электронный ресурс] URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf (дата обращения: 17.02.2019).

² *Stråth B.* A European Identity: To the Historical Limits of a Concept. // *European Journal of Social Theory* — № 5(4). 2002. P. 388.

³ Report on Tindemans Report on European Union (6 September 1976). // [Электронный ресурс] URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2004/4/29/0a4488df-412f-49a2-91f9-e0b8df0b04c5/publishable_en.pdf (дата обращения: 17.02.2019).

⁴ *Kostakopoulou T.* Citizenship, Identity, and Immigration in the European Union: Between Past and Future. Manchester: Manchester University Press. 2001. P. 39–65.

общественно-политического и научного дискурсов интеграции. С ней связывали надежды на преодоление «дефицита демократии» и разрыва между европейской бюрократией и обществами государств-членов. Стоит отметить, что немалую роль в этом сыграл Евробарометр.¹

То, что понятие «европейская идентичность» прочно вошло в употребление можно подтвердить достаточно простым способом. При запросе «европейская идентичность» Яндекс выдает 17 млн. результатов на русском языке и 20 млн. на английском, Google — 9 и 503 млн. соответственно. Для определения динамики его влияния можно воспользоваться поисковым онлайн-сервисом Google Books Ngram Viewer. Он позволяет строить графики частотности языковых единиц на основе значительного корпуса текстов, то есть проследить динамику использования интересующего нас термина в определенном временном промежутке. Ресурсы сервиса дают возможность проанализировать частотность употребления «европейской идентичности» на материале нескольких языков, включая русский. Нижняя временная граница Ngram Viewer — XVI век, верхняя — 2008 г. Рассмотрение публикаций XVI–XIX вв. выходит за рамки проблемы, но для чистоты картины в качестве нижней границы можно взять 1795 г. — год публикации трактата И. Канта «К вечному миру», к которому принято возводить дискуссию о единой Европе в новое время.

Анализ всех языковых корпусов указывает на 1960-е гг. как период появления понятия «европейская идентичность» в печатном пространстве.² С конца 1960-х — начала 1970-х гг. можно заметить увеличение частоты употребления, которое в целом не снижается и сегодня. Конечно, частотность использования «европейской идентичности» несравнимо меньше, чем у понятия «Европа», но по мере расширения использования «европейская идентичность» начинает влиять на его содержание. Будучи чрезвычайно политизированным

¹ См., например: *Belot C.* Le tournant identitaire des études consacrées aux attitudes à l'égard de l'Europe. // *Politique européenne*. 2010/1 (№ 30). P. 17–44. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cairn.info/revue-politique-europeenne-2010-1-page-17.htm> (дата обращения: 17.02.2019).

² База включает художественную, публицистическую и научную литературу на английском, французском, немецком, испанском, итальянском, русском, китайском и иврите. Качественный анализ корпуса не подтверждает данные по 1830–1940-м гг. Сервис учитывает более поздние публикации.

концептом, европейская идентичность сужает/расширяет Европу до Европейского Союза, наделяя понятие новыми смыслами.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ «ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ».

Политическое происхождение понятия очевидно. Но и его научное использование быстро развивается с начала 1990-х гг.¹ Количественный и качественный анализ употребления «европейской идентичности» свидетельствуют о том, что понятие превратилось в неременную и устойчивую языковую конструкцию европеистики. При этом практически каждый автор, изучающий явление европейской идентичности или просто использующий понятие в исследованиях, отмечает его хрупкость и неопределенность. Это ставит перед научным сообществом вопрос не только о содержании, но и об аналитических границах «европейской идентичности». Не является ли его использование, даже в академических целях, «политикой идентичности»?

Очевидно, что часть эпистемологических проблем «европейской идентичности» связана с понятиями «Европа» и «европейский». Но и «идентичность» не добавляет ясности ни содержанию, ни теоретическим рамкам понятия. Она — не менее текучая категория, чем Европа.

«Идентичность» и синонимичные концепты имеют довольно долгую историю в западной философской мысли. Но в социально-гуманитарные науки оно вошло относительно недавно. Его популяризацию связывают с работой Э. Эриксона, хотя распространение термина имело более сложную историю.² В любом случае, в 1960-е гг. он, действительно, стал широко известен (что способствовало и появлению понятия «европейской идентичности»). Возможно, именно слишком частое использование позволило поставить под сомнение его практическое значение. В одной из наиболее цитируемых публикаций об аналитических границах «идентичности» Р. Брубейкер и Ф. Купер отмечают, что теоретические и концептуальные задачи, с решением которых должна

¹ Об этом свидетельствует динамика количества публикаций по проблемам евроидентичности, которую можно проследить по данным Web of Science или Scopus. В отечественном Elibrary насчитывается более 60 тыс. публикаций (из 28 млн.).

² Gleason P. Identifying Identity: A Semantic History // Journal of American History. Vol. 69 (1983). No 4. P. 910–931.

помочь «идентичность», могут быть успешно решены посредством менее двусмысленных понятий.¹ Исследователи утверждают, что «перед концепцией ставятся обширные аналитические задачи, многие из которых оправданы и важны. Однако понятие «идентичность» плохо подходит для выполнения всех этих задач, так как оно исполнено неопределенности, противоречивых значений и «опредмечивающих коннотаций».² Понятие «идентичность» находится на пересечении между подобием и различием, индивидуальным и коллективным, контекстуальным и трансформирующимся, что, действительно, ставит существенные проблемы и ограничения перед ученым, применяющим его в качестве инструмента анализа. Соответственно, «европейская идентичность» как аналитическая категория, несмотря на уточняющее определение, наследует эти концептуальные границы и также вызывает серьезные сомнения. Однако, несмотря на аналитические ограничения, европеистика и прежде всего European studies³ активно используют концепт европейской идентичности.

Первые академические статьи, посвященные именно европейской идентичности, появились в начале 1990-х гг.⁴ В основном они носили общетеоретический характер и рассматривали европейскую идентичность в историко-политическом или социально-психологическом ключе. К началу XXI века появился небольшой на тот момент корпус эмпирико-ориентированных исследований, опирающихся на национальный или региональный материал.⁵ Большое влияние на осмысление феномена и понятия евроидентичности оказал «нормативный поворот» в European studies. Ученые обратили внимание на поиск наиболее адекватных интеграционному процессу форм

¹ Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами идентичности. // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. — М.: Новое издательство. — С. 131–132.

² Там же. — С. 175.

³ European studies — это область исследований, ориентированная на изучение текущего развития европейской интеграции.

⁴ Например, Habermas J. Citizenship and National Identity: Some Reflections on the Future of Europe. // Praxis International. 1992. (12). P. 1–19; Smith A. National Identity and the Idea of European Unity. // International Affairs. 1992. № 68. P. 55–76; Delanty G. Inventing Europe — Idea, Identity, Reality. London: MacMillan. 1995.

⁵ См., Europe and the Other and Europe as the Other. Strath B. (Ed) Frankfurt: Peter Lang. 2000.

коллективной идентичности.¹ Эта тенденция сохраняется и сегодня, хотя стоит отметить, что современные дебаты о евроидентичности носят не только нормативный, но и онтологический характер. То есть они переосмысливают дискуссии о сущности Европы.

Удачную типологию многообразия исследовательских стратегий в отношении европейской идентичности предложил немецкий политолог Х. Валкенхорст.² Он выделил пять моделей изучения европейской идентичности:

1. Историко-культурная, опирающаяся на представление об общем прошлом Европы. Эта модель характерна для примордиалистского подхода и пользуется спросом в политическом дискурсе.

2. Политико-правовая, рассматривающая евроидентичность через призму демократической теории, принципов политического представительства и гражданства. Также востребована политическим полем.

3. Социальная — социологическая модель, берущая за основу конструктивистский подход. Эта модель используется и в научных, и политических текстах.

4. Международная, наследующая логику Копенгагенской декларации и рассматривающая евроидентичность как внешнеориентированную. Модель существует преимущественно в политическом дискурсе.

5. Пост-идентичная общность, пытающаяся преодолеть «ловушку» идентичности и опирающаяся на постнациональный дискурс. Пока не получила распространения в политической практике.

Как мы видим, подавляющее большинство моделей анализа европейской идентичности оказываются применимы как в научном анализе, так и в политической практике. Очевидно, что каждый из подходов к пониманию природы европейской идентичности используется в политическом дискурсе в практических и строго определенных целях. Что же касается научных исследований, то приходится признать, что сама суть существующих подходов предпола-

¹ Одна из первых публикаций в этом направлении: *Cederman L.-E. Nationalism and Bounded Integration: What it would take to construct a European demos. // European Journal of International Relations. 2001. Vol. 7 (2). P. 139–174.*

² *Walkenhorst H. The Conceptual Spectrum of European Identity: From Missing Link to Unnecessary Evil. // Limerick Papers in Politics and Public Administration. 2009, № 3. [Электронный ресурс] URL: https://www.ul.ie/ppa/content/files/Walkenhorst_conceptual.pdf (дата обращения: 19.02.2019).*

гает рассмотрение категории «Европейской идентичности» через ее онтологическое существование/несуществование.¹ Фактически аналитический потенциал понятия определяется фактом признания или непризнания реальности или возможности существования европейской идентичности. Это напрямую отсылает нас к проблемам того, что значит чувствовать свою принадлежность к Европе. К вопросам — кто такой европеец и что такое Европа, означает ли принадлежность к Европе — наличие гражданства ЕС, рождение или проживание на какой-то территории, или обладание определенным набором качеств?

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Еще Геродот писал, что границы Европы в целом неизвестны.² Конечно, он имел в виду непосредственно знания географии. Но даже сегодня, когда существует консенсус о географических границах, они остаются неясными. Со времен античного деления мира на Азию, Африку и Европу, последняя — наследует огромное количество образов и представлений, используемых для определения ее пределов. Как и другие регионы, свои границы Европа определяет через Другого, через конституирующего Чужого. В этом смысле интеллектуальная традиция осмысления Европы давно связана с самоопределением, идентичностью.

Пределы Европы мыслители разных эпох определяли как по естественным географическим границам, так и по нравам народов, уровню их жизни и т.п. При этом конституирующим Другим оказывались разные географические пространства, что порождало не только движение границ с Азией и даже Африкой, но и эволюцию внутренних рубежей. Деление континента на цивилизованный юг и варварский север можно проследить и в античных текстах, и в интеллектуальном пространстве эпохи Возрождения. В результате смещения культурных и финансовых центров в Новое время были изобретены Западная и Восточная Европы. Их появление Л. Вульф

¹ Автор понимает, что европейская идентичность и в данном тексте рассматривается и как аналитическая категория, и как явление. В качестве маркировки используются кавычки.

² *Herodotus, The boundaries of Europe are quite unknown // Drace-Francis A. European Identity: Historical Reader. (ed. A. Drace-Francis) — N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 1.*

относит к XVIII в.¹ Идея *Mitteleurope* и другие термины, описывающие Центральную Европу, возникают в 1840-е гг.² И таких границ и регионов довольно много, при этом их политическое происхождение практически не подвергается сомнению в научной литературе. «Истинная Европа» пыталась и пытается отделить себя не только от других регионов, но и от собственной периферии. XXI век не только укоренен в этих исторических дискуссиях, но и продолжает обогащать корпус источников, по которым мы можем судить о природе европейской идентичности. Помимо текстов, изображений и т.п., последние десятилетия предоставляют нам интересную источниковую возможность. Специализированные социологические исследования позволяют проанализировать более широкий пласт воображаемой географии и исследовать динамику карты географической принадлежности.

Одно из самых крупномасштабных исследований, которое включает вопрос о географической самоидентификации — это Европейское исследование ценностей (*European Values Survey, EVS*). В распоряжении исследователей данные четырех волн — 1981, 1990, 1999 и 2008 гг. Нами были изучены результаты опросов 3 и 4 волн, поскольку только они включают Россию, а данные 2017 г. еще не до конца обработаны.

В разделе исследования, посвященном национальной идентичности, респондентам были заданы вопросы о том, к какой из перечисленных географических групп они относят себя в первую и во вторую очередь. Они могли выбрать из пяти вариантов: местность или город, в котором они проживают, регион страны, страну, Европу или весь мир. Ожидаемо, в обеих волнах лишь небольшой процент респондентов идентифицирует себя прежде всего с Европой. Хотя можно отметить увеличение в 4 волне числа респондентов, считающих себя преимущественно европейцами. Схожие данные демонстрируют и исследования Евробарометра по странам ЕС. Исключительно европейцами чувствует себя в среднем 3-4%

¹ Вульф А. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. — М.: НЛО, 2003.

² Миллер А.И. Тема Центральной Европы: история, современные курсы и место в них России // Новое литературное обозрение — 2001. № 52. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/52/mill.html> (дата обращения: 22.02.2019).

граждан ЕС (за весь период существования ЕС, с 1992 г.).¹ Однако, по данным опроса 2018 г., 89% осознают свою принадлежность городу или деревне (53% сильную связь), 93% — стране (57% ощущают сильную привязанность); 56% (14%) — Европейскому Союзу и 65% (18%) — Европе.²

Интересно, что в 1999 г. респонденты в России ассоциировали себя в первую очередь с Европой меньше, чем в любой другой стране (0,4%), тогда как в 2008 г., оставаясь среди стран, где наименьшее число людей думают о себе как о европейцах, Россия уступает первенство Турции. Но наиболее показательными эти данные являются с точки зрения подтверждения отсутствия устойчивых групп стран или регионов Европы, жители которых чувствовали бы себя в большей степени европейцами. Так, например, сопоставимые и довольно низкие проценты по Великобритании (2%), Испании (1,7%) и Венгрии (1,8%), в то время как самые высокие показатели по Бельгии (9,1%) и Люксембургу (13,5%).

Учитывая, что локальная и национальная идентичность традиционно является сильной в современной Европе, более показательными можно считать данные по географической группе, значимой во вторую очередь. Анализ ответов позволяет заключить, что и в этом случае отсутствуют устойчивые границы Европы. Мы можем наблюдать на первый взгляд хаотичную динамику изменения процента респондентов, идентифицирующих себя с Европой во вторую очередь. Но качественный анализ указывает на то, что изменения процента осознающих себя как европейцев в странах Восточной Европы или Южной Европы зависят от политической и экономической конъюнктуры. Например, распад социалистического блока и надежды, связанные со вступлением в ЕС, можно считать причинами более высокого процента «европейцев» среди граждан Польши, Чехии и т.д. Тогда как кризис 2008 г. не мог не привести к разочарованию интеграцией и снизить этот показатель в Испании, Португалии и т.д.

Примечательно, что российские респонденты находятся в низшем сегменте ассоциирующих себя с Европой после локальной или национальной идентичности. Даже среднее значение по двум

¹ См.: Eurobarometer 40 years report // [Электронный ресурс] URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/topics/eb40years_en.pdf (дата обращения: 10.02.2019).

² См.: Eurobarometer SB 89

волнам самое низкое (0,85%). Граждане России не склонны идентифицировать себя с Европой, хотя и наблюдается незначительная положительная динамика. Сопоставимые данные у Армении и Турции, имеющих европейские территории, но редко рассматриваемых как европейские страны.

На наш взгляд, самыми показательными с точки зрения определения современных границ европейской идентичности являются данные по вопросу о наименее вероятной географической идентификации. К сожалению, этот вопрос входил только в 3 волну. Интегрированные показатели по всем странам, участвовавшим в третьей волне — 17,4%. Россия отклоняется от среднего показателя в меньшую сторону. 12,8% респондентов РФ склонны идентифицировать себя с Европой в наименьшей степени. Что в целом не сильно отличается от показателей стран Центральной и Восточной Европы (разброс от 7,2% в Австрии до 16,5% в Чехии) и оказывается сопоставимым с данными по Западной Европе (8,2% в Нидерландах до 18,2% во Франции). Самый высокий процент «не-европейцев» проживает в Турции (47,8%), на втором месте — Великобритания (32,9%). Видимо, традиции восприятия Европы как Другого оказываются сильнее в пределах европейского континента, нежели текущие политико-экономические задачи и связанная с ними риторика.

Данные EVS о географической идентификации европейцев позволяют прийти к заключению, что границы европейской идентичности имеют исторические корни. Отношение респондентов в Великобритании, Турции и России наглядно показывает влияние традиционного интеллектуального дискурса и рассмотрение Европы в качестве Другого/Чужого. Хотя респонденты в России демонстрируют большую близость Европе, чем Альбион или наследники Османской империи. Даже членство в ЕС и стремление к такому (Турция на момент опросов находилась в активной стадии переговоров) оказываются способными лишь немного поколебать традицию противопоставления. Колебания же демаркации внутренних воображаемых границ и осмысление себя респондентами как обладающих европейской географической идентичностью указывают на их осязаемую подвижность. Границы европейской идентичности и границы Европы «переизобретаются» и переосмысляются как в рамках интеллектуальной рефлексии, так и в геополитическом контексте. Жители же территорий и стран то относимых, то не относимых к Европе, а сегодня к Европейскому

Союзу (который как мы отмечали, практически полностью присвоил сегодня и понятие Европы, и понятие Европейской идентичности) колеблется в своем самоопределении под этим влиянием.

СМЫСЛОВЫЕ ГРАНИЦЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.

Европейская идентичность, как и сама Европа, это, конечно, не географическое пространство — это идея, представление о том, чем она/оно/они отличается от Другого. «Истинная Европа» довольно давно претендует на особый статус оплота цивилизации и культуры. Как отмечает Дж. Гуди, Европа «выдвигает множество претензий на изобретение таких опирающихся на оценочные суждения институтов, как «демократия», торговый «капитализм», свобода, индивидуализм».¹ А в свете проблемы «Великого расхождения» эти претензии приобретают свойство объяснительной модели европейской исключительности.²

Что же входит в содержание понятия «европейская идентичность»? Чтобы сегодня ответить на этот вопрос можно обратиться не только к текстам, осмысляющим это понятие, но и к позиции жителей Европы, зафиксированной в социологических опросах. Практически приватизировав понятие «европейская идентичность», Европейский Союз прилагает немало усилий не только по ее строительству, но и по изучению смыслов, вкладываемых в нее гражданами ЕС. Евробарометр регулярно проводит опросы о содержании европейской идентичности.

В рамках нескольких исследовательских циклов проекта использовались вариации вопроса об элементах европейской идентичности. Респондентам предлагалось выбрать, какие из предложенных явлений они считают наиболее значимыми компонентами европейской идентичности. При определенной динамике изменений в предпочтениях респондентов, в среднем, 41,5% опрошенных считает демократические ценности самым важным элементом европейской идентичности. На втором месте по популярности идет

¹ Гуди Дж. Похищение истории. — М.: Изд-во «Весь мир», 2015. С. 15.

² Великое расхождение или Великая дивергенция — термин, применяемый К. Померанцем и последователями для обозначения процесса, в рамках которого Западная Европа преодолела сдерживающие факторы доиндустриального развития и в XIX в. опередила по уровню благосостояния империю Цин, Османскую империю, сёгунат Токугава и др. Ранее для обозначения этого процесса Э. Джонсон использовал термин — Европейское чудо.

единая валюта евро (40,7%). 27% респондентов отмечают культуру как важнейший компонент европейской идентичности, 25% уверены в значении истории, а 21% в важности географии.¹

Сходную картину дает анализ опросов Евробарометра о факторах, которые создают чувство общности и «европейскости». Принадлежность к европейскому сообществу респонденты связывают со многими факторами, но демократические ценности, культура, история, география и экономика часто рассматриваются как значимые символы. В среднем около 20% респондентов рассматривают ценности как фактор чувства европейской общности, историю — 22%, культуру — 27%.²

Анализируя данные любого социологического опроса нужно помнить о ряде очевидных проблем. Во-первых, респонденты не всегда понимают понятия одинаково. Результаты качественного исследования Евробарометра демонстрируют существенную разницу в восприятии условий опроса.³ Демократия, права человека, культура и т.д. рассматриваются опрошенными со значительным разнообразием. Вторая проблема заключается в том, что список ценностей и ассоциаций Евробарометра предлагается социологами, поэтому люди ограничены в своем выборе при описании европейской идентичности. Следовательно, данные качественного опроса являются важным способом двойной проверки. Согласно сводному отчету 2014 года «Европейцы и ЕС» участники наиболее часто упоминали ценности, связанные с единством и солидарностью, демократией и свободой, мультикультурализмом и толерантностью как составляющие европейской идентичности.

Такие элементы как культура, история и география являются ожидаемыми компонентами любой идентичности, но чрезвычайно расплывчатыми. Как минимум на имеющемся материале границы общности культуры и истории неочевидны. Неопределенность географических границ как основы европейской идентичности была нами рассмотрена в предыдущем разделе. Значение общего рынка и евро для европейской интеграции сложно переоценить, но этот элемент европейской идентичности скорее свидетельствует о присвоении ЕС исследуемого понятия. Хотя в равной степени под-

¹ Данные Евробарометра // <https://zacat.gesis.org/webview/>

² См. Standard EB 76-89.

³ См.: Eurobarometer Qualitative Study. Europeans and the European Union. Aggregate Report. 2014.

тверждает значение Великого расхождения для самоопределения Европы. Таким образом, можно заключить, что в основе европейской идентичности лежит представление о демократии, свободе и правах человека как системообразующих элементах, которые и составляют фундамент европейской исключительности.¹

Возможным способом подтверждения может быть анализ значения этих элементов для стран, жители которых не склонны считать себя европейцами. Так если сопоставить обобщенные данные 3 и 4 волн EVS и ответы русских и турецких респондентов по блокам вопросов о политической системе и демократии, можно получить показательные расхождения. Обобщенные данные могут служить нижней границей референтных значений, тогда как данные Люксембурга можно принять за условную верхнюю границу. Выбор Люксембурга в качестве «эталона» сравнения связан с тем, что жители этого государства в наибольшей степени идентифицировали себя с Европой в этих же опросах.²

При общей положительной динамике оценки демократии эти показатели достаточно низкие в России. В 1999 г. в среднем 89,9%, а в 2008 г. 90,2% респондентов во всех странах считали, что демократия не лишена недостатков, но является лучшей формой политического режима. В Люксембурге так считало 95 и 93,6%. В России этот показатель — 62,4 и 80,9%. В Турции 87,9 и 92,9%

¹ Конечно, эти компоненты не уникальны и могут быть частью более широкой — западной или локальной — американской, канадской и т.д. идентичностей. Возможно, европейская идентичность последних десятилетий связана с особенностями социальной политики и уровнем социальной защищенности в странах ЕС. В опросах Евробарометра 2009 и 2010 гг. высокий уровень социальной защиты предлагался в качестве одного из элементов европейской идентичности. Но, видимо, резкое снижение показателя с 22 до 13 % на фоне мирового экономического кризиса, стало поводом к политическому решению об исключении его из списка. Этот аспект европейской идентичности был концептуализирован Лаурой Крам в понятии «банальный европеизм». См., например, *Cram L. Imagining the Union: a Case of Banal Europeanism? // Interlocking Dimensions of European Integration*, — N.Y. Palgrave. 2001, pp. 233–246.

² Конечно, результаты волн прежде всего демонстрируют динамику ценностей в странах, во многом обусловленную не только исторической трансформацией обществ, но и конъюнктурой. Так, например, формирование рынка в современной России находит отражение в оценках связи демократии и развития экономической системой. В 1999 г. 56% респондентов в РФ считали, что демократия означает неэффективное экономическое управление. Тогда как в 2008 г. таких было только 35,2%. Тем не менее существуют и устойчивые расхождения в оценках демократии.

респондентов считали демократию лучшим политическим вариантом. Похожие результаты дает вопрос о том, хорошо или плохо иметь демократическую политическую систему. Средние значения 3 и 4 волн — 90,2 и 88,4%, а в России — 61,8 и 77,5%.

В позиции, что демократия затрудняет принятие решений и порождает большое число конфликтов Россия и Турция близки к референтным значениям. В 1999 г. так полагали 73,3% россиян, а в 2008 г. — 57,8%. Средние данные — 51,4 и 50,6%, а результаты опроса в Люксембурге — 51,4 и 59,1%. Но россияне сильно отличаются в своих оценках возможности демократии поддерживать порядок. Если в обобщенных данных в этом уверены — 66 и 66,3%, в Люксембурге — 79,2 и 73,8%, в Турции — 67,3 и 61,6%, то в России только — 33,5 и 44,6.

Демократию, очевидно, рассматривают как ценность и в России, и в Турции, но в отличие от общих данных и показателей Люксембурга в этих странах возможность установления отличных режимов не представляется респондентам угрожающей принципам демократии. В России и в Турции возможность наличия во главе государства сильного лидера, который не беспокоится о парламенте и не утруждает себя процедурой выборов, оценивают более позитивно, чем в среднем в опрошенных европейских странах (около 50 % в России, 65 % в Турции и 35 % по Европе). Но, что более показательно, мы видим в Люксембурге тенденцию к усилению оценки такого сценария как негативного (от 55 до 63%).¹ Хотя в обобщенных данных этой тенденции нет, что свидетельствует о сохранении и развитии внутренних европейских границ. В России менее положительно, чем в Турции оценивают военную диктатуру — 24,7 и 33,2% турок позитивно высказались о таком режиме, тогда как в России — 19,2 и 17%. Тем не менее это сильно отклоняется от референтных значений — 7,4 и 13% в общих данных, 7,6 и 4,3% в Люксембурге.

Результаты волн EVS можно сопоставить с опросом «Восприятие россиянами европейских ценностей», проведенного в 2007 г. Левада-Центром совместно с Центром ЕС-Россия.² Как показало исследование — 71% ответивших россиян не считают себя европейцами, что вполне сопоставимо с данными EVS. Что касается

¹ Данные EVS 1999 и 2008 гг.

² Восприятие россиянами европейских ценностей // [Электронный ресурс] URL: <http://www.levada.ru/2007/02/14/vospriyatie-rossiyanami-evropejskih-tsennostej/> (дата обращения: 26.02.2019).

демократии как ценности, то только 25% респондентов охарактеризовали демократию как справедливую систему, а каждый третий отдал предпочтение советской системе государственного управления. Это также подтверждает оценку россиянами власти сильного лидера как приемлемой. Важно, что 94% опрошенных считают, что не оказывают никакого влияния на развитие страны, а 84% не чувствуют никакой ответственности за происходящее в РФ. В целом более 49% опрошенных убеждены, что западная демократия разрушительна для страны, но при этом 65% россиян с трудом могут дать определение демократии. Менее половины опрошенных, то есть 44% заявили, что они хорошо относятся к частной собственности, а 49% — к идее защиты прав человека.¹ Можно заключить, что отношение россиян к демократии и демократическим ценностям эволюционируют, но они явно не составляют основу их идентичности.

В «воображаемой географии» всегда существует проблема верификации исследуемых представлений. Приведенный анализ не является доказательством, однако, он позволяет уточнить границы европейской идентичности. Демократия² и ценности, с ней ассоциируемые, составляют важную часть современных представлений о европейской идентичности. Исключительную связь Европы с демократией принято аргументировать историческим нарративом — изобретением последней в Античной Греции и достижениями эпохи Просвещения.³ Как мы видим, последние десятилетия осознание европейской идентичности оказывается тесно связано не только с благами социального государства, рыночной экономики и представительных принципов управления, но и с рассмотрением демократии, свободы и прав человека как неоспоримых ценностей. Страны, жители которых оказываются недостаточно последова-

¹ Исследование Левада-Центра: жители России не считают себя европейцами // [Электронный ресурс] URL: <https://gtmarket.ru/news/state/2007/02/15/584> (дата обращения: 26.02.2019).

² Сегодня под демократией чаще всего понимается представительная форма управления. Об эволюции понятия см. *Магун А.* Демократия или Демон и гегемон. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016.

³ О том является ли демократия европейским изобретением см. *Гудри Дж.* Укз. соч. и *Keane J.* The Life and Death of Democracy. — London: Simon&Schuster, 2009.

тельными в их отстаивании и более благосклонными к авторитарным проявлениям власти, оказываются за границами Европы.¹

ОТКРЫТЫЕ ГРАНИЦЫ. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

Понятие «европейская идентичность» активно используется в политическом и научном дискурсе. Границы его употребления отличаются от региона к региону и от языка к языку. Так в странах ЕС, этот концепт — часть языка медиа, в России же он преимущественно функционирует в пределах научных публикаций.

«Европейская идентичность» является категорией политического языка. Ее появление и употребление тесно связано с процессом европейской интеграции и сегодня становится дополнительным инструментом приватизации ЕС статуса Европы. Она очевидно играет важную роль в современных внутриевропейских конфликтах. Тем не менее, даже будучи политическим конструктом «европейская идентичность» обладает определенным, хотя и не бесспорным, аналитическим потенциалом. Благодаря этому само понятие ставит очень важный вопрос в контексте спора о Европе — что значит не просто быть, но чувствовать и осознавать себя европейцем?

Исследования EVS показывают, что географические пределы европейской идентичности довольно размыты. И внешние и внутренние границы Европы, с одной стороны, оказались оформлены в рамках интеллектуальной истории, с другой стороны, они продолжают «переизобретаться» и переосмысляться на множестве уровней. Миллиарды слов и изображений, созданных властными органами, интеллектуалами и жителями определяют современный взгляд на Европу в категориях Другого/Чужого, формируя основу для новых демаркаций. Ожидаемо, жители Турции и России, не чувствуют онтологической связи с Европой. Хотя мы не можем сказать, что между ними существуют непроницаемые ментальные границы. Респонденты в Великобритании, Болгарии и даже «колыбели» современной Европы — Греции неоднозначно воспринимают свою связь с континентом. Данным EVS о географическом самоопределении не совпадают с привычными вариантами разделения Европы.

¹Дополнительные сложности с определением возникают, когда эти государства/территории/общности по другим параметрам находятся внутри этих границ. Например, как сегодня обстоят дела с Венгрией и т.п.

Европа, как в прочем и любое другое сообщество, изобретала и продолжает изобретать миф о себе. Содержание этого мифа тесно связано с идеей исключительности¹, которая нашла подтверждение в удивительном скачке развития в условиях современного экономического роста. Проблема великого расхождения (в независимости от того насколько долговременной исторической тенденцией оно является) поставила вопрос об основаниях этого успеха/превосходства. И его увидели в политических и экономических институтах — в условиях модернизации. И как свидетельствуют результаты социологических опросов, определенная связь между осознанием принадлежности к Европе и неприятием альтернативных демократии форм управления существует. Конечно, она является результатом воздействия исторического и современного дискурсов о сути Европы на образ мышления респондентов. Но не менее важно, как эти компоненты модернизации рассматриваются в обществах. Для жителей стран, считающих себя европейскими, демократия и близкие ей идеи (даже в рамках дискуссии о кризисе демократии) являются залогом успеха и превосходства. В России же, как и в Турции, например, их оценка сильно зависит от политических воззрений и позиции по вопросу об особом пути к общему благу.

Таким образом, любые притязания на европейскую идентичность являются способом определения границ между «нами» и «ими». Различные предположения о том, из чего состоит европейская идентичность, являются дискурсивными конструкциями таких границ. «Европейская идентичность» усиливает политизацию спора о пределах и сути Европы, но в то же время позволяет перевести его на личностный уровень и за счет этого пересмотреть ее границы, которые оказываются не такими очевидными. Ведь европейской идентичностью может обладать француз, венгр, турок или эфиоп.

¹ Исключительности — религиозной, культурной, этнической и т.д. В XX и XXI вв. — социально-экономической.

Глава 5

ИНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Голубев А.В.

Представления русских об иностранцах вообще трудно определить сколько-нибудь однозначно: они формировались в зависимости от исторической эпохи, от конкретной ситуации, от образовательного уровня и социального статуса носителей этих представлений.

Если речь идет о периоде до XX века, то для представителей придворной знати определяющее значение имел опыт общения с иностранцами, а часто и личные впечатления от поездок за рубеж. Но основная масса населения получала информацию о внешнем мире в форме слухов и легенд. «В процессе многоэтапной устной передачи события не только обрастали вымышленными подробностями, но нередко и кардинально меняли свой характер — в зависимости от представлений, симпатий и чаяний той среды, в которой распространялись слухи» — отмечает современный исследователь¹. Лишь в редких случаях носителями информации «для народа» выступали очевидцы, чаще всего отставные солдаты.

В памятниках древнерусской литературы заметна приверженность летописца к категории «всеобщего», без экспрессивного различия «своего» или «чужого» этносов. Подобное явление получило название международного синкретизма культуры². Русская земля мыслилась как часть вселенной, во всяком случае — как часть христианского мира. Эта мысль хорошо иллюстрирует-

¹ Громько М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 209.

² Демин А.С. Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993. С. 36, 42.

ся в знаменитом «Хождении игумена Даниила», относящемся к XII в. В этом древнейшем русском описании паломничества в Святую землю постоянно ощущается представление автора о неразрывной связи Руси как целого с тогдашним религиозным центром мира. Но уже здесь проскальзывает пренебрежительное отношение к католическому духовенству¹. И уж совершенно негативные представления о католиках, которые «заблуждаются в вере и нечисто живут», отразились в «Слове» Феодосия Печерского (XI век), обращенном к великому князю Изяславу².

Более того, в большинстве переводных эсхатологических произведений, распространенных в средневековой Руси, рай располагается на востоке, а ад, соответственно, на западе³.

По мнению видного историка русской церкви А.В. Карташева, причиной негативного отношения русских к Западу в целом и к католицизму в частности стало влияние Византии: под влиянием греков-митрополитов была воспринята крайняя форма осуждения всего латинского⁴. Думается, однако, что здесь действовали и иные, глубинные факторы.

Как отмечал культуролог И.Г. Яковенко, тенденции противостояния Западу в Северо-Восточной Руси были более заметны, чем в Киевской. Здесь реализуется один из вариантов исторического развития, избранных наследниками Киевской Руси. Исторические судьбы наследников Киева — специальная проблема; важно, что противостояние Западу не было единственно возможным вариантом развития событий. Новгородское государство и русские земли, вошедшие в Великое княжество Литовское, а позднее Речь Посполитую, демонстрируют другие модели соотношения с Западом.

Реализованная Александром Невским стратегия союза с Ордой и противостояния Западу оказывается логичным и неизбежным продолжением утвердившейся на северо-востоке линии исторического развития. В противном случае противостояние Западу не закрепилось бы как устойчивая характеристика Владимирской, а вскоре Московской Руси.

¹ Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 107, 111.

² Там же. С. 615–619.

³ Демин А.С. Путешествие души по загробному миру (В древнерусской литературе)// Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5–6. С. 355–376.

⁴ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М., 1993. С. 263–266.

В конкретной ситуации северо-восточного региона она представляла наиболее эффективную и перспективную стратегию построения государственности и утверждения цивилизации. В остальных регионах Киевской Руси, где сложилась иная мозаика факторов, развитие шло в направлении европейского феодализма. Там победили другие стратегии, но показательно, что модель, реализованная на северо-востоке, в конечном счете возобладали. В течение восьми веков она оказывалась наиболее эффективной с точки зрения сохранения государственности и конкурентной борьбы за пространства и ресурсы. И надо осознать, что противостояние Западу как органический момент входило в эту стратегию исторического развития.

Таким образом, объяснения, которые сводят дело к тому, что неприятие Запада пришло на Русь из Византии, то есть оказываются чем-то внешним, случайным, представляются неубедительными.

Неприятие православными католического мира, при том, что для огромной массы населения оно было иррациональным, вело к мифологизации противника и принимало отталкивающие формы, не было ни случайным, ни бессмысленным. Показательно, что католики отвечали тем же, и в этом просматривается естественное отторжение исторической альтернативы¹.

Отчуждение Северо-Восточной Руси от Запада особенно усилилось после татарского нашествия. В отличие от хазар, печенегов, половцев татары были восприняты как некий «бич божий», что отразилось в русских летописях. Борьба с Золотой Ордой и ее наследниками надолго определила курс русской истории. Отношения с соседними странами были прерваны. Лишь с середины XIV в. параллельно с освобождением от татарской зависимости начинается восстановление связей с Европой, прежде всего — с балканскими православными странами. Русская культура постепенно вновь включается в общеевропейские культурные процессы. Появляется, в частности, большое количество новых переводов церковных и светских произведений.

В 1439 г. во Флоренции состоялся церковный собор, на котором была провозглашена уния восточной и западной христианских церквей. В соборе участвовал и русский митрополит Исидор, сто-

¹ Подробнее см.: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 13–15.

ронник унии. Сохранились путевые записки русских участников собора. Для одного из описаний, принадлежавшего перу спутника суздальского епископа Авраамия, характерно полное отсутствие негативного отношения к «латинству», напротив, о культуре и жизни западных стран неизвестный суздалец пишет с большим уважением, искренне, хотя и немного наивно, восхищаясь ими¹. Сам суздальский епископ оставил описание театрального представления, евангельских мистерий². Авторы этих произведений были лишены религиозной узости и нетерпимости и с любознательностью всматривались в новый для них мир³.

Однако на Руси подписание Флорентийской унии вызвало резко отрицательную реакцию. Московское государство стремилось закрепить свою политическую независимость и, в отличие от Византии, ожидавшей турецкого нашествия, не испытывало неотложной необходимости в помощи Запада. Стремление католической церкви к прозелитизму вызвало естественную, хотя, возможно, и преувеличенную реакцию отторжения. Исидор был низложен и бежал из России, а недоверие к Западу усилилось. Русская культура постепенно оказалась вновь отрезанной от Запада, но уже по идеологическим причинам.

После взятия турками в 1453 г. Константинополя греческая православная церковь пришла в упадок. Москва явилась как бы духовной наследницей Византии, «третьим Римом». Ее новая роль была закреплена и легендой о родстве великих князей владимирских с римским императором Августом, и династическим браком Ивана III с Софьей Палеолог, и избранием нового русского митрополита, преемника Исидора, без участия Константинополя. С конца XV в. Россия рассматривала себя как единственную защитницу православия на Востоке и от «басурман», и от «латинян».

Негативную реакцию в России вызвали сообщения о распространении на Западе Реформации. Появление многочисленных ересей воспринималось как доказательство ничтожности католицизма как такового. Антипротестантская полемика заняла видное место

¹ Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV в. М., 1981. С. 471–489.

² Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М., 1984. С. 334.

³ Казакова Н.А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв. Из истории международных культурных связей России. Л., 1980. С. 42.

в русской публицистике середины XVI в., в нее включился даже сам Иван IV. С другой стороны, существенную роль в культурной изоляции России играла и позиция Запада. Деятели католической церкви в свою очередь рассматривали православие как ересь, заслуживающую лишь искоренения. Эта позиция нашла яркое отражение в произведениях иезуита Антонио Поссевино. Он имел с Иоанном Грозным и русским духовенством несколько «бесед о вере», однако, как и следовало ожидать, равноправного диалога не было, да и не могло быть, а взаимное отторжение усилилось.

К этому времени, как пишет А. Шмеман, в России проявилась тенденция отказаться от византийского наследия в пользу своего, русского православия. «Национальное утверждение Руси совершалось против Византии, но с ним отвергалось и вселенское православное наследие», — подчеркивает он. А на увлечение Западом русских верхов церковь «ответила анафемами Западу за то, что он Запад»¹.

В русском средневековом обществе интерес к внешнему миру и возможность получать хотя бы отрывочную информацию о нем существовали лишь среди небольшой части русской знати, преимущественно связанной с военными или посольскими функциями, немногих богатых купцов, занимающихся внешней торговлей («гости») и некоторых представителей высшего духовенства.

В.О. Ключевский подчеркивает, что знания не только народных масс, но и московских бояр о политической ситуации в Европе были крайне скудными². Для значительной части боярства, подавляющего большинства дворянства, духовенства и купечества, как и для всей массы посадского и деревенского населения, составлявшего свыше 90% населения страны, внешний мир оставался совершенно сказочной зоной, наполненной мифами и чудесами, и совершенно неинтересной с точки зрения повседневной жизни (за исключением военных конфликтов, напрямую захватывавших те или иные области страны).

Хотя постепенно московское общество вовлекается в более широкие контакты с неправославной Европой или, собственно, Западом, с самого начала это взаимодействие происходит сложно и свидетельствует о непростом, амбивалентном отношении. С одной стороны, Москва жестко изолируется от Запада. Московское само-

¹ Шмеман А. Исторический путь православия. Париж, 1985. С. 367–368.

² Ключевский В.О. Сказания иностранцев о московском государстве. М., 1991. С. 46.

державие стремилось к максимальному ограничению контактов с европейскими странами, что отмечали и западные наблюдатели, например Дж. Флетчер, который сообщает, что «бежать отсюда очень трудно, потому что граница охраняется чрезвычайно бдительно, а наказание... есть смертная казнь и конфискация всего имущества»¹.

С другой стороны, налицо специфический, но все же интерес. Царь принимает послов и купцов, беседует с ними. На высшем уровне российского государства налицо стремление разузнать побольше о Западе, понять природу западноевропейской жизни, ориентироваться в ситуации.

Судить о том, как в интересующую нас эпоху воспринимали Запад народные массы, сложнее. Можно лишь предположить, что зафиксированные в XVIII–XIX вв. представления о «латине» и «люторе» относятся и к гораздо более ранним временам, а также суммировать замечания иностранных путешественников, в частности, об их общении с купцами, учитывая, что в допетровской Руси культура общества была достаточно целостной. В таком случае мы получим острое неприятие и демонизацию Запада и отмечаемое иностранцами наивное убеждение в безусловном превосходстве Москвы и московских порядков, непоколебимую уверенность в святости православия как единственно спасительной веры и пагубности любого «инославия».

Постепенно, однако, ситуация менялась. Появлялось все больше сведений об отдаленных странах, расширялись контакты с Западом, смягчались строгости в отношении иноземных послов и «гостей». Да и упомянутая выше попытка выведения династии Рюриковичей не просто от византийских императоров, а от рода язычника Октавиана Августа, свидетельствовала о том, что Россия осознавала себя частью не только православного, но всего мира — как в настоящем, так и в прошлом.

Экономическая и политическая логика развития Московского царства приводит правителей Москвы к проблеме выхода на Балтику. Москва ввязывается в Ливонскую войну, которая завершается глубочайшими потрясениями. Политическая элита московского общества сразу же делает выводы из итогов Ливонской войны и последующего развития событий. Уже Борис Годунов посылает русских молодых людей учиться на Запад, учит западной

¹ См.: Проезжая по Московии: Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов. М., 1991. С. 71–72.

премудрости своего сына, а иностранцы с удивлением отмечают, что положение в Москве неожиданно стало меняться.

Однако Смута начала XVII в. вылилась в распад государства. Восстановление его стоило чудовищных сил, а сама эта эпоха перевернула сознание московского человека. Польский, то есть католический, гарнизон какое-то время стоял в Кремле. Московское царство оказалось поверженным. Все это стало огромным потрясением, в том числе и для московского изоляционизма. Оказалось, что Запад владеет некоторыми жизненно важными, необходимыми для русского общества знаниями, умениями и технологиями. А успешная конкурентная борьба и само выживание государства зависит от усвоения достижений западной цивилизации. В результате с XVII в. Россия постепенно разворачивается лицом к Западу.

Вместе с тем в годы Смуты население России смогло лучше узнать своих западных соседей в обстоятельствах, которые отнюдь не способствовали установлению дружественных отношений между народами. Русских возмущали попытки введения польских обычаев при Ажедмитрии I, игнорирование и неуважение иностранцами православных обрядов, то есть в первую очередь недовольство вызывали не столько иностранцы сами по себе, сколько то, что они католики.

После начала широкой польско-шведской интервенции образ иностранцев трансформируется из врагов православной веры в завоевателей русской земли, грабителей¹. Это отрицательное отношение к выходцам из Западной Европы в массовом сознании продолжало существовать еще почти целое столетие, и только при Петре начало мучительно изживаться.

Тем не менее XVII век — время начала активного проникновения западного влияния, начиная с западных купцов, торгующих в российских городах и создающих конкуренцию местным купцам, строительства армии по европейскому образцу, и заканчивая проникновением польской модели просвещения, носителями которой стали в первую очередь выходцы из недавно присоединенной Украины². Впрочем, и некоторая часть высшей московской знати выступала в качестве приверженцев данной модели.

¹ Подробнее см.: *Морозова А.Е.* Образ «чужого» в эпоху Смутного времени начала XVII в. // *Россия и внешний мир: Диалог культур.* М., 1997. С. 28–39.

² См., например: *Богданов А.П.* Русь и Вселенная в период формирования имперской концепции (последняя четверть XVII в.) // Там же. С. 185–206.

Переломным моментом явилась эпоха Петра. Сначала «Великое посольство», затем регулярная отправка представителей знатных родов для обучения в страны Европы, приток иностранных специалистов и изменения в быту, последовавшие в результате царских указов, сделали свое дело. Постепенно, по крайней мере среди высшего дворянства, обычным стало знание языков, европейское платье и образ жизни. Именно отсюда началось то расслоение русской культуры, которое сохранялось вплоть до XX столетия.

Однако историческая логика вела не только к росту информированности высших слоев. Уже в XVII в., оставаясь опасным и враждебным, Запад перестает быть ненужным и неинтересным. Проходит несколько десятилетий, и Россия последовательно включается в процесс модернизации, что в данном случае означало в значительной мере вестернизацию.

Первая половина XIX в. — время могучего влияния Французской революции на страны Европы и Америки, на Россию. При этом Россия некоторое время претендовала на то, чтобы выступать в качестве «противоядия» этому влиянию. Для российской политической элиты Европа в конце XVIII — первой половине XIX в. оставалась источником смут и опасных революционных идей, в то время как самодержавная Россия представлялась островом стабильности¹. Вместе с тем наполеоновские войны, особенно война 1812 г. и последовавший за ней заграничный поход русской армии, в значительной степени изменили восприятие странами и народами образа друг друга. Так, знакомство многих лучших представителей русского общества с жизнью Европы оказало заметное влияние на внутривосточное развитие страны, а героическая кампания 1812 г. резко повысила интерес к России как ее союзников, например, Великобритании, так и недавних противников, в частности Франции.

Западная Европа быстро шла по пути промышленного развития с соответствующими переменами в социальной и политической жизни. Россия в эпоху Александра I, и особенно в правление Николая I, лишь вступила в период длительного кризиса старого строя.

Верхи, то есть включившаяся в вестернизацию часть общества, должны были знать и понимать европейскую реальность. Поэтому,

¹ Подробнее см.: *Долгих Е.В.* Восприятие внешнего мира представителями административной элиты николаевского времени (М.А. Корф, Д.Н. Блудов) // Там же. С. 41–49.

по мере сил и возможностей, шаг за шагом, мир образованного общества России продвигался в понимании и уточнении образа Запада.

На разных этапах русской истории те или иные моменты в модели Запада могли быть недостоверны, баснословны или ошибочны. Одни иллюзии могли замещаться другими. И, более того, на каких-то этапах фрагменты достоверного знания могли отступать под напором мифологизации и заблуждений. Тем не менее, самая логика модернизации обуславливала постепенное утверждение рационального видения.

Совершенно иной была установка, доминировавшая в народной культуре. Понимание Запада, в любых его формах и проявлениях, было прежде всего не нужно. Степень мифологизации представлений о внешнем мире напрямую зависела от отсутствия информации, которое, в свою очередь, было связано не только с недостаточными возможностями ее получения, но зачастую и с отсутствием интереса. Неоднократно отмечалось, что крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения страны, «к истории других народов относятся равнодушно и не любят слушать про них чтение»¹. Это же относилось и к современным им внешнеполитическим сюжетам. Так, А.Н. Энгельгардт в своих известнейших «Письмах из деревни» в 70-е годы XIX в. писал: «Крестьяне, по крайней мере нашей местности, до крайности невежественны в вопросах религиозных, политических, экономических, юридических...» И далее он приводит ряд курьезных представлений, бытовавших среди крестьян, об Англии или Германии². Но даже в этих представлениях тем не менее прослеживаются определенные тенденции; например, «англичанка» выступает как правило в качестве враждебной для России силы — отражение убеждений, бытовавших в это время среди российской политической элиты. Так, говоря о русско-турецкой войне 1877–1878 гг., которая официально велась за освобождение «братьев-славян», этнограф С. Лурье указывает, что в соответствии с народными представлениями эта война шла собственно «не с Турцией а со стоящей за ее спиной «англичанкой», и возникла война из-за того, что та не захотела принять православную веру»³.

¹ Буганов А.В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992. С. 171.

² Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1960. С. 216

³ Лурье С. Метаморфозы традиционного сознания. СПб., 1994. С. 142.

Одновременно в традиционном образе иностранца отражалось стремление к своеобразному «развенчанию» иной культуры, воспроизводилось убеждение в том, что русские обладают чем-то, что выше учености, хитрости, богатства. «Обнаруживая превосходство, испытывали смешанные чувства — и уважение и зависть, стремились с помощью иронии слегка принизить образ чужого и уверить себя, что русский человек не хуже» — отмечает С.В. Оболенская¹.

Феномен устойчивого неприятия идущей от Запада культуры патриархальными массами долгое время оставался не осознанным теоретически. Это особенно интересно, поскольку для современников событий и само явление, и масштаб его были самоочевидными — тому существует масса разнообразных свидетельств. Однако историки и социологи, как правило, явно старались обойти вопрос о масштабах и природе явления. Важнейший феномен истории российской культуры оставался за гранью теоретической рефлексии. И это не случайно: наука, а вслед за ней и общество, которое сделало модернизацию приоритетной целью, с трудом осознавали «неудобные» моменты исторической реальности.

Итак, как отмечает И.Г. Яковенко, «две культуры российско-го общества — ориентированная на модернизацию и ориентированная на самоизоляции — оставались полярны по общекультурным доминантам в отношении Запада»².

К тому же два образа Запада разительно отличались по механизмам функционирования и каналам распространения. Относительно вещей, которые лежат за пределом непосредственного кругозора, традиционная культура знает единственную верификационную процедуру, которая состоит в сличении предложенного с устоявшейся мифологией. О том, что из этого получалось, свидетельствует следующий эпизод: в 1839 г. в народе распространился слух, что наследник женится на дочери султана и на радостях будет сожжено три губернии³.

Совершенно иначе функционирует и верифицируется образ Запада в большой культуре. Книги, газеты и журналы, отечест-

¹ Оболенская С.В. Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991. С. 181.

² Россия и Запад... С. 34.

³ Крестьянское движение в России в 1826–1849 гг. Сборник документов. М., 1961. С. 347.

венные и переводные романы, иностранные издания, поездки за рубеж, беседы с проживавшими в России иностранцами задают совершенно иное поле формирования и функционирования образа. В этом пространстве так же живет устная коммуникация — слухи, рассказы, личные свидетельства. Но здесь они дополняют и уточняют образ, позволяют компенсировать цензурные ограничения. Образ Запада строится в диалоге всего общества, а сам этот диалог происходит в пространстве рационального сознания. Этот образ также несвободен от ошибок и заблуждений, но природа рационального дискурса обрекает его на движение по пути постижения истины о другом, и одновременно — по пути понимания исторических и культурных альтернатив русской культуры.

В пореформенной России, однако, описанная выше ситуация постепенно менялась. Внутри народной культуры зрели социальные, ментальные и идеологические предпосылки для движения по пути рационального постижения европейской по своей природе культуры города.

С середины XIX в. на культуру народных масс постоянно воздействует два фактора. Прежде всего это новые, нетрадиционные элементы в системе хозяйства, социальных отношениях, в быту и культуре. С отменой крепостного права рухнул барьер, отделявший патриархальный крестьянский космос от мира вестернизирующегося города и барской усадьбы. Новые навыки, знания и умения подвели крестьянина к ментальному и психологическому барьеру, за которым городская жизнь и природа отношений в рамках урбанистической цивилизации утрачивает параметры иррационального и опасного, становится постижимым. Второй фактор был связан с социальным и имущественным статусом человека. Вторжение рыночных отношений необратимо вело к тому, что верность традиционной культуре оборачивалась маргинализацией, вела к обнищанию, в лучшем случае гарантировала прозябание, в то время как освоение новых моделей жизни обеспечивало рост доходов, перемещение вверх по социальной лестнице.

Представления о внешнем мире определялись в XIX веке тем, что спор, в сущности, шел о путях развития России. Запад представлял в виде некоего эталона, с которым одни соглашались, другие нет; Россия могла прийти к сходным (или не очень сходным) результатам, копируя европейский путь, или своим, «особым» путем.

Разумеется, здесь речь идет об образах, существовавших в достаточно узких группах политизированного населения; в массовом же сознании образ Запада был достаточно аморфным. Его характеризовали недостаток объективной информации, отсутствие серьезного интереса и навыков аналитического осмысления, наконец, элементы отношения к внешнему миру как к изначально враждебной зоне — но вместе с тем и обычный здравый смысл, часто позволявший в значительной степени компенсировать все перечисленные особенности восприятия. Но в первые десятилетия XX века в восприятии внешнего мира произошли действительно революционные изменения.

Употребляя термин «революция», «революционные», применительно к любому историческому процессу, исследователь берет на себя серьезную ответственность. И тем не менее трудно подобрать более подходящий термин, который описывал бы изменения, происходившие в восприятии мира советским обществом в первой половине XX в. При этом необходимо учитывать не только масштабы этих изменений, но и весьма краткий исторический срок, за который они произошли.

Модернизация как переход от традиционного общества к индустриальному, помимо реформ политического строя, роста социальной мобильности, индустриализации, урбанизации, распространения образования, наконец, формирования гражданского общества, включает в себя также необратимые изменения в системе ценностей, в глубинных основах культуры. И, в частности, радикально меняются механизмы восприятия внешнего мира. При этом, как справедливо замечает О.С. Поршнева, «модернизация оказывала на носителей традиционного сознания противоречивое воздействие: с одной стороны, в процессе распространения образования и приобщения к городской культуре началось усвоение рациональных представлений о внешнем мире, их демифологизация... Одновременно под влиянием разрушения традиционного уклада происходила актуализация образа враждебного Запада как источника нежелательных изменений, мобилизация установок почвенного сознания»¹.

¹ Поршнева О.С. Образы западных союзников в русском традиционном сознании накануне и в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.) // Проблемы истории России. 2011. № 9. С. 317.

Обычно эти процессы происходят эволюционно: новые представления о мире формируются среди интеллектуальной и политической элиты, затем постепенно захватывают средние слои общества и, наконец, по мере распространения социальных реформ, введения всеобщего образования и т.п., распространяются на широкие массы населения.

В России этот процесс, однако, имел свою специфику. Его эволюционное развитие (как и процесс формирования гражданского общества в целом) было сильно заторможено и даже деформировано в силу целого ряда обстоятельств.

Во второй половине XIX — начале XX в. происходит постепенное пробуждение интереса к внешнему миру в широких слоях населения и одновременно отмечается вытеснение традиционных этнических стереотипов стереотипами с ярко выраженной политической окраской или внешнеполитическими стереотипами. На протяжении нескольких десятилетий образ немца, англичанина, поляка в качестве фольклорного персонажа, в значительной степени сменяется образом Германии, Великобритании, Польши как геополитической реальности. Сначала эти процессы носили эволюционный характер, однако затем приобрели характер революционный — и по темпам развития, и по масштабам.

Этому способствовала всеобщая политизация массового сознания, вызванная потрясениями начала века. Сначала — проигранная русско-японская война, заставившая даже тех, кто никогда не интересовался политическими вопросами, по-новому взглянуть на место России в мире; революция 1905 г. и последовавшие за ней изменения в политическом строе государства и жизни деревни. В еще большей степени на массовое сознание повлияла Первая мировая война.

В ходе войны Запад (расколовшийся на врагов и союзников) стал вызывать не просто интерес, но интерес в высокой степени эмоционально окрашенный. Наблюдатели последовательно зафиксировали невиданный всплеск антигерманских настроений, целенаправленное формирование «образа врага» в лице немцев и их союзников, а к концу войны — стихийные, но все же достаточно распространенные антисоюзнические и даже, хотя в гораздо меньшей степени, прогерманские настроения.

При этом вряд ли правомерно говорить о существовании четких представлений о причинах войны и ее участниках, врагах и со-

юзниках России у подавляющего большинства населения империи. Грянувшую как гром среди ясного неба, непонятную им войну крестьяне в частности восприняли как разновидность неподвластного им стихийного бедствия, рок, ниспосланное Богом испытание. Указывая на недостаточность стихийного патриотизма для победы над врагом, провинциальная газета писала: «Народные массы чувствуют правоту союзников, но больше инстинктом»¹. Впрочем, подобные примеры можно привести применительно и к другим европейским странам, участвовавшим в войне.

Однако мировая война, при всей своей масштабности, оказалась лишь прологом к гораздо более сильным социальным, политическим, культурным, и, разумеется, психологическим потрясениям — свержению монархии, возникновению Российской республики, большевистской революции, гражданской войне...

Одно из серьезнейших противоречий советской истории, кажется, недооцененное исследователями, заключалось в том, что в глубоко архаичном, в большинстве своем крестьянском, обществе установилась власть с гипермодернизационными установками. Причем эта власть возникла на волне мощного взрыва архаики и во многом благодаря ему; более того, если выйти за пределы идеологии и устремлений высшего, крайне узкого слоя советского руководства, власть и сама была — по составу, по методам, по восприятию мира — глубоко архаичной².

Победа революции привела к росту мифологизации массового сознания, особенно в эпоху существования тоталитарного политического режима, в 1930–50-е годы. Этот режим, как и все режимы данного типа, отличался двумя особенностями. Во-первых, он стремился контролировать не только те или иные действия, но также эмоции и мысли населения. Во-вторых, подобные режимы обладают способностью создавать для себя массовую поддержку. Одним из основных средств достижения этого являлась мобилизация общества или его значительной части для достижения единой цели, имеющей общенациональное значение.

¹ Цит. по: *Голубев А.В., Поршнева О.С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012. С. 116.

² См. об этом: *Голубев А.В.* Россия, век XX-й... // Отечественная история. 1997. № 5. С. 80–92; Булдаков В.П. Революция как миф и проблема российской истории // Труды по русистике. 2009. № 1. С. 68–113.

Уже эти особенности тоталитарных режимов указывают на их тесную связь с процессами, происходящими в массовом сознании. С ними связано возникновение этого типа режимов; с другой стороны, тоталитаризм не мог не наложить отпечаток на общественное сознание. В частности, он способствовал консервации мифологического типа сознания, на который опирался¹.

В качестве общенациональной цели, способствующей его легитимизации, сталинский режим выдвигал программу качественного обновления страны, включающую индустриализацию, преобразование сельского хозяйства и культурную революцию. В сущности это была программа модернизации (хотя сам термин и не употреблялся), ведущая к превращению России в индустриальное общество. А процесс модернизации в перспективе сам по себе сокращал сферу влияния мифологического сознания, по крайней мере, так происходило в других обществах. Впрочем, эти последствия модернизации могли проявиться лишь какое-то время спустя.

В отличие от режимов авторитарных, тоталитарный режим не стремился держать массы в стороне от политики, напротив, продолжалась всеобщая, сознательно подталкиваемая политизация массового сознания. Уже в первые годы после революции была создана невиданная в истории система учреждений и механизмов, преследующих чисто пропагандистские цели. Определенная картина внешнего мира представляла собой неотъемлемую часть официальной мифологии. В полном соответствии с описанными выше механизмами мифологического сознания она представляла мир как арену великой борьбы между силами прогресса, олицетворяемыми в первую очередь коммунистическим и рабочим движением, и силами реакции, причем победа первых была неотвратима, как второе пришествие Христа в представлении верующих.

Говоря об обществе в целом, необходимо подчеркнуть, что пропаганда служила *основным материалом* для формирования массовых стереотипов, которые порой упрощали ее до неузнаваемости, порой искажали, а иногда формировались просто «от противного». Растущая изоляция общества, все в большей степени

¹ Подробнее см.: Голубев А.В. Мифологизированное сознание как фактор российской модернизации // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.) М., 1994. С. 187–204; Голубев А.В. Тоталитаризм как феномен российской истории XX века // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.) М., 1999. С. 7–33.

сопровождавшаяся ростом подозрительности и шпиономании, сокращала возможности получения объективной информации. И все же Запад оставался многоликим, причем его разные, иногда прямо противоположные, ипостаси сосуществовали не только в общественном сознании, но и в сознании отдельных людей.

И новый жизненный опыт, полученный российским обществом, и все расширяющаяся система официальной пропаганды вели к тому, что внешний мир, даже в отдаленных районах страны, в сельской глубинке, на национальных окраинах, стал восприниматься как некая реальность, имеющая отнюдь не абстрактное, а вполне практическое значение для повседневной жизни (в том числе для ведения крестьянского хозяйства, для уровня жизни рабочей семьи, и так далее).

Постепенно, порой еще не до конца осознанное, почти инстинктивное, но уже очевидное понимание целостности мира, частью которого являлась Советская Россия, переставало быть прерогативой лишь образованных слоев населения.

Отличительной чертой массового сознания 1920-х годов являлась поляризация представлений о внешнем мире, сопоставимая с поляризацией внутривнутриполитических позиций. Если для одних образ вчерашних противников и союзников, да и Запада в целом, в соответствии с мифологией официальной, рисовался исключительно в мрачных тонах, то для других Запад предстал в виде зеркальной альтернативы всему происходящему в СССР, но уже с положительным знаком.

Мир — Запад прежде всего — предстал как в качестве *источника* вполне реальной *угрозы* (угрозы военной, угрозы для установившегося политического строя, о чем речь пойдет в следующей главе), так и, напротив, в качестве *источника благоприятных изменений*. В последнем случае речь идет не только о противниках Советской власти, ждавших извне освобождения от власти большевиков, но и, в ряде случаев, о ее сторонниках. В их понимании Запад, например, мог предоставить техническую или продовольственную помощь, выступить союзником в войне против общего врага или просто путем давления на советское правительство добиться некоторой корректировки политики (ропуска колхозов, снятия хотя бы части ограничений с деятельности православной церкви).

Но, помимо этого, пропаганда формировала, а общественное сознание воспринимало и собственный образ Запада, который

был ужасен, античеловечен, и должен был одновременно служить мобилизующим фактором и контрастом, оттеняющим завоевания социализма. Это соответствовало особенностям мифологического сознания. По мнению культуролога И.Г. Яковенко, «в природе мифологического сознания лежит симметричная модель мира/антимира. В соответствии с нею, «иной» мир понимается как вывернутая наизнанку модель родной культуры»¹.

Вместе с тем Запад в целом, как подчеркивает Яковенко, «оказывался одним из стержневых концептов, с которым соотносилось, отталкиваясь от которого самоосознавалось, по отношению к которому структурировалось советское общество»². Другими словами, Запад выступал в качестве своеобразного эталона — именно с его жизнью, бытом, культурой сравнивалось все происходившее в СССР, он же выступал и в качестве альтернативы, неважно, с позитивным или негативным наполнением.

После окончания Гражданской войны Запад постепенно обретает свою устойчивую характеристику внешней, «темной» зоны, расположенной за пределами непосредственно освоенной территории, зоны опасности, где действуют и господствуют силы, враждебные человеку.

Не случайно образ границы (в первую очередь, конечно, в обыденном смысле) являлся важной составляющей массового сознания тех лет. Актуальность этого образа на рациональном уровне подкреплялась как пропагандистскими стереотипами о враждебности «капиталистического окружения» вообще, так и повседневной необходимостью «держатъ границу на замке» (не только для «входа», но и для «выхода»).

Сакральный характер государственной границы как грани двух, абсолютно различных, миров, явственно прослеживается не только в массовом сознании, но и в сознании представителей политической элиты. Так, в черновых записях видного партийного деятеля А.С. Щербакова о поездке в Европу в 1935 г. описание переезда границы сопровождается следующей фразой: «Разница огромная, разница во всем, в большом и малом»³.

¹ Россия и Запад... С. 34.

² Там же. С. 302.

³ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 467. Л. 1.

Сохраняла свою привлекательность идея технического прогресса по западному образцу. Промышленная технология в широком смысле и все вырастающие из ее внедрения элементы культуры и образа жизни наделяются высшим статусом. Традиционный для массового сознания негативный образ Запада расслаивается, и из него выделяется актуальная ценность — технология¹.

В 20-е годы и пропаганда, и советское руководство подчеркивали необходимость использования иностранных специалистов. Так, нарком земледелия РСФСР Н.А. Кубяк в мае 1928 г. сообщил о том, что «сделали попытку нескольких американцев, работающих в крупных хозяйствах, пригласить и, может быть, вместе с тракторами их импортируем» и подчеркнул: «Что мы можем обойтись без них, это мы должны отбросить»².

Рассуждения о необходимости использования иностранных специалистов для развития промышленности и передового сельского хозяйства в свою очередь породили настроения о готовности Запада оказать помощь СССР. По свидетельству П.А. Заломова, побывавшего в деревне в начале 1925 г., «об иностранцах сложилось у некоторых самое нелепое представление как о благодетелях, которые спят и видят, как помочь русскому крестьянину, а советская власть не позволяет»³.

Пресса 1920-х — начала 30-х годов постоянно воспроизводила примеры лучшей организации промышленности или сельского хозяйства в развитых капиталистических странах. Однако в массовом сознании эта агитация имела порой неожиданный эффект.

Подобные материалы создавали у населения, в частности, у крестьян, представление о совершенно ином уровне жизни по сравнению с Россией, когда в доме у любого американского фермера «чисто, есть пианино, скрипка, много употребляют мяса, эти крестьяне гораздо богаче наших буржуев»⁴. Рассказы о немыслимом для российского крестьянина богатстве, о «счастливых странах» вопреки замыслам авторов подобных публикаций, приводили не к желанию создать подобное хозяйство в России, а, скорее, к стрем-

¹ Подробнее см.: Голубев А.В., Яковенко И.Г. Запад глазами русских (межвоенный период) // Россия и современный мир. 1997. № 1. С. 119–135.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 300. Л. 64.

³ Вокруг статьи Л. Д. Троцкого «Уроки Октября» (октябрь 1924 г. — апрель 1925 г.) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 175.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 289. Л. 54.

лению эмигрировать. Так, прочитав в газете «Правда» описание сельского хозяйства в Дании, «группа сибирских крестьян, самая культурная и старательная в своем селе, решила незамедлительно переселиться в эту Данию, хотя бы с тем, чтоб жить там в батраках». А после появления статьи В.В. Осинского «Об американском автомобиле и русской телеге», как сообщалось из Сибири, во время коллективной читки у слушателей статьи «раздался глубокий вздох, обозначающий то, что вот есть же действительно такая счастливая и богатая страна... и за ним последовали новые вопросы и рассуждения о том, где эта самая счастливая страна находится, что за народ в ней живет и нельзя ли туда переехать на жительство сибирским мужикам?..» Что же касается основной мысли данной статьи о необходимости широко внедрять технику, в частности тракторы и автомобили, в российское сельское хозяйство, то она показала слушателям «и не серьезной, и не требующей обсуждения»¹.

На первый взгляд подобные рассуждения трудно отнести к категории именно внешнеполитических стереотипов. Но на самом деле рассуждения о «лучшей жизни» на Западе или сопровождались прямыми сравнениями с жизнью в СССР, или такие сравнения подразумевались — если не автором высказывания, то его собеседниками. И таким образом, независимо даже от намерений говорившего или его слушателей, приобретали политический подтекст.

Конечно, представления об уровне жизни населения зарубежных стран, бытовавшие в массовом сознании, были далеки от реальности. Жители крупных городов могли составить собственное мнение, встречая, хотя бы на улицах, членов различных иностранных делегаций, причем их внешний вид уже приводил к далеко идущим выводам: «Свои деньги отослали Англии, — пишет молодая москвичка в 1926 г., — которая, я больше, чем уверена, не нуждается в этом. Они приезжают сюда одеты, что нэпманы, значит, есть чем питаться»². Чехословацкий посланник Й. Гирса писал о результатах визита английской рабочей делегации в октябре 1926 г.: «Принудительная финансовая поддержка английских горняков (советские государственные предприятия и ведомства отчисляют определенный процент от заработной платы всех работающих) вызвала всеобщее и большое недовольство... Рабочие ленинградских путиловских заводов, где занято более 5 тысяч человек, постановили, что не будут

¹ Там же. Д. 16. Л. 367–368.

² Там же. Д. 288. Л. 68.

выплачивать часть заработка для поддержки английских горняков. Это решение было вызвано посещением английскими делегатами рабочих и работниц на заводах... [рабочие] высказались против политики правительства в этом вопросе и свое отрицательное отношение мотивировали тем, что оборванные, неодетые русские рабочие должны выплачивать на британских бастующих, делегаты которых приезжают сюда, одетые в дорогие меха, в накрахмаленных воротничках и шелковых чулках...»¹ Что касается крестьянства, то в материалах ОГПУ можно время от времени встретить жалобы на то, что иностранные делегации деревню не посещают, и потому общаются с ними только рабочие. Крестьянские представления формировались в основном с помощью газетных статей. Впрочем, они также часто противоречили официальной точке зрения о «тяжелой доле» и «постоянном ухудшении» положения трудящихся.

Своеобразным отражением представлений населения о богатстве западных стран стало распространение убеждения, что этот уровень жизни формируется, помимо прочего, и за счет российского крестьянства, изъятия у него хлеба для продажи за границу: «В Англии нашей рожью с сахаром откармливают скот»².

Если в деревнях в основном разговоры шли о материальном благополучии западных рабочих и крестьян, то горожане, читая газетные публикации, нередко приходили к выводу о том, что на Западе существовал более демократичный политический режим, чем в СССР.

Конечно, в первую очередь это интересовало интеллигенцию, которая, даже не имея доступа к иностранной прессе, постоянно ощущала отсутствие политической свободы. Но и в других слоях населения подобные представления отнюдь не являлись редкостью. Например, среди высказываний московских безработных о международных делах осенью 1927 г. были зафиксированы утверждения, что в «демократических странах имеются разные политические партии, там свобода слова и печати, а у нас этого нет»³.

Пропаганда международной солидарности пролетариата, постоянная публикация материалов о революционных настроениях в Европе естественно приводили к переоценке революционного по-

¹ Цит. по: Шишкин В.А. Россия в годы «великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925–1931 гг.) СПб., 1999. С. 245.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 19. Л. 222.

³ Там же. Д. 151. Л. 135.

тенциала западного пролетариата, ожиданию скорой мировой революции и недоумению, почему не принимаются меры для ее ускорения. Многие партийные ячейки после прослушивания докладов об экономическом положении Европы выносили резолюции типа: «Принимая во внимание наличие кризиса и предпосылку к революции, просить Коминтерн объединить мировой пролетариат и скорее свергнуть мировую буржуазию»¹. Тема пролетарской солидарности возникала постоянно; в газетах регулярно печатались резолюции митингов протеста по поводу репрессий в странах капитала. Как отмечает М.М. Кудюкина, «резолюции различного рода крестьянских собраний о солидарности с бастующими горняками Англии, жителями колоний, революционным Китаем, с коммунистами западных стран, борющимися против фашистских и полуфашистских режимов принимались повсеместно и далеко не всегда были навязаны крестьянам решением сверху». Косвенным доказательством веры населения в действенность рабочей взаимопомощи может служить попытка оказать давление на советское правительство, апеллируя к мировому пролетариату: «Тов. Молотов, если вы не примете меры, то мы, беднота, будем писать за границу письма, и пуцай заграничный пролетариат читает, как нам здесь беднякам живется»².

Вообще для 20-х гг. характерна тесная связь представлений о внешнем мире с внутривнутриполитической ситуацией в стране. Массовое сознание как бы пыталось приспособить информацию о внешнем мире к своим нуждам, сделать ее понятной, адекватной традиционным представлениям. Не случайно столь распространены были сравнения государственных деятелей СССР с теми западными лидерами, которые были, как говорится, «на слуху». Например, обычным было сопоставление Троцкого с Пилсудским или Чан Кайши.

Таким образом, можно говорить о том, что в российском обществе в 20-е гг. складывается достаточно устойчивый образ внешнего мира, на формирование которого сильное влияние оказывали как идеологизированная официальная пропаганда, так и традиционное мировоззрение. При этом Запад в основном воспринимался как сила, враждебная советскому государству, и оценивался — положительно или отрицательно — с точки зрения взаимоотношений с новой властью.

¹ Там же. Оп. 68. Д. 402. Л. 4.

² Кудюкина М.М. Запад в представлении российского крестьянства в конце 20-х годов // Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997. С. 64.

И в 30-е годы подавляющее большинство населения страны принимало чисто пассивное участие в формировании внешнеполитических стереотипов — за ними, в сущности, оставалось лишь неосознанное право выбора между различными мифологемами. Одни из них прочно укоренились в массовом сознании, другие не оказывали на него никакого (или почти никакого) воздействия. Значительная часть населения имела о внешнем мире лишь самое отдаленное представление. Вместе с тем многие источники отмечали даже в самых глухих деревнях реальный, хотя зачастую неудовлетворенный, интерес к международным событиям¹.

Усилия режима по политизации и просвещению масс приносили свои плоды, но, как говорил в 1936 г. командующий Белорусским военным округом И.П. Уборевич, значительную часть новобранцев последнего призыва составляли люди, «которые не знают, кто такой Сталин, кто такой Гитлер, где Запад, где Восток, что такое социализм»². Впрочем, армия сама по себе становилась важным каналом политического образования. Это касалось и представлений о внешнем мире. Как писал в 1931 г. после посещения Перекопской дивизии Матэ Залка, чуть ли не ежедневно проходили «после отбоя и ужина — митинги. В резолюции говорится о восьми неграх, о казненном секретаре Китайской компартии, о запрещенных спартакиадах в Германии, об успехах Красной армии Китая и об испанской революции...»³

Постоянно фиксировались преувеличенные представления о масштабе революционных настроений, остроте социально-экономического кризиса в капиталистических странах⁴. Иностранцы, посещавшие Советский Союз, особенно глубинные районы, порой, независимо от их взглядов, социальной и партийной принадлежности, автоматически воспринимались не только как друзья СССР, но и как революционеры. Так, членов иностранной делегации, посетившей в 1930 г. адыгейский колхоз, приняли в почетные колхозники и заверили, что «в любой переключке мы первыми назовем

¹ См. напр.: РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1039. Л. 58; Государственный архив Орловской области. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 110. Л. 4 об.; Оп. 1. Д. 1882. Л. 94, 121 и др.

² Уборевич И.П. Два очага опасности // Военно-исторический журнал. 1988. № 10. С. 43.

³ Глазами иностранцев, 1917–1932. М., 1932. С. 500.

⁴ Об этом писали, например, А. Жид и Л. Фейхтвангер. См.: Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 79–81, 172, 221 и др.

ваши имена и скажем, что вы откомандированы нашим колхозом в европейские и американские страны на революционную работу»¹.

Часто даже личное (пусть и поверхностное) знакомство с жизнью Запада не влияло на представления, сложившиеся заранее. Например, по свидетельству английского журналиста и политического деятеля Э. Хьюза, во время его поездки в СССР в 1930 г. у команды парохода «Сибиряков», который курсировал между Лондоном и Ленинградом, поддержка русской революции «соединялась с полным незнанием того, что происходило тогда в Англии и Западной Европе»².

Конечно, личный опыт, как правило, все же корректировал сложившиеся представления. В первую очередь это относилось к представителям интеллигенции, более подготовленным к анализу и сопоставлению.

В 30-е годы наблюдается любопытная тенденция: не только выводы, но и сам факт сравнения жизни СССР и западных стран властями стал расцениваться негативно.

Были примеры, когда люди, побывавшие за границей, охотно делились своими впечатлениями. Так, некто Якубис в 1937 г. во время предвыборной кампании говорил агитатору: «Что ты рассказываешь, вот в Америке действительно свобода, я там жил 5 лет и знаю, как там свободно и богато живут рабочие». Иногда на основании личного опыта делались и вовсе глобальные выводы. Например, грузчик Борисов в 1937 г. «заявил беседовавшему с ним члену партии парторгу Платоновой, что был за границей, объехал всё [*sic!* — *авт.*] и видел, что там рабочие живут лучше, чем у нас»³.

Крайне негативно расценивались спонтанные попытки «вписать» СССР в сложившуюся систему международных, в том числе экономических отношений.

Так, в ноябре 1932 г. в Свердловской области студент, одновременно преподаватель рабфака А.И. Худорожков на занятии «допустил открытое контрреволюционное выступление в порядке получасовой зажигательной речи». Он доказывал, что эксплуатация существует и при социализме, и при капитализме, при этом капиталистическая система выгоднее и устойчивее, т.к. в отличие

¹ Глазами иностранцев... С. 448.

² Хьюз Э. Визит Макмиллана в Советский Союз. М., 1959. С. 52.

³ Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 15. Л. 6; Д. 18. Л. 75.

от советской отличается плановостью, [*sic!* — *авт.*], управляется через систему трестов и картелей, обеспечивает расширенное воспроизводство. «Положение рабочего класса у нас хуже, чем у капиталистов, так как рабочий систематически недоупотребляет... допустим себе, что диктатура пролетариата и капиталистов есть крапивное поле... у капиталистов рабочий на это поле садится в штанах, а у нас без штанов»¹. В результате Худорожков был исключен из института и арестован ОГПУ. А в октябре 1933 г. в свердловском Институте Стали «был разоблачен профессор Потрясов, который на занятии выступил с явно выраженными троцкистскими установками, докладывая, что Советская система хозяйства является составной частью мирового хозяйства, что законы одинаково распространяются на все страны, что кризис в капиталистических странах распространяется и на СССР, что кризис влияет и на темпы нашего социалистического строительства, в частности на развитие черной металлургии». Более того, при разборе дела Потрясов (бывший меньшевик с большим стажем, высланный из Харькова) заявил, что это его личная точка зрения, и он не намерен ее менять².

Таким образом, несмотря на возможные репрессии и все цензурные ограничения, для массового сознания Запад по-прежнему служил своеобразным эталоном в отношении СССР.

Прямые сравнения ситуации в СССР и на Западе далеко не всегда оказывались в пользу СССР. Такое высказывание было зафиксировано в 1931 г. в Вотской автономной области — «Вы своими фордовскими методами под видом социализма устанавливаете заграничный режим. Форд дает рабочим дома, автомобили, а вы что даете. Несчастную квартиру, да и то с боем, за подвиги»³.

Порой особенности советского быта как бы проецировались на жизнь других стран. Так, немецкому журналисту А. Кестлеру во время его пребывания в Москве задали вопрос: «Когда вы ушли из буржуазной прессы, отобрали ли у вас продуктовую карточку и выселили ли вас из вашей комнаты?» Были и другие вопросы, в

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 10. 1932. Д. 242. Л. 94–95.

² Там же. Ф. 161. Оп. 1. Д. 231. Л. 14, 127.

³ Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИУР). Ф. 16. Оп. 1. Д. 1068. Л. 79.

частности, «сколько в среднем французских рабочих семей погибает ежедневно от голода а) в сельской местности и б) в городах?»¹

«Положение безработного очень тяжелое, за несчастным супом стоят огромные очереди, а мы полностью снабжаем рабочий класс, что ему необходимо, но мы очень хорошо не можем снабжать, так как мы жертвуем в пользу социалистического строительства» — говорили на занятиях московские пропагандисты. А в ответ раздавались реплики: «Вы сравниваете столь тяжелую жизнь в капиталистических странах, но это не так, ибо приезжие безработные из Америки лучше выглядят наших рабочих»². Впрочем, говорящие это вряд ли встречали приехавших из Америки безработных.

Иногда выводы делались не столько на основании информации о внешнем мире, сколько исходя из внутренней ситуации. Как и в конце 20-х, в первой половине 30-х годов постоянно встречаются упоминания о вывозе хлеба за границу как причине продовольственных затруднений. При этом делался неожиданный, с точки зрения пропагандистов, вывод — раз наш хлеб вывозят на Запад, значит, там в результате этого хлеба в избытке. «В газетах пишут, что за границей голод и безработица, а выходит наоборот. Мы весь хлеб вывезли за границу, а сами у себя устроили очереди за ним... Что рабочие за границей голодают — на самом деле все наоборот, мыдохнем, а они живут на нашем хлебе» — говорили в 1933 г. ижевские рабочие³.

В связи с принятием новой советской Конституции 1936 г. постоянно раздавались высказывания о преимуществах советской жизни. Как заявила одна рядовая московская избирательница, «ни в одной стране нет таких выборов, как у нас в СССР»⁴. Как бы отвечая ей, жители Калужского района в июле 1936 г. говорили: «От вставленных в Конституцию слов о свободе слова и печати веет красным словцом, за границей — например в Англии и Америке действительно существует свобода печати, а у нас одна партия, она же правительство, остальные же ничто...»⁵.

¹ The God that Failed. N.Y., 1965. P.54.

² ЦГАМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 16. Л. 9; Д. 23. Л. 101.

³ ЦДНИУР. Ф. Р-195. Оп. 6. Д. 43. Л. 287, 289.

⁴ ЦГАМ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 15. Л. 60.

⁵ Государственный архив Калужской области. Ф. 8. Оп. 3. Д. 26. Л. 92.

Встречались и примеры уже сложившихся, устойчивых представлений, прямо противоположных официальным. Так, подмастер Кузнецов в 1932 г. заявлял: «Разводим разговоры догнать и перегнать Америку, а Америка едет на машине, а мы на шкуре рабочих»¹.

Иногда делались серьезные культурологические обобщения. Так, в ноябре 1934 г. на обще районном собрании парикмахеров ленинградский парикмахер Кобяков утверждал: «В стране отсталой, политически безграмотной, где нищета и болото, там могла быть пролетарская революция, а вот там, где более культурные рабочие, как Англия, Германия, там революции нет. Благодаря нашей некультурности мы могли построить социализм»².

Таким образом, наряду с официальными стереотипами сохранялись противоположные им, но столь же упрощенные представления о Западе как о счастливом, богатом мире, где решены (или вскоре будут решены) все проблемы. Этот позитивный образ существовал в разных слоях общества.

И все же этот позитивный образ Запада тускнел и терял свою притягательность, по крайней мере, в предвоенные годы, по мере воздействия пропаганды, стабилизации внутреннего положения и относительного роста уровня жизни, наконец, просто смены поколений.

К концу 1930-х годов большинство населения в той или иной степени восприняло стереотипы официальной пропаганды. Однако другие материалы, в частности информационные материалы НКВД, показывают гораздо более сложную картину. То, что устоявшиеся пропагандистские клише регулярно использовались в публичных выступлениях или в письмах, еще не означало, что все население в них верило; напротив, в частных разговорах зачастую встречались высказывания и оценки прямо противоположные официальным, причем это относится практически ко всем социальным группам. Пожалуй, только среди молодежи степень доверия к советской пропаганде была заметно выше. Свидетельств тому более чем достаточно, в том числе в материалах «Гарвардского проекта». Из них следует, что советская молодежь была настроена к сталинскому режиму гораздо более лояльно, чем представители старших поколений. Вместе с тем именно молодежь в числе главных пре-

¹ ЦГАМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 15. Л. 128.

² Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербурга. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2286. Л. 153.

тензий к режиму называла, наравне с террором, то, что он «обманывал их, давая им неверное представление о жизни на Западе»¹. Разумеется, речь шла о той части советской молодежи, которая в силу различных обстоятельств сама оказалась за границей и могла оценить достоверность советской пропаганды.

Вторая мировая война многое изменила в представлениях о внешнем мире.

Сотрудничество в рамках антигитлеровской коалиции, особенно среди представителей интеллигенции, расценивалось как начало нового этапа взаимоотношений СССР и ведущих стран мира. Впрочем, позитивных изменений ожидала не только интеллигенция. Подобные настроения существовали и в городах, и в деревне².

Оставили след не только межсоюзнические отношения, сопровождавшиеся изменениями в пропаганде, а в ряде случаев — личными контактами советских граждан с союзниками, но и в ряде случаев также личные впечатления от увиденного в Европе в 1944–1945 гг., которые резко контрастировали с советской действительностью и весьма разнились от удручающих картин западной жизни, тиражируемых официальной пропагандой. Не впервые в истории России победоносный заграничный поход привел к серьезным изменениям в массовом сознании.

В первые послевоенные годы советское руководство активно пыталось свести к минимуму последствия знакомства многих советских людей с повседневной жизнью Запада (отсюда — идеологические кампании конца 40-х — начала 50-х гг., в том числе «борьба с космополитизмом»). Но такие меры давали лишь ограниченный и временный эффект.

В течение следующего этапа, с конца 1950-х по 1985 г., в СССР постепенно рушились преграды в области международного общения, происходило неформальное налаживание контактов советских граждан с иностранцами, создавалась атмосфера доверия, ширилось количество неформальных общественных организаций. Другими словами, возникали элементы гражданского общества. Это, а также появление альтернативных источников информации о западном мире, привело к постепенной эрозии устоявшихся внешнеполитических стереотипов. В значительной

¹ Котин Е.В. «Гарвардский проект». М., 2003. С. 127.

² Подробнее см.: Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника... С. 330–345.

мере они (хотя, конечно, далеко и полностью) вытесняются инокультурными стереотипами. Теперь, например, Италия вызывала ассоциации не столько с Муссолини и фашизмом, сколько с Феллини и Данте, Англия — не с Чемберленом или Черчиллем, а с Шекспиром, футболом и «Биттлз», и так далее. Конечно, здесь сыграло свою роль и повышение уровня массового образования в СССР, но не только.

Происходит почти незаметный, но постоянный по своей динамике процесс открытия советского общества внешнему миру. Нарастает количество фильмов, книг, разнообразных выставок; все больше советских людей выезжает за рубеж в туристические поездки, в командировки, все больше проникает, с одной стороны, реальная информация о жизни на Западе, а с другой — представление 30-х годов о Западе как об антимире, сменяется обратным мифом: этот Запад для значительной части населения уже предстает сказочным миром, где все не просто по-иному, но и намного лучше, чем у нас.

И вместе с тем, опасения войны, сформированные в первую очередь памятью о Великой Отечественной, продолжали доминировать в массовом сознании. В эту эпоху трудно найти следы предвоенных иллюзий или особые разногласия относительно предполагаемого противника. В качестве такового рассматривались США, НАТО, Запад в целом; сама же гипотетическая война почти однозначно воспринималась как катастрофа.

С 1985 г. начинается сложный, противоречивый, но довольно быстрый, и, как тогда казалось, необратимый процесс ликвидации стереотипов «холодной войны» как на Западе, так и в СССР. Столь же противоречивым являлось становление новых внешнеполитических приоритетов в мире, которое определило более трезвый, хотя и не лишенный предубеждений, взгляд Запада и России друг на друга в связи с попытками установить баланс глобальных и национальных интересов.

Близкое знакомство с реальным Западом, а, главное, результаты перестройки и последовавших за ней рыночных реформ привели к тому, что инверсия произошла еще раз, и вновь возродились традиционные стереотипы, демонизирующие Запад, порой отдающие средневековым, и мало свойственные даже позднему советскому обществу.

Однако внимательное изучение многочисленных социологических опросов 1990-2000-х годов приводит к неожиданному выводу.

Вышеупомянутая «ретроградная инверсия» избирательна и непрочна; более того, она скрывает вполне реальный, хотя далеко не всегда осознаваемый, процесс восприятия западной системы ценностей, продолжающий сходные процессы советской эпохи в гораздо более благоприятной для этого внешней среде. Можно сказать с большой долей уверенности, что она затрагивает прежде всего внешнеполитические стереотипы; однако, одновременно идет процесс формирования инокультурных стереотипов, а личный опыт знакомства с внешним миром способствует их превращению в образы. В последние десятилетия, при всей сложности общественно-политической и социально-экономической ситуации, в массовом сознании российского общества происходило постепенное размывание многовековой мифологической составляющей образа Запада.

РАЗДЕЛ II

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Глава 6

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ ДРЕВНЕРУССКОГО КНИЖНИКА

Ленская В.С.

В ходе становления древнерусского государства зарождались межгосударственные связи, развивалась дипломатия, происходил обмен культурными достижениями; в этих условиях все более очевидной становилась необходимость осмысления места русского государства в общей системе мировых держав. Эту задачу были призваны выполнить исторические сочинения, созданные в более развитых государствах и начиная с IX в. активно переводившиеся на древнерусский язык. Понятно, что в данном случае русский читатель получал уже готовую схему, в которой исторические роли давно были распределены: согласно этой схеме, «все дороги вели в Византию», занимавшую на тот момент лидирующее место в том религиозно-культурном ареале, в который оказалось включенным молодое русское государство. Русский читатель знакомился с историей, преподанной ему византийскими авторами, и в том ключе, который они задали; другого выбора у него не было. Ему предлагалось ознакомиться с древневосточной историей, с историей древней Греции, историей древнего Рима и историей Византийской империи. В нашей статье мы сосредоточились на рассмотрении вопроса — какой виделась древнерусскому читателю история древней Греции. Посмотрим, какие сюжеты из греческой истории проникли в древнерусскую литературу в ранний период ее существования, во время Киевской Руси, и какое общее представление о греческой истории мог тогда себе составить русский читатель. Мы ограничили свою работу временными рамками Киевской Руси, хотя, забегаая вперед, скажем, что представления о древнегрече-

ской истории, заложенные в это время, практически не менялись до конца существования древнерусского государства.

Обрисую круг источников, то есть перечислим переводные сочинения, из которых читатель Киевской Руси мог извлечь информацию об истории древней Греции. В данной статье мы используем именно переводные источники и не касаемся извлечений из них, вошедших в древнерусские сочинения, такие, например, как Эллинский и Римский летописец (первая редакция которого, вероятно, появилась до XIII в.¹), летописи и другие. Это исторические хроники — Хроника Георгия Амартола (переведена не позднее XI в.) и Хроника Иоанна Малалы (переведена не позднее XI в.)², «Слова» Григория Богослова (древнейший славянский список включает 13 слов и датируется XI в.) и «Пчела» (переведена в конце XII в.).

Говоря о греческой истории, мы опускаем историю Александра Македонского, поскольку в древнерусской традиции этот период был представлен в виде самостоятельного логоса, мало связанного с историей Греции. История похода Александра Македонского в древнерусской литературе наиболее подробно была представлена в «Александрии» XII–XIII вв., а также в отдельных эпизодах Хроник Иоанна Малалы и Георгия Амартола, однако в этих источниках история восточного похода Александра (сама по себе фантастическая) фактически никак не привязана к греческой истории.

Мы выделили несколько направлений, касающихся греческой истории, которые представлены в древнерусской литературе домонгольского периода.

Первое. Перечисление отдельных имен мифологических царей некоторых полисов и некоторых имен исторических деятелей. Особенно информативна в этом смысле Хроника Иоанна Малалы, с которой древнерусские читатели познакомились довольно рано,

¹ *Творогов О.В.* Летописец эллинский и римский // *Словарь книжников и книжности древней Руси.* Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 18.

² Третья историческая хроника, известная в Киевской Руси, — Хроника Георгия Синкелла — была переведена, по мнению В.М. Истрина, во второй пол. XI в. (*Истрин В.М.* Очерки истории древнерусской литературы домосковского периода (11–13 вв.). Пг., 1922. С. 87), однако древнерусский перевод сильно сокращен и практически не содержит сведений по греческой истории (Там же. С. 12–15).

не позднее XI в.¹. Иоанн Малала (ок. 491–578 гг.), антиохийский составитель Хроники, был, по мнению исследователей, летописцем, описавшим языческие времена ярче всех византийских хронистов; Удальцова называет эту Хронику «христианским произведением с обильной античной приправой»². Неподдельный интерес автора к дохристианской древности, отсутствие суровых обличений язычества, обилие элементов сказочности и чудесности, занимательность и красочность изложения — все это делало сочинение Малалы чрезвычайно притягательным для читателя Киевской Руси, еще сохранявшего прочные духовные связи с язычеством. Хроника Малалы, состоящая из 18 книг, рассказывает о событиях от сотворения мира до императора Юстиниана. В 1–4 книгах излагается поочередно библейская и легендарная греческая история, в 5 книге повествуется о Троянской войне, в 6–8 книгах попеременно рассказывается о восточных монархиях, походах Александра, эллинистических правителях и начальной истории Рима. Следующие книги посвящены истории императорского Рима и новозаветной истории.

Вся интересующая нас информация содержится в первых пяти книгах. Малала дает некоторые сведения о греческих городах — Фивах, Аргосе, Сикионе, Афинах, Лакедемонне, называя их царствами, упоминает имена исторических деятелей Драконта, Солона, Писистрата, Перикла, историков Фукидида, Геродота, Плутарха, Диодора, Полибия; при этом, как отмечает Э.Д. Шусторович, такие персоналии состояли лишь из определения или приложения³ — «Павсаний, ученейший летописец, написал об этом» (*Mal. Chron. II. 12; II. X [29]*)⁴, «как повествует Гомер

¹ О.В. Творогов считает, что перевод был сделан еще в X в. (*Творогов О.В.* Хроника Иоанна Малалы // *Словарь книжников и книжности древней Руси.* Вып. 1. XI–первая половина XIV века. М., 1987. С. 471–474). Издана Истриным на основе сохранившихся фрагментов в составе древнерусских хронографов — Истрин В.М. Хроника «Иоанна Малалы» в славянском переводе. Репринтное издание материалов Истрина. М., 1994.

² *Удальцова З.В.* «Хроника» Иоанна Малалы в Киевской Руси // *Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 52.*

³ *Шусторович Э.Д.* Хроника Иоанна Малалы и античная традиция в древнерусской литературе // *Труды Отдела древнерусской литературы Л., 1968. Т. 23. С. 64.*

⁴ Ссылки даются: сначала по изданию *Thurn I.* Ioannis Malalae Chronographia. Berlin-N.Y.: De Gruyter, 2000, затем по изданию *Истрин В.М.* Хроника «Иоанна Малалы» в славянском переводе. Репринтное издание ма-

стихотворец» (II. 1; И II. 1 [30]) «когда Солон занимался философией» (VI. 6; И VI. II [172]). Малала довольно подробно излагает легендарную историю перечисленных городов; при этом он, как и многие другие византийские авторы, интерпретирует мифы с позиций евгемеризма: «для греческого хрониста, а затем для древнерусского читателя мифологические персонажи мыслились как реальные исторические лица»¹. Во II книге читатель узнает о царствовавших в Беотии Кадме, Дионисе, который объявляется сыном Кадма и смертным человеком и с которым связываются искаженные отрывки мифа о Зевсе и Семеле, Лае и его сыне Эдипе, история которого излагается по легендам, известным нам из трагиков. Последними царями Фив, по мнению Малалы, были сыновья Эдипа Полиник и Этеокл, погибшие, враждуя между собой. Владычество Фив длилось 369 лет (II. 17; И III. XV [90]). В качестве источников для изложения фиванской истории называются Палефат (перипатетик, живший в IV в. до н.э., автор сочинения «О невероятном», критиковавший мифы с позиций евгемеризма²), поэт Еврипид и Секст Юлий Африкан, раннехристианский автор. В IV книге сообщается, что в течение 549 лет царствовали аргивяне (со ссылкой на Диодора), и 985 лет сикионцы (со ссылкой на Африкана) (IV. 1; И IV. I [102]) Затем следует переход к истории Атики и рассказывается, что в Аттике правил Кекропс, издавший закон о переходе от многожества к браку с одним мужчиной (IV. 5; И IV. IV. [103-104]), и другие цари вплоть до Кодра. Правление афинян, согласно Малале, длилось 492 года (IV. 5; И IV. IV [105]), после чего наступила эпоха архонтов: «Во время архонтов первым дал законы афинянам человек по имени Драконт, а после него Солон. Солон отменил законы Драконта, а после Фалес Милетский опять издал законы. Потом над ними снова стал царствовать сначала Эсхил, который правил в течение 21 лет, а после Эсхила Алкмеон, царствовавший в течение двух лет. Об Алкмеоне написал пьесу мудрейший Еврипид. А после Алкмеона над ними царствовали 18 человек до Аресия, который правил в течение 12 лет. После этого царство афинян, существовавшее 907 лет, было разрушено, как

териалов Истрина. М., 1994 (с пометкой И, в квадратных скобках страница по изданию Истрина).

¹ Шусторович Э.Д. Цит. соч. С.63; тжж. Удальцова З. В. Цит. соч. С. 54.

² Палефат. О невероятном. Пер., вступительная статья, комментарии В.Н.Ярхо // ВДИ. 1988. № 3. С. 216–237, № 4, С. 219–233.

пишет Африкан, ученейший летописец» (IV. 6; И IV. IV. [105]). Мы специально привели такой длинный отрывок из Малалы, чтобы показать, какая путаница относительно греческой истории творилась в головах древнерусских читателей. О «пелопоннесцах» сообщается, что ими правили Пелопс, Атрей, Фиест, Агамемнон, Эгисф и что их правление в целом длилось 164 года (IV. 16; И IV. XII. [113]). Лакедемоняне, управляемые Еврисфеем, Алкаменом и другими царями, правили 325 лет (IV. 20; И IV. XV. [116]). Кроме того, сообщается о Фессалии, где правил Тесей (IV. 18; И IV. XIII [114]), и Крите, где царствовал Минос, который «контролировал море после войны с афинянами и издал законы» (IV. 16; И IV. XII [113]); попутно рассказывается история о Тесее и Минотавре. Малала сообщает, что Платон упомянул Миноса в своем трактате о законах (IV. 16; И IV. XII [113]), обнаружив тем самым свое знакомство с этим сочинением, которое, безусловно, можно назвать не только философским, но и историческим; правда, читал ли он его или только был наслышан о нем, остается неясным.

З.В. Удальцова немного преувеличивает, написав, что «перед читателем проходят...греко-персидские войны с их героями, Пелопоннесская война — великое испытание греческого народа, знаменовавшее собой начало заката классической Греции»¹. Знания о греко-персидских войнах ограничены кратким сообщением о сражении Кира с самосцами (VI. 12; И IV. III [176]), сведения о Пелопоннесской войне сводятся к единственному предложению «тогда жили Исократ, Перикл и Фукидид, который писал о войне между пелопоннесцами и афинянами» (VI. 27; И VI. VIII [184]). Как видим, почти никаких событий из реальной истории не упоминается. Но, тем не менее, и такие сведения позволяли русскому читателю узнать о существовании именно древней цивилизации, предшествовавшей современной им Византии и очевидно дохристианской. Если для сегодняшнего читателя факты греческой истории, изложенные в Хронике Малалы, кажутся скудными и отрывочными, то для древнерусского читателя эта Хроника явилась кладезем знаний о древнегреческой истории и культуре: мы уже писали, что это сочинение было чрезвычайно популярным в древней Руси. По словам В.М. Истрина, «это была скорее история древняя, нежели история собственно византийская...самые события византийской истории переданы в ней очень кратко

¹ Удальцова З.В. Цит. соч. С. 55.

сравнительной с историей греческой, которая наполнена разными баснословными сказаниями. Впоследствии русский книжник правильно охарактеризовал ее, назвав ее «Еллинским хронографом», т.е. древнегреческим, языческим»¹. Конечно, какие-либо сведения о республиканской истории греческих полисов отсутствуют полностью, но их и нельзя было ожидать от византийского автора, писавшего всемирную историю по «социальному заказу». В предисловии к своему труду автор ставит задачу «изложить поочередно события со времен царей (ἐν τοῖς χρόνοις τῶν βασιλέων) до событий, произошедших во время моей жизни» (Mal. Chron. Prol.). Что касается древнерусского читателя, то его знания о славном республиканском прошлом Греции вряд ли могли поощряться властями, поскольку уже в Киевской Руси появлялись города, тяготевшие к самостоятельности и независимой форме правления — мы имеем в виду, прежде всего, Новгород, который, как известно, еще в XI в. пытался обрести независимость, а в 1136 г. изгнал князя и установил республиканскую форму правления.

Гораздо более скупа на легендарную историю вторая переводная древнерусская хроника — Хроника Георгия Монаха, или Амартола (т.е. грешника, как он сам себя называл)². Амартол, как и Малала, начал свой труд с библейских времен и довел до смерти императора Феофила (842 г.); при этом, в отличие от антиохийского автора, монах Амартол гораздо меньше интересуется собственно историей, значительную часть его сочинения занимают богословские рассуждения. Хроника состоит из четырех книг. Сам автор так представил композицию своего труда: «Начав от Адама и дойдя до кончины Александра, мы, согласно своему замыслу, снова вернувшись к Адаму, попытались перечислить потомков до Иисуса Навина, напомнив, как смогли кратко, годы каждого и деяния. Затем так же кратко — о судьях и до пророка Самуила, а после этого также и о царях иудейских от Саула до Седекии и гибели Иерусалима, где, кроме прочего, в немногих словах об иудеях; после этого — о рим-

¹ *Истрин В.М.* Хроника Георгия Амартола в славяно-русском переводе и связанные с ней памятники // ЖМНП. 1917 май. С.1.

² Была переведена, по разным предположениям, в Болгарии X в. или в Киеве во время правления Ярослава Мудрого (о дискуссии по поводу обстоятельств перевода см. *Матвеев В.А., Щеголева А.И.* Книги временные и образные Георгия Монаха. Т. 1. Ч. 1. М., 2006. С. 26–30). Издана В.М. Истриным — *Истрин В.М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т.1-3. Пг., 1920, 1922; Л., 1930.

ских игомонах, так же, как и о древних персидских и македонских полках Селевка, Антиоха и Птолемея, к которым перешло владичество и правление; а также о римских, эллинского происхождения, всемирных царях, и о делах их, и о смерти их, от Юлия Кесаря вплоть до нечестивых богохульников Диоклетиана и Максимиана; потом о Константине, благочестивом и первом царе христианском, и о бывших после него — до последнего Михаила, сына Феофила...» (Georg. Mon. 16в-16г)¹. Таким образом, греческая история должна была по плану войти в первую (и самую маленькую по объему) часть, однако удивительным образом Амартол обходит ее стороной, а сообщает лишь некоторые имена: читатель узнает, что первым царем Аттики был Кекропс (336-в), греческими законодателями — афинянин Солон и спартанец Ликург (40г, 736), фиванским полководцем Эпаминонд (1076), однако никакой привязки к событиям эти имена не имеют. Называются имена Геродота, Фукидида, Демосфена, Плутарха, но никаких представлений об их личностях и сочинениях читатель не получает. В отличие от Малалы, монах Амартол язвительно разоблачает мифы и не упускает случая поиздеваться над греческими философами, делая исключение лишь для некоторых (например, Платона). Единственный персонаж, связанный с греческой историей и вызвавший интерес у Георгия Амартола — это Александр Македонский, однако сам автор историю Александра с Грецией не ассоциирует и пишет о нем лишь как о правителе Македонии и руководителе восточного похода.

Тем не менее, обе Хроники в совокупности знакомили древнерусского читателя со сказочной цивилизацией, с которой началось «Греческое царство» (как на Руси называли Византию) и которая была так не похожа на современную им Грецию.

Мы оставляем за скобками вопрос, в какой степени были знакомы с историей древней Греции сами авторы двух упомянутых нами исторических хроник, однако не вызывает сомнения, что их осведомленность была гораздо более полной. Оба автора — образованные византийцы. Византийская школа продолжала традиции эллинистической школы, не отказываясь от предметов «тривиума» (грамматика, риторика, диалектика) и «квадривиума» (арифмети-

¹ Перевод текста и нумерация листов рукописи Троицкого списка дается по изданию: *Матвеев В., Щеголева А.И.* Временник Георгия Монаха. Русский текст, комментарий, указатели. М., 2000.

ка, геометрия, музыка, астрономия)¹; далее желающие могли продолжить образование в интересующей их области — философии, юриспруденции, медицине и т.д.². «В согласии с традицией образование — как в Византии, так и на Западе — было ориентировано на чтение и комментирование античных авторов»³. Светское образование было безусловно господствующим, теологические познания приобретались в ходе самостоятельного изучения богословия⁴. Составлялись лексиконы, например, такие известные, как лексиконы Фотия (IX в.) и Суды (X в.), авторы которых давали подробные комментарии к древнегреческим реалиям, используя при этом античные сочинения. «Мириобиблион» будущего Константинопольского патриарха Фотия, содержащий, в частности, краткие рефераты сочинений многих греческих авторов V–IV вв. до н.э. и комментарии к ним, свидетельствует о прекрасном знакомстве образованных византийцев с трудами греческих писателей и с республиканской историей Греции⁵. При желании и авторы исторических хроник могли познакомиться с древнегреческими сочинениями в оригинале; этой возможности был лишен древнерусский читатель. Однако сама по себе древнегреческая история мало интересовала византийских хронистов, одной из целей которых было обосновать византийскую имперскую идею, появившуюся в результате Божьего провидения, и декларировать континуитет по отношению к древнему Риму. Во всяком случае, сведения о греческой истории, изложенные

¹ Т.н. *ἐγκύκλιος παιδεία*: *Dvornik Fr.* Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance. Prague, 1933. P. 25–33; *Fuchs F.* Die Höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Berlin, 1926. S. 41–50.

² *Wilson N.G.* The Church and Classical Studies in Byzantium // *Antike und Abendland*. 1970. В. 16. Н. 1. S. 73 и passim; idem. *Scholars of Byzantium*. London, 1996. P. 18–27.

³ *Живов В.М., Успенский Б.А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры VII–VIII вв. // *Античность в культуре и искусстве последующих веков*. М., 1984. С. 206.

⁴ Бек пишет, что в ранневизантийское время теологи получали обычное образование в начальных школах и затем пополняли свое образование путем самостоятельного чтения: *Beck H.-G.* Bildung und Theologie im frühmittelalterlichen Byzanz // *Polychronion*. Heidelberg, 1966. S. 77–81. Того же мнения придерживается Г. Подскальский: *Podskalsky G.* Theologie und Philosophie in Byzanz. München, 1977. S. 48–64.

⁵ Подробнее об античном наследии в трудах византийских авторов см., например, сборник статей: *Античность и Византия*. М., 1975.

Малалой, свидетельствуют о том, что он крайне редко привлекал для создания своего труда сочинения древних авторов и пользовался поздними компендиумами, искажившими греческую историю до неузнаваемости: так, при изложении истории древней Греции он по большей части использовал сочинения Секста Юлия Африкана и хроники Домнина и Несториана, второстепенных и мало кому известных сейчас авторов. Между тем известно, что Малала получил классическое образование в школе риторов (Malal в переводе с сирийского — «схоластик», «ритор»), предназначенной для подготовки государственных служащих, и, вероятно, служил чиновником в штабе комита Востока¹; его образование позволяет сомневаться в том, что ему были незнакомы сочинения великих ораторов древности — Демосфена, Исократы, Лисия и др. Если же он их изучал, то, безусловно, должен был знать реалии общественно-политической жизни древней Греции. В таком случае, республиканская история греческих полисов была опущена им сознательно, как не укладывающаяся в общую схему создания Византийской империи и потому не интересная для читателя.

Второе направление в древнерусской литературе, представляющее историю древней Греции — повествование о легендарной истории Троянской войны, изображенной в виде серии приключений и сражений, в которых участвует ряд греческих героев. При этом, как замечает О.В. Творогов, «описание собственно исторических событий при описании Троянской войны занимает... весьма скромное место: на первый план выступают иные — морально-психологические, романтические и приключенческие — коллизии»². Читатель Киевской Руси мог познакомиться с Троянской историей в пятой книге Хроники Иоанна Малалы «О временах Троянских», следовавшего версии «Дневника Троянской войны» некоего греческого автора, известного под именем Диктиса Критского³. Довольно подробно и красочно изложена легендарная история по-

¹ *Croke B.* Malalas, the Man and His Work // *Studies in John Malalas*. Sydney, 1990. P. 10–11; *Treadgold W.* John Malalas // *Treadgold W.* The Early Byzantine Historians. N.Y., 2010. P. 236; Удальцова З.В. Цит соч. С. 48

² *Творогов О.В.* Античные мифы в древнерусской литературе XI–XVI вв. // *Труды отдела древнерусской литературы*. Л., 1979. Т. 33. С. 20.

³ См. *Диктис Критский*. Дневник Троянской войны. Пер. и вступительная статья В.Н. Ярхо // *ВДИ*. 2002. № 1. С. 239–251, № 2. С. 236–250, № 3, С. 244–251, № 4. С. 239–246.

хода ахейцев под Троию и странствия Одиссея¹. Мы сейчас опускаем вопрос, насколько точно следует Малала версии Диктиса и какими другими источниками он пользовался, но не можем не отметить характерную особенность книги «О временах Троянских» — любовь автора к портретным изображениям. Вот как, например, изображает автор Ахилла и Андромаху: «Ахилл имел хорошую грудь, большое массивное тело, длинные ноги, тонкую бороду, светлые волосы, был красив лицом, с винноцветными грозными глазами, густыми локонами, длинным носом; быстроног, искусен в прыжках, грозный воин; пленительный, любящий наслаждения, великодушный и сладкоголосый» (V. 9; И V. VII [10]), «Андромаха была среднего роста, тонкая, хорошо одетая, с красивым носом, с красивой грудью, красивыми глазами и бровями, кудрявая, со светлокаштановыми волосами, спадающими на спину, великодушная, с красивой шеей, ямочками на щеках, очаровательная, страстная» (V. 10; И V. VII [12]). Подобным образом охарактеризованы почти все греческие и троянские герои. Античная литература не знала таких описаний. Нам трудно сказать, какими современными ему произведениями вдохновлялся Малала, создавая столь красочные портреты, но они, несомненно, подогревали интерес древнерусского читателя при его знакомстве со столь далеким ему миром; все портреты переведены, если и не дословно, то очень старательно.

Место Троянской войны в греческой истории, естественно, древнерусскому читателю было неизвестно. Учитывая объем, отведенный для изложения событий этой войны, у древнерусского читателя могло сложиться впечатление, что именно эти события и являлись основным содержанием древнегреческой истории; во всяком случае, если бы какого-нибудь грамотного жителя Киевской Руси друзья или дети попросили рассказать об истории Греции, он вряд ли нашел в доступных ему книгах что-либо более содержательное и последовательное, нежели история Троянской войны. Столь большое внимание, уделявшееся византийскими авторами этой истории², объяснялось, по-видимому, двумя причинами: во-первых, Гомер продолжал оставаться «базовым» писателем

¹ См. русский перевод этой книги до конца XIV главы в: Памятники византийской литературы IV–IX вв. М., 1968. С. 182–195.

² Кроме Малалы, историю Троянской войны подробно излагает в своей Хронике Константин Манассия; славянский перевод его хроники стал известен на Руси только в XV в. О разных вариантах истории Троянской войны в

классического образования, привлекавшим острой занимательностью сюжета, во-вторых — и это, возможно, главное — Троянская война являлась как бы введением к началу римской истории, приведшей к рождению Римской империи. Ход мысли византийского автора, навязываемый древнерусскому читателю, ясен: греческая история — это ни что иное, как прамбула римской истории, венцом которой явилась Византия.

Третье. Сведения о некоторых эллинских философах и поэтах (которые также зачислялись в разряд мудрецов) — и эта область древнегреческой цивилизации, пожалуй, наиболее охотно освещалась древнерусскими книжниками, испытывавшим явный пиетет к греческим мыслителям и именовавшим их «премудрыми». Мы связываем эту область с историей потому, что и философские, и поэтические сочинения практически всегда содержат большой пласт исторической информации. Однако в древней Руси адекватных представлений о их сочинениях, конечно, существовать не могло, и эллинские мыслители чаще всего вносились в список авторов мудрых изречений, призванных подкрепить христианскую науку о добродетели. Мы уже писали в статье, посвященной образу Платона в древнерусской литературе, что реальный образ этого античного мыслителя начал складываться только в конце XVII — нач. XVIII вв.; до этого Платон был представлен то «предтечей» христианства, почерпнувшим свои знания у библейских пророков, то «еретиком», извратившим учение Моисея и учившим о совечных творцу «идеях» и о переселении душ¹. Велеречивым, суетным и честолюбивым «изобретателем пустых учений» изобразил Георгий Амартол «блудника» Аристотеля (Georg. Mon. 47r). Вопросу о реминисценциях греческой философии и поэзии в древнерусской литературе посвящено немало исследований, и мы не будем останавливаться на рассмотрении этого вопроса. Скажем только, что мудрецы существовали отдельно от греческой истории и никоим образом с ней не связывались; с одинаковым успехом они могли принадлежать любой национальности и любой стране, что

древнерусской литературе см. *Творогов О.В.* Античные мифы в древнерусской литературе XI–XVI. С. 16–22.

¹ *Ленская В.С.* Платон в древнерусской литературе // Monumentum Gregorianum. Сборник статей памяти акад. Г.М. Бонгард-Левина. М., 2013. С. 462.

особенно нашло отражение в сборниках цитат типа «Пчелы», где в один ряд поставлены греческие, римские и библейские мудрецы.

Четвертое выделенное нами направление — довольно подробные (по крайней мере, по сравнению с реальной историей) сведения о греческой мифологии. Мы говорим о мифологии в связи с историей, поскольку исследователи давно обратили внимание на то, что одной из тенденций подхода древнерусской литературы к греческой мифологии была евгемеровская трактовка мифологических персонажей, согласно которой боги — это обычные люди, превознесенные потомками за их подвиги; тем самым боги приземлялись, включались в ход истории и лишались враждебных христианству потенций¹. В наиболее развернутом виде греческие мифы представлены в труде Иоанна Малалы; по определению Д.М. Буланина, «славянская письменность не знала более полного обзора мифологических циклов, чем в Хронике Малалы»². Кроме сочинения Малалы и хроники Амартола, которые «переписывались русским книжником без сокращений в этой части»³, сведения о некоторых греческих, египетских и малоазийских культах содержит Первое Слово из сборника «13 Слов» Григория Богослова «На святое Крещение». Мифологические реалии этого Слова сопровождалось подробными толкованиями схолиаста Никиты Иракийского, переведенными, как считают исследователи, уже в XII веке и известными читающей публике⁴; в частности, схолиаст рассказывает о рождении Зевса, о фригийской богине Кибеле, о Деметре и Элевсинских мистериях и о других предметах древнегреческой мифологии⁵.

¹ Буланин Д.М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. Мюнхен, 1991. С. 30–35 с историографией вопроса; Самуткина Л.А. Концепция истории в «Хронографии» Иоанна Малалы. Иваново: Ивановский университет, 2001. С.13–16.

² Буланин Д.М. Цит. соч. С. 30.

³ Покровская В.Ф. Византийская историческая литература (в переводах XI-нач. XIII в.) // История русской литературы. М.-Л., 1941. Т.1. С. 133.

⁴ Толкования переводились отдельно от самих Слов и лишь впоследствии были распределены между соответствующими частями проповедей; второй перевод Слов был выполнен в Болгарии в X в. и включал 16 Слов; самый ранний список «16 Слов» с комментариями Никиты Иракийского датируется XIV в. // см. Буланин Д.М. Цит. соч. С. 140.

⁵ Там же. С. 152.

В историографии давно поставлен вопрос — почему древнерусская литература не избегала греческих мифов о богах, изложение которых занимает, пожалуй, добрую половину всей переводной литературы раннего периода. Во-первых, это объяснялось сосуществованием в ранний период древнерусского государства христианства и язычества, что «создавало определенный симбиоз; славяне, заимствуя христианство, принимали и компоненты этого симбиоза»¹. «...Жизненная практика русского человека — «двоеверие» первых веков христианства на Руси — научила его не видеть ничего особенно преступного в проявлении интереса к языческим нравам и верованиям»². Отмечалось также, что греческая мифология, или «эллинская прелесть», как ее часто именуют в историографии, не могла представлять для древнерусского книжника никакой угрозы, и, как пишет О.В. Творогов, «древнегреческие боги едва ли вызывали ту откровенную неприязнь, к которой призывали своих читателей Георгий Амартол или Григорий Богослов. Средневековые любил диковинное, загадочное, экзотическое. Античные мифы удовлетворяли эти запросы древнерусских книжников»³. Таким образом, если еще учесть евгемеристические тенденции древнерусской литературы, приключения героев, как это было в Троянском цикле, и божественные сущности из языческого прошлого греков влетали в канву греческой истории и питали любознательность молодого русского читателя, у которого любые сведения о чужой стране вызывали большой интерес.

Мы бы выделили еще один мотив такого интереса древнерусского книжника к античной мифологии — образовательный. Обилие мифов в сочинениях греческих авторов вполне объяснимо — даже христианский византийский писатель имел за плечами классическое образование и обязан был иметь знакомство с древнегреческой литературой и культурой, органической частью кото-

¹ Толстой И.И. Религиозные верования древних славян // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 147.

² Покровская В.Ф. Цит. соч. С. 133. В.М. Живов и Б.А. Успенский утверждают даже, что такое двоеверие остается актуальным на протяжении всего русского средневековья, и «языческие божества, отождествляющиеся с нечистой силой, сохраняют свою власть до тех пор, пока мир лежит во зле и грех соседствует со святостью...»; «античная мифология воспринимается именно на фоне этих представлений» (Живов В.М., Успенский Б.А. . Цит. соч. С. 211–212).

³ Творогов О.В. Античные мифы в древнерусской литературе XI–XVI. С. 22.

рых являлись мифы. Греческая мифология была родной стихией византийского автора, его школой, отказаться от которой он не мог и не хотел, и даже такой яростный обличитель язычества, каким являлся Григорий Богослов, вплетает мифы в свое повествование¹. Однако русский книжник также стремился к образованию — и, может быть, даже с большей силой, поскольку не имел такой культурологической базы, какая у любого образованного грека имела, если можно так выразиться, «в крови». И здесь книжник мог опираться на мысль того же Григория Богослова, изложенную им в «Слове надгробном Василию» о необходимости общего образования (это слово вошло в состав 13 Слов Григория Богослова, переведенных в XI в.): «Полагаю же, что всякий, имеющий ум, признает первым для нас благом ученость и не только эту благороднейшую и нашу ученость, которая, презирая все украшения и плодovitость речи, берется за единое спасение и за красоту умозерцаемую, но и ученость внешнюю, которой многие из христиан, по худому разумению, гнушаются, как злоискусной, опасной и удаляющей от Бога... В науках мы заимствовали исследования и умозрения, но отринули все то, что ведет к демонам, к заблуждению и в глубину погибели. Мы извлекали из них полезное даже для самого благочестия, через худшее научившись лучшему, и немощь их обратив в твердость нашего учения. Поэтому не должно унижать ученость, как рассуждают об этом некоторые; а напротив, надобно признать глупыми и невеждами тех, которые, придерживаясь такого мнения, желали бы всех видеть подобными себе, чтобы в общем недостатке скрыть свой собственный недостаток и избежать обличения в невежестве» (Greg. Naz. 43. 11)². Стремление к диковинному и экзотическому, о котором говорилось выше, являлось частью того вектора, который определял общее направление образовательного процесса в древней Руси, — страстное влечение к знаниям.

Количество мифов и рассказов о чудесном в переводной литературе с ходом времени заметно уменьшается: так, Хроника Иоанна Малалы изобилует мифологией, в Хронике Амартола ее уже почти нет; критерии отбора сочинений для перевода становились строже, и хотя официальной цензуры в то время не суще-

¹ Буланин Д. М. Цит. соч. С. 147–153, 332–364.

² См. древнерусский перевод Будилович А. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Императорской публичной библиотеки XI века. СПб., 1875. С. 24.

ствовало, цензорные соображения, продиктованные идеологическими мотивами, явно овладевали умами переводчиков и их заказчиков. В «Изборнике Святослава 1073 г.» читаем настоятельный совет: «Странских [отреченных] книг всех уклоняйся» (203об). «Отреченными» назывались сочинения, читать которые запрещалось церковью — в основном, это были греческие и иудейские апокрифы; списки этих книг были заимствованы из Византии, древнейший славянский переводной список этих книг был приведен в «Изборнике Святослава 1073 г.»¹. При этом, конечно, нельзя полагать, что церковь в ту пору всерьез запрещала чтение этих книг; они переписывались и широко распространялись на Руси.

Теперь бросим беглый взгляд на то, как была отражена римская история в древнерусских источниках. В переводных хрониках римская история была представлена событийно и начиналась с основания Рима Ромулом и Ремом, затем следовало изложение фактов и событий: сначала освещалась эпоха царей, затем, после сообщения о правлении консулов, следовал переход к правлению римских императоров. Республиканский период опускался, но царская и императорская история были изложены довольно подробно; вопрос о достоверности мы в данном случае не рассматриваем. В ходе изложения упоминаются многие реалии общественно-политической жизни древних римлян. Помимо вышеупомянутых хроник, некоторые события римской истории читатель узнавал из переводной «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия (переведена не позже XII в.)². Римская мифология и культура также были представлены в древнерусской литературе³, хотя и в меньшей степени, чем греческая мифология и культура.

Греческая история, как мы видели, была представлена сведениями о том, что существовали региональные царства, перехватывавшие друг у друга власть (Фивы, Аргос, Сикион, Афины, некое Пелопоннесское царство и Лаконское царство), скудными упоминаниями некоторых имен исторических личностей и довольно обильными цитатами из греческих философов и поэтов, представ-

¹ Кобяк Н. А. Списки отреченных книг // Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. 1. XI – пер. пол. IV в. Л., 1987. С. 441–447.

² «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод. М., 2004. Т. 1–2.

³ См, например, Дерюгин А. А. Вергилий в древнем славянском переводе Хроники Иоанна Малалы // Античность и Византия. М., 1975. С. 351–362.

ленных или в ранге мудрецов, изрекающих истины о христианских добродетелях, или в виде языческих философов, многоученых, но суетных и тщеславных. Таким образом, ни малейшего представления ни о реальном ходе греческой истории, ни о реалиях и институтах общественной жизни древней Греции у древнерусского читателя не было. Для него древняя греческая страна не имела самостоятельной политической истории, но являлась землей чудесных сказаний и родиной мудрецов, изречения которых имели огромный авторитет и заучивались наизусть.

Стоит заметить, что пропуск республиканского периода истории Греции для византийских и русских читателей имел разное значение. Византийские авторы писали предысторию Византийской империи, основываясь на библейской теории «четырёх царств» (Дан 7. 17–27; см., например, Georg. Mon. 22a, 127r, 131r), в соответствии с которой вся мировая история должна была венчаться господством Византии. В этой череде смены царств для республиканской Греции просто не нашлось места; ее существование не соответствовало Божьему замыслу и потому было неинтересно и бесполезно для чтения. При этом никакой реальной угрозы для существовавшего в ту пору мощного монархического режима республиканские идеи, конечно, не имели. Древнерусский читатель воспринял от византийских хронистов идею провиденциальной истории и образ Византии — наследницы Римской империи¹, но для него знакомство с республиканской историей было не только неинтересно, но и опасно: молодое русское государство только начинало создавать свои механизмы управления, еще не оформились окончательно отношения между княжеской властью и народным вече², постоянным очагом напряжения оставалась новгородская земля. Многие исследователи считают, что круг чтения

¹ Буланин Д.М. Цит. соч. С. 40.

² Состав древнерусского веча остается предметом дискуссии. Одни исследователи полагают, что в работе веча могли принимать участие все свободные жители и видят в нем своего рода «народное собрание», на котором народный глас «звучал мощно и властно, вынуждая нередко к уступкам князей и прочих именитых “мужей”» (Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 173–174). Другие историки считают вече «аристократическим» органом, закрытым для основной массы населения (подробнее об этом см. в Данилевский И.Н. Княжеская власть и вечевое устройство в Древней Руси // Представительная власть в России. История и современность. М., 2004. С. 8–27). Так или иначе, противостояние «князь-вече» существовало, и не учитывать возможной напряженности (приведшей в Новгороде к изгнанию князя в 1136 г.) князя не могли.

древнерусских книжников определялся князьями с точки зрения интересов исключительно назидательных, а не политических¹. Но была ли какая-нибудь назидательность в мифологических легендах, переполнявших переводные хроники? Тем не менее, эти легенды не вычеркивались из славянских переводов, поскольку это была «безопасная» и занимательная история. Однако любой перевод какой-нибудь занимательной и «назидательной» биографии, скажем, Плутарха был решительно невозможен, поскольку его биографии содержали сведения о республиканском государственном строе древней Греции (притом, что имя Плутарха, как и других древнегреческих авторов, было хорошо известно русским книжникам). Не стоит упускать из виду, что русские князья в период становления древнерусского государства никак не могли забывать о своих государственных и личных интересах. Поэтому, если самые образованные и владевшие языками люди (какими были некоторые князья и представители высшей знати²) и могли получить — и наверняка получали — некоторые сведения о блестящем прошлом греческих полисов, они вряд ли были заинтересованы в распространении этих сведений на Руси. Создававшееся в Киевской Руси историописание исключало все, что не вписывалось в рамки как ее идеологических, так и политических устремлений. В итоге древнегреческая история, не устраивавшая ни византийских, ни древнерусских творцов общественных настроений, была беспощадно вычеркнута из сочинений по всемирной истории, оставшиеся реминисценции были призваны удовлетворить любознательность

«че» существовало, и не учитывать возможной напряженности (приведшей в Новгороде к изгнанию князя в 1136 г.) князя не могли.

¹ Данилевский И.Н. Князья, книги и книжники в домонгольской Руси // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2014–2016. М., 2016. С. 197.

² И.Н. Данилевский пишет, что «практически все князья являлись полиглотами, поскольку воспитывались в детстве матерями-иностранками и сами женились на иноземках» (Данилевский И.Н. Цит. соч. С. 195). На византийских принцессах были женаты князь Владимир, крестивший Русь, и сын Ярослава Мудрого Всеволод. Почти все митрополиты и епископы присылались из Византии, и нет сомнений, что они были знакомы с древнегреческой историей. Да и русские митрополиты были высокообразованными людьми. Когда смоленский священник Фома упрекнул митрополита Климента Смолятича в том, что тот писал «от Омира, и от Аристотеля, и от Платона», которые были славны между «эллинскими хитрецами», тот ответил, что «еще и писах, но не к тебе, но к князю» (Живов В.М., Успенский Б.А. Цит. соч. С. 212); образованная элита Киевской Руси знала греческий язык и греческую культуру.

читателя (когда речь шла о мифологии и приключениях героев) и отдать дань уважения эллинской премудрости, аккуратно вставленной в оправу христианской добродетели.

Мы ограничили свою статью рамками Киевской Руси, однако, заметим вкратце, никаких новых сведений об истории древней Греции в древнерусском государстве не появилось до конца его существования¹. Первые достоверные знания о древнегреческой истории в России начинают формироваться лишь в XVI-XVII вв., когда появляются переводы Фукидида и Аристотеля, в Россию привозятся рукописи Гомера, Гесиода, Эсхила, Софокла, Фукидида и других античных авторов и начинает складываться концепция историописания, отличная от той, которая использовалась в древнерусских хронографах².

Глава 7

«СВОЙ»/«ЧУЖОЙ» В ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ: «ПРАВОВЕРНЫЕ», «ПОГАННЫЕ», «ЛАТИНЯНЕ»

Лушников А.А.

Фундаментальная оппозиция «свой/чужой» является универсальным описательным средством для многих явлений культуры — бытовых, социальных, политических, этнических, религиозных. Как отметила Т. В. Чумакова, «вопрос о преодолении этнокультурных стереотипов восприятия «своего» и «чужого» сейчас выходит на первый план... необходимо изучать этнонациональные истоки образа «чужого», а также анализировать механизмы коммуникации между «своим» и «чужим» в истории культуры»¹.

Антиязыческая дидактическая литература в этом плане занимает особое место. Несмотря на возросшую популярность языческого дискурса и стремительную актуализацию и мифологизацию «языческого прошлого», подобные тексты, как одни из немногих исторических источников по «дохристианским религиям» народов Европы, остаются малоизученными, особые вопросы вызывает идейная направленность данных текстов.

Кроме того, выступая фактически синонимом слова «традиция», понятие «язычество» в современной культуре часто занимает место «своего», становясь средством формирования национальной идентичности. Но, обладая таким высоким статусом, концепт «языческого» сам по себе — искусственный конструкт: по меткому замечанию О. Дэвиса, «до начала XX века люди не называли себя

¹ См. Буланин Д.М. Цит. соч. С. 44–46 — об истории древней Греции и древнего Рима в русском Хронографе редакции 1512 г.

² Фролов Э.Д. Русская наука об античности. СПб. 1999. С. 33–45.

¹ Чумакова Т.В. «Свой и чужие» в отечественной культуре XI–XVII вв.: проблема коммуникации // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. М., Институт философии РАН. Вып. 5. С. 184.

«язычниками», чтобы описать свою религию»¹. Так как явления, которые условно подпадают под характеристику «славянское язычество», не имеют никакой генетической связи с какими-либо религиозными группами наших дней, стоит заключить, что в современной культуре дискурс «славянского язычества» складывался не само по себе, а на основе той информации, которую читатели могли прочесть (и хотели прочесть) в исторических источниках и основанных на них текстах самого разного происхождения (от научных до псевдонаучных). В связи с этим нам необходимо определить, насколько «язычество» как восприятие «своего» («своих традиций») соответствует тому смыслу, который в него закладывали сами авторы исторических источников.

Основу для нашего исследования составляет комплекс антиязыческих дидактических произведений. Прежде всего, это тексты древнерусского происхождения, составленные преимущественно в домонгольское время и извлекаемые из Паисиевского, Софийского, Трифонового сборников XIV–XV вв. («Слово святого Григория изобретено в толцех о том, како первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали, то и ныне творят» (далее — «Слово Григория об идолах»²), «Слово некоего Христолюбца и ревнителя по правой вере»³, «Слово святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константина града о том, как первое поганые веровали в идолы и требы им клали и имена им нарекали»⁴) и другие.

Вместе с этим, проблема восприятия «чужого» в антиязыческой литературе не раскрыта должным образом в историографии. «Реконструкциям» самого «славянского язычества» (под которым, как правило, понимался комплекс дохристианских верований) исследователи уделяли гораздо больше внимания. Проблема восприятия язычества получила определенную актуальность в конце XIX в. в связи с реакцией историко-филологической школы на ряд положений романтизма и «мифологической школы». Так, Е.В. Аничков отмечал: «Мифологам хотелось расцвести и раскрасить грубый варварский мир в языческую пору. Национальная

¹ Davies O. Paganism: a very short introduction, Oxford: Oxford University Press, 2011, p.1.

² ОР РНБ. КБ.№ 4/1081. Л. 40–43; ОР РНБ. Соф. № 1285.Л.88об-90.

³ ОР РНБ. КБ.№ 4/1081.Л. 28об -35; ОР РНБ. Соф. № 1285. Л.84об-Л.87.

⁴ ОР РНБ. Ф. 728. Соф. № 1262. Л.12 –13.

гордость влекла представить его в роскоши искусства и возвышенного миропонимания, а его поэзию и его культ сделать достойными любования»¹. Вместе с этим ученый выдвинул важное для нас положение: «Наши авторы имели перед собою только проявления былой веры, которой не знали и не понимали, но они стояли зато еще близко к быту, и это давало им полную возможность видеть жизненное назначение совершавшихся у них на глазах актов веры. Оттого-то надо высоко ценить их мнения»². В свою очередь, Н. М. Гальковский также пишет о своеобразии восприятия язычников и вообще иноверцев авторами древнерусской литературы, которые, «занятые положительной стороной жизни», рассматривали первое только мимоходом...стремясь уяснить и укрепить в сознании русского общества христианское мировоззрение», при этом они же якобы «не замечали, что в основе обличаемого лежат древние языческие верования»³. В целом, в исследованиях XIX — начала XX вв. возникло понимание об особом взгляде авторов исторических источников на «язычество», но вместе с этим сохранялась убежденность отыскать на их основе «исконное язычество предков».

В советской историографии было сделано важное переосмысления «язычества», что выражалось в двух новациях. Первая, наиболее явная, касается подведения данной категории под формационный подход — центральным звеном известной «системы Б. А. Рыбакова» стало понимание древнерусского произведения «Слова Григория об идолах» как изложения «этапов» развития язычества — религии доклассового общества (с последним этапом — культом Перуна — как отражение религии нарождающихся классов). Вторая, менее явная, имеет под собой отход от понимания «язычества» как конкретной религии или совокупности верований к осознанию его как некоего обезличенного религиозно-культурного массива прошлого, духовного опыта человечества. В отношении самих источников в целом сохранялась позитивная установка: «уже древнерусские книжники XI–XII вв., писавшие о язычестве, окружавшем их, пытались заглянуть в историю славянских верований и показать различные стадии их в глубокой

¹ Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. М., Академический Проект, 2009. С. 44.

² Там же. С. 360.

³ Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. М., 1916. Т. 1. С.1.

древности»¹. Такой подход в определенной степени оправдан тем, что исследователь при изучении данного предмета действительно сталкивается с «чрезвычайно сложным комплексом идей и воззрений», однако он не учитывает понимание последнего самими авторами исторических источников.

Представители современной историографии достаточно осторожно относятся к термину «язычество». Причиной послужила критика многих реконструкций последнего, которая во многом опиралась на заимствованные извне образцы. В. Я. Петрухин отмечает, что «конец XX столетия стал в отечественной историографии древнерусского язычества временем второго низвержения кумиров»². Кроме того, исследователь вполне справедливо утверждает, что «никаких мифов русские книжники не записывали», а «те реликты языческого культа, которые уцелели в сочинениях русских книжников, необходимо исследовать в контексте... полемической традиции»³. В. Я. Петрухин также обратил внимание на то, что «народные обычаи для церкви — «поганские» и даже не собственно «народные», ибо «новый» русский народ — народ христианский, а они — чужие»⁴.

Оригинальные дидактические антиязыческие и антилатинские произведения появляются на Руси не позже XII в., образцом для них выступили полемические сочинения, написанные митрополитами — греками Ефремом (XI в.) и Никифором (начало XII в.), равно как и целый комплекс переводной библейской, святоотеческой, учительной, исторической литературы. Появление аутентичных текстов было обусловлено вполне практическими целями — социально-религиозная ситуация на Руси была для церковных кругов достаточно сложной, так как подразумевала и необходимость борьбы против «поганых», и распространение христианства, и формирование новой позиции к «латинам» после Великой Схизмы 1054 г. В отношении последнего стоит сделать ряд уточнений. Как справедливо отметил Д. А. Добровольский, «непреодолимая стена», возникшая между православной Русью и католическим Западом, складывается

¹ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: «Наука», 1981. С. 8.

² Петрухин В. Я. «Боги и бесы» русского Средневековья: род, рожаницы и проблема древнерусского двоеверия // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 314.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 338.

только в XIV–XV вв., домонгольская Русь благодаря своей военной мощи была более «свободна» и «независима» в этом плане¹. Кроме того, политические реалии требовали от великих князей наличия контактов с иноземцами подчас вопреки церковным канонам, что подтверждается наличием высокого уровня династических связей². В этой ситуации ряд книжников и составляют дидактические сочинения, призванные наставить читателей в деле отвержения как от «поганых дел», так и от «латинства».

Конечно, как мы видим из политических реалий, подобная проповедь не сразу могла сразу стать эффективной, а ее рекомендации — выполняться в полном объеме. Вместе с этим содержащиеся в ней сюжеты во многом составили основу представлений о «чужой вере», распространившихся как в самой книжности, так и в народной среде, став частью религиозной идентичности русского народа. Как долго они могли существовать, показывает тот факт, что «свой / чужой» в народной культуре тесно связан с оппозицией «чистый / грязный». Еще в XVIII–XX вв. в представлениях населения русских деревень грязный человек сближается с нечистой силой, в отношении него существовал ряд бытовых запретов (отправляться в дорогу на лошадях, ходить на пасеку и т. д.)³. Напротив, «чистота — признак, имеющий как физическое, так и духовно-религиозное значение и получающий в народной традиции безусловную положительную оценку»⁴. Вместе с этим народная мифология нацеливает человека на сохранение себя от целого набора «скверн», с которыми он сталкивался в ходе своей жизни, при этом «чужая вера» и контакты с иноземцами также входили в этот набор, наподобие нечистот, извращений, выделений из тела, послеродовых «скверн», нечистых животных, нечистой пищи, нечистоплотности, срамных слов, болезни, смерти и погребения.

Более того, понятия «чистый» и «нечистый» распространялись и на целые народы, «чистыми» могли быть только те, кто принадлежал к собственной этносоциальной группе. «Язычники», как

¹ Добровольский Д. А. Древнерусские антилатинские сочинения XII–XIII вв. как исторический источник // Диалог со временем. 2017. № 61. С. 174–190.

² Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 269–283.

³ Там же. С. 548.

⁴ Там же. С. 547.

и иноверцы вообще, относятся к сфере «чужого», а не «своего». Конечно, нетрудно заметить книжное влияние на народные представления, представившие сюжеты первого в гипертрофированном виде — иностранцы становятся великанами, людоедами, демонами, «песеглавами»¹. Характерно отношение и к иностранному языку, выступавшего знаком нечистой, демонической природы — на нем говорят черти, русалки и иные потусторонние существа². Наконец, иностранная речь связывается с непристойными, бранными словами. В «Поучении отца духовного к детям духовным» (не ранее XIII в.) «матерная брань» — то есть «жидовское слово»³, этот же сюжет передается в апокрифической «Епистолии о неделе» («Свитке Иерусалимском»), где иностранная речь (еврейская) ставилась в один ряд с матерной бранью: «по-жидовски не говори-те, матерны не бранитесь»⁴

Интересно, что понятие «скверны» (и оппозиция «свой/чужой» в ее рамках) не присуще одной лишь христианской книжности, и известно уже в архаических религиях. В отсутствии надежных источников по поводу аутентичных дохристианских верований восточных славян однозначно говорить, какую роль в них играла чистота, довольно трудно. Вероятно, ритуальное отношение к омовению все же имело место быть — именно оно предопределяло твердый обычай ходить в баню; в известном тексте «Повести временных лет», вложенном в уста апостола Андрея, якобы посетившего славянские земли, такое мытье называется «дивом»⁵, а договор князя Олега с Византией включал в себя возможность купцов мыться в константинопольских банях⁶, посещение которых имело не только развлекательные, гигиенические и дипломатиче-

¹ Там же. С. 547–548.

² Там же.

³ Цит. по: *Смирнов С.И.* Древнерусский духовник. Исследования в области церковного быта. М., Синодальная типография, 1913. С. 156.

⁴ *Кушелев-Безбородко Г.А.* Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Г. Кушелевым-Безбородко. Вып.3. Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. СПб.: Тип. Кулиша, 1862. С. 152–153. См. также: *Успенский Б.А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии / Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994 Т. 2. Язык и культура. С. 53–128.

⁵ Полное собрание русских летописей. Л., 1926–1928. Т. 1. С. 9.

⁶ Там же. С. 32.

ские, но, вероятно, и обрядовые цели. А. Г. Бобров в своем специальном исследовании сделал вывод о том, что это место, несмотря на свою популярность, рассматривалось некоторыми ревнителями христианства на Руси и как «языческое»¹. Однако не столь частое упоминание в антиязыческих произведениях (например, в «Слове Григория об идолах») бани сводится к обличению обрядовых действий, связанных с культом предков, совершаемых в этом месте — подобные действия могли упоминаться и без привязки к бане (например, в малоисследованном «Поучении о медоварцах» в рукописи XVI в.²). Все это контрастирует с известными данными этнографических источников, по которым еще в XVIII–XIX вв. в народной среде баня — нечистое место, где не должно быть никакой христианской символики, а многие действия, связанные с обрядом перехода (рождение, свадьба, смерть), совершались не только в церкви, но и в бане³. Считаем, что восприятие ритуальной «чистоты» и этого места (бани) в дохристианскую эпоху как раз и было связано с обрядом перехода, а также сферой «свой / чужой» — с самоидентификацией человека с определенной социальной группой, а также землей, на которой он находится (возможно, если путешественник прибывал на «чужую» землю, то посредством ритуала омовения он становился «своим» на ней). Рудименты подобных верований сохранились в сюжете с обрядами перехода через печь и баню в волшебных сказках⁴.

Вместе с этим подавляющее большинство предписаний и учительных сюжетов о «своих» и «чужих» имеют библейское происхождение. Речь идет о ритуальной левитской чистоте Ветхого Завета, которая отделяла народ Божий от язычников и как раз и подразумевала запреты на контакт с различными «сквернами» — в противном случае предписывалось очищение, состоявшее главным образом в использовании воды — отмывании одежды или посуды, окроплении водой (Лев.11:2–30). Среди объектов и явлений, соприкосновение с которыми запрещала левитская чистота, на-

¹ *Бобров А.Г.* Баня в древнерусской литературе // Девятая международная летняя школа по русской литературе. Цвелодубово, Петербургский институт иудаики, 2013. С. 14–28.

² НИОР РГБ. Ф.209. Собрание П. А. Овчинникова. № 218. Л. 59.

³ Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. С. 138–140.

⁴ *Протт В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., Лабиринт, 2000. С. 37–40, 77–81, 274–275.

ходились «чужие боги», а также предметы идолопоклонства: «И сказал Иаков дому своему и всем бывшим с ним: бросьте богов чужих, находящихся у вас, и очиститесь и перемените одежды ваши» (Быт.35:2).

Наряду с этим Русь через книжную культуру познакомилась и с новозаветной чистотой — чистотой духовной, а не ритуальной, где «нечистое» — прежде всего помыслы и последующее совершение греховных действий: «ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека» (Мк.7:14–23). Очевидно, что на Руси понятие о скверне и «чужой вере» как ее элементе в целом прижилось. В Правилах Иоанна Постника отмечается, что «согласие со злыми помыслами есть причина и начало наказаний», в этом же источнике, а также древнерусских епитимийниках, составленных на его основе, говорится и о различных «сквернах», источником и содержанием которых являлись, как правило, блудные помыслы и действия¹. Достаточно важным было удержание и от скверноядения, запрет на скверную еду изложен в 63-м Апостольском правиле и 2 правиле Гангрского собора².

Вместе с этим представления о «чужом» на Руси формировались не только на основе вероучительных и канонических текстов, но и тех произведений, которые прямо содержали образ «чужих» народов «чужой» веры. Так, достаточно влиятельным и очень удобным для книжников источником являлись, очевидно, «Слова» Григория Богослова, где раскрывается образ «скверных» служб и идолов у разных народов. Характеристика последних по 39-му слову «На Богоявление» была включена в аутентичное «Слова святого Григория изобретено в толцех о том, како первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали, то и ныне творят» (далее — «Слова Григория об идолах»). В последнем автор пишет, что «скверная служба» совершается «от скверных язык», которым приписываются самые мерзкие и противоестественные действия, считающимися у таковых «поганых» священными³.

Наконец, другим источником стал мифологический образ многочисленных «нечистых народов по «Откровению Мефодия

¹ Правила Православной церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. СПб. 1912. Т. 2. с.574–602.

² Там же. С. 39.

³ ОР РНБ. КБ.№ 4/1081. Л. 40–43.

Патарского» (IV–VII вв., известно на Руси не позже начала XII вв.). Скверные деяния здесь начали творить уже «сынове Каини»: «разверепевши и всхотехи женам от сестер своих... осквернише блудом житие свое»¹; от нечистого брака автор переходит к нечистой еде, которую якобы употребляли потомки Иафета: «иже виде нечистие смрадни соуть Афетови вьноуци, иже нечистоту видев почюдесе, ядаху во всяк живот жоучьноюу тварь гноусное и смрадное комаре, мышци, котькыи и змие мертвые телеса и всякоу тварь животных гадь...мртьвеце же не погребяху, но ядаху»². Данные сюжеты выступили удобными моделями для развенчивания «поганых» народов и придания легитимности собственной христианской идентичности на Руси.

Заметим, что актуальным для нас является не только канонический и исторический, но и политический контекст данной терминологии. В аутентичных текстах противопоставление «свой / чужой» находим уже в торжественном «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона, где автор пишет о «новы язык» — новом христианском народе, который отверг «тьму идолопоклонства», последняя оставалась уделом «чужих» народов, в которую фактически входили и язычники — «поганые»: «Благословен Господь Бог Израилев», Бог христианск, «яко посети и сътвори избавление людемь своим», яко не презре до конца твари своеа идольскимь мракром ...Лепо бе благодати и истине на новы люди восиати»³.

В целом, в рассматриваемых ниже текстах «скверным» народам шаблонно приписывались странные и мерзкие обычаи в религиозной (особенно погребальные обычаи), пищевой («нечистая пища»), брачной (разврат и отсутствие «нормального» брака) сферах, «Языческий», «поганый», «чужой» в сфере политических и социо-религиозных отношений означал оппонента, которому приписываются резко отрицательные черты. Основой для политического контекста образа «поганых» и вообще «чужой веры» выступило отнесение последнего ко всему, что вызывало бы отвращение — набора мерзких священнодействий, нечистые обычаи, дикий и противоестественный образ жизни.

¹ *Истрин В.М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. Исследование и тексты. М., 1897. Часть В. С. 84.

² Там же. С. 85.

³ Библиотека литературы Древней Руси. М., 1997. Т. 1. С. 26.

Так, именно по этому принципу в «Повести временных лет» описываются восточнославянские племена, окружавшие «чистых» полян (в частности древляне, живущие «зверинским образом»)¹, а в Новгородской первой летописи, автор которой стремился снять легитимность полян, последние сами становятся «погаными»: «бяху же погане: жруще озером, и кладезем, и рощением, якоже прочей погани»². В собственно антиязыческих поучениях, кроме описания скверных обрядов Рода и рожаниц по «Слову Григория об идолах», о «поганах» читаем в «Слове некоего христолюбца и ревнителя по правой вере»: «и всташа играт и соблудиша со ближними своими», в начале «Слова Иоанна Златоуста об идолах» поясняется, со ссылкой на апостола Павла, что Бог, видя служение твари «паче творца», предал идолопоклонников «страсти нечистыя»³, под которым понимался нечистый брак, блуд и разврат.

Интересно, что указанные идеологические схемы были достаточно широкими и связанными не только с антиязыческой, но и с антилатинской тематикой. Характерный пример — «Слово святого Феодосия игумена Печерского монастыря о вере христианской и о латынской», где все развенчивание «латын» проходит через шаблон «языческого народа» с его мерзким образом жизни (особенно в перечисленных выше сферах)⁴. «Правоверным» вменяется «бегать» «вере латынским» и «блюсти своих дочерей не давати за них, ни оу них поймати, ни братитися, ни поклонитися, ни целовати его, ни с ним из единанго судна ясти, ни пити, ни брашна их приимати»⁵ [6, р.24]. Такие же характеристики в источнике приобретает «жидове», «еритици» и прочие «погани»⁶.

Эти же образы распространялись и на степных кочевников, а с XIII в. они приобрели еще большую актуальность в связи с монголо-татарским нашествием, осознаваемым как нашествие «нечистых», «поганах» народов в духе «Откровения Мефодия Патарского», а также в цикле произведений, отражающих борьбу

¹ Полное собрание русских летописей. Т.1. С. 14.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Ленинград: Академия наук СССР, 1950. С. 105.

³ ОР РНБ. Соф. 1262. Л. 12-13.

⁴ ОР РНБ. КБ.№ 4/1081. Л.21–28об.

⁵ Там же. Л. 24.

⁶ Там же. Л. 24–27.

бу московских князей против татар. Как результат смешения, в «Сказании о Мамаевом побоище» (XV в.) Мамай в битве с русскими призывает на помощь языческих богов, в число которых входили славянские Перун и Хорс: «Перуна и Салавата, и Ракляя, и Гурса (Хорса), и великого своего пособника Магомета»¹.

Отмечая подобную широту указанных идеологических схем, их распространение на самые разные народы, стоит отметить, что само слово «язычество» настолько многозначно, что при обращении к научной литературе по данной теме не только неподготовленный читатель нуждается в объяснении того, о каких явлениях идет речь, но даже и исследователь исторических источников. Строго говоря, слово «язычество» — конструкт текстов XVIII в., и впервые встречается в лексиконах нового времени².

Что же касается терминологии древнерусской литературы (до XVII в.), то здесь мы видим целое семантическое поле, состоящее из близких друг к другу понятий. Наиболее общие и часто встречающиеся обозначения относятся к определенным группам людей (а не явлениям): «языци» и «погани» («язычники и поганные»). Первое, как известно, вне контекста имеет значение «народы», которое употребляется для перевода соответствующего понятия в Библии, при этом используется не только для буквального, но и символического смысла термина «народы» как представителей любой нехристианской религии. Так, в Евангелии от Матфея Христос, обращается к апостолам: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Мф.28,19). Стоит, однако, признать ограниченное использование его в древнерусской литературе — как правило, оно употребляется в переводных текстах при передаче соответствующих понятий. В учительных антиязыческих сочинениях в отношении нехристиан или творящих «языческие действия» такой термин используется крайне редко. Автор уже упоминавшегося нами «Слова святого Григория изобретено в толцех о том, како первое погани суще»

¹ Памятники литературы Древней Руси XI–XV вв. М., 1981. С. 258–377.

² Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе. Спб., 1731. С.251; Аделунг И. К. Полный немецко-русский лексикон: Из большого грамматикально-критического Словаря господина Аделунга составленный с присовокуплением всех для совершенного познания немецкого языка нужных словоизречений и объяснений; издано Обществом Ученых людей. Спб.: В Императорской типографии у Ивана Вейтбрехта, 1798. 783–784

языци кланялися идолом и требы им клали, то и ныне творят»¹, судя по заглавию, специально разъяснял, что термины «языци» и «погане» — одно и то же. Употребление такой лексики в этом произведении понятно — автор демонстрировал «скверненную службу» (т.е. языческие священнодействия) у разных народов и ее происхождение от «скверных язык», подчеркивая при этом, что для славян подобное было не естественным, а заимствованным, чужим: «також и до словен доиде»². В других произведениях, где такая демонстрация не была основной целью, употреблялась более расхожая лексика, прежде всего — «погане» («поганин», «погань»): «и так творять мнози человеци, не токмо от поганых, но и от крестьян» (Слово святого Деонисия о желающих поучения)³, в Повести временных лет: «бе бо тогда людие погани и невеголоси» (о времени князя Олега Вещего), «творяще норовы поганския» (о времени князя Святослава)⁴.

Интересно, что термины «погани» и «языци», несмотря на их общую распространенность в источниках, сравнительно редко встречаются в собственно учительных произведениях. В последних, как правило, развенчивалось один или несколько видов деяний, который считался «поганным», «идольским». Таким образом, рассматриваемое нами семантическое поле было необозримо широким и включало такое количество слов, что крайне затруднительно искать в данных источниках систематичность. Одно сочинение в заглавии может быть направлено против одного локального обычая, но в тексте порицаются несколько явлений и «погани» в целом, как в случае со «Словом Деонисия о жалеющих», «Словом о твари и дни рекомом неделя» или «Словом Нифонта о русалиях»⁵. Равным образом и круг понятий, которые относились к «поганным», отличался большим разнообразием. Авторитетные для авторов источники, прежде всего Библия, задавали и содержание, и стиль мышления авторов, причем для современного читателя такое явление видится в виде искусственных вставок и даже смысловых нагромождений. Больше всего язычники обличались как идолопо-

клонники как: слоужаще и кланяющееся идолом («Слово Григория об идолах»)¹, требокладенье, идолослужебници, «послужиша твари паче творца» (Слово о твари и дни рекомом неделя)², «служащим кумиром» (Слово некоего христороубца ревнителя по правой вере)³. Библейское же понимание идолов как бесов вызвало соответствующее развенчивание всего, что авторы считали «поганным» и нехристианским, как «бесовского»: «дела сотонины», «оучение диавольное»⁴. Так, в «Поучении против медоварцев» развенчивается народный обычай оставлять для умерших еду и питье: «тако вии безумници веруют в беса»⁵. Сюжет об «идольских трапезах» из книги пророка Исая вызвал соответствующие образы в древнерусской литературе, в частности, известное развенчивание «трапезы Роду и рожаницам»⁶. Ближко по смыслу находились порицания пиров, танцев, увеселений как языческих действий, что, в частности, нашло отражение в целом комплексе статей Паисиевского сборника⁷. Отдельный пласт составляют обвинения язычников в колдовстве. Интересно, что такого рода занятий не могло избежать и само священство, вступающее в непосредственный контакт с общиной, представители которой, содержа священников, вполне могли требовать от них совершения неканонических, «поганских» действий — недаром в Новгородскую кормчую 1280 г. были специально введены правила, запрещающее брать в духовенство чародеев и колдунов⁸, в этом же источнике упоминаются священники, творящие «узлы» (повязки-амулеты)⁹. Наконец, «языци» и «погани» имеют связь с более общим термином: «двоеверно живущие» («не мога терпети крестьян во двоеверно живущих»¹⁰). Как показал В. Я. Петрухин, последний обозначал людей, колеблющихся между православием и католичеством, и только в «Слове некоего

¹ ОР РНБ. КБ.№ 4/1081. Л. 40.

² Там же. Л. 42.

³ Там же. Л. 38.

⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 1. С.24, 68.

⁵ ОР РНБ. КБ.№ 4/1081. Л.35 об–39об, 48–59, 65–68 об.

¹ Там же. Л.40–43.

² Там же. Л. 48.

³ Там же. Л. 31.

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ НИОР РГБ. Ф.209. Собрание П. А. Овчинникова. № 218. Л. 59.

⁶ ОР РНБ. Соф. № 1285. Л. 87–88.

⁷ ОР РНБ. КБ.№ 4/1081. Л. 61–80.

⁸ ГИМ. Син.132. Л. 540.

⁹ Там же. Л. 544.

¹⁰ ОР РНБ. КБ.№ 4/1081. Л. 29.

Христолюбца и ревнителя по правой вере» в число «двоеверцев» вошли те, кто держался дохристианских и вообще «ложных» верований¹.

Разнообразие таких явлений могло бы указывать на то, что у древнерусских книжников не было раз и навсегда устоявшегося понимания того, кем являлись «поганые». Тем не менее, в их логике, вероятно, бесполезно искать критерии, по которым представитель современной нам культуры определяет совокупность верований как «язычество». Все деяния «поганых» были «чужими», не были «исконно» свойственны своему христианскому сообществу, а собственной «традицией» могло выступать только христианство. Под такие идеи подводилась целая историческая мифология — славяне не изобрели, а переняли идолов у других народов, о чем находим в «Слове Григория об идолах» в сюжете о Роде и рожаницах².

«Поганые» были удобным шаблоном для борьбы церкви не только с внешними, но и с внутренними врагами — по мере того, как дохристианские верования отживают или включаются в народное христианство, с конца XIII–XIV в. усиливается эсхатологизм в общественном сознании, возникают ереси, получают распространение магические, гадательные и иные тексты, которые в глазах иерархов церкви были неподобающими для чтения. Как мы видели выше, уже в XI в. в антиязыческих текстах «погани» и еретики рассматривались как категории одного рода. В Рязанской кормчей 1284 г. говорится о «церквах или «монастырях еретических, сиречь поганых или субботствующих»³. Интересный пример такого сочетания содержится в «Наказании некоего старца к етеру брату» XV в.⁴, представляющий собой компиляцию из «Слова некоего христолюбца и ревнителя по правой вере», направленного против идолопоклонников, а также индекса запрещенных для чтения магических книг.

Таким образом, ни государственные границы, ни специфика веры в рамках нехристианской традиции или ереси не имели особого значения для древнерусских книжников, подводивших

¹ Петрухин В.Я. Древнерусское двоеверие: понятие и феномен // Славяноведение. 1996. № 1. С.44–47.

² ОР РНБ. КБ.№ 4/1081. Л. 42.

³ ОР РНБ. ОСРК. Ф.л.П.1. Л.30.

⁴ ОР РНБ. Ф.351. КБ. № 10/1087. Л.273–274 об; РГАДА. Оп. 181/5. Русские рукописи. Л.362–362об.

под понятие «погани» огромный и самый разнообразный комплекс религий, практик и идей. Последние в рамках оппозиции «свой / чужой» приобретали статус «чужого», что обусловило появление таких понятий, как «чужая вера» и «чужие веры», образ которых совпадал с «поганьством» и поклонением идолам: «не похвалил ли еси чюжия веры и не молился ли еси их болваном?» (из чина исповеди для мирян по монастырскому требнику начала XVII в.)¹

Тем не менее, наряду со всеми отрицательными сюжетами и негативными образами «чужих», даже книжное восприятие представителей иной веры было более сложным. Так, общая характеристика «поганые» напрямую к «латынам» используется не так часто, чего не скажешь о кочевниках. Упомянутый нами факт уподобления «латын» «поганым» в «Слове святого Феодосия игумена Печерского монастыря о вере христианской и о латынской» не совсем ясен. По Паисиевскому списку, они входили в число «кривоверных» — «ото всех поганых»², в Софийском списке «латыни» и «поганые» представлены отдельно³. Напротив, кочевники прямо являются «погаными» — таковыми предстают «торки» и «половцы» в статьях 1060 и 1061 г. «Повести временных лет», органично вписывающихся в дальнейшее изложение о страшных небесных знаменьях, предвещающих раздоры и междоусобицы⁴.

Более того, кроме такой «градации» и разнообразия характеристик к «чужим», неоднозначность восприятия оппозиции «свой / чужой» в средневековой книжности проявлялась и в рекомендациях по христианскому отношению к иноверцам. В том же «Слове святого Феодосия игумена Печерского монастыря о вере христианской и о латынской», наряду многочисленными ограничениями социальных контактов с такими «чужими», прямо предписывалось сострадание и милосердие к нуждающимся людям независимо от их веры: «всякого помилуи и от беды избави и яже можеши мзды от бога не лишен будеш»⁵.

Таким образом, восприятие «чужого» во многом являлось инструментом восприятия «своего» — «собственного народа» в рам-

¹ ОР РНБ. Погод. № 308. Л.279.

² ОР РНБ. КБ.№ 4/1081. Л.26об

³ ОР РНБ. Соф. №1285.Л.101об.

⁴ Полное собрание русских летописей. Т.1. Вып 1. Лаврентьевская летопись. С.163. Л.,1926.

⁵ ОР РНБ. КБ.№ 4/1081. Л.26об–27об.

ках религиозной, социальной и иных видов идентичности. Кроме того, несмотря на общий негативизм книжных сюжетов в условиях межкультурной коммуникации отношения с «чужими» носили достаточно сложный характер, а антиязыческие идейные формулы могли найти отражение в текстах самой разной тематики.

Почему же данная традиция в конечном счете оказалась превращенной? Когда «язычество» приобретает черты не «чужого», но «своего»? Хотя ведущая роль здесь принадлежит романтизму XVIII — первой половины XIX вв., полагаем, что истоки таких изменений следует искать во второй половине XVII в., в «Киевском Синописе». Конечно, было бы ошибочно полагать, что здесь содержится «оправдание язычества» в чистом виде, так как дохристианской религии также достаются отрицательные эпитеты. Так, о крещении Ольги сообщается: «тму идолослужения прогна и омраченныя просвети»¹, о знаменитых идолах Владимира Святославича читаем: «нача ставити богомерзкие идолы в Киеве... яко сети диавольския хранитися всякому Христианскому человеку... сия мерзость во всем государстве Владимировом» (о князе Владимире Святославиче)².

Тем не менее, такой традиционный образ идолопоклонства как «мерзости» наличествует с подробным характером записи о «Владимировых идолах». В том месте, где древнерусский книжник мог лаконично привести историософскую модель идолопоклонства и не упоминать «лишнего», автор дает подробную характеристику «пантеона», прямо указывая, какие функции исполняло то или иное божество, расширив список богов и даже добавив сравнительно подробное описание обрядовой части. Интересно, что «Синопис» также послужил источником отдельной статьи «Об идолах Владимировых» из Пискаревского сборника конца XVII в.³ Несмотря на отрицательные эпитеты идолопоклонства оно рассматривалось как дело минувшего времени, у автора нет нужды обращаться к читателям с просьбами оставить подобные действия, он не предупреждал, подобно авторам более ранних антиязыческих произведений, об их тяжких последствиях для души. Та же статья «Об идолах Владимировых» начинается со слов «во

¹ Цит. по изданию Синописа: Сапожников О.Ю., Сапожникова И.Ю. Мечта о русском единстве. Киевский синопис (1674). М.: Европа, 2006. С. 79.

² Там же. С. 85, 87, 88.

³ НИОР РГБ. Ф. 228. Собрание Д. В. Пискарева. № 153. Л. 98–103.

первые постави начальнейшего кумира», целиком и полностью посвящён не развенчиванию, но характеристике богов пантеона, и кончается сообщением об установке этих идолов в Новгороде. Таким образом, изложение подобного «пантеона» символизировало переход от дидактического смысла «поганьства» к его осмыслению как чудесного и старинного. Для «Синописа» «славянорусский» народ, единый народ Великой и Малой Руси — «народ благонароচিতой породы», что отражало распространение в XVII в. новой государственной идеологии. Конечно, она также включала конфессиональный принцип. Однако довольно показательна в изменившихся историософских взглядах интеллектуальной элиты замена восприятия язычества — явления «чужого» и «мерзкого» — пониманием язычества как явления «чудесного» и, впоследствии «своего». Такое новое восприятие язычества получило развитие в светской литературе, в трудах писателей XVIII — начала XIX вв., воспитанных в духе «Синописа»: в отношении дохристианской религии славян подчеркивается ее связь с предками. Так, у Г.А. Глинки читаем: «Нам баснословное вероучение разыскивать, развивать и сколько можно полнее представить нет опасности... из создания человеком себе богов...лучше можем узнать умное и нравственное обличие наших родоначальников»¹. Проблема становления «язычества» как нового конструкта, означавшего дохристианские верования предков и не имевшего отрицательной коннотации, отдельная и, конечно, актуальная тема исследования.

Таким образом, «язычество» как «место исторической памяти» — довольно сложное явление, которое, с одной стороны, может иметь множество смыслов, с другой стороны, не имеет смысла без определенного контекста. Для древнерусских книжников он, прежде всего, отражал их отношение к «чужому». «Чужими» при этом могли выступать самые разные верования, идеи, общности — как внешние, так и внутренние, поэтому «погани» вне зависимости от их места проживания, не могли быть «своими». Такое восприятие «язычества» имело определенный политический контекст, позволяющий снять легитимность идей и общностей, а характеристики одного «поганства» могли автоматически переноситься на другое, создавая легенды. «Синопис» XVII в. отражает новое восприятие «язычества», которое через понимание его как «чудесного»

¹ Глинка Г. А. Древняя религия славян. Митава, 1804. С.9.

в XVIII — первой половине XIX вв. становится «своим», частью собственной истории.

Учитывая популярность данной тематики в наши дни, при чтении исторических источников и исторической литературы необходимо понимать, какое «язычество» имеют ввиду их авторы, в рамках какой мировоззренческой парадигмы оно рассматривается и совпадает ли оно с тем комплексом верований, религиозных идей или общностей, историю которых имеет в виду сам читатель.

Глава 8

ПОЛИТИКА В ЖИЗНИ СРЕДНЕВЕКОВОГО «ОБЫВАТЕЛЯ» (ПО ФРАНЦУЗСКИМ ИСТОЧНИКАМ XIV–XV ВВ.): «СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

Кузьмина М. В.

Понятия «политика» и «государство» тесно связаны. Политика — необходимая функция в деле организации различных аспектов жизни общества¹. Методы, равно как и возможности, функционирования политической власти на разных этапах развития государства (в частности, в условиях развития национальных государств, складывание которых в Европе особенно интенсивно проходило в XIV–XV вв.) различны. При этом, осуществляя политику, связанную с интересами как отдельных социальных классов, групп, государственная власть имеет в виду и отдельных индивидов, которые выступают и объектом, и субъектом этой политики.

Наиболее значимым событием в Европе XIV–XV вв., ставшим катализатором процесса становления национальных государств Англии и Франции, была Столетняя война (1337–1453 гг.). Объективный процесс формирования национальных государств субъективно выразился в форме войны, поскольку военные конфликты были характерным для этого периода истории способом решения проблем политического характера (например, династических споров).

Жители Франции оказались втянутыми в военные действия, т.е. в политические события, не только как непосредственные участники военных действий, проживающие на оккупирован-

¹ Матузов Н.И., Малько А.В. Теории государства и права. М.: Юрист, 2004. С. 27–29.

ных территориях, но и как жители свободных от захватчиков, но разорённых войной территорий. Причём политическая позиция жителей городов и сельской округи, захваченных неприятелем, отличалась от позиции жителей местностей, где влияние англичан было менее ощутимым, чем, скажем, действия сторонников политических партий герцога Бургундского и графа Арманьяка, развязавших гражданскую войну, борясь за влияние на больного короля, и, в конечном счёте, за власть. Такова была ситуация в Париже, где озабоченность парижан интересами своего города, а отнюдь не интересами всей страны, была ярко выражена. В этом смысле их можно было бы назвать обывателями, т.е. жителями одной местности, чаще — городских жителей¹, для которых мир во многом ограничивается стенами города и его ближайшей округи. При этом личная позиция людей, зачастую занимающих официальные должности во властных структурах, или имеющих непосредственное отношение к влиятельным организациям (например, к Университету или к Церкви), могла не совпадать с их общественной позицией².

Государство (королевская власть) присутствовало в жизни социума, осуществляя присущие любой власти политические функции: налогообложение, правовое регулирование. Однако

¹ Первое значение — именно жители одной местности. Во французском языке слово «обыватель» не имеет точного аналога, всё зависит от контекста. Русско-французский словарь даёт вариант «habitant» (устар.), т.е. «постоянный житель» // А.В. Щерба, М.И. Матусевич. Русско-французский словарь. Под общей ред. акад. А.В. Щербы. М.: Русский язык, 1993. С. 387. Это не противоречит значению, которое даёт словарь старофранцузского языка // <http://www.cnrtl.fr/definition/dmf/habitant>.

² Проявлений такого местного «патриотизма» практически нет в дневниках Клемана де Фокамберга и Николая де Бая, исполнявших должность секретарей Парламента, и оставивших нам на полях парламентских протоколов записи, которые собранные воедино, получили названия «дневников». Эти люди, будучи жителями Парижа, служили королю и строили своё поведение сообразно интересам короны и Парламента, вероятно, опасаясь на страницах официальных протоколов, где они делали свои личные записи, высказываться очень резко и нелицеприятно по отношению к англичанам или к кому бы то ни было. Они, принадлежавшие к разным политическим партиям, разумеется, понимали разницу между французами и англичанами как разными народами, а также то, что англичане — враги королевства. Однако видеть в этом чёткую гражданскую позицию не стоит. Главным для них были интересы короны и парламентской корпорации, и этим многое определялось // См.: Цатурова С.К. Офицеры власти. Парижский Парламент в первой трети XV века. М.: Логос, 2002.

степень вмешательства власти в личную жизнь членов общества, на что всегда претендовала Церковь, не была столь определённа и однозначна. В условиях войны сословные, корпоративные, семейные связи подвергались мощному разрушающему воздействию, а государство пока не могло обеспечить защиту интересов как отдельных социальных групп, так и отдельных индивидов — отсюда и возможная критика королевской власти со стороны подданных.

Политика государства в этот период была направлена на борьбу с центробежными силами, на сохранение суверенитета королевства, реальность потери которого вполне могла стать возможной, если бы статьи договора в Труа, заключённого в 1420 г. между королями Франции и Англии, были претворены в жизнь (создание англо-французского королевства, т.е. фактическое исчезновение Франции как суверенного государства).

Говорить о политической деятельности государства в средневековой Франции означает говорить, прежде всего, о власти короля, чья политическая деятельность была тесно связана с представлениями о нём как о справедливом верховном судье и защитнике, заботящемся о благе всех своих подданных. Королевская власть, укрепляя своё влияние в качестве основной государственной силы, хотела наряду с Церковью контролировать и частную жизнь индивидов. Например, на более позднем этапе — начиная с XVI в. — можно отметить целенаправленную политику королевской власти, устремлённую на упорядочивание семейных отношений посредством регулирования вопросов наследования, рождаемости. Для более раннего периода, о котором идёт речь — XIV–XV вв. — это лишь начало процесса.

Политика в жизни человека Средневековья (более определённо можно говорить о городском населении) — это не абстрактное явление. Всё его бытие основывалось на том, что в плане социальном и политическом он был обязан подчиняться любой власти, поскольку был включен в общественную иерархию, согласно представлениям времени, созданную по образу иерархии небесной. Поэтому одной из основных добродетелей было послушание, покорность Богу, а король как глава светской власти через процедуру миропомазания символически получал власть именно от Бога¹, что оправдывало подчинение власти светской,

¹ Le Goff J. L'homme médiéval // L'Homme médiéval. Sous la dir. de J. Le Goff. P., 1989. P. 7–42.

которая, как считалось, привносит в мир порядок. Кроме того, любой человек, являвшийся подданным французского короля, имел не только права на защиту со стороны короля, но и обязанности, связанные со статусом подданного.

Значение и роль королевской власти во Франции в XIV–XV вв. как гаранта общественного порядка и блага была велика. По мнению Кристины Пизанской, истинный король соблюдает старинные законы королевства, блюдет интересы народа (*bien public*¹), заботясь о процветании и страны, и своих подданных². Долг короля — кормить и защищать своих подданных³, единение с которыми он демонстрирует в том числе и в форме торжественных въездов в города королевства.

Монарх — государь и господин ассоциировался также с отцом — господином. Ж.-Л. Фландрен отмечал, что авторитет отца семейства и авторитет Бога не только освящали и узаконивали друг друга, они служили тому, чтобы легитимизировать другие виды подобных связей. Короли, сеньоры, патроны, люди церкви — все ассоциировались с образом отца⁴. Образ справедливого короля, вмешивающегося в любые дела и выслушивающего любого из своих подданных, имел во Франции давнюю традицию, равно как и

¹ Понятие «общего блага» могло варьироваться: его понимали и как дополнение к частному благу, и как собственно существовавшую коллективность и её всеобщее благо, но не как благо просто суммы индивидов // Guenée B. *L'Occident aux XIV-e et XV-e siècles. Les États*. P., 1987. P. 105.

² Christine de Pizan. *Le livre des fais et bonnes meurs du sage roy Charles V* // Michaud M. et Poujoulat. *Nouvelles collection de mémoires pour servir à l'histoire de France*. Т. 2. Paris, 1881. P. 65: "...vray philozophe, ameur de sapience"; p.67: "... nous convient-il dire les autres biens...sapience, science, entendement, prudence et art ..."; p. 71: "Encore que le roy Charles, très ameur et desireux du bien et du prouffit commun..."; p.74: "Le prince doit être sage, prudent, pourvu de tout ce qui doit procurer le salut de son peuple...Il doit être juste, diligent, et constant et ferme dans les choses qui ont la raison pour guide...". См. также, в частности, Цатурова С.К. Священная миссия короля-судии, ее вершители и их статус во Франции XIV–XV вв. // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006. С. 78–95.

³ Scordia L. "Le roi doit vivre du sien". *La théorie de l'impôt en France (XIII-e — XV-e siècles)*. P., 2005. P. 47, 48.

⁴ Flandrin J.-L. *Parenté, maison, sexualité dans l'ancienne société*. P., 1983. P. 119.

образ отеческой заботы, когда проводили аналогию между порядком в королевстве и порядком в семье¹.

Социальный мир — это соответствие положения социального и правового статуса. Поэтому в основе постановлений королевской власти, в сущности, лежало не желание совсем освободиться от общественных пороков, но, скорее, указать на границы, отделяющие людей с «*bonne renommée*» от тех, чьё поведение ведет к «социальной деградации» и нарушает социальный порядок (проститутки, бродяги, воры, убийцы)². Постановления о роскоши имели также своей целью поддержать социальный мир, в котором каждый занимал своё место³.

Но насколько в условиях войны, в условиях нарушения социального мира, т.е. в том числе возникновения и политической проблемы, позиция людей могла меняться? Когда, исходя из позиции власти, связи с англичанами как с солдатами вражеского королевства, например, могли расцениваться как предательство, но в других случаях, учитывая реалии времени, как вполне одобряемые (мирные договоры с английскими королями, брачные союзы французских принцесс и английских принцев, торговые отношения)? В зависимости от политической ситуации должна ли была меняться

¹ Burguière A. *L'État monarchique et la famille (XVIe–XVIIIe siècle)* // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. Année 2001, Volume 56, N 2. P. 313.

² См. Тогоева О.И. *Блудница и город* // «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006. С. 147–182. Geremek B. *Les marginaux parisiens aux XIV-e et XV-e siècles*. P., 1976.

³ Постановления о роскоши, запрете азартных игр, о проститутках постоянно повторяются в установлениях, ордонансах королей Франции. Например, установление 1294 г. о роскоши в одежде и в еде, где, в частности, определялось количество платьев в год для различных социальных слоёв, а также запрет носить драгоценные меха и ювелирные изделия из золота и серебра с драгоценными камнями для буржуа // *Recueil général des Anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789* / Ed. Par MM. Jourdan, Decrusy, Isambart. P., Berlin-Leprieur, Plon, 1821–1833, 29 vol. Т. II. P., 1824. P. 697–699. Довольно суровые наказания ждут насильников (Ibid. Т. II. P. 419–420). При Карле V было запрещено квартиростёмщикам и владельцам домов сдавать женщинам «*de mauvaise vie*», т.е. проституткам, комнаты, а последним — проживать там (Ibid. Т. V: 1357–1380. P., 1824. P.320); азартные игры запрещались ордонансом 1369 г. (Ibid. P. 322–323); запрет сдавать публичным женщинам жильё на определенных улицах в Париже последовал также при Карле VI (Ibid. Т. VI: 1380–1400. P., 1824. P. 559–560), в том числе и запрет небогатым заниматься охотой (Ibid. P. 772).

са позиция каждого подданного, уж коли менялась позиция королевской власти?

Автор «Chronique parisienne anonyme du XIVe siècle» (de 1319 à 1339) — предположительно парижский буржуа — описывает интересную ситуацию, возникшую во Франции в 1326 г., т.е. ещё до начала вооружённого конфликта между Англией и Францией. Речь идёт о штрафах, наложенных на людей, состоящих в смешанном браке — англичан и французов. Общественная реакция на такие смешанные союзы могла быть разной в разные периоды политического противоборства двух королевств. Ясно понимая разницу между французами (Franchois, nation franchoise) и англичанами (Anglais, nation d'Angleterre), а также другими иностранцами (gens d'étranges nations), автор не выказывает чувства отторжения по отношению к англичанам. Более того, из его записей становится ясно, что браки между англичанами и французами не являлись в этот период чем-то из ряда вон выходящим и были делом обычным, а конфискационные действия королевской власти по отношению к англичанам характеризуются автором хроники как недостойные — «et ainsi fut il fait contre droit escript et bonne foi...au grant honte du roy de France et son conseil»¹, поскольку такие действия властей ранее применялись только по отношению к евреям, ростовщикам и другим «дурным людям»². По другим источникам не удалось идентифицировать эту ситуацию. «Национальная» принадлежность супругов (или вернее, их подданство) была, как кажется, лишь поводом получить доход и не являлась мерой политической³. Мы можем констатировать, что, когда военное противостояние с англичанами не было острым, а последствия этого противостояния ужасающими, то и формы проявления взаимного восприятия не принимали жёсткие фор-

¹ Chronique parisienne anonyme du XIVe siècle / Éd. Par A. Hellot. Nogent-Le-Rotrou, 1884. P.105–107.

² Ibidem.

³ Припомним в этой связи известный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1947 года «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами», когда государство напрямую вмешивалось в частную жизнь людей, используя политические инструменты. Индивид и его потребности не учитывались государством, оно стремилось полностью контролировать все стороны жизни людей, ставя идеологические вопросы и политические интересы на первое место.

мы, как в период с 1415 года и далее. Хотя Париж не слишком страдал от англичан, поскольку оккупации Парижа (с 1420 г.), по сути, не было: гарнизон был там весьма немногочислен (не более трёх сотен), а стычки с англичанами носили бытовой характер. Ж. Фавье отмечает, что горожане ненавидели англичан, но не как англичан, а как «шумных и драчливых вояк»¹. Конечно, по мере успехов французской армии отношение менялось.

В условиях политической борьбы, усугублявшей тяжёлое положение, вызванное войной, мистические связи между королём и подданными могли ослабевать. Уважение к королевской власти (государственной) не означало автоматически приятие проводимой ею политики. Секретарь Парижского Парламента Николая де Бай, в частности, упоминает в 1416 г. о процессе против некоего мэтра Жана Фюзори, каноника Нотр-Дам, который якобы «пособничал и советовал королю Англии и англичанам против общего блага королевства (Франции)»². Это было расценено именно как политическое преступление, т.к. оно было направлено на причинение ущерба интересам королевства. Однако под понятие «политического» могли подпадать и преступления, связанные с фальшивомонетчеством³. Такого рода политические преступления можно было квалифицировать и как преступления против Короны⁴, т.е. против государства, а не против короля как человека. Интересный факт: в Париже в 1417 году был приговорён на месяц к тюремному заключению на хлеб и воду крестьянин Жеан Журден. Он обвинялся в том, что произносил «оскорбительные слова» в адрес короля, его родственников, его Совета, высказывался неуважительно по поводу управления королевством, хотя до сих пор был хорошим работником, «скромным и послушным подданным», будучи чело-

¹ Фавье Ж. Столетняя война. СПб: Евразия, 2009. С. 450.

² Journal de Nicolas de Baye. Т. II. P. 237–238: «...ledit Fuvoris avoir favorisé et conseillé le roy d'Angleterre et Anglois contre le bien publique du royaume»

³ В Англии, например, не всякая подделка в XIII–XIV вв. считалась политическим преступлением, а, скажем, подделка королевской грамоты попадала в этот разряд // Хатунов С.Ю. Преступление и наказание в средневековой Англии (англосаксонский, англо-нормандский, анжуйский период). М.: Спутник, 2003, С. 73–80.

⁴ О Королевском Достоинстве, имеющим и частную, и публичную природу, и о Короне, понятии, соотносённом с коллективным телом королевства, см.: Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Издательство Института Гайдара, 2014. С. 503–505.

веком бедным и обременённым большой семьёй. Король был назван Журденом «сумасшедшим и буйным»¹. Правда, Журден всё же получил прощение, вероятно, потому, что его слова не имели в виду нанесения конкретного ущерба, а проистекали из того, что во время военных действий этот человек потерял не только большую часть имущества, но и «разум и память» («а perdu grant partie de sa chevence, et de son sens et mémoire»²).

Политическая ситуация в Париже в 1413–1418 гг., т.е. до прихода англичан, уже была такова, что жители, зачастую вынужденно, оказывались сторонниками разных политических партий, среди которых каждая стремилась решать свои задачи (партия герцога Бургундского, стремящегося к независимости, партия короля, партия сторонников дофина Карла и графа Арманьяка). В таких условиях всегда существовала опасность погибнуть, следуя бескомпромиссно за теми или иными политическими силами.

Проблему гражданской войны осложняла война с англичанами, которые чаще всего воспринимались в качестве врагов Франции, но не всегда. По мнению специалистов, хотя в оккупированной Нормандии англичане и сохранили всю французскую систему управления, французские деньги, даже должны были разговаривать с жителями по-французски, нормандцы воспринимали их однозначно как иностранцев и врагов³.

Однако в Париже всё обстояло несколько иначе. Оппозиция «свои-чужие», которая чаще всего понимается как «друзья-враги», не была по смысловой наполненности постоянной. К тому же столкновения между сторонниками различных партий имели гораздо более кровавые последствия, чем пребывание англичан в столице. Например, автор известного «Дневника буржуа

¹ Choix de pièces inédites relatives au règne de Charles VI, publiées pour la Société de l'histoire de France par L. Douët-d'Arq. 2 tt. P.: Renouard, 1863–1864. Т. 2. P., 1863. P. 180–182.

² Ibid. P. 180.

³ См. подробнее: Бароне А.В. «Английская Нормандия» первой половины XV века: путь во Францию. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 2006. Отметим попутно, что французский язык, хотя и не выступал на данном этапе в качестве основного критерия определения «своих» и «чужих», всё-таки уже начинал восприниматься как объединяющий одних людей и отделяющий их от других фактор, как маркер идентичности, особенно в ситуациях резкого противостояния англичан и французов.

Парижа»¹ — сторонник сначала герцога Бургундского (как и большинство парижан), а затем — дофина Карла, ставшего легитимным королём Франции Карлом VII в 1429 г., на своём примере показал, как политика отразилась на его жизни.

Англичане могли восприниматься по-разному в зависимости от политической конъюнктуры, и хотя, разумеется, его личная позиция не означает позицию всех, она показательна. Личное отношение иногда «перекрывалось» политическим благоразумием:

— англичане находятся далеко от Парижа: англичане — «чужие», «исконные враги Франции», но «далёкие чужие»;

— англичане получают дополнительную отрицательную характеристику: они ассоциируются с сарацинами — безусловно «чужими» (не христианами). Злодеяния англичан даже хуже, чем у сарацин (которых, к слову, автор скорее всего не видел никогда, но много слышал). Напряжение растёт, поскольку английские отряды подошли слишком близко к Парижу, разоряя округу, и угроза захвата Парижа сторонниками герцога Бургундского (1418 г.) и англичанами (1420 г.) становится реальной;

— фактическое, хотя и вынужденное, признание короля Англии в качестве верховного сеньора после заключённого между королями Англии и Франции мира в Труа (1420 г.). Англичане — условно «свои»²;

— снова явно отрицательное отношение к англичанам после признания Карла VII легитимным правителем (коронация в 1429 г.). Англичане однозначно воспринимаются в качестве врагов Франции, они, безусловно, «чужие».

Другими словами, политические колебания были неизбежны и во многом зависели от того, насколько пострадали от военных конфликтов местности и города. Париж больше пострадал во время захвата его арманьяками в 1413 г., чем от вступления англичан в 1420 г. А вот для жителей Юга понятия «англичанин» и «грабитель» были

¹ Journal d'un bourgeois de Paris 1405–1449. Texte original et integral présenté et commenté par Colette Beaune. P.: Librairie Générale Française, 1990. Можно встретить переводы: «Дневник парижского Горожанина», «Дневник парижского буржуа».

² Фавье Ж. отмечает, что «Парижский горожанин» считает французами подданных английского короля Генриха VI, т.к. считает его законным королём, а сторонников Карла VII до освобождения Парижа от англичан называл арманьяками, т.е. по сути врагами // Фавье Ж. Указ. соч. С. 462.

синонимами¹. На Севере — в Нормандии — сопротивление английским захватчикам приняло форму партизанской войны.

Соглашательская позиция не означает антигосударственную позицию, это, скорее, вопрос выживания. Идентификация средневекового человека происходила прежде всего по социальным, корпоративным, религиозным параметрам, а не по национальным. Столетняя война, как заметил Ж. Фавье, была не только войной между Францией и Англией, но включала и побочные военные конфликты, которые также сопровождались разорением и кровью². Не всегда успешная деятельность государственной власти в различных сферах (в социальной, в правовой, в военной), но в целом направленная на защиту интересов короны и королевства, всё же была объективным фактором в процессе консолидации всех сословий, и в конечном итоге способствовала формированию национального государства. Королевская власть во Франции явилась той силой, которая смогла помочь людям постепенно осознать себя не только подданными короля, но и принадлежащими к одной нации — французам, независимо от места проживания и социальной принадлежности.

Таким образом, во-первых, политика как неотъемлемая функция государства присутствовала в жизни людей уже потому, что они являлись подданными короля. Во-вторых, власть, стремясь вмешиваться во все аспекты повседневной жизни подданных, «втягивая» их в решение стоящих перед ней задач, пыталась в свою пользу регулировать различными способами и то, что касалось их политической ориентации, применяя в том числе и репрессивные меры, если действия подданных угрожали напрямую интересам Короны.

В XIV–XV вв. выбор стратегии поведения индивида в большой степени зависел от политических интересов его сословия, линьяжа, семьи, к которым он принадлежал, но королевская власть по мере своего укрепления пыталась различными способами унифицировать ответственность человека перед государством, отделяя «своих» от «чужих» по критериям, выходящим за чисто сословные рамки.

«Обывателю» в условиях войны, т.е. в режиме боевых действий, оккупации или временного захвата врагами территории

¹ Там же. С. 466.

² Там же. С. 464.

проживания, разорения, голода, было иногда опасно как не придерживаться чёткой политической позиции, так и, напротив, иметь такую позицию, требовавшую отстаивать её с угрозой пострадать за это. Человеку порой было очень нелегко определить, кого в данный конкретный момент нужно считать «своим», а кого «чужим». Позиция королевской власти — определять «своих» как раз по подданству и, следовательно, по лояльности власти, в целом на данном этапе несколько сглаживала конфликтность всех других входящих в смысловое поле пары «свой» — «чужой» дефиниций, хотя и создавала трудности для тех, кто оказывался в эпицентре политических разборок.

Глава 9

КСЕНОФОБИЯ В АНГЛО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЯХ В XVI — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII вв.

Лабутина Т.А.

Исследователи межкультурных коммуникаций нередко обращают внимание на проблему различий «Своих» и «Чужих». «Основной, определяющий стереотип в отношении одного народа к другому, — подчеркивает С.В. Оболенская, — различие «своих» и «чужих», свойственное человеку с глубокой древности и проявляющееся, прежде всего, в отталкивании всего «чужого» как неприемлемого. С ним связаны самые общие представления о действительных, или мнимых национальных чертах»¹.

Следует признать справедливым суждение ученых о том, что в процессе контакта с незнакомой (чужой) культурой носитель другой культуры традиционно воспринимается как «чужой». В древнерусском языке всех иностранцев называли словом «немец» (от слова — «немой», то есть, не умеющий говорить на нашем языке). Впоследствии это слово было вытеснено словом «чужеземец». Смысл этого слова становится ясным в противопоставлении: родной, свой — иностранный, чужой, чуждый.

Тот факт, что «Чужой» нередко превращается в образ «Врага», отмечал С.В. Чугров. «Сознание человека, давая первичную оценку различным явлениям, сразу же разделяет их на знакомое и незнакомое, разбрасывая в противоположные стороны подобно костяшкам на счетах, — отмечал ученый. — Поскольку человек опирается, прежде всего, на личный опыт, знакомое классифицируется обычно как свое, а незнакомое — как чужое. Первое, как

¹ Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М.: Наука, 2000. С. 6.

правило, воспринимается позитивно, а второе — порой враждебно. Таким образом, свои национальные или идеологические атрибуты оцениваются со знаком плюс, а все чужое, выходящее за круг привычного, становится топливом для «образа врага»¹.

Наиболее подробно на проблеме превращения образа «чужого» в образ «врага» остановился А.З. Копелев в статье с характерным названием «Чужие». «Образы чужого как представления о другом народе, укоренившиеся в сознании, подсознании и ставшие предубеждением, последовательно трансформируются и перерастают в образы врага, в предрассудки, от которых человечество страдает с самого начала своего существования», — отмечал он. Он также отмечал устойчивость и опасность подобного стереотипа: «Унаследованные из древности инстинкты недоверия к чужим — к иностранцам, инородцам, иноверцам — рождают слепую ненависть, создают уродливые личины «исконных врагов». А.З. Копелев обратил внимание на тот факт, что образ врага порой формируется не только из коллективного исторического, но часто и из личного опыта. Все это ведет к искаженным представлениям о другом народе, которые превращаются в образы врага, заключал ученый»².

Присутствие негативного начала в стереотипах подтверждается, на наш взгляд, наличием различного рода фобий в межкультурных коммуникациях. Наглядным примером зарождения и проявления ксенофобии³ в российском обществе может послужить история англо-русских отношений XVI–XVIII вв. Решающую роль в данном процессе сыграла вестернизация политической элиты государства. Сотрудничество с Западом, с одной стороны, приобщало Россию к новой культуре, а с другой, — оказывало негативное влияние на менталитет, идеологию и политику ее правящей элиты, включая монарха. Процесс вестернизации сделался заметным уже в правление Ивана IV и Бориса Годунова. Западное влияние затронуло не только монархов, но и высшие слои русского общества. Молодые люди из знатных семей первыми перенимали внешние

¹ Чугров С.В. Россия и Запад: Метаморфозы взаимовосприятия. М., 1993. С.12–13.

² Копелев А.З. Чужие // Одиссей. М. Наука, 1993. С. 12, 14,17.

³ Ксенофобия (от греч. *xenos*– чужой, *phobos*– страх) — негативная психологическая установка, выражающая иррациональный страх и ненависть к чужим — людям иного народа, расы, веры, выходцам из других регионов и социальных групп.

атрибуты одежды, поведения, обычаев европейцев: брили бороды, изучали иностранные языки, интересовались жизнью за рубежом. Сами цари, что называется, «задавали тон», всячески поощряя стремление своих подданных сблизиться с носителями западноевропейской культуры. Все иностранцы были единодушны в признании «большой любезности» к ним царей Ивана Грозного и Бориса Годунова, которые более всего тяготели к английской культуре, и ее носителям — выходцам с Британских островов. Не случайно, большинство ученых, в том числе и современных, называли Грозного «английским» царем, а Годунова «царем-англоманом»¹.

Зарождение ксенофобии в русском обществе, на наш взгляд, можно отнести к XVI веку. В ту пору в Московском государстве, как утверждал С. Платонов, произошел «массовый наплыв западноевропейцев». Поначалу среди них появились англичане, затем голландцы; немцы из Ливонии, «рассеянные по всему государству, жившие целыми общинами со своими пасторами и молитвенными домами»; немцы-кушцы из Германии и пр., и пр. «Очевидно, что значение иностранцев в Москве за время Грозного выросло настолько, — утверждал Платонов, — что стало вопросом дня для москвичей и давало им повод обвинять царя в отпадении от старого обычая в сторону новоявленной иноземщины»². Особенно возмущали русских людей неофициальные формы обращения царя с иностранцами. Грозный находился в постоянном общении с иноземцами и часто «показывал к ним расположение и ласку», которая порой, по мнению русских людей, «переходила всякую меру». Москвичи, по утверждению Платонова, «удивлялись и негодовали по поводу той близости, какую допускал государь в своем знакомстве с «варварами». (Обратим внимание на то, что для русских людей иностранцы были «чужими», «варварами». С аналогичной характеристикой русских столкнемся в оценках многих иностранцев, побывавших в России в XVI–XVIII вв.)

Православных жителей Московского государства особенно удивляло свободное обсуждение царя с иностранцами религиозных тем. Среди москвичей ходили слухи о том, что царь любит вести беседы с ливонскими пленными о различиях между православием и католичеством и даже подумывает о соединении церквей. Иван

¹ Подробнее см.: *Лабутина Т.А.* Англичане в допетровской России. СПб., 2011. С. 56–93.

² *Платонов С.Ф.* Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л., 1925. С. 25, 27.

Грозный разрешил отправление протестантского богослужения и дозволил строительство кирхи для иноверцев. Правда, иногда государь выходил за рамки религиозного диспута. Как-то в беседе с ним некий пастор сравнил Мартина Лютера с апостолом Павлом, за что получил удар посохом по голове и пожелание «убираться к черту со своим Лютером!» Однако подобные случаи были скорее исключением и чаще всего царь относился к иноверцам терпимо.

Между тем, в народном сознании религиозный вопрос оставался господствующим. Охрана своей религии от посягательств иноверцев, по утверждению Д. Цветаева, выдвигалась на первый план в сношениях с ними¹. По существующим российским законам протестанты не имели права вести с православными беседы о вере, посещать их храмы, нанимать в услужение к себе русскую прислугу. Иностранцев обязывали носить национального покроя платье и селиться в отведенных властями местах за городской чертой. Вступать в брак с «неверными» считалось крайне опасным для чистоты православной веры, а потому подобные браки дозволялись лишь при обращении иноверца в православие. Нередко, сетовали иностранцы, местные жители относились к ним, «как к собакам или змеям», не подавали руки, дабы избежать прикосновения иноверцев. Однажды англичане зашли в церковь в одном из северорусских монастырей. На стенах храма они увидели росписи с картинами страшного суда, где праведники были изображены в русском платье, а грешники — в заморском. Само появление иностранцев в церкви вызвало бурю негодования среди прихожан². Естественно, что на фоне подобного нетерпимого отношения к иноверцам со стороны русского народа покровительство царя к иностранцам, особенно к англичанам, не могло не вызвать недовольства в российском обществе.

В XVII веке ксенофобия в русском обществе сделалась еще более ощутимой. После того, как московская торговля окончательно попала в руки иностранного, в первую очередь, английского капитала, и иностранные предприниматели намеревались захватить также обработку сырья на местах, русское купечество стало жаловаться на те привилегии и льготы, которыми пользовались в России купцы из Англии и Голландии. Челобитные грамоты о злоупотребле-

¹ *Цветаев Д.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 2–4.

² *Любименко И.* Англичане в допетровской России. // Русская мысль. М., Пг., 1915. Кн. III. С. 76.

ниях «немцев» подавались неоднократно: в 1627, 1642, 1646, 1648 гг. Хотя правительство и принимало отдельные меры, ограничивавшие подобные злоупотребления, однако «не пускать иноземных купцов внутрь страны» оно отказывалось. Против иноземцев ополчились также служилые люди и духовенство. В 1648–1649 гг. возникло движение против засилья «немецких» командиров. Патриарх Никон потребовал, чтобы иностранцы не носили русское платье. Его предшественник патриарх Иосиф добивался изгнания из Москвы иностранных купцов и офицеров, а также наложил запрет на браки с иностранцами. Некоторые иностранные путешественники считали проявление подозрительности к себе отличительной чертой русских людей, объясняя это тем, что Россия на протяжении веков находилась в относительной изоляции. «Ксенофобия проявлялась постоянно и резко, — отмечал Д.Г. Федосов, — в бегстве крестьян при виде иноземцев даже на оживленных приграничных дорогах, в выселении московских немцев в особую «резервацию» за пределы города, в насилиях и оскорбительных выходках над ними... Патриарх наставлял царей, дабы запретили в полках и во всем государстве «проклятым еретикам» быть начальниками», чтоб иноверцам-еретикам костелов... не давать строить нигде, новых латинских и иностранных обычаев и в платье перемен по-иноземски не вводить»¹. Порой даже дворяне начинали требовать удаления «чужих» офицеров из русской армии.

Наиболее ярко ксенофобские мотивы прозвучали в высказывании Юрия Крижанича. Просвещенный серб предостерегал русских людей от чрезмерного влияния Запада. «Иностранному купцам никак не должно позволять иметь в России дома, лавки, склады, погреба, никак не должно пускать к себе иностранных купеческих агентов, консулов, резидентов, — утверждал он. — Наш славянский народ весь подвержен такому окаянству, везде на плечах у нас сидят немцы, жида, шотландцы, цыгане, армяне и греки, которые кровь из нас высасывают... Иностранцы над нами господствуют, обманывают нас всячески и делают из нас все, что хотят, потому и зовут нас варварами»². Он обвинял чужеземцев в том, что те «впутывают в свои войны и сеют меж нами внутренние

¹ Федосов Д.Г. Клинок, перо и «бунташное» время// Гордон П. Дневник. 1659–1667. М.: Наука, 2002. С. 244–245.

² Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. // Соч. в 18 книгах. Кн. V. Т.13. М.: Мысль, 1991. С. 154–155.

раздоры и проклятое братоубийство». Крижанича возмущало, почему немцы «под предлогом ратного дела» прибывали в Россию, где получали «непомерно большое жалование», чем наносили обиду местным жителям. Иностранцы подкупали царя и бояр, чтобы брать в аренду рудники и мастерские, чем разоряли русский народ. Особое внимание Крижанич уделял ксеномании, или чужебесию — «бешеной любви к чужим вещам и народам, чрезмерному, бешеному доверию к чужеземцам». «Эта смертоносная чума (или поветрие), — писал он, — заразила весь наш народ... Все беды, которые мы терпим, проистекают именно из-за того, что мы слишком много общаемся с чужеземцами и слишком много им доверяем». И далее автор приходил к заключению: «Ни один народ под солнцем испокон веков не был так обижен и опозорен чужеземцами, как мы, славяне, немцами. Значит, ни один народ не должен так остерегаться общения с чужеземцами, как мы, славяне».

Между тем, Крижанич прекрасно понимал, что без общения с чужеземцами русские жить не могут. «Чужеземцы приносят нам четыре блага: благочестие, товары многие, наставления в науках и разные политические соглашения или договоры» — признавал он. Учитывая достижения Запада, пользуясь ими, следует, однако, «всеми способами от себя отвращать и отметать» то зло, которое чужеземцы несут с собой, заключал автор.

Справедливости ради заметим, что ксенофобия была присуща не одним только русским. К примеру, в Англии ксенофобия, по утверждению британского ученого М. Маллита, возникла еще в XIV–XV вв.¹ По признанию британского историка Т. Маколей, провинциальному дворянству в XVII веке были «отвратительны многие»: французы, итальянцы, шотландцы, ирландцы, евреи². Как видно, ксенофобия, не имела национальной окраски.

Если в России в XVI–XVII веках уже существовали первые признаки проявления ксенофобии в отношениях с иностранцами, то можно ли говорить о русофобии в английском обществе в ту пору? Как вообще относились британцы, побывавшие в нашей стране, к русским? Англичане, посетившие Московское государство в XVI веке, нередко писали о характерных чертах, присущих русскому народу. На взгляд купца и мореплавателя Ричарда

¹ Mullett M. Popular Culture and Popular Politics: Some Regional Case Studies// Britain in the First Age of Party. 1680–1750. Lnd., 1987. P. 134.

² Маколей Т.Б. Англия и Европа. СПб.: Алетейя, 2001. С. 111.

Ченслера, русские «по природе очень склонны к обману, сдерживают их только сильные побои». Британский путешественник А. Дженкинсон уверял, что от русских людей «мало помощи», а в малонаселенных районах, ее можно получить только в городах¹. Особенно резко высказывался о русских поэт Дж. Турбервилль. «Страна эта груба, — писал он, — люди чудовищны, грубы», «князь (царь — Т.А.) полон коварства», манеры людей «близки к турецким», мужчины — вероломны, женщины развращены, храмы «забиты идолами». «Никогда не видел государя, который бы так правил / Людей, столь окруженных святыми, но диких и низких/ Свирепые ирландцы так же цивилизованы, как эти русские; / Трудно сказать, кто лучше из них, и те, и другие кровожадны, грубы и слепы». Короче говоря, Россия — это «варварская» страна, заключал Турбервилль².

Более объективный образ русского человека представил английский дипломат Дж. Флетчер. Хотя он и отмечал, что народ России «предаётся лени и пьянству», в то же время подметил такие качества простолюдинов, как способность к искусствам и природный здравый разум. Между тем, справедливо подчеркнул англичанин, народу не дают возможности развивать свои способности, в особенности в части наук, ремесел, литературы для того, чтобы «легче было удерживать их в том рабском состоянии, в каком они теперь находятся»³.

Попытки более или менее объективно взглянуть на характер русских людей, предпринятые Флетчером, тонули в общем потоке негативных оценок его соотечественников. Так, дипломат и разведчик, много лет проживший в России Дж. Горсей полагал, что русский народ по природе своей «дик и злобен», а потому оправдано «суровое управление» и «тяжелая рука» царя Ивана Грозного, который постоянно сталкивался с заговорами и изменой, направленными против него⁴.

¹ Ченслер Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1938. С. 64; Дженкинсон А. Путешествие из Лондона в Москву // Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков). М., 1991. С. 76.

² Турбервилль Дж. Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века // Флетчер Дж. О государстве Русском. М., 2002. Приложение. С. 258.

³ Флетчер Дж. О государстве Русском. С. 75–76.

⁴ Горсей Дж. Записки о России XVI — начала XVII в. М., 1990. С. 90.

Оценки англичан русских людей мало изменились в XVII веке. На взгляд посланника У. Придо, иностранцы, имевшие дело с русскими, считали их вкрадчивыми и ловкими, но очень малодушными. Придворный врач царя Алексея Михайловича С. Коллинс также был невысокого мнения о русских людях. «Русский народ очень недоверчив и подозревает всех иностранцев, которые спрашивают о политике, или религии, — писал англичанин. — Он совершенно предан невежеству, не имеет никакой образованности ни в гражданских, ни в церковных делах. И видя в науках чудовище, боится их как огня». Русские редко держат слово, продолжал Коллинс. Особенно резко он отзывался о богатых купцах: «Нажив себе огромное состояние разорением бедных и ограбив иностранцев, они думают, что загладят злые дела, если построят церковь и снабдят ее множеством дорогих икон и колоколами; это кажется им богоугодным делом, и, действительно, было бы таковым, если бы совершено во славу Божию, а не из своекорыстия или тщеславия». И далее автор приходил к нелюбимому заключению: «В целом мире нет таких негодяев!» Впрочем, он признавал, что и «между ними много добрых людей», к которым он причислял тех, кто «расширил понятия свои разговором с иностранцами». Завершая свой трактат, придворный лекарь расхваливал царя Алексея Михайловича, одновременно осуждая его подданных, полагая, что они «лукавы, не держат мирных договоров, хитры, алчны, как волки, и с тех пор, как начали вести торговлю с голландцами, еще больше усовершенствовались в коварстве и обманах»¹.

В довольно резкой форме о русских людях отзывался и британский офицер Патрик Гордон. Поступив на государеву службу, он убедился в том, что на иноземцев в России смотрят «как на сборище наемников;.. что не стоит ожидать никаких почестей или повышений в чине, кроме военных, да и то в ограниченной мере, а в достижении оных более пригодны добрые посредники и посредницы, либо деньги и взятки, нежели личные заслуги и достоинства; что низкая душа под нарядной одеждой... здесь так же обыкновенны, как притворная или раскрашенная личина; что с туземцами нет супружества; что вельможи взирают на иностранцев едва ли как на христиан, а плебеи — как на сущих язычников; что нет индигената (подданного — Т.А.) без отречения от былой веры и

¹ Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // Иностранцы о древней Москве. С. 1, 30, 28, 38.

принятия здешней; что люди угрюмы, алчны, скаредны, вероломны, лживы, высокомерны и деспотичны, когда имеют власть, под властью же — смиренны и даже раболепны, неряшливы и подлы, однако при этом кичливы и мнят себя выше всех прочих народов»¹.

Трудно себе представить еще худшие обвинения в адрес народа, на военную службу к которому в качестве наемника прибыл шотландец. Нам кажется, что подобное чернение русских людей было вызвано, скорее всего, неудачными попытками Гордона разбогатеть, на что он так надеялся, поступая на государеву службу в России. Однако «скудная плата в низкой медной монете», а также «подлая и подозрительная натура» отдельных бояр повергли офицера в уныние и разочарование². Вследствие этого, вероятно, у него и стали формироваться столь нелицеприятные впечатления о русском народе в целом.

Итак, как мы могли убедиться, при характеристике русских людей, их нравов и обычаев англичане нередко проявляли враждебный тон³. Чаще всего это происходило в силу субъективных причин, из-за неудач, постигших британцев в их предприятиях в России (как в случае с Турбервилем и Гордоном). Но не только. Иностранцы не могли дать верного объяснения многих явлений русской жизни или объективно оценить их в силу недостаточного знания языка, истории, религии, уклада жизни и обычаев народа. И если «внешние явления», как подчеркивал В.О. Ключевский, «наружный порядок общественной жизни, ее материальная сторона» с наибольшей полнотой и достоверностью описывались иностранцами, то известия о нравственном состоянии общества страдали субъективностью. Беглые наблюдения отдельных, порой случайных явлений, сделанные в короткое время, не позволяли иностранцу составить верное и полное представление о многих сторонах жизни русских людей. «Оттого иностранные известия о нравственном состоянии русского общества очень отрывочны и бедны положительными указаниями, так что по ним невозможно составить сколько-нибудь цельный очерк ни одной из сторон нравственной жизни описываемого ими общества, — подчеркивал историк, — зато в этих известиях дано слишком много места лич-

¹ Гордон П. Дневник. 1659–1667. Указ. соч. С. 106.

² Там же. С. 106–107.

³ Подробнее см.: Лабутина Т.А. Представления британцев о русском народе // Вопросы истории. М., 2009, № 8. С.13–25.

ным, произвольным мнениям и взглядам самих писателей, часто бросающим ложный свет на описываемые явления»¹. Чаще всего подобное непонимание образа жизни русского народа, его «непохожести» на европейцев, приводило иностранцев к убеждению о «варварстве» этого самого народа.

Впервые образ «русского варварства» сформировался в Западной Европе в XVI–XVII вв., во многом благодаря сочинениям немецких писателей С. Герберштейна, А. Олеария, М. Мейерберга, И. Корба. Этот образ включал в себя стереотипные представления немцев о русском народе. Главными в этом образе были, как утверждал Е.В. Ермасов, характер государственного правления («русская деспотия», опасная своими агрессивными планами для Европы), православная религия, заметно отличная от католической и протестантской конфессий; необразованность русского народа, обычаи и особенности национального характера (склонность к пьянству, воровству). В целом русский народ рассматривался иностранцами, как «варварский, достойный жить в рабстве»².

Представления англичан о допетровской России как о «варварской» и «нецивилизованной» стране сделали стереотипом в этнических представлениях большинства иностранцев, побывавших у нас. Но только ли недостаточной их информированностью о России, а также субъективными причинами (краткостью визита в стране, незнанием языка и т.д.) объяснялось подобное восприятие? Ведь все, что касалось материальной культуры (градостроение, деревянное и каменное зодчество), описания климатических и природных условий, занятий населения, чаще всего носило объективный характер. Однако мимо наблюдательного взгляда англичан незаметно прошла духовная культура русского народа. Нам представляется, что это происходило далеко не случайно. Повидимому, англичанам, в ту пору активно занимавшимся колониальными завоеваниями, было выгодно представить народ России «варварами», а ее правителей — «азиатскими деспотами» для того, чтобы противопоставить их «цивилизованным» европейцам. Богатая природными ресурсами Россия с «варварским народом»

¹ Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С.8.

² Ермасов Е.В. Образ «русского варварства» в сочинениях немецких публицистов XVI — первой половине XVIII в. // Европейское Просвещение и цивилизация России. М.: Наука, 2004. С. 27.

вполне подходила на роль нуждающейся в руководстве и опеке (читай — колонизации) со стороны «цивилизаторов». Об этом совершенно откровенно высказался Флетчер: «Безнадежное состояние вещей внутри государства (России) заставляет народ, большую частью желать вторжения какой-нибудь внешней державы, которое (по мнению его) одно только может его избавить от тяжкого ига такого тиранского правления»¹. Напомним, что аналогичные «пожелания» оккупации своей страны будто бы высказывал русский народ в период Смуты, когда в Англии уже полным ходом шла подготовка к вторжению и колонизации Русского Севера².

Сущность отношения европейцев (и не только британцев) к России подтвердил известный русский философ Иван Ильин, долгие годы проживший в Европе. «Западные народы боятся нашего числа, нашего пространства, нашего единства, нашей возрастающей мощи, нашего душевно-духовного уклада, нашей веры и Церкви, нашего хозяйства и нашей армии, — писал он. — Они боятся нас, и для самоуспокоения внушают себе... что русский народ есть народ варварский, тупой, ничтожный, привыкший к рабству и деспотизму, к бесправию и жестокости; что религиозность его состоит из суеверия и пустых обрядов...Европейцам нужна дурная Россия: варварская, чтобы «цивилизовать» ее по-своему: угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленить; завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; реакционная, религиозно-разлагающая, чтобы вломиться в нее с проповедью реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать на ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договора или концессии»³. И тут, как говорится, ни прибавить, ни убавить.

Таким образом, растиражированный стереотип о «варварском» характере русского народа англичанами, на наш взгляд, являлся всего лишь удобным идеологическим прикрытием для колонизаторской политики британских завоевателей. Не удивительно, что данный стереотип продолжал сохраняться в общественном мнении европейцев (и не только англичан) в последующие столетия.

¹ Флетчер Дж. О государстве русском. С. 59.

² См.: Лабутина Т.А. Англичане в допетровской России. Указ. соч. С. 94–111.

³ Цит. по: Ермасов Е.В. Образ «русского варварства» в сочинениях немецких публицистов XVI — первой половине XVIII в. С. 17–18, 27.

Как складывались представления британцев и русских друг о друге в первые десятилетия XVIII века, в правление Петра Первого? Общение с обитателями Немецкой слободы, которые не только познакомили с бытом и нравами западноевропейцев, но и привили юному царю Петру I пристрастие к табаку, крепким напиткам и доступным женщинам, явилось одним из ощутимых шагов в этом направлении. Во время визита в Англию в 1698 г. царь столкнулся с попытками англичан завлечь его в свое «тайное братство». Король Вильгельм Оранский предложил Петру вступить в Орден Подвязки, однако царь ответил отказом, ссылаясь на то, что собирается создать подобный орден у себя на родине. Впрочем, судя по новейшим исследованиям, Петр был принят в масонскую ложу тамплиеров еще будучи в Голландии. Он также дал обязательство английскому королю учредить в России Орден св. Андрея Первозванного, что и исполнил в 1698 г. Примечательно, что внешний вид ордена имитировал английский Орден Подвязки. Во время визита царя в Англию высшее духовенство англиканской церкви заговорило об унии с православной церковью. Аналогичные попытки предпринимались и католическим духовенством, когда Петр I в 1717 г. посетил Францию. Английские церковники оказали влияние на русского царя и в вопросе реформирования государственных учреждений (записка богослова Ф.Ли, в которой шла речь о коллегиальном устройстве правительственных учреждений: основание семи коллегий для поощрения развития науки, художеств, улучшения законов и нравов)¹. Можно утверждать, что многие свои реформы царь проводил, ориентируясь на англичан. Английский «след» наиболее ярко прослеживался в создании морского флота, регулярной армии, промышленных мануфактур, в делопроизводстве, церковной и образовательной реформах. Между тем, в подобных заимствованиях были свои отрицательные стороны, которые привели, прежде всего, к насильственному слову морально-этических и религиозных норм и традиций, господствовавших в ту пору в русском обществе. Это и распространение табака, и открытие кабаков для продажи крепких спиртных напитков, и бритье бород, и введение западных костюмов, и новое летоисчисление, и еще многое другое. Проводимые под влиянием и по примеру Запада ре-

¹ Подробнее см.: Лабутина Т.А. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013. С.9–134.

формы Петра I насильно прививали к древу западноевропейской цивилизации совершенно иную, отличную от нее самобытную и самодостаточную русскую культуру. Естественно, что подобный процесс не мог пройти гладко и без издержек. Петровские реформы способствовали усилению ксенофобии в русском народе.

Еще до начала проведения реформ в народе уже зарождались негативные чувства к иностранцам. Одной из причин восстания стрельцов, как отмечал академик А.М. Панченко, было желание не только перебить бояр, но и «вырубить Кукуй», поскольку вину за наплыв и непомерное влияние иноземцев они возлагали на Немецкую слободу. Москвичи не случайно переименовали ее в «Пьяную слободу». «И было за что, — продолжал ученый. — Здесь оседало много всякого европейского отребья, потасовки и попойки стали будничным делом. На Кукуй возлагают ответственность за грубость нравов, которой отличалась компания Петра и дома, и в первом заграничном путешествии»¹. Бояре и дворяне, свидетельствовал проживавший в России английский инженер Джон Перри, роптали на то, что царь «вполне прилепился к иностранцам», ежедневно ходил в их дома и свободно допускал беседовать с собой².

Еще более враждебным сделалось отношение народа к иностранцам после возвращения Петра I из зарубежной поездки и начала его реформ. Практически все общество встретило эти реформы «в штыхы». Секретарь прусского посольства И. Фоккеродт утверждал: русские испытывали «неодолимое отвращение к тем правилам, которые при Петре I введены в государственное управление, и пламенное желание освободиться от карательного бича иноземцев и видеть восстановление у себя образа правления на прежних основаниях». Знакомство с иноземцами, продолжал он, «принесло за спиной у себя проклятие, потому что с тех пор, как они удостоились этого знакомства, пропало все их благосостояние»³.

Дворянство было недовольно ущемлением своих властных полномочий. Церковная реформа, сопровождавшаяся снятием колоколов с церкви для переплавки их на пушки, возбудила

¹ Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 119.

² Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 97.

³ Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. М., 1914. С. 252, 257.

«сильное волнение» в среде высшего духовенства. Осуждающе воспринимало действия Петра I даже его ближайшее окружение: А. Меншиков, Д. Голицын, адмирал Апраксин, Я. Долгорукий, Б. Шереметев, С. Яворский и другие. Князь Голицын говорил: «К чему нам нововведения, разве мы не можем жить так, как жили наши отцы, без того, чтобы иностранцы являлись к нам и предписывали нам новые законы?». В реформах Петра Голицыну особенно не нравилась поспешность нововведений, а также были неприятны стремления царя изменить нравы и обычаи старины. Князь ненавидел иноверцев и ратовал за то, чтобы русские люди в своем государстве дела вершили самостоятельно¹. И подобные высказывания Голицына находили сочувствие и поддержку со стороны многих из ближайшего окружения Петра I.

Упорное противодействие петровским реформам оказывал народ. Подозрительное отношение к реформаторской деятельности царя со стороны простого народа В.О. Ключевский объяснял двумя причинами: тем, что эти реформы, во-первых, довели принудительный труд народа на государство до крайней степени напряжения, и, во-вторых, являлись «непонятной ломкой вековых обычаев, старинного уклада русской жизни, освященных временем, народных привычек и верований»². Не прекращавшийся наплыв иностранцев и возрастающее их влияние на царя вызывали раздражение национальных чувств русского народа, а сама поездка к «нехристям» послужила толчком для народной фантазии. В народе все чаще стали поговаривать о том, что «немцы царя испортили», высказывались предположения о том, что Петр I — вообще «не наш государь, а немчин». По свидетельствам Фоккеродта, народ осуждал склонность царя к «иноземным нравам и обычаям», к хирургическим операциям (удаление зубов), выбор в жены «простой крестьянской девки из Ливонии». Построенный Петром Петербург и флот простой люд считал «мерзостью», а регулярное войско — «бесполезным и вредным»³. В народе рождалось сказание о «царе-антихристе».

¹ Анисов Л.М. Восшествие на престол. Борьба латинских иезуитов и протестантов за Московский православный престол. М.: Паломник, 2000. С. 85, 249.

² Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. в 9 томах. Т. IV. М.: Мысль, 1989. С. 207.

³ Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. С. 253.

Нельзя сказать, чтобы Петр I обольщался мечтами о «задушевных» отношениях Западной Европы к России. Да, и к иностранцам, сам он, по утверждению Ключевского, относился «с трезвым недоверием». Петр хорошо понимал, что Россию на Западе всегда ожидают «пренебрежение и недоброжелательство»¹. Однако историческая необходимость заставляла царя заимствовать у Запада всевозможные новшества и переносить их на российскую почву. «Знаю я, — заявлял Петр, — что видимое преимущество, оказываемое мною чужестранцам, не нравится моим подданным, но я... ласкаю чужестранцев для того токмо, чтобы они охотно у нас оставались, и дабы от них научиться и подражать их наукам и искусству, а следовательно, для благосостояния государства и очевидной пользы моих подданных». Однако среди русских встречается еще немало «безрассудных и глупых» людей, которые предпочли бы остаться «охотно в прежнем своем невежестве». «Сии не рассуждают, — продолжал царь, — в каком состоянии было у нас все, прежде, нежели я осмотрел чужестранные земли и привлек чужестранцев в свое государство. И сколько бы мало я успел без их помощи во всех своих предприятиях»². И все же проводить свои реформы Петру пришлось через насилие и «властное принуждение» над народом. Хотя отдельные новшества, заимствованные царем у иностранцев (доступ женщин, наряду с мужчинами, в общественные увеселительные заведения — ассамблеи; запрет на венчание без согласия на брак молодых людей и др.) встречали одобрение, однако в целом реформаторская деятельность Петра, во многом осуществленная под влиянием Запада, не находила общественной поддержки.

А как сами англичане относились к русскому народу и к реформаторской деятельности Петра I. В отношениях между Англией и Россией в первой четверти XVIII в. преобладали недоверие и сдержанность, чему в немалой степени способствовало прочно укоренившееся в общественном мнении Великобритании представление о России как об отсталой, «чрезвычайно странной, экзотической и неевропейской стране». Спустя несколько лет после «реформирования» России на западный манер, издатель журнала «The Examiner» известный писатель-сатирик Дж. Свифт выступил в 1713 г. со статьей, в которой характеризовал русских как нацию

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. С. 196.

² Петр Великий в его изречениях. М., 1991. С. 90–91.

«варваров и дикарей», подчинявшихся тираническому правлению, склонных к частым восстаниям и представлявших для цивилизованного мира еще большую угрозу, чем та, которую несли в свое время готы и вандалы¹. На взгляд просветителя Б. Мандевилья, подданные «царя Московии» от природы глупы и «не так уж давно большинство их являлись чуть ли не дикими животными» и только усилия Петра I способны превратить Россию в цивилизованную страну².

Сталкиваясь с подобными оценками русского народа, невольно задумываешься над вопросом, а как вообще возникали этнические представления? Н.А. Ерофеев подчеркивал, что информация, их формирующая, была весьма разнообразной и содержалась в книгах, рассказах путешественников, научных трудах по географии и экономике, художественных произведениях, повседневной прессе и т.п.³ Вероятно, что и суждения британцев о петровской России складывались таковыми во многом из-за недостатка сведений о стране и ее народе. Как отмечал британский историк М. Андерсон, англичане, находившиеся в России, практически не знали ни русского языка, ни истории страны. Они рассматривали русский народ и его государственность как стоявшие ниже западноевропейских, особенно британских. Британцы не знали русской истории. Сам царь недоумевал, как могут иностранцы «написать что-нибудь о древней нашей истории, когда мы сами еще ничего о ней не издали». «Я знаю, — продолжал Петр I, — что подлинные материалы древней российской истории рассеяны по разным местам в государстве и лежат в монастырях у монахов. Давно уже вознамерился я сохранить их от утраты и доставить искусному историку случай написать истинную древнюю российскую историю, но по сие время все случалось в том препятствия»⁴. Иностранцы практически мало что знали о средневековой культуре России, которая находилась, по признанию Андерсона, на довольно высоком уровне. Многие англичане верили в то, что в России до воцарения Екатерины II не существовало даже книгопечатания. Для большинства из них ре-

¹ Цит. по: Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. Lnd., 1958. P.59.

² Мандевиль Б. Опыт о пчелах. М., 1974. С. 289.

³ Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских: 1825–1853 гг. С. 11.

⁴ Петр Великий в его изречениях. С. 89.

формы Петра были мало понятны. Они полагали, что внутренние дела народа, еще пребывавшего в состоянии «варварства», вряд ли могут быть интересными для остального мира¹.

Примечательно, что высказывания о «варварской» России в петровские времена продолжали тиражироваться и в последующие века. Так известный историк XIX в. Т. Маколей в очерке «Петр Первый в Англии» описывал представления государственных мужей Великобритании о России. Нельзя без удивления читать свидетельства английских посольств, приведенных Маколеем: «Их авторы живо, а подчас и резко описывают дикое невежество и нищету варварской страны, где им довелось побывать. Там, пишут они, нет ни литературы, ни науки, ни школ, ни университетов. Прошло более века после изобретения книгопечатания, прежде чем в русской империи появился первый печатный станок, да и тот скоро сгорел от пожара, устроенного, как говорили, священниками. Даже в семнадцатом столетии библиотека высшего духовного лица состояла всего из нескольких рукописей в виде длинных свитков, поскольку переплетное мастерство оставалось все еще неизвестным. Самые образованные люди едва умели читать и писать»².

Анализируя состояние культуры России до петровских реформ, А.А. Преображенский заключал: «Общее направление развития русской культуры изучаемого времени не осталось незамеченным для наиболее вдумчивых и наблюдательных иностранцев, не склонных только в уничижительном плане отзываться о нашей стране в XVII столетии»³. В подтверждение сказанного можно привести слова секретаря прусского посольства Фоккеродта, призывавшего иностранцев для объективного суждения о русских, отбросить «все свои предубеждения и смотреть на вещи, как они есть в природе, а не брать мерилом своих суждений нравы и обычаи, установившиеся в его отечестве». На взгляд автора, следовало также знать и язык русский. Задаваясь вопросом, действительно ли прежние русские были так «дики и скотоваты», как раславляют о них, Фоккеродт утверждал: «Все это иностранные выдумки». По его мнению, многие иноземцы, бывавшие в России, судят о русских поверхностно и потому «в дурных чертах изображают их рассу-

¹ Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. P. 87–91.

² Маколей Т.Б. Англия и Европа. С. 132–133.

³ История Европы. М.: Наука, 1994. Т. IV. С. 235.

док». На его взгляд, у русских людей никогда не было «недостатка в понятиях о благе и зле»¹. Таким образом, становится очевидным, что представления англичан о петровской России как о «варварской» и «нецивилизованной» стране были далеки от истины.

Но только ли недостаточной информированностью британцев о России объяснялось подобное восприятие ими нашей страны? И действительно, так ли уж мало и плохо знали они допетровскую Россию? Первое английское сочинение о России «Открытие Московского королевства», написанное Клементом Аддамсом, появилось в Лондоне в том же 1553 году, когда состоялась экспедиция Ченслера в Московию. В 1590-е годы Дж. Горсей издал мемуары, в которых писал о своем визите в Россию. Примерно в то же время в Лондоне появилась книга Дж. Флетчера «О российском государстве, или Образ правления императора, называемого императором Московии, и о нравах и обычаях сей страны». В конце XVI века вышел сборник «Главнейшие плавания, путешествия, сношения и открытия, совершенные английской нацией», в котором содержались описания путешествий Т. Рандольфа, Э. Дженкинсона и Дж. Бауса в Россию. В XVII веке в Англии увидели свет еще ряд работ о России. Приводивший данные об английских изданиях, А. Мейендорф приходил к заключению: в Англии было больше трудов о России, чем в самой России². Таким образом, русофобские настроения в Англии порождались не только в силу плохого знания языка, истории или обычаев страны. В свое время известный ученый XIX в. Н.Я. Данилевский в работе «Россия и Европа» писал: «Еще в моде у нас относить все к незнанию Европы, к ее невежеству относительно России... Европа не знает, потому что не хочет знать»³. Перефразируя данное высказывание, можно утверждать: Англия не знала Россию потому, что не хотела ее знать. Отношение англичан к России и ее народу нередко страдало необъективностью и во многом зависело от той внешней политики, которую Петр I проводил в то время.

Поначалу и сам «царь Московии», и его деятельность встречали одобрение со стороны правящей элиты Англии. Известный пи-

¹ Россия при Петре Великом, по рукописному известию И.Г. Фоккеродта и О. Плейера. М., 1874. С. 1–4.

² Мейендорф А. Англичане XVII и XVIII столетий о русских и о России // Сборник статей, посвященных П.Б. Струве. Прага, 1925. С. 307.

³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Изд. 6-е. СПб., 1995. С. 40.

сатель и журналист Д. Дефо в журнале “The Consolidator” сообщал о том, что Петр I перенимал многое из английской практики, особенно в военном искусстве и торговле для своего «невежественного народа». Царь преобразовал армию, создал новый флот, открыл посольства в разных частях мира. «И теперь мы видим, — продолжал Дефо, — как его армия осаждает укрепленные города, а инженеры строят батареи, из которых летят снаряды, как это делается и в других странах... Мы видим, что их суда полностью оснащены и управляются английскими и голландскими специалистами и путешествуют по Балтике. Новый город Петербург, построенный царем, начинает походить на наш Портсмут... Великий монарх также улучшил свою страну, введя в обиход манеры и обычаи более просвещенных наций Европы»¹.

Не менее восторженно о реформаторской деятельности Петра отзывались и другие просветители Англии. К примеру, известный журналист Ричард Стиль в журнале “The Spectator” утверждал, что в современном мире существуют только два великих монарха: французский король Людовик XIV и царь России Петр I. На его взгляд, Петр I «за свои знания, достоинства и личный вклад» достоин называться «великим правителем» и его «справедливо поставить в один ряд с античными героями»². На взгляд же Б. Мандевиля, более всего заслуживала похвалы деятельность Петра I, направленная на повышение грамотности населения России. Высоко оценил деятельность Петра Джон Перри, которому довелось воочию наблюдать русского царя и на судостроительных верфях, и за токарным станком. Он обращал внимание на то, что Петр не жалел усилий в деле подготовки квалифицированных кадров из своих подданных. Царь сам являл пример для подражания, поскольку одновременно являлся инженером, пушкарем, «делателем потешных огней», кораблестроителем, токарем, боцманом, оружейником, мастером, кузнецом и т.д. Не удержался от похвальных речей в адрес «царя Московии» и британский посланник Ч. Уитворт. В одной из своих депеш к госсекретарю он отмечал: «Мощью собственного гения, почти без сторонней помощи он (Петр I — Т.А.) достиг успехов, превосходящих всякие ожидания

¹ Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Historical Documents. Lnd., 1998. P. 55.

² Ibid. P. 111.

и вскоре, конечно, возведет свое государство на степень могущества, грозную для соседей»¹.

Между тем, восторженный тон официальных лиц и прессы Великобритании по адресу Петра I и его реформаторской деятельности начинает резко меняться после захвата Ревеля, Полтавской битвы и успехов российского флота на Балтийском море. Напомним, что в ту пору в Европе происходило два крупных военных конфликта: Северная война (1700–1721 гг.) и Война за испанское наследство (1702–1713 гг.). В первой активно участвовала Россия, во второй — Великобритания. А поскольку Швеция рассматривалась англичанами в качестве союзницы, то ее ослабление в войне с Россией вызывало резкое недовольство правительства Великобритании. Территориальные завоевания Петра I способствовали усилению антирусских настроений в Англии, отмечал Андерсон². Одним из свидетельств подобных настроений мог служить инцидент, который произошел с послом России в Англии А. Матвеевым. 21 июня 1708 г. в Лондоне трое неизвестных напали на посла, жестоко его избили, изорвали на нем платье и бросили в долговую тюрьму. Госсекретарь Бойль расценил подобные действия нападавших как «дерзкое оскорбление», нанесенное послу, и призвал английского посланника в России Уитворта «не жалеть ни усилий, ни расходов», чтобы погасить возникший скандал. Хотя царствующая королева Анна Стюарт и направила Петру I письмо с официальными извинениями, однако сам факт подобной провокации свидетельствовал о возникновении антирусских настроений в Великобритании.

Англичане начали опасаться Россию не только из-за побед, одержанных на суше, но и в связи с усилением ее могущества на море, отмечал М. Андерсон. При этом он ссылаясь на автора памфлета «Северный кризис», который в 1714 г. писал: «Петр I стал нашим соперником и для нас опасно не замечать этого»³. Британский посланник лорд Страффорд в беседе с князем Куракиным утверждал, что Англия желала бы видеть «все державы на Севере в прежнем состоянии». Возглавлявший английскую эскадру на Балтийском море адмирал Норрис получил приказ ов-

¹ Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 39. С. 60–61.

² Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. P. 65, 59.

³ Ibid. P. 70.

ладеть русскими кораблями, самим царем и не отпускать Петра I до тех пор, пока русское войско не покинет Данию и Германию¹.

Русофобские настроения, наметившиеся в Англии в 1716–1717 гг., еще более упрочились в последующие годы. Победы российского флота, который создавался во многом благодаря усилиям английских мастеров, заставляли Великобританию усматривать в России опасного конкурента. В депеше госсекретарю лорду Стенхоупу 15 мая 1719 г. посланник в России Джеффрис высказывал беспокойство по поводу соотечественников, которые помогали русским строить флот. «Если мы своих мастеров отзовем домой и будем наблюдать за тем, чтобы другие не являлись им на смену, постройка кораблей будет приостановлена, — писал он. — Если же не принять этой или другой соответствующей меры против развития царского флота, нам придется раскаяться, хотя быть может уже и поздно». В другом своем послании Джеффрис настоятельно рекомендовал госсекретарю отозвать корабельных мастеров из России, поскольку, «оставаясь здесь, они, указав русским основания хорошего судостроения, обучив их своему мастерству, будут ежегодно приносить Англии убыток на сумму более, чем в двадцать раз превосходящую все, что царь тратит на них»².

В развитии промышленного потенциала в России англичане также усматривали опасную конкуренцию для собственной промышленности и торговли. В апреле 1718 г. «московит Третьяков» был отправлен на обучение в королевский литейный цех в Вуличе, однако англичане отказались его принять, мотивируя это тем, что они «сами только начали осваивать это дело», и что у мастера предостаточно собственных учеников, да и своя работа не ждет. Англичане воспротивились также устройству в России собственного табачного производства. Члены Тайного совета высказывали опасения в том, что подданные царя могут быть посвящены в тайны табачного дела наравне с британцами, а это отзовется «крайне вредными последствиями» для английской торговли. Чтобы не допустить распространения табачного производства в России, королевские советники потребовали «сломать и уничтожить» все машины и материалы, завезенные в страну. Отказали англичане

¹ Бильбасов В.А. Россия и Англия в XVIII веке // Русская старина. СПб., 1893. Т. 80. С. 8.

² Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1888. Т. 61. С. 536, 564–565.

и в просьбе Петра I направить в район Астрахани мастеров, «искусных в виноделии и разведении виноградников»¹. Да, и вообще, как отмечал Ключевский, иноземные мастера, обучавшие русских, «делали это неохотно и небрежно», а прожив определенный срок в России, уезжали, оставляя учеников «без совершенства их науки». Все это возбуждало подозрение, продолжал историк, «не дают ли они на то присяжного обязательства своим цехам на родине»². Бесспорно, подобное отношение к успехам русского народа приводило к зарождению в Англии русофобии, прежде всего в среде правящей элиты.

Антирусские настроения подогревались в общественном мнении Великобритании, как признавал британский ученый Д.Хорн, искусственно³. Правительство хорошо оплачивало услуги журналистов, которые без усталости твердили об опасности со стороны России. Русского царя они начали изображать как «автократа с неограниченными амбициями», а существующую систему правления в России, как «жестокую деспотию», от которой будто бы исходит серьезная угроза... для свобод англичан. Особенно усердствовал в нагнетании антирусских настроений Дефо. В своем журнале «A Review» журналист опубликовал две пространные статьи, в которых резко критиковал Петра I и его методы правления. Так, он осуждал российского царя за то, что тот «не заботится о естественных правах своих подданных и прежде всего, их праве на свободу». Полемизируя со Стилем, который считал Петра I великим монархом, Дефо, напротив, полагал, что царь, который тиранит свой народ, не может обладать «духом истинного величия», и что тиран не может быть героем. «Позвольте любому путешественнику в эту страну рассказать о своих впечатлениях, и вы узнаете, как самовластно царь распоряжается душой и телом своих подданных», — утверждал журналист⁴.

Между тем, по мере нарастания военной мощи России и ее присутствия на европейском театре военных действий во время Северной войны антирусские настроения в Англии продолжа-

¹ Там же. Т. 39. С. 104; Britain and Russia in the Age of Peter the Great. P. 194; Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 63.

² Ключевский В.О. Курс русской истории. С. 102.

³ Horn D. Great Britain and Europe in the Eighteenth Century. Oxford, 1967. P. 205.

⁴ Britain and Russia in the Age of Peter the Great. P. 111–112

ли нагнетаться. 2 апреля 1713 г. очередная статья Дефо в журнале вызвала настоящий дипломатический скандал. Дефо осуждал «варварство москвитян», которые будто бы продавали пленных шведов магометанам. Самого Петра журналист назвал «королем-мясником» и призвал европейских монархов не общаться с правителем, который подобен чудовищу — «свирепому сибирскому медведю»¹. Естественно, что написанная в столь оскорбительных для российского царя выражениях статья не могла остаться незамеченной. Английскому послу была вручена нота протеста. Королева Анна Стюарт обещала примерно наказать обидчика, но слова своего не сдержала: Дефо за свою дерзкую статью не понес никакого наказания.

Как развивались в последующем отношения двух стран и народов? Если говорить об антирусских настроениях, зародившихся в последние годы жизни Петра I, то они привели к возникновению в Великобритании русофобии, прочно укоренившейся в общественном мнении на протяжении последующих веков. Проблема русофобии в Англии в свое время поднималась Н.А. Ерофеевым и В.Г. Трухановским. Хотя оба историка анализировали русофобию в Великобритании в XIX в., они также затронули истоки происхождения этого явления, связывая его начало с правлением Петра I. О зарождении русофобии в Англии в первой четверти XVIII в. писал также Г. Хорн².

Негативное отношение к иностранцам продолжало сохраняться и в российском обществе. Так, в 1725 году многие простые люди отказывались присягать «императрице-иноземке» Екатерине I, которая будто бы «напустила порчу» на своего супруга. Нередко случались нападения на иностранцев. Была раскрыта «шайка», насчитывавшая 9 тысяч человек, во главе с отставным полковником, которая намеревалась сжечь адмиралтейство и перебить всех иноземцев³. Суд над участниками заговора был короткий: 36 зачинщиков были посажены на кол и повешены за ребро.

В 1725–1727 гг. Великобритания и Россия находились, по определению М. Андерсона, в состоянии «холодной войны», кото-

¹ Ibid. P. 125.

² Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли или история одной невероятной карьеры. М., 1992. С. 222; Horn D. Great Britain and Europe in the Eighteenth Century. P. 109, 205.

³ Анисов А.М. Восшествие на престол. С. 176–177.

рая в любой момент грозила перерасти в открытое столкновение¹. В мае 1726 г. британская эскадра из двадцати кораблей заблокировала российский флот у Ревеля. В ответ на подобные действия англичан императрица Екатерина I направила гневное письмо королю Великобритании Георгу I Ганноверскому. «Министры вашего королевского величества никогда не имели прямого намерения к заключению союза между Россией и Англией, и отправление эскадры есть следствие той злобы, которую некоторые из ваших министров в продолжение многих лет постоянно, везде и явно против нас показывают», — возмущалась императрица². Нельзя не признать, что в ее обвинениях доля истины, действительно, была. По утверждению Андерсона, памфлетисты, состоявшие на службе у министров, стремились представить Россию в глазах общественного мнения Великобритании как опасную и агрессивную державу, экспансия которой будто бы угрожала англичанам³.

Заметный перелом к лучшему в российско-британских отношениях наметился лишь в 1731–1732 гг. после прихода к власти новых монархов: в России — императрицы Анны Иоанновны, в Великобритании — короля Георга II Ганновера. Глубоко укоренившееся (в особенности при Екатерине II) западное влияние во многих сферах культурной жизни российского общества способствовало исчезновению столь распространенного в петровские времена явления, как ксенофобия. Теперь иностранцы, как свидетельствовал французский посланник Л. Сегюр, «принимаются в России с самым внимательным гостеприимством»⁴. Более того, преклонение перед западной культурой и подобострастное отношение к иностранцам стало заметным явлением в среде политической российской элиты. Дело порой доходило до того, что великосветское общество начинало презирать все русское. Однако и пропитавшись западной культурой, и провозгласив себя европейским государством, Россия, в глазах европейцев, таковым отнюдь не стала. Запад по-прежнему продолжал видеть в ней «варварскую страну». М. Андерсон отмечал, что хотя англичане относились к

¹ Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. P. 108.

² Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М: Мысль, 1994. Кн. 10. С. 23–25

³ Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. P. 109.

⁴ Сегюр Л. Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 412.

екатерининской России с уважением, восхищением, а порой и с опаской, чего не бывало при Петре I, однако, они по-прежнему были далеки от мысли рассматривать русский народ как цивилизованный, и никакие, даже самые блестящие достижения царицы не могли переменить их мнения в том, что Россия являлась действительно европейской державой¹.

Таким образом, подводя итоги, можно заключить следующее. Говоря о зарождении ксенофобии в российско-британских отношениях, следует отметить, что она была обусловлена социально-экономическими и политическими условиями в России, необходимостью широкого привлечения иностранных специалистов в нашу страну. Усиление ксенофобии наблюдалось в правление Петра I, что было вызвано проведением реформ, во многом инициированных Западом. Но если в России ксенофобия возникла как естественный протест народа против чужеземного влияния и чрезмерного засилья «немцев» в высших властных структурах общества, то в Великобритании русофобия, напротив, моделировалась искусственно и дирижировалась политической элитой, создававшей из России образ врага с единственной целью — добиться устранения экономического и политического конкурента в Европе.

ГЛАВА 10

БРИТАНЦЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ВРЕМЕН АННЫ ИОАННОВНЫ

Ковалев М.А.

Британо-российские отношения уходят корнями в XVI в., однако лишь в XVIII столетии они превращаются в заметный фактор развития обоих государств. В эпоху Просвещения, когда преодолевались культурные барьеры между различными странами, эти отношения претерпели существенную трансформацию. Если Петра I британские подданные интересовали главным образом в качестве специалистов для государственной службы, то правление Екатерины II ознаменовано началом Гранд-тура в Россию. По словам сквайра Э. Суинтона, посетившего нашу страну в 1789 г., для молодых аристократов, завершающих обучение, «Россия теперь становится частью Гранд-тура и частью не самой неинтересной или бесполезной»¹. Середина столетия поэтому представляет особый интерес как период переходный. Грандиозные планы Петра Великого по строительству города в устье Невы привлекали немало иностранцев. Однако после смерти правителя и переезда двора Петра II в 1728 г. в Москву строительство прекратилось. Возобновилось оно только через четыре года после возвращения Анны Иоанновны в Петербург².

В нашей стране русско-британские связи изучались такими историками как Н.А. Ерофеев, А.Б. Соколов, Т.Л. Лабугина. В работах Т.Л. Лабугиной, в частности, рассмотрена деятельность

¹ Цит. по: *Кросс Э.* Британцы в Петербурге. XVIII век. СПб., 2005. С. 400.

² Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 6–7.

¹ *Anderson M.S.* Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. P. 102, 105, 142.

англичан в России в XVIII столетии: Дж. Перри, Ч. Уитворта, Дж. Дена, Дж. Рондо, супругов Т. и Э. Димсдейл и др.¹ Авторы затрагивали торговые и дипломатические взаимоотношения, трудовую миграцию, а также стереотипы народов друг о друге. Ими также была сформулирована основная проблематика по данной теме. Немалый интерес представляют взгляды британцев на Россию и населявшие её народы. Во-первых, они существенно отличаются от воззрений европейцев на Московскую Русь, воспринимавшуюся как страна азиатская и варварская с тираническим образом правления. Во-вторых, нуждается в уточнении место России в формировавшемся в XVIII в. на Западе образе Восточной Европы. Ответы на поставленные вопросы может дать изучение этнических стереотипов британцев о России. По мнению ряда исследователей, стереотипы, несмотря на свою негативную природу, имеют рациональное зерно, подчёркивая наиболее характерные особенности других сообществ. Помимо того, стереотип играет важную роль в оценивании социальной группы и понимания особенностей её функционирования².

Первым британцем, посетившим Россию в качестве туриста, считается сэр Френсис Дэшвуд, изложивший свои впечатления в «Дневнике пребывания в С.-Петербурге в 1733 году»³. Поездка в Россию была его третьим путешествием. Русским языком он не владел, ранее также Россией не интересовался. Во время путешествия информацию получал из устных источников, всегда на них ссылаясь⁴.

¹ См.: *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982; *Соколов А.Б.* Навстречу друг другу. Англия и Россия в XVI–XVIII вв. Ярославль, 1992; *Лабутина Т.А.* Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013.

² *Лабутина Т.А.* Актуальные проблемы исторической имагологии: историографический обзор // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего // Сб. науч. статей научно-практической конференции с международным участием, посвященный 85-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. 2015. С. 140–141.

³ *Дэшвуд Ф.* Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году // Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 55–86.

⁴ *Беспярых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 9–10

С одной стороны, путешествие англичанина за пределы своей страны выглядит естественным. Если Северная война обострила отношения двух стран, то с воцарением Анны Иоанновны ситуация стала меняться, а в 1734 г. между двумя государствами был заключён торговый договор¹. С другой стороны, само по себе путешествие англичанина в Восточную Европу воспринималось как эксцентричный поступок. По мнению Л. Вульфа, данный регион рассматривался в Западной Европе как варварская полу периферия, малопривлекательная и небезопасная². Отправляясь в 1717 г. в Константинополь, Мэри Уортли Монтегю в высокопарных выражениях составила прощальное письмо сестре. «Для леди Мэри — пишет Вульф — посещение Восточной Европы было подобно поездке на войну...»³. Тем не менее, сэр Френсис отправился в Россию вместе с бароном Дж. Форбсом, третьим графом Гранардом, благодаря дипломатическим усилиям которого был заключен упомянутый англо-русский торговый договор. Дэшвуд отбыл из Англии 10 мая 1733 г., пересёк Северное море и 30 мая прибыл в Копенгаген, где оставался до 2 июня. В российскую столицу путешественник прибыл 10 июня, а отбыл из неё 30-го числа. На обратном пути он посетил Данциг, остров Борнхольм и вновь Копенгаген (24–29 июля), вернувшись на родину 4 августа⁴.

Дневник Дэшвуда не предназначался для публикации и распространялся главным образом среди его знакомых. Однако в силу широких связей автора среди правящего класса Великобритании, особенно при дворе принца Уэльского, его сочинение способствовало популяризации туризма в Россию. Уже в 1739 г. друг Дэшвуда Чарльз Калверт, пятый лорд Балтимор, совершил круиз в Петербург на своей яхте «Августа»⁵.

Следует отметить, что данный источник не привлекал большого внимания исследователей. Он был обнаружен в 1959 г. английской исследовательницей Б. Кемп в Бодлианской библиотеке

¹ *Лабутина Т.А.* Британцы в России в XVIII веке. Указ. соч. С. 133–134, 137.

² *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 72.

³ Там же. С. 82.

⁴ *Кемп В.* Sir Francis Dashwood's Diary of his visit to St. Petersburg In 1733 // Slavonic and East European Review, 38 (1959/1960). P. 194.

⁵ *Кросс Э.* Британцы в Петербурге. XVIII век. Указ. соч. С. 356–358.

Оксфордского университета. Из посвящённых ему работ зарубежных авторов следует также упомянуть несколько страниц в монографии Э. Кросса «Британцы в России в XVIII веке»¹. Краткий обзор источника присутствует также в статье С.А. Арутюнова². Однако исследователями оказался обойдён вопрос о назначении этого небольшого и, казалось бы, лишённого авторской позиции, произведения. На наш взгляд, исторический контекст его появления и биография автора не позволяют считать «Дневник...» только сухим изложением фактов. Решение данного вопроса поможет пролить свет на другие традиционные в изучении англо-русских отношений проблемы.

Первый британский турист в России, действительно, не был ординарной личностью. Френсис Дэшвуд родился в декабре 1708 г. в богатой и знатной семье. Его отец, первый баронет Дэшвуд, был сыном состоятельного лондонского купца и олдермена, а мать — дочерью Вера Фэйна, барона Диспенсера, четвертого графа Уэстморленда. Френсис уже в шестнадцатилетнем возрасте унаследовал отцовский титул и владения. В течение 1740–50-х гг. он несколько раз избирался в парламент от местечек Нью-Ромни и Уэймут, командовал милицией Бэкингэмшира, а в 1762 г. занял пост канцлера казначейства. В том же году он унаследовал титул барона Диспенсера. Последние годы жизни он провёл в должности главного почтмейстера (1770–1781 гг.)³. В этой довольно типичной биографии британского политика есть несколько примечательных фактов.

Во-первых, интерес Дэшвуда к путешествиям вовсе не случаен, поскольку напрямую связан с либертинизмом автора. Ему принадлежит создание в 1752 г. т.н. «Медменхемского аббатства» (другое название — «Клуб Адского пламени», Hell-Fire Club), члены которого устраивали попойки, предавались орги-

¹ *Kemp B.* Sir Francis Dashwood's Diary of his visit to St. Petersburg In 1733. Op.cit. P. 194–196; Кросс Э. Британцы в Петербурге. XVIII век. Указ. соч. С. 357–358.

² *Арутюнов С.А.* Первый британец в Российской империи? URL: <https://history.wikireading.ru/301924> (Дата обращения: 3.02.2019).

³ *Pollard A.F.* Dashwood, Francis // Dictionary of national biography. L., 1901. P. 112–115.

ям, а также отправляли «чёрные мессы»¹. Разного рода клубы в Великобритании XVIII в. не были редкостью. Известны клубы литературные («Клуб Мартина Скриблеруса»), политические (торийский клуб «Октябрь») и даже собственно клубы либертинов. Ещё в 1732 г. Дэшвуд совместно с товарищами по Гранд-туру основал джентльменский клуб — «Общество дилетантов» (Society of Dilettanti)². Современник, писатель Х. Уолпол, сын известного премьер-министра, в письме к Х. Манну охарактеризовал это общество как «клуб, для которого формальная квалификация — быть в Италии, а реальная — быть пьяным; что касается его руководителей — лорда Миддлсекса и сэра Френсиса Дэшвуда, — то они редко были трезвы на протяжении всего своего пребывания в Италии»³.

Тот же Х. Уолпол замечал, что Дэшвуд не изменил своего образа жизни и во время пребывания в Петербурге. Здесь нужно отметить, что за несколько лет до его прибытия в российскую столицу там существовал знаменитый «Пьяный монастырь», созданный по инициативе Петра I⁴. Однако эксцентричному писателю, к тому же находившемуся в сложных отношениях с баронетом, вряд ли можно верить на слово. И всё же, пребывание Дэшвуда в Копенгагене (по пути в Петербург и обратно), по мнению исследователей, было сродни его визитам во Францию и Италию⁵.

Во-вторых, активное участие Дэшвуда в политической жизни страны также заставляет с особым вниманием отнестись к его сочинению. Свою политическую карьеру он начал при дворе Фредерика, принца Уэльского. В дальнейшем, будучи уже членом парламента, он яростно нападал на режим Р. Уолпола. Позднее

¹ *Kelly J.M.* Riots, revelries and rumor: libertinism and masculine association In Enlightenment London // Journal of British studies. Vol. 45, № 4 (October 2006). P. 760–762.

² *McCormick D.* The Hell-Fire Club. The story of amorous of Knights of Wycombe. L., 1958. P. 13, 30.

³ *Kelly J.M.* Riots, revelries and rumor: libertinism and masculine association In Enlightenment London. Op. cit. P. 777.

⁴ *Кросс Э.* Британцы в Петербурге. XVIII век. Указ. соч. С. 357.

⁵ *Kemp B.* Sir Francis Dashwood's Diary of his visit to St. Petersburg In 1733. P. 196.

поддерживал лорда Бьюта¹. В 60-е годы XVIII в. Дэшвуд вступил в конфронтацию с Дж. Уилксом. Несмотря на то, что сам Уилкс некогда состоял в «Обществе дилетантов», он использовал в своей политической риторике слухи о либертинизме для дискредитации Дэшвуда и Сандвича, занимавших на тот момент высокие государственные посты². По словам историка Д. Маккормика, «Френсис представлял невероятную смесь крайнего торизма, доходящего до якобитства с изрядной долей идей радикалов... презирая католицизм и насмехаясь над папством, он, однако, имел друзей среди католиков»³. Впрочем, ещё в начале XVIII столетия существовало взаимопроникновение идей «истинных вигов» и «старых тори», взаимно признававших, что республика — это общественное благо, а не форма правления⁴.

Оба вышеизложенных наблюдения следует учитывать, анализируя текст источника. Насколько «добросовестным» (как отзывался о нём С.А. Арутюнов) был автор записок? И чем в действительности руководствовался путешественник, заполняя свой дневник массой фактографических данных?

Дэшвуд начинает свой дневник с прибытия в Кронштадт. Он даёт обстоятельное описание острова Котлин, Кронштадтской крепости, её гарнизона и русского флота. Затем переходит к Ораниенбауму, останавливаясь на усадьбе Меншикова, её расположении и устройстве. Но основную часть этого своеобразного путеводителя занимает центр Санкт-Петербурга — Адмиралтейский остров, Летний дворец, Кунсткамера, Арсенал, улицы и каналы города. Существенное место уделено и встречам автора с высокопоставленными англичанами, находящимися на российской или британской дипломатической службе. Уже в порту он знакомится с адмиралами Т. Гордоном и Т. Сандерсом, а в самой столице на-

¹ Pollard A.F. Dashwood, Francis // Dictionary of national biography. L., 1901. P. 113–114.

² Kelly J.M. Riots, revelries and rumor: libertinism and masculine association In Enlightenment London. P. 792.

³ McCormick D. The Hell-Fire Club. The story of amorous of Knights of Wycombe. L., 1958. P. 32.

⁴ Лабутина Т.А. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М., 1994. С. 210.

носит визит английскому резиденту Кл. Рондо (супруга которого также оставила воспоминания о России)¹.

Следующая часть произведения посвящена социальному и политическому строю России и нравам её народов. Прежде всего путешественник рисует картину императорского двора и служилого сословия, а также даёт характеристики государственным деятелям (Пётр I, Анна Иоанновна, Меншиков, Миних, кн. Долгорукий, кн. Лопухин, Головкин, Бирон Левенвольде Ст. и Мл.). В дальнейшем он переходит к описанию налоговой системы и акцизов, останавливается на феномене крепостничества (в Западной Европе неизвестного). Очень подробного рассмотрения удостоивается российская армия. Дэшвуд не обходит вниманием такие вопросы как её численность, штат, состояние, обмундирование. Не меньший интерес вызвали у англичанина русские обычаи и религия. Рассказ о духовенстве и храмах автор сопровождает сведениями о таких чертах русского народа как гостеприимство и пристрастие к пьянству. Русский народ, по его мнению, склонен к мятежам, а страна полна разбойников. В силу этого власть вынуждена устанавливать суровые наказания².

Помимо перечисленного, дневник содержит сведения о путешествии Дэшвуда в Петергоф и о его присутствии на похоронах герцогини Екатерины Иоанновны Мекленбургской. Завершает автор своё повествование общими сведениями о России: её территории, населении, царской семье³.

Насколько типичным можно считать подобного рода текст? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к аналогичным сочинениям современников. Годом позднее (1734 г.) в Петербург прибыла Э. Джастис, работавшая няней у английского купца. В своём «Путешествии в Россию», опубликованном в 1739 г., она схожим образом описывает Кронштадт, Петергоф, Ораниенбаум и центральный район Санкт-Петербурга, а также упоминает о своём знакомстве с Т. Гордоном и Кл. Рондо. После рассказа о дворе и императрице Элизабет переходит к общественному строю и нравам русских (пища и одежда, средства передвижения, дворцовая

¹ Дэшвуд Ф. Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году // Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. — СПб., Русско-балтийский информационный центр, 1997. С. 54–58.

² Там же. С. 58, 60–68.

³ Там же. С. 68–70.

служба). Она отмечает такие местные особенности как религиозное суеверие, пьянство, суровость наказаний; упоминает и о крепостничестве¹. Записки другой дамы, побывавшей в российской столице в 1731–1739 гг. — жены упомянутого м-ра Рондо — выдержаны в том же духе. Они были изданы в 1775 г. под заголовком «Письма леди, проживавшей несколько лет в России, своей приятельнице в Англию». Помимо описания двора и характеристик политических деятелей, леди Рондо даёт очерки местных нравов и отмечает униженное положение народа².

Нетрудно заметить, что запискам британцев о России (Петербург), посетивших страну в 1730–40-е гг., присущ ряд общих черт. Прежде всего их роднит: способ изложения, типичный набор сведений о России и её жителях, отсутствие каких-либо обобщений о стране и народе в целом. Дневник Дэшвуда, на наш взгляд, следует анализировать с учётом этих мотивов.

В произведении план как таковой отсутствует. Мысль автора перескакивает с рассказа об армии (где часть информации представлена в виде таблицы) к красочным сюжетам о русской вере, разбойниках и казнях. Без какого-либо логического перехода автор вставляет сюжет о похоронах Екатерины Иоанновны, сестры императрицы. Но нужно отметить, что «русский дневник» симметрично открывается и замыкается Кронштадтом как местом прибытия и отбытия. Сама же структура произведения соотносится с передвижением путешественника в такой последовательности: Кронштадт — центр Петербурга — пригороды (либо другие города) — Кронштадт. Различные сюжеты появляются в рассказе по мере того, как описание маршрута приближается к связанным с ними местами. К примеру, рассказ о российском флоте у Дэшвуда присутствует в начале текста, где говорится о прибытии в крепость-порт Кронштадт³. Подобная структура изложения характерна для всех упомянутых путешественников.

Примечательны также их указания на встречи с соотечественниками, среди которых встречаются одни и те же имена: Т. Гордон, Т. Сандерс, Кл. Рондо. Европеизированный Петербург был для ан-

¹ Джастис Э. Три года в Петербурге // Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 88, 90, 95, 97–99, 102.

² Лабутина Т.А. Британцы в России в XVIII веке. Указ. соч. С. 287–290, 302–303, 308–309.

³ Дэшвуд Ф. Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году. С. 54–55.

гличан «воротами» в Россию, тогда как «воротами» в Петербург была для них колония англичан, существовавшая там со времени основания города. Интересно, что пушкинская метафора северной столицы как «окна в Европу» восходит к упомянутому выше лорду Балтимору — другу Дэшвуда, совершившего поездку в Россию под влиянием последнего¹.

В произведении Дэшвуда бросается в глаза его насыщенность фактическими данными. В наибольшей степени это относится к описанию армии, флота и укреплений Кронштадта. Так автор указывает, что у входа в гавань установлено 700 пушек, а гарнизон острова составляют 4 тыс. солдат и 10 тыс. моряков. Флот состоит из 40 кораблей, из них в боевой готовности — лишь 12. Штатный состав военных моряков — 20 тыс. чел. В сюжете об армии Дэшвуд упоминает название каждого полка, его состав, отдельно рассматривает пехоту и кавалерию, не забывает также иррегулярные части, подсчитывает её общую численность (189 117 чел.)².

Казалось бы, такой интерес к вопросу явно указывает на шпионаж «первого туриста» в пользу Британии. Но информация об армии затрагивает ещё мундиры, знаки различия, способ ношения караульных плащей. Так, читатель узнаёт, что у кирасиров синие и желтовато-коричневые камзолы, у пехотинцев — зелёные мундиры с красными отворотами и белыми кокардами на шляпах³. Автор рассчитывает точное местоположение российской столицы, ширину и глубину Невы на разных участках, высоту триумфальных арок, количество фонтанов, количество пушечных выстрелов, которыми встречали Гордона и Сандерса. Делает замечания о материале, из которых построены здания и об их внутреннем убранстве; даже в указании на площадь земельных владений кн. Лопухина — «1152 версты в окружности» — он остаётся верным себе⁴.

Для сравнения заметим, что в «Путешествии...» Дж. Кука сведения о российской армии и флоте занимают целых четыре главы. Причём автор оговаривается: «Относительно военных дел, боюсь, я для удовлетворения принадлежащих к сей почётной

¹ Кросс Э. Британцы в Петербурге. XVIII век. С. 359.

² Дэшвуд Ф. Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году. С. 54–55, 62–65.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 54–55, 56, 57, 60.

профессии господ могут сказать лишь немногое»¹. То есть, интерес к российским вооружённым силам мог быть вызван и простой любознательностью. Пристрастие к цифрам и фактам вовсе ей не противоречат. Другой известный британец У. Кокс, побывавший в России в 1778–1779 гг., приводит даже точную длину кнута для наказаний².

С фактографичностью дэшвудовских записок вполне согласуется их эмоциональная отстранённость, подчёркнутая претензией на достоверность излагаемых сведений. Привычные европейцам ещё с XVI–XVII вв. образцы «русского деспотизма» и «русского варварства» иллюстрируются с поразительным спокойствием. Так, англичанин утверждает, что при строительстве Петербурга погибло из-за плохой организации снабжения около трёхсот тысяч человек. И сразу же отмечает такое неудобство, как невозможность свободно нанять карету. Без тени иронии автор передаёт историю, как Пётр I колотил тростью членов коллегий, если они опаздывали на службу к четырём часам утра. Столь же сдержан он и в оценках того факта, что глава государства (Анна Иоанновна) руководствуется в основном сплетнями, тогда как подлинное положение дел от неё скрывают: «...осведомлённость министров во внешних делах не является наилучшей, а осведомлённость монархини — и того хуже...»³. Дэшвуд деловито рассуждает о торговле крепостными, отмечает невозможность их вывоза за границу, приводит расценки купли-продажи людьми.

Ещё более специфично хладнокровие автора в описании изодранных казней и пыток, применяемых при дознании. Любопытны подобного рода сюжеты: «Наказанием для убийц является крюк с зазубриной, который втыкают между рёбрами, и разбойники так висят на виселице, пока не умрут»; «Палач действует столь умело, что ни разу не бьёт дважды по одному месту»⁴. Складывается впечатление, что для путешественника Россия — не политический и торговый партнёр Англии, участ-

¹ Кук Дж. Путешествия и странствия по Российской империи, Татарии и части Персидского царства. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/kuk/01.php (Дата обращения: 25.02.2019)

² Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. Указ. соч. С. 134.

³ Дэшвуд Ф. Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году. С. 61.

⁴ Там же. С. 67.

ник европейского «баланса сил», а глухая периферия, вроде Турции или Китая. Это подтверждается и сравнением стрельцов с янычарами. Картина «местной экзотики» дополняется пересказом истории некоего Ная, английского кораблестроителя. «...Однажды утром он, Най, — пишет Дэшвуд, — пришёл и ждал царя сразу после возвращения того из Воронежа и видел полтора десятка истекавших кровью только что отрубленных голов, которые лежали перед дверью маленького деревянного дома, где пребывал царь»¹. Если для Д. Дефо подобные сюжеты могли лишь подтвердить репутацию «короля-мясника» и «сибирского медведя»², то у Ф. Дэшвуда они не вызывают особенных эмоций.

При всей стереотипности образов России, присутствовавших у Дэшвуда, автор всегда указывает первоисточники. Но гораздо важнее то обстоятельство, что он специально оговаривает случаи, когда этого сделать не может. Он честно признаётся, что не смог выяснить вопроса о финансах. Его заключение об акцизах ещё красноречивее. «Поскольку я не имею ни малейшего понятия об этой сфере русской политики, — признавался Дэшвуд, — то вынужден данную тему оставить, пусть её обсуждают более осведомлённые люди»³.

В дневнике Дэшвуда присутствует также мотив, проявляющийся на протяжении всего его путешествия. Речь идёт о «смешении стилей», часто отмечаемых путешественниками второй половины XVIII в. Упомянутый У. Кокс негодовал: «Издали все эти шпили и купола, скрывающие окружавшие их лачуги, заставляют незнакомого с этой страной путешественника ожидать появления большого города; вместо этого он встретит лишь кучку деревянных хижин»⁴. Подобного рода замечания во множестве рассыпаны и в сочинении Дэшвуда. Оценивая боеспособность российского флота, путешественник заключает, что из 40 кораблей лишь 12 способны выйти в море. Своеобразный петербургский климат делает недолговечным строительный лес. Красивые здания, ещё относительно новые, выглядят сильно разрушившимися. А 112-пушечный корабль, находившийся на Адмиралтейской верфи, может сгнить

¹ Там же.

² Лабутина Т.А. Британцы в России в XVIII веке. С. 132.

³ Дэшвуд Ф. Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году. С. 61.

⁴ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. С. 73.

ещё до спуска на воду. Арсенал лишь отчасти заполнен пушками, а боевые галеры — это, строго говоря, полугалеры. Пехотные полки, официально состоящие из трёх батальонов, фактически содержат лишь по два таковых¹.

Англичанин не разделяет и оптимизма по поводу европеизации страны. Нагляднее всего это проявляется на примере русского православия, к которому Дэшвуд относится сдержанно-высокомерно. Религию русских он находит как нечто экзотическое: «У русских в церквах множество религиозных жестикюляций и обрядов, и у священников... очень красивые одеяния»². Дэшвуд повествует о строительстве Александро-Невского монастыря, предназначенного царём-реформатором для офицеров-инвалидов, но в дальнейшем занятого монахами. Здесь проявляется отношение к реформам в целом: «Вероятно, — признает путешественник, — что до завершения строительства этого здания смена монарха может повлечь за собой другие планы в пользу церкви и полностью уничтожить проект Петра Первого»³.

В «Дневнике...» баронета Ф. Дэшвуда заметен отстранённый характер повествования, поскольку его поездка не была связана с политическими или профессиональными целями. «...Для любознательного человека, желающего поглядеть на Петербург, — рассуждает Дэшвуд, — куда как неплохо побывать там недели три или месяц, но, удовлетворив любознательность, полагаю, понаслаждаться лучше можно было бы в более южном климате»⁴.

Сочинение еще одного «британца в России» отражает отношение к нашей стране человека из иной социальной среды и другого склада характера. Шотландский врач Джон Кук (1712–1804) — не праздный аристократ, путешествующий по стране, а довольно типичный для той эпохи иностранец на русской службе. Его двухтомное произведение «Путешествия и странствия по Российской империи, Татарии и части Персидского царства», относится ко времени пребывания автора на службе у Российского государства в 1736–1750 гг. Он оставался в Санкт-Петербурге с 1 августа 1736 г. по 8 сентября 1737 г., затем отправился по при-

¹ Дэшвуд Ф. Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733. С. 55, 57, 60, 65, 70.

² Там же. С. 67.

³ Там же. С. 66.

⁴ Там же. С. 61.

казу Медицинской канцелярии на Азовский флот, участвовавший в войне с Турцией (1735–1739 гг.). Кук посетил Москву, Воронеж, Тавров, Астрахань, сопровождал посольство М.М. Голицына в Персию. В Великобританию он возвратился 15 августа 1750 г. Через несколько лет получил степень доктора медицины и до своей смерти работал врачом в родном городе Гамильтоне. Как и Дэшвуд, Кук не был прежде знаком с литературой о России и не знал русского языка. Над сочинением он работал в 60-е гг. XVIII в. и опубликовал его за свой счёт в 1770 г¹.

Отрывок сочинения Дж. Кука представляет достаточно сведений о восприятии путешественником России. Он даёт описание Кронштадта, Адмиралтейства, Петропавловской крепости, Летнего и Зимнего дворцов, домика Петра Великого, императорского театра. Рассказывает об устройстве государственных органов и вооружённых сил, о правовом положении подданных, отмечает ряд социальных проблем. Большое внимание уделяет развитию медицины в России и работе медицинской службы. Упоминает также иллюминации и фейерверки, поражавшие европейцев своим размахом².

Своё решение отправиться в Россию Джон Кук объясняет необходимостью сменить климат для излечения от последствий лихорадки, которую он перенес в мае 1735 г. 5 июля 1736 г. он отбыл из Блэкуолла в Лондоне в Грейвсенд, а 10 числа уже достиг Эльсинора. В Кронштадт корабль прибыл 29 июля. Покидая пределы своей родины, автор с грустью отзывается о ней как о «счастливой стране свободы и здравого смысла»³. Таким образом, уже с первых страниц он утверждает социокультурное различие между Великобританией и всеми прочими странами. Говоря о России, шотландец отмечает неразвитость в стране наук и искусств, связывая, видимо, их зарождение с петровской «вестернизацией». В то же время он приписывает национальному характеру русских — «бывших прежде варварами, но теперь цивилизованных», — храбрость, кроткий нрав, рассудительность, склонность к добродетели. Указанные достоинства заметны прежде всего

¹ Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. С. 28–32.

² Binney M. Empire, Spectacle and the Patriot King: British Responses to the Eighteenth-Century Russian Empire // Practices of European Enlightenment In 18th Century Russia. P. 388.

³ Кук Дж. Путешествия и странствия по Российской империи, Татарии и части Персидского царства. С. 386.

среди солдат и офицеров. По мнению Кука, грубость нравов была смягчена реформами Петра I. Кроме того, русским свойственно учтливое отношение к приезжим. Здесь он находит возможным критиковать самих британцев, склонных порицать чужие порядки. Приведённый им рассказ о гибели брата, сражавшегося в Америке, а также командиру полка, не выделившего семье вспомоществования, призван обратить внимание читателя на недостатки соотечественников¹.

Подобно другим иностранцам в России, Кук проявляет большой интерес к русской вере. В России разрешено отправление любых культов, что связано с необходимостью оградить иностранных специалистов, привлекаемых государями на службу, от притеснений местных жителей. Набожность и большое усердие русских в молитвах Кук оценивает скептически. По его мнению, «всё это — фарс и притворство, ибо обычаи у них дурацкие, а мораль далеко не совершенна»². Здесь сложно отделить предвзятость британца по отношению к народам Восточной Европы от предвзятости учёного эпохи Просвещения в отношении религии в целом.

Автор обращает внимание на большое количество церковных праздников, почитаемых святых, множество строгих и долгих постов, богатство и красоту церквей, многообразие икон. Русские имеют множество религиозных церемоний, многие из которых автор «Путешествия...» затрудняется вспомнить. Интересно, что он приписывает русским и заупокойные молитвы для «вызволения мёртвых из чистилища» (хотя православие не признаёт чистилища). Неизгладимое впечатление произвёл на шотландца, по-видимому, праздник Крещения. Подробно описывая события и церемонии праздника, он обращает особое внимание на облачение священнослужителей. Архиепископ облачается дьяконами «в богатейшую рясу, какую я когда-либо видел», а на голову ему возлагается венец, «густо усыпанный жемчугом, алмазами, рубинами и другими драгоценными камнями», пишет Кук.³ Одевание епископов также представляется ему весьма роскошным. После окончания церковной службы на протяжении 8 дней верующие предаются пиршеству, причём из-за излишеств в еде и питье многие вынуж-

¹ Там же. С. 388, 425–426.

² Там же. С. 409.

³ Там же. С. 410.

дены прибегать к помощи доктора. Автор замечает, что подобная невоздержанность в еде и питье, особенно после длительного и строгого поста, чрезвычайно вредна для здоровья.

Немало «странностей» иностранец усматривает в жизненном укладе русских. Православие на позволяет жениться более трёх раз, хотя наличие любовницы не считается тяжким грехом. Супружеская измена порицается, но наказанием за неё является только епитимья («ежедневно и на протяжении долгого времени по многу раз падать ниц перед каким-нибудь святым»). Для женщин за измену предусмотрены более суровые наказания. Брак в этом случае расторгается. Приятное удивление шотландца вызвало обращение с незаконнорожденными детьми. Если ребёнку предстоит родиться, мужчина должен только купить своей любовнице молочную корову. В отличие от Британии, где любовников принуждают к публичному покаянию, и страх перед публичным позором заставляет их избавляться от младенца, в России детоубийство практически неизвестно¹.

С другой стороны, православной церкви вменяется в вину усиление крепостнического гнёта. По наблюдениям автора, монастырские крестьяне находятся в большей бедности и бесправии, нежели крестьяне, принадлежавшие светским господам. Последние, получив образование европейского образца, стараются смягчить давление на крестьян. В то же время духовенство, пополнявшее свои ряды из народных низов, не обладает качествами просвещённого сословия. Ослабление влияния духовенства на формирование мировоззрения дворян Кук оценивает положительно: «...лишь очень немногие [из дворян], — пишет он, — не совершили путешествий по Европе»².

Незадолго до Джона Кука Петербург посетил лорд Балтимор, оставивший метафору города на Неве как «глаза, обращённого в Европу» (сюда восходит и пушкинское «окно в Европу»). Действительно, прибывая в Петербург, британский подданный, прежде всего, сталкивался со своими соотечественниками, находящимися на русской службе³. К таковым относился адмирал Т. Гордон, которому всякий приезжающий непременно должен

¹ Там же. С. 411–413.

² Там же. С. 414.

³ Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб., Дмитрий Буланин, 2005.

был засвидетельствовать своё почтение. Это было не только актом вежливости: предварительно побеседовав с шотландским врачом, адмирал вручил ему рекомендательное письмо к президенту Медицинской канцелярии и дал ряд полезных советов. Тем не менее, с местными особенностями прибывший столкнулся уже на таможне, располагавшейся на борту 120-пушечного корабля «Императрица Анна». Они проиллюстрированы двумя сюжетами. Первый связан с купленным в Эльсиноре анкером бренди, который шотландец оставил на сохранение у помощника капитана. По возвращении от адмирала Кук увидел, что восемь-десять таможенников собираются осушить содержимое его бутылок. Высказывание таможенников по этому поводу он приводит буквально: “Boch dal” («Бог дал»). Бутылки были «спасены» благодаря помощнику капитана, заявившему, что в них находится яд. Другой случай связан с намерением одного из пассажиров пронести через таможню часы и шляпы для продажи. Он подкупил моряков, выгружавших товары, однако солдат, заметив, что те сходят на берег в шляпах, а поднимаются на борт без оных, попытался вынуть у пассажира из кармана часы. Тот ударил солдата по уху, но дерущихся быстро разняли. Чтобы избежать наказания за этот проступок, пассажир подговорил помощника капитана напоить солдата, за что последний был высечен розгами¹.

В обращении со слугами шотландец с удовлетворением отметил тот факт, что давать на чай им не принято. Хозяин слуг может расценить подобное как оскорбление, к тому же лишние деньги портят их. Перевозчикам также запрещено брать больше установленной платы, даже если такова воля нанимающего их. В целом, по отношению к иностранцам, полагает Кук, русские очень благодетельны и всегда готовы прийти на помощь в трудной ситуации. Но есть у них немало и отрицательных черт, особенно среди чиновничества. Кук приводит пример, когда пытался взять нужные бумаги в Адмиралтействе, для чего ему пришлось ходить туда ежедневно три или четыре недели, так как некий секретарь Невлебов каждый раз отвечал “Zaftra”. Для решения проблемы Куку посоветовали «отблагодарить» секретаря, несмотря на то, что взяточничество карается в стране смертью². Вообще автор отмечает до-

¹ Кук Дж. Путешествия и странствия по Российской империи, Татарии и части Персидского царства. Указ. соч. С. 387–388, 390–391.

² Там же. С. 387, 440, 441.

вольно высокий уровень преступности в России. В одном из рассказов он повествует о нападении разбойников на семью Михаила Голицына, выехавшую в деревню для летнего отдыха. Хотя имение располагалось в Подмоскowie, княжеская семья вынуждена была ехать в сопровождении многочисленной и хорошо вооружённой охраны. Другая история рассказывает о побеге служанки, прихватившей сейф своей госпожи, с молодым человеком, который выдавал себя за сибирского купца. Девушку, правда, спас от убийства своим подельником некий пьяный крестьянин.

Автор проявил интерес также к казням преступников. Разбойников, упомянутых в первой истории, предали «жестокую и позорной смертной казни». Молодого парня, подговорившего к побегу служанку, подвергли колесованию. Виновных в больших петербургских пожарах сожгли заживо на окраине Морской улицы. Отмечая жестокость казней и мучения преступников, автор всё же высказал надежду, что императрица Анна помиловала бы поджигателей, если бы находилась в то время в городе¹.

В связи со своими профессиональными интересами Кук большое внимание в «Путешествии...» уделил организации врачебного дела в России. Всеми областями медицинского дела управляет главная канцелярия. Врачом может стать только сдавший экзамен и получивший письменное свидетельство о квалификации. Лекарственные средства также находятся под контролем канцелярии. В отличие от государственных аптек, частные не должны перед ней отчитываться за расходование лекарств, но они также подчинены общим правилам канцелярии. Выдача лекарств без соответствующей лицензии наказывается битьём кнутом либо ссылкой на галеры с конфискацией имущества. Причём одна половина имущества отходит императрице, другая — доносчику. Слуга, дающий больному лекарство без назначения врача, наказывается поркой. В армии имеет место строгая субординация врачей и хирургов. Обязанности каждого ранга строго расписаны. В них входят, помимо прочего, посещение полковых госпиталей и конкретных больных, доклады о несчастных случаях, дежурство в госпитале. В полномочиях врачей наблюдается строгая субординация: например, полковник не может арестовать хирурга за провинность, поскольку тот ответствен только перед своим ведомством. Хирурги, дежурящие в госпитале, обязаны подменять друг друга

¹ Там же. С. 397–398, 436–437.

при необходимости отлучиться, причём только с согласия начальства. В случае провинности они могут быть лишены месячного жалования и даже подвергнуться телесному наказанию. Время от времени Адмиралтейство и Военное ведомство осуществляют ревизию госпиталей. Пациенты вправе жаловаться на недостойный уход. Однако в случае ложной жалобы подавший её после излечения будет высечен перед строем¹.

Неудивительно, что при такой бюрократизации управления процветали коррупция и покровительство. Кук описывает случай, как проник в анатомическую палату, вход в которую был запечатан. Иностранец не знал, что это «кусочек бечёвки с печатью... в России почитается более неприкосновенным, чем даже замок»². Чтобы разрешить возникший конфликт автор попытался обратиться с заявлением в канцелярию (поскольку, по его мнению, он имел свободный доступ во все помещения госпиталя). Однако перепугавшийся первый хирург созвал совет, а затем пригласил Кука на ужин и обязал его держать дело в секрете.

Пространный рассказ о государственном устройстве Российской империи помещён в начало произведения (глава IV), следуя сразу за описанием дворцов. Его роль, как бы предваряющая основную информацию о России и русских, по-видимому, служит ключом к пониманию местных порядков. Вначале шотландец даёт характеристику различным органам государственной власти. Все нити управления держит в руках Кабинет — высший орган под председательством императрицы. Кабинет решает все важнейшие дела, ни перед кем не отчитываясь. Подданные могут лишь обратиться с «почтительнейшим прошением» о пересмотре какого-либо дела. Но даже в этом случае прошение может быть подано лишь после предварительных переговоров с государыней о его содержании. Стремясь подчеркнуть неограниченность верховной власти, автор заявляет: «...никого не удивит, если все члены более низкого учреждения будут наказаны смертью, коль скоро даже сам Сенат от такого не избавлен». Высокий Сенат, состоящий из 24 или 36 членов, возглавляет председатель, которого назначает Кабинет. Постоянного места пребывания он, по словам Кука, не имеет, и перемещается вслед за императрицей. Военное ведомство и Адмиралтейство напрямую подчиняются Кабинету. С одной сто-

¹ Там же. С. 399–400, 404–405.

² Там же. С. 403.

роны, все предложения обсуждаются, а затем выносятся коллегиальное решение. С другой стороны, Кабинет имеет полное право их не утвердить¹.

Просветители Великобритании склонны были расценивать государственный строй России как деспотический². Однако, несмотря на, казалось бы, явные признаки последнего шотландец не осуждает подобный образ правления. Напротив, он находит в нём и ряд позитивных черт (как будет видно в дальнейшем) и рассматривает его в духе просвещенного абсолютизма. Он утверждает, что «...народ иногда подвергается ужасному гнёту, ответственность за который, однако, не может быть возложена на общий план или мудрые установления великого отца этой обширной империи, но на слабых князей и безнравственных министров, которые обычно извращают власть...»³

Поскольку, как уже было сказано, разбои в стране не являлись редкостью, полиция обладала значительными полномочиями. Полиция не только боролась с грабителями и ворами, но также задерживала празднующихся и бродяг, проверяла паспорта при переезде из одного города в другой. Кук отмечает странное для британцев явление, что бродяжничать могут люди высокого социального статуса. Он объясняет этот феномен обязательной государственной службой, от которой многие дворяне уклонялись. Причём полиция имела право наказывать людей, невзирая на их чины и звания. Паспорта же необходимы для более эффективной борьбы с преступностью. Даже в случае поимки злоумышленника губернатор несёт часть ответственности за происшествие: он может подвергнуться разжалованию или штрафу. Шотландец, конечно, не приемлет подобные порядки, но и не осуждает их, а стремится подойти взвешенно: «Я счёл бы явственным пережитком рабства необходимость иметь паспорт для путешествия из Эдинбурга в Лондон... однако в такой обширной стране, как Россия, это, думаю, весьма необходимо...»⁴

В связи с этим правовое положение всех сословий довольно зыбко. Автор признаёт, что человек может быть оклеветан перед

¹ Там же. С. 394–395.

² *Лабутина Т.А.* Британцы в России в XVIII веке. С. 132.

³ *Кук Дж.* Путешествия и странствия по Российской империи, Татарии и части Персидского царства Указ. соч. С. 425.

⁴ Там же. С. 396.

лицом верховной власти. Вместе с тем он полагает, что подобные случаи редки, справедливость не только торжествует, но пострадавший приобретает ещё и особый почёт. Простолюдинам приходящее ещё хуже. Рассказывая о такой «диковинке», как ямщики, Кук особо подчёркивает, что государственный курьер имеет право «вразумлять»: бить плетью крестьян, задерживавших поставку лошадей. Упоминается и случай, когда почтовой был повешен за то, что в ответ ударил курьера¹.

Давая краткий обзор общественного устройства империи, Джон Кук признаётся, что не находит разницы в высших и низших дворянских титулах. Дело в том, что все действительные привилегии зависят не от происхождения, а от рангов, занимаемых дворянами на государственной службе. Правда, объединяющим фактором для этого сословия выступает его власть над крепостными крестьянами. Помещики могут наказывать своих крестьян по собственному усмотрению, однако не властны над их жизнями. Тем не менее, крестьяне названы в произведение «полными рабами своих господ». Вместе с тем их жизнь не рассматривается как совершенно беспросветная. Они живут в тёплых домах и наделяются тем количеством земли, которое в состоянии обработать. Барщина составляет в основном четыре дня в неделю. Общинная система препятствует социальному расслоению крестьян. Упомянуты также возможность продажи крестьян без земли, и что зажиточные крестьяне могут выкупать себя на свободу.

У крепостных крестьян распространены ранние и неравные по возрасту браки. Автор объясняет такие особенности весьма своеобразно. Дети, по его мнению, должны быть способны поддержать родителей в старости. Что касается «молодых двадцатилетних женщин, выданных за мальчиков девяти-десяти лет», то в качестве причины называется необходимость поддержать бедного сироту до его возмужания. В целом иностранец благосклонно, хотя и не без критики, анализирует уклад жизни самого бесправного сословия в России. Скорее он считает его более уместным, нежели разумным: сами крестьяне «довольны своим рабством»².

Устройство Санкт-Петербурга и его окрестностей в целом произвело на путешественника благоприятное впечатление. Одобрительно отозвавшись об укреплениях Кронштадта, он всё

¹ Там же. С. 443–444.

² Там же. С. 422–424.

же оговаривает, что, будучи несведущим в фортификационной науке, не может предоставить всю полноту сведений по данному вопросу. Подобный объективизм имеет и обратную сторону: при оценке функционального назначения Петропавловской крепости он утверждает: «Не имею понятия, каким образом она может защитить С.-Петербург, хотя и совершенно уверен, что она способна за короткое время обратить в прах весь город». Немало лестных слов сказано об архитектуре города; Зимний дворец, где пребывала императорская фамилия, назван одним из самых красивых зданий в Европе. Отмечена и чистота центральных улиц¹.

В отношении шотландского врача на русский службе к незнакомой стране просматривается определённая двойственность. Прежде всего, Джон Кук считает Россию вполне приемлемым местом, где можно приложить свой труд и остаться не на один год. Подобную возможность он связывает, очевидно, с петровской «вестернизацией» страны, неоднократно противопоставляя старые, «варварские» обычаи русских — нравам XVIII века. В то же время, приводя ряд местных особенностей, способных неприятно удивить иностранца, он приписывает их деспотическому политическому строю. Но автор «Путешествия...» не осуждает последний, а, следуя идеям некоторых своих соотечественников, полагает его подходящим к российским условиям (например, протяжённости территории).

По мнению исследователя Л. Вульфа, европейцы эпохи Просвещения рассматривали Восточную Европу как переходное звено к Азии, где европейские порядки искажены и присутствуют в эклектичном смешении с восточными². В контексте чего, в частности, рассматривают появление «Персидских писем» Ш. Монтескьё, одноимённого произведения Дж. Литтлтона, «Писем китайского философа» О. Голдсмита³. Оба путешественника, посетившие российскую столицу — Ф. Дэшвуд и Дж. Кук, несмотря на различный социальный статус и цели поездки, получили схожее впечатление от пребывания в нашей стране. В записках

¹ Там же. С. 388, 392–393, 416–417, 420–421, 438.

² Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. Указ. соч. С. 72–73.

³ Ингер А. Голдсмит-эссеист и английская журналистика XVIII века. URL: http://www.lib.ru/INPROZ/GOLDSMIT/goldsmith.txt_with-big-pictures.html (Дата обращения: 25.02.2017).

«первого британского туриста в России», на наш взгляд, заметны составляющие образа России как не вполне европейской, «фасадной империи», ставшего популярным в XIX в. А в изображении шотландца Дж. Кука, Россия XVIII в., по-видимому, также выступает своеобразным продолжением Европы, имеющим, однако, свою глубокую периферийную специфику.

Глава 11

АНГЛИЯ ИЗ ОКНА ДОРОЖНОЙ КАРЕТЫ. КОНЦЕПТ «АНГЛИЙСКОСТИ» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ТРЕХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ (КОНЕЦ XVIII ВЕКА)

Орлов А.А.

Путевые записки русских путешественников, побывавших в XVIII–XIX вв. в Англии, сильно отличаются друг от друга в описании страны и её жителей. Иначе и быть не могло, но иногда разница настолько разительна, что ловишь себя на мысли: речь в мемуарах идёт не об одной и той же Англии, а о разных государствах. В связи с этим цель данной главы выяснить на конкретных примерах, что, собственно говоря, для русского мемуариста есть Англия, в чём он видит суть «английскости», т.е. главных отличительных особенностей поведения и менталитета англичан, почему усвоение одной и той же информации происходит по-разному и как впоследствии полученный опыт может влиять на русское общество?

Задача эта огромная и трудновыполнимая. Следовательно, необходимо сузить угол зрения, найти ту призму, через которую при желании можно увидеть широкую историческую перспективу. Намечить некоторые точки восприятия английской идентичности отдельными русскими авторами, без претензии на слишком широкие обобщения, которые часто теряют смысл в отсутствие конкретики. В научной литературе такие попытки уже предпринимались. Например, редакторы коллективной монографии «Национальная идентичность в русской культуре», написанной английскими и американскими историками, рассуждают следующим образом: «На самом деле идентичность — это нечто такое, что не поддаётся объективному описанию. Это не предмет и не объект, а сфера

культурной коммуникации, культурного дискурса. Это представление каждого о самом себе как о человеке, о своём отношении к социальной группе или группам и об отличии от других людей или групп. <...> Нет необходимости разрешать противоречия, принимать ту или иную сторону, стремиться разобраться в соперничающих мнениях о сущности подлинной... идентичности. Какой-нибудь отдельной “реальности” вне выражений идентичности в поле культуры не существует. <...> Идентичностью или идентичностями как раз и являются многообразные выражения или конструкции культуры. Их реальность или истинность нужно искать в их собственном существовании как фактов культуры, а не в том масштабе, в каком они точно отражают некий набор внешних фактов»¹.

В данной главе для анализа были избраны записки трёх русских мемуаристов из разных социальных слоёв — аристократа кн. А.Б. Куракина, дворянина В.Н. Зиновьева и разночинца (выходца из семьи священника) В.Ф. Малиновского, посетивших Англию в конце XVIII в. Кроме того, что данные авторы демонстрируют разное мироощущение, зависящее от их социального положения, воспитания и образования, этот период интересен также и сложностью политических отношений двух стран. Если в 1760–1770-х гг. Россия и Англия были «естественными союзниками»², то с начала 1780-х гг., с момента объявления императрицей Екатериной II морского «вооружённого нейтралитета», ситуация изменилась к худшему³, хотя взаимная заинтересованность в союзе и торговле (особенно в торговле) сохранялась. Важным фактором является проникновение в Россию из Франции англomanии, первоначально затронувшей

¹ Предисловие // Национальная идентичность в русской культуре / Под ред. С. Франклина и Э. Уиддис; пер. с англ. В.Л. Артёмова. М.: РОССПЭН, 2014. С. 8.

² Родзинская И.Ю. «Естественные» союзники (русско-английские отношения 60–70-х гг. XVIII в.) // Проблемы британской истории. 1972. М., 1972. С. 200–201; Кросс Э.Г. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 22.

³ Мартенс Ф.[Ф.] Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. Т. IX (X). Трактаты с Англией. 1710–1801. СПб., 1892. С. 259–310, № 395; Лабутина Т.Л. «Дитя интриги и безумия»: реакция британской дипломатии на политику вооружённого нейтралитета Екатерины II // Новая и новейшая история, 2019, № 2. С. 60–73.

аристократию и столичное образованное дворянство¹. Всё это не могло не сказаться на восприятии указанными русскими авторами английской действительности. Кроме того, не забудем: они путешествовали быстро, почти всегда второпях и это, кроме неизбежного элемента случайности, придаёт в их записках ощущение важности каждому, даже мелкому, факту. Мы можем увидеть Англию их глазами как бы из окна дорожной кареты, тем более что все трое избрали почти одинаковый маршрут². Сочетание различных факторов может помочь найти важные смысловые пересечения и понятие «английскость» (Englishness), как мне кажется, наиболее для этого подходит. Недаром английский историк Э.Г. Кросс, говоря о мемуарах Куракина, Зиновьева, Малиновского и других русских путешественников конца XVIII в., отметил: «Подобные источники позволяют составить более широкое представление о том, как русские воспринимали различные стороны общественной жизни Англии, её институты и достижения»³.

Первый автор — кн. Александр Борисович Куракин (1752–1818) — видный государственный деятель и дипломат. Друг детства наследника престола — цесаревича Павла Петровича. После вступления Павла I на трон, Куракин в 1796 г. был назначен вице-канцлером, до сентября 1802 г. возглавлял Государственную Коллегию иностранных дел (ГКИД). При Александре I в 1806 г. отправлен послом в Вену. Участвовал в подписании Тильзитского мира 1807 г. В 1808–1812 гг., будучи послом во Франции, выдержал нелёгкое дипломатическое противостояние с Наполеоном, готовящимся к войне с Россией⁴. После отъезда из Парижа в июле 1812 г. князь удалился на покой и в 1815 г. опубликовал свои воспомина-

¹ Предтеченский А.В. Англomanия // Анатолий Васильевич Предтеченский. Из творческого наследия / Сост. Т.Н. Жуковская, Л.М. Предтеченская. СПб., 1999. С. 40–101; Кросс Э.Г. Указ. соч. С. 256–257; Литвинов С.В. Англomanия в России как социокультурное явление (последняя треть XVIII — середина XIX вв.). Дис. ... канд. культуролог. наук. М., 1998.

² Кросс Э.Г. Указ. соч. С. 271.

³ Там же. С. 270.

⁴ Новые данные, в т.ч. из французских архивов, показывающие, что роль Куракина в этот период была не такой пассивной, как об этом говорилось ранее, приведены в статье: Земцов В.Н. Князь А.Б. Куракин и русская разведка в Париже в 1812 году // Новая и новейшая история, 2018, № 5. С. 23–37.

ния (на французском языке) о путешествии в Голландию и Англию в 1770–1772 гг.¹, когда ему было 18–20 лет.

Характеризуя эти воспоминания, историк Н.Д. Чечулин в начале XX в. писал: «Произведения кн. Куракина содержат не столько фактическую историю поездки, сколько описание достопримечательностей тех местностей, какие были посещаемы, а особенно — исторические воспоминания, с ними связанные, и заметки о современном положении посещаемых государств, заметки такого рода, что, несомненно, они извлечены из каких-либо других трудов, а не составляют результат самостоятельных непосредственных наблюдений автора... впрочем, именно так писались в XVIII в. и многие другие описания путешествий...»². Почти через сто лет филолог Н.Д. Блудилина оценила мемуары Куракина совершенно по-другому. «Умный, образованный и тонко наблюдательный, кн. Куракин даёт столь полную и обстоятельную картину жизни Западной Европы, что далеко оставляет за собой все предшествующие описания подобного рода. Его интересовала европейская жизнь во всех её проявлениях, и потому ко всем впечатлениям он отнёсся вдумчиво и серьёзно. Сведения, сообщаемые им о своих занятиях и образе жизни, весьма важны и глубоки. Несмотря на молодость, он уже точно оценивал и сравнивал обстоятельства жизни разных стран»³.

Меня в данном случае не интересует, был ли Куракин оригинальным автором, или воспроизводил в своих текстах мудрые

¹ Souvenirs d'un voyage en Hollande et en Angleterre, par Prince A.K. à sa sortie de l'université de Leyde durant les années 1770, 1771 et 1772. Saint-Petersbourg, 1815. Эти воспоминания, изданные очень ограниченным тиражом, не окончены. Дополнением к ним служат 10 обширных писем Куракина к цесаревичу Павлу Петровичу. — Ч[ечулин] Н.[Д.] Куракин, князь Александр Борисович // Русский биографический словарь (далее — РБС). Т. [IX]. Кнаппе — Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 561. Полностью воспоминания были изданы (тоже на французском языке) в «Архиве князя Ф.А. Куракина» (Кн. 5. Саратов, 1894. С. 331–425, № 938; кн. 6. Саратов, 1896. С. 205–239, № 1006). В данной главе записки цитируются по их первой публикации на русском языке. — Куракин А.Б. Воспоминания о путешествии в Голландию и Англию (1770–1772) / Пер. Л.В. Гладковой // Россия и Запад: горизонты взаимопонимания. Литературные источники последней трети XVIII века. Вып. 3 / Отв. ред. Н.Д. Блудилина. М., 2008. С. 225–292 (далее — Россия и Запад).

² Ч[ечулин] Н.[Д.] Указ. соч. С. 561.

³ Блудилина Н.Д. Западное учение и русские ученики // Россия и Запад. С. 198.

мысли предшественников. Я обращаю внимание, прежде всего, на его понимание «английскости», тем более, что, как отмечает Блудилина, «...он преклонялся перед Англией, и степень его преклонения перед английским образом жизни доходила до того, что, по его словам, если б можно было выбрать новое отечество, он не колеблясь, выбрал бы Англию»¹.

Действительно, весь текст путевых записок, посвящённых пребыванию Куракина в Англии (с 29 октября [н.ст.] 1771 г. по 24 февраля [н.ст.] 1772 г.), представляет собой один сплошной панегирик этой стране. Здесь Куракин часто доходит почти до абсурда. Негатив он немедленно превращает в позитив. В день переезда из Кале в Дувр князь 11 часов ужасно страдал от морской болезни, но при первой же встрече с хорошенькой англичанкой (мисс Джон, мать которой занималась покупкой кружев для королевы Шарлотты) он забывает всё на свете и восторгается её красотой, непринуждённостью поведения и живостью характера. «Я был на краю бездны и, чтобы окончательно влюбиться, мне стоило только заговорить с ней. Но к моей досаде или к счастью, она не понимала никакого другого языка, кроме английского. Это непреодолимое препятствие тут же погасило готовый было вспыхнуть пламень»². Итак, Англия встретила русского путешественника двумя взаимоисключающими впечатлениями: тяжёлой морской болезнью и неземной красотой юной англичанки. Он готов немедленно забыть о первой и всем сердцем полюбить последнюю («мне казалось, что я на Цитере»), но между ними встал языковой барьер. Разве он был так уж непреодолим? Скорее, здесь сыграло роль то, что князь убедился в неприступности мисс Джон и выбрал для отступления удобный предлог. Для читателя это должно было прозвучать убедительно, поскольку одновременно ему предлагалась одна из важных черт «английскости» — языковая, а, значит, и ментальная индивидуальность англичан³.

¹ Там же. С. 198–199.

² Там же. С. 256.

³ Кросс отмечает единодушное преклонение русских путешественников «...перед красотой англичанок, которые составляли такой контраст с жительницами континента свежестью и белизной лиц, природным изяществом и к тому же поведением и в обществе, и в семье, умом и желанием обсуждать книги и политику, и не в последней степени — верностью родному языку». — Кросс Э.Г. Указ. соч. С. 275.

Следующее сильное впечатление — великолепная столица Британии. Общим местом для всех путевых записок, не только русских, является описание городского смога, закоптившего всё вокруг и отравляющего жителей¹. Куракин, прибывший в столицу 30 октября 1771 г., тоже обращает на него внимание. «Составить представление о численности населения Лондона можно уже по его пригородам. Дым от сжигаемого угля образует густые тучи, неизменно висящие над городом. Их видно ещё издалека, и они сильно портят красоту впечатлений»². Но сказал и сказал. Рефлексии сюжет не подвергся, поскольку зловонный смог ни в коей мере не испортил автору удовольствия от Лондона. Город, в его описании, прекрасен и восхитителен днём, а ночью великолепно освещён для удобства жителей, вызывая восторг у иностранных гостей. Для усиления впечатления Куракин пересказывает анекдот о принце Монако, который, посетив Лондон с официальным визитом, принял обычное ночное освещение за торжественную иллюминацию в честь его приезда³.

При описании Лондона подобные коннотации повторяются несколько раз. Куракин удивлён, что в таком богатом городе нет ни одной гостиницы, где путешественник мог бы остановиться на необходимое время. Жить можно только в меблированных комнатах у частных лиц. Со столом устраивайся, как хочешь. Но не беда. «Здесь великое множество таверн, где можно поесть и развлечься»⁴. Для получения подходящего жилья следует заранее написать какому-нибудь другу или комиссионеру, как они (Куракин и его

Куракин впоследствии ещё раз вернулся к описанию красоты, живоности темперамента, притягательности характера, весёлой беседы и большой склонности к удовольствиям англичанок. И опять закончил это описание указанием на их склонность говорить только на родном языке. «Немногие из них говорят по-французски и, даже если понимают, то стараются говорить на языке своей страны. Совет тем, кто отправляется в Англию, в первую очередь выучить английский язык: я на своём опыте испытал, как неприятно не иметь возможности говорить без переводчика, потому что беседа замедляется и теряется нить разговора». — Россия и Запад. С. 263.

¹ Орлов А.А. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). Очерки. М., 2008. С. 63–64, 259–261, прим. 162–164.

² Россия и Запад. С. 257.

³ Там же. С. 257–258.

⁴ Там же. С. 258.

спутники — гр. Н.П. Шереметев, кн. Г.П. Гагарин и наставник первого К.-Г. Салдерн¹ и сделали. Полученным жильём они «...остались... очень довольны: у каждого была комната и спальня и, кроме того, большая гостиная, где мы обедали. Наши слуги занимали три комнаты и спали по двое. Наш дом имел приятное местоположение близ Сен[т]-Джеймса (королевского дворца. — А.О.) и театра (Ковент-гарден. — А.О.)»².

После обустройства с жильём путешественники собирались осмотреть Лондон. Но, по словам Куракина, «когда мы прибыли в Лондон, там путешественнику совершенно нечего было делать: двор находился в Ричмонде, а высший свет в имениях, где он остаётся обыкновенно до 18 января, дня рождения королевы. Тогда она возвращается в город, и начинаются развлечения»³. Показательно, что для Куракина «осмотреть город» — значит посетить королевский двор и дома представителей высшей аристократии⁴. Если визиты нанести невозможно, приходится, ужаснувшись непомерной ценой за наёмную карету (14 гиней в месяц), восхищаться большим количеством красивых фиакров, которые «...длинными рядами выстраиваются на главных улицах» и описывать единственный визит (в сопровождении русского посланника А.С. Мусина-Пушкина и банкиров Томаса Уолпола и Роберта Элисона, ссужавших русских путешественников деньгами) в дом крайне неприветливого (холодного и резкого в обращении) португальского посланника г-на Мелло. Впрочем, добавляет Куракин, «...при близком знакомстве он много выигрывает, когда видишь его тонкий ум и глубокие по-

¹ Кросс Э.Г. Указ. соч. С. 271.

² Россия и Запад. С. 258.

³ Там же.

⁴ «Все дома в Лондоне походят друг на друга формой и конструкцией. Здесь немного зданий, которые могли бы восхитить красотой своей архитектуры. Поскольку земельные участки очень дороги, дома нешироки, но они берут своё в высоту: почти все они в три-четыре этажа, но самое большое в четыре окна по фасаду. В Лондоне не знают комнат, соединённых между собой анфиладами. Помещения, в основном, низкие. Двери всего лишь одностворчатые, у богатых людей из красного дерева, что делает окончательно унылыми помещения, чаще всего оклеенные обоями. Здесь почти не встретишь позолоты и шёлковой обивки, поскольку дым от угля очень быстро делает их чёрными. Вместо паркетов англичане украшают полы довольно милыми коврами из Шотландии. Французские зеркала под запретом. Вместо них [используют] ужасные маленькие местные зеркальца». — Там же. С. 291.

знания. Кроме того, он обладает бесценным качеством узнавать всё возможное о стране, где он находится»¹.

Поняв, что больше ничего, точнее говоря, никого, интересного ему увидеть в Лондоне не удастся², Куракин и его спутники до наступления зимы решили совершить путешествие по провинциям. Оно началось с Эпсому, где русские увидели новое для них зрелище — лошадиные бега. Тем не менее, английской диковинке посвящены всего две строчки, а далее автор с восторгом и подробно описывает свою встречу в Ричмонде со своим другом принцем Эрнстом (Эрнестом) Мекленбург-Стрелицким, братом королевы Шарлотты. Далее путь русских пролегал через Кембридж, Лидс, Манчестер, Кастелтон, Дерби, Бирмингем, Бристоль, Бат, Портсмут, Оксфорд и Виндзор и большое число других «прекрасных населённых пунктов»³.

Прибыв в Кембридж, Куракин был поражён отличием местного университета от хорошо знакомых ему университетов Северной Европы (он учился в Киле и Лейдене). Кембридж неприятно его поразило. «Этот университет стоит не на уровне германских университетов. Он совершенно отличается от них своим устройством», являясь искусственным соединением нескольких совершенно самостоятельных колледжей, в каждом из которых «...преподают только те [науки], что названы устроителями». Вот эти-то «устроители» и спасают положение⁴. Внимание русского автора, а с ним вместе и читателя, немедленно после получения негативного впечатления переключается на позитивную оценку выдающейся роли

¹ Там же. С. 258.

² Куракин пишет о том, что, согласно указаниям из Петербурга, он и его друзья должны были путешествовать инкогнито (сам Куракин под фамилией «мсье Борисов»). «...Но г-да Мусин-Пушкин и Мелло дали понять г-ну Сальдерну [так!], что это смешно в стране, где титулы ничего не значат. Было решено, что мы выезжаем в большой свет под собственными именами». — Там же. С. 259. Как можно понять из контекста, в Англии «ничего не значили» титулы иностранной аристократии.

³ Там же. С. 260.

⁴ Описывая госпиталь для умалишённых в Бедламе («нас восхитили царящие там чистота и порядок») и госпиталь Св. Магдалины, предназначенный для перевоспитания проституток («...что поистине душеспасительно»), Куракин отметил: «Самое замечательное в этих заведениях то, что все они основаны на средства благотворителей, не жалеющих ничего, когда речь идёт об общественном благе». — Там же. С. 289–290.

меценатов — королей и представителей высшей знати, умевших ценить и использовать таких гениев, как Исаак Ньютон¹. То же самое повторилось при описании Оксфордского университета².

От меценатов автор перешёл к описанию замка Бёрли Хаус (построен в 1585 г.), владению семейства графов Эксетер (в тексте мемуаров — Экстер). Кратко описав историю рода Сесилей — создателей замка, сумевших при всех невзгодах сохранить доверие Елизаветы I и ещё до смерти королевы заслужить расположение её главного врага — будущего короля Якова I (история предательства вызывает у автора философскую сентенцию: «Редко случается, что министры покойного монарха умеют сохранить свой авторитет при его преемнике. <...> Во многом причиною тому была благодарность»³), Куракин, которому старинный дворец не понравился, осторожно подыскивает слова для того, чтобы не слишком явно проявить своё разочарование. «Изящный стиль» XVIII в. и тут приходит на помощь, подсказывая «аристократический» литературный штамп — «благородная простота». «Он (замок. — А.О.) обширен и, несмотря на то, что вполне соответствует архитектуре своего времени, однако, радует взор благородством своих пропорций. Апартаменты украшены картинами, в основном, фамильными портретами. Часовня отличается своей благородной простотой»⁴.

Далее записки Куракина наполнены описанием аристократических замков («все эти владения великолепны») и счастливой жизни их обладателей («приятно знать, что английские сеньоры тратят свои богатства на свои имения»), если только государственные обязанности не призывают их в столицу. Для автора — это лучший пример счастливой жизни, и не зря многочисленные ино-

¹ Там же. С. 260–261. «...Ньютон, величайший философ, замечательный математик, который широтой своего гения расширил пределы человеческого разума», — писал Куракин. Но, кроме Ньютона, он не назвал больше никого из выдающихся учёных, работавших в Кембридже. Зато посчитал необходимым упомянуть о могиле «...маркиза Бленфорда, сына знаменитого герцога Мальборо, который умер в Кембридже во время своего ученья» (с. 261).

² Там же. С. 279. При описании Оксфорда (он «...в значительной степени утратил свою былую славу») Куракин особенно отметил, что самый известный из всех колледжей университета — это Колледж Тела Христова (Корпус Кристи) и «...в нём более всего обучается студентов из благородных семей». — Там же.

³ Там же. С. 261–262.

⁴ Там же. С. 262.

странные гости посещают замки, по его выражению, «...толпами, движимые двойной причиной — желая удовлетворить своё любопытство и познакомиться с нравами и обычаями страны, о которых книги дают весьма не полное впечатление и которые можно познать, только побывав на месте»¹. Ничто не может испортить ему впечатления от созерцания этого рая на земле. В замке Тэрсби (владении герцога Кингстон), куда путешественники прибыли в воскресенье, им пришлось прождать два часа у закрытых ворот, поскольку хозяева были в церкви, а слуги не решались впустить гостей без разрешения. «Во время осмотра дома, как только мы входили в комнату, герцог и герцогиня немедленно удалялись в другую, добровольно стесняя себя из боязни стеснить незнакомых людей». Это явное нежелание общаться Куракин интерпретирует положительно. «Я убеждён, — говорит он, — что ни в одной стране невозможно встретить подобную вежливость. И после этого говорят, что англичане грубияны и гордецы!»²

Полученные впечатления заставляют автора сделать важное обобщение (выработать стереотип) и высказаться по поводу национального характера всех англичан. «Я на своём опыте убедился, — писал он, — что англичане выше своей репутации. Эти чистосердечие и человечность, составляющие основу характера англичан, относятся не только к высшему свету,

¹ Там же. Описывая разбитые возле замков английские нерегулярные сады, сменившие французские регулярные парки, Куракин делает оригинальный вывод о том, что «англичане любят отличаться от других народов, они подражают другим только в том случае, если без этого никак нельзя обойтись» (с. 269). Искренне пытаюсь понять, зачем английские лорды заводят у себя в имениях такие неудобные и стоящие большого труда и больших денег парки, автор находит только одно объяснение: «...нужно быть такими богатыми, как англичане, чтобы позволить себе это. Можно себе представить, вот что обойдётся насыпка холмов и горок там, где была равнина» (с. 270).

² Там же. С. 264–265. Разительным контрастом с этим «любезным приёмом» гостей в замке Тэрсби является описание гостеприимства, которое по отношению к русским путешественникам проявил манчестерский фабрикант Эдмунд Редклифф (хозяин фабрики, производящей бархат и хлопчатобумажные ткани). Он пять часов водил гостей по городу, не обращая внимания на дождь и дурную погоду, видимо, надеясь приобрести в лице этих русских «принцев» состоятельных покупателей своих товаров. Но заслужил только следующую характеристику: «Несмотря на всю свою любезность, это невероятно скучный человек. <...> Как ни восхищались мы английской промышленностью, но всё же не могли не желать освободиться от присутствия этого несносного типа» (с. 272).

где воспитание сильно влияет на характер, их можно встретить среди любых сословий общества. Англичанин вовсе не так груб, как принято считать, и если удастся завоевать его уважение, то в нём можно обрести незаменимого друга. Враг всякой аффектации, он не способен действовать вопреки своим мыслям. Всё в нём дышит естественностью и чистосердечием». Казалось бы, приведённая цитата противоречит утверждению о том, что для Куракина только аристократия является достойным объектом подражания. Но заканчивает рассуждение о национальном характере англичан он совершенно по-другому. «...Эти прекрасные качества часто омрачаются большими недостатками. Страсти его (англичанина. — А.О.) неистовы, и он редко может обуздать их рассудком. Отсюда печальные последствия, примеры которых довольно часто встречаются»¹. Впоследствии автор ещё раз вернулся к этой идее. После осмотра замка Уорсоп-Мэнор — владения герцога Норфолка² — он помещает в дневник довольно подробное описание кровавой истории Англии XVI–XVII вв. и резюмирует: «Англичане рождены для республиканского строя: им нужна посредническая сила, которая смогла бы согласовать волю народа с интересами и славой страны, и которая могла придать делам надлежащий вес, чтобы держать непокорное многообразие в законных границах. Как ни сложна машина, но тот, кто её придумал, знает все её механизмы и всегда может помешать ей сломаться»³. Продолжим мысль автора и зададимся несложным вопросом: кто лучше может это сделать, как не аристократия, стоящая между королём и народом, но не зависящая ни от того, ни от другого?⁴

¹ Там же. С. 262–263.

² «Многие герцоги из этого семейства погибли на эшафоте. Общее мнение на континенте считает эти факты безусловно позорными, но в Англии придерживаются противоположного мнения. Чем больше предков погибло от руки палача, тем легче доказывается древность благородного происхождения, потому что головы отрубали только лицам благородного сословия». — Там же. С. 265. К этой же мысли (он повторил её дважды) автор вернулся при описании наказаний для преступников, выносимых судом присяжных (жюри). — Там же. С. 289.

³ Там же. С. 267.

⁴ Для Куракина быть аристократом — это уже само по себе большой труд и большая ответственность. Английский «сеньор почитает своим священным долгом содействовать благу отечества», — писал он (с. 270). В благоустро-

Отметим, что для Куракина, бурно восхищавшегося Англией и её жителями, «английскость» целиком и полностью заключалась в условиях существования английской аристократии, её способности жить абсолютно свободно (как это виделось извне), устроив свой мирок по собственному разумению и дав другим народам, прежде всего, конечно, иностранной аристократии, образец такого комфорта.

Для Василия Николаевича Зиновьева (1755–1827), получившего образование в Лейпцигском университете (учился вместе с А.Н. Радищевым, Ф.В. Ушаковым, А.М. Кутузовым, П.И. Челищевым, О.П. Козодавлевым) и впоследствии прославившегося как на литературном, так и на гражданском поприще¹, Англия — пример совокупности самых невообразимых противоречий, которые правители страны, однако, умеют примирять. Он впервые побывал там во время путешествия по Европе в 1775–1778 г., а во второй раз посетил Англию и Шотландию через десять лет, в 1786–1788 г.², Но прежде этого, ещё находясь в Берлине и на-

енном трудами аристократии государстве негоциант под защитой мудрых и справедливых законов развивает торговлю и промышленность, а крестьянин кормит всех остальных, «...создавая изобилие в королевстве». Аристократия также уравнивает власть короля и полномочия членов парламента, опасаящихся друг друга. Она строго следит за отправлением правосудия и применением на практике запутанной системы английского права, которое, на взгляд иностранца, «...являет собой настоящий лабиринт». Такое государственное устройство способно обеспечивать народу общее процветание («общий интерес является счастливым сочетанием интересов частных») и, с помощью применения моральных и материальных стимулов, побуждать его на совершение великих дел. «Честный патриотизм и порою соблазн большой выгоды ведут их (англичан. — А.О.) ко многим предприятиям, совершенством коих можно только восхищаться», — резюмирует Куракин (с. 270–271).

¹ О нём подробнее см.: Г[ельвих] А. Зиновьев, Василий Николаевич // РБС. Т. VII. Жабокритский — Зяловский. СПб., 1897. С. 397–399.

² Описание вояжа по Англии и Шотландии см.: Журнал путешествия В.Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 гг. Письма В.Н. Зиновьева к гр. С.Р. Воронцову из Англии (далее — Журнал... Зиновьева) // Сайт «Восточная литература». URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XVIII/1780-1800/Zinovjev/text2.phtml?id=5942> (дата обращения: 28.10.2018). Дореволюционный издатель записок Зиновьева Н.П. Барышников (Русская старина, 1878. Т. XXIII, № 9–12. С. 207–240, 399–440, 593–630) отмечал: «...взгляд автора и, вообще, его кругозор, хотя и устаревшие уже в наше время, имеют, однако же, по нашему разумению, полное право на занятие места в исторической переписке XVIII века, во-первых, как взгляды товарища по

блюдая царствующую в Пруссии, как и во всей остальной Европе, галломанию (увлечение всем французским)¹, Зиновьев отметил наличие иммунитета против «французской болезни» только у русских и англичан. Упомянув о близком знакомстве с английским посланником Шевалье² и его секретарём Эдуардом («...так я с ними подружился, что как будто года два вместе были...»)³, он писал: «...только наш народ... действительно приятное обхождение с чистосердечием соединить умеет, что я также в упомянутом английском посланнике и его секретаре нашёл»⁴.

В сознании Зиновьева концепт «английскости» — это разумная способность англичан сохранять национальное лицо при всех обстоятельствах, невзирая на сильное влияние иностранной моды. Сопротивляться иноземным моделям поведения им помогают великие государственные люди, сделавшие Британию самым сильным государством Европы. Они не были по рождению аристокра-

воспитанию Радищева и передового человека своего времени и, во-вторых, как письма, адресованные к такой выдающейся личности, каковою был граф С.Р. Воронцов». — Журнал... Зиновьева.

¹ «Франция, как флигельман, начинает, а мы, то есть европейские народы вообще, как рядовые, всё слепо и с крайним подобострастием перенимаем». — Зиновьев В.Н. Журнал путешествия по Германии, Италии, Франции и Англии (1784–1785) // Россия и Запад. С. 337. Запись от 23 февраля 1784 г.

² Так Зиновьев назвал сэра (видимо, поэтому в тексте остался дворянский титул «Шевалье») Джона Дальримпла (Dalrymple), принявшего после смерти отца (1789 г.) титул лорда Стера (Staire). — Журнал... Зиновьева // Русская старина, 1878. Т. XXIII, № 9. С. 211. Прим. 1. *Примечание кн. А.Б. Л[обанова]-Р[остовского]*.

³ Там же. С. 336.

⁴ Там же. С. 337. В стихотворениях (1772 г.) придворного стихотворца Екатерины II В.П. Петрова (1736–1799), посвящённых его воспитаннику Галактиону Силову (молочному брату цесаревича Павла Петровича), которого он опекал во время обучения в Англии, находим то же противопоставление галломании и англomanии с позитивным восприятием последней. «Да росску грудь умов британских луч зарит»; «Коль многих тяготит дебелых мыслей груз, // Что дядька их ханжа иль подлый был француз!». — Петров В.П. Выбор Максима Амелина. Оды. Письма в стихах. Разные стихотворения / Вступ. ст. М. Амелина. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2016. С. 255, 259 (Серия: Поэты Москвы). Одно из своих стихотворений («На смерть собачки») Петров посвятил любимой левретке императрицы «Сэру» Томасу (Тому) Андерсону, умершему в 1784 г., но оставившему после себя многочисленное потомство. Начиналось оно так: «Под камнем сим лежит британский уроженец, // Отвагой исполин, невинностью младенец...» (с. 314).

тами, но за подвиги родина возвела их на высшие ступени почитания. Осмотрев античные памятники Неаполя и его окрестностей, Зиновьев записал в дневнике 13 февраля 1785 г.: «...я уж ничуть не слепой обожатель древности, и желал бы, чтобы и другие почаше о великих людях своего времени помнили, которых деяния нам понятнее и менее сомнению подвержены, нежели древние; да, сверх того, по перемене обычаев, правил и с нашими чувствами сходных деяний, например, Питтов, отца и сына¹... — деяния оных несравненно более трогательны, нежели многих прославленных древних людей, и, мне кажется, никак с отцом Питтовым сравниться не могут, а о сём почтенном человеке, который на наших глазах жил, никто ещё писать не вздумал»².

По словам Кросса, Зиновьев, полгода проживший в Лондоне³, совершил «...одно из самых длинных путешествий по Британии. <...> ...Он двинулся по пути Куракина, но в обратном направлении: Дерби — Мэтлок — Лидс. Оттуда он устремился к северу, на три дня задержался в Йорке, а через два дня перебрался в Шотландию и достиг Эдинбурга. Проведя неделю в шотландской столице, где он наслаждался обществом Робертсона⁴, Адама Смита и лорда Монбоддо⁵, Зиновьев уехал в Глазго, потом спустился вниз по западному берегу в Манчестер и Ливерпуль, а оттуда через

¹ Уильям Питт Старший, 1-й граф Чатам (1708–1778) — премьер-министр Англии в 1766–1768 гг. Его сын — Уильям (Вильям) Питт Младший (1759–1806) — премьер-министр в 1783–1801, 1805–1806 гг.

² Россия и Запад. С. 359. Увидев в одном из богатых домов (в Hagwood'e) бюсты римских императоров Каракаллы и Комода, а напротив них — бюсты Гомера и Фаустина, Зиновьев не удержался от крепких выражений по поводу первых двух тиранов. «...Не лучше ли было бы, вместо двух сих possédés (франц.: одержимых, сумасбродов. — А.О.), поставить лорда Чатама и достойного его сына В. Питта, а вместо Гомера и Фаустина — Мильтона и королевы Елизаветы. Я намерен хозяину сего богатого дома оное при первом удобном случае присоветовать, чрез его знакомых». — Журнал... Зиновьева. Письмо от 18/29 июля 1786 г.

³ Барышников писал о том, что Зиновьев провёл в Лондоне семь месяцев. — Журнал... Зиновьева.

⁴ Уильям Робертсон (1721–1793) — знаменитый шотландский историк, ректор Эдинбургского университета, с 1764 г. — королевский историограф Шотландии. Почётный член Петербургской Академии наук с 30 января 1783 г.

⁵ Джеймс Бернетт лорд Монбоддо (1714–1799) — шотландский судья, лингвист и философ-деист.

Шрусбери, Херифорд и Бристоль двинулся в Бат»¹. «Обратное направление», по сравнению с идеями Куракина, можно наблюдать и в осмыслении Зиновьевым впечатлений, полученных от созерцания разных сторон английской жизни.

Ему, например, очень понравился Оксфордский университет, точнее говоря, существующая там, говоря современным языком, система квалификации высших научных кадров. «Здесь, к крайнему моему удовольствию удалось мне слышать экзамен или пробу одного кандидата, просящего чина доктора музыки², в присутствии вице-президента и части оксфордской публики. Испытание это состоялось в концерте, на котором все разного рода сочинения сей особы играли; между прочим, была одна ария с маленьким барабаном. Зала наполнена портретами г[оспо]д докторов оногo искусства; над органом висит портрет Генделя³». А вот Виндзорский замок ему совсем не понравился («примечания не достоин»). Рассматривая находящиеся там картины, он увидел одну с изображением встречи английского короля Генриха VIII и французского короля Франциска I, отметив: «...первого портрет и физиономию не более приятно видеть, как о тиранствах его слышать»⁴. Куракин же никогда не позволял себе обвинить в деспотизме никого из английских монархов, даже самых для этого подходящих. Генрих VIII для него — выдающийся правитель «с суровым взглядом», реформатор и меценат, сразу узнаваемый среди всех прочих королей⁵.

Зиновьев, естественно, обратил внимание на богатство английских мануфактуристов, приведя в пример крупного шеф-

¹ Кросс Э.Г. Указ. соч. С. 271.

² Здесь следует учитывать, что со времён средневековья музыка входила в состав семи «свободных искусств», делившихся на trivium (грамматика, риторика, логика) и quadrivium (арифметика, геометрия, астрономия, музыка). Характерно, что музыка относилась именно к сфере математических знаний. Тем самым, она признавалась одной из математических дисциплин и, как таковая, понималась, прежде всего, как наука о числе.

³ Г.Ф. Гендель (1685–1759) — знаменитый немецкий и английский композитор эпохи барокко, автор опер, ораторий и концертов.

⁴ Журнал... Зиновьева. Письмо от 13 июля 1786 г.

⁵ Россия и Запад. С. 286. Куракин также не мог не отметить, что в Виндзорском замке «...всё обветшало и построено в старом вкусе», но всё же восхитился прелестным видом окрестностей и едва ли не с чувством благоговения упомянул знаменитую «залу святого Георгия», в которой «...проводятся пиры рыцарей ордена Подвязки в годовщину его основания». — Там же.

филдского фабриканта Тюдора (Tudor), который начал свою деятельность, имея всего 500 ф.ст., а впоследствии увеличил капитал до 200 тыс. ф.ст. Далее следовал вполне логичный вывод о том, что, кроме Англии, «...нет земли, где бы с дарованием можно бы было так скоро приобрести столько денег, как здесь...», но скептический автор на этом не остановился и добавил: «...по препорции сие [возможно] во всякой земле, — стоит только употребить свой разум на то»¹. Рационалист Зиновьев не считает, что англичане — самый разумный народ на свете (он приводит примеры странных и даже диких на взгляд стороннего наблюдателя британских обычаев)², но видит, что на их родине созданы самые благоприятные возможности для разумного подхода к развитию полезных сфер жизни государства и общества.

Правда, иногда рационализм англичан кажется ему слишком скучным, порой мелочным и абсурдным, а порой даже и смешным. («Я англичан весьма почитаю за то, что они свой разум, главное качество души, хорошо употребляют, но малая нежность их сердца мне не нравится»)³. В этом случае он добродушно подшучивает над ними, понимая, однако, что со своим уставом в чужой монастырь не лезут. Осмотрев угольные разработки в окрестностях Лидса («...сии угля — одна из главных причин богатства здешней земли...»), он увидел, что выработка делается вглубь почвы, не затрагивая плодородного верхнего слоя, по-прежнему используемого в сельском хозяйстве для выращивания хлеба. По договору с хозяином земли, шахта может быть доведена только до границ его участка. «Я для шутки спросил: «назначена ли глубина?» — на

¹ Журнал... Зиновьева. Письмо от 15/26 июля 1786 г.

² Находясь в Лидсе, он писал Воронцову: «Здесь, так же почти, как у всех вод, съезжаются разные люди и весьма часто между ними находятся что называется “авантюристы”. <...> Видел здесь два английские обычая, — один, что любовники храбрость, силу и верность любовницам своим испытанием вина оказывают, а другой, что, если в собрании, за столом, захотят некоторые из компании пить вина более обыкновенного, тогда те, которые сего не хотят, — выходят. Ты себе легко представить можешь, какую я дал тягу, — действительно, оглянуться боялся, думая, что силой оставят. Мне всего страннее показалось, что, по некоторому времени, сами сии же винопьющие в залу вошли и рассыпались по дамам, говоря с оными, и мне показалось, что сие приятно им (дамам. — А.О.) было. Может быть, я ошибся, и посему не делаю своих заключений, но, кажется, вероятные имею». — Там же. Письмо от 18/29 июля 1786 г.

³ Там же. Письмо от 19/30 августа 1786 г.

что мне отвечали, что до центра земли. Ты можешь представить, какие споры там восстанут, когда антиподы Англии до того же места дойдут!» — с улыбкой писал Зиновьев Воронцову¹. Посетив театр в Ливерпуле («зала преизрядная и больше двух лондонских») страстный театрал Зиновьев, сравнивая английские и французские постановки, не удержался от критики. «Первая пьеса была новомодная опера. Что касается до музыки, то тебе, как имеющему настоящий вкус, — нечего говорить. Вообще, я англичан, как тебе известно, паче всех народов люблю; но с оными в рассуждении их вкуса для театра не согласен, ибо, по большей части, их трагедии — побоище всех актёров, а их комедии часто неблагоприятные фарсы. Мне кажется ещё, что они в декорациях большие педанты; например, на всех их сценах находятся две двери, похожие на обыкновенные, у домов колокола, часто часы бьют и т.д.; чрез сие они думают на своём театре до обмана живо представлять, но я думаю, что ни один англичанин ни в какой пьесе не забывал, что он в театре; об иностранных я уверен, что они сие помнят. Напротив — во Франции, где всех сих штук на театре нет, я уверен, что многие англичане забывали, что представление — сочинённое, а не действительное, видят»².

Ну и, конечно, русский автор должен был высказаться по поводу образованности и свободы в общении английских женщин. Их тип образованности (склонность к чтению романов) он не одобрил, кратко изложив своё понимание правильного женского образования. «...В хорошем смотреии девица, и, не читав романов, не подаст случая свою жизнь оным сделать; а желаю я, чтобы их упражнение было, когда они выучатся читать, во 1-х, понятием приличным о вере, в которой они воспитаны, во 2-х, чтобы им преподали все те знания, которые хорошую хозяйку делают, дабы чрез то, когда они вы[й]дут замуж, чтобы не были в тягость своим мужьям, но в облегчение, и для того все должны быть выучены всяким женским работам, арифметике, и могли бы домом править. Когда такая девушка выйдет замуж, — она не будет в тягость своему мужу»³.

¹ Там же. Письмо от 20/31 июля 1786 г.

² Там же. Письмо от 19/30 августа 1786 г. Приписка от 1 сентября 1786 г.

³ Там же. В другом письме сказано: «...Положение женского пола здесь (т.е. в Англии. — А.О.) не весьма выгодно, ибо они, имея нежные сердца, находят в мужьях своих противное оному и которых, чтобы тронуть, надобно полдюжины на театре убить или показаться публике с замаранным лицом и рука-

Эта точка зрения, кажущаяся нелепой современному человеку, соответствует принципам рационалистической философии конца XVIII в. Рационализм здесь заключается в следующем: женщина должна освободить мужчину от домашних хлопот для того, чтобы он мог посвятить своё время разумному устройству мира для себя, для неё и для других людей. Известно, что Иммануил Кант в кругу друзей часто говорил: «общее образование... необходимо женщине, но необходимы и специальные знания, соответствующие обязанностям матери и хозяйки»¹.

Главное, что привлекает симпатии Зиновьева к английскому образу жизни, это разумная постепенность, планомерность развития и стремление правящих классов, насколько это возможно, создать большее благо для большего количества людей. «Теперь дозволю мне главное моё мнение сказать об этой земле, — писал он Воронцову: известно, что она всем изобилует: хлебом, деньгами, жителями, мануфактурами; но что должно удивить путешественника — это строения, которые в разных городах производятся, и, что, так сказать, из одного города два делается и сие без убытка для хлебопашества, и я уверен, что эти города получше будут тех, которые по приказу построены; но сие государство не думало, прежде хлебопашества, о построении городов². <...> Должен ещё

ми в крови. Я бы хотел знать, сколько находится в Англии мужей, которые бы своим жёнам после свадьбы сказали: “я тебя чрезвычайно люблю”, или что-нибудь подобное оному. Со своей стороны, я не завидую оному хладнокровию и соглашусь скорее целый век свой проплакать, нежели променять чувствительное сердце на нечувствительное». — Там же. Письмо от 19/30 августа 1786 г.

¹ Филитов М.М. Кант. Его жизнь и философская деятельность // Сенека. Декарт. Спиноза. Кант. Гегель: Биографические повествования / Сост., общ. ред. и послесл. Н.Ф. Болдырева. Челябинск: «Урал», 1995. С. 340. (Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. Т. 16). Подробнее об отношении Канта к женщинам см.: Там же. С. 340–344. «Кант находил, что брэнчанье на фортепиано и пение сентиментальных романсов несколько не выше кулинарного дела. <...> Узнав, что в Шотландии (родители Канта были шотландцами, переселившимися в Кенигсберг. — А.О.) девицы из лучших семейств действительно берут у поваров уроки поваренного искусства, Кант остался чрезвычайно доволен этим» (с. 340).

² «Намёки на усиленное в то время построение городов в России. В манифесте 1785 года апреля 21-го сказано, что в продолжение 23-х-летнего (так в тексте. — А.О.) царствования императрицы Екатерины II-й, воздвигнуто 216 новых городов в России. В последующие царствования многие из них упразднены, так как их жители преимущественно занимались хлебопашеством

одно примечание сказать о сём народе, что удивительно видеть во всяком городе преогромные строения для сборщиков (т.е. для общественных собраний. — А.О.) под названием: “асамбле рум”; но что похвальнее всего, что при этих строениях всегда находятся огромные же строения для больных, для бедных, для училищ и сирот. Человек с чувствами должен народ тот почитать, в котором оное види! Что касается до жителей, то скажу, что везде видно изобилие, приятная и неподдельная чистота, учтивость отменная и пристойная. Средний класс людей я нашёл также весьма ласковым к иностранцам. Кажется — всё, что хотел тебе об Англии сказать? — теперь следуй за мной в Шотландию...»¹.

Если Зиновьев признавался в том, что во второй раз неохотно поехал в Англию, не думая увидеть там что-либо значительное и лишь во время путешествия убедился в обратном, то Василий Фёдорович Малиновский (1765–1814)² в 1789 г. сам просил своё начальство по ГКИД отправить его туда, чтобы «...познать го-

и не имели ни торговых оборотов, ни потребности быть городскими обывателями». *Примечание Н. Б[арышников]а*.

¹ Журнал... Зиновьева. Письмо от 13 августа 1786 г. «Если я в сей земле не сделаюсь добрым человеком, то нигде оным быть не могу, ибо по обыкновенному своему отменному счастью представляются мне случаи знакомиться с весьма добрыми людьми и оное служит мне к моему исправлению. Вот, любезный мой, угольные и золотые мои заводы, вот мои огромные парки и замки, которые я настоящим предпочитаю! <...> Ласка и учтивость людей в здешней земле отменная и я не могу довольно оными нахвалиться и приписываю сие своему мало-заслуженному счастью. Ты знаешь, что я неохотно сей путь предпринял, а теперь не могу довольно оному радоваться. Я думаю, что человек, стараясь узнать свои недостатки, не может оные лучше исправить, как путешествием; подобно камню, который трением своим со множеством других, глаже делается и, полируя, так сказать, себя, иногда неровности других, которые с ним сталкиваются, ровняет». — Там же. Письмо от 19/30 августа 1786 г. Приписка от 3 сентября 1786 г.

² В.Ф. Малиновский, окончив в 1781 г. философский факультет (философское отделение) Московского университета, поступил на службу в Московский архив ГКИД. После возвращения из Англии принимал участие в Ясском конгрессе, закончившем русско-турецкую войну 1787–1791 гг. В 1800–1802 гг. вновь находился в Яссах в качестве русского генерального консула в Молдавии. В 1811 г. его назначили директором только что основанного Царскосельского лицея, которым он руководил вплоть до своей смерти в марте 1814 г. В числе подопечных Малиновского был и А.С. Пушкин. — *Араб-Озлы Э.А. Выдающийся русский просветитель // Малиновский В.Ф. Избранные общественно-политические сочинения. М.: изд-во АН СССР, 1958. С. 3–4, 34.*

сударство, славимое мудростию и счастьем своего правления и жителей...»¹. Просьба была исполнена. В 1789–1791 гг. он занимал должность переводчика русского посольства в Лондоне и имел возможность, говоря словами Н.М. Карамзина, увидеть англичан вблизи.

Для Малиновского, в отличие от Зиновьева, Британия — это не только разумно организованное пространство, где каждый работает на интересы всех, а все (т.е. государство) — защищают интересы личности, но и страна, ежедневно создающая в интересах людей любого класса массу возможностей для того, чтобы наполнить жизнь важным содержанием, т.е. стать счастливым. Человеку нужно лишь быть готовым воспользоваться этими возможностями, ради чего он должен постоянно совершенствоваться, стремиться к лучшему. В поисках этого лучшего Малиновский и предпринял путешествие по Англии. Его интересовало абсолютно всё, от английского климата и английских блюд до законов и условий работы парламента. Кросс особо отмечает: Малиновский проехал по стране тем же маршрутом, что и предшественники, но только он «...оставил описание, позволяющее наполнить живым содержанием перечень населённых пунктов»². Сделав важные выводы для себя, Малиновский посчитал необходимым поделиться находками с соотечественниками, поскольку, по его признанию, «живучи между Англичанами, я всего более думаю об Рус[с]ких»³. Итальянка Паола Ферретти, изучавшая идейное наследие Малиновского⁴, также полагает: «Его остроумное наблюдение (his acute observation) за далёкими культурами в двух путевых записках, “Россиянин в Англии” и “Записка о Молдавии”, было особенно важно для объ-

¹ Письмо Малиновского к гр. А.Р. Воронцову от 1 июня 1803 г. // Там же. С. 151. Приложения, № 2.

² Кросс Э.Г. Указ. соч. С. 271.

³ [Малиновский В.Ф.] Россиянин в Англии. Отрывки из писем одного путешественника // «Я берег покидал туманный Альбиона...». Русские писатели об Англии. 1646–1945 / Изд. подгот. О.А. Казнина, А.Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2001. С. 62. Письмо от 20 сентября 1790 [г.]. «История» (далее — [Малиновский В.Ф.] Россиянин в Англии, 2001).

⁴ Под руководством Кросса она написала и защитила диссертацию, в которой чрезвычайно высоко оценила личность Малиновского. — Ferretti Paola. Vasilii Malinovskii (1765–1814): A Study of His Life and Thought. Ph.D. thesis. University of Cambridge, 1995. Об этом см.: Кросс Э.Г. Указ. соч. С. 305–306. Прим. 112.

яснения происхождения его необычайно широкого политического и социального горизонта. Малиновский никогда не был случайным или незаинтересованным путешественником. Во время своих путешествий, которые всегда были следствием его явного обращения к российской системе управления (Russian administration), он занимался исследованием различных культурных реалий, которые внесли существенный вклад в формирование его собственной идентичности»¹. Записки, упоминаемые Ферретти первыми («Россиянин в Англии» — говорящее название), были опубликованы Малиновским анонимно в 1796 г., после возвращения на родину, в журнале «Приятное и полезное препровождение времени»².

Прибыв в Лондон 31 октября 1789 г. и предвкушая общение «с любимым... народом», Малиновский начал заносить на бумагу свои мысли в форме обращения к неназванному другу. Здесь сразу находим основной идейный посыл его исканий. «Щастие человека положил я предметом исследований моих во всё течение жизни, и потому хочу видеть на самом деле Аглинские нравы и обычаи, которые так много превозносят, и тебе, как другу, буду сообщать свои замечания, применяя их к пользе наших соотечественников, без того они не могли бы иметь ничего привлекательного, ибо Англия сама по себе столь многими описана»³. Сын православного священника, выпускник философского факультета Московского университета, начавший служить с низовой должности архивариса без протекции и сильных покровителей⁴, задаётся самым глав-

¹ Ferretti Paola. A Russian Advocate of Peace: Vasilii Malinovskii (1765–1814) // Archives Internationales d’Histoire des Idées / International Archives of the History of Ideas, № 156. Dordrecht: Springer-Science+Business Media, B.V., 1998. Conclusion. URL: <https://books.google.ru/books?id=z14yBwAAQBAJ&pg=PT119&dq=paola+ferretti+a+russian+advocate+of+peace&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKewjEw7nwwsDhAhUMt4sKHfmwBdIQ6AEIKjAA#v=onepage&q=paola%20ferretti%20a%20russian%20advocate%20of%20peace&f=false> (дата обращения: 08.04.2019).

² [Малиновский В.Ф.] Россиянин в Англии // Приятное и полезное препровождение времени (приложение к «Московским ведомостям»), 1796. Ч. IX. С. 56–63, 65–71, 97–107; ч. XI. С. 11–14, 61–72, 97–101, 145–148, 209–219, 321–332, 356–367, 381–395, 403–410. Авторство установлено по: Кросс Э.Г. Указ. соч. С. 305. Прим. 112.

³ [Малиновский В.Ф.] Россиянин в Англии, 2001. С. 56.

⁴ К[орнилов]ч О. Малиновский, Василий Фёдорович // РБС. Т. Маак — Мятлева. М.: «Аспект Пресс», 1999. С. 62; В[ернадский] Г. Малиновский, Фёдор Авксентьевич // Там же. С. 62–63.

ным для него и таких, как он, вопросом: как найти цель жизни, способную даровать человеку незнатного происхождения подлинное счастье, т.е. душевный покой и гармонию?

В поисках ответа Малиновский, прежде всего, обращает внимание на то, что у каждого англичанина есть время для углубления в себя — это воскресные молитвы в церкви. Недаром его второе письмо от 16 декабря 1789 г. называется «Аглинское Воскресенье». «Два раза был я в здешней церкви, как для любопытства, так и для приучения уха к здешнему выговору. <...> Священники здешние читают их (проповеди. — А.О.) по тетрадам натуральным голосом, и отнюдь не на распев, но порядочно, без крику, без жестов и без всяких коверканий, разве только иногда тихо указывают рукою. Слушатели никакого шума не делают, и не разговаривают совсем; а в случае необходимости молвят шёпотом слово. Могу сказать беспристрастно, что здесь в церквях наблюдается благочиние отменное. Воскресенье препровождают совершенно по-христиански»¹.

Государство создаёт возможности для бедных и это даёт им средства к жизни. Как на полезное учреждение Малиновский указывает на Виндзорскую школу для слуг и служанок, учреждённую английской королевой². Но гораздо лучше, с его точки зрения, не ждать милости от власти имущих, не жить подаением³, а пробиться самому благодаря своим способностям. При осмотре

¹ Там же. «Агличане отменно склонны к задумчивости», — отмечено в другом письме. — Там же. С. 61. Письмо от 3 апреля 1790 г. «Климат и театр Аглинской».

² Там же. «Полезное учреждение».

³ Встретив в предместье Лондона бродячих музыкантов-итальянцев и вспомнив о том, что подобных им оборванцев он видел и в России, Малиновский записывает следующую сентенцию: «...вот люди, которые достают себе хлеб самыми бесполезными и легкомысленными средствами». Для него — это бесстыдное уродование самой сути человека как существа деятельного и творческого. Предугадывая возможные возражения читателей по поводу того, что и на Руси «забавляются на улице пением», он противопоставляет такому искреннему народному веселью унылые песнопения под скрипку множества шатающихся по улицам Лондона бедных англичан обоего пола «...для испрошения себе милости. Они носят с собою печатные листочки своих песен, и раздают тем, кто сделает им подавание. Эти песни иногда содержат повествование какого-нибудь новейшего преступления, или казни. С одной стороны, весьма прискорбно видеть увечных стариков в лохмотьях; с другой, досадно и смешно смотреть на людей совершенно здоровых и сильных, которые пробавляются таким ремеслом». — Там же. «Итальянцы в Англии».

Вестминстерского аббатства он обратил внимание на то, что гробницы королей и аристократов соседствуют с гробницами учёных и писателей, таких, как Ньютон и Шекспир. «Приятнее же всего видеть в одной церкви с Королями великолепные надгробные памятники учёных людей, не порою, богатствами и чинами славных, но личными достоинствами, которые, без сомнения, суть лучшее и истинное украшение природы человеческой, хотя и не везде так думают. <...> Сей предмет, конечно, достоин внимания. Великие люди в учёности делают честь всему народу. Целые государства со временем исчезают как тень, но имя просветителей человечества остаётся навсегда бессмертным»¹. Почётно, с точки зрения автора, отличиться также на государственном поприще, подобно лорду Чатаму («он был славный министр, патриот и оратор...»), и погибнуть за отечество, пусть даже и на краю света, как это случилось в Америке с генералом Джеймсом Вольфом².

Справедливое отношение к подданным снимает напряжённость в обществе и создаёт условия для его стабильного развития³. Посетив одно из заседаний судебного процесса над бывшим

¹ Там же. С. 58. Письмо от 20 января 1790 г. «Учёные и надгробные памятники». Из числа современных ему английских учёных автор назвал знаменитого историка Эдварда Гиббона (1737–1794). «Здесь теперь между учёными наиболее славится Гиббонс [так!], сочинитель Римской Истории. Публика его так обогатила, что он живёт, как знатный господин, и оттого не перестаёт писать. Кто ж не захочет здесь быть учёным?», — восклицает Малиновский. А вот надгробия «хозяев жизни» в Вестминстерском аббатстве не привлекли его особого внимания. Им названы только выдающиеся (с точки зрения искусства) образцы. «Между монументами богатых людей приметил я два. Один молодой девицы, которая, уколовши себе палец, изошла кровью, и оттого умерла. Она изображена во весь рост. Другой представляет жену в руках своего мужа. Он старается отвести стрелу, которую пускает в неё смерть, выходящая из пещеры, которая представлена под их ногами. Работа отменно хороша». — Там же.

² Там же. Об обстоятельствах смерти Вольфа от раны, полученной во время сражения с французами и индейцами при Квебеке, подробнее см.: *Нокс Джон. Смерть генерала Вольфа на высотах Абрахама. Квебек, 13 сентября 1759 года* // Англия. Автобиография / Под ред. Дж. Льюиса-Стемпела; пер. М. Башкатова, И. Летберга под общ. ред. К. Королёва. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. С. 288–290. (Серия: Биографии Великих Стран).

³ Идею автора подкрепляет единственный сделанный им экскурс в древнюю историю Англии. Он рассказывает о распутной жизни принца Генриха (будущего короля Генриха V, 1413–1422), героя битвы при Азенкуре (1415 г.), который не постеснялся лжесвидетельствовать перед главным судьёй Гасконом (так в тексте, Гаскойном?) в пользу своего обвинённого товарища. «Увидя, что

генерал-губернатором Индии Уорреном Гастингсом, автор отметил, что суд длится уже давно, и все преступления Гастингса усилениями его обвинителей Ч.Дж. Фокса, Р.Б. Шеридана и Э. Бёрка становятся известны широкой публике, хотя «Король и Королева держат его сторону»¹. При описании уголовного судопроизводства («вчера я целый день пробыл в суде, и в первый раз видел, как судят здесь уголовные дела») Малиновский обратил внимание на максимальную корректность судей и других участников заседания. «В числе свидетелей были две девушки. Множество народа и вид судей приводили их в робость. Судьи велели им говорить сидя на стуле, что очень похвально. Хотя они из бедных, но, тем не менее, оказано уважение к их полу. Допросы были ясны и производились не только без суровости, но даже с ласкою»². В другой раз, посетив заседание уголовного суда с разбором дела двоеженца (его должны были по закону приговорить к смерти, но, поскольку вторая жена была несовершеннолетней, вышла замуж без согласия отца и, таким образом, преступление юридически оказалось несуществующим, мужчину оправдали), русский автор писал своему другу: «Тебе досадно может быть, что обвинённый не наказан; но Англичане законов своих не толкуют, а поступают по ним слово в слово. Когда закон почитает его супружество недей-

судья не устрасался его присутствия, он начал его ругать; но Гаскон... дал поведение взять Принца в тюрьму за его грубый поступок. Зрители с удивлением увидели, что Наследник престола спокойно покорился сему приговору, поправил свою вину признанием оной, и удержал свой гнев в самой крайности своего бешенства». Став королём, Генрих не только не наказал испуганного до ужаса судью, но «...увещевал его продолжать строгое и беспристрастное исполнение законов». — [Малиновский В.Ф.] Россиянин в Англии, 2001. С. 66. «Повиновение законам».

¹ Там же. С. 59. «Суд над Гастингсом». Здесь же Малиновский сравнивает английских дам с русскими и высказывает мнение, противоположное мнению Зиновьева. «Как увидел я там множество Дам, то мне тотчас пришло на мысль сравнение Англичанок с россиянками. Теперь утро, — рассуждал я сам с собою. Наши Дамы большею частию сидят за туалетом, или разъезжают по Французским лавкам; а Англичанки присутствуют в суде, и слушают прекрасные речи Фоксовы, оттого, что имеют сведения о делах, и вкус к наукам и знаниям». Концом 1790 г. датирована похожая запись: «Самые модные большого света красавицы, которые блистают в собраниях знатнейших особ, являются иногда в уголовном суде зрительницами и действующими лицами...». — Там же. С. 66. «Неверность и развод».

² Там же. С. 60. «Уголовный суд в Англии». Письмо от 1 февраля [1790 г.].

ствительным, то он не может, в то же время, вменить ему оное в преступление»¹. В иных случаях никто, ни аристократ, ни бедняк, не может уклониться от справедливого наказания. «Нарушение брачного ложа почитается здесь ужасным преступлением, — писал Малиновский. — Законы наказывают оное в людях достаточным денежным штрафом, который всегда бывает крайне чувствителен и нередко разорителен. Один из братьев нынешнего Короля (Георга III. — А.О.), обвинён будучи в сём преступлении, осуждён был заплатить мужу более 300 000 рублей. Я почитаю сии законы весьма хорошими и действительными для удержания молодых людей от своевольства. Они равномерно обузданы и в рассуждении прельщения невинных девиц, и наказываются за то также денежным штрафом. Те, кои не в состоянии заплатить штрафа, как за нарушение брачного ложа, так и за прельщение девицы, наказываются темницею. <...> Мне неоднократно случилось видеть, что некоторые грубияны из простого народа были осуждены сидеть за то в темнице, и по освобождении дать за себя поруку в лучшем поведении»².

Законопослушности англичан всех классов общества Малиновский специально посвятил отдельную главку записок. В ней он рассказал о том, как молодой лорд познакомился в театре с проституткой («...одною из тех Нимф, которых, к нещастию, везде много...») и сел со своей спутницей в наёмную карету. Но пойти к ней домой он отказался, и тогда она обвинила его в карманной краже на сумму в три гинеи. Лорд был арестован полицией, провёл ночь в караульне и утром освобождён под поручительство друзей (двух лордов и герцога Портленда — одного из знатнейших людей в Англии)³ с обязательством явиться в суд. Суд производился законным порядком, несмотря на то, что обвинителем была «беспутная девка», а обвиняемым — аристократ (его моральный облик в данном случае автора не интересует). «Лорд был оправдан, и при выходе из суда встречен был от народа с восклицанием, а девка с

¹ Там же. С. 65. «Аглинской суд». Письмо от 4 октября 1790 [г.].

² Там же. С. 66–67. «Неверность и развод».

³ Видимо, имеется в виду лорд Уильям Генри Кавендиш-Бентинк (1774–1839) — британский государственный деятель из рода Бентинков, генерал-губернатор Индии в 1828–1835 гг. Сын премьер-министра Великобритании (1783, 1807–1809 гг.) герцога Портленда.

поруганием была освистана¹, и тем всё кончилось. Ни знатность рода, ни сила друзей не могли избавить обвинённого от суда, ибо Агличане не почитают за унижение покоряться законам², — резюмировал автор.

Английский театр оценен Малиновским совсем не так, как Зиновьевым, и всё потому, что и в театральных представлениях англичан первый увидел стремление познать самого себя, дать свободный выход обуревающим человека чувствам, пережить катарсис, невозможный при других обстоятельствах. Если учитывать это, тогда становится понятно, почему Малиновский в главе «Климат и театр Аглинской» поместил следующее странное рассуждение: «...Агличане по свойству своего [характера] печальны и мрачны. В театральных зрелищах их смерть, убийства и погребения очень обыкновенны. Они мне нравятся своею вольностию. Мы бы лучше сделали, естлиб заняли у них, а не у Французов. Надо сказать, мы, то есть люди большого света, сходнее с Французами — но я уверен, что народ наш более бы нашёл удовольствия в Аглинском вкусе, потому что он натуральнее». Малиновский два раза посетил представление трагедии «Ромео и Джульетта» («...содержание одно с Французским, — но разность отменно велика — поразительнее, природнее и вольнее...»), оба раза заливаясь слезами, и хотел видеть её ещё раз. «В этом Агличане неподражаемы, и, может быть, они далеко уже зашли. Но, между тем, придерживаясь природы при представлениях, они тщательно наблюдают исправность во всех отношениях: когда представляется прекрасная ночь, то увидишь полную луну и звёзды; это бесподобно хорошо. Актёры хороши — но я не самых лучших видел. — Аглинским актёром быть не так-то легко. Здесь очень в обыкновении бросаться на землю и драть волосы; даже и актрисы нередко падают на пол. Как те, так и другие умеют хорошо глазами и всем лицом изображать страсти. Отменная исправность в перемене декораций — достойно подражания освещение театра — здесь жгут деревянное масло в продолговатых круглых жестянках с светильнями. Притом суфлёра не

¹ «Я слышал, что сия девка после сего встречена была в театре со всеобщим презрением и негодованием, и принуждена была от свиста уйти домой. Сие тебе показывает, что порок здесь находит мщение не только в законах, но и в публичном осмеянии». *Примечание В.Ф. Малиновского.*

² [Малиновский В.Ф.] Россиянин в Англии, 2001. С. 66. «Повиновение законам».

только не слышно, но даже и не видно места, где он — он бывает за кулисами — это лучше — не как в иных театрах у нас нет даже доски, которая бы закрыла его голову — и он кричит во всё горло¹. Поведение актёров, зрителей и вся театральная обстановка доказывают русскому автору, насколько важен театр для выработки и закалывания стойкого, независимого, самоотверженного, т.е. подлинно английского, характера.

Способность самостоятельно выработать такой характер, отстоять свою самость перед притязаниями иностранцев, показать всему миру преимущества своей страны, — вот что, по мнению Малиновского, порождает «почтение народа к самому себе». Учиться этому следует у англичан. «Недостаток почтения народа к самому себе унижает его дух. <...> Подражание есть явное признание собственных недостатков, знак ненадежности на себя, следствие легкомыслия и малодушия. Агличане наиболее одолжены тем уважением, коим они неоспоримо пользуются во всей Европе, чувствительности их к достоинству своего народа и почтению их к самим себе. Они не любят подражать, и для того другие им подражают².

Итак, сравнив путевые впечатления Куракина, Зиновьева и Малиновского, видим: различное (в силу разницы исходных идейных установок) восприятие ими «английскости», может быть, и облегчало русским авторам коммуникацию с теми англичанами, с которыми они хотели и могли общаться, но не позволяло создать обобщённый стереотипный образ страны в сознании заинтересованного русского читателя. Он так и не сложился, распавшись на резко противоположные фрагменты. Предположу, что разное восприятие «английскости» было дополнительным поводом для возникновения политической и социальной розни в самой России в период реформирования государства, жёстко проводимого властью в т.ч. и по британским образцам³. Но, с другой стороны,

¹ Там же. С. 61–62. Письмо от 3 апреля 1790 г.

² Там же. С. 63. Письмо от 20 сентября 1790 г. «История». Независимость национального характера англичан автор обнаружил даже в их кулинарных пристрастиях и здесь он нашёл некоторое, впрочем, весьма условное, сходство между ними и русскими. «Агличане не любят Французских соусов, и имеют некоторой род наших пирогов». — Там же. С. 57. «Стол у Агличан».

³ Кн. А.Б. Лобанов-Ростовский, комментируя первую публикацию записок Зиновьева, утверждал: «...они... отлично характеризуют психическое на-

это провоцировало сохранение устойчивого интереса к Англии. Путевые записки русских путешественников выполняли главную культурную задачу — будили желание лично посетить загадочную заморскую державу и самостоятельно найти там подлинную «английскость». Процесс этот не завершён, идёт сегодня и будет, к счастью, продолжаться в дальнейшем.

строение высшего общества того времени: рядом с так называемыми “*esprits forts*” (*франц.*: сильные умы. — А.О.) и волтерьянцами, сколько людей, при неразвитости и безжизненности нашего духовенства, искали удовлетворения своей душевной жажде то в масонстве, то в мартинизме, то, наконец, в католицизме! “Журнал” Зиновьева самым животрепещущим образом рисует это настроение. Оно существует отчасти и в нашем современном обществе и ищет себе пищи то в спиритизме, то в том обожании, которое возбуждают в себе некоторые заморские проповедники-дилетанты [так!], в роде лорда Редстока». — Журнал... Зиновьева // Русская старина, 1878. Т. XXIII, № 9. С. 208. Имеется в виду Гренвил Огастес Уильям Уолдигрейв, 3-й барон Редсток (1833–1913) — английский религиозный деятель, протестантский миссионер, один из основателей евангелического движения в мире, в т.ч. и в России, пэр Ирландии.

Глава 12

«ВОЛЬНЫЕ КАМЕНЩИКИ» В СОЦИУМЕ И ГЕОГРАФИИ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ: МЕТАМОРФОЗЫ ИМИДЖА

Киясов С.Е.

Рубежные десятилетия XX–XXI столетий отмечены «всплеском» общественного и академического интереса к масонству¹. Его причина — в успехах новейшей трансформации национальных структур «вольных каменщиков», которые приобрели по-настоящему массовый характер². Численность и влияние современного масонского движения подкреплены глобальной консолидацией³, а

¹ *Chevallier P.* Histoire de la Franc-Maçonnerie française. In 3 t. P.: Fayard, 1974–1975; *Roberts A.E.* Freemasonry in American History. Richmond: Masonic Publishing & Masonic Supply Co., Inc., 1985; *Naudon P.* Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P.: Office du Livre, 1987; *Stevenson D.* The Origins of Freemasonry: Scotland’s Century. 1590–1710. Cambridge: Cambridge univ. Press, 1988; *Hamill J.* The History of English Freemasonry. Addlestone: Lewis Masonic Books, 1994; *Bullock S.C.* Revolutionary Brotherhood. Freemasonry and the Transformation of the American Social Order, 1730–1840. Chapel Hill and London: University of North Carolina Press, 1996; *Бейли Ф.* Дух масонства / Пер. с англ. М.: Литан, 1999; *Киясов С.Е.* Масонство в эпоху Просвещения (генезис, идеология, эволюция, статус). СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010; *Белявский В.С., Богданов А.В.* Происхождение Ордена вольных каменщиков. Масонство в XVII–XVIII веках. Взгляд посвященных. М.: ИЦ «Москвоведение», 2015; Тернистый путь к свету. Очерки по истории российского масонства. М.: «Артком Медиа», 2018.

² *Mary R. L.* La Franc-Maçonnerie dans le monde. P.: Editions de Vecchi, 1993.

³ *Киясов С. Е.* Масоны и век Просвещения: становление интеллектуального феномена. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2006. С. 7.

также активным участием франкмасонской элиты в процессах становления интеграционных институтов¹.

Высокий уровень имплантации масонства в социум и политику актуализировал проблему «белых пятен» его многовековой, насыщенной событиями истории. В списке по-прежнему не раскрытых загадок — цели «вольных каменщиков» и стратегия их достижения. Возникновения дискуссионных, а порой и откровенно тупиковых, ситуаций в масоноведении объяснимо. Согласно нормам внутренней организации, деятельность регулярных лож носит исключительно закрытый характер, как бы вынуждая внешний мир «подпытываться» противоречивыми и малодостоверными сведениями. Отсутствие надежной инсайдерской информации позволило противникам тайного Братства утверждать о его изначальной нацеленности на бескомпромиссное противостояние государству, религии и церкви². Обширная антимасонская библиография продолжает пополняться и в наши дни³. Оппоненты разоблачительно-критических оценок, со своей стороны, не менее последовательно опровергают преобладание «заговорщических» тенденций в деятельности масонских собраний. Они отстаивают право на существование прагматичной, лишенной конспирологических предпочтений летописи Братства «вольных каменщиков», связывая его рождение и последующее развитие с эволюцией просветительской идеологии в европейских странах⁴.

¹ Проект масонского Европейского союза (1993 г.) // Масонство и масоны. Выпуск I. М.: «Эра», 1994. С. 118–122.

² *Martin G.* La Franc-Maçonnerie française et la préparation de la Révolution. P.: PUF, 1926; *Fay B.* La Franc-Maçonnerie et la révolution intellectuelle du XVIII siècle. P.: De Kluny, 1935.

³ *Knight S.* The Brotherhood. The Secret World of the Freemasons. L.: Collins, 1988; *Колеман Д.* Комитет 300: Тайны мирового правительства / Пер. с англ. М.: «Витязь», 2003; *Хазгер Н.* Синдикат. История грядущего мирового правительства / Пер. с англ. М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2007; *Платонов О.А.* Криминальная история масонства 1731–2004 гг. М.: Издательство Эксмо, Издательство Алгоритм, 2005; он же. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ. М.: Алгоритм, 2011.

⁴ *Lomas R.* The invisible college: the Royal Society, freemasonry and the birth of Modern science. L.: Headline Book Publishing, 2002; *Piatigorsky A.* Freemasonry. The Study of a Phenomenon. L.: The Harvill Press, 1997; *Брэдли М.* Секреты масонов / Пер. с англ. М.: Никола-Пресс, 2008; *Кинни Д.* Подлинная история масонов / Пер. с англ. М.: Книжный клуб, 2011; *Гулд Р.* Краткая история масонства / Пер. с англ. М.: Издательство Центрполиграф 2011;

Разумеется, историографическая палитра, нацеленная на раскрытие масонских тайн, отнюдь не исчерпывается изысканиями «pro» и «contra». Однако их акцентированная полярность и устойчивость во времени убедительно подчеркивают глубину противоречий, сложившихся за три столетия околосмасонских споров. Кризисная ситуация, безусловно, нуждается в скорейшем и позитивном разрешении. Наиболее приемлемый и конструктивный итог напряженного противостояния — появление компромиссных, согласительных оценок. Однако, любые продвижения в эту сторону возможны лишь по итогам дальнейших тематических исследований. При этом, их качественное, по-настоящему научное наполнение, безусловно, должно быть подкреплено современными методическими приемами. В перечне таковых, в качестве наиболее эффективных, следует отметить междисциплинарные аналитические практики, в частности, те из них, которые используются в имагологии и компаративистике. В частности, применение новейших методик поможет специалистам более точно определить реальное «местоположение» масонства, как в истории общественной мысли, так и в сфере политических реалий Нового времени.

Помимо всего прочего, наблюдаемая в наши дни модернизация методологии истории, позволяющая наметить новые направления в сфере осмысления масонского феномена. Одно из них — специфика формирования имиджа «вольных каменщиков». Вне всяких сомнений, накопление и анализ информации из области восприятия масонской субкультуры в современном ему обществе сделает более понятными мотивы появления оценок критического и апологетического характера, наиболее часто звучавших в адрес новомодного интеллектуального Братства. Напомним в этой связи, что регулярные масоны Лондона, достаточно быстро получившие признание не только ученых мужей, но и высшей знати британской столицы, практически одновременно столкнулись с критикой и негативным к себе отношением¹. Причины зарождения столь крайних мнений, а также ретроспектива их эволюции, требуют специальных комментариев. Их объективность, в немалой степени, зависит от фактора внешней репрезентативности, то есть, от «преодоления» исследователями географических границ родины

Киясов С.Е. Очерки по истории масонства XVII–XX вв. Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2016.

¹ *Hamill J.* The History of English Freemasonry. P. 43–44.

новых каменщиков. Без сомнения, помимо Англии, осуществляемый анализ необходимо распространить и на соседнюю Францию, в социополитическом пространстве которой идеологи уже близких революционных перемен максимально быстро переняли традиции проведения неформальных масонских собраний. Особую привлекательность предпринимаемый исследовательский экскурс приобретает также для начальных десятилетий истории США, отцы-основатели которых были буквально пропитаны духом масонской идеологии, легко прослеживаемой в отстроенных ими новодемократических государственных институтах. Не менее важен такой экскурс и в отношении России, в имперских границах которой масонские структуры навсегда обрели репутацию эпицентра вольнодумства, безбожия и политического заговора.

Очерченный сюжет ставит перед автором ряд вопросов: кем и в чьих интересах создавалась «масонская конспирация»? Каков был характер отношений масонства и власти? Какие идеи и практики способствовали быстрому росту популярности регулярных масонских лож?

Созерцательные (спекулятивные) ложи новых «вольных каменщиков», отошедшие от строительного ремесла, получили широкое распространение в послереволюционной Англии. В качестве закрытых, элитарных собраний, они приобрели особую популярность в Лондоне. В 1693 г. на территории только столичного Сити действовали не менее десятка псевдоремесленных структур¹. В предшествующий период, с конца XVI столетия, открывающего «шотландский век»² в масонской истории, зарождавшееся интеллектуальное Братство проделало уникальную идейно-организационную эволюцию. По её итогам, участники модернизации средневековых цеховых институтов сумели продолжить собственную корпоративную историю, а также сохранили привычную, традиционную для себя, автономию в обществе. В частности, в хронологических рамках XVII столетия независимый статус помог английским масонам

¹ The New Book of Constitutions of the Ancient and Honourable Fraternity of Free and Accepted Masons, containing their History, Charges, Regulations, collected and Digested by Order of the Grand Lodge from their old Records, faithful Traditions and Lodge-Books, for the use of the Lodges, By James Anderson. L.: Caesen Ward and Richard Chandler, 1738. P. 97–139.

² *Stevenson D.* The Origins of Freemasonry: Scotland's Century. 1590–1710. Cambridge: Cambridge university Press, 1988.

не раствориться в эзотерических структурах интернационального Ордена розенкрейцеров. Новоявленные масоны-философы не были также поглощены популярными и влиятельными клубными собраниями. Подобно мифическому Фениксу, ложи «вольных каменщиков» сумели возродиться, наладив последующую работу в закрытой и необычной мистико-аллегорической форме. При этом, провозглашенные ими мессианские идеи никогда не расходились с прагматическими оценками окружающего мира, включая политику. К примеру, во второй половине XVII столетия, большинство английских масонских структур своевременно объявило о разрыве со своими недавними покровителями Стюартами, которые лишились власти. Тем самым новые масоны недвусмысленно и решительно поддержали состоявшиеся революционные перемены.

В начале XVIII столетия, следуя наставлениям своего признанного лидера, архитектора и философа Кристофера Рена (1632–1723), английские каменщики-философы сумели окончательно «перерезать пуповину» патриархальных ремесленных традиций, и сосредоточились на реализации актуальных, востребованных в стране социальных проектов. Тем самым, «вольные каменщики» Англии успешно и своевременно завершили эволюцию в сторону формирования принципиально новой организационной структуры — масонской просветительской конспирации. При этом они вплотную приблизились к политике и стали восприниматься «внешним миром», то есть непосвященными, в качестве участников враждебной всему обществу организации. Последующие усилия их новых идеологов и лидеров (Джон Теофил Деаголье, Джеймс Андерсон, Джордж Пейн), нацеленные на быструю и легальную кодификацию нового общественного движения, преследовали своей целью снизить уровень негативных оценок. Наиболее важный итог их действий, направленных на завершение модернизации регулярного английского масонства, — конституирование Великой ложи.

Знаменательное событие состоялось в центре Лондона (на территории собора св. Павла), 24 июня 1717 г., в день Иоанна Крестителя¹. Появление организационного центра сторонников и глашатаев Великого Архитектора Вселенной открыло уникальную возможность для быстрого и максимально широкого распро-

¹ *Calvert A.F.* The Grand Lodge of England. L.: Herbert Jenkins Limited, 1917. P. 12.

странения масонства не только в Англии, но и по всей континентальной Европе.

Успехи нового эзотерического Братства продолжали привлекать к себе внимание консерваторов-охранителей, которые восприняли его участников в качестве опасных заговорщиков, выступавших против институтов Государства и Церкви. Так, строки анонимного памфлета, адресованного «всем благочестивым людям», оповещали об отходе новоявленных каменщиков от имени Бога и в приближении Антихриста¹.

В авангарде антимасонских настроений быстро оказался Ватикан — гарант незыблемости и прочности тогдашнего католического мира. Первая антимасонская энциклика была подготовлена и оглашена 4 мая 1738 г. усилиями папы Климента XII². Прозвучавший в ней призыв к запрету деятельности лож «вольных каменщиков» был обращен не только к церковным иерархам, но и к светским властям. Однако наиболее влиятельные европейские монархи не подчинилось столь жесткому вердикту. В открытом саботаже указаний Рима были, например, замечены даже власти католической Франции. Столь вопиющая несогласованность антимасонских действий, безусловно, нуждается в комментариях и осмыслении.

В контексте бурных перемен, переживаемых наполовину буржуазной Европой, позиция католического Рима, их противника, по отношению к «масонской угрозе» была абсолютно оправданной и глубоко мотивированной. Масонство, причудливо сочетающее в своей идеологии эзотерические, религиозные и естественнонаучные представления, выступало, прежде всего, в качестве ниспровергателя канонической христианской веры. По этой причине, в хронологических рамках века Просвещения, такая организация представляла непосредственную угрозу авторитету католической Церкви. Даже призывы масонских «Конституций» Джеймса Андерсона, нацеленные на поддержание веры и осуждение атеистов, не могли сокрыть главного. Приоритетным для масонства являлось самостоятельное, внецерковное познание тайны Бытия и особое, светское по сути, нравственное просвещение человека («духовное строительство»). По мнению идеологов масонского Братства, только люди, приобщённые к «мудрости веков» (посвя-

¹ Hamill J. The History of English Freemasonry. P. 43.

² Naudon P. Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P. 57.

щённые, но не церковные иерархи), могут в полной мере развить в себе высокие нравственные качества и «строить Храм» будущего Человечества. При этом индивиду следовало руководствоваться не столько религиозным сознанием, сколько эмпирическим опытом и мистическим вдохновением, приобретаемым в процессе изучения древних символов, аллегорий и практики «братских», внецерковных отношений.

К разочарованию Римской курии, её призывы и предостережения так и не были услышаны действующими властями. На наш взгляд, главной причиной наблюдаемой обструкции по отношению к позиции Церкви в «масонском вопросе» явилась приверженность части правящей элиты ведущих европейских стран активно распространяемым идеалам Просвещения, в частности, концепту утверждения просвещенной монархии. Напомним, что деятельными сторонниками либерализации властных структур и всей системы общественно-политических отношений во второй половине XVIII столетия были такие авторитетные европейские монархи, как Фридрих II Прусский, Иосиф II Австрийский, Екатерина II Великая, Густав III Шведский. Все они искренне мечтали о торжестве принципов и духа просвещенного «короля-гражданина». Находясь под влиянием столь привлекательных и, как представлялось многим, передовых теорий, царствующие венценосцы причислили структуры «нового» масонства к разряду своих идейных союзников. Нередкими для них были попытки поддержать Братство личным участием. Например, видными масонами были уже упомянутые выше Иосиф II Австрийский, Густав III Шведский, а также Фридрих II Прусский.

Не менее весомым аргументом в укреплении положительного имиджа масонства являлось и то обстоятельство, что обновленные ложи являлись модным и успешным идейным «продуктом» такого передового европейского государства, как Англия. Не случайно, именно на ее территории состоялось рождение модернизированной масонской организации в качестве этатистского, легального и официально признанного властью общественно-политического института.

Таким образом, «зловещие» признаки тайного общества, усматриваемые в деятельности масонства его критиками, на самом деле, никого из государственных мужей Европы не пугали. С точки зрения соблюдения интересов безопасности, масонские организа-

ции, изначально подконтрольные властям, угрозы не представляли. Именно по этой причине они повсюду действовали без особых ограничений и абсолютно легально. Наиболее яркой и убедительной тому иллюстрацией является история нового масонства в Англии.

Как уже было отмечено, королевство Великобритания стало родиной грандиозного «масонского проекта». Начало его реализации было сопряжено с одновременным решением проблемы унификации регулярных масонских структур, а также с обеспечением их лояльности по отношению к правящей династии Ганноверов. Для достижения искомого результата потребовалось утверждение в руководстве Великой ложи лояльных, проверенных людей. Для этого, в частности, следовало сместить с поста Великого мастера герцога Филиппа Уортон (1698-1731), который оказался креатурой оппозиционной, якобитской ветви движения «вольных каменщиков». По сведениям исторического очерка книги «Конституций» Джона Интейка, 24 июня 1722 г. мятежный аристократ был утвержден в должности Великого мастера¹. Спустя полгода, 17 января 1723 г., он был провозглашен Великим мастером всех английских масонов («старых» и «новых»). Однако, 25 апреля 1723 г. герцога-якобита сместили с занимаемого поста. Новым Великим мастером стал сторонник масонов-реформаторов и династии Ганноверов, Фрэнсис Скотт, граф Дэлкейт².

В одержанной победе колоссальную роль сыграли идейные и уставные положения книги «Конституций» Джеймса Андерсона (1679-1739), активного пропагандиста и архитектора обновленного масонства. После их утверждения, руководство Великой ложи Лондона осуществило перерегистрацию действующих лож, объявив о непризнании тех масонских структур, которые не проводили регулярных собраний. Системная ревизия в среде «новых» масонов Англии была завершена в 1728 г. По итогам проделанной работы Великая ложа Лондона в 1729 г. была преобразована в «материнскую» Великую ложу Англии (Grand Lodge of England).

¹ The Constitutions of the Ancient and Honourable Fraternity Free and Accepted Masons. Containing their History, Charges, Regulations, etc. Collected and Digisted By Order of the Grand Lodge from their old Records, faithful Traditions and Lodge-Books, For the Use of the Lodges. By James Anderson, D. D. Carefully Revised, Continued and Enlarged, with many Additions, By John Entick. L.: Black Swan, 1756. P. 194–195.

² The Constitutions of the Ancient and Honourable Fraternity Free and Accepted Masons. P. 196.

В апреле 1736 г. в регулярных масонских ложах Англии был введен единый порядок делопроизводства, который, в частности, предусматривал обязательное протоколирование каждого рабочего заседания.

Резюмируя всё сказанное, можно утверждать, что по итогам организационных реформ, осуществленных Великой ложей Англии, деятельность масонских регулярных структур была окончательно взята под жёсткий централизованный контроль.

В процессы формирования обновленного масонского движения были включены также Ирландия и Шотландия. Вне пространства Лондона первая из «новых» Великих лож была провозглашена в 1725 г. в Дублине. Десятилетие спустя состоялось рождение Великой ложи Шотландии (1736). Обе автономные структуры установили прочные рабочие контакты со столичной Великой ложей, что свидетельствовало о руководящей роли последней в формируемой общенациональной масонской иерархии.

Последующий этап развития масонского движения на территории Великобритании был связан с достижением итогового организационного и обрядового единства. Последним препятствием на этом пути было наличие «старых» структур каменщиков, по-прежнему не признававших верховенство Лондона. Их оппозиция восходила к деятельности тех масонских лож, которые с начала XVII столетия пребывали под опекой династии Стюартов. После прихода к власти династии Ганноверов (1714) они подчинились Ложке Йорка (Lodge of York). В декабре 1725 г. эта структура провозгласила себя Великой ложей всей Англии (Grand Lodge of all England). В 1752 г., под её эгидой, открыл работу Верховный Орден святой Королевской Арки (Supreme Order of the Holy Royal Arch). Новый институт был наделен исключительным правом посвящения в высокие степени, согласно древним традициям оперативного братства «вольных каменщиков»¹. Несмотря на свою автономию «старые» масоны Англии также сохраняли лояльность к существующей власти. Их духовным наставником и непосредственным руководителем долгие годы являлся ирландец Лоуренс Дермотт (1720–1791).

¹ Уайт А.Э. Новая энциклопедия масонства (великого искусства каменщиков) и родственных таинств: их ритуалов, литературы и истории / Пер. с англ. СПб.: Издательство «Лань», 2003. С. 179.

Противостояние масонских центров смягчили представители королевского семейства. Первым из них стал Фредерик Людвиг, принц Уэльский¹, принятый в регулярную ложу в ноябре 1737 г. Увлечение масонством претендента на престол повысило интерес к ложам. В структуры, подконтрольные Великой ложе Англии и Великой ложе Древних масонов Англии, стали активно вступать представители столичного высшего света, военные и чиновники. Немаловажно подчеркнуть, что масоны пользовались покровительством не только правящей династии, но и протестантской Англиканской церкви, которую со времени Генриха VIII Тюдора традиционно возглавляли британские монархи. Покровительство столь высокого уровня, которое по определению не могло носить случайного характера, свидетельствовало о том, что представители монаршего дома — короли и наследственные принцы — видели в масонах лояльных подданных, опору собственных амбиций. Неудивительно, что в Великобритании масонские ложи никогда не подвергались запретам и преследованию. Никто из членов масонского Братства не был здесь признан государственным преступником и не понёс наказания за участие в его работе. В целом политика династии Ганноверов в отношении «вольных каменщиков» содействовала формированию их устойчивого положительного имиджа. В значительной степени этот курс, а также практика позитивного взаимодействия, способствовали увлечению масонством при дворах просвещенных правителей континентальной Европы.

Покровительство со стороны властей потребовало от масонов Великобритании ответных действий. В частности, им следовало преодолеть раскол и завершить процесс унификации. Важно подчеркнуть, что итоговые события в этом направлении совпали с рождением нового имперского государства — Соединенного Королевства (1800)². Помимо геополитических мотивов, свою роль на этой стадии масонской эволюции, несомненно, сыграли и новые идейные веяния. Тяготение к мистицизму, преобладавшее в среде «старого» масонства, существенно сужало возможности его влияния в новом, формирующемся буржуазно-либеральном обществе.

Примирение и слияние масонских организаций Великобритании состоялось 25 ноября 1813 г. В этот день в Лондоне был подписан «Акт Союза», который юридически оформил объеди-

¹ Naudon P. Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P. 40.

² Ibid. P. 41–42.

нение «старых» и «новых» масонов Соединенного Королевства. Вслед за этим, 27 декабря 1813 г., в Freemasons Hall, ставшем с 1775 г. главным масонским храмом Лондона, была провозглашена Объединенная Великая ложа Древних Франкмасонов Англии (United Grand Lodge of Ancient Freemasons of England). По предложению принца Эдуарда, герцога Кентского, представлявшего интересы «старых» масонов, младший сын короля Георга III, Август Фредерик, герцог Суссекский, был избран первым Великим мастером Объединенной Великой ложи. К новой структуре, сохраняя прежнюю автономию, примкнули Великие ложи Ирландии и Шотландии. Процесс масонской консолидации в Соединенном Королевстве завершился переизданием книги «Конституций» и утверждением Йоркского ритуала — единого обрядового культа.

Преобразования, связанные с окончательной унификацией масонских структур на территории Великобритании, придали движению дополнительную устойчивость и влияние в обществе. Провозглашение Объединенной Великой ложи Англии завершило превращение национальных лож «вольных каменщиков» в неофициальный, но важный государственный институт. Следует подчеркнуть, что состоявшиеся в его рамках имиджевые и организационные метаморфозы были инициированы людьми, приближенными к власти (К. Рен и Д.Т. Дезагюлье — члены научного Королевского общества) и, следовательно, изначально контролировались представителями правящей династии Ганноверов.

Разумеется, опыт Великобритании по использованию масонского интеллектуального потенциала в вопросах модернизации общества и государства не мог остаться незамеченным. Тем более, что территория этого государства стала плацдармом для организации целенаправленного внешнего распространения масонской идеологии и практики. Масонские «Конституции», переизданные в 1756 г. Джоном Интейком, содержали на своих страницах упоминания регистрационных номеров нескольких сотен зарубежных лож, открытые которых было санкционировано Великой ложей Англии. Результаты столь мощной идейной экспансии не заставили себя ждать. В умеренных дозах имплантация масонских структур как совещательных интеллектуальных собраний с участием первых лиц государства в систему внутреннего управления наблюдалась также в Швеции, Пруссии и даже в России. В этих странах появились собственные Великие Национальные ложи, элитный

состав которых позволяет констатировать наличие возможности их реального влияния на содержание принимаемых государственных решений. Тем самым не будет преувеличением констатация возможности существования практики сотрудничества масонских структур со структурами государственными.

Были ли состоявшиеся события масонским заговором? Для многих исследователей, даже современных — положительный ответ на заданный вопрос очевиден. Впрочем, на наш взгляд, возможен вывод иного порядка. Как свидетельствует опыт Великобритании, современное масонство — это «продукт» двойного происхождения. То есть, результат совместных усилий интеллектуалов-просветителей и — в значительной степени — самого государства. Обе стороны с очевидностью стремились к внутренней стабильности в условиях назревшего общественного переустройства. Исходя из такой оценки система отношений между масонскими структурами и комплексом государственных институтов приобретает совершенно другое видение. Во всяком случае, непредвзятый, объективный анализ не исключает возможности достаточно тесного сотрудничества этих двух, казалось бы, полярных сил. Любопытно, но ситуация, наблюдаемая в наши дни, подтверждает сделанный вывод. Во всяком случае, в начале XXI столетия, в ареале Западной цивилизации наблюдается тщательно отрегулированная наднациональная система сотрудничества масонства и государственных институтов, участником которой является и Ватикан.

В качестве дополнительных аргументов, подкрепляющих такой вывод, могут быть представлены усилия «вольных каменщиков» Североамериканских колоний Англии, а также имперского масонства Наполеона Бонапарта.

Координирующая и направляющая роль американского масонства в сфере политики, которая проявилась уже на стадии Войны за независимость, отмечена многими специалистами¹. Они указывают на принадлежность к ложам большинства североамериканского истеблишмента, включая «отцов нации» и первого президента Джорджа Вашингтона.

Влияние масонства легко прослеживается на стадии формирования государственных институтов США. Например, важнейшие константы ортодоксальной масонской идеологии при-

¹ *Morse S. Freemasonry in the American Revolution. Washington: The masonic service association of the United States, 1924. P. 72.*

сутствуют в Декларации независимости (1776). Этот исторический текст подготовили такие знаменитости, как Джон Адамс, Бенджамин Франклин, Роберт Шерман, Роберт Ливингстон и Томас Джефферсон — единственный непосвященный в группе масонских авторов. Немаловажно, что Франклин и Ливингстон занимали посты Великих мастеров в структурах «вольных каменщиков» своих штатов¹. Визирующую подпись под текстом Декларации поставил Джон Хэнкок — также масон и президент Континентального Конгресса².

Присутствие масонско-просветительской идеологии не менее очевидно в статьях Конституции США. В них были, в частности, закреплены правила участия граждан США в избирательных компаниях. Как и в масонской ложе, они утвердили практику внесловного и внеконфессионального избрания во властные структуры³. У французского масона и философа Шарля-Луи Монтескье американские законодатели позаимствовали принцип разделения властей.

Даже краткий анализ воззрений, взятых на вооружение масонами Североамериканских колоний, позволяет сделать вывод об их решающем влиянии на формирование главных лозунгов американской революции и базовых принципов в деле строительства нового демократического государства. Столь тесная идейная и практическая консолидация разрушает стереотипы обвинений «вольных каменщиков» в организации разрушительных политических заговоров. Масонство, включая американское, не может быть представлено в качестве сектантского, изолированного от внешнего мира и оторванного от реалий общественной жизни движения. Напротив, можно утверждать, что его модернизированные структуры изначально заявили о себе в качестве влиятельного общественного института, активно способствующего генерации и распространению передовых морально-этических ценностей, составляющих основу ментальности современного демократического общества. Важно подчеркнуть, что традиция масштабного «взаимопроникновения» масонства и американского государства активно поддерживалась на протяжении всей

¹ *Morse S. Freemasonry in the American Revolution. P 72.*

² *Roberts A.E. Freemasonry in American History. P. 139.*

³ Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1993. С. 29.

его истории. Не случайно, многие президенты США, начиная с Джорджа Вашингтона, были членами масонских лож.

Попытка использовать масонский потенциал в вопросах государственного строительства была предпринята также в период Французской революции. Такие её свидетели, как Огюстен Баррюэль¹ и Джон Робинсон², прямо связали состоявшиеся трагические события с конспиративной деятельностью «вольных каменщиков», а также их союзников — иллюминатов³. Однако действительная роль масонских лож в революционной Франции не столь однозначна и примитивна, а потому нуждается в уточнении.

В последней четверти XVIII столетия наиболее влиятельной масонской структурой Франции являлся Великий Восток, в руководстве которого преобладали представители правящей династии и близкие ко двору аристократы. Наиболее заметную роль в масонском движении предреволюционной Франции играли столичные собрания, ставшие местом сосредоточения интеллектуалов-оппозиционеров. На этих заседаниях обсуждались наиболее злободневные темы, имеющие отношение к политике, религии и другим сторонам общественной жизни. Особой активностью отличались такие масонские центры Парижа, как ложа «Девяти сестер» и «Олимпийское общество». Они активно формировали новое мировоззрение, нацелившее «третье сословие» на осуществление мирных, но решительных перемен в государстве. По мнению масонов-идеологов, роль которых во Франции, как и в других странах, исполняли философы-просветители, реформы должны были состояться под лозунгом соблюдения «естественных прав» человека. Поскольку такие преобразования отражали чаяния большинства суверенной нации, их вдохновители надеялись на исключительно благоприятное развитие событий, в том числе, на сотрудничество короля-гражданина. Подобная деятельность, несмотря на свой дестабилизирующий характер, не может быть признана исключительно тайной и заговорщической. Напротив, она носила открытый для властей характер, хотя, по понятным причинам, не могла приобрести официального статуса. Не менее важно увидеть, что инициативы и действия оппозиции трудно позиционировать в ка-

¹ *Barruel A. Memoires pour servir a l'histoire du jacobinisme. T. 1–4. L.: Kenning, 1797–1798.*

² *Robinson J. Proofs of a conspiracy. Edinburgh: W. Cresch, 1798.*

³ *Barruel A. Des illuminés de Bavière. P.: Éditions de Prieuré, 1999.*

честве сугубо политических, поскольку, например, участники масонских собраний, руководствуясь этическими соображениями, лишь констатировали свои расхождения с позицией власти. Во всяком случае, усилия масонского Братства никогда не выходили за рамки действующих законов и обычно сопровождалась вполне предсказуемыми инициативами, наподобие составления знаменитых наказов депутатам последних Генеральных штатов. Тем самым широкое распространение масонского движения во Франции явилось не причиной, а следствием тех кризисных процессов, которыми уже была захвачена вся страна. Накануне 1789 г. в национальных ложах насчитывалось порядка сорока тысяч человек, из которых не менее четверти было сосредоточено в столичном Париже¹.

Без сомнения, истоки и начало Французской революции следует связывать с неспособностью правящей элиты откликнуться на призыв легальной оппозиции к диалогу о судьбах страны. Самоизоляция власти, которая во все времена является главным механизмом, ведущим к ее падению, привела во Франции к спонтанному массовому взрыву. В дальнейшем политические события развивались во многом бессистемно, что также доказывает отсутствие заранее спланированного заговора. Слабоуправляемый поток революционного хаоса потребовал действия новых вождей. В условиях революционной стихии и беспринципной борьбы за власть Мирабо, Дантон, Марат и Робеспьер быстро и навсегда расстались с такими условными категориями, как истина, справедливость, добродетель, равенство, «естественные права», «общественный договор». Их главной задачей являлось скорейшее, во многом инстинктивное, определение тех политических путей, которые помогли бы им элементарно выжить и сохранить обретенную власть. Во многом, под влиянием чрезвычайных обстоятельств и страха за свое будущее, ими были созданы основы нового республиканского государства, в чрезвычайных декретах которого с трудом просматривались идиллические картины обещанного просветителями «царства Разума».

В сложившейся ситуации действия масонских структур являли собой образец пассивной наивности. Они по-прежнему оставались разобщенными и не сумели выработать приемлемой программы действий. Как свидетельствуют факты, такие влиятельные масонские центры, как Великий Восток, Великая ложа Франции,

¹ *Mary R. L. La Franc-Maçonnerie dans le monde. P. 25.*

Исправленный Шотландский Обряд утратили контроль над подчиненными им ложами¹. Особенно серьезно пострадал имидж некогда могущественного Великого Востока Франции, лидер которого герцог Филипп Орлеанский в феврале 1793 г. объявил об отставке².

Тем самым, масонские вожди не смогли усилить свой контроль над политическими реалиями, как можно подумать, если следовать логике сторонников теории заговора. Напротив, они неумолимо утрачивали его. Не случайно подлинными трибунами и вождями революции — О. Мирабо и М. Робеспьер — не были ни масонами, ни просветителями. Что же касается таких «вольных каменщиков», как Лафайет, Бриссо, Дантон и Марат, то принадлежность этих людей к дореволюционным масонским ломам лишь оттеняет разобщенность и слабость Братства, нежели доказывает его тайные намерения и политическое влияние. После начала Большого Террора, развязанного якобинцами, работа столичных и провинциальных братьев была приостановлена³.

Период гонений на масонские структуры продлился во Франции недолго. После термидорианского переворота (27 июля 1794 г.) многие из них приступили к работе. Более длительный период потребовался для восстановления деятельности руководящих структур. По всей видимости, крайне сложным для большинства братьев оказался процесс выбора грядущих перспектив. Без сомнения, трагедия революционных перемен внесла существенные коррективы в мировоззренческие концепты «вольных каменщиков», заставила пересмотреть многие из прежних политических приоритетов.

На фоне оживления светской жизни во Франции, оказавшейся во власти Исполнительной Директории, в Париже состоялась реанимация масонских собраний. Именно здесь, 17 июня 1796 г., на пост Почетного гроссмейстера Великого Востока был избран видный масон-реформатор А. Реттье де Монтало (1748–1808). Следуя этому примеру, восстановила свои структуры и Великая ложа Франции. В июне 1799 г. стороны подписали Протокол о союзе⁴. В декабре 1801 г. аналогичный договор был подписан между

¹ Chevallier P. Histoire de la Franc-Maçonnerie française. Т. 1. P. 341–360.

² Ibid. P. 337–338.

³ Ibid. P. 337–338.

⁴ Naudon P. Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P. 97.

Великим Востоком и Провинциальной ложей Арраса. Во временной оппозиции находились структуры Верховного Совета Франции графа Александра Франсуа де Грасс-Тилли, первыми признавшие 33 степени посвящения «американского» Древнего и Принятого Шотландского обряда. Противостояние удалось преодолеть 5 декабря 1804 г., по итогам союзного Договора, подписанного между Великим Востоком и Верховным Советом. Незадолго до этого, 27 ноября, руководство Великим Востоком перешло в руки Жозефа Бонапарта и его заместителей — Луи Бонапарта и Жан Жака Камбасереса. Их деятельность, явно нацеленная на максимально быструю унификацию структур национального масонства, убедительно свидетельствовала, что за спинами новых лидеров «вольных каменщиков» находился Наполеон Бонапарт — первый император постреволюционной Франции. Небезынтересно, что большое внимание масонам уделяла императрица Жозефина, покровительствующая женским ломам¹.

Был ли Наполеон масоном? Вопрос отнюдь не праздный, поскольку многие монархи, в том числе современники французского императора (Павел I, Александр I, Фридрих-Вильгельм II Прусский), являлись членами Братства. Прямых документальных свидетельств о принадлежности великого корсиканца к масонству не сохранилось. Скорее всего, оказавшись на вершине власти, он постарался скрыть своё участие в закрытой организации. Этот шаг помог Наполеону занять позицию верховного арбитра и закулисного лидера нового имперского масонства.

Политика Наполеона, нацеленная на формирование системы «имперского» масонства, принесла её субъектам очевидные выгоды. Так, не встречая препятствий со стороны властей, масонские ложи активно расширяли масштабы деятельности. В 1814 г., незадолго до падения Империи, структуры Великого Востока Франции объединяли 1219 лож². Деятельное участие в масонском движении начала XIX столетия принимали французские военные. Среди маршалов Наполеона обладателями высших степеней Братства были Андре Массена, Иоахим Мюрат, Этьен Макдональд, Франсуа Келлерман, Шарль Ожеро, Мишель Дюрок

¹ Collaveri F. La Franc-maçonnerie des Bonaparte. P.: Payot, 1982. P. 161–190.

² Naudon P. Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P. 97.

и Франсуа Лефевр. Их имена значились в протоколах заседаний структур Великого Востока¹.

В масонских списках времён Империи Бонапарта значились также высшие гражданские сановники. Так, «вольными каменщиками» являлись министр иностранных дел Ш. М. Талейран, министры полиции Ж. Фуше и Р. Савари, дипломат и посол в Петербурге Ж. А. Лористон.

Без сомнения, унифицированное Братство, поставленное на службу императору Франции, как нельзя лучше содействовало «сплочению рядов» правящей элиты. К тому же завсегда и лож были «на виду» у полиции, а первое лицо, регулярно получавшее соответствующие пресс-релизы, оказывалось в курсе нюансов в настроениях своего ближайшего окружения.

Знакомство с практической деятельностью регулярных масонских лож Великобритании, США и Франции в хронологии XVIII — начала XIX вв. позволяет сделать важные выводы. Становление, распространение и активность обновленного масонства в эпоху Нового времени не следует воспринимать в качестве примера мировоззренческого упадка, который выразился в ностальгической жажде реставрации древнейших оккультных и эзотерических практик. Напротив, деятельность регулярных масонских лож, начавшаяся на территории Англии, может быть представлена в качестве инновационного идейного проекта. В рамках его реализации усилия Братства, без преувеличения, явились эффективным способом мобилизации национального интеллектуального потенциала. Отметим при этом, что поиски новой парадигмы развития, столь важной для «старой» Европы, а priori обеспечили первенство буржуазной Великобритании. Представители её либеральной творческой элиты первыми провозгласили приоритет просветительской светской идеологии, массовыми ретранслятором которой были призваны стать новые созерцательные масонские ложи. Стратегия этих структур полностью соответствовала запросам прогрессивной части правящей элиты многих европейских стран. По этой причине деятельность масонских лож никогда не противоречила государственным интересам и не создавала угрозы институтам власти. Конспирологические традиции в ритуальной практике «вольных каменщиков» всегда носили формальный характер и не нарушали законодательства. К началу XIX столетия регулярные

¹ Mary R.L. La Franc-Maçonnerie dans le monde. P. 27–28.

масонские структуры ведущих стран Запада — Великобритании, Франции, США — окончательно приобрели статус легальных и влиятельных общественных институтов.

Особым образом судьба масонского движения сложилась на территории Российской империи.

Первые масоны появились здесь в окружении Петра Великого (П. Гордон, Ф. Лефорт, Я. Брюс)¹. Однако в качестве организованного движения масонство утвердилось в России лишь в период правления Анны (1730–1740). Важно подчеркнуть, что его структуры контролировались Великой ложей Англии. Именно Лондон санкционировал назначение первого Провинциального Великого мастера России. Как свидетельствует запись в книге масонских «Конституций», в 1731 г. этот пост занял капитан Джон Филипс².

Во второй половине XVIII столетия немногочисленными «русскими масонами» по-прежнему являлись иностранцы, жившие в столице молодой империи, а также представители придворной аристократии. В списке участников масонского движения фамилии самых родовитых российских вельмож. Это — графы Никита Иванович Панин, Николай Александрович Головин, Захар Григорьевич Чернышев, Кирилл Григорьевич Разумовский, Александр Сергеевич Строганов, князья Николай Васильевич Репнин, Юрий Владимирович Долгоруков, Гавриил Петрович Гагарин, Алексей Борисович Куракин³. Разночинские элементы в законопослушные и христианско-православные ложи России не допускались. Долгие годы их лидером являлся сенатор Иван Перфильевич Елагин (1725–1794), также получивший диплом Провинциального Великого мастера из Лондона⁴.

Помимо английского масонства «иоанновских степеней», большим влиянием в России пользовались ложи Шведского ри-

¹ Наиболее полно история отечественного масонства XVIII-начала XIX вв. освещена в работах российского историка-архивиста Андрея Ивановича Серкова — см.: Серков А.И. 250 лет масонства в России. М.: Российская государственная библиотека, 1993; он же. Русское масонство, 1731–2000: Энциклопедический словарь. М.: РОСПЭН, 2001.

² The Constitutions of the Ancient and Honourable Fraternity Free and Accepted Masons. P. 333.

³ Словарь масонов XVIII–XIX веков (До царствования Николая II) // Платонов О.А. Криминальная история масонства. С. 120–203.

⁴ Даринский А.В., Старцев В.И. История Санкт-Петербурга. СПб.: Издательство «Глагол», 2002. С. 52.

туала. Летом 1777 г., в целях его максимально быстрого распространения, российскую столицу посетил король-масон Густав III (под именем графа Готландского). Его сторонниками здесь были влиятельные придворные вельможи — князья Г. П. Гагарин и А. Б. Куракин¹.

Не меньшей популярностью в Санкт-Петербурге пользовалось также прусское масонство, получившее новый импульс в развитии после реформ Иоганна Вильгельма фон Циннендорфа (1731–1782)².

Участники конвента «вольных каменщиков» в Вильгельмсбаде (1782) отметили важность вклада России в события «масонского Ренессанса». В итоге представительный европейский форум «вольных каменщиков», собравшийся в Пруссии, признал за Россией статус независимой масонской провинции³.

В конце правления Екатерины Великой, которая относилась к масонам с подозрением, в структурах «вольных каменщиков» России наметились важные перемены. Их главная причина — «охлаждение» к масонству в высшем свете и неудовольствие их внешними контактами при дворе. Поначалу модное увлечение со временем превратилось в элемент поднадоевшего подражания Европе. Парадность собраний, на которых не звучала русская речь, кажущиеся непонятно-бессмысленными обряды, их обилие и скучнейшие заседания — всё это порождало недоверие, а иногда и просто враждебное отношение к отечественным «вольным каменщикам». Впрочем, ложи чудаковатых местных «фармазонов»⁴ не были преданы полному забвению. Масонские собрания успели превратиться для многих россиян в важный элемент стратегии личной и социальной идентификации, а также соответствия доминанте европеизма. В конечном итоге принадлежность к Братству давала человеку ощущение причастности к слою добродетельных и просвещенных подданных, то есть, к избранным. Наряду с клубами, литератур-

¹ Соколовская Т.О. Капитул Феникса: Высшее тайное масонское правление в России (1778–1822 гг.). М.: Издательство Гос. публ. ист. б-ки России, 2000. С. 5–9.

² Даринский А.В., Старцев В.И. История Санкт-Петербурга. С. 204–205.

³ Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство. От Петра Первого до наших дней. М.: Издательство «ФондИВ», 2008. С. 204.

⁴ Фармазон (искаженное от фр. *franc-maçon*) — в России начала XIX столетия ироничное наименование масона.

ными и научными обществами, салонами и театрами, ложи утвердили себя также в качестве нового института «публичной сферы». В восприятии адепта и посвященного масонский Храм обеспечивал течение жизни в неизведанной ранее системе координат — за пределами службы, церкви и семьи¹. У большинства братьев, особенно неродовитых, были все основания гордиться своей принадлежностью к масонскому Ордену. К тому же, как и в большинстве европейских стран, активными участниками масонского движения в России стали многочисленные представители дворянской интеллигенции, избравшие непростую стезю критиков-вольнодумцев. В движении «вольных каменщиков» новоявленные участники увидели столь необходимую для них среду общения, способную откликнуться на пропаганду передовых воззрений. Тем самым масонские ложи в России вплотную приблизились к сфере политики. Это подготовило их конфликт с государственной властью, настроенной традиционно консервативно и мало восприимчивой к лозунгам перемен.

В эпицентре противостояния оказалась старая столица. В 1783 г. в Москве был учрежден Орден Златорозового Креста, члены которого являлись последователями взглядов французского мистика К. А. де Сен-Мартена (1743–1803). В организационном плане новая структура стала филиалом Берлинского Ордена розенкрейцеров, созданного и возглавлявшегося масоном И. Х. Таденом (1714–1797). Переговоры о создании российского филиала Ордена провели Иван Григорьевич Шварц (1751–1784) и Петр Алексеевич Татищев (1730–1810), посетившие Пруссию в поисках «истинного масонства»². По итогам визита новоиспеченные масоны-розенкрейцеры взяли на себя обязательства поддерживать инициативы и политику герцога Ф. А. Брауншвейг-Вольфенбюттельского (1740–1805), одобренные масонами в Вильгельмсбаде. Они требовали унификации масонского Ордена, осуждения иллюминатов, преодоления раскола «вольных каменщиков» путем отказа от

¹ Смит Д. Работа над диким камнем: Масонский орден и русское общество в XVIII веке / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 9.

² Семёка А.В. Русское масонство в XVIII веке // Масонство в его прошлом и настоящем. В 2 т. М.: Изд. «Задруги» и К. Ф. Некрасова, 1914–1915; т. 1. С. 149; Киселёв Н.П. Из истории русского розенкрейцерства. СПб.: Издательство им. Н. И. Новикова, 2005. С. 206.

хаотичного «изобретения» новых Обрядов¹. Для координации усилий в Россию прибыл немецкий эмиссар Генрих Якоб Шрёдер (1757–1797)².

В апреле 1784 г. в Москве состоялось учреждение Провинциального Капитула и Директории — новых центров управления «правильными» российскими ложами. В состав руководства вошли князь Николай Никитич Трубецкой (1744–1821), Николай Иванович Новиков (1744–1818) и Петр Алексеевич Татищев. Деканом новой структуры был избран видный московский «вольный каменщик» князь Юрий Никитич Трубецкой (1736–1811). Одновременно в Москве была учреждена Великая Провинциальная ложа, возглавленная князем Юрием Владимировичем Долгоруковым (1740–1830). В скором времени московские розенкрейцеры начали переговоры на предмет возведения в сан Провинциального Великого мастера цесаревича — Великого князя и масона Павла Петровича³.

Следует оговориться, что масонские преобразования, состоявшиеся в Москве, носили умеренный характер. Об этом, в частности, говорит тот факт, что местные розенкрейцеры не прервали отношений со столичными ложами. Не менее важно, что идеологией масонов-розенкрейцеров был признан мартинизм, который противопоставлялся революционным идеям Просвещения. Энциклопедисты были объявлены врагами Ордена розенкрейцеров. Будучи радикалами, но лишь в глазах обывателей-ретроградов, московские масоны-мартинисты предпочитали максимально дистанцироваться от политических коллизий. Тем не менее, действия новых лож и, в особенности, попытки их лидеров установить контакты с Великим князем Павлом Петровичем вызвали сильнейшее беспокойство Екатерины. В декабре 1785 г. императрица отдала распоряжение о введении запрета на печать и распространение опасных по содержанию книг, в том числе, масонских изданий⁴.

¹ Hammermayer L. La crise de la Franc-Maçonnerie Européenne et le convent de Wilhelmsbad (1782) // Dix-huitième siècle. La Franc-Maçonnerie. Revue annuelle publiée par la Société française d'Étude du XVIII siècle. № 19. P.: Prix Le Monde de la Recherche universitaire, 1987. P. 73–95.

² Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство. С. 204.

³ Брикнер А. История Екатерины Второй. В 2 т. М.: Современник, Товарищество Русских художников, 1991. Т. 2. С. 698.

⁴ Брачев В.С. Масоны у власти. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. С. 193.

Антимасонские действия российских властей активизировались с началом Французской революции. Негативную роль сыграли также доносы князя А. А. Прозоровского, занимавшего пост московского генерал-губернатора. Он подозревал розенкрейцеров в «заведении новой церкви», во вмешательстве в государственные дела и даже в республиканизме. «Мартинисты, — писал чиновник императрице, — считают Христа своим начальником и действуют Его именем, а это значит: где Христос управляет, то тут другого правительства, как гражданского, так и духовного быть не может»¹.

В обострившейся ситуации антимасонские репрессии становились неизбежными. В начале лета 1792 г. был арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость Николай Иванович Новиков. В ходе следствия обвиняемый вины не признал, объясняя, что «истинное масонство ведет к нравственному исправлению»². Были также задержаны и допрошены Н. Н. Трубецкой, И. В. Лопухин, И. П. Тургенев³.

Разгром организации московских розенкрейцеров поставил под вопрос дальнейшее существование лож российских «вольных каменщиков». Однако первое столкновение масонства и самодержавия завершилось локальными ограничениями. В своем Указе А. А. Прозоровскому от 1 августа 1792 г. Екатерина о запрете российских масонских структур не объявила⁴. Суровое наказание Н. И. Новикова, который был охарактеризован императрицей как «фанатик», явилось грозным предупреждением его последователям в Москве и покровителям в Санкт-Петербурге. Впрочем, после московских репрессий и высочайшего демарша деятельность масонских собраний России, впервые уличенных в политической неблагонадежности, замерла сама по себе.

¹ Бафсков Я.А. Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792 гг. Пг.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук, 1915. С. XIV.

² Ответы Новикова Шешковскому в Шлиссельбурге в июне 1792 г. // Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. Время Екатерины II. М.: Гос. соц.-эконом. издательство, 1923. Часть II. Вып. 3. С. 226–236.

³ Подробнее об антимасонской компании российской императрицы — см.: Мадариага И., де. Россия в эпоху Екатерины Великой / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 834–846.

⁴ Стафцев В.И. Тайны русских масонов. СПб.: Издательство «Д.А.Р.К.», 2004. С. 23–24.

Ситуацию изменила смерть Екатерины (1796). Император Павел помиловал мартинистов-розенкрейцеров, однако сам от масонской деятельности окончательно отошёл. В 1797 г. по его инициативе были установлены связи с мальтийцами-иоаннитами, давними противниками и конкурентами масонов. В 1799 г. российский император официально занял пост Великого магистра Мальтийского ордена¹.

После убийства Павла I (1801) и восшествия на престол императора Александра I влияние немецкого масонства в России вновь возросло. В его распространении особенно успешной оказалась деятельность прусского эмигранта-миссионера И. Фёсслера (1756-1839). В 1809 г. создатель Обряда Берлинского совершенства основал в Санкт-Петербурге ложу «Полярная Звезда», в работе которой принимал участие влиятельный политик-реформатор М.М. Сперанский².

В 1809 г. в России возобновили работу ложи Шведского ритуала и Капитул Феникса. В 1811 г. три «шведские ложи», пользующиеся покровительством императора-масона Александра, основали Великую Директоральную ложу Владимира к Порядку³.

Дальнейшая история российского масонства была связана с попытками его полной универсализации и огосударствления. Тем самым российские власти явно пытались скопировать реформы, уже состоявшиеся в Великобритании, США и в наполеоновской Франции. В 1815 г. в рамках осуществления задуманной трансформации масонских структур на территории Российской империи открыла свою работу Великая ложа Астрая⁴.

Однако действия, нацеленные на формирование российского «государственного масонства», закончились неудачей. Главная её причина — быстрое превращение местных лож «вольных каменщиков» в собрания заговорщиков, недовольных отказом властей от проведения либеральных реформ. Получив доносы о готовив-

¹ Захаров В.А. Суверенный Мальтийский орден: взгляд сквозь века // Новая и новейшая история. 2004. № 1. С. 184–204.

² Брачев В.С. Масоны у власти. С. 233–234; Горбачев Д.В. Общественно-политические взгляды И.А. Фёсслера: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2012.

³ Соколовская Т.О. Капитул Феникса. С. 47.

⁴ Там же. С. 62.

шемся перевороте, император Александр I Указом от 1 августа 1822 г. запретил деятельность масонских лож в России¹.

История масонского движения в России позволяет говорить о безусловном факте мощного духовно-нравственного, культурного и политического (однако вовсе не криминального, как доказывает О.А. Платонов) влияния². Вне всяких сомнений, усилия масонских структур были призваны содействовать приобщению патриархальной, православной страны к либеральным ценностям европейской цивилизации. В ходе этой кампании, намеченной и осуществляемой «сверху», ставка делалась на мирные способы пропаганды идей модернизации страны, а революционные методы, как правило, отвергались и критиковались. Однако охранительная корреляция чуждого для России внешнего влияния, предпринятая самодержавием в эпоху революционных катаклизмов в Европе, на долгие десятилетия прервала «масонский эксперимент».

¹ Брачев В.С. Масоны у власти. С. 277–293.

² Острецов В.М. Масонство, культура и русская история. М.: «Крафт+», 2004; Соловьев О.Ф. Русские масоны. От Романовых до Березовского. М.: Эксмо, Яуза, 2005.

Глава 13

РЕЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В США И РОССИИ: ВИГИ И ДЕКАБРИСТЫ

Филимонова М.А.

Влияние философии Просвещения на конституцию США и конституционные проекты декабристов в России бесспорно. Из просветительских политических текстов «отцы-основатели» США, как и дворянские революционеры в России заимствовали базовые представления о свободе и равенстве, о правах человека и оптимальной организации государственной власти. Менее изученной представляется рецепция в США и России просветительских представлений об этничности, о моральной основе республики, о связи государственного устройства с размерами и климатом страны. Данная глава призвана в какой-то мере заполнить существующий пробел.

И США, и Россия находились на периферии развития просветительской культуры. Идеи Просвещения генерировались в Великобритании и Франции в то время, как в России и США шла их активная рецепция.

Среди американских вигов огромным авторитетом пользовались такие философы, как Дж. Локк, Д. Юм, Ш.Л. Монтескье. В американских политических текстах XVIII в. легко найти базовые концепции, выработанные европейскими просветителями: естественное право, договорное происхождение государства, суверенитет народа и др. Из отдельных национальных традиций, повлиявших на американское Просвещение, по понятным причинам выделяется английская. А. Харц считал, что определяющим в

данном случае было влияние Дж. Локка¹. Авторы, развивавшие т. н. «интеллектуальную интерпретацию» Американской революции, прежде всего Б. Бейлин, подчеркивали влияние в молодом государстве английской оппозиционной мысли². Г. Вуд возводил многие идеи Американской революции к английской идеологии «кантри», у истоков которой стояли Э. Шефтсбери, Г. Болингброк, Гордон и Тренчард³. На современном этапе тезис Харца о «локковской парадигме» Американской революции похоже возрождается, но уже на новом уровне. Ш. Стимсон, например, оценивает влияние Локка в Америке следующим образом: американцы почерпнули у английского просветителя не столько конкретные формы политических институтов, сколько общее отношение к политике, представление об определенности закона и ограниченности разума⁴. Дж. Браун в своей монографии убедительно показала, как в колониальной Америке распространялись приемы локковской педагогики и как соответствующее воспитание подготавливало американцев к восприятию политических идей Просвещения⁵.

Но влияние английской философской традиции отнюдь не было исключительным. Американцы находились под сильным воздействием шотландского Просвещения. Д. Юм, А. Фергюсон, А. Смит во многом определяли их представления о человеческой природе, политике, экономике⁶.

Помимо англоязычной философии XVII–XVIII вв. не следует игнорировать и влияние Просвещения других стран, в особенности мощной философской традиции Франции. Между тем, воздействию французских просветителей на Американскую револю-

¹ Харц А. Либеральная традиция в Америке. М., 1993. См. также: Dworetz, S.M. The Unwarnished Doctrine: Locke, Liberalism, and the American Revolution. Durham, 1990.

² Bailyn B. The Ideological Origins of the American Revolution. Cambridge, Mass., 1967.

³ Wood G.S. The Creation of the American Republic. 1776–1787. Chapel Hill, 1969.

⁴ Stimson S.C. The American Revolution in the Law: Anglo-American Jurisprudence before John Marshall. Princeton, 1990. P. 47.

⁵ Brown G. The Consent of the Governed: The Lockean Legacy in Early American Culture. Cambridge, 2001.

⁶ Wills G. Explaining America: *The Federalist*. Garden City, N.Y., 1981; Микешин М.И. Социальная философия шотландского Просвещения. СПб., 2005. С. 119–140.

цию уделяется значительно меньше внимания. Иногда его полностью отрицают. Историк Д.Х. Мейер, например, утверждает, что Дж. Адамс якобы опасался французских авторов, по причине их религиозного скепсиса¹. Примечательно, что в действительности в числе любимых авторов Адамса был и один из самых радикальных французских просветителей — Ж.Ж. Руссо. О конституции Массачусетса, основным автором которой он был, Адамс писал, что его творение — это «Локк, Сидней, Руссо и Мабли, примененные на практике»². Среди французских просветителей, пользовавшихся популярностью в США, следует выделить Ш.Л. Монтескье. О последнем Мэдисон писал: «Монтескье... был в своей особой науке тем, чем был Бэкон в науке универсальной. Он сорвал покров с почтенных заблуждений, порабоцевавших [общественное] мнение, и указал путь к тем светозарным истинам, которые сам видел лишь мельком»³.

Вопрос о восприятии в Америке просветительских традиций других стран Европы остается неизученным. В качестве сугубо предварительного вывода можно отметить, что «отцы-основатели» высоко ценили таких авторов, как швейцарцы Ж.Ж. Бурламаки и Э. де Ватель, голландец Г. Гроций, немец С. фон Пуффендорф.

В России еще с начала XVIII в. были известны труды Т. Гоббса и Дж. Локка, появлялись переводы знаменитого «Зрителя» Р. Стиля и Дж. Аддисона. Во второй половине столетия, благодаря усилиям Н. Новикова, русская читающая публика смогла ознакомиться с достижениями европейской просветительской литературы, в том числе с трудами И. Бентама, А. Смита, У. Блэкстона⁴. В свою очередь, декабристы опирались на таких европейских теоретиков права, как Делольм, Кондорсе, Б. Констан, Ч. Беккариа, Дестют де Траси, Филанджиери. Определенное влияние на них

¹ Meyer D.H. The Democratic Enlightenment. N.Y., 1976. P. 137.

² Adams J. The Works: 10 vols. / ed. by Ch.F. Adams. Boston, 1850–1856. Vol. 4. P. 216.

³ Madison J. The Papers: 17 vols. / ed. by W.T. Hutchinson and W.M.E. Rachal. Chicago — Charlottesville, 1962–1991. Vol. 14. P. 233.

⁴ Лабутина Т.А. Рецепция идейного наследия английского Просвещения в США, Франции и России в XVIII в. // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 159–160.

оказали также взгляды Б. Франклина¹. Как и в Америке, в России оказалась востребованной теория Ш.Л. Монтескье о разделении властей и его же географический детерминизм.

Декабристы также опирались на сформировавшуюся к тому времени конституционную традицию, в т.ч. американскую. Так, П.И. Пестель при работе над «Русской правдой» пользовался обширной литературой по конституционному праву Запада. Секретарь Южного общества Н. И. Лорер вспоминал: «Квартиру он [Пестель] занимал очень простую, — на площади, против экзерцицгауза, — и во всю длину его немногих комнат тянулись полки с книгами, более политическими, экономическими и вообще ученого содержания, и всевозможные конституции. Не знаю, чего этот человек не прочел на своем веку, на многих иностранных языках»². Н.М. Муравьев также внимательно изучал европейские конституции, знал конституции американских штатов и работы Т. Джефферсона и Дж. Адамса. В числе американских конституций он выделял конституцию Массачусетса, как наиболее близкую к английской правовой традиции³. Читали декабристы и французский перевод «Федералиста». Федеральная конституция 1787 г. также была им известна. Она была опубликована в журнале «Сын отечества» в 1814 г.⁴ В 1807 г. между Россией и США были установлены официальные дипломатические отношения. Русская печать в этот период публиковала обширные сведения о США, в том числе, и об их конституционном устройстве. Соответствующие статьи с восторженными комментариями редактора русские читатели могли найти в «Духе журналов», публиковавшемся в 1815–1820 гг.⁵ Весьма популярны были путевые заметки об Америке П.П. Свинына, публиковавшиеся в 1814 г. в журнале «Сын отечества».

¹ Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России и их западные источники // Мир России. Социология. Этнология. 1996. № 1. С. 168.

² Цит. по: Нечкина М.В. Декабристы. М., 1982. С.75.

³ Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России и их западные источники. С. 169.

⁴ Тимофеев Д.В. «Конституция» в России первой четверти XIX века: поиск ориентиров политического развития // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2011. № 1 (216). С. 27.

⁵ Болховитинов Н.Н. Великие документы Американской революции: взгляд из России // Американская цивилизация как исторический феномен. М., 2001. С. 452–453.

Восприятие заокеанской республики при этом было у декабристов амбивалентным. С одной стороны, они не могли не критиковать плантационное рабство. Они активно использовали параллели с крепостным правом в России для критики всех форм подневольного труда¹. В то же время американский конституционализм оценивался по большей части положительно. Декабрист С.Г. Волконский вспоминал впоследствии, что в Северном обществе активно обсуждался текст американской конституции, причем ее рассматривали как лучший образец для России². Пестель признавался: «Все газеты и политические сочинения так сильно прославляли возрастание благоденствия в Северных Американских Соединенных Штатах, приписывая сие государственному их устройству, что сие мне казалось ясным доказательством в превосходстве республиканского правления»³. Еще более восторженно отзывался о США М. Каховский: «Мы свидетели великих происшествий. Образование Нового Света, Северо-Американские Штаты своим устройством подвинули Европу к соревнованию. Имя Вашингтона — друга, благодетеля народного — пройдет из рода в род, при воспоминании его закипит в груди граждан любовь к благу и отечеству!»⁴

Рецепция политических идей Просвещения как в Америке, так и в России сопровождалась усвоением просветительской ментальности, которая обладала собственным набором характерных черт, отличающих ее как от ментальности барокко, господствовавшей в XVII в., так и от романтического мироощущения, пришедшего на смену Просвещению. Эти черты: рационализм, вера в неограниченные возможности человеческого разума и прогресса, отрицание традиции, секуляризованная картина мира и концепция власти, религиозный скепсис, находящий свое выражение в деизме или атеизме. Общество просветители понимают как совокупность автономных индивидов, что переключается и с их своеобразной картиной истории человечества, которая начинается с естественного состояния изолированных человеческих существ и

¹ Напр.: *Лунин М.С.* Сочинения и письма. Пг., 1923. С. 49.

² Восстание декабристов: Документы. Материалы. Следственные дела: в 12 т. М., 1925–1969. Т. 4. С. 206.

³ Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика / сост. В. Орлов. М.–Л., 1951. С. 504.

⁴ Там же. С. 506.

образования государства путем их договора. Эгалитаризм (хотя бы и ограничивающийся требованием упразднить сословное неравенство) — также характерная просветительская черта. Он совершенно не свойствен, скажем, мироощущению романтиков, делящих человечество на героев и толпу, или средневековой ментальности. Политические проекты, созданные в рамках Просвещения, как правило, имеют своей отправной точкой представление о неизменности человеческой природы, о естественных правах человека и о столь же абстрактно понимаемой сущности государства. Они всегда ориентированы не на возможное, а на разумное, что придает им оттенок радикализма и утопизма. Не случайно, XVIII век дал человечеству огромное количество утопий самого разного типа: от классических утопий, описывающих воображаемое общество, отделенное от реальности временем или пространством (Эльдорадо в вольтеровском «Кандиде», история троглодитов в «Персидских письмах» Ш.Л. Монтескье), до утопий-проектов, реализация которых в принципе допустима («Идея совершенного государства» Д. Юма, «Об общественном договоре» Ж.Ж. Руссо, трактат И. Канта «О вечном мире»)¹.

И «отцы-основатели» США, и декабристы равно верили в возможность разумного переустройства общества на основе соблюдения естественных прав человека, свободы и равенства. В этом смысле они были истинными наследниками Просвещения. При этом в чем-то декабристы заходили несколько дальше своих американских предшественников. Конституционные проекты и Северного, и Южного общества предполагали полное уничтожение крепостного права. Конституция Муравьева торжественно провозглашала: «Раб, прикоснувшийся земли Русской, становится свободным»². Конституция США, как известно, сохраняла рабство в южных штатах, хотя и ограничила африканскую работорговлю. И это несмотря на то, что большинство «отцов-основателей» осуждали рабство как несовместимое с принципами свободного прав-

¹ См.: *Gay P.* The Enlightenment: An Interpretation: 2 vols. N.Y., 1966–1969. Vol. 2; *Мещеряков, Н.М.* Введение // Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. М., 2002. С. 7–18.

² Конституция Н.Муравьева (хранявшаяся в бумагах И.И.Пушина). Гл. III. Ст. 13. URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400/#subpara_N_30001 (дата обращения: 1.10.2018).

ления. Немедленное уничтожение «особого института» они все же считали невозможным и чреватым социальными потрясениями.

Зато в вопросе о республиканизме «отцы-основатели» оказались более радикальными, по меньшей мере, в сравнении с конституционным проектом Северного общества. Наивный монархизм в США был разрушен еще в самом начале Войны за независимость; о восстановлении власти Ганноверов в каком бы то ни было виде речи идти не могло, в то время как Н.М. Муравьев все еще надеялся на возможность сохранения у власти правящей династии. А вот проект Пестеля, как и конституция США, был республиканским.

И «отцы-основатели» США, и декабристы разделяли просветительское представление об историческом процессе, в ходе которого «естественное состояние» сменялось становлением государственности и изначальная свобода народа постепенно утрачивалась либо вследствие обмана, либо вследствие насилия со стороны властей. Классическое выражение такого видения истории возникло под пером Ж.Ж. Руссо: «Сила создала первых рабов, их трусость сделала их навсегда рабами»¹. Общая цель политической эволюции, следовательно, состояла в возвращении утраченных прав.

В соответствии с тем же представлением в конце XVIII в. распространилась идеализация раннесредневековых обществ. На фоне торжествующего абсолютизма пережитки военной демократии у германцев или средневековые республики становились частью актуальной исторической мифологии.

Американские виги лелеяли «саксонский миф», возводя собственную традицию конституционализма к легендарным вольностям англосаксов. Историк и драматург Мерси Уоррен перечисляла основные принципы свободного правления: разделение властей, суд присяжных, неприкосновенность личной свободы и частной собственности. И подытоживала: «Таковы были права человека, привилегии англичан и требования американцев, таковы были принципы саксонских предков Британской империи»². Просвещение не было привержено принципу историзма, и Уоррен не замечала, как нелепо ассоциировать просветительские принципы конституционализма с ранним средневековьем.

¹ Руссо Ж.Ж. Трактаты. М., 1969. С. 154.

² Warren M. History of the rise, progress, and termination of the American Revolution: 3 vols. Boston, 1805. Vol. 3. P. 306.

Декабристы, в свою очередь, пытались опереться на демократические традиции, которые находили в истории русского средневековья. Не случайно возникали в их проектах древнерусские термины, такие, как Народное вече. Но если американцы видели в англосаксонских правовых традициях истоки разделения властей, то у декабристов традиции вечевого Новгорода превращались скорее в образ руссоистской прямой демократии¹.

Абсолютизм и те, и другие считали исторической случайностью, не имеющей прочных корней в национальной традиции. Н.М. Муравьев ссылаясь на историю России, чтобы доказать, что самодержавия «в старину» не было². Установление самодержавия он трактовал как узурпацию власти со стороны царей и как следствие монголо-татарского нашествия, уничтожившего вечевую традицию. Интересно, что и американцы в своей трактовке истории следовали той же схеме, но только место монголо-татарского ига в их исторической схеме занимало норманнское завоевание Англии, а представление об узурпации власти они связывали с правлением династии Стюартов³. Для устранения последствий этих исторических случайностей и нужна была революция.

Представления о революционном процессе у американских виков и декабристов оставались в общем русле просветительской традиции. Это ярче всего проявлялось в том, что революция в идеале виделась упорядоченным, контролируемым процессом, чуждым всякой стихийности. Столь же характерно для просветительской культуры представление о создании разумных законов как о желаемой цели революции.

Различия между американскими и российскими революционерами в данном вопросе определялись различием исторического опыта. Для американцев XVIII в. «революцией вообще» (the revolution) был даже не «Великий мятеж» середины XVII в., а Славная революция 1688-1689 гг. Именно ее опыт они и желали повторить, тем более что Славная революция идеализировалась в официальной пропаганде Великобритании. Весь процесс рисовался строго

¹ Вольф С.П. Проекты государственного устройства П.И. Пестеля и Н.М. Муравьева: опыт прошлого и настоящего в перспективе будущего // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2013. №2 (6). С. 62–66.

² Декабристы. Поэзия, драматургия... С. 480.

³ Там же. С. 481.

юридически обоснованным, протекающим в рамках естественного права. Здесь на американцев явно повлияли соответствующие теоретические выкладки Дж. Локка. Пенсильванец Дикинсон рассуждал о том, что ошибки правительства еще не дают подданным право на восстание; однако управляемые могут и должны попытаться побудить правительство исправить свои ошибки. Народ может представлять петиции и говорить о своих проблемах. В том случае, если петициями пренебрегают, подданные получают право на оппозицию в рамках закона. Дикинсон нравоучительно замечал: «Жесткие методы не могут быть оправданы, пока не потерпели провал более мягкие». К насильственному сопротивлению, наконец, можно прибегнуть, если народ «полностью убежден, что всякое дальнейшее подчинение будет губительно для его счастья»¹.

При соблюдении всех этих условий революция переставала быть внеправовым деянием. Напротив, она, как полагали американские виги, отвечала естественному праву и английским законам. В «Нованглусе» Джон Адамс заявлял: «Мы не подстрекаем к мятежу. Оппозиция, нет, открытое, умышленное сопротивление силой оружия против узурпации и незаконного насилия не является мятежом по законам Бога и нашей страны»².

Концепция революции у декабристов формировалась под влиянием современного им опыта, сложившегося после Великой французской революции, в частности, под влиянием восстания Риго в Испании, деятельности итальянских карбонариев³. Для русского общества первой четверти XIX в. было характерно негативное отношение к революции, связанное с такими представлениями, как жестокость, деспотизм и непредсказуемость результатов (хотя для Американской революции делали исключение, оценивая ее в целом позитивно)⁴. Пестель говорил о Великой французской

¹ Dickinson J. Empire and Nation: Letters from a Farmer in Pennsylvania (John Dickinson). Letters from the Federal Farmer (Richard Henry Lee). Indianapolis, 1999. P. 18.

² Adams J. Papers. Ser. 3: 12 vols. / ed. R.J. Taylor. Cambridge, Mass., 1977–2004. Vol. 2. P. 269.

³ Белоусов М.С. Испанская «подсказка» для декабриста (путешествие С.П. Трубецкого в Париж) // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2015. №4. С. 33–44.

⁴ Тимофеев Д.В. Концепт «революция» в материалах российской периодической печати и оценках современников первой четверти XIX века: опыт

революции: «...большая часть коренных постановлений, введенных революцией, были при реставрации монархии сохранены и за благие вещи признаны, между тем как все восставали против революции, и я сам всегда против нее восставал. От сего суждения родилась мысль, что революция, видно, не так дурна, как говорят, и что может даже быть весьма полезна, в каковой мысли я укреплялся тем еще суждением, что те государства, в коих не было Революции, продолжали быть лишенными подобных преимуществ и учреждений»¹. В представлениях Пестеля большую роль играла концепция революционной диктатуры, явным образом заимствованная у французских якобинцев и отсутствовавшая в американском революционном опыте. Это уже не легалистская революция американского образца, предполагавшая четкое обоснование собственного права на восстание и использование вооруженной силы лишь как последнего средства (*dernier resort*). Тем не менее, и те, и другие считали, что революция должна привести к установлению совершенной конституции и в этом смысле оставались в поле идейной традиции Просвещения.

Легализм был в высшей степени характерен для ментальности Просвещения. Правовым нормам приписывали прямо-таки чудодейственную силу. По мнению Дж. Адамса, от хорошей конституции зависит счастье обитателей государства и процветание общества². Мудрые законы могли повлиять на формирование ментальности народа, скорректировать негативное влияние географического фактора. Врач и реформатор Б. Раш заявлял, что политический строй влияет даже на физиологию человека: «Если верно, что выборное и представительное государственное управление наиболее благоприятно для личности, а также для национального преуспевания, то отсюда, естественно, следует, что оно наиболее благоприятно и для животной жизни человека»³. По мнению одного из первых историков Американской революции Д. Рамсея, республиканизм будет способствовать улучшению нравов, разви-

сравнительно-контекстуального анализа // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2011. №12 (227). С. 134–136.

¹ Декабристы. Поэзия, драматургия... С. 503.

² J. Adams to J. Penn, [Mar. 19–27?], 1776 // Letters of Delegates to Congress, 1774–1789: 26 vols. / ed. P.H. Smith. Washington, D.C., 1976–2000. Vol. 3. P. 400.

³ Американские просветители. Избранные произведения: 2 т. М., 1968–1969. Т. 1. С. 471.

тию наук и искусств, процветанию экономики. Более того, он полагал, что политическая свобода способна повлиять даже на расовые особенности афроамериканцев и сделать их кожу менее черной¹. И напротив, деспотизм пагубно влияет на экономику, искусство, науку и даже на характер своих подданных. «Отец американской юриспруденции» Дж. Уилсон рисовал следующую картину: «Бледный, дрожащий, истощенный, спотыкающийся, не смеющий взглянуть вверх, но в подчеркнутом беспокойстве шарящий глазами во все стороны. Кто это? Это раб дурной конституции и тиранического правительства. Он боится действовать, говорить, смотреть... Его страна — тюрьма, конституция — проклятие, правительство — жезл угнетения, вечно занесенный над его головой»².

Тех же убеждений придерживался Пестель, который писал: «Опыты всех веков и всех государств доказали что Народы везде бывают таковыми, каковыми их соделывают правление и Законы, под коими они живут»³. Неудивительно, что и он, и Н.М. Муравьев годами шлифовали свои конституционные проекты, видя в них залог будущего свободного развития России.

По замечанию А.Н. Медушевского, в первой четверти XIX в. конституционализм становится общепризнанным способом легитимации власти, в т.ч. монархической; при этом он различает монархические (октроированные) конституции и конституции, основанные на принципе народного суверенитета⁴. И конституция США, и конституционные проекты декабристов относились ко второй категории. В период правления Александра I идея конституции была популярна, в т.ч. в правительственных кругах. Правда, там конституция воспринималась как «коренной закон», лишен-

¹ D. Ramsay to Th. Jefferson. May 3, 1786 // Letters of Delegates to Congress. Vol. 23. P. 261.

² Wilson J. The Works: 2 vols. / ed. R.G. McCloskey. Cambridge, Mass., 1967. Vol. 1. P. 307–308. Представление о том, что деспотизм деформирует характер народа, было в то время общим местом. Ср.: Руссо Ж.Ж. Трактаты. С. 338; Гельвеций К.А. Сочинения: в 2 т. / сост. Х.Н. Момджян. М., 1973–1974. Т. 2. С. 183–185; История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера [Статьи, извлеченные из Энциклопедии] / под ред. А.Д. Люблинской. Л., 1978. С. 190–191.

³ Восстание декабристов. Т. VII. С. 149.

⁴ Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России и их западные источники. С. 164–165.

ный всякого революционного подтекста¹. С декабристами, конечно, дело обстояло совершенно иначе.

Цель конституции традиционно в просветительской культуре определялась как общее благо народа. Соответствующая формулировка была включена «отцами-основателями» в преамбулу к федеральной конституции, где одной из целей нового, «более совершенного Союза» провозглашалась необходимость «содействовать всеобщему благоденствию»². В ратификационной кампании 1787–1788 гг. защитники конституции настойчиво убеждали американцев, что новое государственное устройство должно принести благополучие всему обществу. Так, «Boston Gazette» утверждала, что принятие конституции будет большим благословением для США, чем если бы туда чудом перенесли все сокровища Перу и Индии³.

Декабристы также считали общее благо главной целью правительства. Об этом говорилось, например, в Уставе «Союза Благоденствия»: «Правительства сии и законы бывают многообразны, но всякое вообще, какое бы оно ни было, имеет или должно иметь целию (ежели оно справедливо) благо управляемых»⁴.

«Гражданское общество, как и всякое другое, имеет свою *цель* и должно избирать *средства* для достижения оной. Цель состоит в *Благоденствии всего общества вообще и каждого из членов онаго в особенности*»⁵, — вписывал Пестель в «Русскую правду». Там же он связывал общее благо с понятием народного суверенитета: «Народ Российский не есть принадлежность или Собственность какаго либо лица или Семейства. На против того Правительство есть принадлежность Народа и оно учреждено для Блага Народного а не Народ существует для Блага Правительства»⁶.

¹ Тимофеев Д.В. Европейские идеи в России. Челябинск, 2006. С. 175.

² Конституция 1787 г. здесь и далее цит. по: США. Конституция и законодательные акты / под ред. О.А. Жидкова. М., 1993. С.29–49.

³ Boston Gazette. Nov. 19, 1787.

⁴ Закоположение Союза благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: в 3 т. М., 1951. Т. 1. С. 240.

⁵ Русская правда. Введение. Основные понятия. § 3. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/VV_PES_W.HTM (дата обращения: 1.10.2018). Курсив принадлежит Пестелю.

⁶ Русская правда. Введение. Основные понятия. § 7. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/VV_PES_W.HTM (дата обращения: 1.10.2018).

Концепция народного суверенитета была в эпоху Просвещения более чем распространенной. Любое правление, будь то монархия или республика, мыслилось как исходящее из общественного договора и, следовательно, должно было искать источник своей легитимности в воле народа.

В английской конституционной теории (по авторитетному толкованию У. Блэкстона) суверенитет принадлежал парламенту. Американцы отвергли это положение еще на ранней стадии конфликта с метрополией. Идея народного суверенитета, как подчеркивают исследователи, была одним из основных источников американского конституционализма¹. Согласно Дж. Адамсу, народ от Бога и природы получил верховную и абсолютную власть. Этой власти он не может быть лишен. Без поддержки народа правительство не может существовать. Народ может облечь властью, кого пожелает². Соответствующее положение было включено в конституцию Массачусетса, составленную Адамсом (ст. 5, 7)³. Такое понимание близко к руссоистскому, но радикальных выводов Руссо Адамс, конечно, не принимал. Нью-йоркский политик Р.Р. Ливингстон также заявлял: «Наши конституции — чисто демократические, народ является абсолютным сувереном»⁴. В федеральной конституции принцип народного суверенитета был зафиксирован уже в первых ее словах: «Мы, народ Соединенных Штатов». Конституционный документ, таким образом, принимался от лица народа и подлежал затем ратификации на избранных народом специальных конвентах.

Трудно сказать, как именно представляли ратификацию своих конституций декабристы и какую роль в этом вопросе они отводили народу. «Русская правда», в частности, рассматривалась автором как наказ будущему Временному революционному прави-

¹ Conkin P.K. Self-Evident Truths. Being a Discourse on the «Origins and Development» of the First Principles of American Government — Popular Sovereignty, Natural Rights, and Balance and Separation of Powers. Bloomington — London, 1974. P. 119; Wood G.S. The Worthy and the Licentious // The Confederation and the Constitution / ed. G.S. Wood. Boston, 1973. P. 112.

² Adams J. The Works. Vol. 6. P. 469.

³ Конституция Массачусетса цит. по: URL: <http://www.mass.gov/legis/const.htm> (дата обращения: 1.10.2018).

⁴ Livingston R.R. An Oration Delivered before the Society of the Cincinnati. N.Y., 1787. P. 8

тельству, но, видимо, не как предмет для широкого общественного обсуждения. Однако сам принцип народного суверенитета декабристы, конечно, признавали. Конституция Муравьева включала утверждение: «Источник верховной власти, есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления, для самого себя»¹.

При этом понятие «народ» определялось через политические, но не этнические характеристики. Взгляды просветителей на проблему этничности определялись такими чертами их ментальности, как легализм и универсализм. Национальная идентичность для просветителей не есть нечто, существующее от природы. Напротив, «в норме» она создается Законодателем искусственно. Следовательно, она может и изменяться; мнения философов расходятся скорее в том, легко или сложно осуществить такое изменение. Ш.Л. Монтескье создал последовательную теорию «духа законов», который должен соответствовать особенностям каждой конкретной нации. По мнению философа, «общий дух народа» определяется целым рядом факторов, причем некоторые из них носят постоянный и не зависящий от человеческой воли характер: климатом, почвой, режимом питания, религией, формой правления, историей. «Дух народа», по Монтескье, очень устойчив, изменить его сложно, а без необходимости и не следует. Тем не менее, мудрый Законодатель может при помощи законов скорректировать некоторые национальные пороки и привить этносу отсутствовавшие ранее достоинства². Руссо считал, что фундаментальная ошибка Петра I заключалась именно в том, что он недостаточно целенаправленно конструировал идентичность русской нации: «Он хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских»³.

Несколько иной точки зрения придерживались К.А. Гельвеций, считавший, что характер народа зависит от господствующей системы воспитания, и неизменно популярный в предреволюционной

¹ Конституция Н. Муравьева (Текст, найденный в бумагах С.П. Трубецкого). Гл. I. Ст. 2. URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400/#-sub_para_N_30001 (дата обращения: 1.10.2018).

² Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1955. С. 350, 410–432. Ср. также: Дидро, Д. Сочинения: в 2 т. / под ред. В.Н. Кузнецова. М., 1991. Т. 2. С. 378, 382–383.

³ Руссо Ж.Ж. Трактаты. С.183.

Америке шотландский философ Д. Юм. Последний отрицал влияние на «характер нации» климата и т.п. причин, выводя ее особенности из причин «моральных»: формы правительства, уровня благосостояния населения, положения нации в ряду других наций и т.д.¹ Примечательно в этой теории то, что она не допускала поликультурности в рамках одного государства². Это представление впоследствии органично вошло в систему взглядов партии федералистов. А. Гамильтон уверял: «Безопасность республики зависит более всего от силы общенационального чувства, от единообразия принципов и привычек»³. Дж. Вашингтон считал желательной полную ассимиляцию иммигрантов⁴. Конституция США принципиально «не замечала» существования национальных меньшинств. Таким образом, уже в XVIII в. были заложены основы политики «плавильного тигля», определявшей этнические процессы в США более столетия.

При всей пестроте национального состава Российской империи, просветительские установки приводили здесь к тем же выводам относительно этничности, что и в США. Декабристы в полной мере разделяли универсализм Просвещения. Представление о принципиальном единстве человеческой природы давало им основания говорить о возможности конституционализма в России. М. Лунин рассуждал позднее: «Перейдем к самодержавию. Эта политическая форма имеет и свои выгоды и неудобства. Не доказано еще, почему она свойственнее русским, чем другое политическое устройство, и всегда ли они одинаково будут ее предпочитать. Народы, которые нам предшествовали на поприще гражданственности, начали также с самодержавия и кончили тем, что заменили его конституционным правлением, более свойственным развитию их сил и успехам просвещения»⁵.

Анализируя политический дискурс екатерининской эпохи, немецкая исследовательница И. Ширле отметила, что народы

¹ Гельвеций К.А. Сочинения. Т. 2. С. 182, 185; Юм, Д. Сочинения: в 2 т. / под ред. И.С. Нарского. М., 1966. Т. 2. С. 703–721.

² См. об этом: Малинова О.Ю. Либерализм и концепт нации // Полис. 2003. № 2. С. 96–111.

³ Hamilton A. The Papers: 27 vols. / ed. H.C. Syrett. N.Y.–L., 1961–1987. Vol. 25. P. 491.

⁴ Washington G. The Writings from the Original Manuscript Sources 1745–1799 / ed. J.C. Fitzpatrick. Washington, D.C., 1931–1944. Vol. 34. P. 23.

⁵ Декабристы. Поэзия, драматургия... С. 520.

Российской империи выступали в качестве отдельных объектов, лишь когда речь шла об их включении в имперское пространство¹. То же касается дискурса декабристов.

Соответствующие проблемы детально разработал Пестель в проекте «Русской правды». Для него характерно понимание народа как политической общности. «Народ есть совокупность всех тех Людей, которые принадлежат к одному и тому же Государству, составляют Гражданское Общество», — формулировал он². И приходил в результате к формуле «плавильного тигля»: «Должно непременно цель иметь в виду чтобы составить из них всех только Один Народ и все различные оттенки в одну общую массу слить так чтобы обитатели целого пространства Российского Государства все были Русские»³. Для этого Пестель предлагал единый язык, единое наименование и единые законы для всех народов России.

Советский историк М.В. Нечкина делала вывод, что Пестель не сумел найти путей к разрешению национального вопроса⁴. Современные исследователи трактуют позицию Пестеля по национальному вопросу как радикальную и утопическую программу ассимиляции⁵. Однако позиция философов-просветителей по национальному вопросу ничего другого и не предусматривала.

Если полиэтничность в идеальном государстве просветителей не предусматривалась, то многообразие религий, напротив, приветствовалось. «Религии отличаются одна от другой, как отличаются друг от друга правительства. Но все они существуют с соизволения Бога», — рассуждал Вольтер⁶.

¹ Ширле И. Учение о духе и характере народов в русской культуре XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 128.

² Русская правда. Введение. Основные понятия. § 7. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/VV_PES_W.HTM (дата обращения: 1.10.2018).

³ Русская правда. Гл. 2. § 16. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/VV_PES_W.HTM (дата обращения: 1.10.2018).

⁴ Нечкина М.В. Декабристы. С. 87.

⁵ Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. — 1991 г.) / отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2015. С. 26–30.

⁶ Вольтер. Бог и люди: Статьи, памфлеты, письма / Вольтер. Т. 1. М., 1961. С. 286.

Веротерпимость перевозносили и американские виги. Одним из положительных результатов Американской революции (причем не только для самих США, но и для всего мира) они считали развитие религиозной толерантности. В одной из речей, произнесенных в честь дня независимости в 1788 г., говорилось: «Счастливого воздействия Американской революции чувствуется далеко за пределами Америки. Угнетенный ирландец избавлен от непосильного бремени, и ему дозволено отчасти вкушать сладость независимости вместе с нами. Дух терпимости, которым мы столь гордимся, распространился по Европе. Фанатизм католика и негодование угнетенного протестанта смягчились. Первый более не считает храм оскверненным, ежели ступит туда нечестивая нога второго; но оба они могут молиться на свой собственный лад в одном и том же доме, посвященном служению одному и тому же Богу»¹.

При этом веротерпимость «отцов-основателей» имела свои границы. Вера в Верховное существо (под этим подразумевался обычно христианский Бог) по-прежнему считалась важным элементом, скрепляющим сообщество. Религиозных цензов на выборах не существовало только в Род-Айленде. В Пенсильвании от должностных лиц требовалось верить в боговдохновенность Ветхого и Нового завета, в Делавэре — признавать Троицу. В Нью-Джерси занимать посты в органах местной власти могли только протестанты².

Тем не менее, были сделаны первые важные шаги к отделению религии от государства. Нью-Йорк, Нью-Джерси, Делавэр, Мэриленд, Северная Каролина и Джорджия включили запрет создавать государственную церковь в свои конституции. Южная Каролина и Пенсильвания ограничились обычными законами, имеющими тот же смысл. Долгие борьба за свободу совести продолжалась в Виргинии, где положение господствующей англиканской церкви было наиболее прочным. Лишь в 1786 г. Акт об установлении религиозной свободы (предложенный Джефферсоном еще в 1779 г.) был одобрен законодательством штата. В Новой Англии (не счи-

¹ *Hitchcock E.* An Oration, July 4, 1788. Providence, [1788]. P. 21–22.

² Pennsylvania Constitution. Sect. 10 // The Federal and State Constitutions, Colonial Charters, and Other Organic Laws of the States, Territories, and Colonies Now or Heretofore Forming the U.S.A.: 7 vols. / comp. by S.G. Thorpe. Washington, D.C., 1909. Vol. 5. P. 3085; Delaware Constitution. Art. 22 // Ibid. Vol. 1. P. 566; New Jersey Constitution. Art. 19 // Ibid. Vol. 5. P. 2597.

тая Род-Айленда, где свобода вероисповедания существовала с момента основания) отделение церкви от государства завершилось лишь после революции. Будущий деятель Французской революции Ж.П. Бриссо в 1788 г. наблюдал в Бостоне закат конгрегационализма: в городе свободно проповедовали и отправляли свои службы методисты, анабаптисты, квакеры, т.е. представители именно тех конфессий, которых основатели «Града на Холме» не желали допускать к себе, иногда под страхом смертной казни¹.

Много споров было связано с соотношением федеральной конституции и религии. Конституция не упоминала Бога, христианство или какую-либо другую религию, не предусматривала религиозных тестов на выборах. На этой основе антифедералисты конструировали образ угрозы: власть в США может перейти к католикам, мусульманам или даже атеистам². Светский характер конституции смущал и кое-кого из федералистов. Так, Б. Раш выражал желание, чтобы имя Верховного существа было упомянуто в данном документе³. Но чаще федералисты доказывали, подобно О. Элсуорту, что религиозные тесты порождают лишь лицемерие и равнозначны установлению инквизиции⁴.

Что касается декабристов, не случайно современные исследователи считают возможным говорить о религиозных корнях как крестьянского, так и дворянского протеста в России начала XIX в.⁵ Декабристы считали роль православия в России ключевой. Пестель

¹ New York Constitution. Art. 38 // The Federal and State Constitutions. Vol. 5. P. 2636–2637; New Jersey Constitution. Art. 19 // Ibid. P. 2597; Delaware Constitution. Art. 29 // Ibid. Vol. 1. P. 567–568; Maryland Declaration of Rights. Art. 33 // Ibid. Vol. 3. P. 1689; North Carolina Constitution. Art. 34 // Ibid. Vol. 5. P. 2793; Georgia Constitution. Art. 56 // Ibid. Vol. 2. P. 784; *Brissot de Warville J.P.* New Travels in the United States of America, 1788. Cambridge, Mass., 1964. P. 87–88.

² Virginia Independent Chronicle. Apr. 30, May 7, 1787; The Government of Nature Delineated, or An Exact Picture of the New Federal Constitution. Carlisle, 1788. P. 23–25. О проблеме религиозных тестов в ратификационной кампании см. также: *Spellberg D.A.* Could a Muslim Be President? An Eighteenth-Century Constitutional Debate // Eighteenth Century Studies. Vol. 39. No. 4 (2006). P. 485–506.

³ *Brodsky A.* Benjamin Rush: Patriot and Physician. N.Y., 2004. P. 310.

⁴ Connecticut Courant. Dec. 17, 1787.

⁵ *Каменев Е.В., Езоров А.К.* Мировоззренческие основы русского протеста первой половины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 5. С. 56–64.

предлагал даже переименовать Нижний Новгород (куда он хотел перенести российскую столицу) во Владимир, в память о христианизации Руси¹. В конституционных проектах декабристов предусматривалась поддержка РПЦ (чего собственно просветительские концепции взаимоотношений государства и церкви не допускали и аналогов чего в США не было). В конституции Муравьева сохранялось государственное жалование для священников². Пестель предлагал перевести белое духовенство в разряд «чиноначальства»³. Правда, при этом он делал оговорку: «Все прочие Христианския Исповедания ровно как и все Инородныя Веры дозволяются в России естли только не противны оне Российским Законам Духовным и Политическим, правилам чистой Нравственности и не нарушают естественных обязанностей человека»⁴.

И в конституции США, и в конституционных проектах декабристов чувствуется сильное влияние концепций Ш.А. Монтескье. Именно у него заимствовалась общая схема разделения властей. Именно Монтескье впервые выделил привычные нам три ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную. Выделяемая Дж. Локком, еще одним крупнейшим теоретиком разделения властей, «федеративная» власть присутствует в конституции США лишь в скрытом виде. Она состоит в полномочиях объявлять войну и заключать мир и разделена между президентом и Конгрессом. Декабристы «федеративной» власти вообще не выделяли.

Весьма влиятельным оказался географический детерминизм Монтескье и его представление о связи между республикой и добродетелью. Географический детерминизм стал для «отцов-основателей» немалой теоретической проблемой. Согласно учению Монтескье, государственное устройство определялось такими факторами, как климат, плодородие почвы и особенно размеры государства. В частности, обширное государство могло быть толь-

¹ Русская правда. Гл. 1. § 6. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/VV_PES_W.HTM (дата обращения: 1.10.2018).

² Конституция Н. Муравьева (Текст, найденный в бумагах С.П.Трубецкого). Гл. III. Ст. 33. URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400/#sub_para_N_30001 (дата обращения: 1.10.2018).

³ Русская правда. Гл. 3. § 5. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/VV_PES_W.HTM (дата обращения: 1.10.2018).

⁴ Русская правда. Гл. 4. § 19. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/VV_PES_W.HTM (дата обращения: 1.10.2018).

ко деспотическим¹. Раш в 1787 г. в отчаянии писал: «Есть лишь одна вещь, которая может привести Соединенные Штаты к гибели, — это размеры их территории. Возможно, именно для этого Великобритания уступила нам столько незаселенных земель»². Этот теоретический тупик оставался для «отцов-основателей» неразрешимым вплоть до 1787 г.

Однако Монтескье знал и способ обойти установленные им же самим территориальные ограничения. Это то, что сам он называл федеративной республикой (*république fédérale*), хотя по современным критериям это была конфедерация. Монтескье определял эту форму государства как «договор, посредством которого несколько политических организмов обязываются стать гражданами одного более значительного государства, которое они пожелали образовать»³.

Из теоретического тупика «отцы-основатели» вышли в ходе работы Конституционного конвента 1787 г. Его итогом стало первое в мире федеративное государство. Новая теория была изложена в серии памфлетов «Федералист», вошедших в золотой фонд американской политической мысли. Гамильтон приводил определение федерации, полностью совпадающее с современным, хотя и употреблял для ее обозначения иные термины: «Определение *конфедеративная республика*, по-видимому, попросту означает «ассамблея обществ» или ассоциация двух или более штатов в один штат... Пока отдельная организация членов Союза не уничтожена, пока по конституционной необходимости она существует для местных целей, хотя и в строгом подчинении общей власти, речь идет на практике и в теории об ассоциации штатов или о конфедерации»⁴. Мэдисон превозносил такие существенные для современного понимания федерализма черты новой конституции, как разграничение предметов ведения федерации и ее субъектов, представительство штатов и их особых интересов в Сенате⁵.

¹ Монтескье Ш.А. О духе законов. М., 1999. С. 113.

² Commentaries on the Constitution: Public and Private: 4 vols. / ed. M. Jensen. Madison, 1981–1986. Vol. 1. P. 49.

³ Монтескье Ш.А. О духе законов. С.116.

⁴ Гамильтон А. Федералист / А. Гамильтон, Дж. Мэдисон, Дж. Джей. М., 1993. С. 77. Курсив принадлежит Гамильтону.

⁵ Там же. С. 85, 106–107, 257–260.

В России географический детерминизм был довольно рано взят на вооружение официальной пропагандой, поскольку обосновывал существование самодержавия. «Наказ» Екатерины II включал перифраз Монтескье: «Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит»¹. В то же время успех американского республиканизма порождает надежды добиться такого же результата в России. Аналогии между двумя странами проводились в духе учения Монтескье — с учетом сходства размеров и климата — и казались довольно очевидными. М. Фонвизин писал: «Большая часть членов [Союза Благоденствия] желала для России монархического образа правления, ограниченного представительными институциями, по образу Англии и Франции, но были приверженцы и республиканской свободы Северо-Американских Штатов, находя, что Россия сходствует с ними своим огромным пространством и несоответствующею тому малочисленностью населения, а также известными топографическими условиями и самым климатом — с северною половиною Американского Союза»².

Довольно рано в России возникла и идея федерализма. Радищев в оде «Вольность» описывал будущее идеальное общество как федеративное:

Из недр развалины огромной,
Среди огней, кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы томной,
Что лютый дух властей возжег, —
Возникнут малые светила;
Незыблемы свои кормила
Украсят дружества венцом,
На пользу всех ладью направят
И волка хищного задавят,
Что чтит слепец своим отцом³.

«Малые светила», украшенные «дружества венцом», возникли и в конституционных воззрениях декабристов, наиболее последовательно отразившись в конституции Муравьева. Ее автор рассуждал:

¹ *Екатерина Вторая*. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Екатерина Вторая. М., 2008. С. 32.

² Декабристы. Поэзия, драматургия... С. 495.

³ *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. М., 1992. С. 138.

«Народы малочисленные бывают обыкновенно добычею соседей — и не пользуются независимостию. Народы многочисленные пользуются внешнею независимостию — но обыкновенно страдают от внутреннего утеснения и бывают в руках деспота орудием притеснения и гибели соседних народов. Обширность земель — многочисленное войско, препятствуют одним быть свободным; — те которые не имеют сих неудобств — страдают от своего бессилия. Федеральное или Союзное Правление одно разрешило сию задачу, удовлетворило всем условиям и согласило величие народа и свободу граждан»¹. Его проект и предполагал создание федерации по образцу США.

Пестель также признавал, что в США именно федерализм в числе прочих факторов привел к установлению республиканизма и народовластия². Но в его представлении федеративное государство было, собственно, конфедерацией со всеми присущими ей недостатками. Он рассуждал: «С первого взгляду может федеративное Устройство Государства показаться удобным и приятным: ибо каждой области возможность дает действовать по своему Усмотрению и своей воле; но при внимательнейшем рассмотрении легко убедиться можно в решительном преимуществе неразделимаго образования Государства над федеративным; особенно применяя оное к России при обширном Ея пространстве и большом количестве различных племен и народов ее населяющих»³. Он опасался сепаратизма окраин и слабости центральной власти. С его точки зрения, федеральная власть «не Законы дает, но только Советы»; относительная самостоятельность субъектов федерации провоцирует сепаратизм; «Слово Государство при таком образовании будет слово Пустое ибо никто нигде не будет видеть Государства но всякой везде только свою частную область»⁴. «Отцы-основатели» сталкивались с теми же проблемами. Там же Пестель ассоциировал федерализм с феодальной раздробленностью. Ассоциация эта была характерна также для американцев, которые сопоставляли свою слабо централизованную

¹ Конституция Н. Муравьева (Текст, найденный в бумагах С.П.Трубецкого). Введение. URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400/#sub_para_N_30001 (дата обращения: 1.10.2018).

² Восстание декабристов: Документы. Материалы / под ред. М.В. Нечкиной. М., 1986. С. 232.

³ Русская правда. Гл. 1. § 4. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/VV_PES_W.HTM (дата обращения: 1.10.2018).

⁴ Там же.

Конфедерацию с раздробленной Германией и подобными средневековыми образованиями. Однако Пестель уже мог опереться на опыт революционной Франции, что позволяло ему надеяться на возможность обширной унитарной республики.

Идея о связи республиканизма и добродетели также была воспринята и в США, и в России. Рассуждая о моральной основе республики, Дж. Адамс писал: «Должна существовать положительная страсть к общественному благу, к общественным интересам, чести, власти и славе, укоренившаяся в умах людей, или никакое республиканское правление, никакая свобода не будут возможны. И эта общественная страсть должна быть выше всех частных страстей. Люди должны быть готовы с гордостью и радостью пожертвовать своими частными удовольствиями, страстями и интересами, нет, своими дружескими связями и самыми дорогими привязанностями, если они противоречат правам общества»¹. Многие из американских виггов сохраняли и классическую республиканскую традицию самоотречения. Раш писал: «Каждый человек в республике — общественная собственность. Его время и таланты... его жизнь и все остальное принадлежат его стране»².

В России та же самая гражданская добродетель, которую Монтескье считал несовместимой с монархией, даже умеренной³, пропагандировалась в условиях абсолютизма. Радищев развивал традиционную концепцию республиканской добродетели, столь ценимую в эпоху Просвещения. Вот как выглядел в его глазах идеальный гражданин: «Он скорее согласится погибнуть и исчезнуть, нежели подать собою другим пример неблагоденствия и тем отнять у Отечества детей, кои бы могли быть украшением и подпорою оно-го; он страшится заразить соки благосостояния своих сограждан; он пламенеет нежнейшею любовью к целостности и спокойствию своих соотечичей; ничего столько не жаждет зреть, как взаимной любви между ними; он возжигает сей благотворный пламень во всех сердцах; — не страшится трудностей, встречающихся ему при сем благородном его подвиге; преодолевает все препятствия, неумолимо

¹ J. Adams to M. Otis Warren. Apr. 16, 1776 // *Adams, J. Papers*. Vol. 4. P. 124.

² *Commentaries on the Constitution*. Vol. 1. P. 49.

³ «Такое [монархическое] государство существует независимо от любви к отечеству, от стремления к истинной славе, от самоотвержения, от способности жертвовать самым дорогим и от всех героических добродетелей»: *Монтескье, Ш.Л. О духе законов*. С. 30.

бдительно над сохранением чести, подает благие советы и наставления, помогает несчастным, избавляет от опасностей заблуждения и пороков, и ежели уверен в том, что смерть его принесет крепость и славу Отечеству, то не страшится пожертвовать жизнью»¹. Те же представления развивали декабристы и связывали их не столько с республиканизмом, сколько с участием в революционном движении. «Я никогда ничего не желал себе, а принадлежу благу общему и всегда готов запечатлеть любовь мою к государству последней каплей крови моей», — говорил декабрист П.Г. Каховский².

К.Ф. Рылеев превозносил стремление к славе и героическое самоотречение, столь ценимое просвещенческой этикой:

Чтоб я младые годы
Ленивым сном убил!
Чтоб я не поспешил
Под знамена свободы!
Нет, нет! тому век
Со мною не случится;
Тот жалкий человек,
Кто славой не пленится!³

Все это совпадало с концепцией республиканской добродетели у американских виггов. Это еще раз подчеркивает, что данная этическая категория носила общепросветительский характер.

В целом, идеология и ментальность Просвещения повлияли на самые разные аспекты мировоззрения как американских виггов, так и декабристов. Имело место большое число параллельных заимствований, в числе которых оказывались как чисто политические идеи (понятие о политической свободе, представление о правах человека, разделение властей), так и ментальные феномены, такие как этика гражданской добродетели. И в США, и в России большое влияние на политических мыслителей оказывал географический детерминизм Ш.Л. Монтескье.

¹ *Радищев А.Н.* Беседа о том, что есть сын Отечества / URL: http://az.lib.ru/r/radishew_a_n/text_0070.shtml (дата обращения: 18.09.18).

² *Каховский П.Г.* Из писем // *Избранные социально-политические и философские произведения декабристов*. М., 1951. Т. I. С. 509.

³ *Декабристы. Поэзия, драматургия...* С. 4.

Глава 14

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В ПРОСТРАНСТВЕ
ДОМАШНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ
ДВОРЯНСТВА В ИМПЕРСКОЙ РОССИИ

Солодянкина О.Ю.

В простейшей интерпретации понятия «свой» и «чужой» понимаются как родной, отечественный и, соответственно, иноземный, иностранный. Если эту элементарную матрицу смыслов приложить к субъектам системы домашнего образования, то, казалось бы, должно получиться очевидное противопоставление: «свои», т.е. русские учителя-гувернеры-гувернантки, и «чужие», т.е. иностранные учителя-гувернеры-гувернантки. Однако история тем и интересна, что очевидное в ней необязательно является истинным.

На основе изучения источников (как эго-документов, так и нормативно-правовых документов и делопроизводственной документации) попытаемся понять, кто в период столетнего периода (середина XVIII — середина XIX вв.) максимальной реализации парадигмы домашнего воспитания¹ дворянских детей был своим, а кто — чужим.

¹ Возможность домашнего обучения была предоставлена лицам дворянского происхождения по закону от 9 февраля 1737 г., говорившего «о бытии недорослям до двадцати лет возраста их в науках», затем последовала целая череда нормативно-правовых документов, регулирующих эту сферу деятельности, поэтому середина XVIII в. может восприниматься как начальная точка распространения домашнего образования, а период Великих реформ 1860-х — 1870-х годов, приведя к серьёзным изменениям в социальной структуре общества и поставив на повестку дня «женский вопрос», внёс значительные коррективы в традиционную модель воспитания, так что максимальное распространение феномена домашнего образования и воспитания дворянства в целом укладывается в столетний период с середины XVIII до середины XIX в.

Первый вопрос, который возникает при определении «чужого», — вопрос о подданстве: подданные иных государств — безусловно, чужие, а российские подданные — свои.

Однако применительно к системе образования вопрос о подданстве имел свои сложности. В соответствии с российским законодательством иностранцами признавались «все вообще подданные других Держав, не вступившие установленным порядком в подданство России»¹. Иностранцев разрешалось принимать на службу лишь в учёную и учебную сферы деятельности. Принятое в 1834 г. «Положение о домашних наставниках»², а также сопровождающие его циркуляры Министерства Народного Просвещения³ способствовали тому, что иностранные воспитатели начали принимать российское подданство, чтобы получать полагающиеся социальные гарантии⁴, а по окончании службы, если они планировали

¹ Законы о состояниях. О состояниях иностранцев. Ст.1512 // Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая I составленный. Издание 1857 года. Т. IX. СПб., 1857. С.291.

² Высочайшее повеление от 1 июля 1834 г. Положение о домашних Наставниках и Учителях. Указ Правительствующему Сенату // Журнал МНП. 1834. Часть третья. № VIII. С. XVII–XXXVI.

³ В дополнение к «Положению» 1834 г. был принят целый ряд нормативно-правовых документов: «Дополнительные правила о домашних наставниках и учителей», «Циркулярное предложение г. Министра Народного Просвещения гг. Попечителям Учебных округов и прочим, непосредственно от Министерства зависящим Училищным Начальствам, о доставлении формулярных списков и сведений о переменах в Домашних Наставниках и учителях», «Циркулярное предложение г. Министра Народного Просвещения гг. попечителям Учебных Округов и прочим, непосредственно от Министерства Народного Просвещения, зависящим Учебным Начальствам о разрешении недоумений, возникших при исполнении высочайше утверждённого в 1-й день Июля сего года Положения о домашних Наставниках, Учителях и Учительницах», «О нетребовании метрических свидетельств от желающих получить звание домашних наставников, учителей и учительниц», «О допущении желающих обучать в частных домах чтению и письму на русском и иностранных языках, также арифметике, по выдержании испытания в гимназии или уездном училище», «О дозволении поступать в звание домашних наставников и учителей тем лицам, кои получили право на обучение в частных домах до состояния Положения 1-го Июля 1834 года».

⁴ Иностранные гувернёры и гувернантки могли рассчитывать на пенсию, только если они приняли российское подданство. Если во время службы они были российскими подданными, а потом вышли из этого состояния, то и они, и их дети лишались права на пенсию.

вернуться на родину, они от российского подданства отказывались. Так что юридический статус «своего» мог быть временным. По-разному вопрос о принятии российского подданства выглядел для мужчин и для женщин. Мужчины могли принять российское подданство на основе собственного решения, а для женщины был важен матримониальный статус: она не имела собственного подданства, а принимала подданство мужа. Поэтому те из иностранок, что трудились гувернантками в России и решали принять российское подданство, чтобы иметь возможность открыть частный пансион (иностранцам во второй четверти XIX в. запрещалось открывать пансионы), могли это сделать, только если были незамужними. В переписке министра юстиции графа В.Н. Панина и министра народного просвещения С.С. Уварова от 1841 г. сформулирована четкая позиция виднейших государственных сановников, реализуемая на практике: не позволять иностранкам, имеющим мужей в иностранном подданстве, принимать присягу на подданство России, но это правило не распространяется «на тех иностранок, которые, имея мужей в иностранном подданстве, приняли уже, для получения права на содержание пансионеров и частных учебных заведений, присягу на подданство России, и получили дозволение на содержание сказанных заведений»¹. То есть гувернантка, у которой был иностранный муж, также была иностранкой, но если она сумела принять российское подданство до судьбоносной переписки Панина и Уварова 1841 г., то она уже становилась «своей», хотя бы с точки зрения закона.

Родившиеся в России и вступившие в государственную службу иностранцы с точки зрения закона воспринимались как равные природным россиянам, т.е. они были «своими». Однако общественное мнение не руководствовалось нормами закона, считая иностранцами выходцев из других стран и людей европейских национальностей вне зависимости от наличия / отсутствия у них российского подданства. Прусский военный Л. фон Герлах, будучи в России, отметил для себя эту особенность восприятия русскими иностранцев: «Если они старого графа Ливена называют иноземцем, то к таковым же принадлежат [здесь многие], равно как

¹ Дело о недопущении Иностранок, имеющих в Иностранном подданстве мужей, принимать на подданство России присягу. 22 февраля — 22 августа 1841 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 8. Д. 13. Л. 3.

Дибич, Нессельроде, Бенкендорф, Витгенштейн, Сакен, а затем вся масса английских и французских гувернанток, гувернёров, бонн, немецких купцов, ремесленников и т.д., которые здесь проживают и деятельность коих проникла во все общественные отношения»¹. Таким образом, современникам была очевидна разница: можно было быть *de jure* «своим», но *de facto* «чужим».

Почему иностранец, принявший российское подданство, все равно воспринимался как чужой? Ключевую роль здесь играли социокультурные факторы. Во-первых, язык. Как свидетельствовал Фридрих Боденштедт, выпускник немецкой университетской системы, впоследствии преподаватель литературы в Мюнхенском университете, переводчик Пушкина и Лермонтова, несколько лет (в 1841–1844 гг.) проводивший наставником сыновей князя Михаила Голицына в Москве: «Как для учителей, так и для гувернанток, не было лучшей рекомендации в московском обществе, как совершенное незнание ими посторонних живых языков, ибо по общепринятому тогда мнению, француз, владевший несколькими языками, не мог уже преподавать своего родного языка безупречно, а что касалось других языков, то считалось, что на его познания всё таки нельзя вполне полагаться»². В итоге, проведя многие годы в России, многие иностранные гувернёры и гувернантки так и не осваивали русский язык, часто не владея даже азами его, о чем говорят казусы, описываемые в мемуарах. Так, гувернантка дочерей графа А.К. Разумовского, министра народного просвещения, швейцарка Калам, за 45 лет, проведённых в России, «не выучилась по-русски, не имел случаев говорить на этом языке иначе, как только с прислугою»³. Более чем за полвека пребывания в России не освоил русский язык и гувернёр графа Д.Н. Шереметева Simoni (Simonin): «Русский язык он коверкал невообразимо. Так, нанимая извозчика к бабушке Варваре Петровне (тёще его бывшего воспитанника — О.С.), он говорил: «Я еду на *matuschka* графа» и удивлялся, что его не понимали»⁴. Гувернантка Е.Ю. Хвоцинской, *madame de Laveau*,

¹ Заметки фон-Герлаха о пребывании в Петербурге // Русская старина. 1892. Т.73. № 2. С.372.

² *Боденштедт Ф.* Воспоминания Фридрих Боденштедта о пребывании в России в 1841–1845 гг. // Русская старина. 1887. Т.54. № 5. С.436.

³ Из автобиографических записок княжны В.Н. Репниной // Русский архив. 1897. Кн.2. № 7. С.480.

⁴ *Шереметев С.Д.* Домашняя старина. Вып. 1. М., 1900. С.47.

почти ничего не понимала по-русски, «несмотря на тридцать лет, проведённые в России»¹, «русский язык ей не давался, но она об этом не сокрушалась, хотя училась читать по-русски, я думаю, больше в угоду мамá; учителем её был наш старый лакей Василий Кузьмич, мы девочки помирали со смеху, слушая эти уроки»².

Однако язык мог выступать маркером и несколько иной «чужести». Порой домашними учителями, гувернерами и гувернантками трудились люди, родившиеся и выросшие в России. Иностранцами, возможно, были их родители, или даже деды и прадеды. С точки зрения закона они были россиянами, но для потенциальных работодателей позиционировали себя как иностранцев, поскольку дворяне желали обеспечить своим детям иностранных учителей. Вот эти иностранцы во втором или даже третьем поколении часто владели только разговорным языком, а не письменным, или каким-то диалектом языка, или устаревшим вариантом языка (не секрет, что язык, как живой организм, развивается в собственной стране очень быстро, а в чуждой языковой среде консервируется, сохраняет анахронизмы как в грамматике, так и в произношении, не говоря уже о словоупотреблении). И понять уровень владения иностранным языком и качество языка (архаичный или современный) в России середины XVIII века мог далеко не каждый дворянин, да и в XIX веке в глухой провинции случались всякие казусы (как писал о своем гувернере Д.Н. Свербеев: Николай Иванович Бартоли, сын итальянца, «иностранными языками владел ... хуже, нежели русским; говорил по-французски со мною бегло, но правильно или нет — об этом у нас судить было некому»³). Показательна в этом плане история с А.Е. Горсистер, гувернанткой Пашковых и их кузины юной поэтессы Е.П. Ростопчиной. Горсистер хотя и была природной англичанкой, но «родившейся и жившей постоянно в России и потому говорившей по-английски иначе, нежели истые, чистокровные англичане»⁴. Освоив такой вариант английского с доморощенным произношением, Е.П. Ростопчина была уверена, что знает его нормальный вари-

¹ Воспоминания Елены Юрьевны Хвощинской (урождённой княжны Голицыной). СПб., 1898. С.48.

² Там же. С.58.

³ Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799–1826): В 2 т. Т.1. М., 1899. С.52.

⁴ Сушков Д. К биографии графини Е.П. Ростопчиной // Исторический вестник. 1881. Т.5. № 6. С.303.

ант. Каково же было её удивление и удар по самолюбию, когда истина раскрылась при самых вопиющих обстоятельствах: «Однажды, Евдокия Петровна с мисс Горсистер встретились в одном магазине с какими-то англичанками; хозяин магазина не понимал англичанок и Евдокия Петровна вызвалась быть их переводчицей, но какой ужас! — она только отчасти понимала англичанок, а те ни её, ни мисс Горсистер вовсе не понимали, как будто оне обе говорили на каком-то другом, неведомом им языке. Поневоле пришлось объясняться письменно и тогда лишь дело уладилось»¹. Вот такие «иностранцы», когда выяснялось, сколь слабо они владели собственным языком, становились чужими и для своих соотечественников, и в путевых заметках о встречах с соотечественниками в России те оставляли самые гневные комментарии².

Кроме языка, маркером «чужого» была конфессиональная принадлежность. Русские воспитанники (не берем в данном случае Остзейские губернии) в большинстве своём были православными, а иностранные воспитатели принадлежали к иным христианским конфессиям. Здесь мог возникнуть момент определенной религиозной пропаганды. Так, граф Ф.В. Ростопчин подыскивал гувернёра для сына Сергея. Аббат Millot, которого хотели взять в наставники, потребовал, чтобы Серёжу разрешили воспитать в традициях католицизма. Возмущённый Ф.В. Ростопчин отказался от услуг такого наставника и прокомментировал в письме князю П.Д. Цицианову это потрясающее сомнение французов, что они могут требовать даже перемены веры: «Не достойны ли мы этого мнения глупым нашим упорством основывать хорошее воспитание на выговоре Галльского языка?»³ Наиболее толерантными были протестанты, прежде всего англичане и швейцарцы. Дочь волтерьянца графа А.П. Шувалова, княгиня Дидрихштейн вспоминала, что «гувернёры наши и гувернантки, протестанты, никогда не говорили с нами о религии»⁴. Такой могла быть ситуация даже в императорской семье. С удивлением замечал сопровождающий прусского принца фон

¹ Там же.

² См. подробнее: Артёмова Е.Ю. Культура России глазами посетивших её французов (последняя треть XVIII века). М.: ИРИ РАН, 2000.

³ Письмо графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову. 21 мая 1803 г. // Бартенев П.И. Деятельный век: В 2 кн. М., 1872. Кн.2. С.13.

⁴ Кобеко Д. Ученик Вольтера Граф Андрей Петрович Шувалов // Русский архив. 1881. Кн.1. Вып.2. С.288.

Герлах, что в России «странная ... противоположность между культурой и религиею. Никто, напр., не смущается тем, что воспитатель великого князя — лютеранин»¹. О том же писал Жозеф де Местр: «Религиозное безразличие проявляется здесь в самых причудливых видах, к примеру, это единственная страна во вселенной, где не интересуются верой у воспитателей юношества. Вполне обычное дело видеть в одном доме бонну-англичанку и католического учителя»². Но даже при такой терпимости возникала ситуация использования языка веры. Иностранцы использовали для обучения ребёнка языку любые возможности, в том числе и тексты молитв. Так, граф С.Д. Шереметев воспитывался англичанкой Ш.И. Рутланд и молился под её присмотром. Когда в Москве его привезли к митрополиту Филарету, тот спросил, «как я молюсь. “День по-русски, день по-английски!” Митрополит изумился и спросил у отца объяснения, чем порядочно его смутил. Дело было очень просто. Моя воспитательница Англичанка Шарлота Ивановна Рутланд заставляла меня непременно молиться через день по-английски!»³. Кроме языка веры об «инаковости» напоминала локация места веры: дети отправлялись на богослужение с членами семьи, а иностранные наставники могли получить в воскресенье выходной и отправиться в свою церковь (если она была в месте их проживания), или остаться дома и заняться своими делами.

Чтобы избежать пропаганды чужих религиозных идей, с наставников других христианских исповеданий⁴ стали брать специальную подписку на родном языке гувернантки / гувернёра примерно такого содержания: «В соответствии с Указом ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА от 16 декабря 1839 г., я, нижеподписавшаяся / нижеподписавшийся, если буду привлечена / привлечён к обучению детей православного вероисповедания, обязуюсь не внушать им предписаний, противоположных учениям Восточной Православной Церкви; в случае нарушения этого Высшего предписания, я понесу наказание в соответствие со статьёй 195 Уголовного Кодекса

¹ Заметки фон-Герлаха о пребывании в Петербурге // Русская старина. 1892. Т.74. № 4. С.53.

² Жозеф де Местр — кавалеру Росси. 7 дек. 1810 г. // де Местр, Жозеф. Петербургские письма 1803–1817: Пер. с франц. СПб., 1995. С.161.

³ Шереметев С.Д. Московские воспоминания. Вып.1. М., 1901. С.3.

⁴ Лица, занятые в домашнем образовании, обязательно должны были быть христианами.

1845 года»¹. Эти тексты были распечатаны на иностранных языках и при получении свидетельства на право обучения потенциальные наставники давали подписку.

«Инаковость» выражалась и в непривычном звучании имени, подчас столь странном для русского уха, что в семье, куда приезжал такой иностранец, его называли по национальной принадлежности — наш Француз, наша Англичанка и т.п. «Наш» обозначал принадлежность к семье, к месту работы, но это не означало, что «наш» был «своим». Название национальности писалось с большой буквы, то есть становилось неким именем собственным, заменяя имя личное. Периодически менявшиеся гувернантки и гувернёры не запоминались личными чертами и именами, а так и фигурировали в качестве носителей своего профессионального / иностранного статуса. Только если наставник трудился в семье долго, вовлекался в сложную систему связей и отношений семьи, его «чужое» имя старались сделать своим, привычным, и тогда появлялись наименования, несущие все следы переделки имени в русском духе: «Амалия Ивановна», «Карл Богданч» (появление отчества), «Марья Крестьяновна» (отчество от чужого имени Христиан звучало в таком варианте понятно и близко), «Луизочка» (русский уменьшительно-ласкательный суффикс делал чужое имя своим). Но могло быть и полное переименование: так, Адольф мог стать в России «Степаном Ивановичем»², а Реми, сын Гиацинта — «Еремеем Акинфиевичем»³, но для просто-ты «Петром Ивановичем».

Маркером «чужого» выступала внешность — телосложение, собственно черты лица, манера поведения, манера одеваться. Например, Б.Н. Чичерин так впоследствии описывал своего гувернера, голландца Тенката: «низенький, толстенький, в очках, с редкими волосами. Фигура была совершенно голландская»⁴. В целом,

¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф.139. Оп.1. Д.5445. Л.31.

² Так стали называть Адольфа Пако (Pascault) (1800–1860). // См.: Иванова Л.В. Домашняя школа Самариных // Мир русской усадьбы. Очерки / Отв. ред. Л.В. Иванова. М., 1995. С.26.

³ Так в семье Бутурлиных звали Реми Жилле (1766–1849). // См.: Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина // Русский архив. 1897. Кн.1. № 2. С.243.

⁴ Чичерин Б.Н. Воспоминания // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. IX. М.: Российский фонд культуры, студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова, 1999. С.142.

существовал определенный стандарт внешнего вида гувернёра (а ими были прежде всего французы), ведь все могли понять фразу А.Я. Булгакова о новом знакомце: это человек, «имеющий вид французского учителя»¹. Что входило в понятие «вида французского учителя», мы можем определить по характеристике Е.А. Свербеевой, которую она дала гувернёру графов Шуваловых, гасконцу Аллье: «У него вид настоящего ментора. Болтливый, быстрый в движениях, он забавляет всё общество»². По виду иностранных гувернеров, которые длительное время проводили в семьях российских дворян, у русских, особенно тех, кто не выезжал за границу, формировались представления о том, как выглядят иностранцы. Так, П.Д. Боборыкин, описывая известную английскую писательницу Джордж Элиот (Мэри Энн Эванс), характеризовал её внешность следующим образом: «она была уже немолодая женщина и смотрела очень похоже на тот тип англичанки, какой попадался у нас в России, всего чаще среди гувернанток: такое же худощавое, некрасивое лицо, с выдающимися ртом, такие же локоны на ушах и такая же манера одеваться»³. А Л. Ростопчина так вспоминала свою гувернантку Луизу Адамовну Ставска: она была «недурна собой, весела и любила принаряжаться, как все польки»⁴.

Экзотичность внешнего вида сразу выдавала иностранца. Так, А.А. Фет нашел для своей воспитанницы иностранную гувернантку: «чёрные как смоль волосы ея, высоко зачёсанные, увенчивались широкою лопатою испанского гребня; в ушах ея висели разноцветно эмальированные подвески, и пальцы рук были покрыты разнообразными перстнями»⁵.

Невербальные средства коммуникации (жесты, мимика, позы и т.п.) также различались у «своих» и «чужих». Поскольку гувернеры и гувернантки постоянно были рядом с воспитанниками, то

¹ Из писем А.Я. Булгакова к его дочери княгине О.А. Долгоруковой. 1833 г. // Русский архив. 1906. Кн. 2. № 5. С. 71.

² Долгова С.Р. Дневник Екатерины Свербеевой за 1833 год. М.: ЗАО «Мануфактура», 1999. С.17.

³ Боборыкин П. Столицы мира (тридцать лет воспоминаний). М., 1911. С. 209.

⁴ Ростопчина Л. Семейная хроника (1812 г.) / Пер. с франц. М., 1912. С. 180.

⁵ Фет А. Мои воспоминания. 1848–1889. Часть 1. 1848–1863. М., 1890. С. 296.

дети невольно им подражали или просто отмечали инокультурные невербальные методы общения. Так, Анна Оленина, у которой был целый набор воспитательниц — представителей разных национальностей, писала о прощании с А.П. Чечуриным: «взяв за руку, потрясла по Англички»¹.

Определенным маркером «своего» и «чужого» выступали взгляды человека. Если они были близки (взгляды воспитателя — взглядам родителей/ опекунов ребенка) — даже иностранец казался своим, несмотря на языковой барьер. Так, в семье Дмитриевых сирота Михаил выступал посредником в совместном чтении французских газет французом-гувернёром и дедом, знавшим только немецкий язык: когда привозили номер «L’Abeille du Nord», «дед и учитель садились у стола друг против друга, а я стоял подле них и весь вечер читал им французскую газету и переводил её на словах по-русски. Эта практика послужила мне и к большому знанию французского языка, и ввела меня в тогдашнюю политику»².

Но разность взглядов (прежде всего, политических) усугубляла ощущение «инаковости» до враждебности. Граф Александр Иванович Рибопьер, проживший длинную и блестящую придворную жизнь, описывал, как лично Екатерина II вмешалась в выбор воспитателя для него: «Мне минуло 9 лет; стали думать о гувернёре. Выбор матушки остановился на некоем Лёбо, старом Французе, которого ей очень рекомендовали. Императрица об этом узнала и через дядю Бибикова велела сказать матушке, что она не одобряет выбора Француза. Это было в полный разгар революции. Матушка поспешила отвечать, что Лёбо уже давно живёт в России, что он только что окончил с успехом чьё-то воспитание и что он вовсе не разделяет убеждений революционеров. «Всё это прекрасно», отвечала Государыня, «но я не хочу, чтобы Саша (так она меня всегда называла) был воспитан Французом. Пускай Аграфёна Александровна (мать А.И. Рибопьера — О.С.) обратится к другу покойного ея мужа Лагарпу: он ей выпишет хорошего Швейцарца,

¹ Оленина А.А. Дневник. Воспоминания / Вступ.статья В.М. Файбисовича. Сост., подг. текста, комм. А.Г. Агамаян, В.М. Файбисовича, Н.А. Казаковой, М.В. Арсентьевой. СПб.: Академический проект, 1999. С.76.

² Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни / Подготовка текста и примеч. К.Г. Боленко, Е.Э. Ляминой и Т.Ф. Нешумовой. Вступит. статья К.Г. Боленко и Е.Э. Ляминой. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С.41.

которому она может вполне безопасно поручить сына своего»¹. Но не всегда благонадёжными считались и швейцарцы. А.А. Блудова, в 1831 г. за границей подбиравшая сыновьям гувернёра, ждала чётких указаний мужа: «Я ещё о гувернёре спрашивала, потому что ты не говоришь, из какой нации ты хочешь его выбрать. Я думаю не Француза, а Немца; думаю также, что и Швейцарцы теперь не очень надёжны. Дай мне знать; тогда я буду осведомляться и спрашивать»². С подозрением относился к политическим взглядам швейцарца Шербулье, гувернёра его внуков Столыпина, Н.С. Мордвинов. Хотя швейцарский наставник отличался большими познаниями, отлично знал греческий и латинский языки, Мордвинов «не одобрял этого выбора и находил, что он имел слишком либеральные принципы, чтобы доверять ему воспитание детей. Когда, после двух лет, Аркадий Алексеевич (Столыпин, зять Н.С. Мордвинова — О.С.) удалил его, то отец мой был очень доволен, что такой наставник не находился более при его внуках»³.

Иностранцы отличались по бытовым привычкам. В семье Семёновых в 1820-е — начале 30-х годов при детях были русские няньки, «но скоро родители пришли к убеждению, что пришла пора заменить русских нянек немкою». Причина была простая: «не нравились им (русским нянкам — О.С.) в особенности та чистота и опрятность, которых от них неустанно требовала моя мать. “Статочное ли это дело”, говорила Афимья (одна из нянек — О.С.), “что и на стенки-то плевать не позволяют”»⁴. Разница в бытовых привычках приводила к остро переживаемым ситуациям культурного шока. Так, в семье Михаила Николаевича Семёнова, как вспоминала его племянница Н.П. Грот, восьмилетнюю дочь Марию воспитывала «англичанка Mistress Johnson, прямо с корабля, привезшего её из Лондона. Это было оригинальнейшее существо, какое я встречала, выше всего привязанное к своим привычкам

¹ Записки графа Александра Ивановича Рибоьера // Русский архив. 1877. Кн.1. №4. С.470.

² Письмо А.А. Блудовой мужу в Петербург // Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой. Глава V.-я. 1831 год // Русский архив. 1874. Кн.1. С.733.

³ Записки графини Н.Н. Мордвиновой // Русский архив. 1883. Кн.1. № 1. С.182.

⁴ Мемуары П.П. Семёнова-Тян-Шанского. Т.1. Детство и юность (1827–1855 гг.). Пг., 1917. С. 49.

и проникнутое единственной заботой делать всё по часам. Она чуть не уехала в тот же день обратно, когда по прибытии на место увидела, что комната её не запирается, что дверной ключ испорчен. Напрасно успокаивали её, что пошлют за слесарем в город, но нельзя его получить ранее следующего дня, так как город за 40 верст, а местный кузнец, которого уже призывали, не умел поправить замка. Её отчаяние было невыразимо, и она всё твердила, что за ночь её непременно обокрадут. С удивлением смотрела я, как она за столом и даже при гостях обставляла себя целой батареей тарелок и накладывала всякого кушанья вдвойне, с тем, что одну порцию употребляла тотчас, а другую относилась в свою комнату “for my supper”»¹. «Не только зимою, но и летом приказывала она каждый вечер затопить свою печку, чтоб ... поджаривать в ней сухарики, намазанные маслом, которые она называла “my toasts”». Это наполняло её комнату чадом, но вовсе её не беспокоило»². С позиций теории межкультурной коммуникации поведение Mistress Johnson выглядит совершенно естественным: она пережила ситуацию культурного шока. Прямо с корабля, без периода адаптации, она оказалась в российской глуши и столкнулась с чуждыми ей формами поведения. Упомянем типичные симптомы культурного шока: чрезмерно частое мытьё рук, чрезмерная забота о чистоте питьевой воды, пищи, посуды, постели; боязнь физического контакта с представителями новой культуры, чувство беспомощности, стремление к контактам с представителями собственной культуры уже долго проживающими в новой культуре, страх быть обманутым или оскорблённым, общее снижение настроения³. Mistress Johnson явно демонстрировала, по крайней мере, часть этих признаков, но для принимающей её стороны она казалась ещё более «чужой», т.к. была странной, непонятной, и, уточним, не загадочно непонятной, а неприятно непонятной.

О каких-то признаках «чужого» мы знаем по текстам иностранцев, живших в России и мучившихся от отсутствия тех реалий, что казались им обязательными. К таковым относилось лич-

¹ Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков Наталии Грот. СПб., 1900. С. 88–89.

² Там же. С.88.

³ Сухарев А.В. Кросскультурные психологические исследования и анализ психической адаптации человека в условиях кризиса современной культуры (для психологов, педагогов, культурологов). М.: ГАСК, 2005. С. 19–20.

ное пространство, прежде всего обязательное для англичанина. Об остром ощущении своего «выпадения» из ритма жизни российской семьи писала британская гувернантка в семье Посниковых Клер Клермонт. Ее раздражала система организации российского дома (и загородного, и московского, с удаленной кухней, отсутствием стабильных спальных мест, когда хозяева могли улечься спать то в кабинете, то в гостиной, то еще где-то; путающимися под ногами бесчисленными слугами, раскладывающими свои матрасы-подушки на полу вблизи хозяйских кроватей). Еще более чужим, раздражающим, вызывающим недоумение у воспитанной в уважении к обязательному 'privacy' англичанки был стиль поведения в доме, степень «фонового» шума. Как отмечала К. Клермонт, русские готовы ссориться бесконечно, ведь для них это так же нормально, как есть хлеб, но британка, приученная к тихому образу жизни, делалась больной от этих постоянных свар. Молчать в ответ на упреки не получалось, потому что это молчание, «которое в других странах было бы признаком вашей образованности» и обеспечивало вам уважение, здесь воспринимается как рабское молчание, и на вас смотрят как на раба, не осмеливающегося возражать. «знаком вашего достоинства здесь является то, что Вы смеете обсуждать и бранить хозяев»¹. То есть для русских признаком «чужого» служило молчание, ровный тембр голоса, стремление к уединению. Сдержанную англичанку, привыкшую к английской холодности и умению «держаться в руках», удивляла также излишняя эмоциональность, несдержанность русских, особенно мужские слезы: «русские как-то потрясающе легко плачут — а в Англии мужчина вряд ли пустит бы слезу, рассказывая юристу о своих делах»². Это «умение держать себя в руках», бесспорно, выступало маркером «чужого», а избыточная эмоциональность была признаком «своего».

Отдельный аспект проблемы — почему «свои» могли стать «чужими». В составе Российской империи были регионы, где большая часть населения не принадлежала к великороссам, основным языком общения не был русский, и по конфессиональной принадлежности жители по большей части не были православными. Речь

¹ Clairmont to Jane Williams. 20.06.1825 // The Clairmont correspondence: letters of Claire Clairmont, Charles Clairmont, and Fanny Imlay Godwin / ed. by Marion Kingston Stocking. Vol.1. 1808–1834. Baltimore & London: The John Hopkins University Press, 1995. P. 227.

² The Journals of Claire Clairmont 1814–1827. Ed. by Marion Kingston Stocking. Cambridge: Harvard University Press, 1968. P. 368.

идет о территории Польши, Великом княжестве Финляндском и Остзейских губерниях. Выходцы из этих мест, трудившиеся в системе домашнего образования и воспитания, с точки зрения правовой были «своими», но при этом по многим аспектам принадлежали к «чужим». «Своими» они были с точки зрения подданства, хотя и здесь всё было не столь однозначно. В архиве Министерства народного просвещения сохранилось дело, связанное с просьбой домашней учительницы Софии Шпехт заменить ее свидетельство на звание домашней учительницы и прописать в новом документе, что она — не подданная России, а Финляндская подданная¹. При этом она не хотела становиться иностранкой (поскольку те не имели прав и преимуществ, которые давала служба подданным России), но желала зафиксировать свой особый статус Финляндской подданной. Попечитель Дерптского учебного округа, к которому девица Шпехт обратилась со своей просьбой, считал что формулировка «финляндская подданная» является каким-то недоразумением, поскольку есть подданство Российской империи². Однако в ходе переписки министра народного просвещения С.С. Уварова с графом А.Г. Армфельдом, статс-секретарем Великого княжества Финляндского, выяснилось, что есть такая юридическая категория как «право гражданства в Великом княжестве Финляндском», и семья Шпехт это право получила, поэтому было принято решение выдать Софье Шпехт свидетельство на звание домашней учительницы с указанием в нем, что она Финляндская подданная³.

В особых регионах России действовали и другие отличия. Для лиц, занятых в системе домашнего образования, в Польше в соответствии с законом⁴ применяли другие наименования (Домашние Высшие и Низшие наставники), на них распространялись другие правила и преимущества, а общероссийские положения на них не распространялись. То есть они были «своими» только на территории Польши, а в остальных частях Империи они даже по закону были «чужими».

¹ О выдаче Домашней Учительнице Софии Шпехт нового на сие звание свидетельства, с прописанием в оном, что она Финляндская уроженка. 29 марта — 20 июня 1846 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 9. Д. 165.

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Л. 3–5.

⁴ Положение о частных учебных заведениях, Домашних наставниках и учителях в Царстве Польском от 18 января 1841 г.

Особой была и ситуация с родным языком, болезненно воспринимаемая не только в Польше, но и в Остзейских губерниях. Если в Польше действовали свои особые правила, касающиеся домашнего образования, то на Остзейские губернии распространялись правила общероссийские, и от потенциального кандидата на звание домашнего учителя требовалось знание русского языка как природного. Но уроженцы Остзейских губерний, желающие получить свидетельство на звание домашнего учителя, обычно были немцами, и русский не был для них родным языком. В Дерптском учебном округе были озабочены этой коллизией, просили разъяснений от министра народного просвещения, и С.С. Уваров в письме попечителю Дерптского учебного округа Е.Б. Крафстрему от 13 февраля 1847 г. однозначно указал: «грамматическое знание Русского языка требуется от всех Русских подданных, подвергающихся общему специальному испытанию на звание Домашних учителей, следовательно и уроженцы Остзейских Губерний должны подлежать сему правилу»¹. Таким образом, уроженцы Остзейских губерний были «чужими» по языку и конфессиональной принадлежности, но «своими» с точки зрения подчинения всем общероссийским нормам.

Что касается учителей из Финляндии, то они, как и поляки из Царства Польского, имели особый статус, что закреплялось в Высочайше утвержденном 16 ноября 1848 г. положении Комитета Министров о порядке испытания уроженцев Великого Княжества Финляндского на право обучения детей в Империи. В соответствии с этим документом, если уроженец Финляндии выдерживал испытание в грамматическом знании русского языка, то ему предоставлялись все права и преимущества звания домашнего учителя, как и природным русским. Если же знания русского языка были недостаточны, то претендент — уроженец Великого княжества Финляндского — получал возможность исправлять должность учителя (опция, которая применялась к иностранцам), и никакими преимуществами, какие давала служба, пользоваться не мог².

¹ О разрешении некоторых вопросов, встреченных Советом Дерптского университета, касательно испытания на звание Домашних Учителей, на основании Высочайше утвержденного 1-го Марта 1846 года Положения о специальных испытаниях по Министерству Народного Просвещения. 23 марта 1846 г. — 14 февраля 1847 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 9. Д. 180. Л. 9. об. — 10.

² О выдаче новых свидетельств на звание домашнего учителя тем из иностранцев, кои получив сперва свидетельство на исправление сей должности

Таким образом, уроженец Великого княжества Финляндского, «чужой» по языку и конфессиональной принадлежности, был во всех отношениях «своим», если мог сдать экзамен на грамматическое знание русского языка; недостаточное знание языка и невозможность сдать соответствующий экзамен превращала его в абсолютного «чужака» даже в правовом отношении.

Подводя итоги, скажем, что для процессов социализации и аккультурации важное значение имеют оппозиции «свой-чужой», «свой-другой», «чужой-другой». «СВОЁ познается только на фоне ЧУЖОГО и ДРУГОГО. ЧУЖОЕ и ДРУГОЕ — один из источников развития личности и культуры в целом. СВОЁ, ЧУЖОЕ и ДРУГОЕ опознаётся по системе вербальных и невербальных маркеров, которые можно условно развести на две группы: индивидуально-физиологические и социокультурные; последние имеют особый вес, поскольку их влияние на процесс и результат межкультурного взаимодействия является решающим»¹. Иностранные наставники воспринимались первоначально как ЧУЖИЕ (нездешние, странные, незнакомые, необычные), но близкие контакты с ними, готовность воспитанников и прочих домочадцев к восприятию иного перевели их в категорию ДРУГИХ, а длительно идущая европеизация и включённость отдельных гувернёров / гувернанток в жизнь нескольких поколений той или иной семьи приводили к тому, что они становились СВОИМИ. При этом надо иметь в виду, что это не иностранные наставники меняли свою идентичность, а чаще русские совершали «движение навстречу» в процессе аккультурации, т.е. приобщения к иной культуре.

На отбор информации при этом влияли эмоциональные реакции: положительное отношение к наставникам создавало более благоприятную атмосферу для освоения чужой культуры, в то время как негативное отношение к воспитателям затрудняло процесс. Но сами наставники были при этом «чужими» в разной степени «чуждости».

поступая впоследствии в подданство России. 28 сентября 1848 г. — 7 января 1849 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 9. Д. 529. Л. 5 — 5 об.

¹ Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Уч. пособие. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. С.141.

Глава 15

«СВОЙ»/«ЧУЖОЙ» В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ВОЙНЕ 1812–1815 ГГ.

Алентьева Т.В.

Имагология — сравнительно новое направление междисциплинарных исследований в исторической науке. Исследование и анализ этнокультурных стереотипов, национальных идентичностей как конструкторов открывает возможности понимания их внутренней сложности и противоречивости. Т.А. Лабутина не случайно задается вопросом, нуждается ли имагология в некоем дроблении на политическую, правовую, религиозную, потестарную, поскольку такое дробление может отдалить нас от понимания уже сложившихся национальных идентичностей, сформировавшихся национальных образов¹. Но в то же время проблемы остаются, так как даже вполне сформировавшиеся этнические общности, национальные образы несут внутри себя массу противоречий, где деление на «своих» и «чужих» все-таки ведет к реальному дроблению национального конструкта и создает некие неожиданные концепты. В национальных образах присутствует социально-групповая дифференциация, сами образы «чужих» изменчивы и зависят не только от исторически сложившихся условий, но и от устоявшихся этнических стереотипов, эмоционального и психологического восприятия. И, значит, в этом восприятии велика будет роль не только уже сложившихся предубеждений, фобий или филлий. Л.П. Репина совершенно четко определяет, что изучение процессов трансформации образов-представлений «я» и «другой», «мы» и «они», «свои» и «чужие» позволяет как раз

¹ Лабутина Т.А. Актуальные проблемы имагологии // Проблемы исторического познания. Вып. 10. М., 2016. С. 211–212.

более глубоко разобраться в сущности концепта «чужой», который может быть «другим», «иным» в социально-культурном, этно-конфессиональном отношении, но способен превратиться во «врага» под воздействием прежде всего пропаганды и манипуляции общественным мнением, а также изменившихся исторических реалий¹. Т.А. Лабутина выделяет в понятии «чужого» отрицательные, агрессивные черты, которые отражаются в семантической оппозиции. Ссылаясь на работы И.Д. Сахурии, она выделяет ряд критериев, которые являются основой при конструировании образа «чужого»². На наш взгляд, выделенные критерии позволяют понять, как формировался образ «чужого» в темпоральном измерении. Но все же здесь не учитывается психолого-эмоциональный аспект, который при определенных условиях в наибольшей степени способствуют конструированию образа «чужого» в «образ врага». В основе этого процесса могут лежать и очень давние архетипы сознания, укоренившиеся негативные стереотипы, предрассудки, иррациональные фобии, неосознанные реакции отторжения, груз исторических конфликтов и обид.

Именно, опираясь на дихотомию «Свои» — «Чужие», можно более глубоко понять Англо-американскую войну 1812–1815 гг., которая для самих американцев представляет неоднозначное событие. Еще современники затруднялись определить ее характер и значение. Одним она представлялась как «ненужная», «неоправданная», «бесмысленная», «разрушительная» война, затеянная республиканской администрацией «м-ра Мэдисона», во время которой американцы пережили национальный позор, а их собственная столица была сожжена врагом. Другие современники превозносили героизм отдельных личностей, вроде «героя Нового Орлеана» Эндрю Джексона³ или отважных моряков, таких как Оливер Перри, Стефен Декейтор, Дэвид Портер. Они были уверены, что их страна одержала моральную победу, защитила свое национальное существование. Однако и в современной

¹ Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ другого» // Диалог со временем. М., 2012. № 39. С. 16–18.

² Репина Л.П. К вопросу об этнических стереотипах в исторической имагологии. Трансформация образа «чужого» в образ «врага» // Проблемы исторического познания. М., 2015. С. 267.

³ Будущий 7-й президент США.

исторической науке споры и дискуссии не прекращаются до настоящего времени¹.

Довольно сложно в этом военном конфликте разобраться, кто на какой стороне находился, настолько были противоречивы отношения в самом молодом американском обществе, и еще более запутанным является определение, кто был «своим», а кто «чужим» в этой войне. Американская нация еще не сложилась в единое целое. Этнические характеристики американского населения отличались пестротой с самого начала освоения региона, осложняемые постоянной иммиграцией сначала из Европы, а затем — из стран Азии, а также этно-расовыми компонентами и взаимоотношениями с коренными жителями Америки — индейцами.

Англо-американская война 1812–1815 годов именуется в США в настоящее время Второй войной за независимость, как продолжение и закрепление завоеваний Первой Американской революции, создавшей независимое государство — США, первую в мире демократическую президентскую республику, основанную на разделении властей и признании прав человека. Врагом для молодой американской республики являлась Великобритания, а ее союзниками стали Франция и Испания, в то время как Россия, провозгласив Декларацию о вооруженном нейтралитете и сплотив вокруг себя ряд морских держав, обрекла Англию на дипломатическую изоляцию. И в этом отношении представлялось простым и понятным, кто «чужой», кто «враг», а кто «друг», «свой» или «иной».

Англо-американская война 1812–1815 гг. происходила на периферии наполеоновских войн, сотрясавших Европу почти два десятилетия. В этом сумасшедшем водовороте дипломатических интриг, друзья и враги часто менялись местами, те, кто недавно были «чужими», становились «своими», и наоборот. Именно поэтому неудачным был сам исторический момент, когда США решились объявить войну своей бывшей метрополии. Англия была мощной в экономическом, военном и морском отношении державой, но расчет администрации Мэдисона был на то, что Великобритания, занятая борьбой с Наполеоном, просто не сможет выделить достаточно сил для войны на периферии.

¹ Looking at America's Forgotten War of 1812 // URL: <http://blog.constitutioncenter.org/2015/06/americas-forgotten-war-stared-on-this-day-1812> (дата обращения: 2.11.2018).

Этот конфликт с Англией был крайне неудачен для молодого американского государства. Полным провалом закончились попытки США присоединить Канаду. В ходе военных действий англичане сумели захватить американскую столицу — Вашингтон. Были сожжены Белый дом, Капитолий, Библиотека Конгресса и другие правительственные здания. Война выявила серьезные разногласия в американском обществе на региональном и партийном уровнях, возникла проблема сепаратизма Новой Англии, обострились этнические проблемы. Оппозиционная партия федералистов категорически выступила против войны, считая ее не отвечающей национальным интересам страны, «войной м-ра Мэдисона», затеянной для укрепления собственного престижа президента.

Именно в связи со сложными внешнеполитическими и внутриполитическими противоречиями представляется важной в научном плане задачей рассмотреть период Англо-американской войны 1812–1815 гг. в свете дихотомии «свой/чужой», «мы/другие», «самость/инаковость». Проанализировать те образы друзей, союзников, врагов, которые реально присутствовали или конструировались искусственно.

На первый взгляд, в любом военном конфликте есть две противоборствующие стороны, в данном случае: англичане и американцы. Англичане выступали в качестве «чужих», врагов, готовых уничтожить молодую американскую республику. И, как правило, война всегда сплачивает нацию перед лицом врага. Но не все так просто обстояло на деле в отношениях двух наций, когда-то являвшихся как бы единой семьей: «мать–родина» Великобритания и ее «дети» — североамериканские колонии. На протяжении второй половины XVIII века между ними зрел конфликт, усиленный Семилетней войной, которую теперь часто называют «Войной, создавшей американскую нацию». Ограничительные меры на торговую и производственную деятельность, рост налогов, политический диктат метрополии, реальная или воображаемая угроза распространения католицизма из новых английских колоний Канады и Луизианы порождали недовольство и вели к отторжению английской идентичности, к созданию своей национальной парадигмы и, в конечном счете, к Войне за независимость, к отделению и созданию самостоятельного государства. Сама Война за независимость укрепила в сознании американцев образ англичан и их наемников — гессенцев как злобных и жестоких врагов.

Американская революция XVIII в., принятые ею великие документы: Декларация независимости, Конституция, Билль о правах, по справедливому замечанию Н.Н. Болховитинова, являлись определяющим фактором формирования американской цивилизации, «генетическим кодом» ее развития¹. Как отмечает М.А. Филимонова: «Сама концепция независимости превращалась в ядро революционной утопии, а также в ядро национальной идентичности американцев... В массовом сознании утвердился ряд устойчивых оппозиций. Англия ассоциировалась с монархизмом, тиранией, роскошью, порочностью и жестокостью; Америка — с республиканизмом, свободой, умеренностью, добродетелью и гуманностью»².

Первая американская революция создала новые общенациональные символы, использование которых стало частью национальной традиции, закрепившейся в массовом сознании. Такими символами, к которым позже охотно обращались в целях пропаганды и воздействия на общественное мнение, стали национальный флаг («звезды и полосы»), герб (белоголовый орлан с оливковыми ветвями и стрелами в когтях), девиз («во множестве едины»), колокол свободы, девушка-Колумбия, увенчанная фригийским колпаком³. Утвердившийся уже в к. XVIII в. в народных представлениях образ типичного пуританина-американца, янки, жителя Новой Англии, дополняется в начале XIX в. образом дядюшки Сэма⁴. Превращение народного образа янки в национальный символ происходило в период Войны за независимость. В театральной пьесе под названием «Контраст», написанной Р. Тайлером в 1787 г., в противовес англичанину выводился янки Джонатан, символизиро-

¹ Болховитинов Н.Н. Американская цивилизация как исторический феномен // Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М., 2001. С. 11–12.

² Филимонова М.А. Отчуждение Другого: Образ метрополии в общественном мнении североамериканских колоний (1763–1776) // Британия: история, культура, образование. Вып. 4. Ярославль, 2018. С. 373.

³ Алентьева Т.В. Феномен американской цивилизации в конце XVIII — первой половине XIX веков // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2007. № 2 (4). URL: <http://scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=4>. (дата обращения: 11.10.2019).

⁴ Polding J.K. Uncle Sam // The Annals of America: in 20 vols. Chicago-L., 1976. Vol. VI. P. 166–169.

вавший Америку и торжествующую добродетель¹. Это — обычный деревенский фермер, в типичной коричневой непритязательной одежде пуританина, с простоватыми манерами и грубоватым простонародным языком.

Бурно развивающийся промышленный переворот на Севере, оживление морской торговли в связи с нейтралитетом страны в наполеоновских войнах, диверсификация экономической сферы не могли не отражаться на позициях различных социальных групп, образующих американское общество. Элиту общества составляли представители финансовых и торговых кругов, земельные спекулянты, крупные южные плантаторы, их интересы часто приходили в столкновение, требовали постоянного поиска компромиссов. Промышленный переворот вел к укреплению экономических позиций промышленной буржуазии, активно добывавшейся своего участия в выработке политических решений. Кроме того были многочисленные средние мелкобуржуазные слои, включавшие городских и сельских жителей, фермеров, мелких торговцев, зажиточных ремесленников, представителей интеллигенции, создававшие пеструю мозаичную картину американского социума. В особом положении находились скваттеры, пионеры «границы», мехоторговцы, ведущие активные торговые операции с индейцами. Их образ был идеализирован американским историком Ф. Тернером, создавшим «теорию фронта»².

Внизу социальной пирамиды находились лица, работавшие по найму, серванты или законтрактованные слуги, недавно приехавшие малоимущие иммигранты, свободные цветные, люмпенизированные городские низы. В стране существовало рабство негров не только на Юге, но и в ряде северных штатов. По статистическим данным в стране насчитывалось около 1 млн афроамериканцев, в число которых входило 893,6 тыс. рабов³. Тем не менее социальные противоречия в Новом свете не были столь острыми и конфликтными, как в Европе. Как видим, сама пестрота американского социума затрудняла проблему самоидентификации.

¹ Богина Ш.А. Этнокультурные процессы в США. Конец XVIII — начало XIX в. М., 1986. С. 44–45.

² Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History // Turner F.J. The Frontier in American History. N.Y., 1920. P. 1–38.

³ Статистическая история США XVII — начала XXI вв. М., 2012. С. 22, 112.

Вне американского социума находились индейцы, отношение к которым на протяжении XVII–XVIII веков было двойственным. М.А. Филимонова полагает, что в культуре Просвещения соседствовали образы «благородного дикаря» и «свирепного дикаря». В ментальности США индейцы представлялись как люди, стоящие на более низкой ступени цивилизации, как варвары, к тому же язычники, не восприимчивые к христианству. Использование англичанами индейских племен как союзников в Войне за независимость расценивалось как «варварство», как отказ от «законов гуманности». Сравнение с жестокостью индейцев использовалось как убийственный аргумент в пропаганде¹.

Продвижение на западные земли сопровождалось изгнанием в большинстве случаев вооруженной силой индейских племен с их земель и варварским уничтожением самих индейцев, что составляет одну из самых мрачных страниц американской истории. Обманом, хитростью, подкупом вождей, угрозами и применением военной силы американцы добивались уступки индейцами их земель. Неосвоенные земли Запада американцы считали не принадлежащими никому, и были убеждены в своем праве их заселять и обрабатывать, не принимая во внимание существование «других», индейцев², постепенно формируя образ «врага», подлежащего полному уничтожению.

Это двойственное отношение к индейцам проявилось и в ходе Англо-американской войны. С одной стороны, были «благородные индейцы», союзники США в борьбе с англичанами. Ярким примером может служить то, что часть индейцев, принадлежащих к так называемым «пяти цивилизованным племенам», оказались на стороне американцев. Более тысячи индейцев, принадлежащих к племенам чокто, криков, чероки служили в американской армии. Вождь племени чокто Пушматаха (1764–1824)³, так называемый

¹ Филимонова М.А. Двойственный образ индейца в культуре американского Просвещения // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. №1 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uchenyje-zapiski-elektronnyy-nauchnyy-zhurnal-kurskogo-gosudarstvennogo-universiteta#/1010634> (дата обращения 18.01.2019).

² Bruckberger R.L. A Political, Industrial and Social Portrait Images of America. New Brunswick, 2009. P. 112.

³ Похоронен с воинскими почестями на кладбище Конгресса в Вашингтоне. См.: O'Brien G. Choctaws in a Revolutionary Age, 1750–1830. Lincoln, 2005.

«индейский генерал», участвовал в Англо-американской войне на стороне США во главе своего племени. Война вновь обернулась трагедией для коренных жителей Америки, разделив индейские племена на «своих» и «чужих», противопоставив их друг другу.

С другой стороны, англичане и канадцы всячески поддерживали усилия индейского вождя племени шауни Текумсе (1768–1813) по сплочению ряда индейских племен, проживавших в районе старого Северо-Запада. Этот союз получил название Конфедерация Текумсе и имел в своем составе 3 тысячи воинов. Своими врагами они считали американцев, захватывавших их земли, поэтому в войне они поддержали англичан. Воины Текумсе сыграли решающую роль при взятии британцами Детройта, а сам Текумсе был произведен в бригадные генералы британской армии¹. Американцев, жителей западных регионов очень страшила «индейская угроза», особенно их участие в войне на стороне англичан. Они рассматривали индейцев как варваров, жестоких убийц, представителей низшей расы. В ходе Англо-американской войны выделяется также такой кровавый эпизод, как Крикская война, или война Красных палок (1813–1814), в которой ополченцы Теннесси, Алабамы, Джорджии разгромили военные силы криков², затем военные действия против индейцев были продолжены во Флориде (первая семинольская война, 1814–1819). Историки отмечают, что отличившийся в этих событиях генерал Э. Джексон не делал особых различий между индейцами-союзниками и воюющими против него. Все индейцы для американцев оставались не просто «чужими», они с этих пор считались только «врагами». Популярный карикатурист Уильям Чарльз изобразил индейскую угрозу в красноречивой карикатуре «Сцена на фронтире, или гуманная практика британцев и их “достойных” союзников», где кровожадные индейцы снимают скальпы с убитых американцев, а британский офицер с удовлетворением принимает из рук индейца кровавый трофей и вручает ему награду. На заднем фоне художник изобразил танец индейцев около костра.

¹ Текумсе был убит 5 октября 1813 г. в сражении на реке Темзе, в рукопашной схватке. С его смертью индейский союз распался окончательно. См.: Tucker, G. Tecumseh: vision of glory. Indianapolis, 1956.

² Adams H. History of the United States of America during the administrations of James Madison. N.Y., 1986. P. 782–801. См. также: Болл Г.Х.Т. Война Криков 1813–1814 годов. Спб., 1995; Зорин А.В. Ярость отчаяния: война криков и сопротивление семинолов в 1812–1818 гг. Спб., 2014.

Разумеется, такая наглядная пропаганда способствовала усилению анти-индейских и анти-британских настроений в американском обществе, создавая образ непримиримого «врага», которого следует уничтожить.

Главным врагом в надвигавшейся войне естественно представлялись англичане. Но разобраться в сложном клубке международных противоречий, порожденных Великой французской революцией и наполеоновскими войнами, кто «свой», тоже было непросто. Увлечение французами, союзниками в Войне за независимость, постепенно сменялось настороженностью в связи с радикализмом происходившей в этой стране революции, экспансионистскими устремлениями французской буржуазии, «квази-войной» 1799 г.¹ После переворота 18 брюмера 1799 г. отношения двух стран становятся неопределенными, сменяясь то кратким сближением, то обострением. Они несколько сгладились после продажи французами в 1803 г. территории Луизианы. Точную сумму историки так и не установили, цифра колеблется от 20 до 60 млн франков². Республиканская администрация Т. Джефферсона тут же заняла профранцузскую позицию, невольно втянувшись в политические интриги Бонапарта, желающего ослабления Англии. Франция не стала «своим», скорее «чужим», поскольку дружественные отношения двух стран становились невозможными, каперские действия французского флота на морях наносили существенный ущерб американской торговле. Особенно болезненным ударом стала проводимая Наполеоном политика континентальной блокады. Франция добивалась от всех своих союзников и сателлитов полного разрыва всех торговых отношений с Англией.

Англия ответила контрмерой. Так называемые «Указы в совете» (Orders in Council) 1807 г. запрещали всем нейтральным странам торговать с Францией и ее союзниками; каждому судну предписывалось заходить в английский порт и там вносить соответствующую пошлину³.

¹ См.: *Филимонова М.А.* Трансформация образа Франции в контексте «квази-войны» 1798–1800 гг. (по материалам американской прессы) // *Война и мир в американской культуре: тексты и контексты.* М., 2017. С. 23–37.

² Treaty between the United States of America and the French Republic // URL: https://www.archives.gov/exhibits/american_originals/louistxt.html (дата обращения: 12.01.2019).

³ *Holmberg T.* The Acts, Orders in Council, &c. of Great Britain [on Trade], 1793 — 1812 / T. Holmberg // URL: <http://www.napoleon-series.org/research/>

Англия систематически нарушала морские права США, захватывая американских моряков под предлогом поиска английских дезертиров. Общее число американцев, захваченных англичанами с 1793 до 1812 г., то есть до начала войны, оценивается в 20 тыс. человек. По подсчетам американского историка У. Дженнингса, с 25 марта 1793 г. по 14 октября 1808 г. Великобритания приняла 31 акт, наносящий ущерб торговле США¹.

Наполеон пытался отвлечь американцев от прямой конфронтации туманными, но никогда не выполненными обещаниями, снять с американцев запреты, наложенные континентальной блокадой. Англичане не давали даже обещаний: правящая партия тори была твердо настроена сохранить «Указы в Совете». К тому же англичане по-прежнему вредили американской торговле гораздо больше, чем французы. В своей первой инаугурационной речи (4 марта 1809 г.) Мэдисон, характеризуя внешнеполитическую обстановку, напрямую обвинял Англию и Францию в «вероломных действиях», подрывающих экономическую стабильность страны. Он резко осудил нарушение морских прав США. Президент заявил о том, что на территории соседней Канады действует английская агентура, поддерживающая многочисленные непрекращающиеся вылазки индейских племен против американских поселенцев на северо-западе страны. Выход из сложившейся ситуации он видел в захвате Канады. По убеждению сторонников такого решения, это позволило бы одним ударом покончить с английскими провокациями с участием индейцев, закрыть источник губительной для национальной торговли контрабанды с территории Канады и приобрести новые территории для заселения американцами².

18 июня 1812 г. стало днем официального объявления войны Великобритании³. Весьма энергично объявление войны приветствовал другой бывший президент — Джефферсон. Он уверял, что именно Англия, а не наполеоновская Франция, является вечным врагом США. В частной переписке с Мэдисоном он всячески под-

government/british/decrees/c_britdecrees1.html#decrees (дата обращения 20.02.2019).

¹ *Jennings W.* The American Embargo. 1807–1809. Iowa City, 1921. P. 23.

² Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 г.) / под ред. Э.А. Иваняна. М., 2001. С. 25–28.

³ *Madison J.* The Writings of James Madison. Vol. VIII. P. 200–201.

талкивал последнего к завоеванию Канады, убеждая его, что канадцы встретят американцев как освободителей¹.

Британцы считали поведение американцев предательством и встретили объявление войны с яростью и негодованием. Они расценивали протесты США против захвата американских моряков Королевским флотом как «жалкие причитания», а на самом деле как скрытый предлог для захвата Канады. Британские критики войны рассматривали готовность Вашингтона начать войну как доказательство того, что Америка лишь на словах служила идеалам свободы, гражданских прав и конституционного правления, а на самом деле эта страна была, по их мнению, убежищем для подлецов и лицемеров. Один из английских капитанов так характеризовал подлинные намерения американцев: «Мне действительно стыдно за тот узкий, эгоистичный подход, в свете которого [американцы] рассматривали нынешнюю борьбу за свободу и мораль в Европе. Наш кузен Джонатан не имеет романтических приливов энергии, а действует только исходя из холодного, твердого расчета хорошего рынка для продажи риса или табака!»²

Англичане, поглощенные войной в Европе с наполеоновской Францией, не сильно стремились к войне с США, поэтому «Указы в Совете» были отменены, а плененных американских моряков обещали вернуть. Однако эти меры запоздали, так как военные действия уже начались.

Теперь американской пропаганде предстояло сконструировать из англичан образ непримиримого «врага». «Война должна быть объявлена», — гласил заголовок передовицы республиканской «National Intelligencer»³. Газета констатировала, что переговоры с Англией зашли в тупик. Газета также уверяла, что война будет легкой и необременительной в связи с военными действиями Англии против Наполеона.

¹ Knott S.F. Republican Ideology and Its Failure in the War of 1812 // URL: <http://www.libertylawsite.org/book-review/republican-ideology-and-its-failure-in-the-war-of-1812>. (дата обращения: 2.02.2019).

² Foreman A. The British View the War of 1812 Quite Differently Than Americans Do // Smithsonian Magazine, July 2014 // URL: <https://www.smithsonianmag.com/history/british-view-war-1812-quite-differently-americans-do-180951852>. (дата обращения: 2.02.2019).

³ National Intelligencer. 14 April. 1812.

Антибританские настроения усиливались в южных штатах, где население повсеместно выступило в поддержку войны с Англией. Это происходило ввиду того, что в 1807 г. английский парламент под давлением аболиционистов принял закон об отмене африканской работорговли, причем работорговые суда приравнивались к пиратским со всеми вытекающими последствиями¹. США в том же 1807 г., согласно принятой в 1787 году конституции, также отменили африканскую работорговлю, но она с большим размахом продолжалась нелегально.

Не менее яростное негодование вызывали англичане в западных штатах, жители которых ненавидели индейцев, стремились захватить их земли. Жители Запада не без оснований были убеждены, что англичане всячески поддерживают индейского вождя Текумсе и помогают его сопротивлению американцам.

Анти-английские настроения зрели в США довольно долго, они постоянно подпитывались выступлениями лидеров мнений, включая президентов Джефферсона и Мэдисона, видных политиков, конгрессменов, статьями в республиканской прессе. Газета «The Star» утверждала: «Когда на этот раз воля большинства довольно ясно выражена через своих представителей, недовольство должно быть приглушено. Счастье людей, их свободы, их существование, их честь, стабильность республиканских учреждений, — все будет зависеть от объединенных усилий всего народа против общего врага»².

Для поднятия патриотического духа американцев надо было убедить их в том, что эти старые враги англичане, уже один раз потерпевшие поражение от американцев во время Войны за независимость, вовсе не являются грозным противником. Наоборот, их стоило представить смешными и жалкими, заслуживавшими только насмешки и презрения. Особую роль в формировании образа Англии как слабого, несерьезного противника внесли американские карикатуристы У. Чарльз, Э. Дулитл. Здесь фантазия художника использовала разные стереотипные образы Великобритании, Джона Буля, или в виде толстопузого, одетого в морскую форму простолюдина, или в виде английского офицера-джентльмена, или даже как коронованную особу Георга III. Но самыми смешными

¹ Robinson D.L. Slavery in the Structure of American Politics. 1765–1820. N.Y., 1917. P. 341.

² The Star (Raleigh). 22 May. 1812.

были антропоморфные изображения в виде человека с бычьей головой или рогами, а также копытами вместо ног. Всегда англичанин попадает в смешное и жалкое положение, а победителем оказывается американец, братец Джонатан. Особенно удачными были карикатуры, отмечавшие победы американских моряков. В одной из своих карикатур Дулитл откликнулся на знаменитое морское сражение, в котором американские моряки одержали победу. Карикатура называлась ««Шершень» и «Павлин», или «Отчаянье Джона Буля». На ней Джон Буль изображен в самом смешном виде. Это — бык с павлиньим хвостом, его безжалостно кусает «Шершень». Последний говорит: «Свободная торговля и морские права, ты, старый плут!» В ответ Джон Буль только пыхтит. Дулитл нарисовал и другую, ставшую знаменитой, карикатуру «Братец Джонатан отдает сердечный салют Джону Булю»¹.

Объявление войны Англии не сплотило американцев, а, наоборот, выявило имеющиеся противоречия. В сложной атмосфере социальной нестабильности, неопределенности внутривнутриполитических и внешнеполитических приоритетов трудно было разобраться кто «свой», «иной», «другой», «чужой», кто друзья, а кто враги.

Страна фактически разделилась по партийному признаку на джефферсоновских республиканцев, активных поборников войны, и ярых ее противников — федералистов. И здесь именно отношение к войне определяло «своих» и «чужих».

Первые партийные формирования в США стали складываться в конце XVIII в. Первоначальные названия были весьма условными: националисты и локалисты, федералисты и антифедералисты², в период президентства Т. Джефферсона последние стали именоваться джефферсоновскими республиканцами³. Процесс партийного размежевания был сложным и противоречивым, поскольку в общественном мнении американцев все, что ассоциировалось с

¹ Алентьева Т.В. Американская политическая карикатура начала XIX века как исторический источник по изучению Англо-американской войны 1812–1815 гг. // Актуальные проблемы источниковедения. Витебск, 2017. С. 191–194; Алентьева Т.В., Тимченко А.И. Англо-американская война 1812–1815 гг. и американское общество. СПб., 2019. С. 135–136.

² См.: Филимонова М.А. Соединенные Штаты на пути к консолидации: Политическая борьба в Континентальном конгрессе (1781–1788). М., 2007.

³ Для краткости их именуют просто республиканцами, но их нельзя отождествлять с современной республиканской партией, основанной в 1854–1856 гг.

английской политической системой, вызывало подозрение и неприятие. Разумеется, это не были партии в современном смысле, организационно они были слабо оформлены, не имели четких программных установок¹.

Позиции партийных группировок были часто прямо противоположными, особенно по проблемам экономического развития (гамилтоновская и джефферсоновская модели), различными были их взгляды на роль и функции правительства, проблемы федерализма и прав штатов, а также внешнеполитические предпочтения.

Внутриполитическая ситуация была более благоприятна для республиканцев, они находились у власти, в их руках был президентский пост и большинство мест в Конгрессе. Их выразителями стала группа молодых политиков, «военных ястребов» (war hawks)², представлявших республиканскую партию. Среди них были такие яркие политики как Г. Клей и Дж. Кэлхун. Свое прозвище они получили в силу своей крайней агрессивности и благодаря активной защите политики экспансионизма.

Хотя тогда еще не публиковались в газетах полные отчеты о дебатах в Конгрессе, тем не менее, наиболее яркие речи, споры и дискуссии находили свое отражение в печати. Республиканская газета «National Intelligencer» утверждала: «Когда решение принято, нельзя колебаться. Кто не с нами, тот против нас»³. Итак, «своими» стали республиканцы и поддерживавшие их сторонники войны.

«Чужими», естественно, рассматривались федералисты, противники войны. Республиканские газеты обвиняли федералистов в про-английских симпатиях и часто называли их «английскими агентами», не стесняясь в оскорбительных выражениях. Они обвиняли своих оппонентов в измене и утверждали, что те прямо помогают врагу.

Наиболее жесткую оппозицию начало войны встретило в северо-восточных штатах. В Новой Англии (Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Гэмпшир и Вермонт) в знак траура звонили колокола и были приспущены национальные флаги⁴.

¹ Трояновская М.О. США: У истоков двухпартийной системы. М., 1989. С. 33.

² С этих пор термин вошел в политический лексикон США.

³ Цит. по: Hickey D.R. The War of 1812: A Short History. N.Y., 2012. P. 98.

⁴ Ellis J.H. A Ruinous and Unhappy War: New England and the War of 1812. N.Y., 2009. P. 76.

В открытом обращении, направленном в Конгресс в ответ на объявление войны, массачусетская палата представителей заявляла, что: «наступательная война против Великобритании в нынешних условиях для этой страны была бы в высшей степени неразумной, ненужной и разорительной»¹...

Со своих кафедр священники обличали политику правительства и призывали молодых людей не записываться в армию. Священник Н. Беман из Портленда называл армейские лагеря «пристанищем Сатаны». Священник Б. Эмерсон назвал войну «ужасающей катастрофой и божьим наказанием»². Антивоенная позиция духовенства играла важную роль в укреплении оппозиции населения в отношении войны с Англией. Политические лидеры Новой Англии также выступили с осуждением войны. Джосайя Квинси заявил, что «завоевание Канады приведет к бесконечной войне с Англией»... «Я рассматриваю эту войну как войну отдельной партии, а не страны», — говорил соратник Гамильтона Руфус Кинг³.

В целом, федералисты относились к этой войне не как к общенациональной, а именно как к войне, затеянной их политическими противниками-республиканцами ради удержания власти в своих руках. Они считали ее ненужной, бессмысленной, несправедливой, сулящей многочисленные бедствия. Главного врага они видели не в Англии, а в наполеоновской Франции. Лучшим выходом из создавшегося положения они полагали прекращение конфликта, противодействие военным усилиям республиканцев. Однако в партии после гибели на дуэли выдающегося лидера А. Гамильтона не было таких же ярких руководителей, в ее рядах по многим вопросам отсутствовало единство. По существу в период войны их объединяла только оппозиция к ней.

Война породила нетерпимость в обществе. Джефферсон писал: «Федералисты ... бедные дьяволы, не заслуживают внимания. Бочка дегтя и перья в каждом штате к югу от Потوماка будут держать их в порядке, без затруднений для правительства. Что касает-

¹ См.: Козлов Д.А. Новоанглийский сепаратизм в США в начале XIX в. СПб., 1997.

² Encyclopedia of the War of 1812: A Political, Social, and Military History: 3 vols. / ed. by S. Tucker, J.R. Arnold, R. Wiener etc. N.Y., 2012. P. 8.

³ Hoey J.B. Federalist Opposition to the War Of 1812 // URL: <http://www.earlyamerica.com/early-america-review/volume-4/federalist-opposition-to-the-war-of-1812>. (дата обращения: 2.02.2019).

ся Севера, то он доставит немало неприятностей. Там можно применить средства поглубже... пеньку и конфискации»¹.

Республиканские издания на все лады, как только могли, высмеивали и оскорбляли федералистов. По поводу позиции губернатора Массачусетса К. Стронга была выпущена листовка и сочинены сатирические стихи. Листовка имела подзаголовок: «Строгий пост, или лицемерие с пеной у рта. Гимн по случаю объявления войны»². В стихах федералисты сравнивались с их предками-пуританами, которые преследовали невинных квакеров, еретиков и ведьм. Про Стронга говорилось, что он — лицемер и злодей-тори³.

Оценивая неутешительные результаты своей политики как в военном, так и в социально-экономическом отношении, республиканские лидеры рассматривали вариант «почетного выхода из войны» как единственно возможный в сложившейся ситуации. При помощи России, предложившей посредничество в мирных переговорах, американское правительство хотело заключить мир на достаточно приемлемых для себя условиях, но Великобритания не желала прекращения военного конфликта, поскольку в связи с поражениями американцев вырисовывалась заманчивая перспектива возвращения бывших колоний к их прежнему статусу.

Действительно теперь вопрос стоял о независимости и территориальной целостности США. Это не могло не усилить патриотический энтузиазм в американском обществе. Анти-британские настроения росли по мере того, как британским войскам удавалось захватывать и оккупировать американскую территорию. Жители оккупированных районов испытывали на себе все тяготы войны.

Сожжение Вашингтона и вандализм англичан способствовали росту патриотических настроений. Война стала восприниматься как борьба за сохранение национального суверенитета и территориальной целостности США. Война охватила большую часть страны. В анналы американской истории вошла героическая оборона Балтимора. Именно в эти напряженные дни

¹ Hickey D.R. The War of 1812: A Short History. P. 98.

² The War of 1812: Items from the Collections of the Massachusetts Historical Society // URL: <http://www.masshist.org/features/war-of-1812-selections>. (дата обращения: 2.02.2019).

³ Кличка «тори» применялась во время Войны за независимость к лоялистам, сторонникам англичан.

родились слова современного американского гимна «Знамя, усеянное звездами», автором которого стал юрист и поэт Френсис Скотт Ки (1779–1843).

С другой стороны, усталость от войны, тяготы, порожденные ею, становились питательной почвой для пропаганды федералистов, ненавидящих войну. В стране усиливаются не только центростремительные тенденции, направленные к укреплению союза штатов, но и центробежные, связанные с сепаратистскими настроениями, особенно сильными в Новой Англии.

В то время как в Генте шли долгие и трудные переговоры о мире, 15 декабря 1814 г. федералисты собрали в городе Хартфорде (штат Коннектикут) конвент¹. Республиканцы всячески старались дискредитировать своих политических противников федералистов, приписывая им стремление к разрушению Союза штатов. Они клеймили их как монархистов, сецессионистов, подлых тори, изменников, достойных звания Иуды². Наиболее острым инструментом воздействия на общественное мнение в руках республиканцев, помимо газет, было оружие сатиры. В Филадельфии в 1815 г. была отпечатана в виде листовки карикатура У. Чарльза под названием «Хартфордский конвент. Прыгать или не прыгать»³.

В общественном мнении американцев Хартфордский конвент на долгие годы стал синонимом разрушения единства страны, хотя многие современные американские историки это отвергают. С.Э. Морисон доказывал, что лидеры конвента, напротив, всеми силами старались избежать распада страны⁴.

Между тем после сложных и длительных переговоров мир был заключен. Мирный договор был подписан в Генте в ночь с 24 на 25 декабря 1814 г. на условиях статус-кво.

Англо-американская война 1812–1815 гг. для США — неоднозначное событие. Довольно часто ее называют второй Войной за независимость, хотя разделяют это утверждение далеко не все исто-

¹ *Columbian Centinel*. 15 December. 1814.

² *Robertson A.W.* The Language of Democracy: Political Rhetoric in the United States and Britain, 1790–1900. Charlottesville, 2005. P. 45.

³ См.: *Алентьева Т.В.* Англо-американская война 1812–1815 гг. в отражении американской карикатуры // Мир культуры: культуроведение, культурография, культурология. Вып. 5. Курск 2016. С. 41–43.

⁴ *Morison S.E.* Our Most Unpopular War // Massachusetts Historical Society Proceedings. 1968. Vol. 80. P. 53.

рики. Однако бесспорно, что данный конфликт создал незабываемые символы, легенды и героев, на которых в дальнейшем строилась американская национальная идентичность. Именно тогда возник такой широко растиражированный образ США, как дядя Сэм. Во время героической обороны Балтимора появились слова американского государственного гимна «Усеянное звездами знамя».

Окончание войны и заключение мира американское общество встретило с удовлетворением. На время сгладились региональные разногласия, также как и разделение самих американцев на «своих» и «чужих». Хартфордский конвент навсегда дискредитировал федералистскую партию в глазах американцев. После войны она перестала существовать. На политической авансцене осталась единственная политическая сила — джефферсоновские республиканцы. В США началась «эра доброго согласия» (1815–1829 гг.).

Глава 16

РУСОФОБИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ XIX ВЕКА: ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Жолудов М.В.

Тема причин возникновения и распространения русофобских настроений в мировой истории является весьма актуальной для отечественного обществоведения вследствие того, что это явление стало сейчас одним из основных направлений в средствах массовой информации западных стран. Современная русофобия явилась продуктом серьезного обострения геополитических противоречий между Россией и «коллективным Западом» в начале XXI века. По мнению российского политолога А. Ильина, «руссофобия — это основанное на исторических фальсификациях и политических инсинуациях, принципиально отрицательное отношение к русским, как к этносу, к русской культуре, к русской цивилизации, к русскости как таковой»¹.

Русофобия в Великобритании — это не порождение новейшего времени. Великобритания, по существу, стала первой страной, где еще в XIX в. зародилась системная русофобия, ставшая непременным инструментом британской политики по отношению к России. Одной из причин появления русофобии в Великобритании следует также считать активное развитие парламентских институтов в стране на протяжении всего века (реформы 1832, 1867, 1884–1885 гг.). Это привело к значительному увеличению электората и, соответственно, усилению «влияния извне» на процесс формирования британского внешнеполитического курса. Руководители Форин офис были вынуждены считаться с общественным мнением страны, с настроениями своих потенциальных избирателей. Поэтому в условиях

¹ Ильин А. Русофобия. СПб.: Питер, 2018. С. 8.

значительного обострения геополитических противоречий между Великобританией и Россией в Восточном вопросе (т.н. «Большая игра» XIX в.) им нужна была антирусская идеологическая практика. Главной целью этой практики стало создание отрицательного образа геополитического противника (т.е. России), настойчиво распространяемого среди британского населения.

Термин «руссофобия» впервые в массовом порядке появился в британской прессе и политической памфлетистке в 1830-е гг. Он отражал негативное отношение общественного мнения Британии по поводу России и внешнеполитических действий русского правительства. Но в 1836 г. известный английский предприниматель, ученый-экономист, писатель, основатель фритредерской теории Ричард Кобден издал памфлет под названием «Россия», подзаголовком которого была метафорическая фраза — «Лекарство от руссофобии»¹. Автор резко критиковал антирусскую внешнюю политику Великобритании, основывающуюся на балансе сил и защите британских торговых путей вооруженными методами. Исходя из утилитарно-фритредерской концепции, он аргументировано доказывал, что с Россией выгодней торговать, чем воевать. Но таких работ было ничтожно мало.

В России термин «руссофобия» впервые был введен в общественный оборот дипломатом, общественным деятелем и поэтом Ф. И. Тютчевым. Уже в 1844 г. Ф.И. Тютчев давал характеристику понятия «руссофобия» и говорил, что в его основе лежит «ненависть, пламенное, слепое, неистовое враждебное настроение против России»². В 1867 г. в письме своей дочери Анне он писал «... современное явление, приобретающее все более патологический характер. Речь идет о руссофобии некоторых русских — причем весьма почитаемых». В этом же письме Ф. И. Тютчев призывал своего зятя, И. С. Аксакова, публициста, славянофила, общественного деятеля и в то время редактора газеты «Москва» публиковать статьи, касающиеся темы «руссофобии»³.

В истории развития руссофобии в Великобритании XIX в. можно выделить два периода активизации этого явления: 1) 1820–1850-е гг. и 2) вторая половина 70-х гг. XIX в.

¹ Cobden R. Russia. A Cure for the Russo-phobia. Edinburgh: W. Tait, 1836.

² Чквидзе Е.Д. Греческое восстание 1821–1832 годов в британской прессе и руссофобия // Грамота. 2014. № 11 (49). Ч. 2. С. 193.

³ Там же.

После завершения Наполеоновских войн в 1815 г. российско-британские отношения выглядели весьма дружественными. Военно-дипломатический союз двух империй стал одним из главных факторов разгрома наполеоновской Франции¹. Шел процесс налаживания контактов (дипломатических, культурных, торговых) между странами². Совместная победа над Наполеоном имела большое значение для Великобритании. Резко повысился интерес англичан к России и русским. В английской литературе и публицистике отражены события Отечественной войны 1812 г., разгром наполеоновской армии русскими войсками, прибытие победителей в Париж. Российский император Александр I пользовался в Англии значительным авторитетом. В этот период много русских побывало в Англии, русская тема была в большой моде, русской армии посвящали свои произведения поэты-романтики, журналисты, публицисты, историки.

Британский писатель В. Скотт, горячий противник Наполеона, проявлял особый интерес к Отечественной войне 1812 г., к русской армии, казачеству, партизанской войне. Из интереса к военным действиям вырос у Скотта интерес к России и к вопросам англо-русского сближения. Он считал русских солдат спасителями Европы. В. Скотт был знаком и встречался со многими русскими: литераторами, поэтами, дипломатами, заезжавшими в Эдинбург. В отличие от В. Скотта, другой великий английский писатель Дж. Байрон скептически относился к успехам русской армии в войне с Наполеоном, к популярности русских в Лондоне, к ажиотажу, вызванному приемами царя Александра I в Сент-Джеймском дворце. Однако находившийся в свите Александра I дипломат П.Б. Козловский сумел заинтересовать Байрона, разбудить его интерес к России. Байрон и прежде упоминал в своих «Восточных поэмах» восточную империю, но позднее у него появляются целые сюжеты, связанные с Россией: например эпизод из петровской эпохи в поэме «Мазепа», или описание русского двора в поэме «Дон Жуан»³.

¹ Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона: российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

² См. подробнее: Жолудов М.В. Россия и Великобритания: диалог культур в первой половине XIX века // Россия и Британия Вып. 5: На путях к взаимопониманию. М: Наука, 2010. С. 125-132.

³ См.: Казнина О.А., Николюкин А.Н. Англия глазами русских // «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии. 1646–1945. М.: РОССПЭН, 2001. С. 8-9.

Однако период русофильской эйфории в Великобритании быстро закончился. В 1820-х гг. наметились серьезные противоречия в отношениях между Россией и Великобританией, причиной чему послужило столкновение геополитических интересов двух держав в ближневосточном регионе и на Балканах.

Поводом к осложнению англо-русских отношений стало греческое восстание против османского владычества в 1821 г. Россия поддержала восставших греков, и это серьезно напугало Англию. Британская пресса представляла российскую помощь грекам, как подготовку русского вторжения в Османскую империю. Сама Греция рассматривалась как вероятная военно-морская база России. Газета «Таймс» писала в 1822 г.: «мы не можем подтвердить, но подозреваем, что император России (Александр I. — М.Ж.), призывает пожертвовать принципами справедливости в пользу собственного возвеличивания»¹. В Англии вдруг обнаружили, что в Европе появилась новая великая держава со своими геополитическими амбициями. Автор статьи, вышедшей в 1824 г. в журнале «Уэстминстер Ревью», утверждал: «Век назад существовала страна, которая не возбуждала ни интереса, ни ревности, ни тревоги, она была известна только, как земля странных и далеких варваров, расплывчатые образы которых собраны вместе в любопытных книгах о путешествиях нескольких авантюрных странников. Но теперь все изменилось и Россия, по-прежнему варварская, стремится установить диктатуру над государствами Европы, и возможно сделает это. Она сидит, как огромный демон на отдыхе, распоряжаясь королевствами по своему желанию, управляя ими и контролируя судьбы наций»². А уважаемая «Морнинг Херальд» выдала настоящую причину обеспокоенности Великобритании: «Очевидно, что истинное намерение России — сделать Грецию зависимой от себя, а не турецкого ига, вместо того, чтобы способствовать становлению независимого государства... Это означает, что Россия будет обладать тем, что давно пытается получить — военно-морской базой в Средиземном море. Греческий архипелаг является одной из лучших школ моряков в мире... Не удивительно, что Россия давно смотрела алчными глазами на греческие территории, и, если она теперь упустит возможность присоединить их к своим владениям, мы признаем, что ее амбиции уменьшились...

¹ Чкоидзе Е.А. Указ. соч. С. 195.

² Там же.

При таком росте власти она может, когда ей вздумается, со сравнительно небольшими трудностями, овладеть Константинополем, и, простереть руки на восток, поколебав основы наших азиатских владений»¹.

Россия разгромила Османскую империю в войне 1828–1829 гг. и заключила с ней выгодные для себя Адрианопольский (1829 г.) и Ункяр-Искелесийский (1833 г.) мирные договоры. Англо-русское соперничество становится основной осью международных отношений середины XIX в.

Разногласия между Россией и Англией в Восточном вопросе были непримиримы. Это было связано, с одной стороны, с явной активизацией проникновения британского капитала на Ближний Восток, а, с другой стороны, с беспокойством правительства Великобритании за судьбу своей богатейшей колонии Индии в связи с усилением русской экспансии в Средней Азии и на Кавказе. При непосредственной поддержке правительства в британской прессе началась мощная и хорошо режиссированная русофобская кампания, направленная на разжигание ненависти к России и русским. Простых англичан активно начали пугать пресловутой «русской угрозой» для Индии. Главным архитектором антирусской внешней политики Великобритании и главным дирижером русофобской кампании был лорд Пальмерстон, ставший в ноябре 1830 г. министром иностранных дел.

Первое выступление лорда в парламенте по вопросу, связанному с политикой Российской империи, состоялось в феврале 1830 г. за несколько месяцев до его вхождения в правительство Великобритании. Оно было связано с резким обострением Восточного вопроса из-за русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Пальмерстон, выступая в палате общин, обвинил торийское правительство герцога Веллингтона в пассивности в этом вопросе. По его мнению, Великобритания должна была смелее вмешаться в русско-турецкий конфликт, что могло спасти Турцию от поражения. Пальмерстон заявил, что турецкое поражение и заключение Адрианопольского мира создавали опасность появления русских войск в Турции и расширения русской границы в южном направлении, что явно не соответствовало британским интересам².

¹ Чкоидзе Е.Д. Указ. соч. С. 196.

² Opinions and Policy of the right honorable viscount Palmerston. L.: Colburn & Co., 1852. P. 131.

Очевидно, что уже тогда Пальмерстон рассматривал Россию как главного соперника Великобритании на Ближнем Востоке, явно опасаясь усиления российского влияния в этом регионе. Однако непосредственным разрешением Восточного вопроса он занялся лишь через несколько лет. И уже в 1832 г. русский посол в Париже К.О. Поццо ди Борго, не скрывавший личной неприязни к Пальмерстону, утверждал: «Он (Пальмерстон) не останавливается ни перед какими средствами: пути кривые и извилистые, клевета, умолчание, запирательство — все он считает пригодным. Россию считает он главным тормозом для осуществления своих разрушительных и безрассудных проектов»¹.

На протяжении своей весьма продолжительной и деятельной политической карьеры, находясь на различных высших государственных должностях Британской империи или даже в оппозиции, Пальмерстон прямо определял или косвенно влиял на формирование внешнеполитического курса своей страны, отличительной чертой которого было всемерное противостояние российским интересам в Европе и на Ближнем Востоке².

Пальмерстон и не скрывал этого. Он писал: «Великий враг Англии — Россия: это проистекает не из личных чувств, а потому, что её намерения и цели несовместимы с нашими интересами и безопасностью»³. Или: «Россия является единственной страной, с которой мы вероятнее всего рассоримся по-настоящему»⁴. Не жаловал Пальмерстон и русского царя, давая ему крайне нелицеприятную характеристику: «Я воспринимаю Николая как человека честолюбивого, склонного к грандиозным проектам, полного решимости делать обширные прибавления к своим владениям; и прилагающим

¹ Мартенс Ф. (сост.) Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 12: Трактаты с Англией. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1895. С. 201.

² См.: Жолудов М.В. Лорд Пальмерстон и Россия (к истории англо-русских отношений в 30-е гг. XIX в.) // Россия и Британия. Вып. 4: Связи и взаимные представления. XIX–XX вв. М.: Наука, 2006. С. 295–306; Виноградов К.Б., Сергеев В.В. Лорд Пальмерстон. Жизнь и политическая деятельность // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 154–176; Виноградов В.Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 182–209.

³ Международные отношения на Балканах. 1830–1856. М.: Наука, 1990. С. 14.

⁴ Bulwer H.L. The Life of Henry John Temple, Viscount Palmerston. Leipzig Tauchnitz, 1871. Vol. 1. P. 75.

усилия, чтобы распространить свою политическую власть гораздо дальше границ действия его указов; вдохновленным такой же ненавистью к Англии, какую испытывал Наполеон, и по тем же самым причинам, а именно то, что мы являемся друзьями национальной свободы и врагами всех завоевателей. Мы являемся препятствием на его пути; он бы обманул нас, если бы смог, он сокрушил бы нас, если бы был в состоянии сделать это, так он ненавидит нас»¹. Опытный российский дипломат, долгое время прослуживший в Лондоне, барон Ф.И. Бруннов в лекциях по внешней политике, прочитанных в 1838 г. молодому великому князю Александру Николаевичу (будущему царю Александру II), так определил одну из причин англо-русского соперничества: «Лондонский кабинет считает Россию наиболее грозным противником покровительствуемых Англией конституционных принципов. Особенно лорд Пальмерстон везде ищет следов нашего враждебного ему влияния»². Ф.И. Бруннов описал и состояние британского общественного мнения по отношению к России: «Английское общественное мнение обвиняет наше правительство в честолюбивых и завоевательных видах по отношению к Леванту. Оно подозревает существование у нас, с одной стороны, идеи о завоевании Константинополя, с другой — посягательства на безопасность британских владений в Индии. Этот двойственный страх чрезвычайно владеет всеми умами, даже наиболее просвещенных и умеренных людей Англии»³.

Позже известный исследователь истории российской дипломатии С.С. Татищев, оценивая состояние русско-английских отношений 1830-х гг., писал: «В десятилетнее управление внешними делами Великобритании лорда Пальмерстона (1830–1840) политика лондонского кабинета приняла решительно враждебный для нас оборот. Начала, ею руководившие, были прямо противоположны тем, что усвоил русский двор со времен Венского конгресса... Вступив в тесный союз с Францией Орлеанов, Англия явилась сверх того и непосредственной противницей России в Польше, на Босфоре, за Кавказом. Английское золото щедрою рукою рас-

¹ *Webster Ch.* The Foreign Policy of Palmerston 1830–1841. Britain, the Liberal Movement and Eastern Question. N.Y.: Humanities Press, 1969. Vol. 2. P. 842.

² *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1908. Т. 1. С. 98.

³ Там же.

точалось врагам России всякого рода, польским революционным выходцам и мятежным кавказским горцам. Во всех политических вопросах на Востоке и на Западе Россия всегда встречала злобное и упорное сопротивление и противодействие англичан»¹.

Так получилось, что именно в противостоянии с Россией Пальмерстон шлифовал свое дипломатическое мастерство. Он был одним из первых, кто стал использовать общественное мнение в качестве мощного орудия для проведения в жизнь своей внешнеполитической линии. Более, чем какой-либо другой политический или государственный деятель XIX в., он знал, как обратиться к простому «человеку с улицы», представителю среднего класса, удачно используя идею британского воинствующего патриотизма (в английской политической терминологии — джингоизма). Лорд часто обращался за поддержкой к британской общественности, минуя политический истеблишмент, что было весьма необычно в то время. По словам американского историка П. Хейза, «Пальмерстон, как и Каннинг до него, вовремя понял ценность общественной поддержки»².

Ухудшение англо-русских отношений сопровождалось соответствующими изменениями общественного мнения, которое в то время уже играло значительную роль в политической жизни Великобритании. Газеты и журналы раздували русофобские настроения среди англичан, пропагандируя ставшую популярной концепцию «русской опасности» для Индии. Лорд Пальмерстон лично принимал активное участие в формировании британского общественного мнения, используя его в качестве идеологического прикрытия для своего внешнеполитического курса. Руководитель британской дипломатии имел тесные контакты с редакциями таких крупных изданий, как «Глоуб», «Куирр», «Обсервер», «Морнинг Кроникл» и др., писал для них передовицы, иногда заказывал статьи нужного ему содержания, используя деньги из секретных фондов. Он пытался «приручить» владельцев и редакторов этих газет. Так, в 1841 г. Пальмерстон рекомендовал владельца «Морнинг Кроникл» к баронскому титулу. Он даже использовал в своих интересах respectable и консервативную «Таймс», которая в те годы обычно

¹ *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887. С. 392.

² *Hayes P.* The Nineteenth Century 1814–1880. N.Y.: St. Martin's Press, 1975. P. 103.

ориентировалась на его политических противников. Пальмерстон был одним из главных вдохновителей вступления Великобритании в Крымскую (Восточную) войну 1853–1856 гг., хотя занимал пост министра внутренних дел в кабинете лорда Абердина.

Следующий всплеск русофобских настроений в Великобритании произошел во второй половине 70-х гг. XIX в. и был связан с т.н. джингоистским движением во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Термин «джингоизм» появился в Великобритании для обозначения шумной митинговой антирусской кампании, начавшейся в последние дни 1877 г. и завершившейся к середине марта 1878 г. Он был произведен от слова «Джинго», которое англичане когда-то придумали, чтобы не помянуть всуе ни бога, ни черта. Слово «Джинго» звучало рефреном в шовинистической песенке, которая была очень популярна в лондонском мюзик-холле в годы войны. В тексте песни утверждалось, что «русские не получают Константинополя!» и что, «если уж придется воевать, то именем Джинго, нам хватит людей, и кораблей, и денег — чтобы воевать!»¹. Песня стала популярным символом британского шовинизма. А сторонников сильной британской внешней политики на Ближнем Востоке с тех пор стали называть джингоистами. Впоследствии джингоистской именовали любую внешнюю политику в поддержку национальных интересов Британии, которая находила мощный отклик в общественном мнении страны.

Поводом к распространению джингоистских настроений в Великобритании стало резкое обострение политической ситуации на Балканах в середине 70-х гг. XIX в. В июле 1875 г. вспыхнуло народное антиосманское восстание в Боснии и Герцеговине. В 1876 г. к восставшим присоединились Сербия и Черногория, объявившие Турции войну. Мощное народное движение в пользу независимости началось в Болгарии. Для подавления восстаний турецкое правительство направило регулярные войска и отряды башибузуков. Турецкие власти начали серию жестоких расправ с восставшими.

События на Балканах сразу же привлекли внимание официального Лондона. Англичане к этому времени имели явное преобладание в Турции. Эта страна стала фактической полуколонией Англии. Ее внешняя торговля находилась в руках англичан. Английский посол распорядился в Константинополе как у себя дома. Исходя из

¹ Давидсон А.Б. Сесиль Родс и его время. М.: Мысль, 1984. С. 55.

желания сохранить свои позиции в Турции и проходившие через ее территорию торговые пути в Индию, английская дипломатия выступала за сохранение Османской империи в неизменном виде (так называемая политика status quo). В повстанцах против турецкого ига английские правящие круги традиционно видели лишь «бунтовщиков» против законных властей. Восстание 1875–1876 гг. многие английские публицисты связывали с «происками России».

У власти в этот период в Великобритании находилось правительство консерваторов во главе с Бенджамином Дизраэли. Консерваторы проводили довольно последовательную политику по защите интересов Великобритании во время набравшего силу Восточного кризиса. Дизраэли был твердо убежден, что Константинополь — это ключ к Востоку, и именно там, а не в Египте, «находится подлинная гарантия пути в Индию». Официально придерживаясь политики «нейтралитета», Дизраэли не раз прибегал к угрозам военного вмешательства Британии в конфликт между Россией и Турцией на стороне последней.

В этой связи в октябре 1876 г. консервативный кабинет принял решение по Восточному вопросу, одним из пунктов которого был «ввод британского флота в Босфор с мощной высадкой десанта, который частично был взят из ее частей в Индии. Целью этого проявления силы являлась защита Константинополя от русской агрессии, овладение им в случае надобности и его удержание ...»¹.

Активное участие в обсуждении балканской проблемы приняли находившиеся в оппозиции либералы. Основная роль в оценке действий консерваторов летом-осенью 1876 г. принадлежала тогдашнему лидеру Либеральной партии Уильяму Гладстону. С начала кризиса Гладстон крайне отрицательно отнесся к внешнеполитическим действиям торийского кабинета. Он отзывался о них, как о «наиболее глупых и наименее достойных». В начале сентября 1876 г. Гладстон написал и опубликовал свой известный памфлет «Болгарские ужасы и Восточный вопрос»². В этой брошюре Гладстон осудил политику турок на Балканах, приведя вопиющие факты турецких бесчинств на территориях, населенных славянами. В частности, он приводил бесспорные факты турецких зверств

¹ Гелла Т.Н. У. Гладстон, либералы и Британская империя в последней трети XIX века. Орел, 2008. С. 70.

² Gladstone W. Bulgarian Horrors and the Eastern Question // Bulgarian Horrors and Russia in Turkistan. L.: John Murrey, 1876. P. 47–50.

в Болгарии: эти факты были собраны беспристрастными наблюдателями и очевидцами. Брошюра Гладстона получила широкий отклик, а выступления его с публичными речами в этом духе имели огромный успех. Десять тысяч экземпляров разошлись в течение трех или четырех дней.

Последовавшие в сентябре 1876 г. выступления У. Гладстона перед избирателями и публикация его писем в «Таймс», посвященных данной проблеме, дали толчок мощному движению английской общественности, так называемой «Болгарской агитации». В движении «Болгарской агитации» активное участие приняли представители радикального крыла либеральной партии. Казалось, что в британском общественном мнении стала побеждать либерально-пацифистская тенденция.

Ожесточенная борьба по балканскому вопросу в парламенте и за его пределами привлекала пристальное внимание общественного мнения страны. Однако начало Русско-турецкой войны усилило поляризацию и изменило вектор развития общественного мнения в Англии. Почти все британские газеты начали высказывать свои симпатии Турции и требовать, чтобы Англия выступила в защиту последней. В Лондоне были проведены первые джингоистские митинги и демонстрации. А в результате побед российских войск общественное мнение в Соединенном Королевстве окончательно склонилось в пользу Турции, как слабой стороны конфликта. Российский дипломат П.А. Шувалов сообщал в феврале 1878 г. канцлеру А.М. Горчакову: «Недовольство в Англии достигло своего апогея. Страна накалилась до предела. Туркофильско настроенная пресса всячески пытается разжечь огонь... Англичане изменились: они перестали быть теми британцами, которые были заняты исключительно собственными интересами; теперь они готовы мстить ценою больших жертв за нанесенный нашими условиями (Сан-Стефанским договором. — М.Ж.) удар по так называемым «британским интересам»¹.

Таким образом, в условиях своеобразной информационной войны в Великобритании стремительно распространялась масштабная антироссийская пропаганда. Прикрываясь патриотическими лозунгами, джингоизм представлял собой разновидность крайне реакционной имперской идеологии, культивировавшей расистские и шовинистические идеи. Джингоистское движение

¹ Гелла Т.Н. Указ. соч. С. 78–79.

отражало взгляды радикально настроенных, в основном средних слоев общества, готовых с оружием в руках отстаивать «британские интересы». Британия была в значительной степени поражена вирусами джингоизма и русофобии.

Джингоистские митинги инициировались консерваторами в поддержку «сильной позиции» правительства Б. Дизраэли в Восточном вопросе. Они были спровоцированы выступлением лидера либералов У. Гладстона, обвинившего главу консервативного кабинета в предательстве национальных интересов. Наиболее впечатляющими были митинги последней стадии кампании — 24 февраля 1878 г. в Гайд-парке (на следующий день после занятия русскими войсками Сан-Стефано и подписания договора) и 6 марта в Эксетер-холле. Последний отличался своей массовостью. Он собрал более сорока тысяч. Митинги сопровождали развевающиеся знамена, оркестры, пение песни о Джинго, эмоциональные речи с призывами поддержать правительство. Массу зрителей привлекли пляски молодых людей с перепачканными охрой лицами. Были приняты меры по обеспечению порядка, который охраняли более тысячи конных и пеших полицейских. Были произведены аресты, впрочем, немногочисленные. Эти митинги и создали ощущение масштабности и силы милитаристских настроений в стране¹.

Митинги были очень хорошо подготовлены. Объявления о планирующихся событиях крупным шрифтом на видных местах печатались в респектабельных газетах. В организации и проведении собраний участвовали общественные организации — например, Антирусская патриотическая лига. В числе ораторов значились известные консервативные политики. В ведущих газетах помещались развернутые отчеты и тексты произнесенных на них патриотических речей, в которых содержались призывы поддержать консервативное правительство в решимости отстаивать британские национальные интересы². Высшей точкой джингоистских митингов стал период января-февраля 1878 г., когда были вотираны чрезвычайные военные расходы, и британский флот получил предписание выдвинуться в черноморские проливы.

¹ Дронова Н.В. Джингоистские митинги 1877–1878 гг.: к оценке политических технологий викторианской Англии // Британия: история, культура, образование. Ярославль, 2012. С. 130.

² Там же.

По сути, явления русофобии и джингоизма были идеологическими инструментами проведения имперского внешнеполитического курса Великобритании, мастерски используемыми правящими кругами страны и работающими на интуитивно-образном, эмоциональном уровне. Джингоизм и русофобия провозглашали идею противодействия России как воплощению «варварства» и носителю агрессивного начала — в противовес высоким гуманитарным ценностям Британии. Европейской, цивилизованной, демократической Англии противопоставлялась азиатская, варварская, авторитарная Россия. Джингоизм и русофобия стали основой популистской поддержки антирусской политики британских правительств в годы обострения отношений между Великобританией и Российской империей в XIX в.

Таким образом, антирусские пропагандистские действия в Соединенном Королевстве можно рассматривать как пример информационной войны, в которой государство с помощью идеологии политизирует сознание своих граждан и союзников, формируя у них образ врага.

Главным объектом воздействия в этой информационной войне были члены парламента, правительство и сотрудники Форин-офис. Зная, что последние руководствуются британским общественным мнением, собственными интересами в регионах и учитывают внешнюю политику великих держав, авторы антирусских статей одновременно решали несколько задач:

- формировали общественное мнение, необходимое для принятия тех или иных внешнеполитических решений;
- изображали внешнюю политику России в выгодном для себя свете;
- настаивали на том, что внешняя политика России угрожает британским интересам¹.

С одной стороны, антирусские сочинения служили конструированию британской идентичности и её репрезентации как внутри страны, так и за её пределами. С другой стороны, они актуализировали внешнеполитические угрозы, с тем, чтобы подтолкнуть Британию к восстановлению баланса угроз, якобы нарушенного Россией.

¹ Сетов Н.Р., Топычканов А.В. Русофобия — инструмент британской внешней политики. XIX век — взгляд с позиции политического реализма // Обозреватель—Observer. 2014. №10. С. 101.

Бинарная оппозиция «Свой»/«Чужой» активно использовалась при конструировании государственной идентичности и репрезентации её как внутри страны, так и за её пределами. Формирование положительной идентичности своей страны нередко шло по пути противопоставления «Своего» и «Другого», что приводило к созданию негативной идентичности — отрицательного образа «Другого», который обеспечивал устойчивость «истинной» идентичности. Примером такой негативной идентичности и является русофобия.

Британские журналисты представляли англо-русскую внешнеполитическую конкуренцию в виде столкновения ценностных систем:

- Европа — Азия;
- цивилизованное государство — варварская страна;
- просвещение — необразованность;
- демократия/свобода — авторитаризм;
- независимость — зависимость;
- поведение в соответствии с принципами морали, чести и доверия — безнравственное поведение;
- Запад олицетворял положительные ценности, а России — отрицательные¹.

При этом английские пропагандисты всячески пытались доказать, что внешняя политика России несла угрозу не просто политическим и экономическим интересам Британии, но ценностям Запада и, соответственно, всем представителям западной цивилизации.

Таким образом, сплочение европейского мира против России обосновывалось «идеологической солидарностью», т.е. сходством политико-культурных черт западных стран. Превратив «русскую угрозу» в дело каждого, памфлетисты использовали особенности контрастного восприятия, усиливающего различия противоположностей. А страх перед возможной утратой ценностных оснований запускал в сознании читателей стереотипные негативные реакции.

¹ Там же. С. 102.

Глава 17

АНГЛОФОБИЯ И АНГЛОФИЛЬСТВО В КОНТЕКСТЕ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В ИРАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Ларин А.Б.

Как известно, период XIX — начала XX столетий стал временем серьезного геополитического противостояния двух европейских империй — Великобритании и России — в Азии, в том числе на Среднем Востоке. Некоторые исследователи считают, что это противостояние, получившее характерное название «Большая Игра», подошло к своему завершению в 1907 г., когда было подписано известное англо-русское соглашение¹. Впрочем, есть и альтернативный взгляд на вопрос о завершении Большой Игры в 1907 г.²

Так или иначе, даже и после заключения соглашения позиция многих российских и британских представителей в Иране по отношению к бывшему (бывшему ли?) сопернику не претерпела изменений. Одновременно, находясь в тесном контакте друг с другом в чуждом этническом, религиозном и культурном окружении, русские и британцы были вынуждены много времени проводить вместе, вне зависимости от политических расхождений. Этому способство-

¹ Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 295; *он же*. Англо-русская Антанта 1907 года: мифы и реальность // Россия и Британия. Выпуск 5. На путях к взаимопониманию. М., 2010. С. 61.

² Klein I. The Anglo-Russian Convention and the Problem of Central Asia, 1907–1914 // *Journal of British Studies*, Vol. 11, No. 1 (Nov., 1971). P. 126; Siegel J. *Endgame: Britain, Russia and the Final Struggle for Central Asia*. London, 2002.

вала и скука, от которой страдали представители европейских держав практически повсюду в Иране за исключением Тегерана.

Совместное пребывание русских и британцев в Иране дает обширный материал для исследования феномена российского ориентализма, изучения особенностей самовосприятия и саморепрезентаций представителей России в этом регионе. Известно, что англофильство было характерной чертой русского образованного общества в XIX в. В этом контексте возникает вопрос: справедливо ли говорить о сколько-нибудь выраженном англофильстве у российских представителей в Иране, где существовала геополитическая напряженность между двумя державами? Едва ли мы сможем дать однозначно утвердительный ответ на этот вопрос. Уже после Наполеоновских войн существенную роль во взаимном восприятии играло соперничество двух стран в регионе Среднего Востока. И в то же время обаяние английской культуры, образа жизни, привычек оказывало серьезное влияние на формы организации повседневности представителей дипломатической службы России в Иране. Источники (прежде всего личного происхождения) позволяют сформировать более ясный взгляд на соотношение англофильства и англофобии российских дипломатов в Иране.

УРУСЫ И ИНГИЛИЗЫ:

СОВМЕСТНОЕ БЫТИЕ ФАРЕНГИ В СТРАНЕ ЛЬВА И СОЛНЦА

Важнейшая особенность восприятия британцев русскими в Иране состояла в том, что для них англичане были прежде всего «своими», европейцами, ведущими тот же образ жизни, что и сами представители России. Богатый материал содержат воспоминания С.В. Чиркина — российского дипломата, начинавшего свою карьеру именно в Персии. Вот интересный пример. Его начальником в Тегеране был глава миссии Петр Михайлович Власов — «донской казак, питомец Учебного отделения восточных языков старого типа». Еще до отъезда к месту службы Чиркин с коллегами были предупреждены об английских порядках в домашнем обиходе посланника. «Этот английский режим, так, казалось бы, не вязавшийся с его казачеством, был введен его покойной женой-англичанкой со времени его службы в Мешехе и так привился к нему, что сесть за обеденный стол в каком-либо ином одеянии, чем смокинг или фрак (за исключением форменного платья), представлялось недопустимым нарушением этикета. В этом отношении он был не-

преклонен...»¹ Другой дипломатический представитель России — генеральный консул в Бушире Николай Помпеевич Пассек — был «незаурядной личностью». Сын богатого харьковского помещика, он был отправлен для получения среднего образования в Англию в одной из фешенебельных школ. По окончании курса он вернулся в Россию и поступил на юридический факультет Московского университета². То есть это также человек с серьезным британским бэкграундом. Его опыт британской жизни сказывался и в Персии. Так, познакомившись с местным английским обществом в Ширазе, Пассек, «как бывший английский студент, получил приглашение местного пастора посетить воскресное богослужение»³. Это лишь пара примеров того, как англофильство, связи с Англией на личном уровне проявлялись в повседневности, в быту дипломатов, служивших в Персии.

Важную роль в укреплении повседневных контактов, взаимодействий между русскими и британскими представителями (как, впрочем, и между представителями других европейских наций) играла вышеупомянутая скука иранской жизни XIX века для европейца. Вот что писала русская путешественница, сопровождавшая семью назначенного новым посланником в Персии И.А. Зиновьева в Иран, о пребывании в Тегеране в конце 1870-х гг.: «Внешняя жизнь как-то мало нас затрагивала: почта приходила в две недели раз и, следовательно, привозила далеко не свежие известия; только телеграммы время от времени сообщали победу или неудачу наших войск в Азии или в Европе (в описываемое время шла война между Российской и Османской империями — А.Л.). Зато и волновались же мы в почтовые дни; кто ждал из России писем от родных или знакомых, кто политических известий, и горько было разочарование, если писем не было или почта опаздывала иногда на сутки и даже на несколько, во время завалов на Кавказе. Я помню, раз была назначена стрельба в цель конвойных казаков, в версте от дома, — даже и это послужило развлечением, и все пошли туда же смотреть; через несколько времени послышался лошадиный топот, и минутой спустя из-за холма показался чапар (почтальон), с двумя сумками у седла; как только его заметили, стрельба была забыта, и

¹ Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. М., 2006. С. 57.

² Там же. С. 91.

³ Там же. С. 101.

все чуть не бегом бросились домой, чтобы только получить скорей письма и газеты»¹. Важно осознать феномен скуки для понимания мотивов и поведенческих моделей представителей пусть даже и соперничающих держав, но все же способных составить друг другу компанию хоть за обедом, хоть за игрой в бридж или теннис.

Впрочем, Тегеран являлся лучшим местом в Иране в отношении светской жизни дипломатов. Вот как описывает свою службу в столице С.В. Чиркин: «Жизнь в Тегеране, особенно для дипломатической молодежи, была очень приятной, при постоянных приглашениях всюду — в миссии, у русских и иностранцев на обеды, вечера и пикники. Канцелярской работы было много, но оставалось достаточно времени для любителей развлечений вне дома»². На период летнего жара русская миссия перебиралась в Зергендэ — деревню неподалеку от Тегерана, находившуюся под российской юрисдикцией. Прочие европейские миссии также съезжались в окрестные деревни, «так что общественная жизнь с пикниками, garden parties, завтраками и обедами не прекращалась и была как бы продолжением тегеранской, но в более приятной, здоровой обстановки»³.

Схожий образ жизни русские и другие европейцы вели и в иных местах Персии, где это позволяли условия, разумеется. Уроженцам северных стран тяжело было переносить летний зной, поэтому зимний сезон становился временем большей светской активности. Чиркин пишет про Бушир: «Вторая половина осени, зима и первая половина весны в Бушире очень хороши: стоят ясные, теплые дни и умеренно прохладные ночи... Европейцы просыпаются от летнего оцепенения. Начинаются игры у англичан в их поселке Решире за Буширом, там, где расположена главная персидская станция Индоевропейского телеграфа. Они обмениваются обедами и, при желании, в любой день, кроме воскресенья, после четырех часов катаются верхом. Можно было заехать выпить чашку чаю или к французам — вице консулу и доктору, или к немецкому консулу, а то и дальше — на телеграф к англичанам, где всегда шли какие-нибудь игры: то крикет, то теннис — с неизменным чаем и разными прохладительными, крепкими и “мягкими” напитками»⁴.

¹ От Москвы до Тегерана и обратно. Из воспоминаний русской путешественницы // Вестник Европы, 1879. № 3. С. 288–289.

² Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке... С. 64.

³ Там же. С. 70.

⁴ Там же. С. 105.

Как видим, наличие европейского общества (весьма часто это было именно английское общество) означало общение, обмен новостями и приятное времяпрепровождение.

Однако были и места откровенно скучные, где почти отсутствовала светская жизнь. Так, свое пребывание в Ширазе С.В. Чиркин описывает следующим образом: «Здесь потекла наша мирная скучная жизнь до самой осени. Говорю “скучная”, потому что Шираз того времени был крайне тихим провинциальным городом, почти без европейского общества и с длительным, неудобным сообщением с цивилизованным миром, когда почта из России попадала к нам в лучшем случае не ранее, как через месяц, а из Индии — через две недели. К счастью, местное отделение Индоевропейского телеграфа, управляемое англичанином, любезно снабжало нас ежедневно агентскими телеграммами, держа в курсе событий за границей»¹. И это в Ширазе, а ведь русские консульские представительства имелись и в иных местах.

Российский писатель и путешественник П.И. Огородников приводит случай, произошедший с ним по прибытии в Астрабад, город у южного берега Каспия: «Время на покой; но только что разнежился я у себя на постели, как вошел секретарь консульства Ж., уже знакомый мне с Ашира (Ашур-Аде, остров у юго-восточного побережья Каспийского моря, где была расположена русская военно-морская станция — А.А.); там он был бодр, но теперь тоска одиночества, видимо, подавляла физически мощного юношу.

— Читайте, пишите, ну, хоть о Персии, о которой мы ничего не знаем, потому что вы молчите, прописывал я ему рецепт от скуки.

— Мы не пишем потому, что климат усыпляет мозг, отвечал он, в сильном волнении шагая по комнате и еле сдерживая слезы, — не пишем еще и потому, что ко всему уже пригляделись и ничего вокруг себя не замечаем... Скука ужасная! Единственное развлечение — прогулка верхом... Я и консул — и более ни одного европейца, даже армянской души здесь нет?!

— А английский агент?

— И тот перс. Минуты считаю, скоро ли придет срок отпуска, которым мы пользуемся через каждые пять лет, и если бы только не Астрабадская станция и Баку, где по временам отвожу душу, — не жил бы я здесь ни за миллион!..

— А в Тегеране?

¹ Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке... С. 98.

— Несравненно лучше; там — послы с России, Великобритании, Франции и Турции; в Тавризе тоже хорошо: в нем проживают консулы этих держав, наконец в Реште...

— Перейдите туда.

Ж. махнул рукою, и, как милости, упросил меня в этот неудобный час отправиться к нему»¹.

Заметим, что проблема отсутствия светского общества в Иране ощущалась достаточно остро. Состав европейского общества в городах страны был узок. Вышеупомянутая спутница семьи Зиновьева отмечает, что семейные дома были, помимо русской, только в английской миссии. Остальные были совсем небольшими: «французское посольство состояло всего из одного представителя, очень древнего старичка; австрийское также из одного, да и тот вечно путешествовал по персидским горам»².

Схожую картину описывают и другие наблюдатели. Так, в Ширазе, как сообщает Чиркин, в момент его пребывания там, помимо представителей России, из иностранцев были: британский консул, начальник Индоевропейского телеграфного отделения — англичанин с супругой; врач — еще один англичанин, директор отделения Шахиншахского банка с супругой; а также семья прибывшего на лето из Бушира французского дипломата³.

Аналогичная ситуация была и в Исфахане. Назначенный временным управляющим консульством в Исфахане Чиркин обнаружил в городе по прибытии русскую колонию в составе нескольких коммерсантов (из них самыми значимыми были представитель московской Прохоровской мануфактуры армянин Петросов и Лодзинской мануфактуры Карла Зейблера поляк Терлецкий), корреспондента Учетно-ссудного банка Персии Д.А. Батурина и главы армяно-григорианской общины архимандрита Баграта. Немногочисленная иностранная колония, преимущественно состоявшая из англичан, включала в себя коммерсантов, а также — миссионеров⁴. Как видим, это был, действительно, весьма узкий круг. Отсюда и стремление россиян к сближению и более тесному

¹ Огородников П. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. СПб., 1878. С. 284–285.

² От Москвы до Тегерана и обратно. Из воспоминаний русской путешественницы... С. 289.

³ Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке... С. 98.

⁴ Там же. С. 123–124.

общению с представителями иных держав, в том числе тех, с которыми существовали серьезные разногласия, в первую очередь — с англичанами.

Типичной для дипломатических представительств формой организации встреч являлись обеды. В травелогах и воспоминаниях сохранились описания таких обедов, позволяющие реконструировать особенности англо-русского взаимодействия в стране на уровне личных контактов. По сообщению директора американского пресвитерианского госпиталя в Иране, долгое время прожившего в стране, распорядок тегеранских официальных обедов был следующим. Все делалось по западному образцу, обед предполагал несколько перемен блюд, обслуживание было безупречным и осуществлялось слугами, тщательно вымуштрованными для подобной работы. Приемы неизменно проводились в восемь вечера — обеденное время во всей европейской колонии. Приглашения всегда осуществлялись с четырех до семи, и по завершении обеда дневные обязанности дипломатов также заканчивались¹. Во время таких обедов российские дипломаты, военные, исследователи, путешественники знакомились ближе с британцами в Иране, особенностями их жизни и быта, обменивались впечатлениями о стране пребывания, рассказывали о России и слушали о Британии, делились новостями, обсуждали последние события как местные, так и международные и, что было немаловажно, в особенности в отдаленных уголках Ирана, имели возможность встретиться с европейским дамским обществом².

Встречи в дороге — во время сухопутных, речных и морских поездок — являлись еще одним распространенным видом близких контактов русских дипломатов с британцами. Очевидная неразвитость гостиничной инфраструктуры в Каджарском Иране вынуждала путешественников, направлявшихся в различные районы Ирана по служебной необходимости, либо из развлекательно-познавательных побуждений, сообразовываться с местными услови-

¹ *Wishard J.G.* Twenty Years in Persia. A Narrative of Life under the Last Three Shahs. New York — Chicago — Toronto — London — Edinburgh, 1908. P. 187.

² Известный востоковед И.Н. Березин сохранил описание такого обеда в английском резидентстве в Бушире по случаю дня рождения королевы Виктории. И хотя его путешествие состоялось в 1840-е гг., общие особенности подобного рода мероприятий представлены у него весьма хорошо. См.: *Березин И.* Иной мир // Русский вестник, № 5. 1857. С. 225 и далее.

ями для организации отдыха и ночлега. Самыми распространенными (но отнюдь не самыми комфортными для европейца) местами остановок были караван-сарай. Несколько лучшую возможность для европейского путешественника представлял ночлег в комнатах (при тех же караван-сараях) организованного британцами Индоевропейского телеграфа. Но, конечно, лучшим вариантом для путника из Европы оставались дома телеграфных техников, находившиеся в наиболее важных пунктах линии. На этих должностях, как правило, служили получившие образование в Индии армяне, иногда — англичане. По сообщению Чиркина, «и те, и другие были очень гостеприимны, не только предоставляя удобную комнату в распоряжение европейского путешественника, но даже считая его своим гостем на все время остановки»¹.

Вообще тема гостеприимства, в том числе — между русскими и англичанами — является одной из распространенных в описаниях российских и британских дипломатов. Многократно мы встречаем в описаниях благодарные упоминания о том, как те или иные представители России или Британии находили приют, пользовались гостеприимством друг у друга. Что характерно, на подобного рода проявления участия, внимательности и даже взаимовыручки, не влияли сложности в политических отношениях между империями, доходившие, как мы знаем, порой до весьма острого состояния. Так, Генри Драммонд Вольф, назначенный новым британским министром в Тегеране, в таких словах описывал свое прибытие в Тифлис, на пути к месту службы: «Среди тех, кто первым приветствовал меня, был мой старый оппонент, князь Дондуков-Корсаков, правитель Кавказа (Вольф сталкивался с Дондуковым-Корсаковым на почве балканских дел, когда после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. состоял английским уполномоченным в международной комиссии по устройству Восточной Румелии, а князь — российским комиссаром в Болгарии. Дондуков-Корсаков резко критически относился к Берлинскому трактату² — А.А.). Он пригласил нас, подарил моей жене прелестный образчик кавказской вышивки, и был весьма дружелюбен во всех отношениях. То же самое можно сказать о графе и графине Шереметевых <...> и о многих других. Нас пригласили на ужин и показали город

¹ *Чиркин С.В.* Двадцать лет службы на Востоке... С. 76–77.

² См. характеристику князя у Вольфа: *Wolff H.D.* Rambling Recollections. Vol. II. London, 1908. P. 219–220.

с величайшей предупредительностью»¹. Таким образом, хотелось бы подчеркнуть, что личные и официально-деловые отношения представителей двух держав развивались отдельно. Антипатия по отношению к политическому курсу британского правительства вообще не являлась непременным условием ухудшения личных отношений дипломатов.

Англичане и русские оказывали друг другу различные житейские, бытовые услуги, приходили на помощь в сложных жизненных обстоятельствах. С.В. Чиркин описывает несчастный случай, произошедший во время его службы в Ширазе с представителем Прохоровской мануфактуры И. Калининым. Во время загородной поездки последний почувствовал себя плохо, а по возвращении в Шираз его состояние еще ухудшилось. Чиркин отправился на английский телеграф за врачом. Доктор Пальмер тут же посетил Калинина, а затем пригласил бывшего в Ширазе проездом другого телеграфного врача. Молодые медики не смогли поставить точный диагноз и помочь больному (Калинин скончался, не придя в себя), но не отказали в просьбе Пассека произвести вскрытие, хотя это «была нелегкая задача: ни тот, ни другой врачи не были специалистами этого дела, а необходимые инструменты, лежа долгое время без употребления, оказались в не вполне удовлетворительном состоянии». Не было и подходящего помещения, вскрытие производили в квартире умершего, на его обеденном столе. Это была долгая и тяжелая процедура, «все делали сами врачи, а помогал им русский генеральный консул». Только с большими сложностями удалось установить, что причиной смерти послужило тяжелое поражение мозга. Характерная деталь: Калинина похоронили во дворе армянской церкви, а поскольку «армянского священника тогда в Ширазе не было, мы пригласили пастора Райса, который и снарядил его в последний путь»². Итак, мы видим, что англичане не только не оставили русских коллег без помощи в тяжелой ситуации, но более того, российский консул обратился к протестантскому пастору с тем, чтобы тот позаботился о душе умершего. Этот случай хорошо показывает культурную, даже духовную близость представителей двух народов в чужой стране.

Равным образом, когда проблемы возникали у британцев, русские были готовы оказать им помощь и поддержку. Посланник

¹ Wolff H.D. *Rambling Recollections*. Vol. II. London, 1908. P. 323.

² Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке... С. 102–104.

Вольф писал, что когда он, завершив свою службу в стране, возвращался из Ирана в Англию, будучи сильно больным и стремясь попасть домой как можно скорее, кавказские власти любезно предоставили в его распоряжение пароход, а в Тифлисе его навещил князь Шервашидзе, посланный губернатором (главноначальствующим на Кавказе? — А.А.), чтобы обеспечить ему все условия на железной дороге¹.

Вообще, сложности жизни в Иране сближали. Чиркин рассказывает, что во время путешествия из Мохаммеры (совр. Хорремшехр — А.А.) вверх по реке Карун, они всем обществом жили в общей каюте без удобств и питались «однообразной индийской кухней, с преобладанием кёрри с рисом в маленькой общей столовой вместе с молодым... капитаном-англичанином, который рассказал... о небезопасности рейсов по Каруну, ввиду обстрела подчас парохода местными разбойниками, в доказательство чего показал ... следы от пуль на борту и наружных стенах кают». Однако обычно ограбления не удавались и «пароходная команда с успехом отстреливалась от грабителей»².

В дороге русские путешественники имели возможность лучше узнать особенности сложных межэтнических и межрелигиозных отношений в британском обществе. Чиркин упоминает о случае, когда сотрудники консульства, чтобы обезопасить себя от надвигавшейся с севера страны эпидемии холеры, отправились на английском почтовом корабле в Бомбей. Капитан и старший механик корабля оказались ирландцами. Как оказалось, они сочувствовали русской стороне в конфликте с Японией (шла Русско-японская война — А.А.). «Привыкнув слышать о “коварном Альбионе” и его традиционном к нам недоброжелательстве», Чиркин довольно сдержанно отнесся к словам механика по поводу симпатий к России. Однако последний, заметив это, сказал, что «как ирландец он терпеть не может ни англичан, ни их политики и не разделяет ни их общей антипатии к России, ни злорадства в связи с нашими неудачами на Дальнем Востоке». Так Чиркин впервые ознакомился «с глубиной ирландского англофобства, о котором и не подозревал»³.

¹ Wolff H.D. *Rambling Recollections*... P. 375–376.

² Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке... С. 113.

³ Там же. С. 115–116.

Перенимались и бытовые привычки. Во время путешествия Чиркина с компаньонами по р. Карун один из его спутников, орнитолог Зарудный, «страдал от истощения запаса водки, без которой, по его признанию, он куска не мог проглотить. Консул Н.П. Пассек посоветовал ему пить вместо водки виски.

— Да как же это? Ведь сожжешь себе внутренности, и англичане пьют его, только разбавляя простой или содовой водой.

— Пьют и чистое, — возразил Николай Помпеевич. — Попробуйте — вреда не будет.

Зарудный попробовал и больше с виски не расставался¹.

Российские дипломаты не оставались в стороне и от событий культурной жизни Англии. Так, мимо них не проходила современная английская литература, хотя порой ее влияние проявлялось в странных формах. Чиркин сообщает, что жизнь в субтропическом Бушире пагубно отразилась на состоянии его нервов, и он «подозревал в себе всевозможные болезни под влиянием только что появившихся в печати медицинских рассказов Конан Дойля»². Как тут не вспомнить персонажа Джерома К. Джерома, обнаружившего у себя по прочтении медицинского справочника симптомы всех болезней, кроме родильной горячки!

Итак, взаимодействия российских дипломатов с англичанами отнюдь не ограничивались официально-протокольными дипломатическими формами. Выступая в качестве носителей общей социокультурной модели, русские и англичане в городах и на дорогах Ирана зачастую разделяли идентичные бытовые привычки, перенимали отдельные обычаи, помогали друг другу в путешествиях, сложных жизненных ситуациях, во время болезней. Российские дипломаты интересовались британской культурой, читали английскую прессу и литературу. Для многих из них Великобритания стала важной частью их личной биографии. Представители России встречались с англичанами во время обедов, торжественных приемов, где поддерживали достаточно тесные контакты. Русские разделяли с англичанами досуг: спортивные и настольные игры, охоту, пикники, пешие и конные прогулки etc. Влияние английской культуры, образа жизни, быта, привычек и т.д. на повседневную жизнь российских дипломатов в Иране может быть охарактеризо-

¹ Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке... С. 112–113.

² Там же. С. 131.

вано как существенное, во всяком случае, оно было сильнее, нежели схожие влияния других европейских культур.

РУССКИЕ И АНГЛИЧАНЕ:

ВЗАИМНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ ЕВРОПЕЙЦЕВ В ИРАНЕ

В то же время, значение соперничества, конкуренции за политическое преобладание в Иране было весьма и весьма велико, особенно до заключения соглашения 1907 г. Пристрастие к английским обычаям, опыт жизни в Англии прекрасно сочетались с готовностью активно противодействовать британцам на политическом поприще, отстаивая национальные интересы России. Стремление «переиграть» британского соперника было выражено весьма отчетливо. Вместе с тем, обозначенная выше социокультурная близость представителей двух европейских наций оказывала значимое влияние на формы, в которых происходило дипломатическое состязание двух держав в Иране.

Немаловажное значение для обозначения превосходства влияния своей стороны в условиях, когда открытая конфронтация была невозможной, как по дипломатическим причинам, так и по причинам уже обозначенной социокультурной природы, приобретали разного рода косвенные демонстрации и скрытые формы соперничества. Так, небезынтересно наблюдать, как российские дипломатические представители использовали в этих целях дипломатический протокол. Показательный случай приводит в своих воспоминаниях С.В. Чиркин. Генерал-губернатор Фарса Ала од-Доуле решил дать обед по случаю дня рождения шаха, на который были приглашены дипломатические представители, европейцы, местная знать. Николай Помпеевич Пассек в этой связи решил произнести речь, заранее подготовив ее содержание. Неожиданно возникла проблема протокольного свойства. Русский консул «был неприятно поражен» тем, что британский консул в Бушире полковник Кемпбел «был посажен по правую руку Ала од-Доуле, а он — по левую. Дело в том, что Николай Помпеевич считал себя по рангу выше англичанина, будучи генеральным консулом, тогда как тот титуловался управляющим генеральным консульством. Правда, полный титул его был «британский резидент в Персидском заливе и управляющий генеральным консульством», но Н.П. Пассек первого звания не признавал, считая его не предусмотренным международным правом для консульских представителей в независимых

странах. Местные же власти в эти тонкости не входили, приняв во внимание лишь то обстоятельство, что полковник Кемпбель был старшим представителем по времени приезда»¹. Как же вышел из этого затруднительного положения русский консул? В конце обеда Пассек произнес прочувствованную речь, «с нажимом на роль России в Персии»². Присутствовавший при этом событии Чиркин отмечал, что гости были несколько смущены этим выступлением, но нужный эффект был достигнут: «речь произвела известное впечатление, оттенив преимущественное положение русского представителя среди иностранных гостей. По моему наблюдению, был несколько смущен и скромный полковник Кемпбель, понимавший, что он как бы стушеввался перед своим русским коллегой и персами. По персидской же психологии, тот выше, кто умеет показать себя на людях»³. Как сообщает Чиркин, «эффект спича сразу же исправил мрачное настроение Н.П. Пассека, который из необщительного, надувшегося и бывшего в тягость хозяину гостя превратился в любезного человека и приятного собеседника»⁴.

Российские наблюдатели живо интересовались реакцией своих британских оппонентов на те или иные действия своей стороны, с удовлетворением или же, напротив, с неудовольствием, описывали поведение англичан. В описании смотра персидской казачьей бригады находим фразу: «Английский посланник не присутствовал на смотре, отозвавшись якобы нездоровьем. Нездоровье это — особого свойства — «febris russica» («русская лихорадка» — А.Л.), которое мучит всех англичан и сильнее всего отзывается на английском посольстве в Тегеране. Русский генерал, командующий казачьей бригадой в Тегеране, сущее бельмо на глазу английского посла; еще недавно господа англичане предлагали для командования казачьей бригадой своего полковника и офицеров и даже принимали на себя все расходы по их содержанию, но дело не выгорело»⁵.

Другой распространенной формой политической конкуренции были интриги, с активным вовлечением персидских сановни-

¹ Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке... С. 99.

² Там же. С. 99.

³ Там же. С. 100.

⁴ Там же.

⁵ Ломницкий С. Персия и персы. Эскизы и очерки С. Ломницкого (Рэдждэп). 1898–1899–1900 гг. С 44 рисунками. СПб., 1902. С. 150.

ков. Интересный случай был связан с известным посещением вице-королем Индии лордом Кёрзоном Персидского залива в 1903 г.¹ В связи с предстоящим визитом вице-короля в Бушир генерал-губернатор провинции, вышеупомянутый Ала од-Доуле, решил обсудить протокол встречи с российским представителем. Британская сторона предлагала следующую схему: генерал-губернатор прибудет на английский крейсер, где состоится его встреча с вице-королем, после чего они проследуют на берег. Ала од-Доуле не устраивал подобный вариант: «Он — повелитель Индии (Ферман-Фермаи Хинд), а я — повелитель Фарса (Ферман-Фермаи Фарс) — мы равны»². И хотя последнее не соответствовало действительности, российский консул Пассек, «сам не любитель взрастившего его “коварного Альбиона” и по природе не чуждый интриги, не преминул ухватиться за проводимую почтенным персом идею равенства Индии и Фарса и разыграл этот, как он говорил «фарс», как по нотам»³. Несмотря на многочисленные попытки британского представителя в Бушире, равно как и посланника в Тегеране, убедить Ала од-Доуле согласиться на британский вариант встречи, российский консул последовательно проводил свою линию и поддерживал персидского генерал-губернатора в его решимости сопротивляться навязываемому варианту протокола. Более того, даже компромиссный вариант, предложенный англичанами, был, по настоянию Пассека, отвергнут Ала од-Доуле. В результате, одним прекрасным утром «“Ферман-Фермаи Хинд” снялся с якоря и отплыл в обратный путь»⁴. Этот случай также является весьма показательным примером того, как российские консулы на местах стремились использовать все возможные поводы, чтобы умалить значение британского имени в Иране.

¹ О туре лорда Кёрзона по Персидскому заливу см.: Сергеев Е.Ю. Джордж Натаниэль Кёрзон — последний рыцарь Британской империи. М., 2015. С. 110–112; Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 216–217; Gilmour D. Curzon. London, 1994. P. 269–270; Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A Study in Imperialism. New Haven and London, Yale University Press, 1968. P. 444–446.

² Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке... С. 106.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 107.

Хотя сам Н.П. Пассек отличался несдержанностью, вспыльчивостью и независимым характером, подобные эпизоды не являлись его личной прихотью. Вплоть до 1907 г. миссия консулов на местах во многом состояла именно в подобных действиях. Как пишет Чиркин, «в задачу генерального консульства входило наблюдение за деятельностью англичан на юге Персии и противодействие развитию там их влияния, так как в это время, когда наша политическая мощь, казалось, стояла на несокрушимой высоте, соседняя Персия представлялась нам страной нашей, по преимуществу, активности»¹. Причем, если после подписания соглашения 1907 г. российский посланник в Тегеране старался действовать в унисон со своим британским коллегой, то консулы на местах продолжали проводить привычную политику.

Впрочем, британские коллеги отвечали им взаимностью. Не стоит полагать, будто подобное демонстративное поведение было характерно только для российской стороны. Так, например, назначенный британским консулом в Табриз в 1903 г. Вратислав упоминает, что к консульству были приставлены шестеро индийских кавалеристов, «в качестве противовеса казакам в русском консульстве»². Описывая работу консульства в Табризе, он отмечает, что значительная часть работы консульства проистекала из соперничества Великобритании и России в Персии. «Что бы ни предприняла одна держава, другая тут же делала все возможное, чтобы противостоять ей. Британская и русская миссии в Тегеране весьма ревниво наблюдали за действиями друг друга, а консулы по всей стране изо всех сил подражали своим лидерам»³. Заключение англо-русского соглашения 1907 г. равным образом далеко не всегда влияло на поведение британских представителей, особенно на юге страны.

Консул Вратислав писал в этой связи: «К концу 1906 года переговоры между Великобританией и Россией о мирном урегулировании их соперничества в Персии продвинулись так далеко, что был издан эдикт о том, что Лев должен возлечь рядом с Медведем, а британские и русские консулы должны впредь воздерживаться от того, чтобы вставлять палки в колеса друг другу, и жить как

¹ Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке... С. 93.

² Wratisslaw A.C. A Consul in the East. Edinburgh and London, 1924. P. 182.

³ Ibid. P. 191.

братья»¹. Ироническая отсылка к библейскому тексту хорошо показывает ту степень недоверия, которую сам Вратислав испытывал в отношении перспектив соглашения, коль скоро он уподобил возможность мирного сосуществования российских и британских представителей в Персии временам наступления Царствия Небесного в конце времен². Продолжая свою мысль, Вратислав отметил: «я не могу сказать, что заметил вследствие этого (соглашения 1907 г. — А.А.) сколько-нибудь заметную перемену позиции русского генерального консула»³. Взаимное недоверие продолжало давать о себе знать на протяжении всего периода, последовавшего за подписанием англо-русской конвенции.

Как отмечал служивший русским посланником в Иране накануне и в начале Великой войны И.Я. Коростовец, «после заключения Соглашения 1907 г. <...> стало заметно расхождение между Лондоном и Бомбеем относительно деятельности русской дипломатии в этой стране. Так, Индийское Пр[авительство]во менее считалось с Англо-Русским Соглашением и с суверенитетом Персии, стремясь через своих Резидентов в Персидском Заливе к постепенному превращению южной Персии в род полуассального владения»⁴. Ради этой цели Индийские власти готовы были даже пренебречь Соглашением и предоставить России свободу действий в северной Персии. Сэр В. Таунлей (британский посланник — А.А.) в беседах со мной неоднократно касался этой тенденции Индийского Пр[авительства]ва и осуждал самовластие английского Резидента в Бушире сэра П. Кокса <...>, который, по его словам, не считается с требованиями общей политики и смотрит на юг Персии как на свою сатрапию»⁵.

¹ Wratisslaw A.C. A Consul in the East. Edinburgh and London, 1924. P. 229.

² «Волк и ягненок будут пастись вместе, и лев, как вол, будет есть солому, а для змея прах будет пищею: они не будут причинять зла и вреда на всей святой горе Моей, говорит Господь». См.: Исаия 65:25.

³ Wratisslaw A.C. A Consul in the East... P. 229.

⁴ Практически то же самое англичане писали относительно политики русских консулов в северной Персии. См., например: Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата: Воспоминания, мемуары. Москва—Минск, 2001. С. 88–89; Wratisslaw A.C. A Consul in the East... P. 184.

⁵ Архив внешней политики Российской Империи (Далее — АВПРИ). Ф. 340. Оп. 839. Д. 13. Л. 21–22.

Порой стремление подчеркнуть свое превосходство, взаимное соперничество представителей двух держав приобретали курьезные формы. С.В. Чиркин, сообщая о политических причинах открытия консульства в Исфахане, приводит следующий пример: «У англичан консульство в Исфагане было весьма синекурного характера — для вящего престижа великобританского имени в Иране и в пику нам <...> Несменяемым консулом был симпатичный почтенный старичок г. Прис, который вскоре после открытия нашего консульства был сделан генеральным консулом, чтобы превысить в ранге своего русского коллегу, что в свою очередь, вызвало с нашей стороны назначение князя Дабижа личным генеральным консулом. В этой скачке на преимущество последнее все же осталось как будто за англичанами, так как их учреждение, как генеральное консульство, было рангом выше нашего, которое, к великому огорчению консульских мирз и персов русофилов, было только консульством с личным генеральным консулом во главе. Но внешне князь Дабижа блистал по сравнению со скромным англичанином, будучи, во-первых, титулованной особой, а во-вторых, благодаря всему ансамблю нашего консульства с его прекрасным зданием, дорогой, правда, частной обстановкой и казачьим конвоем. А какой выезд был у князя!»¹

Другой занятный случай произошел в Систане. Стремясь перетянуть внимание местного населения от зрелищных еженедельных тренировок индийского эскорта, проводимых британским консулом, его русский коллега Миллер придумал альтернативу. Как сообщал британский капитан Бенн, «мистер Миллер... приготовил свою приманку в виде местного оркестра с ручной обезьянкой... Толпа детей и подростков из форта заняла место в нескольких ярдах позади моей палатки, которая на подобных мероприятиях исполняет роль «большой эстрады», и начали в высшей степени бестолковую программу. Люди, в которых узнали русских служащих, были посланы обходить наших зрителей и привлекать внимание к представлению конкурентов, но безрезультатно»². И снова, хотелось бы подчеркнуть значение скуки как фактора жизни европейцев в Иране. Последняя не только объединяла их, как представителей одной культуры, но и порой подталкивала к поиску новых

¹ Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке... С. 80–81.

² Цит. по: Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864–1914... P. 419.

форм конкуренции, особенно в тех глухих уголках Ирана, где зачастую не было иного развлечения, кроме выпивки.

Конечно же, многое зависело и непосредственно от личности того или иного дипломата. Если кому-то из них удавалось наладить мирные, а подчас и дружеские отношения с представителями иных держав, то другим приходилось действовать в обстановке враждебности. Так, описывая европейский дипломатический корпус в Тегеране, британский министр Вольф, характеризуя русского посланника князя Долгорукого, писал, что это «был человек весьма любезный (*amiable*) и во всех отношениях миролюбивый (*conciliatory*)»¹. Однако добрые отношения удавалось установить не всегда. В этом смысле весьма показателен пример Коростовца, которому не повезло оказаться в положении дипломата второго рода. Как писал сам посланник относительно сложности своего положения в Иране, «политика и государственные дела перемешались с светскими и общественными отношениями. К заговору примкнули все недовольные преобладанием России. Сэр Вальтер (британский посланник — А.Л.) был раздражен потому, что я считал Конвенцию о сферах влияния дипломатической фикцией. Леконт (французский посланник — А.Л.) сердился, что я нарушаю Тегеранские традиции и ввожу новые порядки, Бельгийцы возмущались, что я вмешался в дела таможен, где они считали себя хозяевами. Принц Рейс (германский посланник — А.Л.) осуждал меня [за] вмешательство в дела немецкой ковровой фабрики, и также перешел в англо-германский лагерь. Полковник Яльмарсон (начальник шведской жандармерии — А.Л.) не мог забыть победы Петра Великого над Карлом XII, а в князе Вадбольском (командующий Персидской казачьей бригадой — А.Л.) видел потомка прежних победителей. Даже леди Сузан (супруга британского посланника — А.Л.) была недовольна, что я не считаюсь с мнением ее супруга. <...> Остальные коллеги с интересом следили за англо-русскими пререканиями, развлекавшими их от тегеранской скуки.... Персы, конечно, ликовали, наблюдая охлаждение, учитывая ухудшение отношений между русскими и англичанами и подливали масла в огонь, надеясь воспользоваться им для ослабления иностранного влияния»². Справедливости ради, заметим, что известная доля ответственности за такое отношение лежала на самом российском

¹ Wolff H.D. Rambling Recollections... P. 331.

² АВПРИ. Ф. 340. Оп. 839. Д. 13. Л. 75–76.

посланнике. Вот что писал секретарь русской миссии барон Таубе в связи с этой ситуацией: «В его (Коростовца — А.А.) обращении с людьми есть доля сарказма, и этого ему не мог простить французский посланник Леконт. Не могли удержаться от негодования на диктаторские меры Коростовца, напр[имер] на преграждение дороги мимо дачи в Зергендэ, ставили в вину и иные личные обстоятельства. <...> В результате весь Тегеран с мелочностью всякого малого центра, занялся исключительно Коростовцем, и смешал водино недружелюбие к нему с оппозицией его политике и, попросту, ненавистью к России»¹.

Как видим, взаимоотношения представителей России и дипломатов из других миссий, особенно британской, были довольно сложными. Естественно, вышеприведенные отсылки на источники (преимущественно — личные) не могут претендовать на полную репрезентативность, однако они, как видится, дают вполне адекватный срез, позволяющий представить характер повседневных взаимодействий русских дипломатов в Иране с их британскими коллегами со второй половины XIX века и до Первой мировой войны. Хорошо видно, что британцы воспринимались как представители той же европейской культуры, «свои» в чужой стране, среди чуждого в этническом, языковом, религиозном и культурном смысле населения. С ними поддерживались регулярные взаимодействия на бытовом, житейском, досуговом уровне (степень близости этих взаимодействий зависела от того, какие личные отношения складывались между конкретными людьми), к ним можно было прибегнуть за помощью в сложной жизненной ситуации (или оказать им таковую), научиться каким-то полезным вещам, приобрести полезные знакомства и связи и т.д.

Однако вышеперечисленное не отменяло конкуренцию представителей России с британцами за т.н. «влияние» в Иране, формы манифестации которого зачастую были, как мы могли убедиться, самыми причудливыми. Более того, именно близость в культурном и иных отношениях определяла то, какие именно формы примет конкуренция, в чем она будет проявляться, какие приемы являются допустимыми, а какие границы никогда не должны быть нарушены. Суть двойственного отношения представителей России к своим британским *vis-à-vis* в Иране хорошо выражена в характеристике,

¹ Данную цитату из мемуаров Таубе приводит сам Коростовец. См.: АВПРИ. Ф. 340. Оп. 839. Д. 13. Л. 74.

данной С.В. Чиркиным майору П.З. Коксу, в то время политическому агенту в Персидском заливе и управляющему генеральным консульством в Бушире: «С майором Коксом у нас создались нормальные отношения иностранцев, принадлежащих к одному кругу. В деловом же отношении стало видно, что при наличии его на посту соперничество с английским влиянием в Персидском заливе стало не столь простой задачей»¹. И разнообразие форм соперничества, и порой весьма странные области приложения сил и энергии русских представителей в их попытках уязвить британских коллег показывают, что это было обширным полем экспериментов, где каждый представитель России (как, равно, и Британии) мог проявить собственную индивидуальность, выработать собственный стиль и методы конкурентной борьбы. А поскольку действие неминуемо рождало противодействие, то и сами участники игры, и местные жители, и другие европейцы в Иране, имели возможность принять участие в захватывающем действе, не последней целью, смыслом и причиной которого часто было спастись от всепоглощающей скуки и рутины дипломатических будней в стране, слишком далеко расположенной от центров светской жизни той эпохи.

¹ Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке... С. 108.

Глава 18

ПРОПАГАНДИСТСКОЕ РУСОФОБСТВО И ПРАГМАТИЧНОЕ РУСОФИЛЬСТВО: БРИТАНСКАЯ ПРЕССА О РУССКОЙ АРМИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Галкина О.И.

В современной информационной войне против России одной из основных задач является насаждение русофобии. Социологами выявлена некая закономерность: с укреплением позиций России среди других стран мира «градус» русофобии повышается.¹ В причинах этого феномена в конце 1940-х годов постарался разобраться профессор Гарвардского университета Джон Глисон. Итогом его размышлений и исследований стала монография по истории английской русофобии². Работа предваряется следующим рассуждением: «Русофобия — это парадокс британской истории. <...>

¹ Юрасов И.А., Юрасова О.Н. Коммуникативные факторы развития русофобии на Западе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 273. Эти выводы подтверждаются и результатами опроса, проведенного в 2018 г. исследовательской организацией «The Pew Research Center» (PRC), специализирующейся на проведении глобальных замеров и характеризующейся высоким международным авторитетом. Согласно мнению 42% респондентов, высказавших свою оценку в 25 странах, роль России в мире за последние десять лет возросла. Но параллельно с этим сократилось и количество респондентов, определяющих свое отношение к России как «доброжелательное» — в странах Западной Европы и Северной Америки их осталось только 27%. См.: Letterman, Clark. Image of Putin, Russia Suffers Internationally [Digital] // URL: <https://www.pewglobal.org/2018/12/06/image-of-putin-russia-suffers-internationally/>

² Gleason, John Howes. The Genesis of Russophobia in Great Britain. A Study of the Interaction of Policy and Opinion». Cambridge, Harvard University Press, 1950. 314 p.

В трех самых масштабных боях современности Великобритания единственная из крупных держав избежала поражения. Все три раза — благодаря военной помощи России. Так почему же русофобия поселилась в душах британцев?»¹. По мнению автора, существует две основных причины этого явления. Первая — столкновение имперских амбиций двух великих держав. До 1815 года они были далеки друг от друга, но оказались соперницами после разгрома Франции. Вторая — британская внутривнутриполитическая борьба. Политические партии эксплуатировали страх перед Россией для критики примирительной политики правительства перед лицом опасности, которую представляло Российское государство для Британской империи, либо, наоборот, для оправдания операций по военному или экономическому захвату новых территорий, которые следовало присоединить до того, как ими силой овладеют русские «варвары» и «деспоты»². В этой связи Россия олицетворяла удобный для манипуляции общественным мнением образ врага с целью приобретения поддержки электората.

Современный швейцарский публицист Ги Меттан дополняет предположения Дж. Глисона объяснениями «антропологического рода о том, что природа не терпит пустоты. Любая держава, став гегемоном, как это случилось с Великобританией в конце наполеоновских войн, стремится удерживать свое превосходство и игнорировать любые протесты»³.

Как мы видим, согласно приведенным размышлениям западных исследователей, русофобия в Великобритании имеет глубокие исторические корни и вполне прагматичные цели, прикрываемые риторикой, отвечающей духу времени.

Распространению русофобии в Британии во многом способствовала пресса, которая с середины XIX в. является своеобразным «манипулятором» общественных настроений. Во второй половине XIX — начале XX века в Великобритании издавалось более двух тысяч газет. Крупнейшие газеты общенационального масштаба, такие как «The Times», «Morning Post», «Daily Telegraph», «Daily Mail»

¹ Ibid. P.1.

² Ibid. P. 4-5.

³ Меттан Ги. Запад-Россия. Тысячелетняя Война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. Почему мы так любим ненавидеть Россию? М., 2016. — 437 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://coollib.com/b/350333/read#r223>. — (Дата обращения: 01.03.2019)

располагали сетью собственных корреспондентов за рубежом¹. Как следствие, именно редакции центральных изданий публиковали наибольшее количество информации и обзоров о России. В свою очередь сформированное средствами массовой информации общественное мнение становилось существенным фактором внешней политики и остается таковым до настоящего времени².

Особенно очевидным взаимодействие пресса-общественное мнение было в периоды военных конфликтов, прямо или косвенно затрагивающими интересы Туманного Альбиона: Крымская война, русско-турецкая война 1877–1878 гг., русско-японская война и Первая мировая война. В центре внимания периодических изданий в эти годы была русская армия, которая являлась своеобразным концентрированным выражением образа России. Изучение трансформации риторики центральной и региональной прессы Великобритании в отношении военнослужащих Российской империи за указанный период позволило выявить ряд факторов, дополняющих и конкретизирующих рассуждения отечественных и зарубежных мыслителей о природе английского русофобства.

Первой европейской войной, которая благодаря прессе имела широкий общественный резонанс, стала Крымская война. По справедливому утверждению д.и.н. В.Н. Виноградова, «пропагандистски войну удалось подготовить превосходно. <...> Яркое проявилось воздействие печати на формирование настроений обывателя. Газеты всех направлений захлебывались в русофобском вое»³.

Действительно, за несколько лет до начала Крымской войны на страницах авторитетного британского ежедневного издания «The Times» антироссийская риторика была неотъемлемой составляющей статей внешнеполитической тематики. Россия изображалась страной, в которой «деспотизм противостоит свободе, варварство — цивилизации»⁴. В этой связи журналисты газеты напоминали, что единственной целью европейских стран является

¹ *Зашихин А.Н.* За строкой «Таймс». Британские корреспонденты в России и революция, 1905–1907 гг. Архангельск, 2004. С. 5.

² *Public Opinion and the International Use of Force / Ed. by Philip P. Everts, P. Isernia.* N. Y., 2001. 320 p.

³ *Виноградов В.Н.* Николай I в «крымской ловушке», а союзная коалиция на пути в никуда // *История Балкан: Век девятнадцатый (до Крымской войны)*. М., 2012. С.433.

⁴ *The Times.* 1838. October 3. P.3

«противостояние опасному расширению границ Российской империи и сохранение норм публичного права»¹.

Однако встречались суждения и иного толка. Война с Россией ради «защиты» интересов турецкого султана была чревата потерей Англией продовольственного рынка. По этой причине в некоторых публикациях «The Times» рекомендовалось соблюдать осторожность и благоразумие в отношении с Россией². Обозначенные мнения были созвучны высказываниям ряда видных депутатов британского парламента. Лидер фритредеров Ричард Кобден доказывал, что ничего общего с истиной не имеют утверждения насчет необузданной агрессивности царизма. «Россия всегда избегала столкновения с морской державой, ибо в подобном столкновении рухнет ее мнимое величие». В палате лордов с подобных позиций выступал граф Грэй.³

Однако для обывателя наиболее убедительными были высказывания членов правительства. Так, Г.Д. Пальмерстон, виднейший политик, министр внутренних дел заявлял: «Мы воюем за свободу страны, а не с целью увеличить экспорт наших товаров на столько-то процентов, мы защищаем свободу наций и отстаиваем сохранение баланса сил»⁴.

Воинствующие настроения в противовес миролюбивому разрешению турецкого вопроса поддерживал и известный сатирический журнал «Панч», разместивший две карикатуры на главу коалиционного кабинета министров графа Дж. Абердина, На одной из них — «Николаевская мечта» — премьер-министр чистит сапоги российскому самодержцу, а на другой — курит «трубку мира»⁵.

С началом боевых действий информационный фон, создаваемый «The Times» и другими британскими изданиями стал откровенно антироссийским. Разгром русским флотом турецкой эскадры оценивался как «позорное поведение», пример «варварских действий самого жестокого характера», «предвестник будущей резни и опустошения». Автор одной из статей отмечал, что

¹ *The Times.* 1853. November 8. P. 6.

² *Веприцкая Л.В.* Пресса в информационно-пропагандистском обеспечении военных компаний на Юге России во второй половине XIX в.: дис. ... канд. ист.наук. Пятигорск, 2010. С.69.

³ *Виноградов В.Н.* Указ. соч. С. 434.

⁴ Там же. С. 434.

⁵ *Punch, or the London Charivari.* 1853. Vol. 25. P. 246, 250.

Британия не хочет войны, но именно Россия бросила «перчатку вызова»¹. Очевидно, что публикации подобного рода формировали у общественности осознание необходимости вступления в войну Великобритании ради защиты интересов Османской империи, пострадавшей от агрессии «варварской» страны.

Статьи, в которых был представлен уродливый образ русской армии, должны были убедить читателей в быстрой и скорой победе Британии — защитнице территориальных интересов Турции. Так, в марте 1854 г. большое количество изданий перепечатали статью специального военного корреспондента газеты «Morning Chronicle», в которой, в частности, говорилось: «Все согласятся, что жизнь русского солдата одна из самых тяжелых и жалких в мире. В гарнизонах и военных городках он изнуряется непрерывной муштрой, парадами и инспекциями. Его бьют офицеры. Его плохо кормят и платят нищенское жалованье. <...> Его социальная позиция — разновидность рабства»².

Для внушения идеи о низких боевых качествах русских солдат в печатных изданиях стали распространяться преувеличенные данные о турецких успехах. Даже небольшие эпизоды с незначительными потерями русской армии преподносились как крупные поражения, повлиявшие на изменение русским командованием тактики ведения боевых действий³. Очевидно, что подобная информация была рассчитана на обывателей, которые слабо разбирались в политических и военных перипетиях, и по этой причине она производила впечатление и обуславливала восторженную антироссийскую реакцию.

Вступление Франции и Великобритании в апреле 1854 г. в войну на стороне Турции ожидаемой быстрой победы не принесло. Напротив, война выявила множество проблем в самой английской армии. Сложившуюся ситуацию нужно было постараться объяснить читателю.

Наиболее взвешенную позицию в этих обстоятельствах заняла центральная лондонская газета «The Times». В одном из редакторских обзоров, опубликованном в октябре 1854 г., опровергались

¹ Bell's Weekly Messenger. 1853. December 26. P.2.

² Durham County Advertiser. 1854. March 24. P. 6; Hull Packet. 1854. March 24. P. 7; Liverpool Mercury. 1854. March 17. P.6; Longford Journal. 1854. March 25. P.2.

³ Веприцкая Л.В. Указ. соч. С. 90–91.

представления полугодичной давности о «слабых, истощенных голодом, плохо вооруженных и недостаточно экипированных» русских солдатах. Со ссылкой на донесения военных корреспондентов отмечалось, что рядовые русской армии выглядели сильными, с развитой мускулатурой, в расцвете юношеских сил, без «следов каких-либо физических недостатков». По словам автора, это свидетельствовало о «рационе питания, достаточном для поддержания хорошей физической формы» и о регулярном употреблении свинины и говядины. В другой публикации журналист со ссылкой на письма английских солдат и офицеров с фронта отмечал удивительную выносливость русских воинов, которые могли провести без «еды и воды сорок часов»¹. В публикациях «The Times» также отмечалось, что «русский мужик-солдат не боится зимы» и может сделать землянку «комфортабельной и теплой»². По достоинству оценивалась и экипировка русской армии: «Каждый мужчина имел теплые брюки, заправляемые в хорошо сделанные ботинки; верхняя одежда состояла из длинного свободного пальто».

Составной частью русской армии являлись казачьи подразделения, о которых английский журналист писал с особым пиететом, отмечая их кавалерийское искусство, «быстроту, ум и уверенность в собственных силах, сравнимую с северными янки»³.

Как мы видим, образ русского солдата подвергся значительной корректировке. Сытый и хорошо экипированный русский воин предстал в качестве достойного противника, победа над которым должна была продемонстрировать боевые качества английской армии. Подводя итог, автор публикации резюмировал: «В целом, русская армия не такая грозная, как казалась. Учитывая тот факт, что британская армия 40 лет не воевала, ее успехи впечатляют, а неудачи случайны».

Однако полностью отказаться от негативной характеристики противника британские журналисты не могли. Отрицательный образ русского солдата стал использоваться для того, чтобы на его фоне создать благородный и высоконравственный образ английских солдат и офицеров. В публикациях отмечалось, что русские военнослужащие мародёрствовали, снимая одежду и обмунди-

¹ The Times. 1854. October 25. P.7.

² The Times. 1855. October 4. P.8.

³ The Times. 1854. October 18. P.6.

рование с раненых или убитых английских солдат; «будучи ранеными, стреляли в раненых английских солдат»¹. Такое поведение противопоставлялось поведению английских военнослужащих, которые «в любой ситуации давали стакан воды раненым русским солдатам». В качестве примера приводился эпизод, когда английский солдат, оказавший русскому офицеру помощь, получил от него в качестве подарка золотые часы².

В 1855 г. многие британские газеты разместили на своих страницах фрагменты книги журналиста и дипломата Муррея Гренвиля «Зарисовки с полей сражений странствующего англичанина». Наибольший интерес прессы вызвала двадцатая глава, в которой автор представил некий собирательный образ военнослужащего русской армии: «Русский солдат — мрачный, угрюмый, глупо выглядящий паренек, с бледно-синим цветом лица, подобно тому, который обычно обуславливается назначением врачом нитрата серебра в случаях болезни. Бедняга! Он выглядит как преступник, потому что его травил всю жизнь. У него короткий прямой нос, ноздри которого вывернуты наружу и кажутся двумя маленькими дырочками на лице. У него маленькие круглые глаза; но они ничего не выражают, так как солдат слишком отуплен плохим обращением с ним <...> Он любит пить, и он будет сидеть, молча напиваясь неразбавленным спиртом, до тех пор, пока он может пить, но алкоголь не радует его. Он безразличен к количеству выпитого»³.

Таким образом, в годы Крымской войны на страницах газет развернулась своеобразная заочная дискуссия в отношении образа русского солдата. Ряд изданий были не готовы отказаться от сложившихся стереотипов и продолжали их тиражировать и усиливать в годы войны, принижая боевые, моральные качества русского воина и даже его внешний вид. Публикация материалов, дискредитирующих русскую армию, позволяла решить вполне прагматичные задачи: акцентировав внимание общественности на противнике, британские власти на протяжении долгого времени замалчивали катастрофические проблемы в собственной армии. Помимо этого, публикации, умаляющие роль и качества рус-

¹ The Times. 1854. October 28. P.8.

² The Times. 1854. October 12. P.8.

³ Murrey, Eustace Clare Grenville. Pictures from the battle fields, by the Roving Englishman. L., 1856. P. 96-98; Illustrated London News. 1855. June 9. P.586. Col.3; Londonderry Standard. 1855. June 21. P.1.

ских солдат и офицеров, в психологическом плане удовлетворяли имперские амбиции и тешили имперское тщеславие англичан. И, наконец, за фасадом русофобской пропаганды британское правительство поступательно решало свои геополитические задачи в ближневосточном регионе.

После подписания Парижского мирного договора 1856 г. количество публикаций в британской прессе, посвященных русской армии, резко сократилось. Новый всплеск интереса к образу русского солдата был вызван вновь обострившимся Восточным вопросом и последовавшими событиями Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.¹ В ходе политических дискуссий, находивших свое отражение и на страницах прессы, консерваторы изображали именно Россию в качестве виновницы балканского кризиса, утверждая, что русские стояли у истоков болгарского восстания и сербской войны². Либералы, напротив, придерживались мнения, что Россия усвоила уроки Крымской войны и не будет пытаться расширять свою территорию³.

Повышенный интерес к России и к боевым действиям подтверждает тот факт, что в расположении частей русской армии было официально аккредитовано 14 корреспондентов британских газет.⁴ Некоторые из них даже принимали участие в военных действиях и были награждены орденами и медалями⁵.

¹ Разработкой широкого круга вопросов, касающихся Восточного кризиса и англо-русских дипломатических отношений этого периода, занимались видные отечественные историки: Виноградов В.Н., Виноградов К.Б., Хевролина В.М. Поэтому в рамках данной публикации мы не затрагиваем этот аспект. Отношение власти и прессы в России и Британии в годы Русско-турецкой войны рассмотрено в диссертационном исследовании Косарева С.И.

² Косарев С.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в оценках российской и английской периодической печати: дис. ... канд.ист.наук. Брянск, 2012. С. 92.

³ Там же. С. 93.

⁴ Там же. С. 109.

⁵ Это корреспондент «Daily News» Арчибальд Форбс и собственный военный корреспондент «The Times» Джордж Добсон. Более подробно об их деятельности см.: Косарев С.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в оценках российской и английской периодической печати: дис. ... канд.ист.наук. Брянск, 2012. С.93–94; Банникова Н.В. Корреспондент Джордж Добсон (1854–1938): жизнь и работа в России// Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. — 1. С. 30–31.

Наиболее взвешенный, а порой идеализированный образ русского солдата, как и в годы Крымской войны, был представлен на страницах лондонской «The Times». Собственный корреспондент газеты отмечал, что русский воин является «серьезным, рассудительным, сдержанным, дисциплинированным, причиняющим мало беспокойства офицерам, умеющим долгое время обходиться без еды»¹: «хорошее настроение и спокойствие защищают солдат от раздражения и переутомления»². А утверждение журналиста, о том, что он не замечал пристрастия солдат к алкоголю, вообще противоречило сложившимся стереотипам.

Новыми штрихами к ранее сформировавшемуся образу русского солдата стали его религиозность и грамотность: «Он читает много, читает везде: в дороге, военном лагере, на привале». По мнению обозревателей «The Times», последнему обстоятельству во многом способствовала военная реформа.

Казачьи формирования по-прежнему оставались для иностранных журналистов самым сложным для понимания воинским соединением. Репортер «The Times» полагал, что «если война продлится достаточно долго, казаки станут не только глазами и ушами армии, но и ее мозгом». Его обескураживала «тенденция поручать ответственные задания этим странным нерегулярным войскам, с длинными волосами, в обшарпанной одежде и с неухоженным оружием; их страшные, тощие, лишенные ухода лошади способны творить чудеса». Продолжая развеивать миф о жестокости казаков, Д. Добсон замечал, что «турки, разбитые под Шипкой, предпочитали попасть в плен к казакам, а не к болгарским крестьянам»³.

В несвойственных британским журналистам прорусских выражениях, собкор «The Times» характеризовал офицерский корпус русской армии: «Я не видел ни одного злоупотребляющего алкоголем, или высокомерного, или жестокого, или сварливого. ... Они больше похожи на английских офицеров, чем офицеры других стран, которых я встречал ранее. <...> Если когда-нибудь России и Англии придется столкнуться на поле боя, английским офицерам придется отбросить все предрассудки и быть готовым к встрече с офицерами, подобными им самим»⁴.

¹ The Times. 1877. July 26. P. 4.

² The Times. 1877. August. 15. P. 10.

³ The Times. 1877. August 15. P. 10.

⁴ Ibidem.

Такие публикации не приветствовались рядом изданий. Несмотря на содержание статей, в которых Д. Добсон рассказывал о радушном приеме в расположении русской армии, сатирический журнал «Punch» изобразил репортера между солдатами русской и турецкой армии, каждый из которых положил ему на плечо свою руку. От испуга у корреспондента поднялся чубчик и затряслись ноги¹. Вероятно, такой карикатурой журналисту намекали на необходимость изменения содержания публикаций. Особенно актуально это стало по мере приближения русской армии к Адрианополю.

На страницах «Economist» открыто объяснялись причины обеспокоенности действиями русской армии: «Успехи русского оружия могут повлечь за собой приобретение Россией Армении и части территории Балканского полуострова, временное или даже окончательное занятие Константинополя, открытие для русского военного флота пути в Средиземное море через Дарданеллы, выдачу России турецкого броненосного флота и т. п.». Опасаясь усиления позиций России вследствие разгрома Турции представители Консервативной партии во главе с Б. Дизраели ещё летом 1877 г. заявляли в газете «Standard»: «необходимо объяснить русским, прежде, чем они дойдут до Адрианополя, что у ворот турецкой столицы они встретят силы Англии»².

Постепенно редакции большинства газет стали отказываться от критического осмысления событий и начали направлять симпатии общественности в пользу слабой стороны — Турции. Прежде всего, через средства массовой информации стали распространяться материалы, компрометирующие действия русских солдат. Одним из постоянных сюжетов на страницах английских газет было изображение жестокостей, чинимых русской армией в отношении мирных жителей на территории, принадлежавшей Османской империи. В публикациях регулярно рассказывалось о «злодействах над женщинами, детьми и мертвыми мусульманами»³. Как правило, источником информации для такого рода публикаций являлись сведения турецкой прессы. Так, в ряде региональных газет были напечатаны заметки, согласно которым рус-

¹ Punch, or the London Charivari. 1877. vol.73. November 17. P. 225.

² Economist. 1877. July 3; Standard. 1877. July 8 // Цит. по: Косаев С.И. Указ. соч. С. 150.

³ Birmingham Daily Gazette. 1877. July 13. P.5; Belfast Telegraph. 1877. July 21. P.2.

ская армия устроила резню в семи поселениях, жертвами которой стало 345 мусульман¹.

Статьи авторитетной «The Times», в которых говорилось об отсутствии доказательств чинимых русскими солдатами зверствах, и о том, что «турки резали мужчин и беззащитных женщин, и детей, ибо тела их были найдены тысячами», не возымели широкого действия².

После того, как русская армия подошла к столице Османской империи и был подписан Сан-Стефанский прелиминарный договор, спецкоры «The Times» стали акцентировать внимание на бытовых условиях, в которых находились русские солдаты. Имитируя заботу и словно намекая на необходимость покинуть территорию Османской империи, журналисты писали о росте числа заболевших солдат, о неудобствах, которые они испытывали, будучи вынужденными спать в палатках. Спецкоры напоминали читателям, что «каждый солдат в России еженедельно парится в бане и выходит оттуда подобно лобстеру; волосы приведены в порядок; он настолько чистый, насколько может быть». И в этой связи они проявляли участие по поводу отсутствия такого комфорта в Сан-Стефано: «В этом городке нет общественных и частных бань. А купание в море в такую погоду будет не на пользу здоровью. ... вызывает беспокойство, что русские герои не выглядят так опрятно и чисто, как в мирное время»³. Корреспонденты других изданий, также живописуя плачевное состояние обмундирования, оружия, условий быта, озаботились началом распространения пьянства в русской армии⁴.

Развернувшаяся ещё до Сан-Стефанского договора антиросийская риторика Консервативной партии в ее печатных органах стали причиной широкого распространения воинственных деклараций в адрес России. Такие настроения побудили журналиста «The Times», находившегося в расположении русской армии, интервьюировать солдат и офицеров, спрашивая их о теоретической готовности к войне с англичанами. По итогам состоявшихся бесед корреспондент характеризовал миролюбивый настрой офицеров,

¹ Liverpool Mercury. 1877. July 31. P.7; Sheffield Daily Telegraph. 1877. July 31. P.2.

² The Times. 1877. 30 July. P.9.

³ The Times. 1878. March 25. P. 6.

⁴ Northwich Guardian. 1878. March 20. P. 5.

которые заявляли: «После Крымской войны мы не рассматриваем англичан в качестве врагов. Мы надеемся, что станем лучшими друзьями». Но при этом он справедливо отмечал, что солдаты и офицеры подчиняются приказу императора и если «он прикажет, они вынуждены будут воевать». По этой причине вставал вопрос о необходимости превентивных мер на случай, если русская армия будет приведена в боевую готовность. Ответ был очевиден, а используемая журналистами «The Times» лексика очень напоминала современную: «сдержать русскую армию необходимо для сохранения дела мира и предотвращения новой войны»¹.

Последовавший в апреле 1878 г. вывод русских войск с территории Турции и Болгарии объяснялся в прессе не иначе, как боязнью «столкновения с Англией»². Русский солдат теперь не представлял угрозы английским геополитическим интересам, поэтому его образ снова обрел лубочные черты и краски. Освобожденную территорию покидали «храбрые, терпеливые, выносливые воины в изношенных сапогах, залатанной, но чистой одежде, застегнутой на все пуговицы»³.

Таким образом, мы видим, что образ русского солдата во второй половине XIX в. не являлся перманентным: он трансформировался от позитивно-нейтрального до негативного в зависимости от текущих ближневосточных интересов Туманного Альбиона.

Конец XIX — начало XX века ознаменовались в английских политических кругах дискуссиями по вопросам внешнеполитической ориентации Великобритании. Необходимость сохранения уже существующих территориальных владений и приоритетов, а также стремление закрепиться в дальневосточном регионе обуславливали потребность в союзниках и отход от вековой концепции «блестящей изоляции». Итогом партийных споров и дебатов стал англо-японский договор 1902 г.⁴. Подписание этого документа поставило вопрос о дальнейших отношениях с Россией. В начавшейся спустя два года Русско-японской войне Великобритания de jure сохраняла ней-

¹ The Times. 1878. 25 March. P. 6.

² The Times. 1878. 29 May. P. 5.

³ The Times. 1878. 18 April. P. 4.

⁴ Подробный анализ перипетий политической борьбы см: Гелла Т.Н. Россия и страны Запада в системе международных отношений в начале XX века: к предьстории Первой мировой войны// Ученые записки Орловского государственного университета. Орел, 2014. 5(61). С. 35–40.

тралитет, но de facto оказывала военную, финансовую дипломатическую и информационную помощь Японии. Официальный Лондон был заинтересован в ослаблении России и, как следствие, в сдерживании ее дальневосточно-тихоокеанского продвижения.

По уже известной схеме британские правительственные круги стали выдвигать тезис о необходимости защиты имперских интересов в Китае от России, которой приписывали фантастичные планы и намерения. Для обоснования этого положения пресса предприняла очередную широкомасштабную кампанию по формированию общественного мнения в отношении «варварской» России и русской армии.

Еще до начала военных действий на страницах газеты «Шотландец» был опубликован большой обзор «Русский солдат», перепечатанный другими региональными изданиями. По стилистике и содержанию он был аналогичен упомянутым выше «Зарисовкам» М. Гренвиля времен Крымской войны. В обзоре отмечалось: «Русский солдат — отражение народа. Он — крестьянин-мужик, оторванный от плуга или от какого-то промышленного занятия, чтобы служить своим чинам в течение пяти лет, превращающийся в обученную машину, способную на беззаветную службу своей стране. <...> Рацион питания русского солдата сильно отличается от наших солдат. Он получает маленький кусочек говядины, ему не дают пиво. Суп, черный хлеб и каша составляют основу его питания. Обмундирование русского солдата очень качественное, приспособлено к различным погодным условиям...»¹.

Одним из компонентов образа русского солдата, создаваемого ранее британской прессой и усиленного в годы Русско-японской войны, являлась его «глубокая религиозность в сочетании с любовью к Царю и Отечеству», «набожность и благочестие»².

По мере разрастания масштаба боевых действий менялась и тональность статей британских газет, посвященных России. Начавшая войну Япония преподносилась в СМИ жертвой русской агрессии. В Лондоне была опубликована иллюстрированная летопись войны с характерным названием «Борьба Японии за свобо-

¹ Derry Journal. 1904. March 11. P. 7; Tyrone Courier. 1904. March 17. P. 6; Western Times. 1904. 12 January. P. 8.

² Southern Echo. 1904. March 3. P.2.

ду»¹. Название издания определяло его содержание. На большинстве приведенных рисунков русские солдаты и казаки были представлены со злыми лицами², атакующими мирных жителей³, безжалостно убивающими своих врагов⁴ или использующими убитых лошадей в качестве опорного пункта для стрельбы⁵. Данной публикацией фактически была задана парадигма характеристики русского солдата на протяжении всей Русско-японской войны.

Существенной и принципиально новой составляющей в образе русского воина стало его отношение к японским раненым и военнопленным, а также к мирным жителям. Даже на страницах «The Times», отличавшейся умеренностью и сдержанностью высказываний в годы Крымской и Русско-турецкой войн, было опубликовано немалое количество леденящих кровь историй, которые должны были показать варварское, антигуманное отношение к незащитному врагу. В одной из публикаций рассказывалось о «последствиях» русского плена: «...тело японского военнопленного было обнаружено в ветвях дерева, нависающего над рекой. Оно было частично отделено от головы, вскрыта брюшная полость, ноги порублены на куски»⁶. Знакомясь с материалами этой же статьи, читатель узнавал, как русские солдаты и офицеры, вооруженные штыками и пистолетами, проходя по полю, на котором были ранены японские воины, убивали каждого, кто подавал какие-то признаки жизни», «забывали раненым рот песком, тем самым обрекая их на смерть»⁷.

Негативное восприятие подобного антигуманного поведения русских солдат должно было усиливаться при сравнении с «мягким и вежливым» поведением японских солдат по отношению к русским раненым. В частности, на страницах иллюстрированной газеты «The Sphere» был размещен рисунок, автор которого изобразил раненого русского солдата, лежащего на кушетке, в окру-

¹ Wilson H. W. Japan's fight for freedom: The story of the war between Russia and Japan. — London: The Amalgamated Press, 1904. — 436 p.

² Ibid. P. 364, 411.

³ Ibid. P. 435.

⁴ Ibid. P. 420.

⁵ Ibid. P. 372, 434.

⁶ The Times. 1904. 18 August. P. 10.

⁷ Ibidem.

жении японских медсестер и врача. Под изображением была сделана надпись: «Хотя русские презрительно относятся к японским солдатам, они хвалят их военные госпитали. Японские военные врачи замечательны. Они выносят раненых с поля боя, не обращая внимания на национальность»¹.

Образ доблестных и храбрых казаков, создаваемый журналистами «The Times» при характеристике Крымской и Русско-турецкой войн, также существенно изменился. Теперь спецкоры газеты рассказывали про казачьи рейды, проводившиеся на территории Кореи, заостряя при этом внимание на фактах насилия по отношению к женщинам. Отмечалось, что «в одном селении казаки изнасиловали двадцать женщин, перерезав горло тем, кто сопротивлялся. В другой деревне пятнадцатилетняя девушка умерла на следующий день после надругательства, совершенного над ней несколькими мужчинами». Корреспондент подчеркивал, что за такие акты насилия их стали называть «русскими демонами», а «все совершаемое русскими солдатами и казаками можно обозначить словами: убийства, грабежи, поджоги, насилие»². Приведенные корреспондентами «The Times» данные перепечатывались региональными изданиями³, что усиливало негативное общественное мнение в отношении русской армии.

Отмечаемые ранее британской прессой качества русского солдата, такие как храбрость, стойкость, умение противостоять холоду, теперь в большей степени относили к японской армии. Журналисты указывали, что если «японский солдат решил стоять до конца, он может преодолеть все, не потеряв и малейшей части занимаемой земли, даже ценой значительных потерь»⁴. К преимуществам японского солдата относилось владением им искусством джиу-джитсу, с помощью которого он может победить «русского льва»⁵. Даже умение японцами делать обувь из соломы преподносилось в качестве

¹ The Sphere. 1904. 11 June. P. 13.

² The Times. 1904. 18 August. P. 10.

³ Daily Telegraph & Courier (London). 1904. August 19. P. 8; Dublin Daily Express. 1904. August 19. P. 6; Western Daily Press. 1904. August 19. P. 5.

⁴ The Times. 1905. January 3. P. 11.

⁵ The Sketch. 1904. February 17. P. 4.

безусловного достоинства в сравнении с русским солдатом, который был вынужден ремонтировать фабричные ботинки¹.

Ещё одной темой, постоянно затрагиваемой английскими журналистами, являлось пристрастие русских солдат к спиртному. Отмечалось, что русским воинам, злоупотреблявшим алкоголем, противостоят японские солдаты, которые являются представителями нации, «пьющей воду»². На страницах английского издания «The Sketch» был напечатан рисунок известного художника-баталиста Ричарда Кейтона Вудвиля «Типичный представитель русской пехоты». На нем читатель мог увидеть русского солдата в зимней одежде, держащего в правой руке винтовку, а в поднятой левой руке — бутылку. Прищулив глаз, солдат рассматривал количество оставшегося в ней содержимого³. Даже рассказывая о падении Порт-Артура, военкоры не преминули заметить, что «в крепости оказалось достаточное количество водки, шампанского и продовольствия»⁴.

После Цусимского сражения и понятного исхода войны количество публикаций, посвященных русской армии, резко сократилось. Английские журналисты нередко изображали жалость по отношению к «русскому мужику» и при этом создавали его гротескный образ. В частности, на страницах «The Times» был приведен пример, когда «четверо вооруженных русских солдат с краденными лошадьми встретились с военным журналистом и цензором. Они упали на колени с восточным поклоном и испугались, что их убьют. Один из них протянул дешевую американскую бритву — самое дорогое, что у него было...»⁵.

Таким образом, формировавшийся британской прессой в годы Русско-японской войны образ русского солдата оказывался крайне негативным. Журналисты преуспевали в отборе фактов, которые способствовали усилению уже имеющихся в отношении русской армии стереотипов. Определяющим вектором оценки в очередной раз оказывались национальные устремления

¹ The Sphere. 1904. October 29. P. 99.

² The Sphere. 1904. September 3. P. 11.

³ The Sketch. 1904. April 20. P. 18.

⁴ The Times. 1905. January 25. P. 9.

⁵ The Times. 1905. June 20. P. 4.

Великобритании, заинтересованной в сдерживании продвижения России на Дальнем Востоке.

Поражение России в войне с Японией и подписание Портсмутского мира существенно повлияло на международную ситуацию. Ослабление Российской империи, с одной стороны, и потребность Англии в союзнике перед лицом растущей угрозы со стороны Германии стали объективными факторами, способствовавшими подписанию в августе 1907 г. англо-русского союза. Хотя документ не устранял всех противоречий между странами, он стал залогом союзнических отношений в предстоящей Первой мировой войне.

Именно начало мирового военного конфликта послужило причиной своеобразного «открытия» англичанами России. Ведь Британской империи не пристало иметь страну-союзника, народ и армия которой с «татарскими чертами» в характере, страдают от пьянства, «кнута, рабства, ссылки в Сибирь, тайной полиции и цензурной прессы». Над созданием правильного «образа союзника» стало работать Бюро военной пропаганды, известное как Веллингтон Хауз (Wellington House)¹. При его содействии в Россию направлялись британские журналисты. Некоторые из них получили доступ в действующую армию.

Неожиданные для Великобритании победы русской армии в Галиции в 1914 году дали повод британской прессе для начала создания позитивного образа России. С этой целью журналисты должны были показать, какой путь проделала русская армия «на пути к цивилизации». Началом этого процесса, по их мнению, стало реформирование русской армии после поражения в войне с Японией. Британские обозреватели писали про значительное увеличение снабжения армии боеприпасами и обмундированием, качественный рост боевой и тактической подготовки солдат и офицеров, появление в рядах русской армии большого числа грамотных талантливых офицеров.

Журналисты отмечали, что, несмотря на все преобразования, армия, по-прежнему, оставалась крестьянской, но в этом они теперь находили исключительно положительные черты. Обозреватель журнала «Nineteenth Century» писал о русском крестьянине, как об идеальном человеке, который является «неизбалованным дитём природы», «законопослушным, терпимым, религиозным, храбрым,

¹ Sanders M.L. Wellington House and British Propaganda during the First World War// The Historical Journal. 1975. Vol. 18, № 1. P. 119.

стойким, с чистым характером, речью, подобной речи джентльмена»¹. Журналист «The Times», также характеризуя особую речь «мужика», сравнивал ее с речью маленького ребёнка, при этом подчёркивая, что «его язык редко бывает непристойным, никогда не является богохульным... даже во время перевязок в госпитале».

Сравнение русского солдата с ребёнком получило своё дальнейшее развитие на страницах журналов, где авторы публикаций о России представляли страну большой семьёй, в которой развито чувство братства, солидарности, непоколебим авторитет отца. Главой «семьи — нации» являлся император². Именно этим западные обозреватели объясняли фанатичную преданность русских царю, проводя аналогию с преданностью детей своему отцу. Как следствие, именно император, по мнению обозревателя «Nineteenth Century», играл огромную роль в поднятии духа армии: «Энтузиазм, который вызывает присутствие на фронте царя среди солдат, может быть понят только людьми этой страны»³.

Большое внимание английские журналисты уделяли религиозности русского солдата. По мнению корреспондента «The Times», «религия мужика настолько проста и естественна, что иностранцы ошибочно принимают его религиозность за лицемерие. Однако религия — часть русского человека. Он всегда осеняет себя крестным знаменем, когда смерть проходит мимо него, когда рвутся снаряды и шрапнель»⁴. Именно вера в Бога, по мнению одного из обозревателей, «даёт русским душевные силы, которые помогают им вырабатывать сильный характер и такое самосознание, которое мы больше нигде не находим»⁵.

Об исключительных качествах русской армии даже в период Великого отступления английские журналисты продолжали писать в превосходной степени: «Ни в одной войне, в которой Россия принимала участие, её армия не проявляла таких военных качеств, как в этой. Упорство является отличительной чертой русской армии со времен реформ Петра I. <...> Её отличают непоколебимая

¹ The Nineteenth Century and After. 1915. Vol. 77. January. P. 76, 78.

² Ibid. P. 75–76.

³ The Nineteenth Century and After. 1915. Vol. 78. August. P. 441.

⁴ The Times. 1916. December 28. P. 5.

⁵ The Nineteenth Century and After. 1915. Vol. 77. January. P. 74.

храбрость и неувядаящая слава»¹. По словам военного корреспондента «The Times» Стэнли Вэшборна, «непревзойдённая стойкость и выносливость» русской армии в конечном счёте позволят ей преодолеть преимущество немецкой армии в артиллерии².

В публикациях подчёркивалось, что даже применение германской армией отравляющих газов, не смогло поколебать стойкость мужиков (moujiks). Напротив, осознание ими «чужовщины» методов противника «наполняет армию» гневом и разжигает ещё больше стремление столкнуться с «бесчестным врагом»³.

Воодушевлению русской армии, по мнению журналистов, способствовал русский песенный фольклор. По этой причине весной 1916 года «The Times» опубликовало 16-страничное Русское Приложение к газете, в котором были напечатаны ноты и тексты песен, исполняемые русскими солдатами на фронте⁴.

Неприхотливость в еде, состоявшей «из небольшого количества овощного супа и гречки», также относилась британскими журналистами к разряду достоинств русских солдат. А характеризуя чрезвычайное положение дел на Рижском фронте зимой 1915/16 года, корреспондент «The Times» отмечал неприязнительность русских офицеров, «проводивших большую часть своего времени в надёжно защищённых блиндажах-землянках, которые являются чистыми, обустроенными только походной кроватью, складным столом со стоящим на нём лампой и парой табуреток». Такой бытовой минимализм контрастировал, по словам журналиста, с «роскошным расквартированием немецких офицеров в районе Митавы»⁵.

Формированию представления о крепнущей дружбе союзников в условиях военного времени должны были способствовать письма русских солдат, публикуемых на страницах «The Times», в которых выражалась уверенность в совместной борьбе и окончательной победе над врагом⁶.

Коренным образом настроение британской прессы изменилось после Февральской революции 1917 г. На страницах англий-

¹ The Times. 1915. June 11. P. 9.

² The Times. 1915. August 3. P. 5.

³ The Times. 1915. June 11. P. 9.

⁴ The Times. 1916. March 25. P. 11.

⁵ The Times. 1915. December 3. P. 7.

⁶ The Times. 1915. July 28. P. 5.

ских газет и журналов рассматривались причины «русского переворота», давалась общая оценка произошедшего в России, выяснялись перспективы союзнических обязательств.

Если до февральских событий британские корреспонденты старались не замечать или сознательно игнорировали проблемы, испытываемые русской армией, то после революции некоторые из них стремились показать реальное положение дел. В частности, обозреватель «The Fortnightly Review» И. Диллан, объясняя причины революции и характеризуя положение дел в русской армии, указывал: «...солдаты были недовольны властями, посылавшими их на фронт без достаточной еды, одежды, военного снаряжения. Как следствие, растущее недовольство режимом было длительным, глубоким и опасным»¹.

В марте 1917 года специальные корреспонденты «Таймс» с опасением писали о формировании и деятельности выборных комитетов солдатских депутатов, агитация которых в рядах необразованных солдат позволяла «распространять бунтарские лозунги и возбуждать армию» и способствовала анархии². Несмотря на явное стремление поддержать положительный образ союзника в глазах общественности, именно в английских газетах, раньше, чем в прессе других союзных держав, стали высказываться опасения относительно способности России продолжить войну. И. Диллан справедливо отмечал, что «основу российской армии составляют крестьяне, у которых одно стремление — скорее закончить войну и вернуться домой»³.

Назначение генерала А. Корнилова главнокомандующим русской армии в июле 1917 г. и его меры по наведению порядка в воинских частях были отмечены во многих британских изданиях: «Русская армия отступает, жёстко расправляясь с митингующими, дезертирами, которых расстреливают, не давая им возможности оправдаться. Черты прежней дисциплины в армии восстанавливаются». И далее: «...становится очевидным, что Германия не может добиться преимущества на восточном фронте разложением русской армии»⁴.

¹ The Fortnightly Review. 1917. Vol. 51. May. P. 728–729, 735.

² The Times. 1917. March 26. P. 7.

³ Ibid. P. 737.

⁴ Exeter and Plymouth Gazette. 1917. July 31. P. 8; Hull Daily Mail. 1917. July 31. P. 2.

Редакции центральных¹ и провинциальных газет не обошли вниманием и историю с женским «батальоном смерти» М. Бочкарёвой. А шотландская газета «Aberdeen Evening Express», информируя о захвате батальоном ста немецких военнопленных, писала об «исторической победе от имени всех российских женщин»².

Октябрьские события в Петрограде редакция «The Times» определяла как «агонию России», ставшую следствием «захвата власти экстремистами». Тем не менее, ещё в ноябре 1917 г. журналисты газеты продолжали выражать надежду, что упорядоченная жизнь, воинская слава России и её былое влияние будут восстановлены³. Однако последовавший выход России из войны и начавшаяся британская интервенция обусловили возврат к знакомой русофобской пропаганде.

Таким образом, изучение трансформации оценок русской армии в британской печати подтвердило суждения отечественных и зарубежных исследователей относительно причин, обуславливавших русофобию в Британии. Имперские амбиции, внутривнутриполитическая борьба, желание решить национальные задачи чужой кровью — определяли суждения британских журналистов в отношении русских солдат и офицеров во второй половине XIX — начале XX веков.

В годы Крымской, Русско-турецкой и Русско-японской войн, когда Великобритания решала вполне прагматичную задачу — боролась за расширение сферы влияния — требовалось сформировать негативное общественное мнение в отношении главного противника в ближневосточном, среднеазиатском и тихоокеанском регионах. С этой целью британские журналисты прибегали к средствам, которые используют современные политтехнологи: навешивание ярлыков, усиление в выгодном ракурсе сложившихся стереотипов, искажение фактов. Шаблонными характеристиками русофобской направленности стали следующие определения военнослужащих русской армии: отталкивающий внешний вид, недостаточное питание, плохое обмундирование, злоупотребление алкоголем, мародёрство, жестокое обращение с военнопленными и местными жителями. Таким образом, негативный образ воинских

¹ The Times. 1917. July 26. P. 3, 5; July 30. P. 7.

² Aberdeen Evening Express. 1917. July 26. P. 3.

³ The Times. 1917. November 9. P. 7.

частей Российской империи стал одним из элементов русофобской пропаганды.

Как показал анализ прессы, прорусские, а в некотором роде даже русофильские характеристики в отношении русской армии появлялись на страницах газет в тех случаях, когда соборы периодических изданий находились в расположении русских воинских частей, оказывались свободными от стереотипов и даже опровергали их. И даже под давлением пропаганды именно эти журналисты старались избегать откровенно русофобских высказываний (пример работы журналиста «The Times» Д. Добсона).

Годы Первой мировой войны стали периодом, когда английская пресса в своих оценках демонстрировала вполне прагматичное русофильство: у британской общественности нужно было создать образ надёжного, благородного союзника в лице России, способного любой ценой вести войну до победного конца. По этой причине от упорно насаждаемых в течение века стереотипов о «варварской, жестокой и пьяной» русской армии не осталось и следа. Теперь британский солдат сражался бок о бок с «законопослушным, религиозным, храбрым» русским солдатом, готовым сражаться до победы, претерпевая любые тяготы и лишения.

Однако период прагматичного русофильства был недолгим: выход России из войны и последовавшая британская интервенция возбудили знакомую русофобскую пропаганду.

Глава 19

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ ГЛАЗАМИ РУССКИХ СОВРЕМЕННОКОВ

Гелла Т.Н.

Каждый народ имеет свои представления о другом народе и стереотипы восприятия его образа. Эти представления нередко оказывают большое влияние на характер взаимоотношений между нациями, этническими группами и государствами. Таким образом, изучение представлений одного народа о другом очень важно для изучения исторической эпохи. Наряду с документами дипломатического и политического характера исследование взглядов и мнения представителей различных слоев общества позволяет историкам воссоздать более полную историческую картину, понять специфику общественных настроений того или иного народа и особенности его национального характера.

Интерес россиян и англичан к истории, культуре и политике двух стран во многом определялся той исключительной ролью, которые они играли на международной арене во второй половине XIX — начале XX столетий, сложностью их взаимоотношений по ряду европейских и среднеазиатских проблем. Крупнейшие российские журналы и газеты способствовали формированию у русских людей образа «Туманного Альбиона» и его народа.

В конце XIX в. Великобритания являлась той страной, которая вызывала пристальное внимание русской общественности. Представители различных политических течений — от консерваторов до радикалов — обращали свои взоры к Англии, пытаясь найти в ее политическом строе и общественно-политической системе ответы на многие вопросы, которые представляли острейший инте-

рес для них. Этот интерес во многом объяснялся тем, что Россия в рассматриваемый период, вступившая на путь пореформенного преобразования, нуждалась в определенном примере экономического и политического развития. Новые гражданские институты и изменения в умах людей исподволь размывали прежнюю закрытость политико-культурной системы. Российское общество было поставлено перед необходимостью восприятия Европы. Англия как раз и могла выступить в качестве такого эталона. В ее экономическом, общественно-политическом и социальном устройстве было много привлекательного для русских сторонников реформ. С одной стороны, это крупнейшая промышленная держава мира, с другой стороны, — это монархическая страна, с сильными олигархическими традициями и принципами, одновременно имеющая двухпалатный парламент, полномочия которого расширились в ходе проведения реформ.

Кроме того, в России в конце XIX в. наряду с политическими и социальными переменами, вызванными эпохой реформ, «шла эволюция восприятия»: менялся важнейший «показатель духовного своеобразия страны и времени», т.е. менялся стиль жизни. В этих условиях анализ европейского опыта, практика британского правопорядка, где понятия «реформа» и «свобода» стали традицией, привлекают внимания российской общественности. Н.В. Шелгунов в свое время писал: «Из всех стран Европы только в одной Англии правительство было наиболее спокойно, а народ наиболее деятелен. Только в Англии свобода народная покоилась на более широком основании. Каждый мог говорить, что думал, и делать, что угодно, следовать своим наклонностям и распространять свои мнения. Только в Англии были менее сильны преследования за веру и мысль развивалась свободнее, не ограниченная теми стеснениями, которым она подвергалась в других странах»¹.

Какими же видели Англию и англичан в конце XIX — начале XX в. русские современники?

Если брать во внимание русское просвещенное общество, то образ Англии формировался у его представителей во многом под влиянием тех впечатлений, которые складывались у русских от посещения этой страны. Рассказы очевидцев, мемуарная литература и тревологи стали основными источниками формирующихся пред-

¹Шелгунов Н. В. Новый ответ на старый вопрос. URL: <http://modernproblems.org.ru/intellig/45-newanswer.html?start=2>

ставлений об Англии и ее жителях в российском обществе. Однако нельзя забывать о таком источнике, как донесения российских дипломатов, аккредитованных в Лондоне, которые, главным образом, влияли на формирование представлений о внутренней и внешней политике британских правящих кругов среди представителей высшего эшелона власти Российской империи.

Необходимо отметить, что во второй половине XIX в. в России начинают закладываться основы профессионального англоведения. На свет появляются произведения, посвященные политической истории и культуре Великобритании, истории Британской империи¹. Безусловно, экономическая составляющая в этих публикациях была одна из существенных. В работах И.И. Янжула, И.И. Кауфмана, М.М. Алексеенко, Г.П. Каменского, А.В. Зотова, М.И. Туган-Барановского и др. на основе значительного числа источников и исследовательского материала раскрывались картины хозяйственной жизни Британии, поднимались вопросы тарифной и налоговой политики, взаимоотношений государства и фабрично-заводской системы². Не остались в стороне от изучения политической и правовой системы Великобритании российские историки и правоведы. С.Ф. Фортунатов, М.М. Ковалевский, А.Д. Градовский, В.И. Александренко, Н.И. Кареев, Д.М. Петрушевский, В.Г. Виноградов, А.Н. Савин, В.Ф. Дерюжинский³ и многие другие изучали различные аспекты британского государственного права, в целом, и государственно-конституционной системы, в частности, направления внутренней и внешней политики Великобритании в исторической ретроспективе. Так, Ф.Ф. Мартенсом был опубликован труд «Россия и Англия в Средней Азии», также он выступил составителем и автором комментариев к 15-томному «Собранию трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами с 1648 г.», тома 9(10) по 12 которого были посвящены взаимоотношениям России и Британии⁴.

Довольно широко Англия и англичане рассматриваемого периода представлены в российской публицистике.

¹ Более подробно см.: Чикалова И.Р. Англоведение в императорской России в именах и публикациях 1801–1917 гг. СПб, 2014. С. 49–75.

² Там же. С. 75–85.

³ Там же. С. 85–107.

⁴ Там же. С. 95–96.

Русским публицистам консервативного и умеренно-консервативного направления были свойственны определенные критические оценки государственной системы Великобритании, хотя они и признавали многие ее положительные моменты. Так, умеренно-консервативный журнал «Русский вестник» отмечал, что английская конституция не представляла собой «панацеи» от радикальных преобразований, хотя и оставалась «неизменной посреди всяких революционных Европейских бурь»¹, что, по мнению журнала, было ее сильной стороной. Фактически, журнал выражал настроения тех российских общественных кругов, которые признавали прогрессивное развитие общества по пути реформ, проводимых исключительно «сверху». Недаром в одной из публикаций за 1872 г. заявлялось: «Более чем когда-либо входит во всеобщее сознание старая истина, что своевременная реформа есть единственный путь спасения народа от всяких переворотов»². Показательно, что русские публицисты консервативного толка подметили очень важную черту законодательной системы Англии — важнейшие реформы проводились тогда, когда их актуальность и необходимость становилась очевидной для всех слов английского общества.

Более критично в отношении государственного устройства Англии высказывался журнал-газета «Гражданин». Журнал являлся органом реакционных слоев русского дворянства, вел борьбу за свертывание реформ, выступал против всего прогрессивного как в России, так и на Западе. По мнению журнала, в Англии монархическая власть была сравнительно слабой, поэтому большое значение в ней придавалось борьбе партий. «...В этой родине парламентаризма борьба партий имеет такое большое значение для страны, что все управление страной зависит от того или иного исхода борьбы партий в данный момент. Какая партия одержала в известное время перевес — за такой партией следует и королевская власть», — отмечалось в нем³. «Гражданин» не давал развернутой характеристики либеральной и консервативной партий, не раскрывал их идеологических принципов. Характеристика этих двух основных политических сил на страницах журнала отличалась определенной примитивностью: консерваторы «придержи-

¹ Русский вестник. 1872. № 9. С. 169

² Там же. С. 168

³ Гражданин. 1874. № 5. С. 154

ваются исторических преданий, которыми так богата Англия, и отстаивают начала, выработанные давно минувшей английской социальной жизнью», а либералы «полагают в основе своей политики массу потребностей нового времени, и стоят за необходимость постоянных реформ во всем строе английской социальной жизни». Показательно, что «Гражданин» был невысокого мнения о политической принципиальности английских государственных деятелей. «Ни в одной стране в мире нет столько перебежчиков из одной партии в другую, сколько в Англии...», — утверждалось на его страницах. В качестве примера приводились политические биографии У. Гладстона и Б. Дизраэли¹.

В «Гражданине» за 1874 г. была напечатана целая серия очерков о жизни и быте англичан, в которых раскрывались характерные черты английской нации. По мнению их автора, англичане — люди очень практичные, их нравственная философия состоит в том, «чтобы применяться к обстоятельствам с выгодой для себя». Порядочность англичанина определяется наличием денег. Характер англичан — сварливый, и в то же время они — народ молчаливый, у них нет «никаких принципов или идеалов», они поступают так, как им выгодно; у английской нации отсутствуют «высокие возвышенные интересы», и хотя англичане религиозны, но «глубина религиозных чувств» у русского человека «гораздо глубже», чем у британцев. Религия в Англии «стала какой-то ходячей монетой». Таким образом, на страницах журнала рисуется образ в целом малопривлекательной нации, отличающейся практицизмом, грубостью, безнравственностью и беспринципностью², а отсюда следовал вывод, что искать в Англии пример для подражания не следует.

Подробные и содержательные очерки об Англии публиковались на страницах крупного российского ежемесячного журнала либерально-буржуазного направления — «Вестника Европы» (издавался с 1868 по 1918 гг.). Его редактором — издателем был отставной профессор истории Петербургского университета М. М. Стасюлевич.

Вопросы государственного устройства Англии широко освещались на страницах этого журнала, выступающего за осуществление реформ конституционно-монархического направления.

¹ Там же. № 23. С. 625–626.

² Там же. № 23, 26, 29, 33, 37.

В связи с этим Англия, представлявшая удачный пример сочетания монархии и парламентаризма, привлекала пристальное внимание русских либералов.

Одной из положительных черт британской политической системы авторы «Вестника Европы» считали действие двухпартийного механизма, т.е. сменяемость одной политической партии другой. В многочисленных публикациях отмечалось, что когда правящий кабинет не может предложить больше гражданам какой-либо позитивной программы, когда «страна чувствует, что ее не ведут, что у нее осталась администрация, но нет правительства в парламентском смысле слова»¹, тогда англичане избирают новое правительство. Таким образом, у русского читателя формировался образ страны, которая в деле развития политической свободы «достигла наилучших результатов по всей Европе».

Свою лепту в дело формирования российских представлений о Великобритании внесли представители демократической общественной мысли. В целом Англия и англичане в оценках русских демократов мало чем отличались от восприятия их русскими либералами, правда, первые больше акцентировали внимание на радикализации британских политических процессов.

Проблемы конституционного и социально-политического развития Англии нашли свое отражение на страницах «Отечественных записок». Придерживаясь революционно-демократического направления, журнал знакомил своих читателей с историей политической борьбы в Англии, с проведением либеральных реформ, с той ролью, которую сыграл английский народ в их принятии. «Отечественные записки» не идеализируют конституционное устройство Англии, напротив, по его мнению, оно «... далеко не составляет такой панацеи от политических и в особенности — социальных недугов, при которых взгляды более радикальные казались бы лишними». Характерной особенностью всего хода событий во внутривнутриполитической жизни Англии в XIX столетии журнал полагал «несомненное возрастание радикального духа и стремление к полному преобразованию в либеральном смысле»². Весьма положительным для Англии авторы «Отечественных записок» считали расширение рабочего представительства в парламенте, потому что «рабочий элемент будет весьма важным двигателем прогресс-

¹ Вестник Европы. 1873. № 9. С. 413.

² Отечественные записки. 1869. № 8. С. 328, 330.

сивного и демократического духа». Более того, журнал выступал за предоставление избирательных прав женщин и предполагал, что «англичане будут вознаграждены тем благом, которое можно ожидать от участия в правлении людей, на себе испытавших всю тяжесть несправедливых законов». Пожелание российских демократов введения в политическую систему Англии более прогрессивных начал может стать наиболее понятным после неоднократного прочтения на страницах «Отечественных записок» утверждения, что Англия — «самая консервативная страна в мире» или же «преимущественно консервативная страна». Впрочем, практически всегда за этими высказываниями следовали оговорки, что в последнее время Англия сильно продвинулась по пути демократического развития.

По мнению авторов публикаций, Англия в сравнении с Россией далеко продвинулась по пути политической демократии, хотя уровень развития политической свободы в ней еще не достиг наивысшей точки и поэтому она не должна была останавливаться на достигнутом. В целом «Отечественные записки» положительно оценивали политические процессы в Англии. Например, отмечалась определенная дальновидность и осторожность политики английских монархов, готовность их идти на компромисс с политическими силами, что обуславливалось многовековым опытом истории страны. Так Марина Цебрикова в статье «Дух компромисса в Англии», напечатанной в 1875 г., утверждала, что «Генрих VII и Елизавета никогда не дошли до того, чтобы сказать словами Людовика XIV: «Англия — это я»; всегда была черта, перед которой они останавливались и шли на сделку с волей нации с самого основания Англии, и она поплатилась кровавым переворотом, когда Стюарты изменили этому девизу в XVII в. С тех пор развитие Англии шло путем мирного компромисса». На страницах журнала англичане представляли перед русским читателем как граждане, целью которых было учреждение «правительства всего народа, а не некоторых привилегированных ... классов»¹.

Таким образом, русская периодическая печать рисовала перед своими читателями картины многогранной политической жизни Великобритании. Русские журналисты и публицисты внесли заметный вклад в формировании образа Англии — страны, с сильными традициями и с не менее сильными тенденциями к совершенство-

¹ Там же. С. 365.

ванию своей государственной системы; страны, развивающейся по пути либерального преобразования общества и которая может выступать своеобразным примером для пореформенной России.

Борьба политических партий и парламентские дискуссии Великобритании были в центре внимания российских общественных кругов. Политическая жизнь англичан широко освещалась на страницах российских журналов. Безусловно, она также находила отражение в донесениях российских дипломатов, аккредитованных в Лондоне. Изучение дипломатических архивных документов, посвященных английским политическим партиям и их лидерам, существенно дополняют источники формирования представлений в высших эшелонах власти России о внутриполитической жизни «туманного Альбиона». Примером могут служить донесения российских дипломатов о деятельности второго и третьего кабинетов У. Гладстона (1880–1885, 1885–1886 г.).

В 1880 г. в результате парламентских выборов победу одержали либералы во главе с У. Гладстоном. По своему составу либеральная партия во вновь избранном парламенте в 1880 г. представляла собой своеобразную коалицию трех партийных фракций: вигов, радикалов и центристов. Политические трения среди членов кабинета были неминуемы. Российский посол в Лондоне А.В.Лобанов сообщал в Министерство иностранных дел России Н.К. Гирсу: «Мне кажется между тем вероятным, что он (кабинет министров — Т.Г.) встретит в своих собственных недрах большие трудности с первых дней своего функционирования...»¹.

Столкнувшись с рядом серьезных проблем как внутри страны (аграрный и ирландский вопросы), так и в колониальной политике (неудачная суданская кампания 1884–1885 гг.), либеральный кабинет катастрофически быстрыми темпами стал терять популярность среди английских избирателей. Внутри самой партии назревал кризис, проявлявшийся, в частности, в намерении большинства членов кабинета подать в отставку. О сложном положении правительства сообщали и русские дипломаты. В марте 1885 г. Е.Е. Стааль, российский посол в Лондоне с лета 1884 г., анализируя внешнюю политику Англии, писал Н.К. Гирсу, в 1882 г ставшему министром иностранных дел России: «... с потерей доверия, которые им (либералам — Т.Г.) стоили последние

¹ Архив внешней политики Российской империи (Далее — АВПРИ), ф. 133, оп. 470, 1880 г., д. 106, л. 93/об.

поражения, они должны готовить себя к новой неудаче при каждом шаге, сделанном вперед»¹.

Чтобы избежать полного краха на политической арене страны, либеральным руководством было принято решение о новых парламентских выборах, которые должны были проходить на основе всеобщего избирательного права. Но еще в июне 1885 г. либеральный кабинет, не получивший одобрение в парламенте по второстепенному вопросу, уступил место консерваторам. Е.Е. Стааль сообщал в Россию: «Министерский кризис произошел в тот момент, когда его там меньше всего ожидали... Борьба и неудачи последнего времени износили нить его (правительства — Т.Г.) существования. Сопrotивляясь резким атакам, она внезапно оборвалась почти без видимого давления»².

Положение либералов во время новой предвыборной кампании осенью 1885 г. осложнялось серьезными идейными разногласиями между правым и радикальным крылом в партии. Непосредственным отражением фракционной борьбы явилась публикация «Радикальной программы», написанной видными теоретиками радикализма под общей редакцией Дж. Чемберлена. Документ содержал традиционные радикальные требования, главный акцент в нем делался на разработку «конструктивной социальной политики» и переосмысление в этой связи роли государства³. Но, как отмечал русский журнал «Вестник Европы», Чемберлен не настаивал на скорейшем принятии пунктов программы в течение предстоящего законодательного периода. «Можно быть радикалом по стремлениям и идеалам, оставаясь практическим парламентским дельцом, — писал журнал, — можно признавать необходимость известных социальных реформ и в то же время откладывать их осуществление до более благоприятных обстоятельств»⁴. Дж. Чемберлен и его сторонники рассматривали публикацию «Радикальной программы» как важнейший шаг по завоеванию руководящих позиций в партии и ослаблению вигского крыла. Е.Е. Стааль писал о Чемберлене осенью 1885 г. как о челове-

¹ АВПРИ, ф, 133, оп. 470, 1885 г., д. 66, т. 1, л.92/об.

² Там же, т. 2, л. 269.

³ Более подробно см.: *Howard C.H.D. Joseph Chamberlain and the "Unauthorised Programme" // The English Historical Review. 1950. Vol. 65. Oct. P. 477–491.*

⁴ Вестник Европы. 1885. N 11. С. 427.

ке, «вызывающим тревогу возрастающими разногласиями в своей партии». Российский дипломат высказывал предположение, что Чемберлен, «учитывая его огромный личный опыт», «льстил себя надеждой», что ему «удастся объединить вигов, радикалов, социалистов и повести их к победе»¹.

Парламентские выборы декабря 1885 г. принесли победу либералам. 8 апреля 1886 г. У. Гладстон предложил свой билль о гомруле. Как известно, билль был отвергнут: за принятие гомруля проголосовали 227 либералов и 86 ирландских националистов, против — 250 консерваторов и 93 либерала, получивших название либерал-юнионистов². Результатом этих событий было поражение либералов на досрочных выборах 1886 г. и раскол партии, из которой вышли сторонники Унии 1801 г. — либерал-юнионисты.

Выборы показали, что в большинстве своем англичане были еще не готовы расстаться с имперскими иллюзиями и принять предложенный либералами путь по решению ирландской проблемы, т.е. предоставление автономных прав этой стране. Русский журнал «Вестник Европы» отмечал: «Реформа, не принятая партией самого Гладстона, могла сделаться только личным его девизом, но никак не знаменем партии... Ирландский билль сам по себе не мог увлечь народные массы в Англии: он касался вопросов слишком отдаленных, общественно-государственных, не связанных нисколько с потребностями английского населения...»³. Эти приведенные в краткой форме в публицистике и донесениях российских дипломатов приемы освещения событий политической жизни англичан дают основания для понимания и определения путей формирования представлений об Англии и англичанах как в правящих кругах России, так и в общественной среде.

Российских путешественников, журналистов, деятелей культуры и искусства интересовали самые различные стороны жизни англичан. В воспоминаниях и мемуарах многих русских деятелей литературы и искусства сохранились довольно яркие зарисовки английских городов рубежа XIX–XX в., и в первую очередь, Лондона.

¹ АВПРИ, ф, 133, оп. 470, 1885 г., д. 66, т. 2, л. 464/об.

² Hansard's Parliament Debates. 3 Ser. 1886. Vol. 306. Col. 1240–1245.

³ Вестник Европы. 1886. N 8. С. 877.

Этот город никого из русских не оставлял равнодушным. Многие русские путешественники утверждали, что атмосфера уныния охватывает в Лондоне иностранца с первой минуты. Например, М.Н. Загоскин писал еще в 1839 г., что Лондон — это целый мир, «но только мир самый пасмурный, самый единообразный... Бесконечные улицы, закопченные кирпичные дома, площади правильные, но дурно обстроенные и целые облака угольного дыма, который, как густой туман, лежит на черных кровлях: все это придает городу вид отменно мрачный»¹. Известный русский писатель И.С. Тургенев, не раз бывавший в Англии, отмечал: «Везде воняет каменным углём»². Лондон не вызывал положительных эмоций и у бывшего в 1893 г. на гастролях в Англии П.И. Чайковского, который в письмах в Россию признавал, что не любит Лондон. При этом он отмечал, что «Париж — положительно деревня в сравнении с Лондоном», имея в виду «бешеное движение лондонских улиц»³.

Лондонская архитектура, а также быт англичан подвергались критике со стороны многих русских. Так, Николай Иванович Греч, журналист, филолог, критик, прозаик, переводчик, находил английскую пищу скудной, простой и единообразной⁴.

Однако не все русские путешественники разделяли такие взгляды на английскую столицу. В целом Лондон производил преимущественно положительное, неизгладимое впечатление на русских. Самым известным русским политическим эмигрантом XIX века является А.И. Герцен. Лондонский период его деятельности (1852–1865) оказался наиболее продолжительным и событийно насыщенным. Он хорошо узнал Англию, прожив в ней 13 лет. Англия, «ломающаяся от тучности и избытка сил», переживавшая в середине XIX века расцвет практически во всех сферах жизни, «заслуживает удивления»⁵, — признавал Герцен.

Уже в путеводителе, составленном Н.Майским в 1867 г., отмечалось, что «Пребывание в таком огромном городе, как Лондон,

было бы невыносимо, если бы в нем не было красивых парков»¹. Многие русские восхищались архитектурными памятниками и площадями английской столицы. К их числу можно отнести Вестминстерское аббатство, собор св. Павла, Трафальгарскую площадь и Хрустальный (или в некоторых транскрипциях Кристальный) дворец. Например, Михайлов Михаил Илларионович, русский поэт, переводчик, политический деятель, в 1861 г. посетивший Англию, в своих «Лондонских заметках» назвал Вестминстерское аббатство одним из «прекраснейших произведений готического зодчества, полного гармонии и оригинальности»².

Восхищение у русских вызывал и Хрустальный дворец. Русских туристов это заведение завораживало. А.Н. Островский в своем дневнике пишет: «...громада дворца превосходит все ожидания»³. А Ф.М. Достоевский стремиться дать описание не столько внешнего вида дворца, сколько тех чувств и мыслей, которое этот вид рождает: «Да, выставка поразительна. Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тут всех этих бесчисленных людей, пришедших со всего мира, в едино стадо; ... вы чувствуете, что тут что-то уже достигнуто, что тут победа, торжество»⁴.

Лондон начала XX в. также восхищал русских путешественников.

Так, Ф.И. Шаляпин, известный русский певец, посетивший в начале века Англию, в своих письмах из Лондона к родным отмечал, что «узнать его (Лондон — Т.Г.), осмотреть его богатства можно, приблизительно, года в три, не меньше. Особенно поразил меня Британский музей, этот грандиозный храм, где собраны изумительные образцы мировой культуры. И вообще весь Лондон от «доков» до Вестминстерского аббатства вызвал у меня подавляющее впечатление своей грандиозностью, солидной и спокойной уверенностью его людей в их силе, их значении»⁵.

¹ Майский Н. Путеводитель за границу. СПб., 1867; Западная Европа. Спутник туриста / Под ред. А. И. Филиппова. М., 1905. С. 392

² Михайлов М.И. Лондонские заметки // Современник. 1859. № 6–9. С. 397.

³ Островский А. Н. Дневник заграничной поездки // Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1980. Т. 12. С. 518.

⁴ Достоевский Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Искания и размышления. М., 1983. С. 174.

⁵ Шаляпин Ф.И. Литературное наследство. Письма. Т.1. М., 1957. С. 209.

¹ Загоскин М.Н. Тоска по родине. М., 1839. Ч. 2. С. 23.

² Тургенев И. С. Письма: В 18 т. Т. 10. С. 261.

³ Чайковский П.И. Полн. собр. соч. Т. 17. М., 1981. С. 102.

⁴ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. СПб., 1839. С. 45.

⁵ «Колокол». Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарёва. Лондон – Женева. 1857–1867. М., 1962. Вып. 2. С. 259.

Русских писатель М. Горький в своих заметках о посещении Англии писал о ее столице, что этот «могучий, каменный, суровый город богато одет в пышно зеленый плащ садов и парков, он роскошно украшен драгоценными произведениями старого, безумно смелого искусства». По его мнению, «жемчужиной города, драгоценностью, которой нет цены, лучшим украшением Англии ... явился Британский музей — панорама жизни всех народов земли, умное и великое создание сильных и длинных рук английского народа»¹.

Русских современников привлекало в Лондоне все. Их восхищало его величие, грандиозность, сила, наличие многочисленных памятников культуры, что влекло, по их мнению, за собой наличие большого количества образованных, культурных людей в Лондоне. М. Горький по этому поводу отмечал: «... как много в Лондоне ума...»². Приехавшие в Англию из России путешественники писала об особенностях английского климата. В частности, русские публицисты сетовали, что «Лондон по положению своему очень нездоровый город: дожди, туманы ... и губительные восточные ветры, приносящие с собой бронхиты и простуды, известны были еще со времен Тацита»³. Островное положение Англии и особенности ее климата, по мнению советского историка Н.А. Ерофеева, породили такие черты англичан, как неразговорчивость, серьезность, холодность, сдержанность, которые вызвали особую английскую болезнь — «сплин», или тяжелую меланхолию⁴.

Английские города поражали русских корреспондентов не столько своей красотой, сколько уютом и комфортом. Впрочем, и слово «комфорт», пришедшее в Россию из Англии, долгое время ассоциировалось только именно с этой страной. На улицах английских городов русских современников привлекала «уютность старинных елизаветинских домов с острыми, высокими крышами и выступающими вперед верхними этажами»⁵. И.В. Шкловский, русский журналист и публицист, долгое время проработавший в Лондоне собствен-

¹ «Я берег покинул туманный Альбиона...». Русские писатели об Англии. 1646–1945. М., 2001. С. 223–224.

² Там же. С. 224.

³ Русское богатство. 1907. № 2. С. 3.

⁴ Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825–1853. М., 1983. С. 179–181.

⁵ Русское богатство. 1906. № 7. С. 67.

ным корреспондентом журнала «Русское богатство» и писавший под псевдонимом Дионео, в своих очерках «Из Англии» в конце XIX в. писал, что англичане очень высоко ценят уют и удобство, поэтому «совершенно не понимают запертых, холодных и скучных парадных зал; ... старинная мебель поставлена в доме англичанина не для того, чтобы нагонять тоску свою чопорностью, а чтобы удобнее располагаться возле пылающего камина»¹.

В центре внимания русских современников был англичанин, типичный представитель средних классов английского общества. В определенной степени это собирательный образ. К представителям этого класса относили все категории населения, занятые предпринимательской деятельностью, а также лиц, имевших доходные профессии юриста, врача, ученого, преподавателя, художника, писателя и т. д.²

Во время одной из поездок по Англии в 1900 г. попутчиком Дионео в дилижансе оказался представитель среднего класса. Русский журналист так описал его: «Англичанин рядом со мной был так же на диво выбрит и так же одет, как будто бы собирался в свой «office». Лишь клетчатая шапочка, которой он заменил в дилижансе цилиндр, свидетельствовала о дорожной вольности. У англичанина было все «stilish»³. Но представитель среднего класса выделялся среди других англичан не только своим внешним видом. Главным его отличием было то, что «он был хорошо образован, отлично разбирался во всех явлениях жизни, и относился к ним достаточно критически»⁴. Русские публицисты отмечали, что представителям средних классов английского общества были присущи и такие качества, как инициатива, бережливость, набожность, от которых напрямую зависело процветание всей английской нации.

Русские современники выделяли и еще одну группу англичан, которая, по их мнению, характеризовала английское общество на рубеже XIX–XX вв. — так называемые «культурные дикари», которые на страницах журналов упоминались как «культурные хулиганы» и как «дикари в цилиндрах». В этот класс

¹ Там же. 1907. № 3. С. 12

² Узнардов И. М. Викторианская эпоха / Викторианцы: столпы британской политики XIX века. Ростов-на-Д., 1996. С. 8

³ Русское богатство. 1900. № 7. С. 69

⁴ Там же. С. 71

«входил и мелкий клерк, и фабрикант»¹. «Культурные дикари» не обладали критическим самосознанием, поэтому «переняли от культуры все внешнее, все практическое, что может быть немедленно применено к делу, а в умственном развитии это были настоящие дикари», — писал в «Русском богатстве» Дионео². Главным представителем и даже лидером этого класса русские публицисты считали Джозефа Чемберлена — человека, обладавшего всеми вышеперечисленными чертами.

Одной из характерных черт британца, на которую обращали внимание современники, была «гордость». Истоки гордости англичан русские видели в чрезвычайно высокоразвитом чувстве патриотизма. В журнале «Вестник Европы» по этому поводу можно найти следующие строки: «Патриотизм для англичанина есть природный национальный инстинкт, а не навязанная извне формула, поэтому их патриотические чувства не разделяют, а объединяют нацию»³.

Патриотизм, присущий, таким образом, всему английскому народу, особенно ярко проявлялся в сложные моменты для Англии, и, следовательно, вышел на первый план в годы англо-бурской войны. Одним из мотивов, позволяющим англичанам гордиться своей страной, являлось ее могущество и престиж в мире, поэтому неудивительно, что англичане были «озлоблены против буров, которых они считали виновниками всех своих невзгод, и требовали беспощадного подавления южно-африканских врагов, нанесших столько тяжелых ударов по авторитету и престижу британской империи»⁴. Как отмечали корреспонденты «Вестника Европы», с победой английского оружия в Южной Африке в феврале-марте 1900 г. «англичане избавились, наконец, от кошмара, угнетавшего их патриотическое чувство, и снова почувствовали себя «гордыми британцами», так как исчезла великая опасность для английского могущества и престижа»⁵.

По мнению русских, патриотизм англичан проявлялся и в бережном отношении их к своей стране, в глубочайшем уважении к своему прошлому. Для британцев характерно было то, что они

¹ Русский вестник. 1900. № 5, с. 71; № 11, с. 85

² Русское богатство. 1900. № 7. С. 73

³ Вестник Европы. 1900. № 6. С. 793

⁴ Там же. 1902. № 1. С. 381

⁵ Там же. 1900. № 4. С. 810

являлись большими приверженцами своих исторических традиций (участие в театрализованных представлениях о рыцарских турнирах, приверженность к конституционной монархии, консерватизм и отсутствие серьезных радикальных настроений и идей).

Необходимо добавить, что для английской гордости, кроме чувства патриотизма, существовали и другие мотивы, в том числе политические. Так, на страницах русских периодических изданий 1900–1907 гг. не раз упоминалось о гордости британцев своей свободой. Вообще, русские публицисты заявляли, что Англия представляет собой великолепный пример демократического государства, в котором человек ощущает себя в полной мере свободно. Восторженное восприятие корреспондентами русских журналов проявлений демократии на берегах Темзы исходило из отчаяния, вызванного совершенно противоположными картинами российской действительности.

Надо сказать, что проявления демократических основ английского общества, с точки зрения русских наблюдателей, можно было заметить просто выйдя на улицы английских городов. Первое, что бросалось в глаза человеку, приехавшему в Англию из России, было не только «степенное, подтянутое поведение англичан на улицах»¹, но и незначительное количество людей в мундирах, или, как их называл Дионео, «мундирных людей». Корреспондент «Русского богатства» писал по этому поводу: «Это отсутствие насилия в ливреях и вооруженных людей как-то особенно говорит о гражданской свободе»². Незначительное число полицейских и военных на английских улицах отмечал и М. Горький. «Почти не встретишь солдат, — писал он в 1907 г., — это хорошо, милая, старая Англия!»³.

На наш взгляд, англичан вообще отличало в высшей степени своеобразное отношение к армии и к военной службе. Будучи островным государством, на протяжении веков Англия имела небольшую слабую армию, которая не играла никакого стратегического значения для обороны страны по сравнению с флотом. Слабость армии вызывала среди англичан непопулярность к военной службе. Английский историк Дж. Тревелиян справедливо

¹ Русский вестник. 1905. № 4. С. 50

² Русское богатство. 1906. № 7. С. 67

³ «Я берег покинул ...». С. 325.

отмечал, что «служба в армии рассматривалась англичанами как позорное занятие»¹.

Русские корреспонденты стремились разъяснить своим читателям отношения англичан к службе в армии. Так С.И. Раппопорт в «Очеркам из жизни лондонского юношества» сообщал, что с конца XIX века в Англии стали создаваться «милитарные бригады мальчиков» (boys' brigades), в которых вводилась военная форма, военные приемы и военные упражнения. Все эти внешние военные элементы были лишь одним из методов воспитания «легкомысленных подростков», и поэтому бригады имели второе название — «дисциплинарные». Они не ставили перед собой задачу превращения в военизированные части. Но сам С.И. Раппопорт стал свидетелем того, как многие родители не позволяли своим сыновьям присоединиться к бригаде. «Многие из них боятся, что занятия в бригаде разовьют в их детях охоту к военной службе, куда поступают лишь лентяи и на серьезное дело и труд не способные»², — пояснял публицист «Вестника Европы».

Но между тем в конце XIX — начале XX веков в Англии, как ни в одной другой стране мира, воспевались деяния военных. По этому поводу в 1900 году Дионео писал: «... английская армия имеет теперь своих Гомеров: поэта Киплинга»³. Следует заметить, что восхваление английской армии в это время основывалось на всплеске джингоизма и подъеме антибурских настроений, вызванных англо-бурской войной. Англичане с огромным вниманием следили за действиями своих войск против южноафриканских буров и с нетерпением ждали хороших известий, а, получая их, начинали вести себя совершенно нехарактерно: «Серьезнейшие джентльмены, старые и молодые, прыгали и танцевали на улицах, забывая всякие приличия»⁴, — писал «Вестник Европы». По сообщениям русских корреспондентов, такую реакцию восторга вызвало сообщение о победе английской армии в Претории в мае 1900 года.

Наряду с гордостью неизменными чертами типичного англичанина издавна считались холодность, сдержанность в проявлении своих чувств, молчаливость. Современники связывали эти качества

с глубокомыслием, выдержкой, терпеливостью, целенаправленностью и постоянством. Терпеливость и выдержку проявили, например, жители одного из округов Лондона, ожидая результатов выборов в парламент в 1900 году: «Бьет девять, десять, одиннадцать часов. Толпа перед ратушей ждет терпеливо и чинно, как настоящие англичане»¹, — описывалось в «Русском богатстве» в 1900 г.

Но назвать англичан равнодушными русские современники не могли. Перед высоким искусством англичане были также искренне в выражении своих чувств, как и представители других европейских народов. Так, Ф. Шаляпин вспоминал реакцию англичан на одно из своих выступлений: «... Выражая свои восторги, англичане вели себя столь же экспансивно, как и итальянцы, — так же перевешивались через барьеры лож, так же громко кричали, и так же восторженно блестя их зоркие, умные глаза...». «Вот тебе и хладнокровные британцы», — думал я, с восторгом глядя на взволнованную публику»².

Говоря о нравственности английского народа, русские современники отмечали честность и религиозную терпимость англичан. «Англичане вообще не лгут и привыкли верить людям на слово», — писал Дионео в «Русском богатстве» за 1905 год³. Н.А. Ерофеев отмечал, что подобное мнение у русских об англичанах возникло еще в конце XVIII — начале XIX веков на основе характера англо-русской торговли⁴. Историк обращал внимание на такие черты характера англичан, как точность и аккуратность, которые характеризовали деловую жизнь Англии, где значительное число сделок заключалось на слово, нарушение которого было равносильно потере репутации и чревато разорением. При сравнении с нравами тогдашнего русского купечества это производило сильное впечатление.

Что же касается религиозности жителей Англии, то известный русский публицист С.И. Раппопорт отмечал в одной из своих статей в 1904 г., что лондонец «в среднем человек религиозный и даже глубоко религиозный»⁵. Автор считал, что наибольшую рели-

¹ Тревелиян Дж. Социальная история Англии. М., 1959. С. 580

² Вестник Европы. 1906. № 2. С. 549

³ Русское богатство. 1900. № 9. С. 102..

⁴ Вестник Европы. 1900. № 6. С. 792

¹ Русское богатство. 1900. № 10. С. 127

² Шаляпин Ф.И. Указ. соч. С. 210.

³ Русское богатство. 1905. № 8. С. 167

⁴ Ерофеев Н.А. Туманный Альбион... С. 216

⁵ Вестник Европы. 1904. № 11. С. 37

гиозность среди англичан проявляют богатые и аристократические слои общества, принадлежащие к англиканскому вероисповеданию, и представители среднего класса, принадлежащие к нонконформистам. Менее религиозные в Англии — рабочие, которые «в церковь вовсе не ходят или ходят мало»¹. В целом С.И. Раппопорт очень высоко отзывался о религиозной терпимости англичан, считал её одним из качеств, присущих только джентльменам.

Впрочем, английская действительность была достаточно сложной, и в русской печати приводилось немало фактов, противоречивших представлениям о высоких моральных качествах англичан. Ф. Шаляпин вспоминал о своем пребывании в Лондон: «Ночами, когда город оголяется, зажиточный люд прячется в домах, — лондонские улицы, как улицы всех городов мира, показывают человеке горе и нищету».² Многие русские наблюдатели признавали, что в Англии достаточно жуликов и хулиганов, всегда готовых обмануть неопытного и доверчивого человека³. Факты реальной жизни не подтверждали и мнения о высокой нравственности английского народа. Дионео отмечал, что «в последнее время в Англии наблюдается рост проституции»⁴. М. Горький с сожалением писал, что его «тяжело поразила юность проституток, гуляющих по Пикадилли»⁵. Эти явления английской действительности русские наблюдатели не обходили стороной.

Русские современники отмечали особое отношение англичан к иностранцам. В воспоминаниях Ф. Шаляпина нашел отражение один из типичных примеров восприятия русскими англичан: «... мне со всех сторон говорили, что англичане надменные, ничем не интересуются, кроме самих себя, и смотрят на русских, как на варваров»⁶. На особое отношение англичан к иностранцам, и к русским в том числе, отмечали и другие представители российских творческой интеллигенции. К этому особому отношению примешивалась и значительная толика снобизма. Так, Тамара Карсавина, известная русская балерина, гастролировавшая в Англии в нача-

¹ Там же. С. 36–70

² Шаляпин Ф. Указ. соч. С. 216.

³ Русское богатство. 1900. № 11. С. 83

⁴ Там же. 1906. № 12. С. 7

⁵ «Я берег покинул...». С. 325.

⁶ Шаляпин Ф.И. Указ. соч. С. 209.

ле XX в., оставила очень интересное замечание об этой стране: «...Удочерившая меня страна, ты великодушна и бесконечно терпима к иностранцам, но в глубине души всегда немного удивляешься, когда видишь, что инопленник пользуется ножом и вилкой точно так же, как ты. Ты с готовностью прощаешь необъяснимые странности чужеземцев, даже их опоздание к обеду, но ты никогда не примешь чужеземца всерьез до тех пор, пока какой-нибудь засуживающий доверия поручитель не представил его тебе. Если же представление сделано должным образом, вы не найдете более верной в своих привязанностях страны, чем Англия»¹.

Русские публицисты считали, что англичане не то чтобы боялись иностранцев — скорее не проявляли к ним большого интереса. Частично они объясняли это тем, что веками англичан тревожил призрак заморской угрозы. При королеве Виктории, когда Британия, как обладательница крупнейшей колониальной империи, не знала себе равных, он несколько отошел на второй план. Смотря на мир с высоты имперского величия, англичане с легкостью убеждали себя, что на свете нет и не может быть народа, похожего на них.

Анализ русских периодических изданий второй половины XIX — начала XX века показал, что наряду с положительным образом англичан и Англии в целом, в это время в русском обществе активно развивалось и другое мнение, сформировавшееся еще в XVIII веке, которое можно выразить в двух словах — «коварный Альбион». Эта точка зрения особенно активно пропагандировалась корреспондентами таких столичных газет, как «Новое время» и «Свет». На страницах этих изданий Англия представлялась как страна, которая в погоне за экономическими и политическими выгодами игнорировала все принципы, не гнушалась ничем.

Некоторые черты характера англичан вызывали критику у русских современников. Например, практицизм, который рассматривался современниками как наиболее отличительная черта английского характера. Долгое время его оценивали положительно, ведь именно «практический дух» явился главной причиной всех успехов Англии в торговле, промышленности и мореплавании, т. е. был источником богатства и процветания страны. Но уже в конце XIX века русские стали отмечать, что это качество порождало и некоторые отрицательные стороны английского характера — ко-

¹ Карсавина Т. Театральная улица. Воспоминания. М., 2004. С. 246.

рыстолюбие, скупость; постоянная погоня за наживой определяла пренебрежительное отношение англичан к искусству и обедняла жизнь. На первый план русскими современниками выдвигается тезис о «бесцеремонном эгоизме англичан»¹. На страницах «Русского богатства», «Русского вестника» этот упрек повторялся все чаще, становился в глазах критиков главной чертой английского национального характера. Автор одной из заметок в «Русском вестнике», описывая визит в лондонское Сити — деловой центр города, заявлял: «Грустное чувство выносишь на сердце, проведя несколько часов в Сити. Грустно делается за человека, когда помотришь на это циничное преследование одной цели — достать, добыть, нажить деньги»². Дионео приводил такой пример чрезмерной практичности англичан: «Во время выборов 1900 года в парламент один из местных цирюльников вывесил в окне самодельный плакат: «За бритье с радикалов — 2 пенса, с консерваторов — 3 пенса»³.

В заключении можно сказать, что образ Великобритании и англичан в восприятии русских современников и на страницах русской публицистики — это отражение уже сложившегося во многом стереотипов этого островного государства и его жителей в русском обществе. Но русские современники, посетившие Англию в рассматриваемый период, в свою очередь, способствовали обогащению этого образа новыми чертами и характеристиками.

¹ Русский вестник. 1903. № 1. С. 60

² Там же. № 3. С. 57

³ Русское богатство. 1900. № 10. С. 126

Глава 20

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА РУБЕЖЕ XIX — XX ВЕКОВ В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

Науменкова Е.О.

Во второй половине XIX века изменяется роль прессы. Журналы из литературно-критических превращаются в литературно-общественные. Пресса начинает активно откликаться на многие острые проблемы общества. Одной из них было включение в общественную жизнь представительниц прекрасного пола. Женщины начинают играть все более активную роль в общественной жизни. Соответственно и отечественная пресса не могла остаться в стороне. В журналах печатались очерки, посвященные женскому образованию, профессиональному труду, семейным отношениям. В рамках имагологического исследования представляется интересным рассмотреть вопрос о женском движении в Англии глазами русских во второй половине XIX — начале XX веков.

Следует отметить, что журналы различались по своей идеологической направленности, что накладывало отпечаток, как на тематику, так и на стиль изложения. Консервативная пресса не удостоивала вниманием женское движение. Что касается либеральной прессы, то часть изданий сочувствовало суфражисткам, но были и корреспонденты, которые использовали игриво-насмешливый тон по отношению к сторонницам равноправия, называя их выступления «детскими проказами» и «дамским боксом». Социал-демократические издания основное внимание уделяли социально-экономическим аспектам женского движения.

Итак, к какому же времени относится зарождение женского движения в Великобритании? Марксистский журнал «Мир

Божий» относит первые ростки пробуждения женского самосознания в Британии еще ко времени Английской революции XVII в., когда женщины стали требовать права на участие в управлении государством. В 1643 г. англичанками была подана петиция в так называемый «долгий парламент», в которой они требовали восстановления мира ввиду экономического разорения страны. Журнал неоднократно обращал внимание читателей на тот факт, что суфражизм яснее всего проявлялся во время общественных движений или революций¹.

Однако большинство массовых изданий полагало, что зарождение женского движения относится к XIX в. и это связано, прежде всего, с изменившимися социально-экономическими условиями — развитием промышленности, разделением труда. «Кухня, прялка и ткацкий станок перестали быть исключительной собственностью каждой семьи, и дочери не находили себе занятия в маленьком промышленном хозяйстве семьи»². По статистическим данным три миллиона одиноких женщин и 100 000 замужних собственным трудом зарабатывали себе на жизнь, а более 20 000 женщин были арендаторами³. Женщины платили налоги и имели, по мнению журналистов, полное право участвовать в выборах. Таким образом, женское движение не было искусственным явлением, а представляло собой «продукт общественного развития», включает один из журналов⁴.

Важное влияние оказывало и развитие образования. Растущая потребность в расширении сферы женских занятий привела к необходимости технического и высшего образования для женщин. Так англичанки добились права учиться в университетах, получать ученые степени. А по мере того, как улучшилось образование, расширялся кругозор женщин. Прекрасный пол стал более активно участвовать в общественной жизни и вскоре женщины начали уделять внимание защите своих политических и гражданских прав⁵.

Другую причину зарождения женского движения отечественная пресса видит в самом развитии Британии, которая уже с

¹ Мир Божий. 1896. № 5. С. 39.

² Мир Божий. 1896. № 5. С. 39.

³ Женское дело. 1900. № 2. С. 38.

⁴ Мир Божий. 1896. № 5. С. 39.

⁵ Отечественные записки. 1870. № 4. С. 239; Женское дело. 1899. № 3. С. 43.

XIII в. имела демократическое правительство — двухпалатный парламент. Поэтому «для англичанина, который, в качестве свободного гражданина, из поколения в поколение привык участвовать в законодательстве страны, было логической необходимостью признать и за женщиной гражданские права»¹. Регулярно освещая успехи женского движения за границей, журналы не раз весьма тонко намекали на застой и отсутствия должного развития женского вопроса в России.

Большинство изданий сходилось во мнении, что к началу XX в. женщины уже добились значительных успехов. В Англии, так же, как и в Соединенных Штатах Америки, «слабый» пол пользовался почти полным равноправием в общественной жизни. «Англичане преследуют политику открытых дверей не только в области промышленных и международных отношений, но и у себя дома, допуская женщину, как конкурента, ко всем областям экономической жизни». В то время, как в других странах, женщина наталкивалась на всевозможные препятствия, в Англии она встречала почти везде «открытые двери», утверждал «Мир Божий»².

К началу XX в. женщины получили право избирать и занимать должности в попечительных, муниципальных, приходских, школьных графствах и пользовались правом выбора в советы графств. Становились санитарными и фабричными инспектрисами, что благоприятно сказывалось на положении женщин — фабричных работниц. Женщины-врачи к началу XX в. пользовались не меньшим доверием, чем мужчины, получали одинаковое с ними вознаграждение и не уступали в количестве своих пациентов³. Таким образом, за исключением юридической и духовной сферы, англичанкам были доступны все профессии. Поскольку они уже обладали почти полным равноправием с мужчинами, то получение избирательных прав, по мнению прессы, не было вопросом чрезвычайной важности.

Известный либеральный журнал «Вестник Европы» искренне недоумевал относительно неравномерности распределения интереса британского парламента к реформам. «В то время, как вопросы первостепенной необходимости откладываются в дальний ящик, вопрос о предоставлении женщинам права голоса, напротив,

¹ Мир Божий. 1896. № 5. С. 52–53.

² Мир Божий. 1896. № 5. С. 52–53.

³ Русское богатство. 1894. № 5. С. 152.

вызывает жаркие споры. Этот смелый проект лишь отнимает время у парламента без всякой на то надобности»¹. Признавая необходимость политического равноправия, журналы, однако, считали данную меру чересчур преждевременной. Вначале необходимо улучшить социально-экономические условия работниц, а затем уже решать вопрос о расширении электората.

Анализируя социальный состав женского движения, пресса единодушно признавала его буржуазный характер. Именно представительницы высших и средних классов стали поднимать вопросы политического равноправия с мужчинами. Поэтому женское движение часто называли «дамским» или «буржуйским». В то же время требования женщинами политического равноправия практически не встречали поддержки со стороны мужчин того же класса. Буржуазная мораль находила, что «задача женщин не в общественных собраниях и связанных с ними функциях, а в первоначальном воспитании детей». Женщина принадлежит семье и дому. «Она настолько неразвита, что способна внести лишь начала смуты в политическую организацию новейших обществ» — с грустью подытожил один из журналов².

Что касается женщин — работниц, то они не были охвачены феминистским движением. «Русское богатство» обращало внимание читателей на то, что только в Ланкашире на ткацких фабриках была сильная организация суфражисток. Это связывалось с тем, что последние выступали за предоставление избирательных прав лишь представительницам обеспеченных сословий, уплачивающих налоги наравне с мужчинами. Таким образом, простые работницы все равно оказывались «за бортом» политического равноправия.

Народнические и марксистские издания высказывали опасение, что включение в электорат лишь представительниц среднего и высшего классов даст возможность обеспеченным слоям иметь в своем распоряжении еще больше голосов, поскольку женщины будут голосовать под влиянием мужчин. В то же время в избирательный список не войдут миллионы замужних женщин, «тянущих лямку на фабриках или в берлогах «выжимальщиков пота». Журнал «Русское богатство» приводил в пример гипотетического мистера Смита, имеющего четырех дочерей старше 21 года. Отец мог бы за несколько месяцев до выборов нанять в деревне на имя

¹ Вестник Европы. 1884. № 8. С. 803.

² Мир Божий. 1905. № 1. С. 249.

каждой дочери коттедж. Таким образом, в его распоряжении во время выборов будет 5 голосов, тогда как у его соседа Джонса, тоже имеющего четырех дочерей, которым он не сможет нанять отдельных помещений, будет только один голос¹.

Отводя ведущую роль в женском движении представительницам средних и высших классов, марксистское издание «Мир Божий» не сомневался, что так называемый буржуазный элемент оказывал лишь негативное и вредное воздействие на развитие женского движения, поскольку выступал за расширение избирательных прав, а не за социально-экономические права работниц².

Подтверждение сказанному читатель находит на страницах мартовского номера за 1903 г., где справедливое негодование журнала вызывает оппозиция части суфражисток (преимущественно принадлежащих к среднему классу и буржуа) законодательству, регламентирующему ограничение женского и детского труда. Журнал приводит слова одной из феминисток: «Это законодательство, везде было вотировано парламентами, то есть собраниями, состоящими исключительно из мужчин. Мнения наиболее заинтересованных в этом деле лиц, то есть работниц, не спрашивали, и когда эти законы обсуждались в парламенте, то буржуазия выказывала к ним всякое отсутствие интереса. Теперь, однако, времена изменились; в программах всех феминистских собраний современной буржуазии вопрос о покровительстве женскому труду поставлен на очередь и уже вызвал раскол среди феминистов, разделившихся на две группы, «за» и «против» регламентации женского труда»³.

Суфражистки разделились самым решительным образом. Представительницы от работниц, фабричные инспектрисы, требовали распространения и строжайшего применения законов о фабричном труде. Противницами законодательства выступили представительницы буржуазии, совершенно не понимающие всей важности и необходимости данного законодательства, не знающие условий, в которых приходилось трудиться простым работницам.

Представительницы обеспеченных слоев называли применение законов «бесполезным и вредным» для работающих женщин.

¹ Русское богатство. 1909. № 1. С. 51.

² Мир Божий. 1896. № 5. С. 54.

³ Мир Божий. 1903. № 3. С. 57.

«Всякий закон, нарушающий свободу, умаляет человеческую индивидуальность. Нельзя приравнять женщину к ребенку, так как она знает, что делает. Ограничительные законы лишают ее работы, которая ей так нужна, так как хозяйева, в виду разных неудобств, которые представляет женский труд, сокращение рабочих дней, запрещение ночной работы и частые посещения инспекторов, стараются повсюду заменить его мужским трудом. Следовательно, если женщины нуждаются в особом покровительстве, то это покровительство должно быть создано ими самими и вызвано организацией женских синдикатов, а не законодательством. Законы же должны быть одинаковы, как для мужчин, так и для женщин». На это журнал справедливо отвечает, что синдикаты находятся в зачаточном состоянии и главным препятствием на пути их образования является недостаток денежных средств. Поэтому «Мир Божий» выступил на стороне правительств, ограничивающих женский и детский труд и против суфражисток, отвергающих регламентацию труда. Заметка завершается следующими словами известного французского проповедника Жана-Батиста Анри Лакордера: «В отношениях, существующих между сильным и слабым, богатым и бедным, свобода угнетает, а закон освобождает»¹.

Значительное место отечественная пресса отводила тактике, методам борьбы суфражисток, а также ответным мерам правительства. Суфражистки печатали брошюры, проводили лекции, митинги, демонстрации, пытались повлиять на общественное мнение и способствовать распространению знаний о положении и правах женщин. Представляет интерес чисто английский способ борьбы женщин за политическое равноправие — это отказ платить налоги. Уплата налогов в Англии неразрывно связана с правом представительства: кто вносит прямые налоги, тот и пользуется избирательными правами. Так как у женщин нет избирательных прав, то и платить налоги они не должны. Каждый случай отказа приводил к аресту движимого имущества, соответствующего сумме требуемого взноса. Хозяйка обычно доводила дело до принудительной продажи арестованных вещей, чтобы факт сохранял за собой характер насилия. Церемония ареста и продажи проходила обычно в присутствии значительного числа лиц, особенно дам, собираемых заранее для участия в демонстрации. К примеру, некая мисс Милнер каждый год торжественно отказывала сборщикам в

¹ Мир Божий. 1903. № 3. С. 58.

платеже, после чего столь же торжественно арестовывалась и выносилась из дома какая-либо мебель. По мнению издания, дамы, не уплачивающие налоги, приобретали известность, становились популярными и находили подражательниц¹.

Журналы искренне восхищались мужеством суфражисток, отмечали их беззаветную преданность идее, неутомимую энергию и упорство в достижении поставленных целей. Уместно процитировать «Вестник Европы»: «Неудачи и превратности судьбы их не пугают, заставляя лишь удваивать энергию и закаляться в борьбе». «Армия суфражисток ведет кампанию с энергией и отвагой, которой могла бы позавидовать любая европейская армия»².

Журнал «Женское дело» приводит в пример, так называемую «осаду Вестминстера» в июле 1910 г. «Шли проливные дожди — почти непрерывно, бывали грозы, но никакие элементы природы не могли смутить стоявших на часах делегатов: неподвижные фигуры их выделялись на темном фоне Вестминстерской ограды, как безмолвный живой протест. Проходили мимо толпы любопытных, в том числе и члены парламента. Многие бесцеремонно оглядывали делегатов с ног до головы, некоторые иронично указывали на них жестом; третьи смеялись им в лицо. А один особенно желчный депутат, подъехав к парламента и предварительно выругавшись по адресу своего извозчика, закричал полиции, указывая на делегатов: «да когда же вы, наконец, всех запрете?» Делегатки отвечали на эти выходки снисходительной улыбкой или полным равнодушием»³. Действительно, подобное мужество не могло оставить равнодушным. Журналы подчеркивали, что неудачи не охлаждали энтузиазма и энергии суфражисток. «Прекрасный пол готов сражаться до тех пор, пока женщинам не предоставят политических прав на тех же основаниях, какие установлены для мужчин»⁴.

Однако не всегда действия суфражисток носили мирный характер. Левое крыло феминисток, состоящее из Женского социально-политического союза и Женской лиги свободы, отличалось скандальным поведением участниц. Суфражистки открыто нарушали закон: срывали правительственные митинги, устраивали

¹ Вестник Европы. 1884. С. 803.

² Вестник Европы. 1909. № 8. С. 817.

³ Женское дело. 1910. № 8. С. 4.

⁴ Женское дело. 1910. № 7. С. 6.

уличные демонстрации, совершенно не считаясь с установленными правилами, поджигали нежилые здания, почтовые ящики, били стекла в домах министров. Настойчиво, целыми толпами требовали аудиенции у министров и не желали расхотеться после отказа в приеме. А бывало молотками выбивали окна в дорогих магазинах. Доходило до того, что по пути следования суфражисток приказчики спешно заколачивали досками окна всех магазинов. Некоторые дамы, не желая быть арестованными, прикрепляли себя цепями к деревьям. Тогда толпа антисуфражистов с корнями вырывало деревья и вместе с суфражистками тащило его в ближайший полицейский участок¹. Всякое нарушение закона сопровождалось арестами, а затем и тюремным заключением.

Не понимали издания и стремление суфражисток ворваться в парламент и прокричать: «Право избирательного голоса женщинам». «Вопрос зачем, очевидно не приходит им в голову», заключает «Русское богатство». Журналы дают подробное описание этого процесса. Примерно с десятков суфражисток подъезжали или подходили к дверям для зрителей. Затем происходило нечто, напоминающее, по словам корреспондента, детскую игру в «гуси-лебеди домой», причем роль волка выпадала на полисмена. Милитантки подбирали юбки, стремительно вбежали в переднюю парламента. Иных бобби хватили тут же на пороге и выносили на тротуар. Другие успевали вскочить на бархатные скамьи, стоящие у стен, и крикнуть оттуда: «Votes for Women!». Тут же подоспевали бобби, хватили хулиганок в охапку и выносили на улицу, где отпускали с миром. Скоро, однако, полисмены у парламента стали узнавать всех милитанток в лицо. Вбежать даже в переднюю стало трудным делом. Тогда суфражистки придумали военные хитрости, внушенные чтением про троянского коня. К дверям парламента подъезжал громадный крытый фургон, в котором обычно перевозили мебель. Двери фургона раскрывались, из него выскакивали восемь — десять суфражисток и стремительно мчались вперед. Бобби ловил их в передней. Суфражистки вступали в неравный бой с полисменами, пытавшимися вынести их².

Подобные акции приводили к судебным процессам. Однако суфражистки намеренно отказывались уплачивать штрафы и предпочитали арест, тем самым создавая себе рекламу и пропаган-

¹ Русское слово. 1912. Февр. 19.

² Русское богатство. 1909. С. 50.

дируя движение. «Русское богатство» подчеркивало, что суммы штрафов были довольно незначительными, а участницы принадлежали к обеспеченным слоям¹.

Российские издания по-разному оценивали вышеописанную тактику суфражисток. К примеру, феминистский журнал «Союз женщин» полагал, что скандальный характер поведения придавал женскому движению необычайную силу и привлекал общественное внимание. «Началось с высмеивания. Движение приобрело интерес скандала. Газеты на все лады смаковали скандальные стороны его, выискивая или сочиняя пикантные подробности различных эпизодов. При дальнейшем развитии женского движения негодование сменялось в свою очередь все более и более широким признанием»².

Автор публикаций «Союза женщин» Л. Руцкен выступала полностью на стороне суфражисток, пытаясь обосновать необходимость использования жестких мер. Женщины имеют полное право использовать неконституционные методы борьбы, так как не обладают избирательными правами, то есть фактически находятся вне закона. «Женщины в течение предыдущих 60 лет пытались добиться избирательных прав лишь конституционными средствами и уже успели истощить весь их запас». В подтверждении автор статьи приводит высказывание одной из суфражисток: «Поистине, наше терпение превзошло уже терпение Иова. Петициями женщин можно было бы густым слоем устлать весь пол палаты»³.

Однако большинство изданий придерживалось иной точки зрения. Журналы не признавали вызывающие и воинствующие акции суфражисток. Характерен следующий момент. В женском журнале «Женское дело» была опубликована статья Н. Миревич, оправдывающая самые дерзкие акции суфражисток, в том числе поджоги домов и церквей, срывы парламентских заседаний, нападения на министров. Автор в резком тоне осудила ответные меры правительства. Журнал поспешил прокомментировать, что статья отражает лишь мнение самого автора: «тон изложения статьи окрашен личными впечатлениями». Соглашаясь, что статья представляет несомненный интерес, журнал предостерегает читателей

¹ Русское богатство. 1909. С. 50.

² Союз женщин. 1909. № 5–6. С. 34.

³ Союз женщин. 1908. № 3. С. 18.

от ошибки «мерить на русский аршин события английской жизни». Издание не одобряет крайних мер и считает совершенно недопустимым проведение подобных акций в Российской империи¹.

Примечателен и такой случай, когда суфражистка разрубилась топором ценную картину «Оргия», хранящуюся в музее в Глазго. Журнал назвал этот поступок проявлением вандализма, поскольку «порча художественных ценностей не может быть связана с борьбой за избирательные права». С явным сочувствием «Женское дело» описывает, как сын премьер-министра Асквита появляется на улицах лишь в сопровождении охраны, так как суфражистки готовили план его похищения². Праведный гнев вызывает у издания нападение милитанток на министров. Журналы с нескрываемым негодованием описывали, как в Дублине суфражистки бросили топор в экипаж Асквита, ранили сидевшего рядом с премьером Редмонда, и пытались поджечь театр. В другой раз суфражистка ударила хлыстом по лицу министра Черчилля. «Такие поступки не вызывают и не могут вызывать сочувствия», — резонно заключает издание³. Таким образом, большинство журналов открыто осуждало тактику революционных суфражисток. В их акциях пресса видела лишь желание порисоваться и обратить на себя внимания.

На страницах изданий мы находим характеристику лидеров суфражистского движения. Журнал «Русское богатство» отмечал, что во главе Женского социально-политического союза стоят несколько энергичных и очень талантливых женщин. Душой Союза являются мать и дочь Панкхерст. Евелину Панкхерст издание описывает как фанатичную, властную натуру, игнорирующую мнение других. Корреспондент не без ехидства сравнивает Панкхерст со средневековым сектантом. Как сектант слепо верил, что всеобщее блаженство на земле наступит с принятием людьми измененного догмата, так и Панкхерст убеждена, что золотой век неизменно наступит, как только женщинам предоставят избирательные права. «Войны, экономический гнет, социальное неравенство, пьянство, проституция — все это, по мнению госпожи Панкхерст, существует только потому, что хищник мужчина захватил всю власть в свои руки и держит женщину в рабском состоянии». Отмечая ора-

¹ Женское дело. 1910. № 23–24. С. 2.

² Женское дело. 1912. № 17. С. 22; Женское дело. 1912. № 14. С. 21.

³ Женское дело. 1912. № 13. С. 16.

торские способности суфражистик, издание называет ее не иначе как диктатором, который самовластно распоряжается Союзом¹.

Ее дочери — Кристабель Панкхерс, «Русское богатство» — против явно симпатизирует. По мнению издания, она одна из самых талантливых англичанок, получившая образование юриста, но не имеющая возможности вести практику. Кристабель — замечательный оратор: красноречивый, убедительный, находчивый и остроумный, к которому даже молодые хулиганы испытывают уважение. Поэтому, заключает издание, во время выступления мисс Панкхерст дальше оратор и песен дело не доходило².

Журнал дает характеристику еще одной участнице Союза — Флоре Дрюмонд. Ее изображают, как даму с очень решительными манерами и с феноменально резким для женщины голосом. «На больших митингах госпожа Дрюмонд, как генералиссимус, выступает в белом мундире с золотыми эполетами и в форменной фуражке. Когда устраивается процессия суфражисток, госпожа Дрюмонд едет впереди на белом коне, как полицмейстер». Издание обращает внимание читателей, что она даже организовала особый отряд амазонок, для которых придумала мундир. Как человек военный и как дама решительная, госпожа Дрюмонд охотно отпускала затрещины, когда под руку подворачивался какой-нибудь молодой хулиган, пытающийся сорвать митинг суфражисток³.

Издание освещает причину, побудившую Дрюмонд присоединиться к женскому движению и бороться с мужским засильем. Генералиссимус служила телеграфистской на о. Арран. Потом она выдержала экзамен на начальника почтовой конторы, но это место ей не дали. Мужчины издали закон гласивший, что почтмейстер должен быть не ниже 5 ф. 2 дюймов, тогда как в генералиссимусе только 5 ф. 1 д. «Один дюйм помешал занять место. Время и деньги, затраченные на подготовку к экзамену, пропали напрасно». И тогда госпожа Дрюмонд решила присоединиться к суфражистскому движению⁴.

В то же время журналы подчеркивали, что несмотря на усилия суфражисток (раздача брошюр, митинги, демонстрации), они

¹ Русское богатство. 1909. № 1. С. 40–41.

² Русское богатство. 1909. № 1. С. 41.

³ Русское богатство. 1909. № 1. С. 41–42.

⁴ Там же.

не пользовались большой поддержкой народа. Суфражистки теряли симпатии и сочувствие населения, с одной стороны, из-за того, что выступали лишь за предоставления права голоса обеспеченным женщинам. Это отталкивало от них работниц, которые априори не попали бы в избирательные списки¹. С другой стороны, вандалистские акции восстанавливали против суфражисток ту часть населения, которая ранее относилась к ним лишь пассивно и индифферентно².

Были и другие причины у противников женского равноправия. Так ораторы указывали на опасность появления у избирательных урн нескольких миллионов избирательниц, политически безграмотных или малокомпетентных в политических вопросах и притом чрезвычайно неустойчивых в своих убеждениях. Российская пресса на своих страницах не раз приводила примеры негативно-го отношения к суфражисткам. Бывало, толпы антисуфражистов опрокидывали платформы, с которых выступали суфражистки, женщин избивали и даже пытались топить в пруду.

В конце XIX — начале XX вв. изменяется времяпрепровождение англичанок. Вместо чтения приторно-снотворных романов женщины освоили игру в теннис, гребной спорт, велосипед. По словам обозревателя, «в ясный день Темза оживлена лодками с гребцами прекрасного пола, Батерзее-парк занят исключительно велосипедами». В университетах число слушательниц соперничало с числом студентов сильного пола, а женские ассоциации, общества, благотворительные, литературные, научные и политические, занимали видное место в Англии. Число женских клубов ежегодно росло и в Лондоне, и по всей Великобритании³.

Женские клубы вызывали особый интерес у российских изданий, поскольку в России таковых не существовало. Журналы знакомили читателей с устройством клубов для женщин среднего класса и для работающих женщин. Основную цель создания клубов большинство изданий, как либеральной, так и марксистской направленности видели в повышении социального, материального, религиозного и нравственного благосостояния работниц. В целом, обозреватели не скрывали, что женские клубы производили на них сильное впечатление.

¹ Женское дело. 1911. № 22. С. 11.

² Союз женщин. 1907. № 4.

³ Новое слово. С. 58.

Обозреватель журнала «Женское дело» был поражен старейшим клубом для женщин-работниц — «Сохо Клубом», расположенном, по его словам, в беднейшем и безобразнейшем квартале Лондона. Журнал подчеркивает сам факт открытия клуба в районе, где проживали беднейшие слои, которым в первую очередь требовалась поддержка. Таким образом, клуб изначально создавался для просвещения и помощи бедным девушкам в возрасте 13–20 лет. Они могли жить в клубе, совершенствовать свое образование, осваивать музыкальные инструменты, учиться пению, рисованию или просто общаться друг с другом. Девушки платили обязательные членские взносы, покрывающие затраты на проживание и еду.

Обозреватель так описывает клуб и его участниц. «Сам клуб выглядел довольно скромно, на лестнице не было ни ковра, ни даже клеенки, что в Лондоне редкость. Стены лестницы увешаны гравюрами и таблицами по естествознанию, этнографии и другим научным предметам». Большая зала, которая и составляет клуб, разделена на две части. Первая заставлена обыкновенными школьными столами, скамьями, на стене висит доска. Вторая похожа на очень скромную гостиную: пианино, два-три круглых стола, заваленные газетами и журналами, библиотечный шкаф, немного цветов, на стенах дешевенькие картины, гравюры и таблицы. Мягкой мебели, ковров в зале не было¹. «Девушки, все без исключения, очень бедно, но весьма опрятно одеты; некоторые из них серьезны не по летам и лица их носят следы горя и страдания; при обращении к ним мисс Стэнлей (патронесса клуба — Е.Н.), они вставали и отвечали в высшей степени непринужденно, но почтительно. Пока не заговорит она, на нее никто не обращает внимания, каждая продолжает свое дело, подойдет она — дело оставляется и ей отдается внимание и почтение»². Приятное удивление вызвало у автора воспитание простых работниц. В клубе отсутствовал жестокий стиль руководства. Дисциплину поддерживали сами девушки «ради своих же интересов, для их развлечений, для объяснений, если кому они нужны, для доброго указания, совета, утешения, помощи, если они понадобятся»³.

¹ Женское дело. 1899. № 3. С. 119.

² Там же.

³ Женское дело. 1899. № 3. С. 118–119.

Довольно обширна была образовательная программа клуба. Так работницы изучали чтение, письмо, арифметику, черчение, рисование, гигиену и уход за больными. Девушки осваивали кулинарное искусство, домоводство, музыку, гимнастику, игру на пианино, пение, танцы. Давались уроки по ораторскому и театральному искусству¹.

В целом массовые журналы сходились во мнении, что клубы преследовали «добрые, высокие и благородные задачи», они не только оказывали большую помощь женщинам-работницам, но играли значительную роль в преобразовании общества и его совершенствовании. Женские организации объединяли трудящуюся часть англичанок, служили местом отдыха, здоровых развлечений. В клубах неимущие девушки-работницы улучшали свое образование и развивались нравственно. В то же время, журналы подчеркивали, что у английских работниц еще слабо развито чувство солидарности, в отличие от работников мужчин².

Издания отмечали, что одной из благороднейших задач организаторов клубов является предотвращение ранних браков. «И летом, и зимой вы увидите в Лондоне вечером на улицах кочующие от фонаря к фонарю или бродящие в парке парочки, и они, сильно подвыпивши, на тротуарах танцуют джигу, нередко канкан. Это женихи и невесты рабочие и работницы, не имеющие других развлечений, кроме улицы и кабака. Не пройдет сезон и юноше рабочему ничего не остается делать, как обвенчаться с 14-ти или 17-летней девушкой»³. Вместо того чтобы проводить время с молодыми людьми, бесцельно шататься в парках и в 20 лет обременять себя семьей, девушки по вечерам проводят время в клубе, не завязывают уличных знакомств и не вступают в отношения, ведущие к раннему замужеству⁴.

Кроме всего прочего, клубы занимались разработкой социальных, литературных и общих вопросов, организовывали чтение лекций, горячо обсуждали доклады. Корреспондент «Нового слова», посетив собрание «Сомервиль клуба» был удивлен, увидев примерно 500 женщин и большое количество мужчин. Заседание,

¹ Женское дело. 1899. № 3. С. 119.

² Мир Божий. 1896. № 5. С. 276; Женское дело. 1899. № 3. С. 55.

³ Женское дело. 1899. № 3. С. 137.

⁴ Новое слово. 1895. Окт. С. 72.

начатое в 8 вечера, затянулось глубоко за полночь и было прекращено в разгар дебатов из-за позднего времени. И это обычное явление, заключает автор¹.

Женские клубы активно участвовали в общественной жизни (боролись с пороками общества), например, проводили уличные мероприятия против пьянства. Свидетелем одного из них стал обозреватель журнала «Нового слова». Напротив кабака он увидел толпу народа. Из толпы неслись «стройные аккорды хорового духовного пения». На мостовой стоял гармони-флют, аккомпанировала почтенная старушка, а вокруг нее пел хор элегантных молодых людей в цилиндрах и рединготах с бутоньерками и изящных молодых леди. Леди входили в клуб женщин-пионеров, а мужчины были их родственниками и друзьями. В ответ на пение из кабака вырывались пьяные крики и смех. Контраст поразительный, заключал очевидец. Пел хор около часа, кабак пустел, а толпа слушателей возрастала. Направлявшиеся в кабак задерживались при входе и заслушивались музыкой. Выходившие из кабака пьяные посетители мгновенно трезвели и присоединялись к слушателям². Таким образом, журналы сходились во мнении, что женские клубы играли положительную роль в нравственном преобразовании общества.

Подводя итоги, можно заключить, что отечественная пресса проявляла интерес к женскому движению в Великобритании. Журналы сочувствовали англичанкам, полагая, что предоставление женщинам избирательных прав — мера справедливая. В то же время, издания подчеркивали, что допуск прекрасного пола к избирательным урнам не являлся вопросом первостепенной важности. Вначале необходимо решить ряд наиболее острых социально-экономических проблем и лишь затем приступать к женскому избирательному вопросу.

¹ Новое слово. 1895. Окт. С. 70.

² Новое слово. 1895. Окт. С. 61.

Глава 21

«ГЛУБОКО РАЗЛИЧНЫ ТЕ УСЛОВИЯ, В КОТОРЫХ ПРИХОДИТСЯ ДЕЙСТВОВАТЬ...»: СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ. ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX вв.)

Чикалова И.Р.

К началу XX столетия в России, несмотря на всю ее важность, так и не была на государственном уровне решена задача введения обязательного всеобщего начального обучения. В то время как в главных европейских странах вопрос об обязательности начального образования, а в некоторых — и среднего, был решен, в России к нему следовало только подступиться. На государственном уровне этот вопрос в 1905 г. выдвинул министр народного просвещения И. И. Толстой. В 1907 г. Министерство народного просвещения внесло в Государственную думу второго созыва законопроект о введении всеобщего начального обучения. Министр П. М. фон Кауфман в выступлении перед депутатами, сообщая о низком уровне грамотности населения, подчеркивал недопустимость подобного положения¹. После нескольких лет обсуждений законопроект 6 июня 1912 г. был отклонен, и более этот вопрос официально не поднимался.

В то же время в среде российской интеллигенции было немало тех, кто понимал, что просвещение народа является условием укрепления государства, роста благосостояния и культуры нации. Одним из самых горячих проводников этой идеи был Павел

¹ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия 2-я. Т. 2. Заседания 31–53 (с 1 мая по 2 июня). СПб.: Гос. тип., 1907. С. 60, 68.

Григорьевич Мижув (1861–1931). Общий подъем образовательного уровня народа является, по убеждению Мижуба, основой модернизации страны. «Школа должна одних — громадное большинство — приобщить к современной культуре, т. е. сделать способными, во-первых, сколько-нибудь ясно и правильно понимать тот мир, в котором придется жить, и, во-вторых, способными действовать в этом мире в роли, хотя бы рядовых, но все-таки более или менее сознательных участников общей работы. Других — сравнительно незначительное меньшинство — школа должна подготовить к тому, чтобы они при наличии соответствующих стремлений и способностей могли сохранить для потомков все полученное культурное наследие и содействовать дальнейшему прогрессу материальной и духовной культуры во всех сферах чистого и прикладного знания»¹. Мижув отмечал негативные последствия, вытекавшие из низкого уровня состояния народного просвещения в стране: Россия занимала «одно из последних мест среди культурных стран как по (относительному) количеству, так и в особенности по качеству народных школ, а равно и по размерам затрат на содержание их»². В числе негативных последствий этого был гораздо менее производительный труд и объясняемая этим бедность народа. Как следствие, отмечал Мижув, России принадлежит «одно из последних мест среди культурных народов по средней продолжительности жизни, и, следовательно, одно из первых по смертности».

Экскурсы в историю образования западных стран представлялись Мижубу необходимыми и полезными ввиду важной цели, которую он преследовал, — развернуть внимание российских властей в сторону коренной реформы народного образования. Он отмечал: «Мы, русские, <...> переняв от Пруссии закон о всеобщей воинской повинности в 1874 г. <...> ничего не сделали для того, чтобы организовать у себя мало-помалу, если не обязательное, то хотя бы всеобщее, т.-е. доступное всем желающим, начальное образование. Мало того, наставшая вскоре эпоха реакции создала массу препон для распространения света знания в широких массах. Только после того, как японцы разгромили нас так, как за сорок

¹ Мижуб П. Г. Современная школа в Европе и Америке. М.: «Полез» В. Антик и К°, 1912. С. 8.

² Мижуб П. Г. Влияние народного образования на народное богатство, здоровье и нравственность и другие стороны общественной жизни. СПб.: изд. журн. «Русская школа», 1901. С. 143.

лет перед тем Пруссия разгромила Австрию и Францию, вслед за последовавшим затем обновлением нашего политического строя, был серьезно поставлен на очередь вопрос о начальном народном образовании для всей массы русского народа»¹.

Современники высоко оценивали вклад Мижужева в разработку проблем народного образования, рассматривая его труды как попытку с помощью отсылок и аналогий с зарубежными странами привлечь внимание общественности и властей к трудностям отечественной школы, остро нуждавшейся в реформах. Литературный критик Н. И. Коробка в рецензии на книгу Мижужева «Влияние народного образования на народные богатство, здоровье и нравственность» (1901) писал: ему «приходится ломиться в открытую дверь на каждом шагу, он должен доказывать, что образование отражается и на экономических успехах, и на военной готовности, и на санитарных условиях, и на способности народа претворять иногородские элементы и т.д. Все это Мижуев доказывает убедительно, с фактами в руках... В итоге он остается все-таки оптимистом, возлагая надежды на будущее. Насколько такие надежды основательны, покажет само будущее, пока же не можем не отметить, что, как выяснено самим Мижухевым, до сих пор везде оживление дела народного образования было результатом общественного подъема и гражданского прогресса; мы же вертимся в каком-то заколдованном кругу, выхода из которого пока не видно»².

Мижуев хорошо знал проблемы образования изнутри. На протяжении 17 лет он был учителем французского языка в Петербургской 6-й гимназии, одновременно несколько лет работал в 9-й гимназии. Преподавал в различных вузах Петербурга. Сотрудничал с журналом «Русская школа». Постоянным же местом работы Мижужева с 1902 г. стала библиотека Императорского технологического института, которую он возглавлял почти 23 года и вывел на европейский уровень. В 1918 г. ее фонд насчитывал 14184 наименований книг, из которых 8604 было на иностранных языках, и 913 журналов, включая 481 зарубежный. Перед выходом Мижужева на пенсию в 1924 г. книжный фонд библиотеки вырос до

¹ Мижуев П. Г. Современная школа в Европе и Америке. С. 25.

² Коробка Н. Рец.: П. Г. Мижуев. Влияние народного образования на народные богатство, здоровье и нравственность // Образование. 1901. № 5–6. С. 117.

200000 экземпляров¹. Прекрасное владение английским и французскими языками в сочетании со служебным положением давало возможность Мижухеву свободно и неограниченно пользоваться этим книжным богатством. Постоянно пополнявшийся по его заказам массив гуманитарной литературы, в том числе зарубежной, а также документов стал важнейшим источником его широчайшей эрудиции и основой для написания собственных компаративистских работ, рассчитанных на самого широкого читателя.

Мижуев познакомил русскую общественность с историей развития западноевропейской школы² и ее современным состоянием³, эволюцией образовательных учреждений во Франции⁴, Германии⁵, Швеции⁶, Норвегии⁷, а также США, Великобритании и ее доминионов (о них речь пойдет ниже), где этот вопрос успешно решался. С учетом состояния народного образования в России пример образовательной политики зарубежных государств должен был послужить ориентиром как для управляющей элиты, так и для граждан России. О чем бы ни писал Мижуев, при этом сочетая научность и популярность, в своих книгах и статьях он постоянно адресовался

¹ История библиотеки [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский государственный технологический институт. Фундаментальная библиотека. [Режим доступа]: <http://bibl.lti-gti.ru/history.html>

² Мижуев П. Г. Главные моменты в развитии Западноевропейской школы. XVI–XVIII вв. М.: «Польза» В. Антик и К°, 1913. 216 с.

³ Мижуев П. Г. Народное образование в главнейших государствах и его финансовая постановка. СПб.: Тип. Киришбаума, [1896]. 148 с.; Он же. Современная школа в Европе и Америке. СПб.: «Польза» В. Антик и К°, 1912. 247 с.

⁴ Мижуев П. Г. Народное образование во Франции. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1899. 185 с.; Он же. Образование во Франции: низшее, среднее и высшее. СПб.: пар. скоропечатня «Восток», 1900. 203 с.; Он же. Вопрос о реформе средней школы во Франции. СПб.: изд. журн. «Русская школа», 1902. 115 с.; Он же. Средняя школа во Франции и ее реформа в XX в. Пг.: изд. журн. «Русское слово», 1917. 131 с.

⁵ Мижуев П. Г. Средняя школа в Германии. СПб.: изд. журн. «Русская школа», 1903. 105 с.; Он же. Женское образование и общественная деятельность женщин в Германии. СПб.: изд. журн. «Русская школа», 1905. 118 с.

⁶ Мижуев П. Г. Начальное и среднее образование в Швеции. СПб.: изд. журн. «Русская школа», 1903. 44 с.

⁷ Мижуев П. Г. Народное образование и реформа средней школы в Норвегии по Отто Андерсену и другим источникам. СПб.: изд. журн. «Техн. образование», 1903. 66 с.

к российскому читателю, проводил аналогии и сравнения с российской действительностью.

Рассматривая образовательные системы в разных странах, он констатировал, что «во всех более культурных государствах прохождение курса начальной школы стало *обязанностью*, и притом обязанностью важнейшей, не допускающей никаких изъятий, для всякого подрастающего члена общества»¹. Исходя из опыта других стран для практической реализации задачи обучения подрастающих поколений следовало, по мнению Мижужева, внедрить как в сознание людей, так и в законодательные решения три базовых принципа: а) Каждый родитель обязан посылать в народную школу всех своих детей в установленном законом возрасте, принудить их к выполнению этой обязанности должны центральные власти страны. б) Начальное народное образование должно быть бесплатным. в) Из его программы должно быть полностью устранено религиозное образование и воспитание «с предоставлением такового исключительно заботам родителей и церкви»².

Признаки реализации этих трех принципов на практике Мижуев видел в школьной системе США, которой посвятил ряд работ³. В статье «О подготовке учителей для средней школы в Северной Америке» Мижуев выделяет особенности в организации общественных школ в США. Во-первых, это тесная связь низшей школы со средней в то время как «у нас, как и в Европе, вообще средняя школа есть по преимуществу учебное заведение *для средних классов* общества, в котором эти классы получают не только

¹ Мижуев П. Г. Влияние народного образования на народное богатство, здоровье и нравственность и другие стороны общественной жизни. С. 111.

² Мижуев П. Г. Современная школа в Европе и Америке. С. 9.

³ Мижуев П. Г. Народное образование в Северной Америке // Женское образование. 1891. С. 739–752; Он же. Женское образование и общественная деятельность женщин в Соединенных Штатах Северной Америки // Русская школа. 1893. № 1–4; Он же. Народное образование в Северо-Американских Соединенных Штатах // Русское экономическое обозрение. 1897. № 4–6; Он же. О подготовке учителей для средней школы в Северной Америке // Образование. 1899. № 11–12; Он же. Школа и общество в Америке. СПб.: изд. журн. «Техн. образование», 1902; Он же. Материальное положение народных учителей и учительниц в Западной Европе и Америке // ЖМНП. 1904. № 10–12; Он же. Современная школа в Европе и Америке. М.: «Польза» В. Антик и К, 1912. 247 с.; Он же. Профессиональные учительские организации в Америке // Профессиональные учительские организации на Западе и в России. Сб. ст. Пг.: изд. газеты «Школа и жизнь», 1916. С. 5–72.

среднее, но и элементарное образование». Во-вторых, бесплатность обучения: «В самом деле, в Америке бесплатно не только низшее образование, но бесплатно и образование среднее, так как в большинстве случаев от учащихся в высших народных школах никакой платы не взимается». В-третьих, «широкое распространение — особенно на западе — совместного обучения учащихся обоих полов в одних и тех же учебных заведениях и даже в одних и тех же классных комнатах»¹. При этом Мижуев подчеркивает, что каждый штат был самостоятелен в определении своего подхода к решению стоявших перед школой задач, а «масса населения Америки настолько развита и культурна, что сама понимает блага образования и не нуждается в принуждении...»². Тем эффективнее были законы об обязательности начального обучения, принятые в большинстве штатов.

Мижуев показывает, что поддержка государством и обществом бесплатности школьного обучения обуславливалась не только идейными, но и чисто практическими подходами. Была признана непосредственная связь между продолжительностью обучения и производительностью труда. Проведенное среди американских предпринимателей анкетирование показало, что они «решительным образом признали значительное влияние даже самого элементарного образования на производительность труда рабочих»: «только культурному рабочему можно доверить пользование сколько-нибудь сложными орудиями и механизмами, благодаря чему является возможность придать совершенно иное оборудование фабрикам и заводам»³. Мижуев приводит мнение руководителя народного образования штата Массачусетс Ф. Хилла, который заметил: «расходы штата на народное образование возвращаются населению вдвойне или втройне»⁴.

Важнейшей особенностью американской школьной системы являлась преимущество ее звеньев. Дети в возрасте от 6–7 до 13–14 лет получали начальное образование в народных школах. По ее окончании на протяжении 3–4 лет, т. е. до достижения 17–18 лет, учились в высшей народной школе, которая являлась пря-

¹ Мижуев П. Г. О подготовке учителей для средней школы в Северной Америке // Образование. 1899. № 11. С. 63.

² Мижуев П. Г. Современная школа в Европе и Америке. С. 34.

³ Там же. С. 37.

⁴ Там же. С. 40.

мым продолжением начальной школы. Она давала бесплатное среднее образование, обеспечивая различные профили подготовки. В зависимости от местных условий и потребностей обучение в них продолжалось 3, 4 и даже 5 лет. В школах могли быть различные отделения. «Академические» ориентировались на классическое образование с изучением латинского языка. «Практические» учитывали желание получить в более короткие сроки образование, необходимое для работы в промышленности, коммерции или преподавательской деятельности в народных школах. Завершение обучения в высшей народной школе позволяло поступать в университеты или другие высшие учебные заведения. По данным за 1894 г. средняя продолжительность пребывания в школе по стране в целом составляла «четыре года с третью», а, например, каждый житель штата Массачусетс в среднем посещал школу около семи лет¹. Констатация доступности школ и вообще состояние народного образования в США дала Мижуеву возможность лишь посетовать: «В самом деле, многие ли из русских людей не признают за расточительность предоставление всем желающим бесплатного посещения общественных средних учебных заведений»².

Мижуев особо отмечает тесную связь между процессами секуляризации государства и школы. Как государство не имеет какой-либо официальной связи с церковью (федеральное правительство и правительства штатов не имеют права касаться религиозных вопросов), так и все общественные школы — светские: в Америке ранее, чем где либо, «совершилось устранение из начальных школ преподавания Закона Божия». <...> Исключить религиозное образование из общественных школ вовсе еще не значит признать Закон Божий менее важным, чем письмо или арифметику. Это значит только то, что общество — единодушно, пока дело идет об обучении детей в школе арифметике или письму, и расходится в мнениях, когда заходит речь о религиозном обучении»³. Объясняя деликатность школьных властей в подходе к религиозному воспитанию в школах, Мижуев призывает видеть в этом «желание сохранить в общественных школах нейтралитет в таких вопросах, которые там признаются делом личной совести каждого»⁴.

¹ Там же. С. 40.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 42, 44.

⁴ Там же. С. 43.

Через народную школу проходили все слои населения (заметим, белого населения). Комплектование народных школ детьми из всех классов общества без оглядки на размер семейного дохода делало их «школами для всех». Не было различий и по полу обучавшихся, при этом не только в начальных, но и в высших народных школах¹. Дети и подростки обоего пола обучались совместно, причем в составе ученических контингентов девочки преобладали, так что в числе выпускников средних школ женщины составляли более двух третей. Вследствие этого, отмечает Мижуев, в Америке женщины более образованы, чем мужчины². Это стало результатом наделяния женского образования статусом приоритетного. Мижуев обращает внимание на стремление обеспечить женщинам такие же широкие пути к образованию, какие открыты для мужчин. Он констатирует: «Вследствие установившегося в во многих штатах обычая совместно обучать детей обоего пола в средней школе, вследствие бесплатности обучения в средней школе и обычая американцев возможно раньше определять своих сыновей к какому-либо практическому делу, вследствие всего этого в Америке в средней школе девочек больше, чем мальчиков»³.

В доступе женщин к образованию Мижуев видел основной путь к решению «женского вопроса», выдвинувшегося на авансцену общественной жизни западных стран, в том числе и России, и ставшего предметом острых дискуссий: «Если даже, как это бывает в большинстве случаев, сами женщины не имеют политических прав, они все-таки могут сильно влиять на политические взгляды и деятельность своих мужей и на политическое развитие и направление своих детей. Это влияние, конечно, будет отрицательным, если женщины будут значительно уступать мужчинам по образованию или даже совсем останутся без образования»⁴. Исходя из этого, он посвятил несколько публикаций женскому вопросу⁵ и познакомил

¹ См.: П. Г. Мижуев. Женское образование и общественная деятельность женщин в Соединенных штатах Северной Америки. СПб.: изд. журн. «Русская школа», 1893. 70 с.

² Мижуев П. Г. О подготовке учителей для средней школы в С. А. Соединенных Штатах // Образование. 1899. № 11. С. 65.

³ Мижуев П. Г. Женский вопрос и женское движение // Образование. 1904. № 12. С. 20.

⁴ Там же. С. 6, 15.

⁵ Мижуев П. Г. Женский вопрос и женское движение // Образование. 1904. № 12. С. 1–44; Он же. Женский вопрос и женское движение. СПб.: изд.

русскую общественность с развитием женского, в том числе высшего¹, образования, интенсивно развивавшемся в Европе и США. В его понимании, причины неравного положения мужчин и женщин носят исторический характер и «закljučаются в преобладающем до сих пор праве сильного». Будучи горячим сторонником совместного обучения и доступа женщин к образованию всех уровней, он принял самое активное участие в работе Первого Всероссийского съезда по образованию женщин, на котором представил четыре выступления, в том числе «Совместное обучение в Англии и Америке» и «Среднее женское образование в Америке»².

Привлекательность американских школ для детей всех социальных слоев населения обеспечивалась комфортом, надлежащим качеством учебного оборудования, высоким уровнем знаний и их практической направленностью. Относительно содержания обучения и полученных компетенций в результате завершения полного курса народной школы Мижув привел фрагмент отчета главы школьного ведомства Чикаго:

Ученики «приобрели способность разумно следить за жизнью и литературой своего времени. В школе они изучили историю открытия и заселения Америки, а также и те факты, которые привели к объявлению независимости американских колоний и принятию конституции С. Штатов. Они ознакомились с развитием существующей в Америке финансовой и банковской системы, равно как и с историей расширения территории республики. Они узнали также, какие великие нравственные вопросы последовательно волновали американский народ и наполняли его истории. Они познакомились

Г. Ф. Львовича, 1906; Он же. Женский вопрос // Политическая энциклопедия / Под ред. А. З. Слонимского. Т. 1. СПб.: П. И. Калинин, 1906–1907. С. 675–683; Он же. Женский вопрос и женское движение // Новый энциклопедический словарь. СПб.: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1915. Т. 17. С. 772–783; Он же. Равноправие женщин: (Права женщины и ее обязанности). М.: тип. О. А. Сомовой, 1917. 54 с.

¹ Мижув П. Г. Женские колледжи при Кэмбриджском университете // Женское образование. 1891. № 5. С. 497–505; Он же. Женское образование и общественная деятельность женщин в Соединенных штатах Северной Америки. СПб.: изд. журн. «Русская школа», 1893. 70 с.; Он же. Высшее образование женщин в странах Британской империи // Труды 1-го Всероссийского съезда по образованию женщин. СПб., 1914. Т. 1. С. 182–187.

² Мижув П. Г. Совместное обучение в Англии и Америке; Среднее женское образование в Америке // Труды 1-го Всероссийского съезда по образованию женщин. СПб., 1915. Т. 2. С. 15–17, 105.

в школе с организацией правительственных властей как федеральных, так и властей штата, города, графства и сельского округа; они узнали также, в чем заключаются права и обязанности американского гражданина... Они познакомились с географией всего мира, с данными о климате, о естественных богатствах и населении разных стран, о культурном состоянии разных народов и их коммерческих отношениях.

Они узнали далее из школьного преподавания, где и в каком количестве добываются уголь, железо, медь, серебро, золото, в каких странах производят особенно много зерновых продуктов, фруктов и овощей, где особенно развито свиноводство и т. п. Они узнали также, как человек пользуется всем этим для удовлетворения своих нужд.

Они выучились, далее, элементам математики и могут применить свои знания ко всем нуждам повседневной жизни. По окончании курса народной школы они понимают, напр., систему налогов своей страны... они понимают также газетные сведения о состоянии рынка и биржи; они понимают основания страхования и кредитных операций; они знают весы и меры, которыми определяются ценности... Уроки рисования развили в них художественный вкус, так что они умеют ценить изящество собственной или чужой работы. Наконец, они выучились логически рассуждать и выражать свои мысли простым и вполне понятным языком»¹.

Мижув осознает, что «всякий русский читатель» мог бы отнестись «с крайним скептицизмом к самой возможности таких результатов занятий в народной школе», и сам допускает возможность того, что «вышеприведенные строки не чужды некоторого оптимизма». Тем не менее он убежден, что «в лучших случаях <...> 14–15-летние подростки, кончающие народную школу в Америке, знают больше, чем те лица, которые в России считаются иногда правоспособными к учительской деятельности в народных школах»². В подтверждение Мижув приводит перечень испытаний на получение звания учителя начальных училищ, утвержденных правилами 1894 г.: Закон Божий, церковно-славянский и русский языки, чистописание, арифметика и геометрия, история России, география,

¹ Мижув П. Г. Современная школа в Европе и Америке. С. 140–141.

² Там же. С. 144.

церковное пение¹. Неудивительно, что объем знаний российского учителя не выдерживал сравнения с американским стандартом. Журнал «Русское богатство» в рецензии на книгу вынужден был признать: «поневоле согласишься с заключением автора»².

Еще одной страной, которая живо интересовала Мижуева в вопросе развития образовательных учреждений, была Великобритания³. Особый интерес к этой стране, обнаружившей в середине XIX в. отставание от других государств, объяснялся поучительностью английского опыта реформирования системы образования.

Мижуев в деталях рассматривает содержание проведенной парламентом школьной реформы, явившейся одним из наиболее значимых социальных мероприятий своего времени. По принятому в 1870 г. Акту Форстера всю Великобританию разделяли на школьные округа. В них налогоплательщики, включая женщин, избирали школьные советы. Они пользовались широкими полномочиями: там, где не хватало школ, открывать новые, делать представление местным властям о взимании школьного налога, решать, должно ли быть посещение школ детьми в возрасте от 5 до 13 лет

¹ Мижуев П. Г. Влияние народного образования на народное богатство, здоровье и нравственность и другие стороны общественной жизни. С. 136.

² [Б. авт.] П. Г. Мижуев. Современная школа в Европе и Америке // Русское богатство. 1912. № 5. С. 124–125.

³ Мижуев П. Г. Очерк развития и современного состояния народного образования в Англии. СПб.: изд. журн. «Русская школа», 1896. 62 с.; Он же. Взгляды и деятельность национальной ассоциации для распространения технического и реформы среднего образования в Англии. СПб.: изд. журн. «Техн. образование», 1897. 80 с.; Он же. Очерк развития и современного состояния среднего образования в Англии. СПб.: изд. журн. «Русская школа», 1898. 170 с.; Он же. Лондонские школы и начальное образование в Англии. СПб.: изд. журн. «Образование», 1902. 100 с.; Он же. Среднее образование в Англии. СПб.: изд. журн. «Русская школа», 1906; Он же. Народные университетские дома в Лондоне. 2-е изд. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1907. 133 с.; Он же. Вечерние дополнительные школы и курсы в Англии. СПб.: изд. журн. «Русская школа», 1908. 87 с.; Он же. Вопрос об обязательном образовании подростков в Англии // Известия по народному образованию. 1910. № 10. С. 84–125; № 12. С. 285–324; Он же. Оксфордский и Кембриджский университеты // ЖМНП. 1913. Новая серия. Ч. XLIII. № 1. С. 1–26; № 3. С. 58–103; Он же. Средняя школа в Англии и ее реформа в XX в. СПб.: изд. журн. «Русская школа», 1914. 132 с.; Он же. Лондонская школа экономических и политических наук. СПб., 1914. 28 с.; Он же. Английские университеты: Действительность и идеалы: по поводу трудов Королевской комиссии о реформе Лондонского университета // ЖМНП. 1915. № 2. С. 164–205; № 3. С. 1–50.

обязательным и бесплатным, утверждать учебный план, назначать учителей. Определили требования к школьному обучению, касавшиеся доступности, благоустроенности помещения, состава учителей и предметов обучения. Школы получили государственные субсидии. В 1876 г. парламент повысил возраст обязательного обучения до 14 лет. На основании закона родители, не заботившиеся о посещении детьми начальных школ, и работодатели, принимавшие детей без учета школьных законов, наказывались штрафом.

В системе мер по развитию начального образования особое внимание Мижуева привлекают гарантии, обеспечивающие обязательность обучения: «в одном только Лондонском школьном комитете служит свыше 300 лиц, следящих за аккуратным посещением школ детьми»¹. С 1891 г. все школы стали получать субсидии в размере 10 шилл. в год на каждого ребенка. Это сделало начальное обучение фактически бесплатным. Более того, Мижуев счел важным подчеркнуть, что «ученики, совершенно закончившие нормальный курс начальной школы, могут продолжать далее посещение начальной школы и заниматься с учителями такими предметами, которые не входят в курс элементарного образования, причем правительство выдает школам за эти занятия субсидии, если только таким детям не больше 16 лет. Таким образом, образование в Англии для желающих учиться бесплатно до 16 лет»².

Мижуев обращается и к проблеме среднего образования, система которого не была унифицирована в Англии и перестала на определенном этапе отвечать потребностям времени. Даже наиболее престижные школы в Итоне, Винчестере, Регби, Харроу, как и небольшое число других, доступных лишь для аристократической элиты, давали совершенно недостаточное образование. Мижуев приводит заключение комиссии, сделанное в 1861 г.: молодой человек «проучившись в школе 4 или 5 лет и окончив ее 19 лет, <...> почти не знает ни географии, ни истории своей родной страны, не знает ни одного нового языка, едва умеет правильно писать на своем родном языке, не вполне тверд ни в четырех действиях арифметики, ни в элементарной геометрии, не знает совершенно физики, не умеет ни рисовать, ни чертить, не знаком совершенно с музы-

¹ Мижуев П. Г. Современная школа в Европе и Америке. С. 14.

² Там же. С. 147.

кой, умственно мало развит, не приобрел любви или привычки к чтению или наблюдению»¹.

Констатация уровня обучения в английской средней школе потребовалась Мижуеву, чтобы обозначить исходное состояние, мотивы и масштабы проведенной реформы среднего образования. В 1868 г. парламент принял закон о средних школах. Он предусматривал, что стипендии и бесплатные места в них должны предоставляться по результатам экзамена, к которому допускались выходцы из различных социальных слоев. В средних школах наряду с классическими стали создавать т. н. «новые» отделения. Если в первых главными предметами были древние языки, то во вторых доминирующее место заняло преподавание новых языков, математики и естественных наук. Дух реформ затронул привилегированные учебные заведения. В школы уровня упоминавшихся Итона, Винчестера и Харроу стали принимать детей не только из аристократических, но и из буржуазных кругов.

Индустриализация потребовала специалистов, компетентных в технической сфере, способных сохранить и приумножить английскую промышленную гегемонию. Другого пути, как расширение в рамках среднего образования цикла естественно-математических дисциплин и даже открытия профилированных школ, не было. В 1889 и 1891 гг. парламент принял законы о техническом образовании, под которым понималось не получение узкой профессии, а обучение естественным наукам, математике, техническому рисованию, современным языкам, необходимым для освоения высокотехнологичного производства. Органы самоуправления, советы графств и городов получили право собирать налоги для финансирования преподавания этих предметов, а также выплаты стипендий и оплаты обучения. Но школ, дававших выпускникам качественное образование, все еще было недостаточно даже в крупных городах. В 1902 г. парламент принял новый закон о народном образовании: он упразднил школьные советы и передал дело просвещения в руки советов графств, которые создавали комитеты по народному образованию. Их компетенция распространялась на все начальные и средние школы.

Впервые в истории Англии вся система школьного образования стала сферой ведения государства, которое взяло на себя дополнительные функции по субсидированию школьников из мало-

¹ Мижуев П. Г. Средняя школа в Англии и ее реформа в XX в. С. 5.

обеспеченных семей. Перешедшие из начальной школы в среднюю в зависимости от доходов родителей могли получить стипендию в виде освобождения от платы за обучение, предоставления бесплатных учебников, возмещения расходов на транспорт, денежной помощи на питание и одежду. Мижуев отмечает и масштабы предоставлявшейся помощи: «Если мы возьмем *все число учеников*, обучающихся в средних школах *бесплатно*, то мы увидим, что в 1911–1912 году (по данным министерского отчета), их насчитывалось <...> почти 35% всего числа учащихся в средних школах, субсидируемых Министерством»¹. Социальные последствия этого выразились в возможности для менее обеспеченных людей дать детям с меньшими расходами или даже бесплатно такую же общеобразовательную подготовку, какую получали дети джентри и крупных буржуа.

В этой связи Мижуев счел уместным процитировать выводы английского министерства народного просвещения: «Имеются полные основания рассчитывать, что с течением времени объединение в одну, живущую одной жизнью, организацию детей разных социальных классов будет происходить гораздо легче и даст благотворные результаты как для школ, так и для самих детей»². Мижуев противопоставляет эту политику курсу российского министра просвещения И. Д. Делянова, который в 1887 г. циркуляром «о кухаркиных детях», одобренным Александром III, предписал школьным властям допускать в гимназии и прогимназии только обеспеченных детей и оградить от поступления в них «детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей». Приветствует Мижуев и то обстоятельство, что «в Англии нет коренного различия между женским и мужским (средним) образованием, какое наблюдается в странах континентальной Европы. Мальчики и девочки учатся там нередко по одним и тем же программам; случается даже, что они обучаются совместно, — к немалой пользе для детей обоего пола»³. Английский опыт, по мнению Мижуева, «заслуживает самого серьезного внимания, самого серьезного изучения со стороны

¹ Там же. С. 81.

² Там же. С. 95.

³ Там же. С. 18–19.

педагогов, школьных администраторов и других общественных деятелей всех культурных стран»¹.

При этом и в британских доминионах была обеспечена всеобщая грамотность, а университеты давали образование по европейским стандартам. Социальное развитие Канады, Австралии, Новой Зеландии являло пример эффективности политики преобразований, в том числе в сфере образования, что и показал Мижув в своих работах. Создав первые истории британских доминионов, он вписал тему просвещения в широкую канву жизни этих «социальных лабораторий мира». В Австралийской федерации, во всех ее штатах, «мы находим фактически бесплатную народную школу; везде народная школа находится в ведении местных выборных властей <...> Хотя за среднее и высшее образование в Австралии взимается известная плата, тем не менее благодаря системе стипендий <...> рабочие в Австралии и в этом отношении оказываются в лучших условиях, чем рабочие из любого из государств Зап. Европы, не говоря уже, конечно, о России»². В Новой Зеландии, отмечает Мижув, «законом 1877 г. начальное образование сделано даровым, обязательным и светским. Новая Зеландия в этом отношении опередила на много лет свою метрополию»³. Так, говоря о Канаде, Мижув ссылается на сочинение Н. А. Крюкова «Канада: сельское хозяйство в Канаде в связи с другими отраслями промышленности» (1897): «Среди лиц, рожденных в Канаде, неграмотных нет; эти последние, и то в незначительном числе, встречаются *только между переселенцами*»⁴.

В целом работы Мижуба с интересом принимались российской критикой. «Мир Божий» в связи с выходом книги «Влияние народного образования на народное богатство, здоровье и нравственность...» поместил рецензию К. И. Диксона, усмотревшего в ней «обзор тех соображений и фактов, которые говорят в пользу необходимости самого широкого распространения в народной

¹ Там же. С. 97.

² Мижув П. Г. Счастливая Австралия. СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1909. С. 200.

³ Мижув П. Г. Передовая демократия современного мира. Английская колония Новая Зеландия. 3-е изд. СПб.: изд. Г. Ф. Львовича, 1905. С. 119.

⁴ Мижув П. Г. Крестьянское Царство. Очерк истории и современного состояния Канады. СПб.: изд. Г. Ф. Львовича, 1905. С. 114.

среде образования»¹. На ту же книгу рецензию поместил журнал «Образование», автор которой Н. И. Коробка, акцентируя внимание на ее злободневности, заключает: «Книга г. Мижуба очень вовремя напоминает о нуждах начального образования»².

«Вестник Европы» в 1896 г. писал по поводу «Очерка развития и современного состояния народного образования в Англии»: «При всей своей сжатости, этот очерк дает достаточно полное понятие, как об историческом ходе народного образования, так и современном его положении в Англии и Валлисе, где в 1892 г. на население около 80 миллионов действовали 20000 элементарных школ, субсидируемых правительством. <...> Обучение в начальных школах Англии даровое. Все эти цифры красноречиво говорят, какой широкий фундамент для общества и государства представляет в Англии народное образование»³. Тот же журнал в 1914 г. в отношении еще одного очерка Мижуба — «Средняя школа в Англии и ее реформа в XX веке» — подчеркивал: «Поучительные сведения, собранные автором, весьма ярко и наглядно выясняют ту плодотворную самостоятельную роль, которая может и должна принадлежать органам общественного и местного самоуправления в деле народного образования. Книга П. Г. Мижуба показывает нам, как «глубоко различны те условия, в которых приходится действовать английским и русским педагогам», а между тем «многие организационные вопросы, над которыми тщетно бьется мысль русских педагогов, давно уже разрешены и решены в общем весьма удачно». Появление этой книги должно быть признано как нельзя более своевременным с точки зрения русских читателей, интересующихся судьбами нашей русской школы»⁴.

Журнал «Современный мир» в рецензии на книгу «Современная школа в Европе и Америке» представил Мижуба как «одного из лучших знатоков жизни и школьного дела в Западной Европе и Америке»: «ряд его работ в этой области завершился вышедшей на днях книгой. Кроме знания и авторитетности в вопросах о современной школе Европы и Америки, автор проявил в но-

¹ Диксон К. П. Г. Мижув. Влияние народного образования на народное богатство, здоровье и нравственность... // Мир Божий. 1901. № 6. С. 116.

² Коробка И. Мижув. Влияние народного образования на народное богатство, здоровье и нравственность // Образование. 1901. № 5–6. С. 117.

³ Вестник Европы. 1896. Кн. 4. Библиографический листок.

⁴ Вестник Европы. 1914. Кн. 6. С. 422.

вом труде и благородный тон, и живость изложения, и незаурядное умение писать легко, популярно и занимательно»¹. «Русское богатство» поместило эмоциональную по тону рецензию на этот труд: «Вот книга, способная лишней раз всколыхнуть чувство горечи и зависти в душе русского читателя. Ему, можно сказать, вчера еще пришлось присутствовать при горячих словопрениях в российских законодательных палатах и благонадежных органах печати на хронически затяжную тему: полезно или вредно просвещение народу? ... Не полезнее ли усилить средства, отпускаемые тюремному ведомству и на полицию? И если уж давать деньги на образование, то с тем непременно условием, чтобы просвещение народа носило возможно менее просвещенный характер... А тут, в книге Мижужева, с первых же страниц читатель узнает, что в культурных странах народная школа приобрела значение самого главного из всех учреждений, обслуживающих основные нужды населения, что в таких странах, как Сев.-Ам. Соед. Штаты, Канада, Австралия, при основании новых поселений на еще девственных землях, школа является первым солидным строением, которое воздвигается раньше, чем церковь или иной молитвенный дом, и во всяком случае раньше, чем какое-либо иное общественное учреждение; в частях же давно заселенных школьные здания имеют характер дворцов; такие же школьные дворцы есть в Швейцарии, Англии, Скандинавских странах и т.д.»². В оценке «Русского богатства», Мижуев «дает поучительную картину того, что делается для народного просвещения в культурных странах»³.

Тем не менее, после революции 1917 г. произошел разворот по отношению к самому творчеству Мижужева и его попыткам привлечь внимание к зарубежному опыту, хотя он продолжал публиковаться. Отдельными изданиями вышли его работы «Вопросы средней школы в Европе и ответы на них Америки»⁴ и «Как другие народы

¹ Ж — кий И. П. Г. Мижуев. Современная школа в Европе и Америке // Современный мир. 1912. № 12. С. 365.

² [Б. авт.] [Рецензия]: П. Г. Мижуев. Современная школа в Европе и Америке // Русское богатство. 1912. № 5. С. 124.

³ Там же. С. 125.

⁴ Мижуев П. Г. Вопросы средней школы в Европе и ответы на них Америки. М.: «Книга», 1922. 130 с.

стали грамотными»¹. В момент, когда в СССР развернулась борьба с неграмотностью, в последней из названных книг он разъяснял читателю, каково наполнение в разных странах термина «грамотность», характеризовал уровень грамотности и законодательство об обязательности начального образования в странах Нового и Старого Света. На примере английского, американского и русского опыта сравнивал школьный возраст, продолжительность учебного дня и учебного года, показывал осуществление принципа бесплатности начального образования, давал оценку культурного состояния народа и производительности труда в связи с уровнем образования.

Однако работу автора предваряло предисловие за подписью «Генрих Бергман», составленное очевидно по «указанию сверху»: «Книжку проф. Мижужева наш просвещенец, особенно работник по ликвидации неграмотности в городе и деревне прочтет, бесспорно, с интересом. <...> В книжке Мижужева есть вообще множество интересных материалов. Впрочем, книжка в целом будет полезна уже потому, что дает картину того, насколько далеко мы отстали в грамотности от Европы, Америки, Японии, Австралии и т. д. <...> Однако, изучая опыт буржуазных государств, мы обязаны относиться к нему критически. Чужие образцы мы не можем перенимать целиком и безоговорочно. ... В этом отношении книжка проф. Мижужева страдает значительными недостатками. Автор, очевидно, не владеет оружием марксизма — отсюда его ошибки, отсюда неспособность разобрататься в действительных «пружинах» общественного развития»².

Что сказать? Началось наступление марксизма, апелляция к опыту и достижениям капиталистических стран не вписывалась в идеологию нового государства. Тем не менее, Мижуев, перейдя в 1924 г. на академическую пенсию, продолжал писать. Ему удалось опубликовать еще несколько работ, в частности, статьи о развитии образования в зарубежных странах для «Педагогической энциклопедии» под редакцией А. Г. Калашникова³. Последняя, извест-

¹ Мижуев П. Г. Как другие народы стали грамотными. М.: «Долой неграмотность», 1925. 77 с.

² Бергман Г. Предисловие // Мижуев П. Г. Как другие народы стали грамотными. С. 3–5.

³ Мижуев П. Г. Система народного образования Германии и; Система народного образования Франции; Система народного образования Англии;

ная мне, публикация Мижужева — «Типичный американский сельскохозяйственный институт» — датируется 1929 годом¹.

В новых условиях имя и творчество Мижужева, как и многих других его коллег, оказалось фактически под запретом в среде историков-всеобщников. Достаточно привести фрагмент из «Очерков истории США» известного советского американиста А. В. Ефимова, посвященный характеристике дореволюционной российской историографии истории США: «Есть еще несколько работ, написанных кадетскими или кадетствующими историками (Мижуев, Афанасьев, Фортунатов) в плане самой неумемной идеализации американской буржуазной демократии»².

В то же время представители педагогической науки не отрицали его вклад в изучение истории и современного для его времени состояния образовательных систем разных стран. Педагогическая энциклопедия, изданная под редакцией И. А. Каирова и Ф. Н. Петрова, характеризует Мижужева как «специалиста по истории западноевропейской и американской школы конца 19 — начала 20 вв.»³, что совершенно справедливо, так как его вклад в эту тему выражается в опубликовании порядка шестидесяти работ, и это не считая книг о Канаде, Австралии и Новой Зеландии — первых в российской историографии обобщающих историй этих стран. В них тема просвещения была встроена в широкую панораму жизни этих «социальных лабораторий мира». Демонстрируя на примере других стран, как можно жить, учиться и работать, Павел Григорьевич Мижуев искренне желал для своего народа лучшего будущего.

Образовательные системы скандинавских стран; Система народного образования Сев.-Американских Соединенных Штатов // Педагогическая энциклопедия. Под ред. А. Г. Калашникова. М.: «Работник просвещения», 1929. Т. 3. С. 689–742.

¹ Мижуев П. Г. Типичный американский сельскохозяйственный институт // Научный работник. 1929. № 3. С. 76–80.

² Ефимов А. В. Очерки истории США: От открытия Америки до окончания гражданской войны: [1492–1870 гг.]. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1958. С. 425.

³ Зиневич Н. А. Мижуев Павел Григорьевич // Педагогическая энциклопедия. Под ред. И. А. Каирова и Ф. Н. Петрова. М.: Советская энциклопедия, 1965. Т. 2. С. 826.

Глава 22

ГЕРМАНИЯ 1920-х – 1930-х ГОДОВ ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Голубев А.В.

Для значительной части советского населения в межвоенный период Запад ассоциировался прежде всего с Германией, старинным соседом, учителем, образцом, союзником — но также недавним (и, заметим, будущим) противником.

Интерес к этой стране, причем интерес разносторонний, был достаточно велик. Так немецкий журналист, побывавший в 1922 г. в СССР, писал: «Услышав, что я из Германии, крестьяне забросали меня вопросами... каково положение в Германии, сколько стоит фунт хлеба, что думают в Германии о России и как полагают, поможет ли России ввоз из Германии...». И тут же главный вопрос: «Немцы-то придут с машинами или с пулеметами?»¹ Не меньший интерес, разумеется, вызывала политика и других держав, прежде всего Англии, Польши, Японии, но вот машин от них ожидали гораздо реже, чем пулеметов...

Межвоенный период — та эпоха, когда образ Германии и немцев в советском массовом сознании являлся одним из наиболее динамичных и противоречивых.

Представления о Германии, формируемые советской пропагандой, в частности, в 30-е годы, неоднократно служили предметом изучения². Взгляды же на внутреннюю и внешнюю политику

¹ Глазами иностранцев, 1917–1932. М., 1932. С. 209.

² См.: Григорьева О.И. Формирование образа Германии советской пропагандой в 1933–1941 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГУ, 2008. Там же см. обзор историографии по данной проблематике.

Германии, далекие от официальных, особенно после 1933 г., лишь изредка становились предметом специального исследования¹.

После подписания Рапальского договора правительство Веймарской республики поддерживало с Советским государством самые разносторонние отношения. В последние годы внимание исследователей привлекало сотрудничество в военной области², но так как оно держалось в строгом секрете, то в массовом сознании эта сторона дела практически не нашла отражения. Зато было очевидным сотрудничество в технической области. Немецкие рабочие и инженеры составляли большинство среди иностранных специалистов в СССР и сыграли определяющую роль в становлении ряда отраслей отечественной промышленности.

Именно Германия (наряду со США) служила в 20-е годы для СССР главным источником современных технологий и кредитов. При этом советская сторона, как стало известно в последние годы, не гнушалась промышленным шпионажем, используя в первую очередь германских рабочих-коммунистов, при посредстве Коминтерна и органов советской внешней разведки³.

Советская пропаганда 1920-х годов содействовала формированию образа Германии как высокоразвитой в техническом отношении страны; даже детский журнал публиковал на обложке фотографии немецких генераторов с указанием их мощности и завода-изготовителя. Необходимость учиться у Запада (в первую оче-

¹ Голубев А.В. Немецкий фашизм глазами провинциальной российской интеллигенции 1930-х годов // Интеллигенция России и Запада в XX–XXI вв.: поиск, выбор и реализация путей общественного развития. Екатеринбург: УрГУ, 2004. С. 24–30; он же. «Немцы-то придут с машинами или с пулеметами?..» Германия в восприятии советского общества 1920-х – начала 30-х годов // Веймарская республика: история, историография, источниковедение. Иваново, 2011. Вып.5. С. 98–118; Дэвис С. Мнение народа в сталинской России: Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941. М., 2011. С. 91–98.

² Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992; Ахтамзян А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии 1920–1933 // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 42–56; Горлов С.А. Совершенно секретно: Альянс Москва–Берлин, 1920–1933 гг. М., 2001; Соболев Д. А., Хазанов Д. Б. Немецкий след в истории отечественной авиации. М., 2000; и др.

³ См., например, историю с технологией производства электроламп: Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского «Электростроительного завода» в советском обществе 1920–1930-х годов. М., 2000. С. 45–97.

редь — у немцев и американцев) разделялась как советской элитой, так и обществом в целом¹.

Авторитет немецкой технологии был высок прежде всего среди технической интеллигенции². И достаточно типичной представляется фигура сибирского инженера, который учился в Германии, и до сих пор к ней «имеет тяготение. Выписывает немецкую литературу, высказывает мысли о скором приходе влияния германской промышленности, придерживается в деле безопасности ее методов»³.

Если в промышленности технический опыт Германии перенимался прежде всего по инициативе «сверху», то в бескрайнем море российской деревни в 20-е годы потребность в нем возникала стихийно. Так, крестьянин В. Архипов (Чебоксарский уезд Чувашской АО) писал в «Крестьянскую газету» в январе 1924 г.: «Большинство мы, бедные крестьяне, бедны от того, что тратили свои здоровья, свои молодые и плодородные года на фронтах и в плену. Многие из нас и в эти трудные года не тратили времени даром, а старались присмотреться и также научиться к культурному ведению сельского хозяйства немцев, австрийцев, французов и прочих»⁴. Вообще, крестьяне, побывавшие в немецком плену, зачастую выступали как инициаторы тех или иных изменений в технологии производства; они же были более активны и в общественной жизни деревни, что неоднократно отмечалось ОГПУ⁵.

В массовом сознании 20-х годов, особенно это характерно для деревни, часто встречаются представления о том, что Запад (Германия в том числе) готов оказывать помощь русскому крестьянину.

Как сообщал в 1927 году американский журналист А. Ли, побывавший в СССР, «в Москве существует определенное дружес-

¹ Голубев А.В., Яковенко И.Г. Запад глазами русских (межвоенный период) // Россия и современный мир. 1997. № 1. С. 119–135.

² См. напр.: Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). Ф. 3. Оп. 49. Д. 16. Л. 6.

³ Власть и интеллигенция в сибирской провинции. У истоков советской модернизации. 1926–1932: Сборник документов. Новосибирск, 1999. С. 145.

⁴ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997. С. 328.

⁵ См. напр.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 189. Л. 132; Д. 183. Л. 18; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 3. 1925. Ч. 2. М., 2002. С. 537.

любие по отношению к Германии, основанное главным образом на мысли, что Германия была побеждена, как говорят русские, в “империалистической войне”, но настроения советского правительства по-прежнему отравляет то, что Брест-Литовский договор был навязан Германией с ножом у горла. В случае, если Германия станет финансово сильной и процветающей вновь, то сочувствие побежденным совсем испарится»¹.

Разумеется, уровень симпатий к Германии как таковой не стоит преувеличивать; среди просоветски настроенной части российского общества существовало убеждение, что правительство Германии «всцело находится на поводу у капиталистов»².

Иногда какое-нибудь рядовое событие, вроде приезда германской делегации, оказывало позитивное влияние на настроения в СССР. Так произошло в августе 1925 г., когда буквально по всей стране ходили слухи то ли о начале, то ли о близости войны (в том числе с Германией). В сводках ОГПУ применительно к некоторым районам Центральной России подчеркивалось: «население истолковывает приезд делегации как предотвращение скорой войны»³.

Ситуация изменилась лишь после 1933 г., после прихода к власти нацистов, когда Германия постепенно становится наиболее вероятным потенциальным противником, сменив в этом качестве Францию и Польшу, Японию и Англию⁴.

Особое место, которое занимала Германия в массовом сознании советского общества 20-х годов, проявилось, помимо прочего, в том, что именно положение немецких трудящихся стало для советских людей своеобразным эталоном, с которым сравнивалась советская повседневность. При этом материалы советской официальной пропаганды, в которых много говорилось о трудностях жизни в Веймарской республике, односторонние, но обычно не слишком преувеличенные, вызывали порой обратную реакцию.

Так, московский историк И.И. Шитц в январе 1929 г. отмечал: «характерно стремление нашей печати всячески доказать неплатежеспособность Германии по долгам. Между тем, экспертная

¹ Ли А. Россия сегодня. СПб., 2018. С. 168.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 346. Л. 88 об.

³ Там же. Д. 189. Л. 33.

⁴ Подробнее см.: Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920-е — 1940-е годы. М., 2008. С. 146–155.

комиссия (Гильберт) справедливо указывает, что немцы платили *без напряжения* в течение трех лет, что богатство их растет, валюта устойчива, города и области выкачивают у казны огромные средства на свои “нужды” (чтобы показать меньше доходов, немцы ухлопывают казенные деньги на местное строительство: здания дум, железнодорожных вокзалов, мосты — строятся с неслыханным великолепием); чрезмерный же рост безработицы объясняется тем, что перед войной (1901–1914 г.) население множилось неслыханно, и эта молодежь теперь как раз подросла»¹.

Сравнивались экономическое положение, условия жизни, заработная плата, реже — наличие или отсутствие политических свобод. Традиционные представления о жизни в Германии, в сочетании с появляющимися время от времени позитивными публикациями советской прессы, приводили к весьма определенным выводам, иногда поражающим своей детальностью, неизвестно на чем основанной, но от этого не менее убедительной. Так, в марте 1926 г. было зафиксировано следующее высказывание: «Если в Германии рабочий получает 20 руб., то сапоги у них стоят не 30 руб., а 7 руб., а у нас рабочий работает целый месяц за сапоги»². В октябре 1930 г. в Нижегородском крае бастующие рабочие заявляли, что в Америке и Германии «в магазинах на окнах стоит сливочное масло с вывеской — масло — излишки СССР, цена 45 коп.»³. Особенно, конечно, впечатляет точная цена, причем в копейках, да еще со ссылкой на происхождение масла («излишки СССР»)...

Конечно, подобная конкретика являлась скорее исключением. Что же касается общих оценок, недостатка в них не было. Так, в июне 1929 г. коммунист Белов заявлял: «Вот нам говорят, что германский рабочий придавлен экономически и политически, а русского рабочего в десять лет сильнее прижали и кто нам помогает,

¹ Шитц И.И. Дневник «великого перелома» (март 1928 — август 1931). Париж, 1991. С. 78–79. Шитц Иван Иванович (1874–1941/1942), историк. Преподавал в Екатерининском институте и частных гимназиях, был сотрудником Энциклопедического словаря братьев Грана т. С 1917 г. преподавал латынь в Московском университете, с 1928 г. редактор Большой советской энциклопедии. Его дневник за 1928–1931 гг., в начале 30-х годов, очевидно, через французское посольство в Москве, попал в Париж, где впоследствии был опубликован.

² «Совершенно секретно»... Т. 4. 1926 г. Ч. 1. М., 2001. С. 234.

³ Там же. Т. 8. 1930. М., 2008. С. 1103.

то никто»¹. В том же году в листовке, которая была приурочена к перевыборам Советов и рассылалась по почте, содержалось следующее сопоставление: «во внешней политике (СССР — А.Г.) — полная изоляция и опасность превращения нашей страны во второй Китай, в то время, как побежденная и в 10 раз беднейшая Германия успешно развивает свое хозяйство»².

Преподаватель немецкого языка в одном из институтов г. Вологды В.А. Барановский на занятиях утверждал, что «рабочим в Германии жить лучше, чем в СССР, рабочие там имеют 5–6 комнат и по 4–6 раз в сутки едят». В марте 1932 г. во время изучения рассказа о жизни немецких пролетариев он заметил: «В статье много подкрашено в сторону ухудшения жизни немецкого пролетариата, я бы не сказал, что немецкий пролетариат так худо живет; все же хотя капиталисты переживают кризис, но продукты снабжения первой необходимости в стране имеются и там народ так животы не поджигает как мы»³.

Иногда подобные высказывания подкреплялись личным опытом; например, вологодский слесарь, член ВКП (б) П.А. Пугачев «в своих антисоветских разговорах, воспользовавшись своим пребыванием в плену в Германии, ставил в пример, что в Германии жить гораздо лучше, чем в СССР, и что если бы он знал о плохой жизни в СССР, ни за что бы не поехал из Германии обратно на родину»⁴. Сочувствующие Советской власти рассматривали трудности как временные и надеялись на скорейшие изменения в лучшую сторону, но значительную часть населения нередко просто охватывало отчаяние. «Вот пишут, что в Германии плохо живется рабочим, а каково нам, так бы и поехали в Германию и сказали, чтобы не верили германские рабочие», — говорили в октябре 1925 г. в Костроме⁵.

Часто поводом для сравнений, нелестных для СССР, служил проезд очередной германской делегации. Справедливо счи-

¹ *Депрето Ж.П.* Рабочие региона и Советская власть (1928–1932 гг.) // Общество и власть. Российская провинция. Т. 2. 1930 — июнь 1941 г. М., 2005. С. 669.

² «Совершенно секретно...». Т. 7. 1929. М., 2004. С. 66.

³ «Это было сказано в присутствии целой группы студентов» — счел необходимым особо подчеркнуть осведомитель. См.: Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 1858. Оп. 2. Д. 303. Л. 139.

⁴ Там же. Д. 744. Л. 31.

⁵ «Совершенно секретно...» Т. 3. 1925 г. Ч. 2. М., 2001. С. 607.

тая, что понятие классовой солидарности предполагает не только поддержку революционного движения на Западе со стороны советского пролетариата, но и помощь пролетариата западного, рабочие «Красного путиловца» в июле 1925 г. требовали рассказать германским делегатам о «тяжелой жизни рабочих в СССР»¹.

Трудные реалии послевоенной Германии, пережившей к тому же революцию с элементами гражданской войны, хотя и менее кровавую, чем в России, массовым сознанием воспринимались лишь в связи с теми или иными конкретными событиями.

Примером может служить французская оккупация Рурской области в январе 1923 г. Помимо традиционных уже слухов о войне и мобилизации, в связи с событиями в Руре, как отмечали информаторы ОГПУ по Московской губернии, «среди рабочих всех районов наблюдается сильная заинтересованность событиями в Германии, причем следует отметить, что в массе понимание происходящего в Западной Европе — весьма слабое»².

По официальным советским данным, профсоюзы СССР оказали значительную помощь рурским рабочим. ВЦСПС выделил на эти цели 100 тыс. рублей золотом; 10 тыс. рублей золотом и 160 вагонов зерна отправил Всероссийский союз горняков; рабочие ряда предприятий г. Харькова отчислили 2% месячного заработка, а крестьяне Вятской губернии собрали 3 тыс. пудов хлеба, и т. д.³ Кроме того, по 2 тыс. долларов собрали советские ученые и писатели⁴. Но, разумеется, эта помощь, организованная «сверху» (и отнюдь не по инициативе профсоюзов) никак не отражала реальные настроения общества.

Любопытна листовка, выпущенная по поводу событий в Руре московскими социал-демократами (меньшевиками). Отпечатанная типографским способом, она была найдена на одной из электростанций Москвы. В листовке, в частности, говорилось о том, что ввод французских войск в Рурскую область — это «варварское ограбление германского народа... Захват Рура должен убить германскую промышленность, лишив ее угля, убить опасного конкурента французского капитала, обречь на голод и безработицу

¹ Там же. Т. 3. Ч. 1. С. 428.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 179. Л. 1.

³ См.: Всемирная история. Т. VIII. М., 1961. С. 526.

⁴ *Иоффе А.Е.* Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917–1932. М., 1975. С. 78.

германских рабочих, довести до нищеты весь германский народ... Русские рабочие, сдавленные в тисках большевистской диктатуры, бесправные, безгласные рабы — меньше всего способны сейчас к активной борьбе против французского насилия в Руре. Ибо нельзя же всерьез считать борьбой русского пролетариата те казенные демонстрации, которые были организованы по воле начальства — демонстрации, больше заостренные против рабочих-социалистов, чем против французских империалистов»¹.

И у населения ситуация в Руре не вызвала особого энтузиазма. Более того, были отмечены случаи, когда, как на одной из фабрик в Нижегородской губернии, «рабочие под влиянием антисоветски настроенного рабочего отказались от помощи рурским рабочим»². Что касается деревни, там рурский кризис в очередной раз вызвал слухи о войне с Францией и Англией. Порой эти слухи были весьма конкретны. Так, в Северо-Западном крае уверенно говорили об уже состоявшейся отправке в Германию двух красноармейских полков³. В результате в Смоленской губернии в марте 1923 г. сельский сход вынес резолюцию, в которой говорилось: «Мы, граждане деревни Подмостье... войны не желаем, мы не хотим защищать интересы Германии и как один отказываемся от войны»⁴.

Особо следует проанализировать такой аспект данной проблемы, как отражение в массовом сознании советского общества перспектив германской революции. Известно, что по крайней мере до конца 1923 г. советское руководство рассчитывало (и не без оснований) на скорейшую победу коммунистической революции в Германии, предпринимая для это весьма серьезные усилия. Соответственно и в средствах массовой информации много говорилось о революционной ситуации в Германии, о незавершенности германской революции, о борьбе рабочего класса Германии и его авангарда — коммунистической партии. «В Германии кипит и бурлит, правительство балансирует между правыми и левыми, каждый день может вспыхнуть пожар», — записал в своем дневнике 27 июня

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 179. Л. 23–24.

² «Совершенно секретно»... Т. 1. 1922 г. Ч. 2. М., 2001. С. 891.

³ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918-1939. Документы и материалы. Т. 2. 1923–1929. М., 2000. С. 98. См. также: ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921–1927 годы (по материалам информационных сводок ВЧК-ОГПУ). Сыктывкар, 1995. С. 58.

⁴ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 2. С. 82.

1922 г. студент Института красной профессуры И.И. Литвинов¹. Не случайно в ходе бесед или лекций по международному положению при любой встрече с «представителями германского пролетариата» возникал вопрос: скоро ли у них будет революция².

В 1923 г., по мере обострения ситуации в Германии, советское руководство готовило партию к возможной победе германской революции. В сентябре всем губкомам было разослано закрытое письмо ЦК о «близости и неизбежности германской революции», которое заканчивалось словами «только победа германской революции приблизит коммунизм». В октябре последовало новое письмо, озаглавленное «Германия накануне великих боев», где давался следующий прогноз: «Не оставляет сомнения, что республика наша будет втянута в войну против своей воли. Объединение Советской Германии с СССР будет последним ударом по капитализму и неизбежно приведет скоро к рабоче-крестьянской революции в других странах Европы и всего мира»³.

Общегерманская забастовка в августе 1923 г., создание рабочих правительств в Саксонии и Тюрингии, введение осадного положения и, наконец, гамбургское восстание в октябре 1923 г., казалось, свидетельствовали о начале революции. Однако сообщения об обострении ситуации в Германии осенью 1923 г. вызвали в советском обществе смешанную реакцию. И дело не только в том, что значительная его часть никак не сочувствовала революции как таковой, в том числе, разумеется, и германской. Даже среди тех, кто лояльно относился к советской власти, преобладал скептицизм. Причина его проста: трудности повседневной жизни в значительной мере приглушили революционные настроения. Разочарование результатами собственной революции не без оснований переносилось и на Германию. Так, в ноябре-декабре 1923 г. среди железнодорожных рабочих Уральской области были замечены разговоры о том, «что Соввласть и РКП изжили свое время, что германские рабочие не принимают коммунистических лозунгов и присоединя-

¹ «Птицегонство надоело до смерти...» Из дневника И.И. Литвинова. 1922 г. // Неизвестная Россия. XX век. Кн. IV. М., 1994. С. 120.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 347. Л. 38.

³ Цит. по: Сафан А.Ю. Восприятие Запада в России и СССР 1900-1929 гг.: некоторые проблемы и установки // Россия и Запад: диалог культур. М., 1996. С. 512–513.

ются к другим партиям»¹. Отношение их [рабочих] к важнейшим событиям момента — событиям в Германии не отмечены особенным подъемом, хотя во многих губерниях рабочими принимаются резолюции по помощи германским рабочим...» — к таким выводам пришел Информотдел ОГПУ². Помимо разочарования в самой идее мировой революции, объяснением этому может послужить упоминание о войне, которой боялись и не хотели в первую очередь те слои населения, которые сочувствовали советской власти и не желали ее падения. С этой точки зрения любой всплеск революционной активности на Западе был чреват самыми неожиданными, вероятнее всего негативными, последствиями.

Тем не менее, поражение германской революции вызвало определенное сочувствие. В стране развернулась кампания оказания помощи германскому комсомолу, германским детям (прежде всего, конечно, детям рабочих). Так, в самых глухих (в прямом смысле слова «медвежьих») уголках Вологодской губернии она приняла следующие формы: в Вельском уезде в начале 1924 г. собрали 210 руб. 81 коп.; в пользу комсомола и детей Германии пошел сбор от двух спектаклей³. В Грязовецком уезде на съезде политпросветработников в январе 1924 г. постановили — создать (где есть силы и место) в библиотеках «уголки», посвященные ходу германской революции, и т.д.⁴

Как ни странно, особый интерес населения СССР вызвали не столько события осени 1923 г., сколько президентские выборы в апреле 1925 г. Прежде всего они повлияли на представления о военной угрозе. Но их воздействие на советское общество было гораздо более широким и разносторонним.

То, что в Германии с февраля 1919 г. существовал пост президента, который занимал социал-демократ Ф. Эберт, воспринималось как само собой разумеющееся и особого внимания не привлекало. Но вдруг, когда после смерти Эберта на выборах победил кандидат правых П. фон Гинденбург, реакция широких слоев населения (прежде всего крестьянства) в СССР была неожиданной. Выборы президента, а тем более победа Гинденбурга, восприни-

¹ «Совершенно секретно»... Т. 1. Ч. 2. С. 959.

² Там же. С. 932, 934.

³ ВОАНПИ. Ф. 111. Д. 778. Л. 7, 10 об.

⁴ Там же. Л. 156 об.

мались как подведение своеобразной исторической черты под германской революцией, даже как первый шаг на пути к восстановлению монархии в Германии. Это приводило к довольно логичному выводу: по тому же пути вскоре последует и Советская Россия, где, как в Германии, сначала выберут «президента», а затем восстановят монархию. В этой связи назывались разные кандидатуры из числа советских руководителей, но чаще — великий князь Николай Николаевич (любопытно, что с его именем, как и с именем Гинденбурга в Германии, были связаны воспоминания о победах в годы мировой войны). Так, священник из Рязанской губернии говорил во время проповеди: «скоро изберут у нас, как в Германии, президента, бывш. князя Ник. Ник., и тогда мы уже заживем»¹.

Подобные взгляды высказывались в самых разных уголках огромной страны самыми разными людьми. Так, в Самарской губернии, по данным ОГПУ, бывший офицер К. Иванов «считает германскую выборную кампанию правильной, восхищается Гинденбургом и говорит, что если будут такие же выборы в России, то коммунисты провалятся». А в Орловской губернии крестьяне утверждали: «Смотри: в Германии была революция и все-таки себе избрали царя, так будет и в других странах, так как президент от царя ничем не отличается, он ведь полный хозяин»². По мнению некоего Ярославцева из с. Прилепы Тульской губернии, «Гинденбург действительно является освободителем германского народа от гнета интервенции Антанты и нищеты; Гинденбург — человек умный и знает хорошо жизнь своей родины. Само голосование германского народа за Гинденбурга и провал коммунистического кандидата в президенты говорит ясно, что компартия не имеет авторитета...»³

Своеобразный вывод был сделан в рукописной листовке, найденной в Гомельской губернии: «Да здравствует монархия Германия, Россия»⁴.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188. Л. 138. Николай Николаевич (1856–1929), великий князь, генерал от кавалерии (1901). В Первую мировую войну верховный главнокомандующий (1914–1915), наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией (1915–1917). С 1919 г. в эмиграции. Среди части русской эмиграции считался претендентом на российский престол.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188. Л. 118, 121.

³ «Совершенно секретно»... Т. 3. Ч. 1. С. 392.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188. Л. 59.

С этого времени Германия прочно заняла, наряду с другими европейскими странами, место своеобразного эталона не только с точки зрения повседневной жизни, но и в политической области. При этом подобные настроения чаще всего отмечались в Москве и Московской губернии.

На обще волостном собрании в с. Мячково в мае 1925 г. крестьянин Рычагов приводил Германию в пример: «Нам, товарищи, говорят, что в Германии ставят президентом то Эберта, то Гинденбурга, а у нас мы боремся, а нас — волостей — не было на губсъезде советов...»¹

Чаще прочего в этом контексте говорилось о свободе слова и печати. «У нас хуже, чем в гинденбургской Германии, там существует свобода печати, а в СССР дают однобокую газету» — говорил крестьянин-середняк Волоколамского уезда в декабре 1927 г.² Тогда же на собрании московских безработных в президиум была подана записка с вопросом: «Во Франции и Германии свобода слова и печати, у нас этого нет. Так, где же социализм? Там, где воля, свобода и печать, или у нас в диктатуре ВКП(б)?»³

Однако существовала категория населения, для которой романтика мировой революции, в первую очередь германской, была все же не пустым звуком. Речь идет о молодежи. «Многие из нас вполне искренне считали, что мы живем лучше всех на свете, во всяком случае лучше зарубежных товарищей по классу, изнывающих под гнетом беспощадной капиталистической эксплуатации и начисто лишенных возможности даже грамоте как следует научиться» — вспоминал позднее «ровесник Октября», историк О.Ф. Сувениров⁴. «Тельманки», значки и салют «Рот фронта», песни о смелых бойцах-«спартаковцах», популярность немецкого языка в школах — все это не только было отличительным знаком 1920-х — начала 1930-х годов, но и отложилось в памяти целого поколения, а затем было воспроизведено в воспоминаниях, литературных произведениях, пьесах, кинофильмах. Именно такие стереотипы восприятия Запада в целом и Германии, в частности,

¹ Там же. А. 51.

² Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 2. С. 623.

³ ЦГАМ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 44. Л. 86 об.

⁴ Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М., 1999. С. 35. О том же писал в своих мемуарах и философ А.А.Зиновьев. См.: Зиновьев А.А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 1999. С. 118–119.

долгие годы считались характерными для советского общества 1920-х годов.

30 января 1933 г. президент Гинденбург назначил лидера германских национал-социалистов А. Гитлера рейхсканцлером. Приход фашистов к власти, хотя и не сразу, привел к изменениям в двусторонних советско-германских отношениях, и к серьезным корректировкам в советской пропаганде, которая постепенно стала принимать все более антинацистский (а объективно в некоторой степени и антигерманский) характер¹.

Не случайно, именно в 1933–1934 гг. была предпринята попытка создания Научной ассоциации по изучению народов Запада, которая ставила своей целью «марксистско-ленинскую разработку проблем революционного движения, разработку экономики и истории Запада, а также всемерное содействие социалистическому строительству национальных меньшинств Запада на территории СССР»². После долгих проволочек устав ассоциации был утвержден, однако практическая работа так и не успела развернуться; позднее руководство ассоциации было репрессировано.

Антифашистская направленность пропаганды вызывала определенный отклик у части советского общества, прежде всего интеллигенции. В частности, особые опасения вызывала антисемитская политика гитлеровцев, их расовые теории, а также стремление к захвату «жизненного пространства» (впрочем, последнее многие воспринимали как чисто теоретические рассуждения, не придавая им особого значения)³.

Необходимо отметить, что с начала 1920-х годов термин «фашизм» в советской пропаганде употреблялся в самом широком смысле — помимо итальянских фашистов, были польские, болгарские, румынские, финские, японские и прочие, а также пресловутые «социал-фашисты». Правда, как правило, при этом соблюда-

¹ Подробнее см.: Голубев А.В. Запад глазами советского руководства в 1930-е годы // Россия XXI. 1997. № 11–12. С. 114–132

² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1603. Л. 26.

³ См. об этом: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 95, 149, 159–160; и др.

лось одно условие: режим, к которому применялся термин, должен был быть, по крайней мере, авторитарным (скажем, в отношении Чехословакии этот термин не использовался). Но были и исключения. Так, в 1933 г. в Ставрополе вышла крохотным (400 экз.) тиражом небольшая брошюра с интригующим названием «Американский фашизм в педагогике». Речь в ней шла о педагогических идеях У. Килпатрика и Д. Дьюи, которые во второй половине 20-х годов были весьма популярны в СССР. «Фашистская» сущность этих идей сводилась, впрочем, к тому, что они были направлены на сохранение социальной устойчивости американского общества¹.

В материалах ОГПУ время от времени встречаются упоминания о том, что коммунистов сравнивают с фашистами²; о появлении листовок, написанных якобы от имени фашистской организации³, и так далее. В марте 1925 г. появилось даже сообщение о раскрытии антисоветской организации «Орден русских фашистов», которая «группировалась из литераторов, имевших за собой контрреволюционное и уголовное прошлое, в том числе ряд явных дегенератов, кокаинистов и опиуманов». Сообщалось, что целями организации являлись уничтожение марксистской идеологии, свержение советской власти, установление диктатуры русских фашистов⁴.

Однако при всей важности того, что термин «фашизм» существовал и даже активно воспроизводился в массовом сознании советского общества задолго до 1933 г., необходимо учитывать, что именно с Германией это понятие не связывалось, по крайней мере, до начала 1930-х годов, когда, наряду с ситуацией на Дальнем Востоке, события в Германии стали вызывать особый интерес⁵. В июле 1930 г. М.М. Пришвин отметил любопытный сдвиг в настроениях: один из его знакомых, всегда придерживавшийся либе-

¹ Ткачев И.М. Американский фашизм в педагогике. Ставрополь, 1933. Дьюи Джон (1859–1952), американский философ и педагог, представитель философского направления прагматизм. Автор более 30 книг и 900 научных статей по философии, эстетике, социологии, педагогике и другим дисциплинам; Килпатрик Уильям Херд (1871–1965), американский педагог, основоположник метода проектов.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 189. Л. 46.

³ «Совершенно секретно»... Т. 4. Ч. 1. С. 250.

⁴ Там же. Т. 3. С. 3. Ч. 1. С. 191.

⁵ См.: ЦГАМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 55. Л. 9; Д. 67. Л. 64; ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 191. Л. 79; и др.

ральных воззрений, «теперь ликует, когда побеждают фашисты»¹. К сожалению, писатель никак не прокомментировал это замечание и о мотивах такого изменения можно только догадываться².

Прежде всего, конечно, за ситуацией в Германии следили представители интеллигенции. Так, в сентябре 1930 г. И.И. Шитц записал в дневнике: «В Германии выборы (14 сентября) дали, как и предвиделось, усиление правого и левого крыла: необычайно расцвели фашисты, и увеличилось число голосов за коммунистов³. Придется немцам теперь делать соответствующие выводы. Либо они перейдут к русскому антипарламентаризму (но с опорой на фашистов или без них, в духе прежней прусской монархии), либо подчинятся коммунизму (такой ли он будет у них, как в СССР, — вопрос другой), если только, прозрев, не поймут, какую опасную игру они затеяли, думая, что можно “по-бисмарковски” опираться на “Россию”, не считаясь с тем, что отсюда идет всяческое поощрение коммунизма»⁴.

В марте 1932 г. академик В.И. Вернадский рассуждал: «Слухи о войне уменьшаются — но тревога большая. Победа Гинденбурга-Гитлера и status quo коммунистов в Германии — при условии кризиса — серьезный признак, который здесь учитывается⁵. Я не ожидал — влияние здешних “газет”?»⁶

Вместе с тем для значительной части населения ни «рост фашистской угрозы», ни «предательство германских социал-фашистов», ни даже приход Гитлера к власти почти не представляли интереса. «Несмотря на важность событий в Германии, захват власти Гитлером, террор рабочего движения, гонения на компартию,

¹ Пришвин М.М. Дневники. 1930–1931. Книга седьмая. СПб., 2006. С. 161.

² Любопытно, что в начале Второй мировой войны симпатии самого Пришвина, по крайней мере до июня 1941 г., тоже оказались на стороне фашистской Германии. См.: Голубев А.В. Мир начала 1940-х гг. глазами русского писателя // Российская история. 2013. № 3. С. 149–154.

³ На выборах в рейхстаг 14 сентября 1930 г. 24,5 % голосов получила СДПГ, 18,3 % НСДАП, 13,1 % КПП, 11,8% Католическая партия центра; 7% Немецкая национальная народная партия. Остальные партии не преодолели пятипроцентный барьер, хотя и получили представительство в рейхстаге.

⁴ Шитц И.И. Дневник... С. 220.

⁵ Результаты первого тура президентских выборов в Германии появились в «Правде» 15, в «Известиях» 16 марта 1932 г. Гинденбург получил 18,6 млн. голосов, Гитлер 11,3 млн., Тельман 5 млн.

⁶ Вернадский В.И. Дневники: Март 1921 — август 1925. М., 1999. С. 294.

захват редакции и т. д. среди студентов кормофака (кормовой факультет Молочно-хозяйственного института — А.Г.) разговоров и дебатов не было», — говорится в справке Вологодского ОГПУ. И далее приводится комментарий одного из студентов по поводу поражения германских коммунистов: «Иностранные рабочие не такие дураки, чтобы завоевать голодную свободу, как у нас»¹. И, несмотря на развернутую пропагандистскую кампанию, в апреле 1935 г. на политдне в Ижевске звучали такие вопросы: «Что такое фашизм? Чем отличается фашистская организация от социал-демократической организации?»²

Если говорить о восприятии внутренней политики фашистской Германии, то, несмотря на массивную кампанию в средствах массовой информации, приход фашистов к власти расценивался в стране неоднозначно. Для массового сознания Германия по-прежнему служила одним из основных объектов для сравнения с СССР. Так, например, ленинградские рабочие высказывались в ноябре 1934 г. в связи с отменой хлебных карточек: «Правительство правильно делает, что ликвидирует продовольственные и хлебные карточки; капиталистические страны, хотя и видят размах нашего строительства, все же злорадствуют, что карточки у нас еще существуют... политически правильно, что в Советском Союзе отменяют карточки, а в это же самое время в Германии вводят карточную систему»³.

Участившиеся сообщения советской прессы о тяжелом положении германских рабочих вызвали появление высказываний и листовок, в которых делались сравнения, весьма нелестные для советской действительности.

Подобная листовка (2 копии под копирку) появилась у клуба Вологодского вагоноремонтного завода в апреле 1933 г. Здесь приведены выдержки из нее с сохранением особенностей стиля и орфографии документа:

«У них Безработные (бездельники) “голодают”, бродят от нечего делать и зеворотничают по Берлину (видимо покушали)

¹ ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 303. Л. 71,74.

² Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИУР). Ф. 16. Оп. 1. Д. 1895. Л. 32.

³ Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 5. Д. 2286. Л. 47.

У нас Бьются как рыба об лед, работают 16 часов в сутки, не имея возможности своего ребенка накормить досыта черным хлебом

У них “Экономический развал”, с товарами, продуктами, не знают куда деваться, хлеб, картофель скармливают свиньям

У нас По дням за 200 г стоят сутками в очередь, ходят босые, разутые и раздетые, кринка картофеля роскошь

У них Сокращение неработоспособных лентяев

У нас Опытных, прослуживших десятки лет, но лишь слабо протестующих против существующего кошмара, а то и просто так по подозрению

У них Бросают в тюрьмы прохвостов, пытающихся привести страну к нищете, голоду и развалу

У нас Садят в министерские кресла, награждают орденами, зачисляются в герои страны...»¹

В октябре 1933 г. весовщик станции Вологда по поводу плохого обеда в столовой заявил: «Это не жизнь, а гибель для рабочих и крестьян, вот в Германии умный народ, молодец Гитлер, что давит коммунистов, недаром бывший германский император Вильгельм приветствует Гитлера как умного человека по уничтожению коммунизма, это не коммунизм, а банда... Придет время, что Германия покажет и русским коммунистам, Украину определенно возьмет»².

Кстати, о том, что Германия имеет виды на Украину, говорили многие. Своеобразным толчком для таких разговоров послужила, в частности, продажа КВЖД в 1935 г. Сходная реакция была отмечена в разных частях страны. Так, красноармеец Голуб (Украинский ВО) высказывал недовольство: «Говорят, что с целью борьбы за мир мы продали КВЖД. Хорошая борьба. Это значит, если Германия нажмет, то в борьбе за мир продадим и Украину». Ему вторил красноармеец Тимофеев (Приволжский ВО): «Советский Союз уступил Японии КВЖД, а теперь угрожает Германия, ей придется уступить Белоруссию, Украину...»³

В справке о настроениях ленинградских рабочих в ноябре 1934 г. приводятся любопытные высказывания. «Там есть тюрьмы и у нас они есть, так что большой разницы нет», заявил рабочий Иванов с завода «Промтехника». А на заводе «Электросила» был

¹ ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 303. Л. 91–92.

² Там же. Д. 308. Л. 359.

³ Трагедия советской деревни... Т. 4. С. 474, 615.

задан вопрос: «Почему у нас не устраивается плебисцит, чтобы узнать всенародное мнение. Ведь это даже у Гитлера делается»¹.

Нередко высказывались сомнения в достоверности того, о чем писали советские газеты или говорили в своих выступлениях партийные деятели. В мае 1935 г. работница одной из московских фабрик утверждала: «Все говорят, что немцы — наши враги, а немцы в самом деле гораздо лучше. Они когда были в Белоруссии, помогали нуждающимся и больным»². Осенью 1937 г. студент института «Цветметзолото» говорил, «что фашизм не является открытой оголтелой диктатурой, что элементы демократии имеют место в странах фашизма»³.

По-прежнему в разных социальных слоях и в разных регионах СССР встречались высказывания о том, что немцам, даже и при власти фашистов, живется лучше, чем советским рабочим и крестьянам.

Так, в сентябре 1935 г. в Москве некий инженер уверял немецкого журналиста, что за границей «очевидно, очень хорошо живется и все баснословно дешево, т.к. наши русские, едущие туда в командировку и приезжающие обратно, все прекрасно одеты и даже привозят с собой велосипед и патефон»⁴. В августе 1937 г. житель г. Вологды Михайлов говорил: «В СССР половина населения голодает, а в Германии хоть и говорят о голоде, но там рабочие живут гораздо лучше»⁵.

Свердловская учительница немецкого языка М.Е. Козопасова, в 1920–1925 гг. жившая в Германии и поддерживавшая переписку с немецкими знакомыми, по словам директора школы, в 1936–1937 гг. высказывала «неумеренно восторженные мнения о Германии», возмущалась тем, что советский журнал на немецком языке «имеет нахальство» писать, что дети безработных в Германии голодают: хотела бы я посмотреть, хотя бы на одного голодающего ребенка в Германии»⁶.

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2286. Л. 66–67.

² ЦГАМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 67. Л. 108.

³ Там же. Оп. 50. Д. 15. Л. 23.

⁴ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 3. Д. 501. Л. 107.

⁵ ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 940. Л. 18.

⁶ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 161. Оп. 6. Д. 289. Л. 144.

В сводке Омского горкома партии, посвященной итогам проработки закрытого письма ЦК ВКП (б) по поводу убийства С.М. Кирова в феврале 1935 г., отмечалось, что среди студентов Омского института сельского хозяйства идут такие разговоры: «В СССР тяжело живется большинству, и никто еще не доказал, что при германском фашизме хуже, чем при нашей пролетарской диктатуре»¹.

Иногда высказывания о том, что в Германии, в том числе при Гитлере, живется лучше, чем в СССР, принимали анекдотические формы. Так, в августе 1936 г. в Белоруссии на общем собрании колхоза некто Корнейчик (впоследствии арестованный) заявил: «В Германии царь больше заботится о людях, он сам ходит в каждый дом и даже сарай и смотрит, как живет крестьянин, там сейчас хорошо живется»².

Чаще других говорили об этом немцы (в том числе иностранные специалисты), жившие в СССР и сохранившие связи с родиной. Например, уже в августе 1933 г. в Свердловске появились письма из Германии, в которых писалось, что «радость в отношении к новой системе всеобщая, все воодушевлены перспективами, которые ожидаются в новой Германии. Число участников демонстраций, которые, часто бывает, превышает 100 000 тыс. (так в документе — А.Г.), особенно рабочие ожидают улучшения своего материального положения, в связи с этим сбор на различные собрания и митинги так велик, что не требуется особых сил для привлечения. Не так давно по всей Германии проведена кампания оказания помощи 1–1/2 млн немцам, живущим в СССР, которые близки к голодной смерти... например в одной деревне было 200 чел. безработных, теперь они все получили работу»³. Конечно, слухи об этих письмах тут же расплозились по городу.

В августе 1933 г. на фоне еще ощущавшегося голода и ожидания нового, в связи с засушливой погодой, в немецких колхозах Средне-Волжского края был отмечен «рост отрицательных настроений, вылившихся в конечном итоге в стремление эмигрировать. Эти эмиграционные настроения подогреваются отдельны-

¹ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 243. Л. 5.

² Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 4. 1935–1939. М., 2012. С. 299.

³ Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДООСО). Ф. 161. Оп. 1. Д. 107. Л. 69.

ми письмами, проникающими из Германии, где в благоприятных красках рисуется фашистский режим. Значительное количество колхозников, готовя чемоданы, шьют белье на дорогу, забивают мелкий скот (кстати, через имеющиеся радиоприемники отдельные колхозники принимали по радио передачи из Германии и слушали речи Гитлера)»¹.

Вообще и немецкие граждане, и просто этнические немцы, жившие в СССР, но сохранившие какие-то связи с родственниками или знакомыми в Германии, служили одним из основных каналов получения альтернативной (позитивной по преимуществу) информации о положении в национал-социалистическом рейхе. Они же нередко выступали в качестве своеобразных пропагандистов. Так, в Ленинграде на заводе им. М. Гельца немецкий рабочий Штурц говорил о разнице в выборах в капиталистических странах и в Советском Союзе и особо подчеркнул, что «немецкие рабочие горды тем, что они могут участвовать в настоящих выборах»². Конечно, процессы, происходившие в этой среде, вряд ли можно рассматривать как характерные для советского общества в целом³.

Были случаи, когда политика национал-социалистов отождествлялась с тем, что происходило в Советском Союзе. Арестованный в 1936 г. в Тюмени директор пивоваренного завода И.В. Людвиг, член ВКП (б) с 1918 г., по данным чекистов, говорил, что «фашизм является большевизмом наизнанку и что большевики и фашисты друг друга стоят... В Германии Гитлер признает чувство национальной гордости — это фашизм, у нас появились слова “родина”, “любить родину”. У нас с другого конца тоже вводится национал-социализм»⁴.

Данное высказывание, как и ряд ему подобных, содержит элементы осуждения («большевики и фашисты друг друга стоят»), однако те, кто был настроен оппозиционно по отношению к существующему строю, одобряли также антикоммунистические репрессии в Германии и антисемитизм германских властей. Так,

¹ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 3. 1930–1934. Кн. 2. 1932–1934. М., 2005. С. 445–446.

² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2286. Л. 120.

³ О том, как немецкие граждане, жившие в СССР, воспринимали перемены на родине, также см.: Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»... С. 28–2294.

⁴ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 857. Л. 2.

вологодский инспектор ОТК, член партии П.С. Непряхин в июне 1936 г. в разговоре о политике Гитлера высказал свое согласие с политикой Гитлера, в отношении того, что «коммунисты есть тьма»¹. Встречались и такие высказывания: «Гитлер, это великий человек, ему богом суждено победить весь мир, надо помогать Гитлеру. Сталин — это ничтожество». Некто Игнатъев, учитель из Глазовского района Удмуртской АССР на вечере учителей предлагал: «Выпьем за победу фашизма в СССР!»² В августе 1936 г. специалист Калужской спичечной фабрики Музалев утверждал: «фашисты ... не настолько глупы, как о них думают. Они, пожалуй, поумнее нас, в Испании они едва ли не победят»³.

Как утверждал в феврале 1936 г. бывший член ВКП (б) И. Примак, «фашизм проник кругом. Это самая справедливая и верная партия, она осаждаёт богачей и поднимает бедноту постепенно, без горлохватства, выравнивает весь народ»⁴. Неоднократно в частных разговорах подчеркивалось, что «фашисты строят социализм мирным путем», и что фашизм пользуется поддержкой германского народа, а Гитлер — сильный лидер, «замечательный человек и лучший руководитель в мире». Есть сведения, что среди молодежи высказывались сравнения между комсомолом и гитлеровской организацией «Сила через радость» в пользу последней⁵.

В августе 1936 г. конторщик А.Ф. Смирнов в частной беседе говорил: «По-видимому фашизм растёт, Гитлер подвигается к Франции и всех посылает куда следует. Он авторитетно действует на массы. Если бы знали сущность фашизма, у нас наверняка нашлось бы немало сторонников»⁶. Своеобразный итог подобным разговорам подвел в декабре 1936 г. безымянный колхозник, «активный церковник» из Воронежской области в декабре 1936 г.:

¹ ВОАИПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 744. Л. 30.

² ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2238. Л. 64.

³ Государственный архив Калужской области. Ф. 8. Оп. 3. Д. 26. Л. 142.

⁴ Государственный архив Омской области. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 206. Л. 116.

⁵ Цит. по: Дэвис С. Мнение народа... С.94. «Сила через радость» — политическая организация, занимавшаяся вопросами организации досуга населения Рейха в соответствии с идеологическими установками национал-социализма. Входила в состав Германского трудового фронта и функционировала с 1933 по 1945 г.

⁶ ЦГАМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 126. Л. 202.

«Если Гитлер возьмет власть, в России будет лучше. Только Гитлер может дать жизнь людям»¹.

Зачастую внимание «органов» привлекали, очевидно, случайные высказывания. Так, инструктор ижевского горно Иютин в 1936 г. на вечеринке поинтересовался: «Кто имеет право вступать в фашистскую организацию?» Этот факт тут же был доложен в обком партии².

Иногда представления о могуществе немецких фашистов принимали совсем уже анекдотические формы. Например, в 1937 г. техник Ворошиловского химкомбината (Свердловская область) Рассадович, по совместительству преподававший немецкий язык в школе, во время уроков «проводил контрреволюционную фашистскую пропаганду», говоря ученикам: «Лучше учите немецкий язык, он вам пригодится, так как скоро Гитлер придет»³. К сожалению, этот педагогический прием оценили не столько ученики, сколько сотрудники ОГПУ НКВД.

Как фашистскую пропаганду расценили работники НКВД и такое высказывание 16-ти летнего школьника из Челябинска, по-своему осмыслившего результаты процесса по делу т.н. «Параллельного троцкистского центра»⁴: «Своим умом Карл Радек понял, что весь мир стоит перед фашизмом, что фашизм захлестывает весь мир и, естественно, нужно своевременно перейти на сторону фашизма, и он это сделал... Хотя эти люди, как вы говорите, агенты гестапо, но вы мне найдите, хотя одного человека в Советском Союзе, который бы равнялся по уму Карлу Радеку»⁵.

Можно предположить, что иногда отмечавшиеся нескрываемые симпатии к фашизму, прежде всего среди молодежи, объяс-

¹ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 4. С. 381.

² ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2238. Л. 57.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 104. Л. 65.

⁴ 23–30 января 1937 г. в Москве состоялся второй показательный процесс по делу «Параллельного троцкистского центра» («процесс 17-ти»). 13 подсудимых из 17 были приговорены к ВМН. Среди главных подсудимых: Г.Л. Пятаков, Г.Я. Сокольников, К.Б. Радек, А.П. Серебряков.

⁵ Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 98. Л. 200. Радек Карл Бернгардович (наст. Собельсон Кароль, 1885–1939), деятель международного социал-демократического и коммунистического движения. В 1919–1924 гг. член ЦК РКП (б); в 1920–1924 член (в 1920 секретарь) Исполкома Коминтерна, сотрудник газет «Правда» и «Известия».

нялись желанием пооригинальничать (культуролог, впрочем, в этой связи отметил бы стремление нарушать культурное табу, особенно свойственное для детей и юношества, и характерное для определенного этапа усвоения социокультурной традиции). В партийных документах и материалах НКВД нередко встречаются упоминания о нарисованных «фашистских знаках» (очевидно, свастике). Особенно популярными эти запретные знаки оказались среди студентов. Так, в мае 1936 г. в Свердловске была арестована группа студентов Индустриального института, у которой «имелись связи с фашистами Германии, причем в группе были комсомольцы... носившие на лацканах пиджака фашистские знаки, и открыто, под маркой Мопровской выставки к 1 Маю предлагали выставить для всеобщего обозрения фашистские реликвии»¹. И не случайно время от времени в документах НКВД встречаются упоминания о «детских фашистских группах», или о случаях, когда школьники мелом рисовали знаки свастики на партах или даже на спинах товарищей...

Понятно, что и сознательные, хотя и пассивные противники советской власти связывали с германским фашизмом определенные надежды — и не только как с силой, способной военным путем победить большевиков, но и как с возможной альтернативой коммунизму как таковому. Уже в 1933 г. ленинградское ОГПУ, внимательно следившее за ситуацией среди т.н. «бывших», отметило и «консолидацию социально-чуждых и враждебных элементов», и «активную концентрацию» бывших членов буржуазных партий, «открыто ориентирующихся на фашизм и высказывающих симпатии Гитлеру»².

Конечно, трудно доверять материалам НКВД относительно существования в СССР «фашистских организаций», особенно после 1933 г. Как правило, подобные дела попросту фабриковались. Так, в феврале 1934 г. Г.Г. Ягода направил И.В. Сталину сообщение об аресте членов «широко разветвленной фашистской организации», именованной «Российская национальная партия», которая ставила своей конечной целью «свержение советской власти и установление в стране фашистской диктатуры». В состав руководящего «Политического центра», по мнению ОГПУ, входили академики В.И. Вернадский и М.С. Грушевский, литературоведы

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 777. Л. 9.

² Иванов В.А. Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х–40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997. С.99.

Н.С. Державин, В.Н. Перетц и М.Н. Сперанский, химик Н.С. Курнаков, ряд других видных ученых. При этом, отмечалось в сообщении, «организация была создана по прямому указанию закордонного русского фашистского центра... фашистский центр за границей, сформировавшись на базе евразийского движения, включил в себя панславистские элементы и был тесно связан с французскими интервенционистскими кругами», и лишь с 1932 г. «в связи с усилением фашизма в Германии и затем прихода к власти Гитлера организация ориентировалась на фашистскую Германию»¹. Другим примером может служить дело «молодежной фашистской организации «Гитлер Югенд» в Москве»².

Не отставали от столичных чекистов и их провинциальные коллеги. Так, в Ленинграде и области только в 1935 г. было раскрыто 9 «фашистских групп», а в 1937 г. там же была ликвидирована «фашистско-террористическая организация», состоящая более, чем из 50 человек во главе с «агентом гестапо». На самом деле это были члены городского общества глухонемых...³ Неоднократно «немецко-фашистские шпионы и диверсанты» фигурировали на печально знаменитых московских процессах.

Вместе с тем отмечены случаи, когда возникали неформальные группы, ориентированные на связь с Германией и на получение отсюда помощи и информации. Ничего противозаконного, строго говоря, в этом не было, что не мешало, разумеется, «органам» жестко пресекать их деятельность. Тем не менее, важен факт наличия не просто прогерманских или профашистских настроений, но и неких, пусть самых примитивных, стихийно возникающих общественных структур, находившихся под влиянием национал-социалистической идеологии.

Так, в немецких национальных колхозах Донецкой области в 1934 г. было обнаружено несколько «контрреволюционных группировок». В состав одной из них входили немцы-колхозники, в частности некто Рух (бедняк, немецкий подданный), Герц (подданный СССР, в 1932 г. исключался из колхоза), и др. Члены груп-

¹ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922– декабрь 1936 М., 2003. С. 489–490.

² См.: Общество и власть в 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998. С. 187–188.

³ Иванов В.А. Миссия ордена... С. 104, 161.

пировки «собирали у колхозников и единоличников заявления о тяжелом материальном положении, которые Рух и Герц отвозили немецкому консулу и привозили оттуда деньги». В другом колхозе подобную группировку возглавлял местный учитель Бур, поддерживавший переписку с немецким консульством. Он сообщал в консульство «явно вымышленные факты о тяжелом материальном положении колхозников, о репрессиях, которым якобы подвергаются колхозники со стороны представителей соввласти и т.п.» Одна из участниц группировки периодически посещала консульство и привозила оттуда деньги и фашистскую литературу, которая потом распространялась среди колхозников¹. Конечно, в материалах НКВД можно найти множество сообщений, где подобные группировки, особенно в 1936–1937 гг., характеризуются как шпионские, террористические, и т.п., что вызывает естественное недоверие. Но факт переписки этнических немцев, тем более германских подданных, с консульством, жалобы на тяжелое положение колхозников, даже получение денег и литературы — все это представляется вполне достоверным и подтверждается другими источниками.

В 1935 г. в Воронеже была ликвидирована «фашистская группа» врача-хирурга И.В. Слобцова. В обвинительном заключении говорилось, что «с 1931 собирались музыкальные вечера у Слобцова по пятницам, занимались пением и музыкой... Оформление фашистской организации состоялось в 1933 г. после прихода Гитлера к власти... Слобцов одобрял методы борьбы Гитлера с коммунистами как с «врагами нации»». Деятельность «группы» сводилась к тому, что ее члены «слушали передачи из Германии и Чехословакии и пересказывали знакомым». Участники группы были приговорены к различным (до 8 лет) срокам заключения. В 1989 г. приговор был отменен Верховным Судом РСФСР, который по материалам дела заключил, что «высказывались личные суждения без цели подрыва или ослабления, свержения советской власти»². Таким образом был подтвержден сам факт наличия и пересказа подобных суждений (независимо от их юридической оценки).

¹ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 3. С.550.

² Саран А.Ю. Власть и общественные организации в Центральной России. 1928–1934 гг. М.-Орел, 2003. С. 189–190.

После Октябрьской революции и гражданской войны немцы, бывшие противниками в течение целого ряда лет, постепенно теряют этот статус. В массовом сознании возрождается традиционный, сформировавшийся еще в XVIII–XIX веках, образ Германии как европейской страны с высокой технологией и культурой, устроенной жизнью, традиционной привычкой к порядку. Этот образ подтверждался рассказами солдат, вернувшихся из германского плена, и материалами советской прессы 20-х годов.

Одновременно просоветски ориентированная часть общества видела в германском пролетариате авангард революционного движения, а в Германии — страну, где в ближайшее время может победить революция. Но для большинства населения победа германской революции представлялась весьма маловероятной; напротив, поражение революции, по мнению многих, открывало путь для восстановления монархии в Германии, а затем, возможно, и в России.

После прихода к власти в Германии национал-социалистов и разворачивания в СССР антифашистской пропаганды начинает формироваться еще одна грань образа Германии — образ страны с жестокой диктатурой, образ фашиста как крайнего представителя всевозможных негативных черт, свойственных «империалистам» в целом. Этот образ наслаивался на пропаганду и личные впечатления времен Первой мировой войны и немецкой оккупации. Но и в эти годы официальная пропаганда вызывает серьезные сомнения, а некоторые аспекты политики Гитлера — интерес, и в ряде случаев даже сочувствие.

Необходимо подчеркнуть, что все эти грани единого образа не исключали и не сменяли друг друга, а причудливо переплетались. В результате возникла сложная смесь суждений, предрассудков, образов, позаимствованных из далекого или недалекого прошлого, личных впечатлений (непосредственных или, чаще, опосредованных), материалов пропаганды и узких интересов и предпочтений тех или иных социальных групп (например, представления о классовой солидарности среди рабочих, стремление к установлению разносторонних контактов среди научной и творческой интеллигенции и т.п.)

Эта пестрота и противоречивость образа в значительной степени исчезает в годы войны, сначала Второй мировой, а потом и Великой Отечественной, когда видение мира постепенно приобретает черно-белую окраску.

Глава 23

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ»: СОВЕТСКИЕ ВОЙСКА В СРАЖЕНИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

Терентьева Е.А.

Противопоставление «Свой»/«Чужой» особенно ярко проявляется в периоды войн¹, а средства массовой информации с развитием индустриальной цивилизации активно использовались как для трансляции, так и для формирования соответствующих образов. Ситуация же, сложившаяся в этом смысле во французском медиадискурсе в период Второй мировой войны, представляется особенно интересной. С началом оккупации французское общество оказалось расколотым на коллаборационистов, активных участников движения Сопротивления и пассивно сочувствующих им. Когда же началась война между Германией и СССР, внутренний раскол французского общества оказался спроецирован на отношение к советским войскам, их положению, их поражениям и победам.

«Русская», как ее называли газетчики, или «советская» кампания Гитлера с самого своего начала приковала внимание европейцев. Одновременно началось и ее освещение в средствах массовой информации. Издания, придерживавшиеся разных политических взглядов, по-разному освещали и по-разному анализировали события на Восточном фронте.

¹ См., например: *Илиополова К.С.* Противоречие «Свой-Чужой» в социокультурной коммуникации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Ростов-на-Дону, 2010.

В отечественной научной литературе французская пресса военного времени по-прежнему остается изученной крайне слабо¹; пресса более поздних периодов также чаще становится объектом интереса журналистов, а не историков². Впрочем, и во французской науке остаются значительные лакуны в изучении французской прессы времен Второй мировой войны, хотя рубеж 2010-х гг. был отмечен оживлением интереса к данной тематике³. При этом французская периодика 1940-х гг. предоставляет богатый исследовательский материал по самым разнообразным проблемам. В частности, по специфике освещения событий на Восточном фронте можно судить о вариантах образов СССР и советской армии, бытовавших (и пропагандировавшихся) во французском обществе.

Анализировать варианты образов советских войск в целом и советских солдат в частности во французской периодической печати тем более любопытно, что накануне войны отношение к советскому государству в Европе было неоднозначным, и варьировалось от сочувствия до яркого неприятия. Мировая война внесла в этот спектр свои коррективы.

С началом немецкой оккупации Франции французские газеты разделились на три группы. Первые две были легальными и подлежали цензуре службы пропаганды немецкого командования: это коллаборационистская периодика зоны оккупации и периодика зоны, подконтрольной правительству Виши — сначала «свободной», а впоследствии — южной оккупационной. Третью группу составила подпольная периодика движения Сопротивления.

Пресса каждой из этих групп обладала собственной спецификой. Первая, наиболее радикально пронацистская группа изданий — это коллаборационистские издания оккупационной (впоследствии северной) зоны, почти идентичные, с точки зрения подачи информации, в число которых входили еженедельник

¹ Терентьева Е.А. Освещение Курской битвы во французской прессе // Коренной перелом: к 75-летию Курской битвы / Материалы Международной научно-практической конференции, 22–23 мая 2018 г. // Гос. Воен.-ист. Музей-заповедник «Прохоровское поле». Сост. С.В. Бородина, О.С. Мишкина, ред. Н.И. Овчарова. Прохоровка: ГВИМЗ «Прохоровское поле», 2018. С. 71–83.

² Анисеев В.Е. История французской прессы (1830–1945) (учебное пособие). М.: Издательство МГУ, 1999. 55 с.

³ Raymond A., De Lujugie. La presse collaborationiste pendant la Seconde Guerre mondiale // Les Chemins de la Mémoire. No 22. Décembre 2011. P. 2–3.

«Же сюи парту» («*Je suis partout*») и ежедневные «Пари-суар» («*Paris-soir*») и «Матен» («*Le Matin*»). Практически все издания этой группы были закрыты сразу после освобождения Франции в 1944 г., и сегодня французы пишут о них как об «опозоренных»¹, что обусловлено негативной оценкой коллаборационизма во французском обществе. Об этом свидетельствуют не только заявления журналистов, историков и политиков, но и факт существования дифференцированного подхода к оцифровке периодики военного времени в Национальной библиотеке Франции и в рамках проекта Ретроньюс². Если пресса Сопротивления представлена на их ресурсах в электронном виде практически полностью, а «вишистская» пресса — довольно широко, хотя еще в неполном объеме, то в перечне оцифрованных коллаборационистских изданий зоны оккупации есть уже значительные лакуны. И, хотя эта коллекция постоянно пополняется, коллаборационистские издания оказались последними в очереди перевода в электронный формат.

Вторая группа периодических изданий, существовавшая во Франции во время Второй мировой войны, включала издания, мигрировавшие из Парижа после его оккупации немецкими войсками в южные регионы Франции, и собственно южную французскую прессу (хотя самые многотиражные издания Франции существовали тогда, прежде всего, в Париже). Сюда входили ежедневные издания «Пти паризьен» («*Le Petit Parisien*»), «Журналь» («*Le Journal*»), а также «неполитический ежедневник» «Пти журналь» («*Le Petit Journal*»). Эта группа, идеологически близкая к коллаборационистским изданиям, не была, тем не менее, однородной и подразделялась на полностью прогерманскую прессу и издания, стремившиеся демонстрировать непредвзятость оценок. После ноября 1942 г., когда «свободная» зона, подконтрольная правительству Виши, тоже была оккупирована, и возникло деление территории Франции на северную и южную оккупационные зоны, различия в позициях органов печати на этих территориях стали менее заметными, однако окончательно они не исчезли.

Наконец, третью группу периодических изданий — газеты Сопротивления, которые распространялись значительно мень-

¹ Raymond A., De Lujugie. La presse collaborationiste pendant la Seconde Guerre mondiale // Les Chemins de la Mémoire. No 22. Décembre 2011. P. 2,3.

² Retronews. Le site de presse de la BNF [Сайт] // Режим доступа: <https://www.retronews.fr/#> (дата обращения 01.03.2019)

шими тиражами, издавались нерегулярно и, разумеется, в несравненно худшем качестве — составляли знаменитый еженедельник «Либерасьон» («*Libération*») (самая многотиражная газета движения, выходящая тиражами 10 тыс. экз. в 1941 г.), ежемесячник «Фран-тирор» («*Le Franc-Tireur*»), а также нерегулярные издания «Дефанс де ля Франс» («*Défence de la France*»), «Комба» («*Combat*») и ряд изданий, публиковавшихся еще меньшими тиражами.

Анализ материалов этих периодических изданий, посвященных событиям на советско-германском фронте, позволяет составить картину существовавшего спектра точек зрения на советско-германскую кампанию. С одной стороны, существовала активная прогерманская позиция прессы, поддерживавшаяся официальными властями в обеих зонах, как в период существования свободной зоны, так и после полной оккупации Франции. С другой стороны, агрессивные антибольшевистские настроения были во Франции и до начала немецкой оккупации, и такая позиция сохранилась и с ее началом — также на всей территории страны. Однако, если говорить о тех публикациях в южной Франции, которые претендовали на самостоятельную позицию, то в них встречались и довольно нейтральная информация о сводках с Восточного фронта, в которых указывалось на успехи или достижения советских войск и военачальников — особенно до полной оккупации Франции («Журнал» за 30.09.1941¹ и 01.10.1941²). Наконец, бескомпромиссно антигерманская и, соответственно, просоветская позиция была характерна для прессы движения Сопротивления. Однако не все издания этой группы печатали международные новости, некоторые в основном ограничивались темой борьбы с нацистами собственно во Франции (мало информации о международных событиях публиковали, например, «Дефанс де ля Франс» и «Комба», особенно после полной оккупации Франции).

Таким образом, на специфику отражения событий на Восточном фронте, равно как и на интенсивность публикаций на тему Советов, во французских периодических изданиях всех трех групп оказывали влияние особенности внутренней ситуации в стране, связанной с изменениями границ оккупационной зоны. Кроме того, значительную роль играл и ход «русской кампании» Гитлера, то есть

¹ La menace allemande s'accroît en direction de Kharkov et de Rostov // Le Journal. 30.09.1941. P.1.

² Bataille sur tout le front d'Ukraine // Le Journal. 01.10.1941. P.1.

специфика этапов Великой Отечественной войны: образы Советов, транслировавшиеся во французской прессе, изменялись и в зависимости от того, как разворачивались военные действия.

Так, статьи во французской периодике во время зимней кампании 1941–1942 гг., когда, с одной стороны, становился очевидным провал плана «Барбаросса», а с другой, — во Франции все еще существовала «свободная зона» и одновременно зарождалось движение Сопротивления, заметно отличались от публикаций времен Коренного перелома, когда Франция была уже полностью оккупирована, а движение Сопротивления достигло более высокого уровня организации. Наиболее интересным вариантом первого является отражение во французской прессе Битвы за Москву, а тенденции второго явно прослеживаются в публикациях, связанных с Битвой на Курской дуге.

Ход Битвы за Москву был неравномерным: сначала отступление советских войск (30 сентября — 4 декабря 1941 г.), затем переход Красной армии в контрнаступление (5 декабря 1941 г. — 7 января 1942 г.) и, наконец, успешное наступление (7 января — 30 марта 1942 г.). Именно в ходе Московского сражения стал окончательно очевиден срыв планировавшегося Гитлером блицкрига. И на протяжении этих шести месяцев образы советской армии и советских солдат на страницах французской периодической печати эволюционировали.

«Же сюи парту» считается одной из самых, если не самой яркой, сторонницей нацистского режима и французского коллаборационизма, настолько, что ее шеф Робер Бразийяк после войны был расстрелян. Благодаря поддержке оккупационного режима тираж еженедельника вырос с 46 тыс. экземпляров в 1939 г. до 250 тыс. в 1942 г. Главной темой газеты должна была, как явствовало из названия «Я повсюду», быть международная политика, и, действительно, она регулярно публиковала международные новости с грубыми, а со временем ставшими вовсе непристойными, карикатурами на глав государств антигитлеровской коалиции (в разные периоды войны сильнее всего доставалось сначала Черчиллю и Рузвельту, позднее — Сталину и Черчиллю). Политическая карикатура во французских СМИ сама по себе заслуживает отдельного исследования с точки зрения имагологии.

Однако конкретные сведения о русском фронте «Же сюи парту» публиковала мало и неохотно. Из 27 номеров, вышедших

с 4 октября 1941 г. по 17 апреля 1942 г., только в 7 были упоминания о битве за Москву, а в 4-х советско-германский фронт вообще не упоминался. В статьях и заметках, посвященных СССР, сводок с фронтов было мало. Зато газета щедро публиковала тенденциозные аналитические справки об идейных основах марксизма¹ и сообщения о героизме немецкой армии, сражающейся в нечеловеческих условиях русских равнин и нищих деревень и бесчеловечности большевистского правления².

Октябрьские и ноябрьские выпуски предсказуемо пестрели сообщениями о «распадении» Советского союза (25 октября³, 1 ноября⁴); 18 октября Сталин на карикатуре был назван беглецом, а в тексте статьи на передовице того же номера «Монтуар... Москва... Монфокок...»⁵ говорилось о грядущем «ожидаемом конце большевистского империализма», миллионах убитых и пленных, об объединении передовой Европы против восточного врага. Однако в первых декабрьских выпусках тон несколько не изменился; 6 декабря «Же сюи парту» сообщала, что «немецкое давление на Москву усиливается»⁶. И лишь 27 декабря, в предновогоднем номере, была размещена статья, признающая, что «1941 год не стал годом конца мировой войны, но обрисовал ее контур, или, если хотите, конечную черту. Сражения идут лишь на Восточном фронте по причине расстояния и состояния дорог; но какова бы ни была продолжительность русской кампании, очевидно, что Советы проиграли. Этот факт не желают признавать французские коммунисты и те, кто поставил на красное. Гитлер донес войну до стен Ленинграда и Москвы и до Черного моря». Статья завершалась пафосным заявлением: «Желать успеха Советам — неопишное извращение. Это означает желать конца нашей родины и нашей цивилизации»⁷.

¹ Le Bolchevisme Salle Wagram: Voilà ce que nous promettent Staline, Churchill et Roosevelt // Je suis partout. 07.03.1942. P.1, 5.

² Images de la Russie désoviétisée // Je suis partout. 04.10.1941. P.1, 10.

³ Sous le joug bolchevik: La tragédie d'Odessa // Je suis partout. 04.10.1941. P.1.

⁴ La duplicité bolcheviste; Visages ukrainiens // Je suis partout. 01.11.1941. P.4.

⁵ Montoire... Moscou.... Montfaucon... // Je suis partout. 18.10.1941. P.1.

⁶ Les faits de la semaine // Je suis partout. 06.12.1941. P.4.

⁷ Quelques bobards, sottises et surprises de l'an de guerre 1941 // Je suis partout. 27.12.1941. P.2.

С января 1942 г. «Же сюи парту» переключился на события внутривойсковой жизни, а затем и на Тихоокеанский театр военных действий. В феврале сведения о «русской кампании» ограничиваются «сообщением с фронта» солдата французского Добровольческого легиона по борьбе с большевизмом. Демонизированное описание погодных и социально-экономических условий жизни в «сатанинском раю», созданном за 20 лет советского режима, завершалось призывом не верить коммунистам, потому что свидетелями их лжи стали уже миллионы человек¹. Здесь, как и в предновогоднем номере, речь шла скорее об образе страны и ее руководства в целом, чем об образе советских войск. Однако следует отметить, что в коллаборационистских публикациях практически отсутствует дифференциация в создании образов руководства СССР, советской армии и населения оккупированных немцами территорий СССР.

В марте в газете появились панические нотки, связанные с развитием советского наступления, и краски, которыми изображались советские войска, все сильнее сгущались. При этом между солдатами Красной армии и большевиками ставился знак равенства. Большевики обвинялись в разжигании войны и в разоружении Франции, а читателей пугали тем, что в случае победы большевизма вся Европа станет похожа на нищий и грязный СССР². С начала 1942 г. из конкретных международных новостей публиковались почти исключительно сообщения из Тихоокеанского региона, чтобы не акцентировать внимание на потерях и нарушенных планах Германии в СССР. 17 апреля один из обозревателей восклицал: «Мир — это западня, это стыд, это невыносимо»³.

Намного более подробно события на Восточном фронте, и в частности, в его центральном секторе (то есть именно ход битвы за Москву), освещала парижская ежедневная газета «Матен». Накануне войны она была одной из четырех крупнейших ежедневных французских газет, и еще в 1943 г. ее тираж составлял 263 тыс. экземпляров. В 1940 г. «Матен» не участвовала в «великом исходе» и стала коллаборационистской еще до подписания капитуляции.

¹ Jours d'hiver au Paradis Soviétique // Je suis partout. 14.02.1942. P.1.

² Le Bolchevisme Salle Wagram: Voilà ce que nous promettent Staline, Churchill et Roosevelt // Je suis partout. 07.03.1942. P.1, 5.; L'économie soviétique à l'épreuve de la guerre // Je suis partout. 07.03.1942. P. 8.

³ Je suis partout. 07.03.1942. P. 2.

Впрочем, хотя ее главный редактор Жак Менар и многие авторы входили в Ассоциацию антиеврейских журналистов (1941), в целом газета была значительно менее юдофобской по сравнению с «Же сюи парту».

В отличие от «Же сюи парту» «Матен» охотно публиковала названия захваченных немцами населенных пунктов, численность понесенных противником потерь, количество захваченных единиц техники и т.п. Причем интересно, что эти цифры были достаточно близки к истине — картина, которая кардинально изменится через 1,5 — 2 года (в период, например, Курской битвы они будут достигать поистине фантастических размеров).

«Матен» более чутко реагировала и на изменение расстановки сил в районе столицы СССР. Так, если в осенние месяцы она с оптимизмом публиковала сведения о вновь захваченных городах и успехах вермахта, то с началом контрнаступления Красной армии в декабре внимание ее тут же переключилось на Дальневосточный регион. 2 января 1942 г. успехи Советов косвенно были признаны в формулировке «попытка врага пересилить судьбу должна потерпеть неудачу»¹, а 10 января «Матен» писала, что «в случае победы — к счастью, невозможной» — Советы не остановятся на Рейне, но принесут гибель цивилизации и во Францию (мотив, повторявшийся всеми коллаборационистскими изданиями зоны оккупации)².

Итак, если говорить о коллаборационистской прессе, то в ней прослеживается ряд тенденций в освещении событий битвы за Москву. Во-первых, по характеру публикаций достаточно четко выделяются хронологические периоды сражения. В течение декабря тон и интенсивность публикаций постепенно изменялись, и к январю коллаборационистские газеты, с одной стороны, заговорили о катастрофических последствиях, которые имела бы победа СССР (которая, впрочем, признавалась невозможной), и плачевном состоянии «сатанинского рая»³, построенного коммунистами за 20 лет, а с другой — внимание тех же газет переключилось с Восточного фронта на Тихоокеанский театр военных действий.

¹ La tentative de l'ennemi de forcer le sort cet hiver doit échouer et échouera // Le Matin. 10.01.1942. P. 1.

² Des nombreuses attaques soviétiques repoussées sur le front Est // Le Matin. 10.01.1942. P. 1.

³ Jours d'hiver au Paradis Soviétique // Je suis partout. 14.02.1942. P.1.

В феврале — марте обе эти тенденции сохранились, а к концу последнего этапа битвы за Москву любые упоминания о Восточном фронте исчезли со страниц газет зоны оккупации.

Во-вторых, газеты этой группы, особенно с зимы 1940–41 гг., начали публиковать обширные и крайне тенденциозные аналитические статьи об идейных основах марксизма, и сообщения о героизме немецкой армии, сражавшейся в нечеловеческих условиях русской природы, русского климата и советской разрухи («Же сюи парту», 4 октября)¹, о бесчеловечности большевистского правления.

В-третьих, коллаборационистские газеты зоны оккупации с конца осени 1941 г. заговорили о роли русской зимы в советской кампании Гитлера. Сначала они высмеивали надежды на помощь «генерала Зимы» голлистов, коммунистов и англичан с американцами². Затем, когда начался период контрнаступления советских войск, идея о «генерале Зиме» была переосмыслена и стала логичным обоснованием замедления продвижения немецких армий. Вплоть до наступления весенней распутицы говорилось о том, что победоносное шествие вермахта продолжится, как только утихнут снежные бури и сойдут снега, а пока Германия готовит этот весенний натиск³.

Главное различие в освещении событий битвы за Москву между еженедельником «Же сюи парту» и ежедневными газетами заключалось в степени детализации событий: в ежедневниках указывалось значительно больше конкретных данных — названия захваченных населенных пунктов, численность понесенных противником потерь, количество захваченных единиц техники и т.п.

Пресса свободной зоны, или вишистская пресса, с точки зрения общей оценки ситуации на германо-советском фронте, почти смыкалась с коллаборационистской прессой зоны оккупации, но обладала собственной спецификой и была чуть менее идеологически однородной: до введения оккупационного режима на юге существовала номинальная свобода слова. Относящиеся к этой группе «Пти паризьен», «Журналь» и «Пти журналь» накануне войны

¹ Images de la Russie désoviétisée // Je suis partout. 04.10.1941. P.1.

² En Ukraine la bataille s'étend // Le Petit Journal. 01.10.1941. P. 1; Le Monde en Zig-Zag // Je suis partout. 15.11.1941. P. 10; и др.

³ См., например: Sur le front de l'URSS. Les combats les plus durs se déroulent dans la région de Kharkov // Le Petit Journal. 01.10.1941.

входили в четверку крупнейших ежедневных изданий Франции. «Пти журнал», хотя и позиционировал себя как «неполитический ежедневник», активно публиковал политические новости. Все эти издания покинули Париж во время «великого исхода» французской прессы в мае 1940 г. и издавались в вишистской зоне — Лионе и Клермон-Ферране, но были разрешены к распространению и в оккупационной зоне, в Париже.

«Пти паризьен» была ближе всего к коллаборационистской северной печати. Будучи неофициальным органом фашистской «Французской народной партии», она часто публиковала материалы, идентичные или почти идентичные материалам парижской «Матен». Лояльность по отношению к Германии обеспечила ей и высочайшие тиражи, хотя они и упали более чем с 2 млн. экземпляров около 1920 г. до 505 тыс. в 1943 г. Для «Пти паризьен» полностью верно все сказанное о ежедневных газетах оккупационной зоны.

«Журнал» и «Пти журнал» отличались от «Пти паризьен» более нейтральным тоном публикаций, в которых по большей части отсутствовали антисоветская истерия и откровенная юдофобия северной коллаборационистской прессы. Разумеется, они выходили меньшими тиражами: «Журнал» к 1943 г. имела 263 тыс. экз., а тираж «Пти журнал» даже до войны не превышал 150 тыс. экз. — но и это значительно превышало, в свою очередь, возможности подпольной прессы Сопrotивления.

Пожалуй, главным достоинством обеих этих газет и особенностью, которая должна была подчеркнуть их объективность и отсутствие партийности, стала используемая ими практика публикации различных точек зрения на события на фронтах. «Пти журнал» регулярно публиковала выдержки из немецких и советских официальных коммюнике о событиях в центральном секторе советско-германского фронта, чаще всего размещая их на странице рядом, двумя параллельным столбцами. «Журнал» обычно просто ссылалась на «советские источники». Такие ссылки на альтернативную, отличную от официальной германской, точку зрения создавало, по меньшей мере, иллюзию относительной независимости вишистской прессы.

Кроме того, эти газеты охотно публиковали карты Восточного фронта — рисованные и схематичные, но дающие представление о взаимном расположении городов и населенных пунктов в московском регионе, которые упоминались в сводках и немецких коммю-

нике (впрочем, советские коммюнике публиковались без какой-либо географической конкретики).

Однако к весне 1942 г. и в вишистских газетах стали проявляться те же тенденции, что и в прессе зоны оккупации: все меньше внимания уделялось событиям советско-германского противостояния. Москва с января перестала упоминаться вовсе, и все больший акцент делался на событиях в Тихоокеанском регионе.

Пресса Сопrotивления, ставшая единственным неподконтрольным цензуре голосом французского народа, распространялась значительно меньшими тиражами, издавалась нерегулярно и, разумеется, в несравненно худшем качестве, чем издания зоны оккупации и свободной зоны. В отличие от последующих периодов, во время битвы за Москву пресса Сопrotивления мало говорила о советской кампании. Некоторые издания (например, «Дефанс де ля Франс») изначально были предназначены для освещения ситуации внутри Франции и публикации призывов к борьбе с немцами. Большинство из них (кроме «Фран-тирор») возникли летом 1941 г., и осенью 1941 г. публиковали одни из первых своих номеров, очерчивая свои цели, программы действий и используемую терминологию.

Сообщения о событиях на Восточном фронте были проникнуты, с одной стороны, восхищением СССР как державой, воплощающей идеалы коммунизма и стойко противостоящей Германии, несмотря на потери; с другой — идеей принципиальной возможности победы над Рейхом. Именно эти газеты открытым текстом заговорили о крушении немецкого блицкрига под стенами Москвы.

Реальные итоги и значение битвы за Москву в ходе Второй мировой и Великой Отечественной войны в печатных органах Сопrotивления излагались в целом верно, но предельно схематично, а по сообщениям вишистской прессы вдумчивый читатель мог сделать лишь самые общие выводы. Газеты же зоны оккупации, в оборонительный период битвы за Москву отражая ход событий относительно верно, даже с публикацией карт смещения линии фронта на восток, после начала декабрьского контрнаступления советских войск полностью перестали соотносить публикуемые сведения с настоящим состоянием дел.

Если говорить об отражении на страницах периодической печати фактической стороны военных действий, следует признать, что по изданиям ни одной из трех перечисленных групп невозмож-

но было составить сколько-нибудь близкого к действительности представления о реальной расстановке сил и передвижениях войск. Однако для обрисовки образов советских солдат и в целом советских войск этот вид источников дает весьма наглядный материал.

Первый период Великой Отечественной войны был связан с нарушением оптимистических планов блицкрига, созданных немецким командованием. Уверенный тон французской пронацистской прессы, сулившей скорое взятие столицы СССР войсками Рейха и изображавшей советские войска как не стоившего внимания противника, начал изменяться после того, как в ходе битвы за Москву наступление было остановлено. Поначалу объяснение этого факта не связывали с собственно советскими войсками, разыгрывая карту «генерала Зимы», которую эти же газеты высмеивали во время осенней кампании. Затем, после перехода советских войск в контрнаступление, началось переосмысление уже их образа на страницах французской прессы. Он начал усложняться и превращаться из образа примитивного врага, который не представляет угрозы, но чужд Европе и поэтому должен быть уничтожен, в более сложный образ чужого — враждебного, наделенного способностью разыгрывать долгосрочные многоходовые стратегии (отступление и демонстрация слабости, которые должны ввести противника в заблуждение) и имеющего захватнические интересы, то есть угрожает самому существованию западного мира. В ходе Коренного перелома в Великой Отечественной войне, когда речь шла уже не о срыве блицкрига, а впервые была поставлена под вопрос принципиальная возможность победы Германии в войне с СССР, эта тенденция в эволюции образа советских войск во французской официальной прессе сохранилась и была дополнена новыми чертами.

Битва на Курской дуге, продолжавшаяся с 5 июля по 23 августа 1943 г., также состояла из оборонительных и наступательных операций советских войск. Для освещения периода Коренного перелома в Великой Отечественной войне во всех описанных видах французской прессы была характерна своя специфика. Как уже говорилось, на специфику освещения военных действий в СМИ оказывали влияние внутривнутриполитическая ситуация во Франции и ситуация на фронтах: Франция с ноября 1942 г. оказалась полностью оккупирована немецкими войсками, а на советско-германском фронте для гитлеровской Германии начиналась полоса неудач.

В коллаборационистской прессе северной зоны информация о боевых действиях в районе Курска появилась через два дня после начала событий, 7 июля: в «Пари-суар» было опубликовано краткое сообщение, в котором со ссылкой на ставку Гитлера говорилось: «Локальное немецкое наступление увенчалось успехом, и большевики начали жестокие контратаки»¹.

Примечательно, что в еженедельнике «Же сюи парту» события на Курской дуге впервые были упомянуты только в 3 июльском номере, 16 июля, — и притом весьма кратко, лишь с указанием того, что «с начала гигантской битвы под Орлом советские СМИ преувеличивают потери Германии»²; и это единственный из четырех июльских номеров за время сражения, в котором хотя бы упоминается об этом эпизоде войны. Это тем более любопытно, что «Же сюи парту» — издание, регулярно публиковавшее международные новости. Спустя месяц, в номере от 13 августа, появилась вторая и последняя за лето статья, связанная с Курской битвой, под названием «Уловки русских». В ней проводилась аналогия между действиями советской армии в финской кампании и на Курской дуге: якобы СССР осознанно демонстрировал свою слабость, чтобы затем застать противника врасплох; однако эта хитрость не удалась, потому что немецкое командование всегда понимало важность для русских этого направления, и «мощь ее ответа» это доказала³.

Вместо сводок с фронта «Же сюи парту» активно публиковал статьи об успешных немецких операциях 1941 г., а также репортажи с захваченных советских территорий, проникнутые идеей восторженного приема немецкой армии крестьянами⁴ и интервью с власовцами⁵ и бежавшими прибалтами⁶. Авторы газеты постоянно возвращались к теме стремления большевиков к мировой революции, а с 20 августа стали появляться устрашающие прогнозы послевоенного устройства мира, в том числе и Франции, в случае по-

¹ Des durs combats sont engagés de Bielgorod au nord de Koursk // Paris-soir. 07.07.1943. P. 1.

² Sur les routes de Russie // Je suis partout. 16.07.1943. P. 1, 5.

³ Ruses des Russes // Je suis partout. 13.08.1943. P. 2.

⁴ Sur les routes de Russie // Je suis partout. 16.07.1943. P. 1, 5; Sur les routes de l'Est // Je suis partout. 16.07.1943. P. 4; и др.

⁵ Pour la libération de la Russie // Je suis partout. 16.07.1943. P. 2 и др.

⁶ Deux officiers estoniens rescapés de l'armée rouge nous parlent de la Russie en guerre // Je suis partout. 13.08.1943. P. 1, 5.

беды СССР и союзников — то есть динамика публикаций в период битвы за Москву повторялась.

В отличие от «Же сюи парту» «Пари-суар» публиковал сводки событий в «Белгородском секторе» Восточного фронта ежедневно с 7 июля. С 9 июля началась серия публикаций о потерях советских войск, а также об окружении и уничтожении их значительных группировок. Цифры потерь были, очевидно, завышены; например, 19 июля сообщалось о четырех тысячах уничтоженных советских танков¹, а 20-го — уже о пяти². 16 августа «Пари-суар» сообщил, что «с начала своего летнего наступления большевики потеряли 900000 человек и 11000 танков»³.

В 20-х числах июля тон сообщений изменился. Появились новые формулировки — «оборонительные бои» немецких войск — и постоянные упоминания мощных атак Советов. Так, 26 июля «Пари-суар» сообщал, что «пояс немецкой обороны победоносно противостоит советским атакам»⁴. Однако, 31 июля сообщалось: «великая битва на востоке вчера стала менее интенсивной. Что это — признак ослабления советской армии или перегруппировка их войск?»⁵. 23 августа было опубликовано сообщение о мощных советских силах в районе Харькова и их неудачных атаках⁶, 24 августа — о том, что Харьков, превратившийся в кучу руин, оставлен⁷, но уже со следующего дня начались сообщения об уничтожении группировок советских войск в этом регионе⁸.

¹ 4.000 chars détruits. Plus de 40.000 prisonniers. Tel est le bilan actuel des pertes infligées aux Soviets dans le secteur Orel-Bielgorod // Paris-soir. 19.07.1943. P. 1.

² Près de 5.000 chars soviétiques détruits depuis le 7 juillet // Paris-soir. 20.07.1943. P. 1.

³ Depuis le début de leur offensive d'été les bolcheviks ont perdu 900.000 hommes et 11.000 chars // Paris-soir. 20.07.1943. P. 1.

⁴ La ceinture de défense allemande résiste victorieusement aux assauts soviétiques // Paris-soir. 26.07.1943. P. 1.

⁵ La grande bataille de l'Est a perdu hier de son intensité // Paris-soir. 31.07.1943. P. 1.

⁶ Après des corps à corps acharnés les troupes allemandes repoussent les Bolcheviks // Paris-soir. 23.08.1943. P. 1.

⁷ La ville de Kharkov, qui n'est plus qu'un monceau de ruines, a été évacuée // Paris-soir. 24.08.1943. P. 1.

⁸ См., например: Les formations soviétiques qui étaient encerclées ont été anéanties // Paris-soir. 25.08.1943. P. 1.

Вишистская пресса опубликовала сообщение о начале операций в районе «от Белгорода до северных подступов к Курску» одновременно с изданиями северной зоны — 7 июля. Информацию почти в одних и тех же формулировках разместили «Пти паризьен», «Журналь» и «Пти журналь»¹. «Пти паризьен» отметил «вспышку активности боевых действий на некоторых участках Восточного фронта»², без уточнения мест, еще 6 июля, а 7 июля дальновидно указал: «Несомненно, речь идет об операциях, важность которых превосходит все военные события кампании конца зимы»³.

В дальнейшем все указанные издания ежедневно публиковали информацию о ситуации в «Белгородско-Курском секторе». Эти сообщения оставались на передовицах, но с 10–15 июля в прессе и северной, и южной зон по большей части опустели с первых строк вниз передовицы.

Так же, как и издания северной зоны, вишистская пресса преувеличивала потери советских войск, причем масштабы преувеличений здесь были даже больше: сказывался более поздний переход вишистских газет в полную зависимость немецких властей.

Итак, кардинальных различий в освещении событий на Курской дуге прессой северной и южной зон не было, хотя вишистские издания с большим рвением описывали численность советских потерь. И в тех, и в других акцентировалось внимание на том, что ситуация развивалась именно так, как того хотело немецкое командование. И в тех, и в других постоянно повторялась мысль о том, что немецкая армия — последняя защита Европы и Франции против большевистской угрозы⁴, а немцы и французы — это представители одной европейской цивилизации («Же сюи парту» от 27 августа)⁵, которую надо защищать как от внешних врагов — коммунистов и либеральных демократов — так и изнутри, от исторически сложившихся распрей между нациями («Матен» от

¹ Faible activité sur le front de l'Est // Le Journal. 05.07.1943. P. 1.

² Recrudescence d'activité sur le front de l'Est // Le Petit Parisien. 06.07.1943. P. 1.

³ Des violents combats dont l'intensité ne fait que croître se livrent de Bielgorod au nord de Koursk // Le Petit Parisien. 07.07.1943. P. 1.

⁴ Contre le peril russe la nation unanime est prête à lutter jusqu'au bout // Le Petit Parisien. 06.07.1943. P. 1.

⁵ Le grand chaos. Que de gens veulent encore en ignorer la menace! // Je suis partout. 27.08.1943. P. 2.

7 июля)¹. В то же время только северный «Пари-суар» подчеркивал, что целью большевиков была и оставалась мировая революция.

Освещение Курской битвы в прессе Сопротивления кардинально — и предсказуемо — отличалось от предшествующих двух вариантов. Однако речь шла далеко не только о точке зрения и идеологической окраске подачи материала — которые бесспорны. Ограниченная небольшими объемами пресса Сопротивления была нацелена прежде всего на освещение внутривосточных событий и антигерманскую пропаганду. Поэтому международной жизни на ее страницах уделялось крайне мало внимания, особенно со времен полной оккупации Франции. Так, в 1943 г. «Дефанс де ля Франс» уже не публиковала вообще ничего о событиях вне Франции. В газете «Комба» события на Восточном фронте упоминались только однажды, 1 августа², и то только косвенно. Ежемесячник «Фран-тирор», выходящий 15 числа, в августовском номере вскользь упомянул «чудесную» победу Красной Армии под Курском³. Кроме того, ощущалось общее изменение тона газетных материалов, он становился все более оптимистичным по сравнению с 1941 г.

Исключение с точки зрения игнорирования события на Курской дуге составляет еженедельная «Либерасьон». Ее составитель Кристиан Пино под псевдонимом «капитан Брекур» помещал статьи, посвященные военным сюжетам, и в их числе были материалы о Курской дуге. Из четырех июльских номеров в трех были упоминания о русском фронте, и если главная мысль заметки в номере от 13 июля — «русские не сдаются»⁴, то 20 и 27 июля тон решительно изменился, и автор уверенно говорил о переходе русских в наступление и о крахе «мифа о летнем блицкриге»⁵. 27 июля в статье «Смирённый вермахт» приводился краткий обзор событий на Курской дуге⁶. Во всех пяти августовских выпусках также описывались победы советского оружия; перерыв в публикациях о Восточном фронте наступил с 7 сентября.

¹ La civilization européenne en face de deux dangers // Le Matin. 07.07.1943. P. 1.

² Victoires alliées // Le Combat. 01.08.1943. P. 2.

³ Sur tous les fronts vers la Victoire // Le Franc-Tireur. 15.08.1943. P. 1.

⁴ Enfin! Le commencement de la fin // Libération. №137 — 13.07.1943. P. 1.

⁵ Des portes d'Orel à celles de Catane // Libération. №138. 20.07.1943. P. 1–2.

⁶ La Wermacht matée // Libération. №139. 27.07.1943. P. 3.

«Либерасьон» решительно противостояла официальной точке зрения коллаборационистской прессы Курской дуге. 10 и 17 августа капитан Брекур снова выступил с сообщением о начале или подготовке наступления советских войск¹, а 24 августа в статье «Харьков» обрушился с ехидной критикой на официальную версию Берлина об оставлении города по заранее предусмотренному плану. Здесь же говорилось о мудрости и стратегическом гении советского командования, и немецким войскам пророчился разгром².

Подводя итоги, прежде всего следует отметить, что события на Восточном фронте описывались очень крупными штрихами: применительно к событиям на Курской дуге упоминались лишь четыре города — Белгород, Курск, Орел и Харьков. Более дробные составные элементы битвы не упоминались вовсе — как, например, Прохоровское сражение. Прохоровки не было и на картах, которые неоднократно публиковал «Пти паризьен».

Коллаборационистские издания уделяли событиям на Восточном фронте несравнимо больше внимания, чем подпольная пресса Сопротивления, значительно искажая ход событий и нагнетая антисоветскую истерию. Одновременно наблюдалась тенденция к публикации ретроспективных статей, посвященных успехам вермахта в 1941 г., а также «Катынскому инциденту». При этом, если начало Курской битвы в коллаборационистской печати прослеживалось относительно верно, то о завершении можно было судить только по выпуску подпольной «Либерасьон» от 27 августа; коллаборационистская печать упорно продолжала печатать сообщения об успехах немецкого оружия. Наконец, преувеличение потерь Советов с началом Коренного перелома стало традиционным для французской официально разрешенной прессы, причем в коллаборационистской прессе его масштабы достигли невероятных размеров.

На протяжении всей войны между СССР и Германией идея захватнических планов Советского Союза была весьма популярной в коллаборационистской прессе. Подчеркивая враждебность Советов к западному миру и изображая их врагами цивилизации, «немецкая франкоязычная» пресса, как ее называли современники, формировала крайне демонизированный образ большевиков. Одновременно в материалах, публиковавшихся коллаборационистской прессой,

¹ Les préliminaires de Quebec // Libération. №142. 17.08.1943. P. 2–3.

² Kharkov // Libération. №143. 24.08.1943. P. 2–3.

явно просматривалась тенденция к изображению большевиков фанатиками, которые продолжали строительство коммунизма вопреки здравому смыслу и не обращая внимания на объективные свидетельства бесперспективности этого пути — экономическую разруху, необразованность населения и т.п.: именно такая картина рисовалась в очерках — путевых заметках, которые публиковала «Же сюи парту»¹. Кроме того, пронацистские издания активно разыгрывали антисемитскую карту, в том числе в статьях, посвященных СССР и советской армии, пытаясь сформировать в сознании читателя образ большевика-семита, а также закрепить провозглашенное ими тождество большевизма и семитизма. Сталина называли евреем, а социалистический режим — еврейским².

Образы советских войск, создававшиеся на страницах «вишистской» прессы, не были полярными, однако различались весьма значительно. Во-первых, существовали издания, шедшие в кильватере коллаборационистской прессы, которые были проникнуты антисемитизмом и антибольшевизмом, то есть официальной немецкой точкой зрения (в частности, «Пти паризьен»). В таких изданиях предпринимались попытки сформировать у читателя демонизированный образ большевиков-разрушителей привычного миропорядка, подчиняющихся главному еврею — Сталину. Второй вариант образа советских войск, существовавших в вишистской прессе, был менее очевидно пронацистским, однако отличался от предыдущего отсутствием антисемитских идей; большевики же точно также рисовались вселенским злом, стремящимся к разрушениям и покорению всего цивилизованного мира, которое необходимо остановить силами европейцев. Третий вариант образа советской армии, существовавший на страницах вишистской прессы, заключался, как ни парадоксально, в фактическом отсутствии сколько-нибудь целостного ее образа. Такие газеты, как «Пти журнал» и «Журнал», стремились придерживаться описания происходящих событий, по возможности, не давая оценок им и их участникам. Это — единственный тип официально разрешенных во Франции времен войны изданий, не формировавший активный и бескомпромиссный образ советского воина как врага французов.

¹ См., например: Sur les routes de Russie // Je suis partout. 16.07.1943. P. 1, 5; Sur le front de l'Est avec la Légion française // Je suis partout. 30.07.1943. P. 1, 8.

² Le Bolchevisme Salle Wagram: Voilà ce que nous promettent Staline, Churchill et Roosevelt // Je suis partout. 07.03.1942. P.1, 5.

В прессе Сопrotивления ситуация была кардинально иной. Здесь не шла речь об отрицательной оценке Советов. Советские войска изначально воспринимались и описывались как «свои»; главная причина этого — их противодействие немцам, врагам Франции. В прокоммунистических статьях к этому фактору добавлялась еще и политическая подоплека: они «свои», поскольку они коммунисты.

Итак, образы советских войск, существовавшие во французской прессе 1940-х гг., различались в зависимости от идеологической принадлежности создававших и транслировавших их периодических изданий. Однако эти образы, за исключением бытовавших в прессе Сопrotивления, не оставались неизменными и эволюционировали с течением времени.

В коллаборационистской прессе северной зоны и активно пронацистской вишистской прессе образ большевистского врага-варвара, которого с легкостью сметет немецкая армия, после краха плана «Барбаросса» и с развитием успехов советского оружия, стал усложняться. Возникла идея стратегического планирования со стороны Советов (осознанной демонстрации собственной слабости в финской и немецкой кампаниях как военной хитрости). На страницах этих периодических изданий стали появляться материалы, демонстрирующие наличие «пятой колонны» в СССР — интервью с власовцами и антисоветски настроенными прибалтами.

В вишистской прессе с конца 1942 г. произошли изменения другого рода: образ советских войск стал более враждебным, и попытки сохранить его нейтральность практически прекратились. Советские войска стали окончательно «чужими» и для официальной прессы южной Франции.

Таким образом, во французской прессе военного времени сложилась в чем-то парадоксальная ситуация. Авторы подпольной периодики движения Сопrotивления создавали образ советских войск как «своих», независимо от собственных политических убеждений. Точно также «своими» воспринимались британцы и американцы. Понимание «своих» основывалось на сиюминутной необходимости освобождения Франции от нацистского владычества, и все, кто помогал в этом французскому Сопrotивлению, оказывался «своим», независимо от идеологических пристрастий. Напротив, представители официальной прессы, которые должны были транслировать немецкую точку зрения, формировали образ советских войск как «чужих» в большей или меньшей

степени враждебности по отношению к Франции, и эта степень варьировалась в зависимости от различных критериев, к которым относились как внутривнутриполитическая ситуация во Франции, так и особенности военных действий на советско-германском фронте, а также политические взгляды авторов статей (и редакции периодических изданий).

Сведения об авторах

Алентьева Татьяна Викторовна — доктор исторических наук, профессор. Курский государственный университет, г. Курск.

Галкина Ольга Игоревна — кандидат исторических наук, доцент. Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна.

Гелла Тамара Николаевна — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета. Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, г. Орел.

Голубев Александр Владимирович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник. Институт российской истории РАН, г. Москва.

Жолудов Михаил Валентинович — кандидат исторических наук, доцент. Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, г. Рязань.

Киясов Сергей Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор. Саратовский национальный исследовательский государственный университет, г. Саратов.

Климова Галина Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва.

Ковалев Максим Александрович — кандидат исторических наук, преподаватель. Владимирский государственный университет, г. Владимир.

Кузьмина Маргарита Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт всеобщей истории РАН, г. Москва.

Лабутина Татьяна Леонидовна — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник. Институт всеобщей истории РАН, г. Москва.

Ларин Андрей Борисович — кандидат исторических наук, научный сотрудник. Институт всеобщей истории РАН, г. Москва.

Ленская Валерия Сергевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт всеобщей истории РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва.

Лушников Александр Александрович — кандидат исторических наук, докторант. Пензенский государственный университет, г. Пенза.

Науменкова Екатерина Олеговна — кандидат исторических наук, доцент. Петербургский государственный университет путей сообщения им. императора Александра I, г. Санкт-Петербург.

Орлов Александр Анатольевич — доктор исторических наук, профессор. Московский педагогический государственный университет, г. Москва

Репина Лорина Петровна — член-корр. РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт всеобщей истории РАН, профессор РГГУ, г. Москва.

Солодянкина Ольга Юрьевна — доктор исторических наук, профессор. Череповецкий государственный университет, г. Череповец.

Терентьева Екатерина Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент. Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, г. Санкт-Петербург.

Филимонова Мария Александровна — доктор исторических наук, доцент. Курский государственный университет, г. Курск.

Чикалова Ирина Ромуальдовна — доктор исторических наук, профессор. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка; ведущий научный сотрудник. Институт истории НАН Беларуси, г. Минск.

Содержание

Предисловие.....	5
------------------	---

Раздел I

Теоретические проблемы компаративистики и имагологии

Глава I	
Историческая имагология и проблемы межкультурного диалога	
<i>Репина Л.П.</i>	17
Глава 2	
К вопросу об этнических стереотипах в исторической имагологии: трансформация образа «чужого» в образ «врага»	
<i>Лабутина Т.А.</i>	47
Глава 3	
Проблемы компаративного анализа в контексте междисциплинарных исследований. Некоторые подходы	
<i>Кузьмина М.В.</i>	62
Глава 4	
Границы европейской идентичности: взгляд из России	
<i>Климова Г.С.</i>	81
Глава 5	
Инокультурные представления в российской истории	
<i>Голубев А.В.</i>	98

Раздел II

Кросскультурные исследования в современной российской исторической науке

Глава 6	
Древнегреческая история глазами древнерусского книжника	
<i>Ленская В.С.</i>	129
Глава 7	
«Свой»/ «Чужой» в древнерусской книжности: «правоверные», «поганые», «латиняне»	
<i>Лушников А.А.</i>	147

Глава 8	
Политика в жизни средневекового «обывателя» (по французским источникам XIV–XV вв.): «свои» и «чужие» в условиях войны	
<i>Кузьмина М. В.</i>	165
Глава 9	
Ксенофобия в англорусских отношениях в XVI – первой трети XVIII вв.	
<i>Лабутина Т. А.</i>	176
Глава 10	
Британцы в Санкт-Петербурге времен Анны Иоанновны	
<i>Ковалев М. А.</i>	201
Глава 11	
«Англия из окна дорожной кареты». Концепт «английскости» в представлениях трех русских путешественников (конец XVIII века)	
<i>Орлов А. А.</i>	223
Глава 12	
«Вольные каменщики» в социуме и географии эпохи просвещения: метаморфозы имиджа	
<i>Киясов С. Е.</i>	251
Глава 13	
Рецепция политической философии просвещения в США и России: виги и декабристы	
<i>Филлимонова М. А.</i>	276
Глава 14	
«Свои» и «Чужие» в пространстве домашнего образования и воспитания дворянства в имперской России	
<i>Солодянкина О. Ю.</i>	300
Глава 15	
«Свой»/«Чужой» в англоамериканской войне 1812–1815 гг.	
<i>Алентьева Т. В.</i>	316
Глава 16	
Русофобия в Великобритании XIX века: государство и общество	
<i>Жолудов М. В.</i>	334

Глава 17	
Англофобия и англофильство в контексте повседневных практик российских дипломатических представителей в Иране во второй половине XIX – начале XX вв.	
<i>Лафин А. Б.</i>	348
Глава 18	
Пропагандистское русофобство и прагматичное русофильство: британская пресса о русской армии (вторая половина XIX – начало XX вв.)	
<i>Галкина О. И.</i>	368
Глава 19	
Великобритания в конце XIX – начале XX веков глазами русских современников	
<i>Гелла Т. Н.</i>	390
Глава 20	
Женское движение в Великобритании на рубеже XIX–XX веков в освещении российской прессы	
<i>Науменкова Е. О.</i>	411
Глава 21	
«Глубоко различны те условия, в которых приходится действовать...»: системы образования в США и Великобритании. Взгляд из России (конец XIX – начало XX вв.)	
<i>Чикалова И. Р.</i>	426
Глава 22	
Германия 1920-х–1930-х годов глазами советского общества	
<i>Голубев А. В.</i>	445
Глава 23	
«Свои» и «Чужие»: советские войска в сражениях Великой Отечественной войны глазами французских журналистов	
<i>Терентьева Е. А.</i>	472
Сведения об авторах	492

